

ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ: КОЛЛЕКЦИЯ

Мягкая посадка

Год Лемминга

Менуэт святого Витта

ГРОМОВ

АЛЕКСАНДР

АЛЕКСАНДР ГРОМОВ

Мягкая посадка. Год Лемминга Менуэт святого Витта

ЗВЕЗДНЫЙ
ЛАБИРИНТ
КОЛЕКЦИЯ

АЛЕКСАНДР

ГРОМОВ

Мягкая посадка

Год Лемминга

Менуэт святого Витта

издательство
Москва
2002

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
Г87

Серия основана в 2001 году

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Подписано в печать 22.08.2002. Формат 84x108 1/32
Усл. печ. л. 35,28. Тираж 7000 экз. Заказ № 2568

Громов А.Н.

Г87 Мягкая посадка. Год Лемминга. Менуэт святого Витта: Фантаст. романы / А.Н. Громов. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 668, [4] с. — (Звездный лабиринт: коллекция).

ISBN 5-17-015852-1

Александра Громова называют верным последователем братьев Стругацких. То есть фантастом, рискующим исследовать в своем творчестве проблемы социальные.

Произведения Александра Громова не просто талантливы, но — оригинальны. Увлекательная приключенческая форма и захватывающие сюжеты становятся здесь лишь обрамлением для заданных писателем вопросов. Вопросов, заставляющих всерьез задуматься о прочитанном!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© А.Н. Громов, 1997, 2000.
© ООО «Издательство АСТ», 2002

Мягкая посадка

I. ИЮНЬ

1

На двери подвала под табличкой «Секция самообороны при помощи подручных средств» была нарисована оконная рама. Несомненно, инструктор дядя Коля, приглашенный институтом в качестве эксперта по самообороне, был способен защитить свою жизнь и рамой, однако нас этому не учил, резонно полагая, что оконные рамы в свободном состоянии есть явление неординарное и не у каждого человека под свитером найдутся мышцы, достаточные для выворачивания добросовестно вставленной рамы за приемлемое время. Учитывая институтскую специфику, наиболее ходовым подручным средством при обучении был обыкновенный стул, но уделялось внимание и другим предметам, в том числе нетипичным для территории института, как, например, кирпичи, арматурные прутья или обрезки труб. Институту было все равно, где именно преподаватель будет убит или покалечен. Институт был заинтересован в том, чтобы это случалось как можно реже.

Я вошел и поздоровался. Дядя Коля был один, и все в подвале было как положено: четыре стены, одна из них дощатая и с засиженной жужелицами дверью, пара очень крепких столов из металла и пластика, шкаф габаритами с дядю Колю, стулья разных конструкций и степени сохранности, крохотное, занесенное снегом окошко под самым потолком, настенный портрет сангвинического Генриха Герца в сильно пострадавшей раме и сверху четыре лампы, забранные металлической сеткой. Помятая ржавая урна в углу у двери тоже была на месте, а в другом углу стояла, вытянувшись во фрунт, швабра

без тряпки и сияло новенькое оцинкованное ведро. Раньше их здесь не было.

Дядя Коля повернулся ко мне всем корпусом — по-моему, иначе он не умел, — буркнул мне в ответ что-то отдаленно напоминающее приветствие и, поймав мой обращенный на швабру взгляд, ухмыльнулся. У меня сразу упало настроение. Не нравятся мне эти ухмылки. Если бы я неизвестно почему не ходил у дяди Коли в любимчиках, был бы соблазн подумать, что он собирается облегчить мне задачу. Но черта с два. Я знаю дядю Колю не хуже, чем он сам знает Сергея Самойло. Дядя Коля болезненно переживает, если с его любимчиками что-нибудь случается, и соответственно принуждает их работать в полную силу, хотят они того или нет.

— Ага, — гавкнул он наконец, — пришел?

— Зачет, — объяснил я. — Вот что, дядя Коля, давай сегодня поскорее, ладно? Ей-ей, некогда.

— Некогда? — переспросил дядя Коля. — Вот даже как? Ладно, отожмись-ка для начала.

Переодеваться здесь не полагалось. Обучаемый должен уметь защитить себя в любой момент, то есть прежде всего находясь в заведомо повседневной одежде и при этом максимально используя ее достоинства. Я лег в чем был — темные брюки, темный пиджак поверх свитера — и начал отжиматься, надеясь, что сегодня как-нибудь обойдется. Не обошлось: дядя Коля носком ботинка подтолкнул ко мне стул с обломанной о чью-то шею спинкой.

— Ноги на стул, живо.

С дядей Колей лучше не спорить. Я отжался сколько мог — тридцать один раз. По-моему, совсем неплохо. Потом, понукаемый ядовитыми замечаниями, я отжался больше, чем мог: еще восемь раз. Потом рухнул.

— Дохлятина, — с презрением сказал дядя Коля. — Учи тебя не учи, а как был слабаком, так слабаком и остался. В чем дело: до сих пор девочки на уме?

Я хотел было сказать ему, что у меня сейчас на уме, но раздумал. Руки дрожали, и дыхание никак не восстанавливалось.

— Ладно, — буркнул дядя Коля. — Встань с четырех на две. Посмотрим, как ты сдашь зачет.

Он свистнул подручного. Вот в чем, оказывается, было дело: обыкновенно дядя Коля гонял меня по комнате в одиночку. Теперь их было двое, и швабра с ведром в углу была ой как кстати. Впрочем, подручный тут же преградил мне туда дорогу.

— Одна минута. — Шлепком ладони дядя Коля оживил таймер. — Поехали.

Я хотел попросить его дать мне сначала отдышаться, но он, сделавшись вдруг гибким и ловким, уже двинулся ко мне, на ходу вживаясь в свою роль: походочка резкая, развинченная, но одновременно и пружинящая, губы под моржовыми усами жуют плевок, взгляд поганый. Очень натурально это у него получалось — истинно садист из уличной стаи. Зверь.

Продержаться целую минуту против дяди Коли само по себе отнюдь не просто, против двоих же у меня не было бы никаких шансов, если бы они дрались по-настоящему. Макет «тарантула» из руки подручного я выбил сразу же и позаботился, чтобы оружие отлетело под стол, но легче мне от этого не стало. Дядя Коля сегодня работал исключительно на силу, на свою бычью силу, не хватаясь за посторонние предметы, зато применил все костоломные приемы, которые я знал, и даже один такой, о котором я не знал ничего, но, к счастью, сообразил вовремя. Один раз я достал его стулом, и он удовлетворенно крякнул. Меня он достал дважды и оба раза болезненно — в первый раз я сумел, хоть и с опозданием, блокировать удар, во второй раз успел ушмыгнуть. Подручный был мне незнаком и отнимал много внимания.

Пока идет бой, время никуда не торопится. Минута ударов, блоков, хаканья и треска насилуемой мебели больше похожа на прожитый день, по самое некуда заполненный тяжелой, глупой и никому не нужной работой. Когда заверещал таймер и все кончилось, с меня текло в три ручья. Подручный сразу исчез, унося с собой сломанный стул и расплющенное ведро. Кажется, он торопился. Дядя Коля поворчал в усы, сходил куда-то и включил аварийное освещение.

— Сойдет, — буркнул он, возвращаясь. — Будет тебе зачет. Только в следующий раз ты так нож рукавом не лови — распорешь вену. Усек?

— Усек, — сказал я, вынимая из рукава нож и вертя его в руках. Лезвию было далеко до стерильности, и на нем запеклась кровь. Не моя. Я брезгливо взял нож за лезвие и запустил в дощатую стену — под потолок, чтобы не сразу достать. Потом вытянул из кармана платок и вытер руки.

— Чего это с тобой сегодня? — поинтересовался дядя Коля, влезая на стол и вешая на место портрет Герца. — Неприятности?

Я не ответил.

— А ты нахал, — задумчиво сказал дядя Коля. — Как тебе пришло в голову проводку-то оборвать? Секунды три на халяву поймал. Мой недосмотр.

Когда дядя Коля говорит задумчиво — это опасно. Можно невзначай схлопотать по спине какой-нибудь оконной рамой.

— Как ты мыслишь, дядя Коля, — спросил я, указывая кивком на засевший в стене нож, — скоро у нас в институте появится секция самообороны от ВИЧ-девять?

Он только ухмыльнулся. По-моему, он не боялся ВИЧ-девять. Он вообще ничего не боялся.

— Ну, я пошел? — сказал я полуутвердительно.

— Погоди. — Дядя Коля пошарил под столом, нашел и убрал в карман макет пистолета. Разгибаясь, он попытался заглянуть мне в глаза. Ничего у него не вышло. — Серьезно, что с тобой сегодня?

Я пожал плечами. Со мной сегодня ничего не было. Ничегошеньки. Разве что в этот обыкновенный день мне все особенно осточертело. Мне осточертел институт. Осточертело сдавать еженедельные зачеты дяде Коле. Осточертел холод и серые сугробы на улицах. Пожалуй, мне просто надоело так жить.

А может быть, мне вообще надоело жить? Гм. Ценная мысль. Главное, свежая и оригинальная. Надоело вот, и все. Прямо с утра.

Я об этом потом подумаю, ладно?

— Так, чепуха, — сказал я, изображая улыбку. — Все в норме.

— Это не норма, — возразил дядя Коля. — Сегодня ты был готов убить. И не мотай головой, я видел. Нельзя звереть во время боя. Наша задача — выжить самим и по возможности

дать выжить другим. Даже тем подонкам, что хотят проломить тебе голову. Это ясно?

Это было ясно. Хорошо еще, что дядя Коля не сказал про другую щеку, а то я бы не удержался и спросил, нужно ли подставлять и гениталии. Дядя Коля озверел бы. С его рефлексами бойца и плитами вместо мышц легко быть гуманистом и проповедником ненасилия. В общем, люби человека, и если не желаешь о нем думать, то хотя бы помни о его неприкосновенности. Себе же неприкосновенность обеспечь сам. Куда уж яснее.

Я покивал, соглашаясь. Кажется, дядя Коля мне не поверил. И правильно.

— Зачет-то я тебе поставлю, — неохотно сказал он, — только запомни, что я тебе сказал. А теперь иди с глаз, тебе пора.

Это я и сам знал. Сейчас было половина девятого, а занятия начинаются в девять. И еще было бы неплохо забежать к шефу и дознаться, какую гадость он мне уготовил на следующий семестр. В коридоре, где было посветлее и висело зеркало, я бегло осмотрел фасад и тыл, стряхнул с костюма мелкий мусор и привел себя к каноническому виду. Доцент доцентом. В торце коридора кто-то малознакомый, повесив себе на каждую ногу по блину от штанги, с натужными стенаниями корчился на перекладине, вытягивая подбородок кверху так, будто тонул в непролазном болоте. Морда лоснилась. Из-за двери с табличкой «Секция карате» доносились сочные удары, звуки прыжков и кошачий мяв. Дверь напротив, с надписью, извещающей о том, что секция айкидо находится именно здесь, а не где-то еще, была заперта на висячий замок: по-видимому, инструктор все еще пребывал в реанимации. Теперь секция наверняка распадется, даже если этот непротивленец выйдет на службу завтра. В институте в айкидо уже верят слабо. Гораздо больше верят в подручные средства.

Подвал — гардероб — улица. Снаружи лениво мела поземка и торчали из сугробов мертвые деревья. Небо было низкое, крашенное под пасюка на асфальте. С утра студгородок успели расчистить; редкие ранние студенты, зевая от холода, уже потянулись за разумным, добрым, вечным. Где-то во внутреннем дворе, невидимый отсюда, мычал движком снегоед, про-

бивая каньоны в свежих завалах, и неожиданно взревывал, напоровшись на пень или остаток какой-нибудь ограды. Оттуда тянуло промозглостью и высовывалось облако холодного тумана. Я поежился и плотнее запахнул куртку. Днем, пожалуй, подтает, особенно на тротуарах. Все-таки в городе теплее, чем за ним, градусов на семь, если не больше. Может быть, даже удастся увидеть открытую землю, давно я ее не видел, — черную, сырую, восхитительно липнущую к подошвам, с прелыми мочалками ископаемой травы. Чавкающую. Что ж, может быть, и удастся, день на пятьдесят шестой параллели сегодня совсем не плох. Лето.

Прошлое лето было холодным. Без единой оттепели. Прошлым летом я познакомился с Дарьей, и по выходным мы ходили на лыжах. Подальше за город, куда глаза глядят. Как правило, глядели ее глаза. Я наполнял термос кофе и пихал в рюкзак бутерброды. Мы искали лыжню и, если находили, забирались далеко в глубь леса. Там не так сквозило. Она убегала вперед, потому что лучше меня ходила на лыжах, и ждала меня, когда у нее замерзали руки. А я на эти руки дул. Помню, мы нашли в лесу карликовую сосну, с которой еще не ссыпались иглы, и Дарья объявила это чудом. Потом она хотела еще раз добраться до той сосны, только я не пустил. Незачем. Сейчас на той сосне наверняка не осталось ни одной иголки. Она уже тогда была мертвая.

А вот зимой мы на лыжах не ходили. Зимой мы вообще никуда не ходили, разве что изредка я выбегал за едой и возвращался с фиолетовыми губами и носом цвета снега. Зимой на улицах холодно и почти безопасно, не встретишь даже адаптанта — сидят, надо полагать, по норам, берегут до летнего сезона свое краденое оружие и повышенную любовь к двуногим прямоходящим, жрут то, что удалось добыть в пустых квартирах, дрыхнут, гадят и совокупляются в свое удовольствие. Зимой я переехал к Дарье, потому что в моем доме замерзли трубы, и грех сказать, что это была плохая зима. В институте я маячил от случая к случаю — впрочем, с декабря по март там и не намечалось особенных трудовых свершений: летние каникулы теперь безжалостно урезаны в пользу зимних. Ввиду стихии.

Тут я обнаружил, что никуда уже не иду, а стою в сугробе и прочно в нем завяз. Пришлось выдирать ноги, выбираться

на твердое место и нудно топать, отряхивая ботинки. Конечно, снег проник вовнутрь и теперь противно таял, пропитывая носки. Кроме как доводить человека до простуды, ничего другого он не умеет. Умник, обругал я себя. Ты еще вспомни, как по грибы ходил. По чернушки-волнушки. А как еще успел — хорошо, ребята уговорили — махнуть напоследок в Карелию и как байдарку колотило и ломало на порогах, вспомнить не хочешь ли?.. А по берегам порогов уже лежал и не собирался таять цепкий крупчатый снег, и было пусто, как в яме, вообще в том походе было что-то траурное, река остывала буквально на глазах, к утру тихие плесы схватывало тонким звенящим ледком, и мы ломали лед веслами и двигались медленно, сосредоточенно, стараясь оберечь байдарку от ранений лезвиями ледяных кромок...

Теперь она сгнила, эта байдарка.

Ближе к учебному корпусу снег растоптали в кисель. Здесь толклась небольшая толпа, она задерживалась, обтекая колонны, и тремя струями вливалась в главный вход. Это была осмысленная, векторная толпа, с умеренной составляющей броуновского движения. Люблю такую. Роились студенты потока один, существа знакомые и в целом безопасные — сам когда-то был примерно таким же, а теперь вот читаю им электротехнику. Что до прочих человекообразных с потоков «два-А» и «два-Б» — особенно «два-Б», — то орда этих дубоцефалов выглядит куда хуже. Фауна. Но она появится чуть позже и не в этом крыле здания — потоки мудро разделены во времени и пространстве. Это правильно.

Оставалось еще минут пятнадцать. Я торопливо разделся в гардеробе для преподавателей и заспешил по коридору. Зря, конечно: спешащий у нас всегда не прав и подозрителен, следовательно, рискует нарваться. Разумеется, тут же какой-то самодовольный жлоб из внутреннего патруля пресек мою прыть и не захотел верить протянутому пропуску, после чего я сначала нетерпеливо объяснял, кто я такой, а потом вышел из себя и, кратко объяснив ему, кто такой он, был все же отпущен с миром, но в настроении хуже некуда. Ублажать служебное рвение жлобов — дело препротивное, хотя, я знаю, находятся люди, испытывающие от этого занятия мазохистское удовольствие. Но это не по мне. Куда ни плюнь — либо жлоб,

либо дубоцефал-толстолобик, хорошо еще, что в институте нет адаптантов, по крайней мере теоретически. А вот где люди, хотелось бы знать? Люди-то где?

Дверь в наш деканат визжит, как жертва вивисекции. Люди были здесь. На визг повернули головы сразу трое: юный толстый секретарь из недоученных разгильдяев с протекцией, унылый Вацек Юшкевич с нашей кафедры электрических машин и надменная Алла Хамзеевна, мастер подлежащих и сказуемых с кафедры русского членораздельного для дубоцефалов. За дверью в кабинет декана кричали в два голоса — Сельсин разносил в атомы какого-то неподатливого. Это он умеет. Секретарь, соря на бумаги, ел бутерброд и с интересом прислушивался. Алла Хамзеевна сидела мумией — плоская спина в трех сантиметрах от спинки стула и идеально ей параллельна. Вацек с покорной тоской в глазах слонялся из угла в угол.

Я поздоровался со всеми, а с Вацеком — за руку. Вацек никогда не подает руки первым, это приходится делать мне. Секретарь что-то промямлил сквозь бутерброд, я не понял что. Алла Хамзеевна сурово поджала губы. Она меня не любит, и есть причина. Это она так считает. Никак не может простить, что моих родителей отправили на Юг раньше ее припадочного зятя, хотя по ее заслугам, в чем она глубоко убеждена, следовало бы наоборот, причем вне всякой очереди. Но вне очереди пошел я, и ей это сугубо не все равно. Вацеку вот все равно, а ей не все равно. Бывают такие люди.

— Сельсин у себя? — спросил я.

Алла Хамзеевна сделала вид, что не слышит.

Сельсин — прозвище и сущность нашего декана. Я имею в виду сельсин-датчик. Это не фамилия, а несложный электромеханический прибор. Если ось сельсин-датчика повернется на некоторый угол, на тот же угол волей-неволей должна повернуться ось связанного с ним кабелем сельсин-приемника. В общем, все как у людей.

— У себя, — нерадостно сообщил Вацек. — Только он, по-моему, занят.

Крик за дверью усилился. Теперь орал один Сельсин, орал за двоих, а его оппонент только вякал с последней линии обороны. Сельсин его дожмет, вольтерьянца.

— Как думаешь, это надолго?

Вацек только пожал плечами. Будто поежился. Вид у него был самый несчастный. Вольтерьянец за дверью вдруг страшно заорал: «Я вам так не позволю!..» Позволит он. Еще как позволит. И так позволит, и эдак. Я знаю.

— Я первая, — вдруг сказала Алла Хамзеевна непререкаемым тоном. — Я здесь уже полчаса, а вы только что пришли.

— Пожалуйста, пожалуйста, — уверил я. — Вы так вы. Мне все равно.

Кажется, я ее обидел. Она копит обиды на меня и складывает их в глубокую копилку. Сейчас ей очень бы хотелось, чтобы мне было не все равно, чтобы я полез к Сельсину напролом, пихаясь локтями направо и налево, а она бы не пустила и весь день ощущала бы удовлетворение от выполненного долга и причастности к высшей справедливости. Нет уж, дудки ей. И большой тромбон.

— Ты-то чего здесь? — спросил я Вацека.

— Своих на Юг отправляю, — скорбно пожаловался он. — Бумагу вот подписать. И еще... — Он замялся.

— Давно пора, — одобрил я. — Почти все уже стариков отправили. А куда предлагают?

— Нефтекумск, — с тоской сказал Вацек. — Вы, случайно, не знаете, где это?

— Да уж, наверное, не на Таймыре, — хмыкнул я. — Ты чего такой скучный? Кавказ, должно быть, или где-то около... Совсем не так плохо. Да, точно. Северный Кавказ. Или около.

— А там зимой тепло? — спросил Вацек.

Этого я не знал. По здравой логике, летом, пожалуй, не холодно, ледник далече. А вот зимой... Я развел руками. Вацек много от меня хочет. Погодой на Кавказе я пока еще не заведую.

— А вы, Сергей Евгеньич, своих куда отправили?

— В Туапсе, — сказал я с неловкостью.

— А-а...

Нотку зависти в его голосе я все-таки уловил. Но так, самое чуть-чуть, на пределе чувствительности. Мне опять повезло больше, чем ему, а Вацек убежден, что так и должно быть, и разубедить его в этом нет никакой возможности. Он всегда относился ко мне с громадным пиететом, еще с тех пор как я, тогда вечно злой от бессонницы аспирант и сам вчерашний

студент, за неимением других погонял оказался у него в руководителях дипломного проекта. Крупных звезд с неба он не хватал, мелких тоже, но был как-то трогательно старателен и после диплома остался на кафедре инженером. Субординацию он и тогда уважал, и теперь уважает, только у него она особая. В его табели о рангах на втором месте, сразу после Сельсина, вписана моя фамилия, и, кажется, навечно. Он сделает для меня что угодно, но говорить мне «ты», на что я не раз и не два пытался его подбить, органически не способен. Если я скажу ему, что в интересах дела завтра его повесят, он придет со своей веревкой и мылом в кармане. Мне с ним бывает неловко. Вот как сейчас.

— Некоторые считают, что главное — устроить своих родственников, — сказала Алла Хамзеевна, глядя прямо на меня, — а там хоть трава не расти и остальные пускай отправляют родителей околевать в этот самый Земноводск...

Я ее проигнорировал.

— Тут... м-м... такое дело... — сказал Вацек. Было видно, что он не знает, как начать. — Э-э... Ржавченко умер, вы знаете?

Секретарь икнул и укусил бутерброд. На меня сдержанность Вацека тоже произвела впечатление. Умер... гм. В общем, конечно, умер. Похоже, процесс был не лучше результата. Истерзанный труп Ржавченко был найден вчера между новым корпусом и спортзалом какими-то студентами со второго потока на отработке трудовой повинности по уничтожению снега. Говорят, долго не могли опознать. Студентов сейчас трясут, но много ли вытрясут, неизвестно.

— Еще бы, — сказал я. — Жаль, хороший был мужик. Кремация, кажется, послезавтра. Ты пойдешь?

— Н-не знаю... Да, наверное. Я это... Я... э-э... вот что хотел сказать... Раз уж его убили... — Слова из Вацека шли туннельным переходом, пробиваясь сквозь потенциальный барьер. Он страшно мучился и вид имел такой раскаянный, будто сам и убил. — Тут... э-э... вот какое дело...

— Ржавченко читал лекции в «два-Б», — опять встряла Алла Хамзеевна, и Вацек кинул на нее взгляд, отчаянный и благодарный одновременно. — И еще вел семинары в трех группах.

До меня начало доходить.

— Угу, — произнес я с пакостным предчувствием. — И кому теперь все это... добро?

— Вам, конечно, — с энтузиазмом сказала Алла Хамзеевна. — Вы у нас молодой и способный, даже чересчур, вам и палку в руки...

Я исхитрился сдержаться, чтобы ее не убить.

— Вам только лекции, Сергей Евгеньич, — поспешил вставить Вацек. — Семинары будут у Конюхова, он как раз сейчас там...

Там — это, конечно, у Сельсина. Я прислушался. В кабинете декана уже не кричали. Сельсина слышно не было, а второй голос — теперь я и сам узнал Конюхова — упрашивал, настаивал, умолял... Тоже напрасное занятие. Если Сельсин позволит слезам и соплям влиять на свои решения, на его место пришлют кого-нибудь другого.

— Ясно, — сказал я, стараясь не выражать эмоций. — Меня, надо полагать, тоже обчистили. Не знаешь случайно, что отбирают?

— Кажется, знаю, — сказал Вацек, глядя себе под ноги. — Лабораторные в первом потоке. Но это, по-моему, еще не наверняка...

Секретарь потерял интерес к разговору, зевнул и жизнерадостно потянулся. Потом поискал под столом, поймал жужелицу и принялся обрывать ей ноги.

— Так... И кому отдают?

— Мне. — На Вацека было жалко смотреть.

Я медленно сосчитал до десяти. Потом эта дура Хамзеевна, не удержавшись, хихикнула, и я продолжил счет. Ай, спасибо! Спасибо Вацеку и спасибо Алле Хамзеевне. Очень вовремя вы здесь оказались, вот что я вам скажу. Не будь вас, я бы сейчас прямиком рванул к Сельсину драть глотку и терять от обиды лицо. Как вот сейчас Конюхов. Хотя, конечно, всучить дубоцефалов, да еще с потока «два-Б», взамен нормальных студентов — это подлость, которую я Сельсину не прощу. А еще это необходимость, и поэтому никуда ты, голубчик, не денешься и некуда тебе деться. Ну выразись покрепче, если невмоготу. Ну стукни кулаком где-нибудь подальше от Аллы Хамзеевны. Скрути в бублик того, кто от тебя зависит. В конце концов, напиши крупными буквами на бумажке: «Это твой

долг!» — и утрись ею. Может, полегчает. Алла Хамзеевна сияла. Специально для нее я пожал Вацеку руку:

— Поздравляю. Рад за тебя. Если будут какие-нибудь проблемы, можешь на меня рассчитывать, идет?

Он кивнул.

— Напрасно вы так сидите, Алла Хамзеевна, — сочувственно сказал я, покидая деканат. — Вот именно так геморрой и зарабатывают...

Ай-ай-ай... Зря это я. Глупо. На четвертом десятке уже поздновато гоняться за дешевыми удовольствиями, разумнее озаботиться сохранностью центральной нервной. Первая заповедь дяди Коли: если уж бьешь, то бей так, чтобы оппонент не встал. В противном случае лучше улыбайся.

И тут дядя Коля, безусловно, прав.

2

С девяти до одиннадцати — семинар в шестой группе потока «два-А». Это я люблю. На семинарах куда безопаснее, чем на лекциях или в лаборатории, к тому же сегодня как раз зачет. Очень люблю. Можно не слишком дрожать за свою шкуру: на зачете ты с потенциальным противником всегда один на один.

Сидят, пялятся на вопросы, напрягают скудные мозги. Сложной техники им не дают, и правильно делают, а видеодоску и световое перо легко заменить, если что. Впрочем, дубоцефалы — народ, как правило, мирный, а для защиты от скрытых адаптантов придумана преподавательская кабинка на две персоны, стойкая к воздействию извне, и не только она одна.

Сижу в своей цитадели, слежу по экранчику, что там у них на досках. Н-да... Как обычно. Вот один пишет и стирает, пишет и стирает, решая непосильную задачу на обобщенный закон Ома. Другой, высунув от усердия язык, бездарно рисует порнографическую картинку. Варвар, да разве ж в этой позиции что получится? Ладно. Я им займусь с пристрастием, и не только потому, что не люблю, когда перевирают анатомические пропорции. Мне эта рожа давно не нравится.

У остальных — пока ничего. Когда от твоей работы нет отдачи, это задевает. И очень хорошо, что дубоцефалы учатся

не четыре с половиной года, а два с хвостиком, по усеченной программе. По-моему, для того, чтобы обслуживать рубильник, и этого много. Вот, скажем, поток «Э» — элита — учится семь лет, да так, что только пар идет. Впрочем, какой это поток — струйка тощая, не на что смотреть. Ручеечек. И с каждым годом он все больше хиреет, а хотелось бы наоборот. Защитным энергостанциям нужны специалисты, а не обслуживатели рубильников, нужно было спохватиться еще лет двадцать назад, когда только-только сформировались и пришли в движение первые ледники. Но тогда даже адаптанты не признавались проблемой номер один и уж подавно никто не хотел верить, что наше межледниковье кончилось столь внезапно. А что, не нравится? Нет, только честно: вы в самом деле не ждали? Смешно мне с вами, ребята, а было бы еще смешнее, если бы вы ждали и готовились: что бы вы тогда сделали? На холод, ребята, на холод! Валяйте, выдумывайте свою Глобальную энергетическую программу, фабрикуйте для нее специалистов, спешите. И извольте принять тот факт, что семьдесят процентов населения теперь составляют такие вот дубоцефалы.

Эти, с потока «два-А», в сущности, не вполне еще дебилы, и на уровне спинного мозга с ними можно иметь дело. Что же касается «два-Б», то я не понимаю, зачем их вообще учат. Похоже, только для того, чтобы чем-нибудь занять. И скрытых адаптантов среди них гораздо больше: у каждого студента генокод не проверишь, спасибо, что сделали это для преподавателей. Вот я — человек, и мой генокод в порядке. Могу показать свидетельство, если кто-нибудь пристанет.

— Чермных, ко мне!

Идет. Хорошо идет. Грудь у нее большая и классическая. Сколько чего у одного места отнимется, столько к другому непременно и присовокупится. Воистину так, Михаил Васильевич. Ну, что там у нее? Гм... да. Мерзость запустения. Лесотундра. А эта дура еще что-то лопочет.

— Не так, — говорю. — Глупости. Запомните. Первый закон Кирхгофа: сумма токов в узле равна нулю. Второй закон: сумма напряжений по контуру равна опять-таки нулю. Это ясно? — Она кивает головой и грудями. — Повторите. — Сбивчиво повторяет. — Достаточно. Зачет. Марш отсюда.

Убегает, счастливая.

— Филенков, ко мне!

Идет. Ухмылка такая — гланды видно. Это тот, с порнографией. Художником ему не бывать. Техником на энергостанции, очевидно, тоже. Сейчас я его расколю, ошибку природы, только нельзя выпускать это мурло из поля зрения. Ни в коем случае... Под столом кнопка... *Где?..* Ага, вот тут, под ногой, вот она, голубушка.

— Садитесь.

Странно, задача у него решена. И картинку он стер, а подсказал ему стереть не иначе тот, кто решил задачу. Ну ясно. Вопрос дебилу. Молчит и щерится. Ответа и не жду. Еще вопрос. Щерится и молчит. Ну, теперь пора.

— Дурак, — говорю без выражения. — Толстолобик. И без зачета хорош. Выматывайся. Придешь на следующей...

До каждого скрытого адаптанта рано или поздно доходит, что преподаватель тоже уязвим. И тогда в его глазах внезапно вспыхивает бешенство, такое, что нормального человека просто отшатывает в сторону. Важно не прозевать этот момент. Жуткое бешенство, нечеловеческое. В сущности, адаптант и есть нечеловек, только он этого не знает. Любопытная это штука — глаза адаптанта. Такой же видовой признак, как шерсть у мамонта, и подделать невозможно: адаптанты нутром чуют чужого. Если бы мы могли внедрять своих людей в уличные стаи, в городе, пожалуй, можно было бы жить. Давлю ногой на кнопку. Спецкоманда обязана прибыть по вызову не позднее чем через сорок пять секунд.

Олух царя небесного, ну кто же кидается на преподавателя с голыми руками! Да еще через стол. Этот стол специальный: выродок не может достать меня в броске и, теряя секунды, вынужден лезть поверх, вроде чудо-богатыря, покоряющего Альпы. Не спеша подсекаю ему ногу и слежу за тем, чтобы черепная крышка пришла в соприкосновение с крышкой стола. Большего не требуется: письменный стол вполне надежен как подручное средство. Глухой стук — и, собственно, все. Оползень расслабленного тела со стола на пол крайне неэстетичен. Адаптант жив, но сотрясение мозга, или что у него там, уже имеет. Дядя Коля учит дозировать силу воздействия.

Оправляю рукав и смотрю на время — прошло, должно быть, секунд шесть. Нормально. Остальные тридцать девять я

отдыхаю в ожидании спецкоманды. А они врываются с хрипом и топотом, едва не высадив дверь и гремя наручниками. Я величаво указываю перстом, и спецкоманда, стреножив смутьяна, выволакивает его вон — надо полагать, на экспресс-проверку и далее по этапу в резерват. Ноги волочатся по полу. Мне суют мятый бланк, и я расписываюсь. Сдал — принял. Почему-то именно эта бумажка производит на дубоцефалов сильнейшее впечатление. Сидят, раззявя рты. Предметного урока им хватит, пожалуй, до начала следующего семестра, вряд ли дольше. Потом опять держи ухо востро.

Интересно, кто свой среди чужих в этой группе и почему он проморгал явного адаптанта? Этот? Нет, пожалуй, вон тот. Или нет? Ладно, это не мой уровень, спрашивать работу с дятлов низкого полета не входит в мои служебные обязанности, и слава богу. И знать их в лицо мне тоже не полагается. Но все-таки интересно.

Некоторое время сижу неподвижно, тупо гляжу перед собой и давлю в себе непрошеное чувство жалости. Глупо и неуместно. А к кому жалость — к этой морде? И почему жалость? Потому что выродок не виноват, выполняя то, что заложено в него природой? Бунтуют гены потомственного интеллигента, переполняются идиотским сочувствием... А ведь эта протоплазма вполне могла меня убить. Да. И убила бы, если бы не дядя Коля. Страшно подумать — читать лекции в «два-Б». Сто морд с лягушачьими глазами, сто жвачных рыл... а я им про сигнальные графы Коутса. В гробу они их видели. Буду выписывать формулы, а они на букве «омега» начнут поощрительно ржать, полагая, что я специально для их удовольствия изобразил задницу. И самое главное — придется поворачиваться к ним спиной, а это хуже всего. Не дай бог, попадется необорудованная аудитория. Правда, у меня полный зачет по самообороне, не так уж и плохо... Хм. У Ржавченко тоже был полный зачет.

— Рыбин, ко мне.

Субтильный вьюноша, какой-то пришибленный. Лицо хорошее, а взгляд тупее некуда. Но задачу адаптанту решил он, или я ничего не понимаю в своей профессии и гнать меня надо. Не дятел он, это точно. И заведомо не адаптант. По-моему, он даже не дубоцефал.

— Ну, выкладывайте.

Пришибленный начинает объяснять, водя пальцем и мучительно подбирая слова. Экает и мекает. Там, где есть синонимы, он выбирает самый идиотский.

— Достаточно, — останавливаю. — Почему вы не учитесь в первом потоке?

Глупо моргает, запускает в нос палец по вторую фалангу включительно и хлопает ртом, как уловленный карп. Переигрывает.

— Ну хватит, хватит, — жестко говорю я. — Поиграли, и будет. Мне все ясно. Не хотите быть откровенным — не надо. Вы не дебил и занимаете чужое место. Я буду вынужден сообщить о вас в сортировочную комиссию.

Я вовсе не шучу, и до него это доходит. Сгоняет с лица дурацкое выражение. Затюканность остается.

— Не надо. Пожалуйста, не надо...

Лжедебил косится через плечо, на лице испуг. Настоящий испуг со сфабрикованным я не спутаю.

— Можете говорить, здесь звукоизоляция.

Он сбивчиво объясняет свою ситуацию. Вышибить из меня слезу не пытается, и мне это нравится. Он не может отправить из города мать и сестру. Нет, не обязательно на Юг. У них нет возможности уехать. Когда в прошлом году он принес документы, то сразу спросил, будет ли рассмотрена просьба о сдаче экстерном. Его спросили, не считает ли он здесь себя умнее всех. Ему ответили, что нет. Тогда он обманул сорткомиссию. Он должен, он обязательно должен окончить институт в два года, больше им здесь не выдержать. Когда он поедет по распределению, он сможет взять с собой родных, он узнавал.

Задаю наводящие вопросы, бью в цель. Мать? Да, больна. Нет, это с ней недавно, после того как сестра попалась к адаптантам и двое суток ее не могли найти, а так она женщина крепкая... Сестра? Нет, сестренка жива. Но... В общем, с ней...

Что с ней, я, к сожалению, очень хорошо понимаю.

— Ты вообще в своем уме? — говорю я сначала спокойно-увещевающе, как старший, который якобы дальше видит и лучше знает. Потом не выдерживаю, луплю кулаком по столу, ору и брызгаюсь: — Умник! Лопух развесистый! Обрадовался — два года! Да с таким дипломом ты всю жизнь

будешь сдувать пыль с вольтметров на какой-нибудь энергостанции в Лабытнанги! Всю жизнь, до тех пор, пока вы там со своей энергостанцией не вмерзнете в лед, это ты понимаешь?

Он уныло кивает. И вдруг начинает с увлечением объяснять, что все не так страшно, как мне кажется, нужно только уехать отсюда и переждать несколько лет, а там все непременно изменится, не может быть, чтобы не изменилось, не бывает такого...

Подобные разговоры длятся пять минут, а устаешь от них, как от тренировки в подвале у дяди Коли. Парень по-своему прав. И я ничего не могу для него сделать. Только лишь не трясти языком где попало, а ведь парню большего и не надо... Иногда думаешь, что тот, кто придумал наше общество, был ненормальным от рождения.

— Идите, — киваю обессиленно. — Зачет. И... удачи вам.

Благодарит. Уходя, оборачивается:

— Простите, Сергей Евгеньевич, а как вы узнали?

— В задаче у вас ошибка, — говорю, — такая дурацкая, что даже талантливо.

— Спасибо, — говорит. — Большое вам спасибо. Я приму меры.

И примет. Скорректирует тактику, начнет репетировать перед зеркалом пускание слюны и больше не попадется. Я таких знаю.

— Довгонос, ко мне!

Очередной экспонат моей кунсткамеры боком выползает из-за стола и бредет ко мне в кабинку. Этот вполне натурален: на лице неизгладимые следы интеллектуальной недостаточности, с виду ближе к олигофрену, чем к дебилу, и вонюч вдобавок. Что у него, недержание? Это он хорошо придумал — пойти учиться. Сидел бы лучше дома, ходил бы, если не лень, в другую кабинку...

А в моей кабинке миазмам некуда деться, кроме как мне в нос.

— Зачет! — кричу. — Пшел! Ф-ф... Вон отсюда! И дверь не закрывай!.. Следующий! Эй, следующий! Кто готов?

Люблю зачеты.

3

Что ценного осталось в институте еще с доледниковых времен, так это обеденный перерыв и преподавательская столовая. Чисто, опрятно, несуетно, салфеточные вигвамы на тарелках, а главное, можно быть почти уверенным, что под видом голубцов или шницеля тебе не скормят залежалые пищевые дрожжи четвертого сорта. Здесь все натуральное, по крайней мере я так думаю. А та плесень, говорят, произрастает на нефтяных фракциях, и неплохо, говорят, произрастает. Ну и пусть себе. На чем ей придется произрастать, когда Глобальная энергетическая начнет пожирать без остатка все, что горит, хотелось бы знать. На фекалиях?

Здравая застольная мысль.

Над соседним столиком Гарька Айвакян с кафедры автоматики терзал толстый антрекот. Жевал, тщательно собирал на вилку зелень. Вообще-то он Гагик, а не Гарик, о чем сам уже вряд ли помнит. Москвич в энном поколении, в смысле родного языка не владеет даже акцентом, так называемой этнической родины в глаза не видел, и во сне она ему, наверное, не снится, так он ее пытается уловить через кинзу и всякий прочий силос. Тоже способ. При моем появлении Гарька отвлекся от этого занятия и вонзился в меня взглядом.

— Ну, — спросил, — как?

— Изыди, — попробовал отбиться я. — Как обычно.

— А как обычно? — тут же прицепился он. Я вздохнул.

— Гаденыша одного сегодня отловил. Ржавченко убили. Кретинов опять суют — учи, говорят. Чего тебе еще? Все нормально. А у тебя?

— И у меня нормально, — сказал он и снова включился в борьбу с антрекотом.

Очевидно, мои новости Гарьку не заинтересовали. Даже странно. Его зеленью не корми, дай выяснить чужую позицию по основным вопросам мироздания. О том, что теснота общения, как вообще всякая теснота, противна человеческому духу, он думать не хочет и на инспирированную им же грубость не реагирует.

А может, сегодня ему просто-напросто достался жесткий антрекот?

Я не спеша доел голубцы и сунул тарелки в дробилку. Обеденный перерыв кончался. Я задумался. По идее, мне сейчас следовало поспешать на кафедру, и поспешать рысью, потому что мне платят деньги не за то, что я в столовой думаю о фекалиях, а за то, что я всегда там, где мне нужно быть, а быть мне сейчас нужно в лаборатории. С другой стороны — я заметил, что иду уже медленнее, — сегодня мне туда идти как раз не обязательно, Сельсин скорее всего уже утвердил вместо меня Вацека, так что плюну-ка я лучше на все отравленной слюной и поеду к Дарье. Тем более что нынче дополнительное занятие и придут только изгнанные с предыдущих лабораторок за неподготовленность разгильдяи да еще хворые с бумажками о хворобах — эти две категории обучаемых сильнейшим образом пересекаются. Вацек справится. Не забыть бы поговорить насчет него с дядей Колей.

Наверное, я все-таки соскучился по нормальным людям — иначе не объяснить, почему я свернул к лабораторному корпусу. Вацек так Вацек. Сейчас я воспринял бы даже Хамзеевну.

Должно быть, прежде, в былые времена, башня лабораторного корпуса смотрелась неплохо, умиляя прохожих конструктивистскими изысками прошлого века, — но теперь здорово напоминала гигантский заснеженный пень. Здесь, сколько я себя помню, расчищали только дорожку перед входом: во-первых, снегоедам было негде развернуться, а во-вторых, на кафедре после продолжительных дебатов возобладало мнение, что в снегу теплее. Снегу навалило по третий этаж, и сквозь могучие завалы, вроде последнего привета от утопленников, просачивался слабый оконный свет. По вечерам это было даже красиво. Сейчас вокруг корпуса крутился туман: на Красноказенной со вчерашнего дня яро ломали асфальт и крушили экскаватором обогревательные трубы, а зачем — поди пойми. На тротуарах и не думало подтаивать, лишь стих ветер и все так же падал ленивый снег, сеялся вертикально черт-те откуда. Он так способен сеяться неделями, я его знаю, и торопиться ему глупо, у него впереди весь ледниковый период. Звуки куда-то пропали, было ватно. На вершине монументального сугроба мерз почем зря пегий голубь на одной лапе и косился на меня красным, как у плотвы, глазом. Мало их теперь осталось, но еще живут и, наверное, размножаются. Это правиль-

но. Тут такое дело, божьи твари: кто быстрее приспособится, тот и выживет, ясна задача?

Адаптантам она ясна вполне.

4

Пока будет что охранять, будет и охрана. А когда охранять будет нечего, она все равно будет. Сначала я предъявил пропуск при входе, потом у дверей кафедры — там тоже сидела тетка и тоже толстая, как цистерна. Она меня не знает. Миллион раз мимо нее ходил, а она меня не знает. Пыхтит, смотрит пропуск, потеет... Интересно, зачем ей кобура с «тарантулом», если она свой палец в предохранительную скобу ни за что не просунет? Увы, генотест подтверждает, что мы с ней (теткой, а не скобой) принадлежим к одному биологическому виду. Жаль.

— Все в порядке, проходите.

Ну, спасибо тебе, родная. Ну, обрадовала.

В лаборатории не нашлось никого, лишь маячил одинокий студиоз, напрасно вскочивший с места при моем приближении, зато в лаборантской я накрыл сразу обоих — Вацека и Сашку Столповского, лаборанта. Сашка сидел за столом и что-то строчил на листе бумаги.

— А, дети подземелья! — сказал я. — Сачкуем?

— Гы! — сказал Сашка и не поднял глаз. Вацек робко улыбнулся. Робко и виновато.

Когда мне с ним не бывает неловко, он меня раздражает. Ему нужна накачка, как лазеру, а пока накачки нет, Вацек так и будет стоять и улыбаться. Заставить Сашку работать он не может, а оставить лодыря в покое ему мешает принадлежность к породе выпрямителей пизанских башен. По-моему, прогресс гораздо чаще рождается не в борьбе идей, а в мучительном перетягивании каната на уровне классических инстинктов.

— Ну?

— Сейчас, сейчас, — сказал Сашка. — Я скоренько.

Я уже понял, что он пишет. Сегодня он был опять пойман на входе как злостно опоздавший и препровожден в караульное помещение — очень зря. Сашка был задирист и мстителен. Такого он не прощал и уже успел отослать Ельсину ядо-

витую объяснительную, а теперь потел над докладной в адрес начальника охраны. Я пробежал бумагу вполвзгляда. Документ был неотразим и изобличал всю гнусную подноготную вахтерши, «которая из-за явно неполного служебного соответствия, выражающегося в служебной медлительности, допускает образование при входе в корпус очереди мерзнущих сотрудников вследствие непрерывного рассказывания означенной вахтершей анекдотов сомнительного свойства и обсуждения интимной жизни начальника охраны непосредственно в рабочее время», а также — это все знают — бегает за пивом в буфет, бросая свой пост. Были в бумаге и трогательные слова о добросовестности, о попранном служебном долге, о палках, торчащих в колесах Глобальной энергетической, и о поврежденной электрической плитке, используемой в нарушение противопожарной инструкции от 18 ноября 2027 года.

— Силен, — сказал я. — Тебе бы должность — был бы страшен.

— Угу, — сказал Сашка. — Естественно. Вследствие служебной медлительности.

— Бросай рукоделие. Студенты ждут.

— Много? — испуганно спросил Вацек.

— Много не много, а один ждет. Может, и еще подойдут. Ты чего уши развесил? Бери этого лодыря за зебры, чтоб бумагу не изводил, и тащи. Ему вкалывать надо.

— А в Канаде мамонта оживили, — вдруг сказал Сашка. — Вы не слышали?

— Нет, — сказал Вацек.

— По экрану показывали, — сказал Сашка и даже облизнулся в предвкушении. — Что, никто не видел? Ну, так я вам расскажу. Пять лет генокод читали, пока разобрались. Своихто мамонтов свежезамороженных у них нет, так наши им по линии добрососедства от Березовского, музейного — полхвоста за валюту, неужели не слышали? Сделка века! Ну, долго, я вам скажу, они мыкались, пока своего не воспроизвели. У них там целая программа была: первый зверь экспериментальный, а потом, значит, нарастить поголовье и пустить вольным выпасом по всей Канаде, чтобы мясо всегда свежее. Коровы, свиньи повымерзли — так? Так. Это раз. Мяса всем хочется — два. Овцебыки ихние — мелюзга с рогами, там смотреть не на

что. Мамонту в подметки не годятся. Ну, вырастили, значит, канадцы мамонта в лаборатории, так он им все приборы ногами передавил, и пришлось его раньше времени из-под контроля на вольный выпас. А он там взял да и сдох через два дня.

— Замерз? — хмыкнул я.

— Напутали с генокодом? — спросил Вацек.

— Куда там! Начал было этот мамонт снег в лесу клыками разрывать, траву искал. А под снегом в том месте черт знает с каких времен — капкан на гризли, ржавый. Но сработал: хлоп — хобота нет. Напрочь. Мамонт отдельно, а хобот отдельно. А кому нужен мамонт с хоботом отдельно? В таком виде он сам себе не нужен. Потосковал-потосковал и помер. Канадцы в шоке: исходного материала-то у них совсем не осталось. А вторую половину хвоста мы им продать отказались, как ни упрашивали. Во-первых, она оказалась слоновьей, а во-вторых, самим нужна.

Вацек принужденно улыбнулся.

— Болтун, — сказал я. — Мамонты ему, бездельнику. Ты мне зубы не заговаривай. Ты мне лучше вот что скажи: когда на четвертом стенде коллектор искрить перестанет?

— А он разве искрил? — удивился Сашка. — Ну ладно, ладно, верю. И... что?

— А ты не догадываешься?

— Почистить?

— Вот именно.

Сашка глубочайше вздохнул и посмотрел на меня. Потом на Вацека.

— Вацек, — пропел он томным голосом умирающего лебедя. — Ваценька...

— Нечего тут, — сказал я. — Марш работать.

Сашка обиженно посопел, отложил недописанную кляузу и полез ковырять пальцем в ухе. Правым мизинцем в правом ухе. Я все понял.

— Слушай, Вац, — сказал я просительно. — Может, ты пока включишь там, а? Погоняй в разных режимах, и студента тоже, а я тут покажу кузину маму этому дармоеду. Лады?

Вацек не может вынести, когда я говорю просительно. Разумеется, он тут же вышел, даже не взглянув на Сашку, и минуту спустя за стенкой уже что-то гудело, завывало и даже, возможно, искрило. Мы с Сашкой остались вдвоем. Шутки

кончились. Теперь я остро чувствовал, что лучше мне было сюда не ходить, а ехать прямиком к Дарье. Помимо общения с Сашкой, есть очень много других способов испортить себе настроение.

— Ну что, хохмач? — спросил меня Сашка голосом начальника.

— Что-что? — строптиво спросил я голосом начальника рангом выше.

Сашка терпеливо покопался в брючном кармане и извлек ключи, вряд ли что-нибудь отпирающие, но зато с брелоком, выполненным в виде большеголовой кошки с тигровой расцветкой и отчаянным взглядом жертвы валерьянового похмелья. Оба глаза кошки горели зеленым — жукодав и вакуумфильтр работали в штатном режиме.

— Нас не слышат.

— А нас слушают? — спросил я. — Был бы очень польщен, что кому-то нужен.

— Ты этот тон брось, — сказал Сашка. — Ты у меня уже вот где сидишь. Что у тебя по основной теме?

— Ничего, — ответил я.

— Почему?

Я скорчил гримасу.

— Потому что ничего и быть не может. Пусто. Бред эта ваша основная тема, по-моему. Ты сам вникни: откуда, ну откуда среди преподавателей может взяться адаптант? Рожу я вам его, что ли?

— Интересная мысль, — похвалил Сашка. — Есть аргументы?

— Пожалуйста, — сказал я, закипая. — Вот тебе аргументы: мы им просто не нужны. Точнее, мы им нужны лишь постольку, поскольку обеспечиваем им своеобразную экологическую нишу, хотя вряд ли они способны это понять. Если бродячая собака остановилась около столба, сие еще не значит, что она станет читать расклеенные на столбе объявления, есть у меня такое личное наблюдение. У собаки просто иные намерения. Что я, адаптантов никогда не видел? Сколько угодно и каждый день. Зато никогда не видел кишечных паразитов, сующихся управлять мыслями своего хозяина. Уровни различны — суть одна. Между прочим, каждый преподаватель дваж-

ды в год проходит стандартное генотестирование, а раз в два года — проверку по форме А-плюс, и без никаких. Во избежание. У вас там, надеюсь, известно, что такое форма А-плюс? Если даже допустить дурацкое предположение, что где-то среди нас существует выродок-супер, способный маскироваться под человека на уровне, превышающем наши возможности чтения генокода, то мы его просто не сможем найти. Это хоть ясно?

— Это ясно, — сказал Сашка. — Такого рода аргументы оставь при себе. Можешь мне поверить, он существует. И наша задача — его найти.

Ну вот, опять сказка про белого бычка. Я удержал себя в рамках. Вообще-то иногда полезно покричать на свое непосредственное начальство, но сейчас был явно не тот случай. Сашка не Сельсин. В Сашкином ведомстве крика не ценят.

— Что удалось сделать? — спросил он самым заурядным голосом.

Я рассказал ему, что мне удалось сделать. Это не заняло много времени. Сашка кивнул.

— Понятно. Круг подозреваемых?

— Я никого не подозреваю.

— Круг наиболее вероятных кандидатов в адаптанты, — уточнил Сашка. — По объективным параметрам.

Я наконец понял, чего он хочет, и тоска навалилась на меня как-то сразу. Мертвая это была тоска, неудержимая и безнадежная. Очевидно, если только я правильно понял, поимка скрытого адаптанта представлялась ему в виде какой-то алгебраической задачи — во всяком случае, формализуемой задачи. Или... не ему? Все может быть. Интересно, кто он по званию? Вряд ли Сашка принимает решения сам, скорее всего это делает за него кто-то другой, и вот ему, другому, почему-то кажется, что здесь применимы традиционные методы его родимых пенатов вроде игр в агентурную сеть и системный анализ. Даже внешне Сашка куда как подходит для игр в агентурную сеть: обыкновенное бесцветное рыло, глазу не за что зацепиться, сто раз увидишь и не запомнишь, хоть удавись. И в голову не придет запомнить.

— Я. Ты. Он. Они. Любой из нас.

— И Вацек Юшкевич?

— А что — Вацек? — спросил я, настораживаясь.

— Только то, что у него родная сестра в адаптантах. Она теперь в резервате, он ей зачем-то письма пишет. Ты знал?

Нельзя сказать, что мне вдруг стало смешно. Мне стало тошно.

— Не знал. И ничего удивительного. Такое скрывают. Я бы на его месте об этом не болтал, да и ты тоже.

— Вот как? — сказал Сашка. — А тебе не кажется, что у него есть особая причина это скрывать?

— Само собой, — с готовностью согласился я. — Естественно, особая. Та же самая причина, по которой скрывают от посторонних, например, грыжу в паху. Или гонорею.

— Не хотите меня понять, Сергей Евгеньевич, — задумчиво проговорил Сашка, отчего-то перейдя на «вы», — меня это насторожило, — совсем не хотите... Неважная, прямо скажем, работа, отдачи не видно. Вы все-таки присмотритесь к Юшкевичу повнимательнее, мой вам совет. Не век же ему ржаветь в лаборатории, думаю, рано или поздно ему доверят и семинары в первом потоке, а мы позаботимся, чтобы доверили, вот вы и присмотритесь. Домой его пригласите, сами понимаете, дружеская встреча коллег за рюмкой...

— Это совет или задание? — перебил я.

Сашка осклабился:

— А что, есть разница?

Я начал считать до десяти. Очень может быть, что личина нахального сопляка, давно засевшего у всех в печенках, и удачна для его профессии, не мне судить, только меня она раздражает. Если они там все таковы, тогда я ошибся адресом. Боюсь, что когда-нибудь этот тип доведет меня до применения подручных средств, будь он хоть трижды офицером нацбеза. Боюсь, что он сам этого хочет.

— Ясно, шеф, — сказал я. — Будет сделано, шеф. Непременно.

Сашка равнодушным щелчком сшиб со стола толстую жужелицу. Отлетев рикошетом от стены, насекомое упало на спину и засучило лапками.

— Нечисть, — брезгливо сказал Сашка. — Везде нечисть, что в людях, что вокруг. А ты еще смеешь паясничать. Что за

народ пошел: плюнешь в рот — драться лезут... Ты мне скажи, когда ты в последний раз видел обыкновенного таракана?

— Ладно, молчу, — сдался я. — Один вопрос. Есть ли хоть какие-нибудь признаки того, что у нас в преподавательском составе действительно находится адаптант?

— Допускаю, что не в преподавательском, — сказал Сашка. — Возможно, в административном. Хуже всего, если в сорткомиссии.

Я машинально потер подбородок. Все-таки воображение у Сашки есть, зря я ему хамил. Даже страшно подумать, чем это может кончиться, — адаптант в сорткомиссии. То-то последнее время у нее столько брака, а то ли будет... Одного адаптанта в сорткомиссии хватит, чтобы развалить институт до основания. — А вот зачем, спрашивается? Мешает он ему? Глобальная энергетическая ему поперек дороги? Концы с концами не сходятся. Да нет, все это какая-то зловредная чепуха, не может адаптант прикидываться человеком, а если может, то он и есть человек...

— А признаки? — спросил я.

— Будут признаки, — сказал Сашка. — Вчера убили Ржавченко, и это ты, конечно, уже знаешь. На прошлой неделе факультет потерял еще двоих: Цыбина и Андреева. Мало?

Я промолчал. Учитывая динамику роста числа убийств в черте города, аргумент звучал слабо.

— Тело Цыбина найти пока не удалось, — продолжал Сашка. — Зато с Ржавченко получается любопытная картина. Он был убит выстрелом с большого расстояния, при вскрытии обнаружены микрочастицы ртути и достаточно большой для экспертизы осколок пулевой оболочки. Стреляли из карабина метров с трехсот, а потом кому-то очень понадобилось, чтобы все выглядело так, будто Ржавченко не сумел отбиться от уличной стаи. Аналогичная картина с Андреевым, разница только в том, что его начали кромсать еще живого. Как видишь, противник знает о нашей деятельности и принимает достаточно жесткие контрмеры.

Это уже звучало убедительнее.

— Может, это и не моего ума дело, — сказал я. — Эти трое, они... они тоже?

Сашка пристально посмотрел на меня.

— Андреев — нет, — сказал он, помедлив.

Следовало понимать так, что Цыбин и Ржавченко — да. Очень мило. Кстати, Цыбин входил в сорткомиссию, это надо взять на заметку. Куда он, бедняга, только не входил: шустр был и карьерист неудержимый, получивший за неустрашимую прямолинейность прозвище Торпедный Катер — это среди тех, кто успел отскочить, а те, кому досталось локтем, называли его не иначе как Сучьей Выхухолью, и эта зоологическая небывальщина, надо сказать, прекрасно соответствовала... Наверняка он и к Сашке первым подплыл, не дожидаясь приглашения. А сколько еще народу играет в эти игры? Вряд ли мне стоило пыжиться, полагая себя пупком Земли, таких пупков здесь убивают ртутными пулями...

— Судя по всему, Андреев шел к нам, — сказал Сашка. — Мне бы очень хотелось знать, что он намеревался нам сообщить.

Мне бы тоже.

— Мало ли в кого стреляют, — сказал я. — В меня, например.

— Когда? — напрягся Сашка.

— Последний раз неделю назад.

Он тут же потребовал выкладывать все, и мне пришлось выложить. Шел я тогда к Дарье, и было уже довольно поздно, довольно сумрачно и абсолютно пустынно. Звука выстрела я не слышал, а когда рядом со мною шарахнуло по забору так, что брызнула бетонная крошка, сориентировался и не стал гадать, что бы это могло быть, а разумно кинулся прочь — бессистемными перебежками, как учили. Выяснить, откуда был сделан выстрел, мне не удалось — скажем прямо, оценив ситуацию, я вовсе не горел желанием подставлять себя лишний раз. Стрелять могли откуда угодно.

— Ртутная пуля? — спросил Сашка.

— Нет. Вероятно, «пила».

— Был только один выстрел?

— Кажется, да. Да. Один.

— Почему не доложил сразу?

— Не знал, что это тебя заинтересует. Да и не в первый раз.

Сашка пододвинул к себе недописанную кляузу и стал черкать на ней закорючки. Таким серьезным я видел его прежде

только однажды: когда ему удалось убедить меня сотрудничать.

— Как по-твоему, это случайность?

— Да, — сказал я.

— Может быть, и так, — задумчиво сказал Сашка. Помолчал, поиграл брелоком. — Может, и так... Мы, конечно, проверим. В дальнейшем о подобных происшествиях изволь докладывать немедленно. Разрешаю использовать запасной канал связи. Ясно?

— Вполне.

— Повтори.

— Станут убивать — начну плакаться. Пожалуюсь дяде по запасному каналу. Это все?

— А ты не хохми, — сказал Сашка. — Когда получишь пулю в брюхо, вот тогда и нахохмишься вдоволь. А пока утихни и не маячь. Шанс у тебя есть. Твои обязательства перед службой безопасности нигде не зафиксированы. О тебе знаю только я и мое непосредственное руководство, следовательно, утечка информации полностью исключается. Делай свое дело, но в лаборатории без крайней необходимости не появляйся. Это приказ. Лучше всего придумай себе болезнь и посиди дома дня два-три. Если понадобишься, тебя найдут. Мы еще не знаем всех возможностей этого оборотня.

— Понятно, — кивнул я. — А если Вацек попросит зайти и помочь?

— Тогда зайдешь и поможешь. Немедленно после этого — подробный отчет. Не так, как ты привык, а максимум информации. Да! — Он вдруг откинулся на стуле, царапая затылком стену, и ухмыльнулся. Одновременно погасли глаза кошки-брелока. — Так вот я ей и говорю: куда ты, мол, дура, лезешь, на хрен ты мне сдалась, ты на себя в зеркало, говорю, посмотри, жертва напалма...

В дверь просунулся Вацек.

— Сергей Евгеньич, там этот студент опять не подготовлен, что с ним делать?

— Гнать, — сказал я.

— А может быть...

— Что?
— Может быть, вы сами...
А, чтоб вас всех...

5

Я шел к автостоянке и размышлял о гнусном. Во-первых, я думал о том, что носки у меня с утра мокрые, а месить подошвами снег очень и очень противно. Во-вторых, думал я, мне почему-то не было напомнено о том, как и почему моих родителей вывезли на Юг раньше зятя Аллы Хамзеевны, а также о том, куда их не в пример другим вывезли, и это было странно, учитывая, что на сей раз я не оправдал и не каюсь. Я ждал такого напоминания, да что там — не напоминания я ждал, а вульгарного начальственного нагоняя, как мальчишке, и фрикций носом о шершавый стол. Похоже, Сашка решил, что еще не время, а может быть, просто учел глубинные психологические изъяны Сергея Самойло. Ну-ну. Этот Самойло, знаете ли, такой фрукт, его, конечно, можно сунуть в грязь доцентской мордой, но только до определенной уровневой отметки, а дальше он становится жутко обидчив и социально опасен, и прецеденты, думал я, Сашке, безусловно, известны. В-третьих, думал я, почему они привязались именно к Вацеку? Сестра в адаптантах? У меня, например, родная тетка в олигофренах и соплива до невозможности, а о семейном моем положении лучше вообще молчать. Так почему не я? Нет, им нужен Вацек, а зачем — то мне знать не дано, то великая тайна сыскной алхимии. Им всем спать не дает троянская лошадь. Нет, не по мне эта работа, мне-то никакие лошади спать не мешают, и Вацека я им не отдам, чего бы мне это ни стоило. Вот так. Нужно быть совсем слепым, чтобы не понять, что Вацек беззащитен, и играть с ним в наши игры просто подло, я так считаю. Хуже, чем бить лежачего.

А вот выпить с ним я, пожалуй, выпью. Можно и с «глазом» за лацканом, пусть Сашка утрется. Тут нет ничего страшного. Сдал — принял. В архив.

Туман на Красноказенной куда-то пропал, зато опять задул ветер и снег посыпал с остервенением. К завтрашнему утру опять навалит по колено. Я выбрал и сунул охраннику наибо-

лее мятую купюру, отыскал на стоянке свой «рейс-марлин», механически смахнул с защитной пластинки на дверце налипшие хлопья и сдвинул пластинку вбок. Оставалось только воткнуть палец в отверстие папиллярного идентификатора, и я чуть было не воткнул.

Это не было шестым чувством. Просто я нагнулся посмотреть, не попал ли в отверстие снег.

Из отверстия идентификатора торчала игла.

Наверное, секунды две я стоял в остолбенении, дурак дураком. Мишень мишенью. Потом сообразил присесть, натянул перчатки и бережно вытащил иглу. Она легко поддалась. Через секунду я уже сидел за рулем, но позволил себе отдышаться лишь после того, как нашел нужный рычажок и прозрачные экранирующие щиты прямо-таки выстрелили из своих ниш. Та-ак. Пули мне теперь от вас не ждать, ни ртутной, ни «пилы», если только вы не окончательные идиоты. Не знаю, ребята, кто вы такие, но в последовательности вам не откажешь, вот что я вам скажу. Цыбин, Андреев, Ржавченко... теперь, значит, Самойло? Прямо-таки стиль Борджиа, за что такая честь? Человек накалывает палец и очень спокойно, очень мирно опускается на снег, где и лежит себе, пока о него случайно не споткнутся, полузанесенного и твердого, как оглобля. Или, скажем, так: человек ложится на снег, и минуту спустя его уже рвет на мелкие фрагменты подоспевшая стая... Как Ржавченко. Я огляделся по сторонам. Естественно, никого не было. Тогда я стал рассматривать иголку. Это была самая обыкновенная игла от швейной машинки, с ушком у самого жала. С тупой стороны налипла какая-то вязкая дрянь — похоже, клей скорее замерз, чем схватился, и теперь не спеша оттаивал. Хорошего клея не нашлось? Я выдернул из записной книжки чистый лист, смастерил из него кулек и как можно тщательнее упаковал свою добычу. Пусть Сашкины коллеги разберутся, какой именно гадостью меня намеревались спровадить на тот свет. А еще я бы не возражал, если бы они разобрались с вопросом, кто именно хотел это сделать.

Сначала ничего не было, только досада. Я сидел в машине, даже забыв завести двигатель, и очень жалел, что бросил курить. Досада была от того, что Сашка оказался прав, а я, выходит, вел себя как последний кретин. Потом пришел

страх — тоскливый, потный, с мурашками по коже. Просто страх, без мысли и без движения. Я прогнал его, но не почувствовал заметного облегчения. Из человека, которого могут убить в принципе, я превратился в человека, которого хотят убить целенаправленно. Это не бодрило. Зато теперь я знал ответ на вопрос, надоело ли мне жить. Теперь мне, как никогда, хотелось скончаться от тяжелой и продолжительной, причем в чрезвычайно отдаленном будущем.

Аминь.

Я прогрел двигатель и без спешки выехал на Красноказенную. Конечно, раз уж пошли такие игры, под баком с метанолом вполне мог оказаться сувенир фугасного действия, но выбирать не приходилось. Не слишком приятно в этом сознаваться, но сейчас мне очень хотелось оставить машину где стояла и немедленно вернуться в лабораторию, к Сашке. Под крылышко. Кстати, было бы интересно посмотреть, как он прореагирует на иголку.

Разумеется, я этого не сделал.

На улице пришлось прижимать машину к самому бордюру — экскаваторщики трудились в поте ковша. Добравшись до конца раскопок и поймав наконец сигнал Единой дорожной, я запустил обычную программу и задумался. Подумать было о чем. Прежде всего я сильно засомневался в том, что неделю назад по мне стреляли просто потому, что какому-то стайному выродку приспичило пристрелять свой карабин. Следовало понимать так, что на доцента Самойло началась охота и теперь меня ударными темпами начнут выводить из обращения. Я стал дичью, еще не зная, кто охотник. А может быть, не охотник, а охотники? Очень может быть. Вернее всего так, что этот оборотень контактирует с какой-то местной стаей, если только не совмещает функции ее руководителя и мозгового центра. Похоже на то. Нормальным адаптантам еще мог прийти в голову фокус с иголкой, только они ни за что не стали бы прятаться, когда стало ясно, что трюк не прошел. Они постарались бы разделаться со мною тут же, на автостоянке, а то, что за защитными листами меня достать не так-то просто, могло прийти им в головы существенно позже. Изуродовали бы машину, зато я знал бы их в лицо. Нет, кто-то был рядом, кто-то их удержал. Кто? Хороший вопрос. Кто вообще может заста-

вить адаптанта делать то, что ему не хочется? Если эту сволочь до сих пор не смог вычислить Сашка, то что, спрашивается, могу я? Придумать себе вывих голеностопа и отсиживаться у любовницы? И до каких пор?

Настроение было препоганое. Между прочим, мне пришло в голову, что Дарью втягивать в это дело не стоит. Так... а куда тогда ехать? К себе? Гм... К Мишке Морозову? Нет уж. Моя рука без толку зависла над гнездом с утонувшей в ней программ-пластиной, а потом я вспомнил, что Цыбин, Андреев и Ржавченко были убиты не дома, а на улице, причем все трое в сравнительной близости от института. Очевидно, радиус действий оборотня ограничивался охотничьими владениями местной стаи. Это было уже кое-что. Правда, если уж быть до конца последовательным, не мешало бы признать и тот факт, что в меня-то стреляли отнюдь не около института.

Я ехал к Дарье.

В конце концов, почему я решил, что меня собираются убить? Возможно, меня просто хотели напугать.

Под пятки уносился асфальт. На шоссе было свободно, даже чересчур. Далеко впереди маячила гузка какой-то легковушки, и дважды мой «рейс-марлин» обгонял семейные трейлеры для дальних перевозок — из тех монстров, в которые при большом желании можно впихнуть целиком квартиру вместе со стенами. Уезжают люди из Москвы, уезжают. И правильно, конечно, делают. Из пятнадцати миллионов к нынешнему лету осталось едва четыре — людей я имею в виду, включая сюда и дубоцефалов. Адаптантов, понятно, никто не считал.

Справа от шоссе торчала шеренга стандартных жилых сорокаэтажек, похожая на челюсть с зубами через один, и меня замутило, когда я машинально попытался сообразить, сколько же здесь может жить дубоцефалов; слева как раз проносило мимо вагоноремонтный завод имени Ростроповича. Тут над ухом оглушительно взвякнул сигнал и одновременно виолончельным секстетом завопили тормоза. Очень мило. Я выругался от души и вслух. Знаем мы эти штуки. Когда в Единой дорожной вдруг ни с того ни с сего возникает сбой, машина сама должна погасить скорость и припарковаться. Тут ей лучше не мешать. Она ни в коем случае не врежется в ограждение или другую машину; она ни за что не собьет пешехода; она

даже не раздавит любимую болонку того пешехода, поскольку имеет распознаватель зрительных образов с обширнейшим регистром памяти, и болонка, не говоря уже о доге, в этот регистр входит. Туда, как я неоднократно имел случай убедиться, входит великое множество всяких предметов, подчас самых неожиданных.

Кроме, как выяснилось, сугроба.

В примитивные мозги частного автомобиля не укладываются подобные случаи, и мысли у этих мозгов, если только они мысли, а не что-то другое, нисколько не лучше, чем у махрового толстолобика, — самодовольным всезнайством с боков сплюснутые, здравым смыслом сверху припечатанные. Если трасса не отапливается, она должна расчищаться, и все тут. И никаких сугробов. Их и не бывает, поскольку трассы действительно расчищаются. А если сугроб все же есть, значит, это или ошибка снегоеда-автомата, или... Или, вернее, это работа уличной стаи.

Вот только этого мне сейчас не хватало.

Минут пять я пытался выбраться задним ходом, нервно облизываясь и оглядываясь по сторонам. Мой сарай на колесах, раскидав половину сугроба, не желал расставаться со второй половиной. Ему было там хорошо. Мне — нет. Стая адаптантов могла свалиться мне на голову в любую минуту. Умом я уже понимал, что если на меня не кинулись сразу, значит, их здесь просто нет и все это не более чем дурацкая случайность, — но то умом, а этажом ниже, на уровне павловских рефлексов, царила во всей своей первобытности классическая паника. Между прочим, существуют очень действенные форсированные способы добыть человека из запертой машины, и самый простой из них — канистра с метанолом и спичка. Адаптанты любят яркое.

Но пока все вокруг выглядело очень обыкновенно, и мимо подъезда ближайшей сорокаэтажки даже проковылял какой-то очень обыкновенный старый дед в очень обыкновенном мышином пальто и побрел куда-то тоже очень обыкновенно — поминутно озираясь. Движение на шоссе восстановилось. Изредка мимо меня, никак не реагируя на мои сигналы, проскакивали шустрые «корсаки», солидно катились трехдвигательные «эребус-экспрессы» — сразу видно, что на ручном управлении, — а

один раз совсем рядом, урча и содрогаясь от невостребованной мощи, проплыл слоноподобный карьерный самосвал из тех, на которых тщатся вывезти снег, и сверху на меня глянуло равнодушное лицо водителя. Никто не рискнул остановиться, и я очень их понимал. Но теперь мне мечталось насовать им всем в морду.

А сам бы ты остановился в такой ситуации? Вместо ответа я стиснул зубы и еще раз попытался выбраться. Н-да... Вопрос. Вне города — да, безусловно. А вот в городе...

Так чего же ты, спрашивается, сигналишь?

Я подпрыгнул на сиденье, когда с правой стороны неожиданно раздался стук в дверцу. Слава богу, это оказался тот самый обыкновенный дед. Морщины на нем тоже были обыкновенные — на лице и на мышином пальто, только разной глубины. Пожалуй, на лице глубже. Кожа была ему велика. Я рискнул убрать правый щит и опустил стекло.

— Ну?

— Вам помочь? — Либо дед отморозил челюсть, либо изъяснялся с акцентом.

— ?..

— Вы в затруднении.

Помочь? Хорошее дело. Если бы со старикашки и впрямь в соответствии с фольклором сыпался песок, я бы его использовал. Но песок с него не сыпался. Вытолкнуть машину вручную нам тоже никак не светило. Тут нужно человек пять.

— Ничего, обойдусь.

— Вам лучше повернуть колеса. — Он показал рукой, как это делается. — Мне кажется, тогда у вас получится...

Я был готов изо всех сил лупить себя по лбу. Забыл! Совсем забыл, дичью стал. Нервной дичью, пугливой. Я развернул все шесть колес поперек продольной оси, включил эксцентрики, и мой автомобиль боком выполз на трассу. Этот крабий ход специально придуман для парковки в таких местах, где не развернется и велосипед, а я вот напрочь выбросил его из головы и не использовал черт знает с каких пор — наверное, с тех самых Ревущих пятидесятых, когда автомобилей в мегаполисе было больше раз в пять, если только не в десять. И времечко же было! Тогда словечко «адаптант» только-только начало входить в общеупотребительный жаргон, что очень не нравилось Комиссии по правам, а кое-какие умники еще

находили удовольствие по инерции острить, что человек-де в городе не человек, а не более чем брелок к ключу зажигания. Старо, ребята! Теперь у венца творения иной статус. Теперь венец творения, сидящий в машине, не брелок, а начинка. Иногда — лакомая. А Единая дорожная сбоит, сволочь, специально способствуя тому, чтобы эта начинка была еще и доступной.

Кстати, судя по отсутствию сигнала, система все еще не работала.

— Спасибо! — Я высунулся в окошко. — Огромное вам спасибо. Э-э... Может быть, подвезти?

— Да. — Дед закивал, явно обрадовавшись. — Да, с большим удовольствием. Я вам признателен.

Я мысленно чертыхнулся и распахнул дверцу. Никто ведь за язык не тянул, сам виноват. Старикан суетливо и как-то очень неловко протиснулся в машину, подобрал пальто и угнездился рядом со мной. Я проследил, чтобы его не прищемило защитным листом.

— Пристегнитесь.

— О? Ах да, сейчас... Где же это есть?.. Вот так? Теперь корректно?

Странный у него акцент.

— Бойль, — сказал он.

— Что?

— Святослав Меррилл Бойль. Э-э... Святослав Теодорович. Бойль. Я представляюсь.

— Ясно, — довольно по-идиотски сказал я. — А где Мариотт?

Старикан заморгал сильно прореженными ресницами.

— Простите, я как-то не совсем...

— Ничего, — сказал я. — Это я шучу. Очень приятно.

— Приятно шутить?

Я отмолчался. Трудно разговаривать с бестолковыми. Мы проскочили под линией надземки и свернули влево. Тут было людно. Со стороны Тувинской двигалось, сворачивая на Золотарную, какое-то христианское шествие и качались мерзлые хоругви, а слева на пространстве от Междурядной до Новорожонной толклись сразу две толпы. В первой выл проповедник, время от времени вздевая длани туда, где, по его по-

нятиям, пряталось за облачными слоями светило, и, подвывая в унисон, в облаках выдыхаемого пара качались в трансе язычники. Это теперь модно. Рядом бурлил митинг Лиги перемен, собирающейся, как следовало из транспарантов, принудить правительство к установлению для всех без исключения жителей Земли Всеобщей территориально-климатической справедливости путем уменьшения угла наклона оси вращения планеты к эклиптике. Чувствовался общий боевой настрой, и абсолютное преобладание дубоцефалов в обеих толпах бросалось в глаза без всякой оптики. В переулке, скромно приткнувшись к обочине, пребывали: малый полицейский броневик на воздушной подушке и с вертящимся многоствольным газометом на крыше, полицейский же фургон с решетками и двухэтажный автобус «скорой помощи» — ждали начала драки. Может быть, полиции сегодня удастся взять одного-двух адаптантов — и то хлеб. Наше счастье, что далеко не все адаптанты успели объединиться в стаи.

Если бы все — тогда...

— Что они делают? — спросил Бойль. Он крутил головой так, будто впервые это видел. Интересного типа я к себе посадил.

— Вон те? Молятся Яриле, или кто там за это ответственный, чтобы солнце грело пожарче. Им недостаточно.

— А вам? — немедленно спросил он.

— Мне тоже...

— Тогда почему же вы не молитесь?

Кажется, этот дед поставил себе задачей надоесть мне как можно быстрее.

— Вас куда подбросить? — спросил я.

— Подбросить? — Он заморгал и посмотрел вверх. — Зачем?

— Подбросить — в смысле подвезти. Это идиома.

— А, да-да. Куда-нибудь. Где можно жить.

Час от часу не легче.

— Я ищу, где можно жить, — уточнил он. — Отель или квартиру. Все равно.

Это уже конкретнее.

— Вы приезжий? — спросил я.

— Из Кембридж, — сказал он. — Я соотечественник. Мой багаж в... эйрпорт.

Мы вынеслись на набережную, и на повороте противно завизжали шины.

— В аэропорту, — сказал я. Он кивнул. Все равно было непонятно, почему он искал отель возле вагоноремонтного завода и вообще как он там оказался в своем жеваном пальто. Но тут его прорвало, и он затарахтел как заводная шкатулка, без умолку. Что-то о том, на какую долю он русский, а на какую просвещенный мореплаватель, и как он всю жизнь хотел здесь оказаться, и его родители тоже хотели, и почему он не мог приехать раньше, а теперь вот приехал и очень рад, потому что перспективы работы в Институте антропологии Академии наук, потому что давняя мечта вернуться именно с этими перспективами... Ну и ладно. Я слушал вполуха: пока машина шуршит по набережной, отвлекаться вредно для здоровья. Тут есть пара таких мест, куда нога человека не ступает без острой необходимости. Вот, кстати, первое...

Пусто. Никого нет. Даже как-то странно.

— У нас лучше? — спросил я.

Он не сразу понял. Потом приподнял костлявые плечи, почему-то сперва одно, потом другое. Это выглядело забавно.

— Везде одинаково.

— А-а, — сказал я, следя за дорогой и особенно за обочинами. — А как там одинаково?

— Туман, — сказал старик. — Туман, смог. Как в девятнадцатом столетии, даже хуже. Только снега не так, как здесь. Иногда тает.

— Да здравствует Гольфстрим, — кивнул я. — А адаптанты?

Он только пожал плечами — опять поочередно. Очевидно, хотел сказать, что этого добра и там хватает.

— Как вы думаете, они все-таки люди?

— Что вы имеете в виду? — спросил он. — Генетически или социально?

— Генетически. Социально — тут все ясно.

— Вряд ли, — подумав, сказал Бойль. — Э-э... вряд ли ясно. С обыденной точки зрения они, разумеется, не люди, а... изродки. Я правильно сказал? Выродки? Да-да, именно выродки, благодарю вас, я осказался... Оговорился? Да-да. Однако по их социальному поведению их, вероятно, все еще

следует относить к людям, нравится это нам или нет. Пусть к самым отвратительным людям, какие когда-либо оскверняли земную поверхность, но все-таки, извините, к людям...

— Ничего себе, — мрачно сказал я. — Не оскажитесь так где-нибудь в людном месте. Могут быть неприятности.

Бойль обеспокоенно повертел головой по сторонам:

— А где отель? Или как это... гостиница?

— Зачем вам гостиница? — возразил я. — Платить еще, а за что? Сколько угодно покинутых квартир, встречаются и с мебелью. Выбирайте любую.

Он с подозрением посмотрел на меня:

— А это вполне корректно?

— Вполне, — уверил я. — Наймите кого-нибудь выломать замок, если заперто, и вселяйтесь. Если хотите, можете зарегистрироваться в местном департаменте, хотя теперь это, наверное, не обязательно... Только не забудьте укрепить дверь и не расставайтесь с оружием. У вас есть какое-нибудь оружие?

Хоть удавись, не был он похож на сына Альбиона. Скорее напоминал Георгия Юрьевича, Дашкиного соседа по лестничной площадке, этот могиканин недавно оборвался в шахту вместе с лифтом, не получив при этом никаких повреждений, кроме почему-то инсульта, и твердо намерен выздороветь. Он из бодрых старичков, из настырного племени беспробудных энтузиастов и изобретателей промышленного использования ушной серы. Совсем старый хрен: он не то что первую перестройку — он Брежнева помнит! Крепкое выдалось поколение, дуракоустойчивое. Как-то раз за коньячком — лакали вчетвером скромно, но неумеренно: я, Дарья, он и его внучатый племянник, стопроцентный лощеный менеджер, белый воротничок, — он рассказал нам анекдот без бороды (какая там борода — выпала давно, и зубы выпали). Кто есть Брежнев? Мелкий-де политический деятель эпохи Аллы Пугачевой. Вот. И, рассказав, задребезжал соседушка хлипким старческим смешком, заперхал — коньяк не пролил, и то слава богу.

Он думал, что нам будет смешно. Мне было не смешно. Он думал, что кто-нибудь из нас спросит про Брежнева, и уже облизывался, предвкушая, как выдаст нам всю подноготную про него, про первую перестройку, про вторую диктатуру, да и

про третью тоже. Я не спросил. Белый воротничок — тот вообще встал и ушел, пошатываясь, в уборную по своим воротничковым делам.

А Дарья вдруг спросила, кто такая Пугачева.

— Нет у меня оружия, — с достоинством сказал Бойль. — И не надо.

Ну-ну.

На приборной панели сигнал Единой дорожной опять мигал вовсю, но я продолжал вести машину сам, следуя житейской банальности: из всех глупостей, какие в данный момент можно совершить, выбирай наименьшую. Правда, в центре можно было не трепыхаться насчет адаптантов. Тут их не держат. Если бы и держали, то здесь, между красной стеной и санным памятником на площади боярина Кучки, делать им все равно нечего, здесь все просматривается насквозь, как в институтском коридоре. По-моему, что эта стена в крупный зубчик, что гранитные сани с боярином одинаково действуют на адаптантов как хороший репеллент. Не пойму, в чем тут дело, какой-то угловатый стык зоологии с урбанистикой, не моя это область. Существует распространенное мнение, ни на чем, кроме здравой логики, не основанное и потому вряд ли верное: весь центр города не что иное, как штаб-квартира некоей невероятной сверхстаи, ее дом, а до́ма, как известно, не гадят... Здесь здравая логика дает сбой: адаптанты гадят где угодно. Не знаю, не знаю. Главное, что в центре почти безопасно, зато дальше, перед въездом на эстакаду и особенно потом, в Южном туннеле... Скверное место этот туннель, но в объезд еще хуже.

— Так вы, стало быть, антрополог? — спросил я Бойля — во мне пробудился интерес. Он закивал и опять завел свою механическую шкатулку. Да, ему, даже не являющемуся по прискорбному недоразумению членом Королевского общества, без всякой ложной скромности удалось кое-что сделать в этой научной дисциплине, и хотя его работы по физиологии адаптантов, строго говоря, нельзя назвать основополагающими, поскольку бесспорными лидерами в этой области знания являются Дюфэз и Вержицкий, а также следует отметить блестящую статью Земанека, Гейнике и Гешке в недавнем специальном выпуске «Природы», но тем не менее феномен адаптан-

тов открывает столь значительные перспективы для исследования, что можно рассчитывать на получение близких и значимых результатов, которые помогут прояснить ряд до сих пор непонятных моментов, что, в свою очередь... и т.д, и т.п. Пока все это была ушная сера. Я терпеливо дослушал до конца.

— Мне бы хотелось как-нибудь с вами встретиться, — сказал я, — поговорить. Это возможно?

— Э-э... нет, извините, — сказал он. — Вряд ли. Я ожидаю, что в ближайшие дни буду занят.

Правильно. Я одобрительно взглянул на Бойля. Молодец. Пресекать праздное любопытство посторонних — дело святое.

— Можете пожить у меня, — поколебавшись, предложил я. — Квартира свободна, я теперь там редко бываю. Это тут недалеко. — Я поискал в кармане карточку. — Вот адрес. Этот вариант вас устроит?

— Да. — Он заметно обрадовался и оттаял. — Безусловно, устроит, я вам очень признателен. Но как же вы?

— Я же сказал: я там не живу. Может быть, навещу вас как-нибудь, и только. Договорились?

Как же, так я и выпустил антрополога. Я сделал небольшой крюк, завез Бойля к себе, перекодировал дверной идентификатор под его палец и дал краткую инструкцию: никому ни под каким видом не отпирать, а буде объекты его научного интереса начнут крушить дверь — вызывать полицию и баррикадироваться; если же не поможет — пощады, упаси боже, не просить, а брать в руки подручное средство, вот этот специальный железный прут, и лупить сволочей прямо в морду, это может произвести впечатление. Клин клином, только так.

Он вежливо поблагодарил, изображая, что понял. Черта с два он понял. Такие, как он, ни за что не станут бить железным прутом по лицу даже адаптанта, я их знаю. Им почему-то кажется, что они не должны-де уподобляться и ронять свое человеческое достоинство, они ждут, когда их достоинство уронят другие. Нет, я уважаю эту странную вымирающую породу, но вымирать такими темпами да еще в самом буквальном смысле — это уже, извините, слишком. Это не по мне.

И все-таки он был подозрителен, этот Бойль. Я вел машину, пробираясь сквозь заворот центральных уличных кишок, и ругал себя последним идиотом. Дурак я был, прямо-таки

непроходимый дурак, вечнозеленый лопух самой классической разновидности. Это надо же придумать: взрослый человек, с виду вполне вменяемый, ни с того ни с сего поселил к себе какого-то сомнительного реэмигранта, подобранного на улице, а кто его знает, что он за тип, документов у него я не спрашивал. Расскажешь кому — ни за что не поверят. И лучше, конечно, никому об этом не рассказывать.

6

Эстакаду я проскочил довольно лихо, зато после нее все и началось. Улица-колодец, сжатая мертвыми домами, была совершенно пустынна, и мне это сразу не понравилось. Не люблю таких улиц, да и кто их любит, а тут еще впереди на дороге показался невесть откуда взявшийся снежок, и это мне понравилось еще меньше. На всякий случай я снизил скорость; если здешняя стая ведет охоту по своей обычной схеме, у меня есть немалые шансы уйти живым.

Вот они! Там же, где и в прошлый раз. Раздирающий треск моторов — такое впечатление, что разом со всех сторон и некуда деться. Ну, это обман зрения. Теперь главное не суетиться и понять, что тут к чему, непременно понять, слишком многое от этого зависит, слишком многие накрылись из-за того, что здесь все решает отнюдь не скорость реакции...

Что ни говори, а согласованность действий у этих ребят всегда на высоте. Не успел десяток мотоциклистов впереди занять свои позиции, как я был уже отрезан и сзади: там их оказалось раза в полтора больше, и вдобавок из переулка выруливал приземистый квадратный джип с открытым верхом, до отказа набитый какими-то холодоустойчивыми мордами. Нормальный человек в таком джипе околел бы через пять минут, а этим, судя по всему, было вполне комфортно, и один из них, лениво привстав и щерясь, пустил мне вслед пулю — поторапливал. По кормовому экрану коротко стукнуло. Все было в точности как в прошлый раз: совсем не делают выводов, а еще адаптанты.

Газ — до отказа. Теперь пора. Только зря вы, гаденыши, думаете, что я буду прорываться вперед, зря вы расступаетесь, мне совсем не хочется портить резину о ваши колючки под

рассыпанным снежком. В сущности, ваша тактика рассчитана на ненормальных, колесящих по этим местам на автоматическом управлении, таких чудаков, вопреки Дарвину, еще достаточно много. Расчет на то, что нет времени переключиться на ручное.

Тормоз — руль влево! Кажется, я кого-то задел. Тем хуже для задетого. Машину с визгом занесло и развернуло на месте. Вот теперь я буду прорываться, и хотел бы я, ребята, посмотреть, как вы меня остановите...

Ну, так и есть. Все врассыпную, даже джип. Кто-то справа, зажав мотоцикл под тощей задницей, попытался достать меня очередью навскидку — не по скатам даже, по экранирующим щитам! Дурачок. Я пронесся впритирку с вихляющим джипом, очень жалея, что никто из адаптантов не выпал мне под колеса, и рванул по улице. На секунду мелькнули чьи-то бешеные глаза. Мотоциклы за спиной взревели. Конечно, от меня так просто не отвяжутся, инстинкт преследования у адаптантов в крови — у стайных садистов, во всяком случае, — но теперь они вряд ли меня достанут. Можно, конечно, рискнуть шинами и увести стаю вправо от эстакады, там у супермаркета обычно стоит полицейский кордон, — а можно и не рисковать. Лучше, конечно, не рисковать. Я ощупью пошарил между сиденьями и нащупал хорошо спрятанную кнопку. Прекрасная вещь этот распылитель, коллоидная взвесь еще позволяет кое-как дышать, зато мгновенно и надолго глушит любой мотор, вот только властям это объяснить трудно — похоже на то, что закон, запрещающий устанавливать распылители на частных автомобилях, принимали в расчете на граждан какого-то несуществующего в природе общества.

Оторваться мне, конечно же, не удалось, я и не надеялся. Мотоциклы у этой стаи были что надо. Я пропустил первый переулок — не стоило вырабатывать у стаи условный рефлекс, — пропустил второй и, чуть сбросив газ, нырнул в третий, очень надеясь, что он не оканчивается тупиком. Слава богу, переулок был как переулок, сквозной. Я подождал, пока в него втянется вся стая, и аккуратно утопил кнопку. У моего «марлина» сопло распылителя выведено в глушитель, и это плохо: очень узкий конус выброса, на широких улицах невозможно охватить всю стаю. Но, придумав

улицы, человечество придумало также и переулки, и очень хорошо сделало.

Естественно, они стреляли, но крайне бестолково, видимо, от растерянности, и только одна пуля расплющилась о кормовой щит. Вообще адаптанты, что бы там ни говорили, не слишком доверяют огнестрельному оружию, они предпочитают наброситься скопом и растерзать, по возможности голыми руками, вот тогда они получают полное и настоящее удовольствие. Но теперь в другой раз, ребята... Когда-нибудь мы до вас, зверья, все-таки доберемся, и крепко доберемся... Дождетесь. Я аккуратно выехал на параллельную улицу и чуть не рассмеялся, но сразу приумолк и посерьезнел: позади, черт возьми, все еще тарахтело. Метрах в ста за кормой из переулка вылетел одинокий мотоциклист, тормознул, развернулся на заднем колесе и рванул за мной так, что едва не вылетел из седла. А, черт!.. Все-таки один проскочил, давно было пора сменить баллончик с коллоидом, я так когда-нибудь влипну в историю из-за собственного разгильдяйства...

Становилось интересно. Я не стал особенно гнать, мотоциклист настиг меня в два счета. Позиция у него была удобнее некуда — сбоку и чуть сзади, — но, по-моему, стрелять по колесам он не собирался. По-моему, у него вообще не было из чего стрелять. Ну ладно. Пусть и мой тайничок останется нетронутым, не всякая дрянь заслужила расхода боеприпасов. Может, правильно делают славные наши законодатели, что по сию пору приравнивают к преступлению ношение доцентом Самойло оружия. И не надо. Доцент Самойло сам себе оружие.

Я затормозил прямо посередине дороги и не спеша вышел из машины. Как ни странно, мотоциклист тоже остановился — крутил по сторонам головой, щупал ногами асфальт и нервно подгазовывал. Судя по всему, он только теперь заметил, что остался один.

— Ну что, спортсмен, — сказал я ему, приближаясь и взвинчивая себя, — желаешь сдать зачет?

Его лица я не углядел под шлемом, а вот тело было худое, мальчишеское. Пожалуй, выродку стукнуло лет пятнадцать-шестнадцать. Гаденыш, выкормыш стаи, сучий комбикорм. Если только он не удерет, мне не понадобятся никакие подручные средства...

И тут он снял шлем.

Одного взгляда было достаточно. Я плюнул и полез обратно в машину. Весь боевой заряд пропал даром. Дубоцефал! Это был самый обыкновенный юный дубоцефал; по слухам, их немало в уличных стаях, но погоды они там, разумеется, не делают. Нет, не собирался он меня приканчивать, ну разве что пнул бы разок-другой, и то если бы приказали. Ему не хотелось убивать. Ему хотелось мчаться за кем-нибудь на вздыбленном ревущем «тарпане», пригнувшись к рулю в завораживающем азарте погони, и чтобы погоня подольше не кончалась, и чтобы тело было облито блестящей черной кожей, и чтобы ветер трепал эту кожу на складках... Разменная медь, расхожее мотоциклетное мясо.

Трогаясь с места, я сделал знак недоумку отстать, и он сразу отстал — должно быть, поехал выяснять, почему остался один и что это такое странное приключилось с родимой стаей. Дурак. Весьма вероятно, что его за неимением других громоотводов тут же и убьют, причем не сразу, а с растяжкой удовольствия; стайные инстинкты — штука страшная, редко остающаяся втуне. Конечно, это уже не мое дело: дурак всегда был, есть и будет виноват сам в том, что он такой глупый, что бы там ни твердили генетики про папу и маму. Ничего похожего на угрызения совести я не чувствовал. Будь этот прыщ нормальным адаптантом, я бы его просто убил, задавил бы голыми руками, такая во мне сидела злость. Извини, дядя Коля, но я бы его убил. Правильно ты во мне усомнился, дядя Коля.

Я въехал в Южный туннель, насвистывая что-то бодренькое. Пятый час, а я все еще не дома! То есть не у Дарьи, но это одно и то же. Я попытался вспомнить, какой сегодня день — кажется, с утра был вторник, если только я не напутал с летосчислением. Это хорошо, что вторник, — значит вечер наш. Дарья — учительница. По вторникам, средам и пятницам она с девяти до обеда охмуряет гимназистов, а по понедельникам и четвергам во исполнение Программы интеллектуализации преподает в вечерней школе для отпетых дубоцефалов, учит этих великовозрастных сидеть прямо, не сутулиться и выводить по линейке: «Мы не козлы — козлы не мы», — или что-то в этом роде. Когда-нибудь это должно плохо кончиться: насколько мне известно, спецкоманды в той школе нет и не

предвидится. Конечно, хоть и не хочется об этом думать, мы с Дарьей можем надоесть друг другу значительно раньше, но, пока этого не случилось, я каждый день буду выходить из института, спеша по хрустящему снегу, и ни на что не захочу смотреть и ничего не буду видеть. Кроме дороги, бегущей под капот, кроме вот этих специальных небьющихся, но тем не менее всегда битых ламп, мелькающих над головой в Южном туннеле, а в перспективе — лифта, двери и четырех стен, достаточно теплых. Кроме Дарьи, отражающейся в зеркале, и себя около. Честно говоря, она выглядит настолько же лучше меня, насколько я лучше того дебила с мотоциклом, и мне от этого бывает не по себе. Но в конце концов, если она выбрала меня, значит, я того стою, что бы я о себе ни думал. И я люблю, когда я около. Или над. Или...

Дальше мечтать стало некогда.

Все-таки я не успел — чересчур поздно уловил момент, когда лучи фар в брюхе туннеля начали дрожать и странно расплываться, а потом впереди вдруг вспыхнуло целое облако мельчайших радужных искр, какое бывает только от подсветки коллоидной взвеси. Отчаянно тормозя, я влетел в самую кашу, и радужное сияние сразу облепило машину со всех сторон. Мотор чихнул и простудился. Какие-то заскорузлые серые тени метнулись было навстречу, но сейчас же отпрянули в темноту, съежились и пропали. Будто растворились. И тотчас далеко, теперь уже очень далеко впереди дробно и внятно затопотали чьи-то спешащие ноги. Я оглянулся — так и есть: в туннель медленно, с низким тектоническим гулом вкатывался приземистый и широкий, как камбала, полицейский броневик. Вовремя.

Иногда приятно сознавать, что в полиции работает отнюдь не банда идиотов, по крайней мере броневик в кашу не полез, а, включив слепящий прожектор, замер в безопасном отдалении от радужного облака, и из его распахнувшейся утробы четко, по двое, посыпались люди в уродливых бронекомбинезонах. Четверо, натягивая на ходу пулестойкие «морды», пробежали мимо, не обратив на меня никакого внимания, и скрылись впереди в черноте. Пятый остановился и побарабанил мне в дверцу:

— Выходите.

Я бы и без него вышел: коль скоро опасность миновала, торчать в машине не было никакого смысла. Моего «марлина» уже цепляли тросом к броневику. Коллоид — штука сильная. На несколько часов машину можно было считать мертвой, да и потом первые пять—десять километров двигатель будет сбоить, приходя в себя, астматически задыхаться и временами трястись, как припадочный.

— Ваша машина? — спросил полицейский.

— Моя.

— Значит, ваша... А что вы в ней делаете?

Рано я полицию похвалил.

— Сижу, — сердито сказал я. — То есть сидел.

— Документы есть?

Впереди послышались приглушенные голоса, потом что-то лязгнуло, чмокнуло, раздирающе затрещало и донесся гулкий удар металла по пластику — там что-то ломали.

— Эй! — крикнул в черноту мой полицейский. — Что такое?

— Еще машина! — крикнули оттуда. — Крепко ее, сволочи... Тут один убитый и еще, кажется, женщина. Сейчас вытащим.

— Жива?

— Хватил... Носилки есть?

Появились носилки. Я не стал смотреть. Когда говорят «Кажется, женщина», то смотреть уже действительно не на что. Оба тела унесли куда-то за броневик — очевидно, позади был еще автомобиль. Броневик заурчал, медленно пополз назад, и трос натянулся.

— Куда ее? — спросил я полицейского.

— Машину-то? Отбуксируем в участок, — он назвал адрес, — завтра получите.

— А может быть, вы ее отбуксируете в... — Я тоже назвал адрес.

Полицейский смерил меня взглядом с головы до ног.

— Еще чего...

— Я заплачу́, — посулил я.

— Еще чего, — сказал он. — Ты что, не видишь, что творится? Слепой? Тебя вот, если хочешь, подбросим, коли недалеко. Хочешь?

— Хочу, — сказал я.

— Зверье... — Меня он словно не слышал и взгляд имел невидящий. — Сволочи поганые, чем дальше, тем хуже. Да что же это у нас делается, а?..

7

Я даже не вошел к Дарье. Я ввалился. Должно быть, примерно так же во все исторические эпохи вваливались после долгого отсутствия в свое логово человеческие самцы всех пород и достоинств, от насупленных троглодитов, выплевывающих на ходу из пасти чужую шерсть и влачащих по полу пещеры окровавленную дубину, до какого-нибудь завалящего, завшивевшего в Палестине средневекового барона, громыхающего иззубренным эскалибуром по осклизлым ступеням родимого донжона, — впрочем, и много позже процесс вваливания в логово не претерпел существенных изменений. Так что ввалился я по всем правилам, притом чувствуя себя кем-то вроде победителя. Почему бы нет? Времена меняются, и не я в этом виноват. Если в наше, извините, время и в нашем, еще раз извините, континууме человек вообще что-нибудь чувствует, он уже должен чувствовать себя победителем. Потому что живой. И, сообразно исторической традиции, он вправе за это требовать себе вина, мяса и женщин. Первого и второго — побольше, а женщину можно одну, но такую, как Дарья.

В ванной горел свет и шумела вода — Дарья была дома. Из боковой комнаты сдержанно гавкнули и застучали лапами по паркету — надо полагать, там маялся взаперти гладкий лощеный доберман Зулус и, судя по отсутствию подкроватного шороха, там же пребывал морской свин Пашка, нахальнейшая тварь из всех грызунов его весовой категории. Я торопливо скинул куртку, сковырнул, наступая себе на пятки, с ног ботинки и заспешил прямиком к бару. Пусть даже никакой я не победитель, куда там, пусть все мои сегодняшние телодвижения, нужные и ненужные, выглядели достаточно убого и даже шкурно, а вовсе не героически, — но на прогрев суставов я себе заслужил, и все тут. Дарья, конечно, тоже, с ее профессией данаиды я бы вообще удавился по собственному желанию, но выпить с ней вдвоем мы еще успеем, у нас впереди не только

вся ночь, но и весь вечер, исключая, конечно, время на выгул добермана...

Настоящего коньяку не оказалось. Настоящий мы выпили вчера. Водки тоже не было. Было какое-то подозрительное бренди какого-то не менее подозрительного усть-кишского изготовления, судя по надписи мелкими буковками на этикетке. Стаканчики Дарья куда-то задвинула. Я нашел фужер под шампанское и налил себе до половины в намерении интеллигентно выцедить, но поперхнулся и заглотнул разом, как удав. Меня прожгло. Энное время я стоял без дыхания, вроде персонажа Эдгара По, и дико сканировал пространство вращающимся взглядом, в желудке бушевали Этны с Толбачиками и плавились минералы, гортань варилась заживо, а в пищеводе рвались мелкие петарды. И ко всему было невыносимо гадко. Дверь в ванной звучно хлопнула задвижкой. Образовалась щелка, вся в свету и ошалелом метании водяного пара.

— Самойло, ты? — крикнула Дарья. — Опять булькаешь?

Я перевел дыхание. Если в Усть-Кише спирт для этого бренди не делают из местных энцефалитных клещей на креозоте, тогда я не знаю, из чего его делают. Ладно, бывает хуже.

— Ничего, тут нам с тобой еще хватит, — сказал я, вытирая слезы. — Спинку потереть? Имей в виду, считаю до трех, потом раздумаю. Раз, два... два с половиной...

— Потереть. Эй, где ты там?

— Бегу! — Я кинул на диван пиджак, содрал с себя свитер и очутился в ванной. Там было жарко, влажно и дышалось, как в коллоиде. — Вот я уже и добежал... Что тут нужно потереть? О-о! — отшатнулся я и закрылся рукой. — Не показывайте мне этого, я сейчас сойду с ума...

— Болтун! — сказала Дарья. — Э, ты что делаешь?

— Рубашку снимаю, — объяснил я. — Жарко.

— Не вздумай ко мне забраться, — предупредила она. — Я тебя позвала работать, вот ты и работай...

— Я и не собирался, — соврал я, беря и намыливая губку. — А ну-ка вот так... Привстань. Так хорошо?

— Алкоголик, — сказала Дарья. — Пришел, дышит тут какой-то отравой... И каждый день пьет, да еще слабую женщину в пьянство втягивает. Другой бы на его месте давным-давно стал доктором, а этому хоть кол на голове теши...

— А зачем? — спросил я, работая губкой. — Мне и кандидата за глаза хватит, а остальное у меня уже есть. — Тут я приналег на губку, и остальное застонало, выгибая спину. — Не нужно засорять собой науку, это антиэкологично...

Чуть позже я развил эту мысль. В конце концов, сила науки заключается отнюдь не в том, какое иерархическое место занимает в ней некий доцент, говорил я Дарье, вновь намыливая губку. Если угодно, сила науки в том, чтобы каждый имеющий к ней касательство делал именно то, к чему он на данный отрезок времени наиболее приспособлен, а вышеупомянутый доцент именно этим изо дня в день и занимается как проклятый... Да, конечно, если бы лет десять назад ему сказали, чем все кончится, он бы крайне удивился, поскольку был в те годы бодр, настырен, самолюбив и непомерно глуп, не представляя ни себя без науки, ни даже, совсем уж смешно сказать, науки без себя. Так что в глазах того сопляка, ворковал я, с наслаждением водя губкой по восхитительной упругой спине, — да, в глазах того целеустремленного глупого сопляка вышеприведенное суждение имело бы некоторый вес, и даже, можно сказать с уверенностью, очень большой вес в силу обозначенных только что причин... Да. Что я хотел сказать?.. Пожалуй, теперь некий доцент, заменивший благополучно вымершего кайнозойского сопляка, считает, что занимает более честную позицию, нежели какой-нибудь бездарный выползень, каких на государственных грантах пруд пруди, какой-нибудь от науки прихлебатель профессор Антилопов-Гнусов... И потом, ты что, экран не смотришь? Теперь самые достойные профессии — энергетик и учитель, разве нет?

— Ты у нас, кажется, и то, и другое, — ехидно произнесла Дарья.

— Ну, какой я учитель... Я дрессировщик.

— Резонно, — сказала Дарья. — Кстати, о приспособленности. Я правильно поняла: по твоим словам получается, что ты, очевидно, более всего приспособлен для того, чтобы лупить своих дубоцефалов по мордам?

Я не нашел, что ответить. Как хотите, а говорить в такой обстановке на серьезные темы я не могу, хоть застрелите. А если кто-нибудь сможет, я готов встретиться с этим несчастным и выразить ему свои соболезнования.

— Врешь ты все, — сказала Дарья. — Ты же просто боишься, боишься каждый день, дрожишь как заяц, потому и лакаешь коньяк. И болтаешь тоже поэтому. И я тоже боюсь и тоже пью, а главное, никому не известно, чем все это кончится, это-то и есть самое страшное. Пусть будет еще хуже, только чтобы мы об этом знали... Скажи вот лучше: ты сегодня нормально сюда добрался? Или опять через пень-коллоид?

— Без проблем, — уверенно сказал я. — Как всегда. А что?

— Врешь ты, как всегда... Эй, ты там по третьему разу пошел, что ли? Спину домыл?

— Домыл, — сознался я. — А дальше?

— А дальше ты меня мыть не будешь, — сказала Дарья. — Дальше ты пойдешь и сделаешь нам кофе с коньяком, если еще не разучился это делать, а я посмотрю, разучился или не разучился...

— Ясно, — вздохнул я. — Ты скоро?

— Скоро, скоро. — Она сделала мне ручкой — иди, мол, иди, не маячь... И я пошел.

Варить кофе я, конечно, не стал, это было бы и неумно, и преждевременно. Дарья способна пролежать в ванне не один час, особенно когда я дома. Она любит помучить. А после ванны она еще может лечь под лампу загорать, тогда уж к ней и вовсе не подходи, не затеняй. Кто как, а я не согласен. И никогда не был согласен. Нет, я, конечно, понимаю, поваляться на диване, созерцательно глядя в потолок, отловить и выстроить в каре разбегающиеся мысли — но загорать! Лежать тюленем и думать только о том, как бы не облупиться, — это занятие, по-моему, второе по идиотизму после собирания марок. Так что я не пошел варить кофе, проигнорировав заодно задверный скулеж добермана, а пошел в комнату и включил экран.

Передавали «Мою страну», предвечерний выпуск, причем шло самое начало, астрофизический прогноз на будущую неделю опять уточнили, подправили и теперь выдавали новые цифры. Я уронил себя в кресло и стал смотреть. Как всегда при передаче прогноза, на экране показывали Танжерский комплекс, все эти грандиозные радиотелескопы, гравиметры и нейтриноуловители, что, очевидно, должно было внушать зрителям доверие к прогнозу. Для начала в очередной раз было

напомнено о том, что человечество переживает глобальный ледниковый период, начавшийся еще два миллиона лет назад, и что вся история развития человека как вида была, в сущности, историей нынешнего оледенения. Не знаю уж, для чего это было напомнено. Наверное, просто чтобы не забывали. Затем невидимый диктор — от стыда прячется, что ли? — сообщил о том, что поток излучения Солнца к настоящему моменту составляет, грубо говоря, ноль целых шестьдесят одну сотую солнечной единицы и что на прошлой неделе он, вопреки ожиданию, скачкообразно упал еще на семь десятитысячных, а число Вольфа, напротив, возросло, и есть все основания полагать (тут голос диктора стал как-то неестественно бодр), что в связи с приближающимся максимумом цикла будет наблюдаться локальный рост солнечной активности, благодаря чему уже на будущей неделе главная обсерватория прогнозов ожидает увеличения потока солнечного излучения примерно на две-три десятитысячных...

Не знаю, чего уж они там ожидали на телецентре, какой реакции. Должно быть, как минимум той, что каждый зритель так и подпрыгнет от радости у своего экрана и возликует душой, а потом, конечно, кинется с места в карьер покупать плавки и озоновый крем. Я фыркнул, вскочил, поймал на полу перед креслом жужелицу, отнес ее в унитаз, спустил и окончательно успокоился, когда с экрана пропал Танжер и возник Дагомыс. Передавали сводку прений в Думе, сводку новостей и правительственные решения. Это было уже интересно, и я устроился в кресле поудобнее.

Еще недавно у нас был Конгресс, теперь — опять Дума. Если этот модный вектор устремится вниз и вширь, очень скоро появятся городовые, околоточные и прочие статские советники. Городской голова — звучит? Звучит. Думский голова... И два уха. Голова по-тевтонски — копф. А Думу для разнообразия можно оставить и по-русски. Получается — думмкопф.

До того глупо, что даже приятно.

Так... Энергетический терроризм. Экологический терроризм. Просто терроризм. Терроризм политический и терроризм немотивированный... Прогрессирующее похолодание грозит всходам зерновых на Кубани... Гм... как всегда. Боевые действия в Закавказье между эмигрантскими формирования-

ми и местными силами самообороны продолжаются с прежним ожесточением, с обеих сторон наблюдаются крайние формы жестокости... Тоже как всегда. Из Иваново сообщают, что число зарегистрированных новорожденных с синдромом адаптивности сократилось за последнее время с двадцати двух и трех десятых до двадцати и девяти десятых процента... Ну, тут какая-то ошибка. Продолжающаяся эвакуация Петрозаводска проходит четко и организованно... Отрадно слышать. Нашествие орды реликтовых гоминидов на Великий Устюг отражено силами специальных подразделений... Знаем мы, какие они реликтовые... Подвижкой ледника разрушен участок навесной магнитотрассы класса «ультрарапид» в Беринговом проливе... Жаль. Личный баллистический самолет президента Латиноамериканской конфедерации г-на Мигеле Огельо во время совершения частного полета подвергся лучевой атаке со стороны неопознанного спутника-истребителя. Обломки самолета рухнули в океан, о судьбе президента достоверных данных нет... Еще бы. «Зеленым» Филиппин удалось уничтожить еще одну солнечную энергостанцию, от солнечных батарей освобождено двадцать квадратных километров территории... Молодцы ребята. Хм, странно, что там еще сохранились солнечные... Правительства ряда европейских стран выразили протест против неконтролируемого озеленения североафриканских пустынь, считая, что это приведет к замедлению роста концентрации двуокиси углерода в атмосфере планеты в целом и, следовательно, к уменьшению защитного влияния парникового эффекта. Напоминаем, что к настоящему времени концентрация це-о-два в атмосфере составляет около двух десятых процента...

Прения в Думе, против ожидания, окончились столь быстро, что я так и не успел в деталях понять, кто там на сей раз был возмутителем спокойствия и зачем он его возмутил. Кажется, в очередной раз было торжественно подтверждено, что так называемые адаптанты являются в первую очередь людьми, равноправными гражданами, и как таковые не могут быть привлечены к какой-либо превентивной ответственности на основании одних лишь результатов генотестирования... какую бы скорбь мы ни испытывали от утраты наших товарищей... которые могли бы сейчас быть с нами... прошу почтить память

вставанием... вся и всякая правовая самодеятельность на местах должна быть строго пресечена, меры к чему принимаются... Короче говоря, я и морщился, и ругался, и даже, кажется, шипел сквозь зубы что-то вроде: «Люди? Люди они вам?! Дождетесь! Ну, дождетесь! Вас там, я вижу, еще жареный страус куда надо не клюнул как следует, так он клюнет, будьте уверены. Еще как клюнет!..» И еще я почему-то ждал, что покажут море, но его так и не показали. То самое море, что ворочало некогда гальку у берегов Дагомыса, а теперь — замерзшее. Замершее. Тихое. Прошлой осенью мы с Дарьей видели на экране потрясающие кадры спасательной операции: ледяные поля ломали ледоколом, люди, заметаемые пургой, работали как звери, пытаясь вывести к Босфору последних, самых последних дельфинов-афалин... Не знаю уж, что особенно потрясающего было в тех кадрах, только меня они потрясли, а их показывали не один раз, и каждый раз они меня потрясали. Должно быть, тогда я и начал понимать, что все наши метания, толковые и не очень, все наши отчаянные потуги как-то выправить положение есть не что иное, как тщета и самообман, совершенно необходимый обыкновенный самообман для того, чтобы не опустить руки, чтобы неизбежное — оно, конечно, случится — случилось хоть немного, хоть чуть-чуть позже...

Должно быть, тогда не только я начал это понимать.

Доберман Зулус продолжал тихонько и надоедливо скулить из своего заточения, а из ванной по-прежнему слышался плеск. Я встал, подкрался на цыпочках к двери в ванную и сунул нос. Дарья стояла под душем, запрокинув голову и медленно поворачиваясь, а тугие горячие струи восхитительно-упруго били в тугое шелковистое тело, а еще крутился вокруг этого тела влажный весомый пар, обтекал его и пропадал где-то под потолком, и, черт возьми, я подумал о том, что никогда еще у меня не было такой женщины, как она, и я ее, наверное, совсем не заслуживаю: и не дура ведь, и терпение у нее есть, и темперамент на уровне, и фигура просто потрясающая, слов нет, хотя Гарька, к примеру, сказал бы, что грудь полновата, но Гарька — эстет оскаруайльдовский, что он понимает... и даже вот эта белая полоска на животе, оставшаяся от отверстия, через которое люди в белом извлекли аппендикс,

ее не портит, а, пожалуй, совсем наоборот... Но тут я был обнаружен, послан к черту и, прервав свои мысли, вернулся в комнату, тем более что на экране началось нечто неординарное. Начало я, как назло, упустил, но уловил главное: судя по словам диктора, правительство сегодня наконец приняло давно ожидавшееся решение о строительстве второго европейского пояса защитных энергостанций по линии Выборг — Вологда — Пермь, причем плотность энергостанций во втором поясе решено увеличить по сравнению с первым в полтора-два раза, иными словами, расстояние между термоядерными станциями будет составлять триста километров, между обычными АЭС — сто пятнадцать километров и между тепловыми энергостанциями — не более двадцати километров. Едва я успел переварить это сообщение, как зажужжал вызов. Я тихонько чертыхнулся, но клавишу «здесь» все-таки нажал, и на экране в специальном окошке справа внизу возник Гарька Айвакян. Черт. Так я и знал.

— Смотрел? — тут же спросил он.

— Ну, смотрел.

— И как тебе это? — возбужденно напирал он. — Ты ведь, кажется, это считал?

— Считал, — сказал я. — Грубая прикидка, конечно. Получается, что для того, чтобы остановить ледник, нужно строить десятигигаваттные энергостанции не более чем в восьмистах метрах друг от друга, так что сам понимаешь... Правда, я считал для северного пояса, там все же холоднее...

— Ясно, — сказал Гарька. — Слушай, ты бы хоть изображение включил, неудобно так разговаривать...

— Обойдешься, — отрезал я, слыша, как Дарья кричит из-за двери: «Эй, Самойло, с кем ты там?..» Не хватало мне еще, чтобы Гарька увидел ее, когда она выходит из ванной, вся в томлении и неге. Я его знаю.

— Нехорошо, — с грустью констатировал Гарька. — Познакомил бы... Слушай, а зачем их тогда строят, а? Ничего не понятно. Ты хоть понимаешь, чем все это кончится?

— Еще как, — злобно сказал я. — Соберут под гребенку всех дубоцефалов, добавят адаптантов, какие посмирнее, и пришлют к нам учиться. А ты как думал? И ты будешь их

учить, никуда не денешься, да и я никуда не денусь. И с нас за их знания еще спросят. Понятно?

— Это понятно, — сказал Гарька. — Я не о том. Я о том, что вообще...

— Э нет, — прервал я его. — Извини, сейчас не могу. Насчет «вообще» — это мы потом, ладно? Завтра.

— Ты погоди, я не то хотел сказать...

— Завтра, говорю! — закричал я. — Завтра!

Я дал отбой, отчего окошко справа внизу на экране тотчас погасло, и, немного подумав, отключил телефон совсем. И ладно. Вечер — наш. Сумрак за окном выглядел криминально. Экран скромно известил о том, что выпуск новостей окончен и что передача «Щит и меч» начнется через одну-две минуты. Одну или две? Никогда точно не скажут. Непонятным образом название передачи трансформировалось во мне сначала в «Шип и меч», а потом, прокрутившись в голове через некую сеялку, — в «Шип и мяч». Н-да. В общем, шарик лопнул.

Я пробежал по другим программам — там было что-то откровенно дубоцефальное — и выключил экран. Сзади послышались шаги, доберман призывно застучал лапами по полу, крутнулась дверная ручка, и голос Дарьи произнес: «Вот ты где, дурачок, настрадался, бедный, да?» Зулус оглушительно гавкнул. Немедленно в поле зрения возник морской свин Пашка и шариком закатился под диван, где, судя по звуку, тотчас вгрызся во что-то несъедобное.

— Эй! — сказала Дарья. — Где кофе?

— Будет, — пообещал я.

Она села с ногами в другое кресло, и я залюбовался. А ведь чуть не упустил ее тогда, чуть мимо не прошел, словно специально поставил себе целью упустить такую кису, хотя, конечно, настроение тогда у меня было, сколько я помню, препаршивейшее, и это в какой-то степени извиняет... Зато теперь приятно смотреть, как она сидит, свернувшись в кресле, в подпоясанном халатике, поджимает ноги, в которые тычется мордой дурак Зулус, и расслабленно дымит безникотиновой ароматической сигареткой, стряхивая пепел в маленькую пепельницу на подлокотнике. Вот эти сигаретки я не люблю, после них изо рта пахнет каким-то полупереваренным

одеколоном, и Дарья очень хорошо знает, что я их не люблю. Поэтому, должно быть, и курит.

— Бездельник, — осудила она и красиво выпустила струю дыма. — Доцент озабоченный. Ты зачем в ванную полез, когда не просили, а?

— Нельзя? — спросил я.

— Нельзя.

— А когда будет можно?

— Сам знаешь когда. Когда сделаешь предложение, тогда и можно.

— Могу сделать хоть сейчас.

— Дурак. Знаешь ведь, что я имею в виду.

— А-а, формальности! — сказал я. — А какие нам с тобой нужны формальности? Мерзлое шампанское, мороженые цветы, куча развеселых дубоцефалов и что-нибудь плюшевое на радиаторе?

— Хотя бы. Ты лучше не придвигайся, а то знаешь, как хочется тебе по физиономии заехать...

— Догадываюсь, — сказал я. — Впрочем, на мою физиономию ты уже посягала.

— Неужели?

— Забыла? — Я потрогал голову. — Еще легко отделался, на три сантиметра левее — и быть бы мне без глаза.

— Это я нечаянно, — сказала Дарья. — Подумаешь, один раз лыжи уронила. Это не считается.

— Это с шестого этажа не считается?

— Что-то я не пойму, — прищурилась Дарья поверх сигареты, — ты от меня отказываешься или просто дразнишь?

— Дразню, — сказал я. — Кстати, я женат. А ты торопишься.

— Знаю я, как ты женат. Долго смеялась.

Я пожал плечами: твое, мол, дело.

— Формально — женат... Я же тебе говорю: торопишься.

— А чего ждать?

— Вот составлю инструкцию по эксплуатации, повешу себе на грудь и заставлю вызубрить. Муж — он, видишь ли, предмет хрупкий, требует ухода, он еще раз лыжами по морде не выдержит, от этого только любовник в раж входит, а муж ведь и загнуться может...

Она не ответила. Вот всегда у нас так бывает, не можем друг перед другом не выкобениваться, без этого нам жизнь не в жизнь, а почему — загадка природы. Дарья молча курила, глядя куда угодно, только не на меня. Доберман наконец отстал. Я шуганул ногой Пашку, высунувшего нахальный нос из-под дивана, и позвал:

— Дарья...

— М-м?..

— Да нет, ничего. Просто я люблю твое имя... Не Даша, а именно Дарья. Знаешь, был когда-то такой персидский царь, Дарий Третий. Плохо кончил.

— Я, по-твоему, тоже плохо кончу? — спросила она. — И я у тебя тоже третья?

— А это много или мало?

— В твоем возрасте безобразно мало.

— В моем возрасте уже начинают думать о сохранности зубов и волос, — сказал я. — И еще в моем возрасте обычно умеют не все понимать буквально. Извини, пожалуйста.

Она надулась. Черт меня побери, если я не буду следить за своим языком. В моем возрасте... В моем возрасте не стоит быть просто болваном, пора бы уразуметь, что женщины всегда ищут подтекст, — даже там, где его нет. Так или иначе, но если я и почувствовал досаду, то только на себя, и через минуту уже был этаким котенком, пушистым и ласковым, которому даже сметаны не надо, только погладь. Я признавался, что не прав, распинался, что такой уж с детства, втолковывал об испорченной наследственности и о том, что в младенчестве выпал из кроватки и ударился о пол так, что этажом ниже обвалилась люстра, — в общем, нес низкосортную ахинею и только удивлялся, как плавно и гладко у меня это выходит, пока Дарья (мысли она читает, что ли?) не сказала:

— Язык у тебя, Самойло, — уполовинить бы.

— Зачем?

— Не зачем, а чем. Трамвайным колесом.

Здравая мысль. Сельсин как-то раз тоже в таком духе высочайше изволил высказаться. Стоп, она, кажется, сказала «Самойло»? Хороший симптом, надо не упустить.

И я проговорил скучнейшим сургучным голосом:

— Язык есть продолговатое, обычно красное, иногда с сыпью, средство общения человеческого индивидуума с другими аналогичными индивидуумами...

Она захохотала, закрыв мне рот ладонью. Моя паяльная лампа работала не зря: ледник между нами таял.

— Покажи свой с сыпью, — потребовала Дарья.

— Что?

— Язык, говорю, покажи.

— Зачем?

— Хочу посмотреть, раздвоенный или нет.

— Не раздвоенный.

— Зато уж точно без костей. И в трубочку, наверное, сворачивается.

Я продемонстрировал.

— А в две трубочки?

Я показал и это.

— А дурак ты, Самойло, — сказала Дарья. — Я понимаю, зачем я тебе нужна: должен же кто-то иногда говорить тебе, что ты дурак, тебе это иногда просто жизненно необходимо, от кого ты это услышишь там, где в умниках ходишь...

И все возвратилось на круги своя. Мы выпили кофе и дружно изругали бренди, потом мы выпили этого бренди уже без кофе, а потом еще раз кофе, но уже без бренди, и еще раз, последний, мы выпили немного, чтобы согреться после выгула добермана, расточительно заели настоящей треской в настоящем томате, а не вульгарным ротаном в рапсовом масле, и Дарья дважды принималась рассказывать, что и как у нее сегодня было в школе, а я слушал и даже вставлял философские замечания, в общем, вечер получился таким, как я хотел. И еще мы поговорили о Георгии Юрьевиче и о том, что надо-таки навестить его в больнице, а то свинство получается... А потом мы вместе разобрали постель, я напоследок вспомнил о Вацеке и Сашке и успел еще подумать, что нельзя же так, в самом деле... И сразу мои мысли распались на фрагменты, ничего в них не осталось, кроме меня и Дарьи, нам было в этот раз особенно хорошо вдвоем, все получилось просто чудесно, и во второй раз все получилось чудесно, вот только под кроватью все шуршал и шуршал проклятый морской свин, грыз, подлец, что ни попадя, и я сказал, что на таких свинов, по

идее, должны хорошо ловиться сомы, а Дарья хотела было рассердиться на меня за этот выпад, но не рассердилась, потому что уже засыпала, уткнувшись лицом мне в плечо. Должно быть, я тоже скоро заснул, потому что, когда открыл глаза, за окном оказалось утро.

8

Я скосил глаза на часы — они показывали семь с чем-то, — потянулся, смахнул с одеяла пригревшегося Пашку, зевнул и включил телефон. Утро выдалось таким же, как вчера, не хуже и не лучше. Дарья еще спала. Пусть поспит, полчаса у нее еще есть, а потом я ее разбужу, провожу и обдумаю, чем бы мне сегодня заняться. Пожалуй, почитаю, неделю уже ничего не читал по специальности, непростительно даже... А может быть, плюнуть на Сашку и все же поехать в институт?

Зажужжал вызов. Я прошипел сквозь зубы краткое ругательство, подскочил к экрану и повернул его в сторону от постели. Ну, если это опять Гарька... Уничтожу. Я ткнул в «здесь», и на экране громадным всклокоченным медведем возник дядя Коля. У меня сразу засосало под ложечкой. Что-то произошло, это было ясно сразу. Дядя Коля просто так звонить не станет.

— Живой? — хмуро спросил он, жуя усы. — Это хорошо, что живой. Я уже не надеялся. Картинку включи.

Я включил изображение. Дядя Коля усмехнулся: хорош я был, наверное, в трусах и без майки. Бройлер с кожей в пупырышках.

— Что-нибудь случилось? — спросил я шепотом.

— С чего ты взял? — ворчливо осведомился дядя Коля. — Это я думал, что случилось. Взял, понимаешь, манеру отключаться... Ты вот что... — он вдруг задышал и стал говорить тише, — ты там, случайно, никому на хвост не наступил?

— Никому, — сказал я. — А «там» — это где?

— Идиот! — рявкнул дядя Коля. — В институте.

— Н-нет, — промямлил я, соображая, что здесь к чему. Странный какой-то получался разговор. — А что случилось?

— Помнишь пистолет вчера утром? — спросил он. — На зачете. Ну тот, что ты тогда выбил?

— А-а, макет «тарантула»?

— Никакой это не макет, — сдержанно сказал дядя Коля. — Я только вечером обнаружил и сейчас же тебе звонить... Гнать меня надо. Настоящий боевой «тарантул» это был, новенький, смазка свежая. И полная обойма. Понял? Безгильзовые патроны с ртутными пулями, шестнадцать штук как одна.

Я сглотнул.

— А этот твой... новый подручный?

— Решетов-то? — рыкнул дядя Коля. — Исчез, тварь. Как с ведром вышел, так только его и видели, за дверью ведро бросил и деру дал. Я сообщил куда следует, так что имей в виду, к тебе могут возникнуть вопросы. Ты сегодня на службе?

— Не знаю, — сказал я. — Думаю вот: ехать — не ехать.

— Если надумаешь, позвони, — буркнул дядя Коля. — По-моему, ты кому-то очень не нравишься. И поосторожнее там, ясно?

— Ясно, — сказал я, и дядя Коля дал отбой. Я подошел к окну и прислонился к стеклу лбом. Стекло было холодное. За окном в провал между нашим и соседним домами падал медленный снег и где-то далеко, очень далеко, лениво, по-утреннему постреливали. Пусто там было, бело и пусто, и в этой пустоте начинался, постепенно разгоняясь, новый день, такой же, как остальные, самый обыкновенный московский день, и вот уже первая машина проехала внизу по улице, и низко, над самыми крышами, с гулом прошел, торопясь куда-то, десантный вертолет муниципальных сил, а Дарья за спиной заворочалась на постели и застонала, просыпаясь...

...Жил-был когда-то один человек. Иногда он совершал странные и необъяснимые поступки. Все думали, что он был дурак. А он был святой.

Жил-был другой человек. Он тоже совершал странные поступки, и все думали о нем, что он святой. А он был просто дурак, и поступки его были дурацкие.

А еще жил-был третий. Он и теперь жив. Он не был ни дураком, ни святым, никем он не был, так, ни то ни се, заурядное дерьмо в проруби. И все о нем прекрасно знали, что он дерьмо в проруби. Но у него был «тарантул» с рукояткой, до отказа набитой ртутными пулями...

Вот так.

Теперь понятно, почему «жил-был» первых двоих в таком плюсквамперфекте?

II. СЕНТЯБРЬ

1

Пламя пустили по ветру. Вначале дымно занялись костры на снегу под деревьями — все разом, все одинаково, будто в глазах множилось одно и то же. Кто-то командовал, от костра к костру метались раскоряченные тени. Мертвый лес не хотел гореть. В огонь плеснули нефтью, и первый длинный язык кинулся и облизал ствол до самой макушки. Вспыхнуло еще одно дерево. Я и не заметил, откуда взялась автоцистерна. Кто-то нелепо упал, споткнувшись о шланг. Встал, стряхнул снег, стал молча пялиться на ползущий под ногами резиновый хобот. Струя жидкого пламени ударила в голые кроны, и толпа попятилась. Взревела. Кто-то весь в белом с символом Солнца на впалой груди выбросил вверх тонкие голые руки. Что кричал, было не понять. Крутящийся дым относило в лес. Горел снег, пропитанный нефтью. Горела уже целая полоса на краю леса, пожар напористо шел вглубь, набирая силу. Последними остатками смолы плакали сосны. С пугающим треском взрывались горящие стволы. Тонкие ветви, схваченные огнем, извивались шипящими гадами. Корчились кроны. Невидимо и неслышно сгорали мертвые личинки в мертвой коре.

Половина шестого утра!

Полиция потеснила толпу с фланга. Это было уже кое-что. Я видел, как здоровенные ребята в сверкающих касках с забралами, сбив щиты в прозрачную шевелящуюся стену, повели наступление фалангой по всем античным правилам; как очень скоро из плотной шеренги, спрессовавшей перед собой человеческую массу до опасного предела, выхлестнул, врезавшись в самую гущу толпы, короткий острый клин и пошел, пошел

профессионально-методично резать толпу на части. Отсечь — рассеять, отсечь — рассеять! И еще. И еще раз. Шеренга отвоевывала пространство. Размеренно взлетали и опускались дубинки, появлялись и исчезали пойманные камерой в толпе орущие рожи с отблеском огня в вытаращенных рыбьих глазах. Кто-то падал, визжа смертным визгом. Кого-то топтали не замечая. Кому-то удалось выхватить полицейского из шеренги...

А потом я увидел самое страшное. Камера рывком, не по-профессиональному отвернулась от толпы, куда только что бесследно, как в трясину, канул полицейский, метнулась к горящему лесу, проехала было дальше, но тотчас вернулась назад и уткнулась в самое пламя. И тогда я увидел...

В пятидесяти метрах от края леса к деревьям были привязаны люди.

Их было немного, может быть, полдесятка, но они были. Теперь, когда пламя подступило к ним совсем близко, они стали видны отчетливо. Очевидно, они стали отчетливо видны и толпе, потому что толпа опять взревела. Колыхнулся воздух. «Смерть им! Смерть! — завопили в толпе. Голос подхватывали: — Смерть адаптантам! Очистим!.. Согрей нас, Ярило, прими жертву детей твоих!..» Утоптанный снег возле ног привязанных темнел и плавился от жара. Ближайшие деревья были охвачены огнем. Привязанные извивались. Привязанные грызли веревки. В огне их лица, подкрашенные багровым, расплывались в бессмысленные колышущиеся маски.

— Знак! Знак! Подай знак детям твоим... Знак!..

На миг толпа почему-то смолкла. Только на один миг. Но этого короткого, не предусмотренного никем мига хватило, чтобы услышать, как оттуда, из-за подступающего огненного барьера, кто-то тонко и отчаянно кричит: «...не адаптант! Не надо... А-а-аа-а-А-А-А!.. Развяжите меня, я же вам все сейчас объясню...»

— А-а-а-чис-ти-и-им!..

Человек кричал. Человек звал на помощь. Раскаленный воздух дрожал и метался. С вулканическим фейерверком рушились горящие сучья. Какие-то неясные движущиеся фигуры на мгновение показались очень далеко в лесу, задрожали в раскаленном ветре и исчезли. Наверное, к моменту появления

цистерны не все поджигатели успели выбраться из леса, и теперь отставшие и забытые спешили как можно скорее уйти от пожара. Я подумал о том, что они сейчас должны проваливаться в снег по пояс. Могут и не успеть уйти, вон как пошло вглубь...

— А-а-а... детей твоих... А-аа-а-а...

Камеру толкнули. И еще. Кажется, начиналась свалка: не то толпа все же прорвала шеренгу, не то полиция решилась-таки применить газ. Толпа завыла. Какие-то люди выбегали из черноты, скользили, падали, бестолково и невидяще метались перед камерой, прежде чем сгинуть прочь. Хрипели ямами ртов. Чадно и словно нехотя вспыхнула разлитая нефть — толпа, топча задавленных, отпрянула. С неба падали тяжелые хлопья. Еще, еще бежали люди, как же их много... Вот опять один упал... нет, успел подняться. Бессмысленные, бессмысленные глаза. Оператора сбили с ног, и на экране пошло-поехало: бегущие и кричащие люди, растоптанный снег, огонь, черный дым, розовый дым, бледный рассвет на востоке... Толпа разбегалась. Потом с бывшей опушки раскатисто бухнуло, полыхнуло диким огнем — цистерна таки не выдержала. Я еще успел заметить, как двое полицейских подобрали на снегу шамана в белом и, торопясь, поволокли его подальше от жара, а потом передача прервалась. И тотчас же зажужжал вызов.

Звонил, конечно, Гарька. В окошечке на экране возникло его лицо, слабо освещенное ночником, и темные голые плечи под бретельками майки. На стене за Гаркой маячила всклокоченная тень и из тени в свет ползла жужелица. Было слышно, как где-то неподалеку плачет ребенок, — наверное, бодрствовал Гаркин младший.

— Ты видел? — спросил Гарька.

— Видел.

— Все видел?

— Иди к... — злобно сказал я. — Дай отдышаться.

— Ск-коты! — сказал он. Плечи его тряслись вместе с белыми бретельками, и губы дрожали не то от плача, не то от бешенства. — Это как, а? Видел это? Да их же давить надо, псов, не люди они, их всех давить надо!..

— Согласен, — сказал я. — Прямо сейчас и пойдем?

— Куда пойдем?

— Давить, конечно. Каток возьми, не забудь.

— Это ведь как? — ничуть не прореагировал Гарька. — Это значит, они начали, понимаешь! Ты такое когда-нибудь видел? Ты об этом думал? Не мы, а дубоцефалы начали! Они! Теперь нам, по-моему, крышка, ты как считаешь?

— Это почему?

— А ты не понял? Да просто потому, что мы не возглавили! Потому что в рамки не ввели! Упустили момент, теперь жди, что они и до нас доберутся, до всех и каждого, и до нас с тобой тоже...

Сердце колотило как пулемет, с отдачей. Я торопливо дал отбой, глотнул воды из стакана на столике и некоторое время лежал неподвижно. Слава богу, Дарья не проснулась, только пошевелилась и промычала что-то невнятное. Пулемет у меня в груди потарахтел еще немного, потом там начали экономить боеприпасы, звук стрельбы ушел куда-то вглубь и пропал совсем, тогда я услышал ровное дыхание Дарьи, да еще в прихожей на коврике подскулил во сне Зулус, а в окне, в узком просвете не сошедшихся до конца штор, все сильнее и сильнее — на полнеба — разгоралось зарево, и даже отсюда чувствовался, давил сверху тяжелый дым с черными хлопьями.

Все-таки уму непостижимо, что творится. В чей это спинной мозг забралась мысль согреть кусок планеты лесным пожаром? Лесопарк сожгли, сволочи... Людей сожгли...

Не спалось. Я лежал под одеялом и думал о том, что в городе становится непозволительно много дубоцефалов, откуда только берутся? Всегда были? Ладно, были, но не в таких же пропорциях! Притом это уже что-то совершенно новенькое, Бойль сказал, что частью они переходная форма от людей к адаптантам с геномом последних и психологией и привычками пока еще первых, частью — шлак эволюции, со всей очевидностью обреченный на вымирание в ближайшей исторической перспективе. Хорошенькое дело! По-моему, вымирать они как-то не очень собираются, а если судить по тому, как резво они взялись за адаптантов, не собираются вовсе. Солнцепоклонники, чтоб их... Ярилопоклонники. Гарька-то прав, один из сжигаемых заживо явно не был адаптантом, а вот кем он был? Дубоцефалом? Человеком без отклонений?

Чушь какая-то. Чем вообще отличается человек без отклонений от дубоцефала, кроме степени умственного развития? Тем, что у одного душа, а у другого только потемки? Очень хорошо. Выньте из меня душу, измерьте ее и взвесьте, тогда я пойму, о чем идет речь. Ладно, чем еще? Правильным соотношением между высшей и низшей нервной деятельностью? Браво. У меня оно неправильное, это соотношение, признаю и не каюсь, а вы можете развивать эту тему дальше, я найду в себе силы не зевнуть при этом. Что хотите со мной делайте, но я не верю, что тот шаман в хламиде всего лишь обыкновенный придурок, не верю, и все тут. Так не бывает. Возможно, именно в том заключается отличительный признак человека, что он может быть предводителем толпы дубоцефалов, а дубоцефал — нет...

Противно.

Дарья шевельнулась, и я пошептал ей на ухо: «Спи, спи, хорошая». Потом осторожно откинул одеяло, пошарил по полу ногой, чтобы не наступить на свина Пашку, встал и поежился. В комнате было холодно. На окнах прочно намерзли абстрактные узоры, сейчас на них играли и искрились красные отблески далекого пожара, и надо было полагать, что по соседству с ним все еще кипела драка, а небо постепенно бледнело, и солнце давало понять, что вот-вот высунется из-за горизонта. Я надел брюки, попутным шлепком лишил будильник права голоса, сходил умылся и кое-как соскоблил с себя крем для бритья. Вот интересно, подумал я, почему никому не приходит в голову создать крем для битья? До битья и после битья. А что, это имело бы сбыт.

На кухне я зажарил себе консервированную яичницу и сварил кофе на одного. Дарья ровно дышала. Пожалуй, раньше чем через час будить ее не стоило, даже если учесть время, необходимое каждой женщине для распределения по лицу косметики, а потом я зажарю еще одну яичницу и сварю еще кофе, уже на двоих. Я разложил свой фриштык на журнальном столике, пал в кресло и стал есть. Уже совсем рассвело. Воздух стал прозрачен, наружный термометр мигнул и показал минус двадцать девять вместо минус тридцати. Звезды давно исчезли, зато дым от лесопарка стал виден лучше некуда — тянулся низко и не рассеивался, словно не желал загрязнять

такое утро. В каньоне между соседним домом и углекислотным заводом истаивала ущербная доходяга-луна, и на проспекте за квартал отсюда хором выли на доходягу снегоеды. Один, особенно шумный, напустив полную улицу пара, с урчанием прополз прямо по пешеходной дорожке под окнами, и я решил, что Дарья уж точно проснется, но она не проснулась, только всхлипнула во сне и перевернулась на другой бок. Я вдруг заметил, что не дышу, и обозвал себя по-нехорошему. Что, испугался? Нет? Врешь, не хочешь ты, чтобы она проснулась, боишься ты этого, трус...

А ведь и верно, боюсь. И не хочу. Совсем.

Тут я вспомнил, что ей сегодня не нужно идти в гимназию, и обрадовался. Пусть спит. Пусть не проснется до моего ухода, а я уйду тихо и оставлю на столике записку о том, что постараюсь вернуться пораньше, насколько это от меня зависит, так рано, как только смогу. Но вот когда я смогу заставить себя вернуться?..

Я не знаю.

А может, заночевать сегодня у себя? Бойль не помеха...

Я устыдился этих мыслей. Лучше всего было поработать, все же хоть какой-то паллиатив. Пока еще есть время. Я утопил посуду в мойке, тихонько достал спрятанные подальше от Дарьи расчеты и подсел к экрану, вырубив к чертям всякий звук. Так... на чем мы в прошлый раз остановились? Энергоэлементы. Черт, не моя это область, ничего я в этом не понимаю... Точнее даже так: распределенные аккумулирующие энерготепловые элементы, и если я в прошлый раз нигде не напорол, то этакий плоский блин получается, хоть собирай его на месте, хоть привози и раскатывай, а сверху присыпь субстратом и пускай травка растет, а вспомогательный реактор, конечно, вовне... Травка... Да там бананы вырастут. Можно, естественно, и не блином, а длинной такой лентой вроде бычьего цепня, так даже лучше... Ерунда, детали. А ведь неплохо получается, ей-ей неплохо, даже изящно, и вовсе это не чужая область, если я это первый застолбил. Вот вам всем доцент задрипанный! Нравится? Вот вам клерк патентной службы... Н-да. Эка хватил... Ладно, тепловики, будем считать, посрамлены навечно, и поделом: человек не паровоз, чтобы все время по рельсам за горизонт, человек — он волк, он рыскать

любит. Идея-то, братцы-волки, реализуемая... Сожрут они меня как пить дать, кричи потом, что не гений, а просто повезло: пришла в голову мысль, первая в этом году... Э, а это что такое? Предположим, здесь степень пять третьих, а не квадрат, тогда что получается? Бред получается. Какая-то сугубая лажа, не может здесь быть ни пяти третьих, ни квадрата, а скорее всего это величина переменная от режима к режиму... Ладно, дадим кому-нибудь потом это вывести, все равно ясно, что кпд у этой штуки не лучше, чем у Сизифа с его камнем, одно тепло, что и требуется, а сейчас, братцы-волки, мы с вами смоделируем картину поля вот в этих зазорах, очень уж она занимательная, эта картина...

Дело двигалось. Я рассчитал картину поля на холостом ходу, предварительно загадав, какой она получится, и проиграл себе месячный оклад. Потом я рассчитал поле в холодной плазме и проиграл себе будущую премию. В третий раз, чтобы не рисковать пенсией, я поставил на кон добермана и выиграл. Вот так всегда. Ладно, кому не везет в игре...

Я оглянулся и вздрогнул. Надо мной стояла Дарья. Я и не заметил, когда она проснулась, но, наверное, не только что, потому что халат на ней был. Судя по всему, она успела и умыться.

— Доброе утро, малыш.

— Это что показывают? — спросила она.

— Вот это? — с фальшивой бодростью сказал я. — Это... м-м... новая передача, математический телеконкурс такой, знаешь, для ума. Развивает. Погоди, сейчас сделаю нам что-нибудь другое.

Оставалось по-быстрому скинуть в память все, что я успел насчитать, и убрать с глаз диск с расчетами, пока Дарья не заметила. Пробежав по всем программам, я нашел мультфильмы и пододвинул кресло:

— Садись. Здесь тебе будет удобно. А я сейчас.

— Ты куда? — спросила она.

— Сделаю завтрак.

— А я уже позавтракала, — сказала Дарья, — пока ты занимался. И нечего меня за дурочку держать, конкурс какой-то выдумал... Думаешь, я поверила? Кстати, откуда в мойке тарелка? Это ты завтракал?

— Да, солнышко. Конечно, я.

— А-а. А я думала...

Она поправила волосы, и на лбу у нее вдруг вспыхнуло и засияло размазанное глянцевое пятно. К пятну боком прилип локон.

— Дарья! — заорал я не своим голосом. — Что с тобой?!

Она растерянно провела рукой по лбу и посмотрела на одну ладонь, потом на другую. Вид у нее был отстраненный. Я сорвался с места.

— Где? Стой, говорю! Да нет, не на лице! Стой, не дергайся! Руку покажи! Не ту! Ч-черт, бинт у тебя есть? Бинт давай! Перекись давай, промыть надо... быстрее, на пол капает... Да нет же, в ванную! Шевелись, шевелись живее!.. Это ты ножом?

Я потащил ее в ванную, ругаясь на чем свет стоит. Порез на ладони был глубокий, с пугающими рваными краями. Когда я стал промывать его перекисью водорода, Дарья почувствовала боль и попыталась выдернуть руку. Я не дал.

— Как маленькая девочка... Сколько раз тебе говорить, чтобы не хватала нож! Каждый день тебе говорить?

— Это не ножом, — сказала Дарья.

— А чем?!

— В мойке была чашка, — сказала Дарья. — Я еще подумала: откуда там чашка? Вчера не было, правда?

— Ну и что?

— А она вдруг как лопнет...

Набычившись и сопя, я бинтовал ей руку. Очень хотелось одеться и куда-нибудь уйти. Подальше. Туда, где не разламывают руками фарфоровые чашки. Туда, где не молчат часами, уставясь в одну точку, и надо почитать за благо, когда молчат. Очень хотелось остаться одному. Трудно было отделаться от мысли, что к вечеру она припасет что-нибудь еще, какой-нибудь новый фортель, и я опять, в который раз, буду к нему не готов. Впрочем, это процесс вероятностный. Дарья... Родной ты мой, глупенький, пошлый, тупеющий с каждым днем, невыносимый и очень нужный мне человек, зачем ты так? За что тебе такое? Знал же, знал, что это случается с другими, нечасто, правда, но все же случается, — и пусть бы это случалось с другими! Не с нами. Не с тобой.

Дарья молчала, изредка всхлипывая. Ей было плохо. Малопомалу я взял себя в руки.

— Самойло, — сказала она.

— Да, малыш?

— Самойло, я дура, да? — Она всхлипнула.

— Ну что ты, — сказал я. — Глупости. С кем не бывает. Пошевели-ка пальцами — не больно?

— Больно. Ты знаешь, мне иногда кажется, что я уже совсем дура. А иногда не кажется, я даже немножко боюсь, когда не кажется. Сколько времени?

— Семь двадцать.

— У-у. Мне пора.

— Куда тебе пора? — спросил я.

— Ты что, совсем уже? В гимназию. А я еще не накрашена.

Она оттеснила меня и прошла в комнату. Я вымыл раковину, не очень соображая, что делаю, потом взял тряпку и вытер на полу везде, где была кровь. Доберман проснулся и гавкнул, приветствуя утро, поискал глазами, нет ли в поле зрения жужелиц, а потом заскакал перед дверью на лестничную площадку. Ему не терпелось. Я замахнулся на него тряпкой, но не получил в ответ ничего, кроме порции оголтелого лая. Для добермана я не авторитет.

— Перестань собаку мучить, — немедленно отреагировала Дарья. — Фьють, Зулус! Зулуська... Зулусинька...

Она сидела перед зеркалом и подмазывалась, одновременно успевая краем глаза смотреть мультфильм. На экране веселый боров Ксенофонт, бодро похрюкивая, бил по голове каким-то кайлом злого медведя Пахома, и злой Пахом с кирпичным грохотом распадался на куски. Я запер пса в прихожей, осторожно подошел к Дарье сзади и положил руки ей на плечи.

— Солнышко мое... Как бы это тебе сказать...

— М-м?..

— Видишь ли, тебе не нужно сегодня идти в гимназию. Такое вот дело.

— Почему?

— Так, — сказал я, мучительно пытаясь что-то придумать. — Не нужно, и все. Ты мне поверь, малыш, я знаю.

Она посмотрела на меня пустым взглядом и кивнула. Если я говорю, что что-то знаю, то так оно и есть. Она мне верит.

Тем временем на экране разбросанные кирпичи, кроме нескольких, которые хитроумный Ксенофонт успел покидать в речку, пришли в движение и вновь сформировали злого Пахома, но уже без обеих задних ног, как видно, по недостатку стройматериала. Безногий Пахом покачался на заду, как неваляшка, и почему-то залаял.

— Во! — в восторге закричала Дарья. — Смотри, смотри — ног нету!

Я подошел к экрану и убавил звук.

— Малыш, ты меня поняла? Тебе не нужно сегодня в гимназию. Не нужно тебе туда. Совсем не нужно. Не ходи.

В ее глазах что-то появилось на миг и исчезло. Что-то похожее на сомнение или, может быть, на ускользающее воспоминание. Скорее всего на воспоминание. Она пыталась вспомнить.

— Мне нужно. Ведь не выходной... Или выходной сегодня? Нет? Тогда нужно. Я все время туда хожу. Каждый день.

— А сегодня не нужно.

Она не понимала.

— Как так не нужно... Зачем? Меня что, уволили?

— Не говори ерунды, — сказал я, кусая губы. — Вовсе не уволили, а только временно отстранили от преподавания. Это совсем другое дело. Ты не беспокойся, они так и сказали, что временно. На время. Просто тебе нужно немного отдохнуть, прийти в себя. Ведь ничего страшного нет, ты просто устала, ты побудешь несколько дней дома, отдохнешь, и все у нас с тобой будет нормально, так ведь?

— Да, — сказала она.

— Ну вот и хорошо... А сейчас ты уберешь со стола свою косметику и будешь хорошей девочкой, ладно?

— Угм. Ладно.

На экране продолжалось все то же: боров Ксенофонт принялся отвинчивать у инвалида Пахома последние конечности. Потом со щелчком, как кнопки, вдавил медведю глаза — Пахом от этого громко пукнул, — отвинтил ему голову и закопал.

— Классно, да? — сказала Дарья.

— Что? А, да, конечно.

С чего же все это началось, подумал я с тихим отчаянием. Не знаю. Может быть, с того, что она прекратила читать книги? Нет, это стало заметно гораздо позже... Последнее время она все читала детективы в ярчайших обложках дешевого пластика, она просто впивалась в действие и вскрикивала, сопереживая героям, а когда я, заглянув как-то раз под яркую обложку и морща нос, заявил, что, если бы меня днем и ночью окружала такая же публика, как в этих романах, я бы, пожалуй, выпрыгнул из окна к адаптантам, Дарья вспылила, и вышла у нас такая ссора с визгом, что просто тошно вспомнить... Теперь она ничего не читает. Я даже не испугался, когда три... нет, уже четыре недели назад впервые это заметил, я почти обрадовался, когда обнаружил, что едкий, острый Дарьин ум уже не довлеет надо мной, как прежде, уже не имеет той силы, что позволяла довлеть, не имеет той остроты и едкости, — и я расслабился, я даже был доволен ею и где-то глубоко внутри, пряча это от себя, предвкушал еще большее удовольствие: мир в душе и спокойную радость хозяина от обладания ценной вещью... тем более что в постели у нас по-прежнему все получалось прекрасно и даже лучше, чем раньше... Я пинал и гнал от себя мысль о том, что то страшное, что иногда случается с людьми, случилось с нею, и это неизлечимо, как въедливая разрушающая болезнь, хуже, чем болезнь. И как быстро, как безжалостно-неотвратимо идет процесс, нельзя ни остановить, ни замедлить, можно только быть рядом и смотреть, считая дни, которые уже прошли, и дни, которые еще остались... Можно еще вытащить со дна надежду, что все обойдется и процесс не то чтобы повернет вспять — такого не бывает, — но хотя бы замрет, приостановится сам собой — изредка это случается, — и пустить вплавь эту надежду, и на этой надежде держаться.

Самое время было сейчас собраться и уехать, я и так уже опаздывал, но медлил неизвестно зачем. Дарья смотрела в экран, одновременно напевая что-то не в рифму и не в размер про горбатого, который может ходить по пустыне, как верблюд, но не ценит своих возможностей, потому что глупый. Допев, она рассмеялась, очень довольная.

— М-м?..

— Смешно.

— Что смешно? — спросил я.

— Смешно, что глупый. Хорошо, что мы с тобой оба нормальные, да? Я бы не смогла быть дубоцефалкой. Правда-правда. Я тогда лучше повешусь.

— Дарья, — сказал я, — слушай меня внимательно. Постарайся понять, девочка, это очень важно. Сейчас для нас с тобой это важнее всего. Вспомни: тебя когда-нибудь генотестировали?

— Что? Да, конечно. Ты что, совсем уже? Когда в гимназию устраивалась, тогда и гено... Длинное какое слово, да? Зачем такое? Ге-но-тес-ти-ро-ва-ли. — Она загибала пальцы. — Ужас.

— Стандартным генотестом?

— А? Не знаю. Кажется, давали лизнуть какую-то стекляшку. Какое мне дело?

— А по форме А-плюс — никогда?

— Да не знаю я... Самойло, отойди от экрана, загораживаешь. Ты почему такой нудный? Я тебе уже надоела, да? Ну скажи — надоела?

— Нет, что ты.

— Тогда иди ко мне. — Она вдруг рывком распахнула халат — веером разлетелись пуговицы, заскакали по полу. — Иди, слышишь! Ну иди. Ты смотри, как у меня... — Она всунула свои груди мне в ладони. Груди были горячие. — Помнишь, ты рассказывал мне, что был какой-то художник, который рассчитал, что оси симм... симметрии грудей должны сойтись на каком-то позвонке? И тогда это идеальная грудь. Помнишь?

— Помню, малыш.

— Где, по-твоему, сходятся эти оси у большинства женщин? — спросила она и предвкушающе облизнулась.

— Высоко над головой, — механически повторил я свою старую плоскую хохму, еще надеясь, что все обойдется, и все же наклонился и поцеловал тянущиеся ко мне влажные губы. Потом осторожно освободился. — Прости. Мне пора.

— Что? Нет, нет... Ты уже уходишь? Я знаю, зачем ты уходишь: ты больше не вернешься, да? Скажи хоть раз правду: не вернешься? И уходи! — вдруг неожиданно и яростно закричала она. — Сама знаю, что я тебе никто! Найдешь другую! Исчезни отсюда вон, дрянь, ну! Йи-и-и...

Я успел схватить ее за руки, когда она бросилась на меня с визгом дикой кошки. Лицо удалось уберечь, но по коленной чашечке мне досталось чувствительно. Я с трудом удержался, чтобы не взвыть.

— Дарья... Что ты, малыш, успокойся. Все будет хорошо... Все уже хорошо, верно?

Она смотрела куда угодно, только не на меня. Она смотрела сквозь. В ее глазах не было гнева, как перед этим не было желания. Они были блестящи и пусты, ее глаза, пусты, как черные впадины, прикрытые пленкой. Как вычерпанные до дна угольные ямы. Кричащий рот перекосила судорога.

— Вернусь как обычно, — сказал я, осторожно отпуская ее руки и напрягаясь. — Не открывай чужим и займись чем-нибудь. Постарайся не скучать.

— Сволочь!..

Я пожал плечами. В прихожей оглушительно залаял Зулус, требуя выгула. Где-то под диваном, невидимый, часто-часто зачихал простуженный морской свин — а может быть, вовсе не зачихал, а зафыркал, не одобряя происходящего. Я повернулся к двери.

— Самойло! — крикнула Дарья. — Ты не уходи, ты постой еще немного... Самойло, что со мной, а?..

2

Выждать. Подручное средство — шарф, торопливо сдернутый с шеи. Скудно. Не суетиться, пусть противник ударит первым, а если заупрямится, нужно выманить удар на себя. Наверняка не заупрямится: противнику по правилам игры полагается быть нахрапистым и полным уверенности в себе... Дрянь у меня, а не шарф, мягкий, даже по глазам как следует не хлестнешь. Ладно, урок понял. Впредь буду таскать на себе ошейник с шипами.

Есть! Удар снизу. Нож легко протыкает шарф, и, пока рука с ножом продолжает движение, я, уходя от удара, успеваю сделать оборот шарфом вокруг этой руки, затем захлестываю петлей шею. Бросок — и полузадушенный противник на полу, а если особенно повезет, то либо с повреждением шейных позвонков, либо с раной, нанесенной себе собственным холод-

ным оружием. Так сказано в теории. Практически же только теперь противника нужно обезвредить по-настоящему, и для этой задачи практика не нашла лучшего подручного средства, чем каблук. Можно пожалеть гада и ударить по пальцам, нужно только быть внимательным, чтобы не напороться лодыжкой на нож. Можно врезать по ребрам, поближе к сердцу. Можно ударить в лицо.

Никто, впрочем, не бьет. Пятеро валятся на маты, хрипя и наглядно показывая, какие глаза бывают у глубоководной рыбы. И — ничего. Дядя Коля бурчит в усы, усмешка у него нехорошая. Он прекрасно понимает, чего хочется нашим мышцам в эту минуту. Он даже понимает, что мы знаем, что он это понимает. Пятеро удавленников встают с матов, и вид у них такой, что «пропади все пропадом, лучше пойду заниматься дзюдо». Точно такой же вид был у меня всего лишь пять минут назад. Крутить головой все еще больно.

— На сегодня хватит. Завтра можете не приходить, кроме Струкова и Колесникова. Послезавтра у всех коллоквиум. Трое противников, одна минута. Обязательно проведение приемов номер четырнадцать, тридцать семь и сорок один — сорок три. Подручные средства: портфель, шарф, пустая пластмассовая бутылка. Все. Можете идти.

Пар — клубами. Недавно дядя Коля придумал заниматься в верхней одежде, с тех пор в подвале холодно и промороженные стены обросли инеем в два пальца толщиной. Отопление отключено, и, кажется, надолго. Во всяком случае, до тех пор, пока дядя Коля не решит, что каждый из нас способен ходить по улице без сопровождения взвода автоматчиков. Всего неприятнее, когда по ходу спарринга приходится бросаться ничком на хрусткий, задубевший от холода мат, — правда, зябко только поначалу. В этом подвале еще никто не замерзал.

— Какое оружие у нападающих? — спросил кто-то из новеньких, возясь с завязками набрюшника. Я разглядел пару ухмылок, тотчас погасших. Новичкам простительно задавать дурацкие вопросы. Противник может быть вооружен чем угодно, вплоть до ручного пулемета. Он может быть не вооружен ничем. Это личное дело дяди Коли.

— Любое. Проваливайте.

Набрюшники, нагрудники и набедренники были сняты и заперты дядей Колей в шкаф. На коллоквиуме шкаф останется запертым, коллоквиум — это серьезно. Только у нападающих жизненно важные органы могут быть прикрыты кевларовыми пластинами. Свистать наверх медицину. Недавно на институтской конференции проректор по кадрам погнал волну, крича, что в секции самообороны при помощи подручных средств институт теряет больше людей, чем во всех других, вместе взятых. «Все верно, — ответил дядя Коля. — Но институт теряет их раненными, а не убитыми. Это обратимо. Зато, когда они остаются с жизнью один на один, их гибнет намного меньше, чем ребят из других секций, разве нет?» (Он нас всех называет ребятами, вне зависимости от чинов и ученых степеней.) Больше он ничего не сказал, а начальство для сохранения лица еще немножко прошлось насчет необходимости всячески беречь, приумножая, и заткнулось.

— Сергей, задержись-ка.

Ну вот... Задерживаться мне не хотелось. Я с надеждой взглянул на часы. Отряхивая на ходу рукава и с любопытством оглядываясь на меня, преподаватели спешили на воздух. Новенького уже за дверью разобрал нервный смех, слышно было, как его толкают, приводя в чувство.

— У меня лекция, — сказал я. — Извини, дядя Коля.

— Задержись, я сказал.

Дверь за последним из выходящих закрылась. Плохо быть любимчиком, подумал я. Дядя Коля пока молчал, держа педагогически выверенную паузу. Ну, ясно. Опять наставление для бойскаутов младшего возраста. Если верно, что зрелость наступает тогда, когда пропадают мечты и начинают формироваться планы, то моей зрелости уже лет пятнадцать. У дяди Коли иное мнение. Для него я ныне и вовеки — разболтанный вьюноша, нуждающийся в патронаже. Он меня любит.

— Что нового? — спросил дядя Коля.

— Ничего... А что ты имеешь в виду?

— Новых попыток не было?

— Каких попы... А, вот ты о чем, — сказал я. — Нет, ничего такого, жив пока. Тишь да гладь, сам удивляюсь. Ну, уличные дела, понятно, не в счет. Это как обычно.

— А где синяк взял? — поинтересовался дядя Коля. Я потрогал скулу.

— Споткнулся, упал.

— Упал, говоришь? — Дядя Коля понимающе хмыкнул. — Ладно, сколько их было?

— Один.

— Ну, знаешь...

— С пистолетом, — уточнил я. — И не в упор.

Дядя Коля только фыркнул.

— Адаптант?

— Черт его разберет. По-моему, просто какая-то сволочь. Подпустил прямо на улице шагов на тридцать и врезал, как в тире. По движущейся. Я, само собой, на месте не стоял.

— С тридцати шагов по движущейся нетрудно и промазать, — сказал дядя Коля.

— Он и промазал.

— Значит, пронесло? — спросил дядя Коля.

— Похоже на то.

Дядя Коля грянул по письменному столу кулаком. В утробе стола хрустнуло, посыпался иней.

— Я так и думал, — сказал он. — Каким был, таким остался. Мальчишка! Чему я тебя учил, а? Чему я вас всех учу? Я вас учу тому, как выжить, а вовсе не тому, как правильнее махать той дрянью, что попадется под руку, это только средство! В наше время выжить — чаще всего значит обезвредить противника. Твой противник обезврежен?

— Не знаю... Решетов не объявился?

— Жди. Следствие прекращено за отсутствием состава преступления. Полиции нужен труп, тогда они зашевелятся. У них свои дела, у нас свои. Нам-то с тобой труп не нужен, верно?

— Это смотря чей, — мрачно сказал я.

— Ничей. Ладно, об этом хватит. Слушай, а где твой дружок? Вацек... как его? Юшкевич, что ли? Переметнулся?

— Нет.

— Ты ему скажи, чтобы на занятия ходил, — сказал дядя Коля, — и от меня прибавь пару ласковых. Он уже два зачета пропустил, потом не догонит. Скажешь?

— Да, — помялся я. — Обязательно. Если смогу.

— Что значит — если смогу? — насторожился дядя Коля. — Что еще такое?

Так я и знал, что этот разговор когда-нибудь возникнет. Пропади все пропадом. Инструкции инструкциями, а врать дяде Коле я не умею. Не получается.

— Я имею право знать? — спросил он.

— Нет, — сказал я.

Дядя Коля прошелся по комнате тигром, бормоча себе под нос. Давненько я от него такого не слышал.

— Не ругайся, не поможет.

Дядя Коля перестал ходить.

— Давно его забрали?

— Кто его забрал? — изумился я. — Куда его забрали? Ты о чем, дядя Коля? У нас народная демократия все-таки. Это только адаптантов теперь можно, и то не всех, как оказалось, а он даже не адаптант. Проверено.

— Черт его знает, может, и стоило, — задумчиво сказал дядя Коля. — Дыма без огня, знаешь...

— Я на лекцию опаздываю, — сказал я.

Дядя Коля взглянул на меня с усмешечкой:

— Не знал я, что и ты в этом дерьме... И как тебе там? Давно влез?

— Куда?

— Я должен был раньше догадаться, — сказал дядя Коля. — Вижу, неладно с парнем. Или я ошибаюсь? Ты не молчи, ты мне скажи, если я ошибаюсь.

— У меня все в порядке, — сказал я.

— Может, все-таки расскажешь? — предложил он, помедлив. — Вместе бы придумали что-нибудь.

— Извини, мне некогда.

— Весь ты какой-то... — неодобрительно сказал дядя Коля. — Нервный, шипы во все стороны. На прошлой неделе, говорят, какого-то студента в кровь избил. За что?

— А отвечать обязательно? — спросил я.

— Твое дело. Разные, понимаешь, слухи ходят. Большой шум был?

— Не было шума. И не будет.

— Ага, — сказал дядя Коля. — Я так и думал, что студентишка-то этот... того... Верно я думаю?

— Думай как хочешь.

Сейчас бы и уйти, но дядя Коля навис надо мной, как скала. Утес. Мохом порос. Педагог.

— Не нравишься ты мне последнее время, Сергей. Морду себе не добрил, волком смотришь. Не заметишь, как последняя женщина от тебя сбежит. Ты среди людей живешь, с тобой уже и так здоровается не каждый, а почему? Не замечал? Врешь, не верю. Ты бы хоть Карнеги, что ли, перечитал — классика! — или этого... как его... Бундук-Ермилова, недавно книга вышла, хорошо, гад, пишет, как раз для отечественных условий. Принести тебе?

— Сам читай, — сказал я.

— Почему?

— Не хочу. По-моему, нечестно это как-то. Превентивное одностороннее преимущество. Подловато.

— Ага! — каркнул дядя Коля. — Так я и думал. Значит, желаешь быть самим собой? Похвально. И как это у тебя получается, интересно мне знать? Подручные средства выручают?

Я отмолчался.

— А тот приемчик, что ты без меня освоил... — Дядя Коля молниеносно сделал захват, и я только и успел, что приготовиться к жуткой боли, но он вдруг отпихнул меня в сторону. — Это не подлость?

— Подлых приемов вообще не бывает.

— Вот как?

Нет, голос дяди Коли — это нечто. Этакий боцманский рык, от которого дрожат мачты дредноута и всплывает кверху брюхом мелкая рыба. Доценты разные всплывают.

— Знаешь, дядя Коля, мне смешно, — сказал я. — Если у тебя есть понятие о благородном поединке, то очень хорошо. Держи его при себе. В мои правила не входит напрашиваться на драку, ты знаешь. А если меня кто-то к этому принуждает, с какой стати мне вести себя по его правилам? Почему ты считаешь, что в драке вот это морально, а вот это — нет? Драка вообще вне морали. Я буду защищать себя так, как сочту нужным.

— То есть убьешь?

— Может быть, только искалечу.

— Хорош, — пророкотал дядя Коля. — И откуда такие берутся?

— А какие?

— Да вот такие... чистоплюи. По полочкам все разложит, не придерешься, а сам, если вникнуть, просто шкура без чести, без совести, и озлобленный, как всякий слабак. Чуть копнешь — и вот оно, выползло! Кушайте.

— Мне можно идти? — поинтересовался я.

— Иди. И чтобы я тебя... Стой! — Я обернулся. — Скажика лучше: тебе уже приходилось убивать людей?

— Нет.

Дядя Коля невесело усмехнулся. Усы его топорщились.

— Ну, это ненадолго...

3

На лекцию я все же успел, да еще забежал в деканат и с неудовольствием переварил новость: общее собрание на сей раз не перенесено и состоится сегодня в обеденный перерыв в помещении кафедры электрических машин. Секретарь, жуя какую-то мочалку, безапелляционно сообщил мне, что явка строго обязательна и будет проконтролирована.

— Кем? — агрессивно осведомился я.

Секретарь устремил толстый свой палец в потолок, и больше я от него ничего не добился. Зато в «два-Б» сегодня было на удивление пристойно, один только раз в меня запустили бутылкой, и то без всякой злобы. Просто так. Я прочитал лекцию, как в какую-то широкую бездонную трубу, не имитируя преподавательскую увлеченность и очень стараясь не поворачиваться к аудитории спиной. Студентов на этот раз пришло немного, и я отпустил их за полчаса до звонка, наказав — впустую, разумеется, — не оглашать коридор звуками охоты на мамонта, особенно в виду патруля. Будет мне от Сельсина. Впрочем, сие еще не доказано, и так может быть, и этак, особенно в свете давненько идущих разговоров о том, что занятия будут временно прекращены. А почему бы, в конце концов, и нет?

Поразмышлять об этом по дороге к лабораторному корпусу мне не дали: один слишком хорошо знакомый и осточер-

тевший всему деканату студент — не дубоцефал — из легендарных «хвостистов», память о которых хранится в студенческих преданиях десятилетиями, хищно выскочил из засады в вестибюле и какое-то время бежал вслед за мной по промороженной улице с развязностью, почитаемой легендарными личностями за человеческое достоинство, требуя принять у него «хвост». Под конец он выдохся, замерз в своем свитере, отчаялся и только просительно шлепал синими губами нечто вроде «Серг Гиеныч», — тогда, помучив нахала еще немного, я назначил ему время на послезавтра, и легендарная личность отстала. В легенде, конечно, будет наоборот. Черта с два он у меня в этот заход трояк получит, пусть побегает еще. Глобальной энергетической не нужны легендарные личности. Она сама по себе легенда. Пока в эту легенду будут верить, можно будет заниматься работой. И еще надеяться, что кто-то подумал о том, что нам делать, когда в легенду об остановке ледников верить перестанут.

Создать другую? Придется. Плохо нам всем будет, если мы ее не создадим. Гореть нам дымным огнем в лесопарках, по энергетику на каждый ствол... Природа дубоцефалов не терпит пустоты, ей нужно взамен что-нибудь адекватное.

Я так и вошел в лабораторию, бормоча себе под нос, как заклинание: «...не терпит пустоты... природа не терпит простоты... природа не терпит простаты...» Гм. Спорная мысль.

Время! Я поднялся на пятый этаж к Гарьке, выдернул у него с занятий двух третьекурсников с потока «Э», растолковал им задачу и посадил за расчет режимов. Сашки не было. На вертящемся стуле перед его столом наличествовал рабочий халат в пыли и трансформаторном масле, а посреди стола на измятом номере газеты «Шуршащий друг» красовался стакан с остатками вчерашнего чая, увенчанный надкусанной горбушкой, и коричневый ободок показывал вчерашний ординар. Сейчас уровень жидкости стоял ниже — впрочем, рассмотреть было трудно. Стакан Сашка сроду не мыл, добиваясь, чтобы тот приобрел благородный коньячный оттенок. По стенам лаборантской — тоже Сашкина работа — висел на кнопках набор журнальных «кисок» в купальниках и без. «Киски» были преимущественно восточного вида, загорелые и под пальмами, а одна, полностью обнаженная, — в зеленеющих бамбу-

ках. Интересно, где на Земле еще растет бамбук? Чушь какая-то. Я нашел линейку, брезгливо отодвинул ею стакан к краю стола и сдул крошки. Терпеть не могу бардака, если его устраивают другие. Особенно Сашка. Удружили кафедре штатной единицей... Самое интересное, что поначалу от него даже был какой-то толк как от лаборанта — плохонького, но все же лаборанта, — зато теперь он повадился внезапно и бесследно исчезать и внезапно появляться как раз тогда, когда меньше всего нужен, а совсем недавно, вскоре после того как исчез Вацек, я застал Сашку в деканате за разговором с Сельсиным, и вид у Сельсина, когда я вошел, был сконфуженный, просто небывало сконфуженный, никогда Сельсина таким не видел...

А подите вы все в клозет! Самое умное, чем можно заняться на работе, — это работа. Время до лабораторки еще было. Я подсел к экрану и вытащил свои модели. По существу, оставалось сделать не так уж много, и если это пройдет... Должно пройти, странно только, что никто еще до этого не додумался. Ведь могу же еще кое-что! Могу! Ладно, если так пойдет дальше, то через пару дней можно оформлять идею и нести пред ясны очи. Сельсин в кровь макушку расцелует.

Довольно скоро я поймал себя на том, что сижу сиднем и тупо гляжу на экран. Вот зараза, не могу работать. Здесь, сейчас — не могу. Могу сейчас, но не здесь. Или могу здесь, но не сейчас, а до того, как забрали Вацека, а значит, уже не могу. И вот что самое смешное: первые дни после его исчезновения я всерьез полагал, что Сашка меня избегает. Будь я проклят, если это не льстило моему самолюбию, если не поднимало меня в собственных глазах! Мелкий ты человечек, доцент Самойло, тварь ты дрожащая... ну, положим, не вполне дрожащая и не перед каждым, но слабак — это уж точно, прав дядя Коля. Ты ведь даже по морде, по морде ему не съездил, а ведь должен был. Как человек — обязан был! Принародно и первым же подручным средством. Начальство бы ему не простило — ну и мне тоже, конечно. И что с того? Поехал бы в снега обслуживать рубильник и останавливать ледник руками? Да с радостью! Теперь-то поздно, теперь это так же непросто, как прикурить от паяльника, раньше надо было... А скользкий ты, оказывается, тип, доцент Самойло, когда-то я о тебе луч-

ше думал. Дрожишь ты за свою сохранность, держишься за Сашку — ртутных пуль боишься, отравленные иглы тебе не нравятся... А кому они нравятся? Надо понимать так, что кому-то на хвост я все же наступил. Где-то я от них совсем близко, ходим ощупью впотьмах, и не поймешь, кто кому в затылок дышит. То ли мне дали передышку для того, чтобы я расслабился, как лапоть, то ли для того, чтобы свихнулся от ожидания, как неврастеник. Потом со мною разделаются, опять прав дядя Коля. Спасибо. Ничего ты толком не понимаешь, дядя Коля, но все равно тебе спасибо...

— Начальству — салют!

Сашка.

Я не ответил. Он шел от двери ко мне — легкий, бодрый, уверенный в себе, как после хорошего отдыха, ступающий чуть пружиняще и в то же время с точно отмеренной порцией угловатой развинченности, свойственной возрасту, — когда-то и мне не пришло в голову усомниться в том, что ему двадцать один год. Это у него здорово получалось. Был он с мороза, румян и свеж, и черный, небывало чистый его костюм был элегантен, как Дашкин доберман, — сам Сашка элегантен не был, а вот черный костюм элегантен был. Не мятый свитер. Что-то фальшивое было в этом костюме, игрушечное. Положить в коробку и завязать бантиком... И почему-то запахло аптекой. Приглядевшись, я заметил пластырь у Сашки на шее. Пластырь был небольшой и слегка вздутый. Под самым ухом.

— Холодно, — сообщил Сашка, растирая руки. — Пока шел, черт, совсем дуба дал. Хорошо, хоть ветра нет, а то совсем бы... Даже адаптанты куда-то делись. Мороз и солнце, день чудесный... Это чье?

По-моему, он не рассчитывал даже на междометие вместо ответа. Я изобразил, что работаю. Сашка сделал движение, будто собирался с размаху плюхнуться на стол рядом с экраном, но не плюхнулся. Костюм обязывал. Вместо этого он заглянул в экран, фыркнул и положил передо мной свой брелок-кошку с горящими глазами.

— Поговорим? По-моему, назрело.

— У меня занятие, — холодно сказал я, вставая. — И я намерен его провести, мне за это деньги платят...

Сашка заступил мне дорогу. Теперь я уловил носом не только аптеку. Пахло крепким мужским одеколоном и чем-то еще, но не одеколоном и не аптекой. Чем-то из мира, предельно далекого и от того, и от другого. Гм, а ведь знакомый запах...

— Позволишь пройти? — осведомился я.

— Напрасно вы такую нагрузку взяли, Сергей Евгеньевич, — кротко сказал Сашка. — По-моему, она мешает вашей основной работе.

Черта с два он был намерен меня пропустить. Я почувствовал, что теряю сцепление с реальностью. Тут хорошо иметь под руками что-нибудь бьющееся, лучше всего фарфоровое, это отрезвляет в два счета... Господи, подумал я с тихим ужасом, глядя Сашке в лицо, только не сейчас...

— Моя основная работа — здесь, — сказал я. — Отойди. Я психически неуравновешен.

— А я что говорю? — сказал Сашка. — Конечно, здесь. Нам с тобой, Серж, поговорить просто необходимо, хотя бы для того, чтобы понимать друг друга. Нехорошо получается, работаем с тобой бок о бок, а дружбы нет. Или, может быть, — он ухмыльнулся, — вы, Сергей Евгеньевич, теперь предпочитаете общаться со мной сугубо официально? На «вы»?

— Предпочитаю — никак.

— А зря вы спешите, Сергей Евгеньевич... — Сашка теперь улыбался во весь рот. — Во-первых, еще рано, никого нет, а во-вторых, с сегодняшнего дня занятия в лаборатории будет вести тот, кому это положено. Вацек Юшкевич.

Кажется, у меня отвалилась челюсть. Я торопливо сглотнул.

— Выпустили?!

— А что тут удивительного? — сказал Сашка с наслаждением.

— Да так... — Я растерялся и сел. — Не ожидал. Вообще-то, конечно... Я рад. Но... не ожидал, честно скажу.

— Ты еще ГУЛАГ вспомни, — осуждающе сказал Сашка. — В нашей стране почему-то у каждого прямо с рождения превратное мнение о службе нацбезопасности. Ничего с твоим Юшкевичем не случилось, жив и весел. Прошел проверку генокода, только и всего, — есть у нас одна экспериментальная методика, достоверность три девятки. Секретности нет, со временем будем внедрять ее повсеместно. Результат отрицатель-

ный — гуляй и радуйся, что ты человек, задерживать далее не имеем оснований. Он сейчас подойдет.

— Мне что, сказать спасибо? — спросил я.

— А это как тебе удобнее. Ты погоди, я тебя еще с его женой познакомлю. Такая, знаешь, цыпа — что ты!..

— С какой еще женой?

— А ты нелюбопытен, — сказал Сашка. — Тебя, кстати, это тоже касается. Ладно, раньше времени ничего говорить не буду. Сегодня в обед собрание, не забудь.

— В обед обедать надо.

— Один раз потерпишь. Кстати, что у тебя произошло с этим студентом?

Я вздохнул.

— Он заложил двоих, которые не заплатили ему дань. Держал в страхе всю группу. Эти двое были обыкновенными дубоцефалами. Их взяли. По-моему, он просто клинический подлец с манией величия, а когда я ему так и сказал, он заявил, что это, мол, не моего ума...

— Дальше я знаю, — поморщился Сашка. — Тебе это не понравилось, и ты совершил героический поступок. Отправил человека в больницу, а толстолобики тебе помогали по мере сил. Очень хорошо. Мы проследим, чтобы подобные случаи больше не повторялись. А вам, Сергей Евгеньевич, от меня добрый совет не увлекаться самодеятельностью. Это ставит нас в один ряд с теми, кто идет за событиями, вместо того чтобы управлять ими. Вы меня поняли?

— А без стукачей никак нельзя? — спросил я.

Рожа у Сашки поехала вширь, будто он собирался заржать. Но он не заржал. Какую-то секунду казалось, что сейчас он хрюкнет, хлопнет себя по ляжкам и начнет трястись и давиться, вытаскивая из себя сквозь приступ радостного смеха: «...ну ублажил... ну ты юморист, Серг Гиеныч... не могу... как-как ты сказал?..»

— Предложите что-нибудь взамен, — серьезно посоветовал Сашка. — Мы бы рассмотрели, даю вам честное слово. Но я чувствую другой ваш вопрос, поправьте меня, если я не прав. Доколе этот хлыщ будет тут маячить и мешать работать всем, кому можно. Вот именно такой вопрос я в вас и читаю: доколе? Это верно?

— Допустим.

— А вы заелись, Сергей Евгеньевич, — сказал Сашка. — Я понимаю, что вам так не кажется, я также полностью в курсе ваших личных проблем, но все-таки вы заелись. Вам бы иногда пройтись по городу, оглядеться вокруг — неужели у вас не возникает такого желания? Вы же все-таки ученый, пусть даже технарь, это не суть важно, главное здесь подход, — вы должны понимать, куда мы с вами катимся. И вы ведь это понимаете! — Сашка повысил голос. — Вы прекрасно все понимаете, только не желаете об этом думать. Вы привыкли считать, что у государства обязательно имеется кто-то, кому по должности положено думать за вас. Так вот он я! — Сашка ткнул пальцем себя в грудь. — Не нравлюсь? Хотите кого-нибудь другого? А не много ли вы от государства хотите, господа техническая элита? Вот я сижу здесь, думаю за вас и стараюсь сделать все от меня зависящее, чтобы вы остались жить и могли работать. Я вас спрашиваю: желаете ли вы — я имею в виду отнюдь не только вас персонально, — желаете ли вы остаться с этим миром один на один? Нет? Ну, разумеется. А ведь вы очень, очень плохо знаете этот мир. Вам когда-нибудь приходилось бывать в покойницкой при полицейском участке? Наверняка вы даже не знаете о том, что при каждом полицейском участке теперь имеется покойницкая. Пришлось учредить. А отрезанную голову ребенка вы когда-нибудь видели? А придурка, который режет себя вдоль и поперек осколком стекла и даже, сволочь, не чувствует боли? Уверен, что не видели и не стремитесь. Но кто-то обязан это видеть каждый день, кто-то должен заниматься этим дерьмом, чтобы вы могли работать, потому что вся надежда теперь только на вас, на то, что вы исхитритесь, извернетесь, встанете на уши и наконец придумаете, как нам остановить этот кошмар. Вам известно, что сейчас творится на Юге? Сейчас туда перебрасывают войска и вообще невозможно предсказать, чем все это кончится. Вы знаете, что представляет собой наша армия? Там служат дубоцефалы! Кстати, в армиях других стран примерно такое же положение, хотя они, естественно, не делятся с нами этой информацией. Что говорить о рядовом составе — мы вынуждены отдавать дубоцефалам ряд младших офицерских должностей! Кроме пока еще стратегических сил, но и о них, боюсь, скоро нельзя будет

сказать ничего определенного. В девяноста процентах случаев командование просто не знает, что может выйти из самого немудрящего приказа. Государство освобождает всех маломальски пригодных людей, к которым, кстати, относитесь и вы, для работы на свое будущее, пока кто-то еще способен позаботиться о настоящем. Никто не принуждает вас разделять все тяготы народа, а взамен от вас просят только сотрудничества, которое вам, безусловно, по силам и вдобавок в той или иной форме оплачивается, и еще чтобы вы не воротили носы при виде золотарей, потому что кому-то нужно заниматься и этим. А что делаете вы?

— Вообще-то я сотрудничаю, — сказал я. — И потом, все это я слышу довольно регулярно. Сельсин дает накачку.

— Пусть в меня так стреляют, как ты сотрудничаешь, — сказал Сашка. — Я, конечно, понимаю твои чувства к приятелю, но и ты должен осознать, что в нашем деле оправданны даже ошибки, если они не ведут к катастрофическим последствиям, а в деле с Юшкевичем это заведомо не так. Имей в виду, мне проще всего было бы считать, что скрытым адаптантом и убийцей по меньшей мере троих преподавателей был этот самый исчезнувший Решетов, тем более что убийства в институте теперь прекратились, — тебя устроит такая версия?

— Нет.

— Меня пока тоже. Ты сам прекрасно понимаешь, сколь многого эта версия не объясняет. Значит, будем работать, да или нет?

Да, кисло подумал я, кивая. Работать-то мы будем... Вацек отпал, кто следующий? Чтобы найти тупик в конце темного коридора, нужно пройти его весь. Может быть, конечно, там окажется и не тупик. Только ужасно не хочется идти этим коридором...

Я не услышал, как отворилась дверь, да и не все услышишь за вакуум-фильтром. Я только увидел, как в комнате беззвучно, как привидение, появился Вацек. Оправданная ошибка... Он шел по лаборантской со странной плавностью сомнамбулы, временами осторожно прикасаясь к стенам и предметам, ощупывая их кончиками пальцев, — он словно бы вспоминал пальцами окружающее. Судя по всему, нас он не

видел, это уже было что-то новенькое. Приглядевшись, я заметил у брелока-кошки третий горящий глаз.

— Ага! — закричал Сашка, схватив брелок и что-то с ним делая. — Вот и именинник. Марина! Маришечка, можно тебя?

Шаги. Молодая женщина. Ого! Все при ней, ничего не скажешь. Цыпа.

— Вацек, это Марина. — Сашка подскочил, устремился и подвел женщину за руку. — Помнишь, я тебе обещал? Маришка, это тот самый Вацек. Ну, совет да любовь, как водится, женился Тарас, не спросился у нас. Так?

— Так, — сказал Вацек без выражения. — Спасибо вам, Александр Генрихович.

— Не Александр Генрихович, — вразумительно сказал Сашка. — Какие церемонии между коллегами. Сашка — и все. Лаборант Сашка Столповский. Такой-сякой. Ты понял?

— Понял, Александр Генрихович, — еле слышно сказал Вацек.

Цыпа состроила гримаску.

— Сашка!

— Простите. Да-да, я помню... Саш... Я оправдаю. Я обязательно... Простите, очень спать хочется...

Сашка метнул на меня молниеносный взгляд.

— Ты бы хоть с Сергеем поздоровался, — сказал он Вацеку, — а то он тут без тебя не в себе немного. Психует.

— Здравствуйте, Сергей Евгеньевич, — вымучил Вацек.

— Здравствуй, Вац. Как ты?

— У меня все хорошо, Сергей Евгеньевич, — сонно сказал Вацек.

— Может, сегодня я занятие проведу? — предложил я, поколебавшись.

— Спасибо, я сам. Мне можно идти?

— Куда еще идти! — закричал Сашка. — А «горько»?! Ты чего смотришь, Вац? Такая женщина... Серега, давай-ка вместе: горь-ко! горь-ко!..

Они поцеловались торопливо, с болотным чмоканьем.

— И как это понимать? — спросил я, когда дверь за парочкой закрылась. Сашка только хмыкнул и повалился на стул.

— Уймись. Его пальцем не тронули.

— Рад слышать.

— Тогда какого рожна вопрос?

— Марина, — с отвращением сказал я, подумав. — Субмарина! У меня такое ощущение, будто я присутствовал при случке. У тебя нет? По-моему, если бы ты им приказал совокупиться вот на этом столе, они бы послушались без оговорок. Они даже ухитрились бы получить от этого удовольствие, если бы ты им это приказал. Нет?

— Кому есть дело до их удовольствия? — сказал Сашка. — Подожди до обеда, все сам поймешь. Ты, Сергей, меня все-таки удивляешь. Государственную евгеническую когда еще обсуждали. Экран не смотришь?

— Смотрю.

— Тогда должен понимать.

Экран... Горящая нефть. Горящий лес, засыпанный снегом до половины высоты стволов. Снег тает у ног привязанных... И толпа. Орущая. Вот именно — экран. Вот оно...

— Так что, ты говоришь, у тебя с шеей? — спросил я.

— С шеей? — Сашка потрогал пластырь. — Разве я что-то говорил?

— Ожог?

— А зря я тебя нелюбопытным назвал, — усмехнулся он. — Что, дымом все еще тянет?

— Где твой балахон? — спросил я.

Сашка внимательно посмотрел на меня.

— Что ж, в интересах взаимного доверия придется объясниться, — сказал он после паузы. — Сам понимаешь, я мог бы просто заявить, что все то, чем занимается служба нацбезопасности, служит интересам народа и государства — между прочим, это действительно так, пусть даже некоторые наши действия не вполне понятны рядовому обывателю, — но такое объяснение, конечно, не для интеллектуалов вроде тебя, верно? А если я просто попрошу тебя мне поверить, ты поверишь?

Я промолчал.

— В балахоне был не я, — сказал Сашка. — Но я там тоже был, это ты верно понял. Мы должны направлять энергию народа на его же благо, это, я думаю, в объяснении не нуждается. Прокаженного не лечат горчичниками. Выбор методов лечения всегда диктуется самой болезнью, как бы нам ни хо-

телось, чтобы было наоборот. Если бы человечество столкнулось просто с новой глобальной угрозой своему существованию, методы могли бы быть иными. Мы уже привыкли, в конце концов. Знаем, что человечество справится с любой доселе еще неизвестной угрозой — мобилизует все силы, отхаркнется кровью, вымрет в худшем случае наполовину, но справится! Но перед нами никогда еще не вставали сразу две угрозы такого масштаба: стремительно надвигающийся ледниковый период и обвальное вырождение интеллекта значительной части человечества...

Падающие хлопья... Жирный дым, закрученный в спираль...

— Тебе вообще-то не странно, что офицер нацбезопасности заговорил обо всем человечестве? — Сашка хмыкнул. — Я буду говорить только о нашей стране, чтобы ты не пугался. Где-то лучше, где-то хуже, а у нас картина довольно типичная: при всем напряжении сил государство еще смогло бы локализовать одну из этих угроз, но не обе. Не обе! — вдруг закричал он и покосился на свой брелок. — Мы не знаем, как это делается! Ликвидировали последствия войн и неумного управления, навели порядок, худо-бедно обеспечили охрану среды, стали наконец-то жить по-человечески — псу под хвост? У нас сокращают штаты, нет притока свежих сил и некому работать, неоткуда взять людей! Неоткуда! Сколько угодно желающих — и нет мало-мальски пригодного человеческого материала! Почти нет. Еще сто лет назад наша структура представляла собой как бы плотину водохранилища, обеспечивающую прочную стабильность государства. Теперь, и это еще в самом лучшем случае, мы просто задвижка для регулировки и отвода в безопасное место разрушительной энергии большей части наших с тобой так называемых сограждан. Чего ты хочешь от задвижки? Чтобы мы не вели определенную работу среди не пристроенных к делу дубоцефалов, так? А ты не думал, что они возьмут в работу вас, когда толпе надоест верить в вашу сказочку?

— Думал.

— Ага, уже прогресс. — Сашка осклабился. — Уже и высоколобые начинают размышлять на элементарные темы. Я мог бы долго и проникновенно говорить тебе о том, что правила игры навязаны нам противником, но делать этого не буду, хотя

это чистая правда. Сейчас хорошо уже то, что эти болтуны в Дагомысе позволили нам назвать нашего противника противником, врагом — и поступать с врагом так, как он того заслуживает. Так вот, можешь мне поверить: если мы сейчас, вот именно сейчас, а не завтра, потому что завтра будет поздно, не направим справедливый гнев дураков против нелюдей и убийц, они довольно скоро объединятся против нас. Это просчитано, есть социопсихологические модели. И здесь можно сколько угодно рассуждать о морали, но историю еще никто и никогда не делал чистыми руками, хотя кое-кто пытался. Это просто не получается.

Огонь... Вспыхнувшая одежда.

— Тот привязанный, который верещал, был сволочью, — сказал Сашка, помолчав. — Мне даже не хочется говорить тебе, какой он был сволочью. Работал за хорошие деньги, мне и вчетверть так не платят, имел доступ к кое-какой информации. Потом он нас предал. Если ты считаешь, что среди людей нет и не может быть пособников адаптантов, то крупно ошибаешься. Извини, что мы должны были с ним сделать? Расстрелять в подвале?

Я не ответил.

— Ну хватит! — Сашка резко встал, прошелся по комнате. — Будем считать разговор по душам состоявшимся, следующего скоро не проси. Теперь о деле, слушай внимательно...

4

К тому времени, когда элита явилась ко мне с результатами расчета режимов, я уже все сообразил и даже успел рассчитать одну простенькую модельку. Совсем простенькую. Но ее оказалось достаточно.

Впервые я видел элитников в таком состоянии. Их распирало. Обыкновенно они, особенно если на первых двух курсах им удалось не вылететь из элиты в первый поток, изображают из себя голубую кровь, и вид у них высокомерный и брезгливо-усталый, как у аравийских дромадеров. Со временем они взрослеют и находят для своего интеллекта более пристойные личины.

— Готово? — спросил я.

Дромадеры закивали.

— Отлично. Распечатайте результаты и сложите их в эту папку. Вот в эту. Можете считать, что зачет за этот семестр у вас уже есть. Спасибо, ребята.

Они помялись.

— А... что дальше? — спросил один.

— А ничего, — сказал я. — Это надо было лет на сорок раньше выдумать, тогда, может быть, и получилось бы. Теперь — пшик. Эта наша штучка ледника, к сожалению, не остановит, даже если раскатать в пять слоев. В лучшем случае и при грамотном использовании помешает образованию новых ледников, а сие уже не актуально. Что, впрочем, не мешает этой нашей идее оставаться изящной и остроумной. Так что, если есть желание, можете писать статью в «Энергетику». Только сначала дайте мне прочесть.

Можно еще запатентовать, вяло подумал я, когда элитники удалились. Заработать можно... И сразу же докторскую... на докторскую это, пожалуй, тянет. Кой дьявол, блестящая бы вышла докторская, пальчики оближешь. Рецензенты, оппоненты, поздравления, потом свой кабинет и лекции не у дубоцефалов... Хорошо бы. Вот если наверху за эту идею от большого отчаяния все же ухватятся, вот тогда крышка: сперва за шкирку на пьедестал, затем пожизненное топтание ногами и в перспективе эпитафия: «Он хотел и не мог». Невероятно утешительно. И Сашка... новое положение — новые задачи... вы должны гордиться оказанным вам доверием... И Дарья...

На собрание набилась вся кафедра и еще пришли с других, так что яблоку негде было упасть. Кого-то погнали за стульями. Поверх голов я разглядел черную, непрерывно двигающуюся макушку Гарьки, он подавал мне знаки, а рядом с ним сидел истуканом Вашек, совсем уже снулый и без цыпы. Моя попытка устроиться у самой двери не увенчалась успехом: там уже успела усесться Хамзеевна, — тогда я, бормоча себе под нос разные слова, проследовал в гущу народа на призывные Гарькины махания — оказывается, он держал для меня место. Согласясь с мыслью, что лучше плохо сидеть, чем хорошо стоять, я плюхнулся на стул и принялся оглядываться.

Председательствовал Сельсин. Рядом с ним пребывал некий незнакомый тип средних лет и мужественной внешнос-

ти — не из институтских, не та морда. Юный толстый секретарь тоже был тут, сидел с краю председательского стола, шевелил какие-то бумаги и даже, как ни странно, не жевал. В дверях была сутолока, а у противоположной стены несколько человек, свесив головы ниже колен и скребя стульями, вразнобой стучали ногами по полу, и слышалось: «Вон, вон поползла!..» — но большинство собравшихся либо молчали, либо тихо шушукались по двое-трое. В общем-то я уже представлял себе, о чем пойдет разговор. Остальные, кажется, тоже. Атмосфера была та еще.

— Ты зачем телефон отключаешь? — спросил Гарька. — Мне обидно, имей в виду. Уже и поговорить не с кем, когда хочется.

— Это ночью-то?

— Врешь, утро было. Ты ведь не спал, ты пожар смотрел. Вот ты мне прямо скажи: можно такое по экрану показывать? Или я чего-то не понимаю?

— А ты не смотри, — посоветовал я. — Страшно, противно — не смотри. Смотри Ксенофонта. А то тоже мне соберутся люди: не надо нам, боимся, видеть не хотим, и без того на улицу не выйдешь! Мы-то, мол, выдержим, а вот за других страшно, ломаются люди, не верят никому, в будущее смотрят без оптимизма, так нам бы поменьше этого, тогда по закону обратной связи, глядишь, лучше станет...

Гарька издал змеиный шип.

— Да! — закричал он шепотом. — Боимся! И очень хорошо, что боимся смотреть! Потому что боимся с ума сойти! Ты нам все сразу не показывай, ты нам покажи врага, с которым мы можем справиться, тогда мы начнем что-то делать! Понемногу, понял! И сделаем, будь уверен. Зачем люди придумали лестницу? — чтобы по ступеньке, с одной на другую, шаг за шагом... Вот так и дойдем, если только умники вроде тебя не отнимут желание идти...

И этот туда же.

Сельсин встал и призвал к тишине — тотчас в переднем ряду кто-то заперхал и оглушительно раскашлялся, а у двери зашикали на опоздавших. Человек с мужественной внешностью оглядел наши ряды с некоторым недоумением и усмехнулся углом рта.

— Прошу внимания, — сказал Сельсин. — Все собрались? Дионисия Львовича не вижу... Здесь? Да-да, теперь вижу. Итак, я предложил вам собраться здесь главным образом для того, чтобы...

— «Чтобы сообщить пренеприятное известие», — мрачно изрек кто-то позади, и над ухом фыркнули.

— ...чтобы довести до сведения коллектива информацию о некоторых специфических задачах, касающихся выполнения Государственной евгенической программы, — взял Сельсин тоном выше, — сокращенно — ГЕП. Прежде всего о новых правах и обязанностях каждого активного члена общества — в особенности об обязанностях, вытекающих из нашей общей ответственности перед будущими поколениями...

Сельсин не устоял на месте и начал ходить взад и вперед. На ходу слова выскакивали из него быстрее. Господи, вдруг подумал я с каким-то обостренным интересом, да он же не хочет говорить, стыдно ему, с великой радостью он залез бы сейчас в самый дальний угол — и молчал бы там, молчал...

— ...Предполагалось, что это собрание будет носить сугубо предварительный характер, — говорил Сельсин. — Однако целый ряд обстоятельств последних дней и особенно принятая вчера правительством Государственная евгеническая программа с комплексом сопутствующих правовых мер, вступивших в силу, как известно, немедленно, вынуждают нас несколько изменить порядок проведения...

Очевидно, он сам хорошо понимал, насколько изменится порядок проведения. Уже через десять минут на собрании творилось черт знает что, и я принимал в этом участие. Сквозь общий гвалт и безобразные выкрики от председательского стола только и доносилось: «...решение временно заморозить ряд конституционных свобод... вынужденная мера, каждый должен осознать свою ответственность... не меньше четверых детей в каждой семье... государственная помощь многосемейным... первичные организации на местах... вы же взрослые люди...» — и прочие обрывки. Сельсин стал красен и охрип, молодежь на задних рядах хамски улюлюкала, и даже Вацек, очнувшись на несколько секунд от странной своей медитации, перестал совершать туловищем медленные хаотические движения и поднял голову. Человек с мужественной внешно-

стью сидел как сидел, только кривил угол рта. Будто все это его не касалось.

— А теперь позвольте передать слово присутствующему здесь специальному уполномоченному окружной комиссии по реализации ГЕП, — стоически сказал Сельсин и сделал жест в сторону мужественного, — государственному разъяснителю третьего ранга Глебу Ипатьевичу Вустрому. Глеб Ипатьевич, пожалуйста...

Договорить Сельсину все же дали — как я понял, большинство присутствующих интересовались не столько содержанием вступительной речи, сколько тем, как Сельсин с ней справится. Большинство, по-видимому, были удовлетворены плачевным видом оратора, и когда человек с мужественной внешностью встал и обвел собрание взглядом из-под насупленных бровей, как из амбразуры, было уже сравнительно тихо.

— Как-как? — только и спросил кто-то.

— Вустрый! — объяснили вопрошавшему, и никто даже не прыснул. — Глеб Ипатьевич!

Голова Глеба Ипатьевича медленно провернулась вправо и влево, как перископ изготовившегося к атаке подводного крейсера, выискивающий в неприятельской эскадре достойную цель. Достойные цели если и присутствовали, то не лезли в глаза. Интересно, чем все это кончится, отстраненно подумал я, — не сейчас, конечно, сейчас он нас сомнет и раздолбит, а в некотором отдалении? Года, скажем, через три? Вообще хорошо бы подсчитать средний срок действия подобных программ — как раз года три, должно быть? Или уже меньше? И как быть с теми детьми, которые успеют родиться за эти три года во исполнение Государственной евгенической?.. Четверых на семью, конечно, не будет, но двоих-троих вполне можно ждать. Маленькие такие, под стол ходят, трогательно мурчат, зарываясь щечками в мягкие игрушки, говорить еще не умеют, а им уже с трибуны какая-нибудь морда: извините, мол, ребята, ошибочка вышла, не знаем мы, что с вами делать, не нужны вы, как оказалось, в таком количестве, а виноватых дядей мы наказали, и сами, конечно, сознаем свою ответственность, так что вы уж не держите зла, хотя кормить вас нам, прямо скажем, нечем...

— Я не понимаю, почему такая реакция, — медленно начал Глеб Ипатьевич. Голос государственного разъяснителя был глубок и наполнял раскатами все помещение. — Да, правительство приняло ряд мер в соответствии с чрезвычайным положением, имеющимся де-факто. Да, нынешняя чрезвычайная ситуация заведомо требует неотложных и энергичных мер, разве кто-нибудь возражает? Тем не менее я вижу, — и перископ вновь пришел в движение, — определенное противодействие нашим усилиям по спасению человечества — будем наконец называть вещи своими именами, — и со стороны кого? Со стороны кого, я хочу спросить? Может быть, люмпенов-дегенератов? Адаптантов, которые, как было установлено на самом высоком уровне, вообще не люди? Или дубоцефалов последнего разбора? Оказывается, нет! Со стороны интеллигенции, на благо которой как лучшей и дееспособнейшей части нашего народа главным образом и направлены принятые меры! Это по меньшей мере странно, чтобы не сказать больше. Человечество как вид давно уже теснимо на всем фронте и неуклонно проигрывает адаптантам, которые вдобавок размножаются куда быстрее — их самки постоянно беременны. С некоторых пор люди привыкли с преступным небрежением относиться к своей главной социальной миссии: оставить после себя многочисленное и дееспособное потомство. В этих условиях ваши же избранники говорят вам: хватит рассуждать о свободе воли! Хватит, пусть даже это кого-то заденет — общий выигрыш от принятия ГЕП в историческом аспекте перевесит временное ограничение прав человеческой личности!

«Дерьмо!..» — смачно и с удовольствием сказал кто-то справа от меня. По рядам пополз шум. Вацек опять пробудился от спячки и завертел головой, как радар, сканирующий по азимуту. Глеб Ипатьевич даже не отреагировал и вид имел уже не набыченный, но вдохновенный.

— Хватит болтать о вырождении! — неистовствовал он. — Настала пора действовать, а не распускать нюни и сопли. Каждый лояльный хомо сапиенс, способный к воспроизводству потомства, обязан отныне прилагать все свои силы к распространению генетически чистой линии человечества! Любовь, мучения выбора, ритуалы ухаживания, доставшиеся человеку в наследство от времен его животного состояния, устарели, не

отвечают более интересам человечества и как таковые должны исчезнуть, уступив место оптимальному подбору гамет в государственном масштабе. О возрастных ограничениях вы уже знаете: шестьдесят лет для мужчин и сорок для женщин...

«Сельсин, козел старый, ему шестьдесят три...» — прошипели сзади. Я чувствовал, что моя голова принимает отчетливо квадратную форму, да, наверное, не только я один это чувствовал, а чугунные фразы мужественного Глеба Ипатьевича все грохотали и грохотали, словно рельсы под каким-то чудовищным локомотивом:

— ...Безусловная проверка генокода у всех лиц, въезжающих в страну, включая государственных деятелей... Вопрос о стерилизации дубоцефалов будет рассмотрен и решен в ближайшее время... Повсеместное внедрение новейших методов лечения бесплодия... Всех без исключения новорожденных — на немедленный экспресс-анализ! Комплекс правовых мер за неисполнение... Каждая семья обязана родить и воспитать не менее четырех нормальных — повторяю — нормальных детей...

— Какого пола? — вскинулся Гарька.

Вокруг заржали. Ржали долго, разряжались. Раздалось одинокое: «Тише вы!»

— Я думаю, это безразлично, — осторожно встрял Сельсин с председательского места. — Я думаю, этот вопрос находится... э-э... так сказать, в компетенции родителей. Верно, Глеб Ипатьевич?

Гарька сел, очень довольный. По-моему, только деликатность, как он ее понимает, мешала ему сейчас откинуться на стуле, с облегчением отдуваясь и потирая руки, или вообще встать и уйти. Его все это уже не касалось, и кое-кто, я заметил, уже поглядывал на него с ничуть не скрываемой завистью. У Гарьки девять детей, из них один мальчик.

— А побочные дети считаются? — спросил кто-то. Позади снова заржали.

— Подождите, подождите! — Сельсин поднял руку. — Вопросы потом. Пожалуйста, продолжайте, Глеб Ипатьевич...

Этот кошмар должен был когда-нибудь кончиться. И он кончился. В первичную ячейку Евгенического общества, кроме Сельсина, попали еще толстый секретарь и Алла Хамзеев-

на, которая тут же с готовностью заняла место рядом с председателем и, отыскав глазами меня, мстительно улыбнулась. К тому моменту, когда настало время расписываться за знание обязанностей, вытекающих из ГЕП, оказалось, что большинство присутствующих уже выпустили пар, и, против ожидания, процедура подписания прошла довольно гладко. Секретарь пошел по рядам, раздавая брошюрки с кудрявыми виньетками на розовой обложке. Сбежать, кажется, не удалось никому: какие-то крепкие молодые ребята в дверях довольно невежливо заворачивали беглецов обратно. Протолкавшаяся цыпа разбудила Вацека. Со служебным долгом у нее все в порядке, а вот как, интересно, с деторождением?.. Просто материал, думал я, мрачно глядя, как преподаватели, инженеры и лаборанты по очереди встают и подходят к председательскому столу. Нормальный самовоспроизводящийся материал... Тут мне пришло в голову, что здесь, пожалуй, не один я так думаю, что и обо мне кто-то думает не лучше, тогда я навалился на свой внутренний фонтан и заткнул его. Принимая из пухлых рук секретаря брошюрку, я неожиданно поймал взгляд Сашки — оказывается, он тоже был тут и смотрел на меня с доброй иронией.

Я постарался принять наплевательский вид.

5

После налета, учиненного в прошлом месяце какой-то стаей на административное здание по соседству, толстую бегемотиху при входе в корпус убрали, заменив насупленным мордоворотом из спецкоманды, еще более дотошным и не склонным узнавать людей в лицо, к тому же, как не замедлило выясниться в первый же день его появления, имеющим право поверхностного обыска всех входящих в здание. На выходящих этот убивец обращал меньше внимания, и мне удалось выскочить наружу довольно быстро. Я задохнулся. Морозный воздух был тяжел и плотен, казалось, от него нужно было откусывать, чтобы дышать. Струя пара над снегоедом, неторопливо ползущим в конце улицы, поднималась вертикально вверх. Утро не обмануло: день выдался ярким и солнечным. Совсем не осенний день. Пожалуй, для осеннего дня было даже тепло.

С той самой швейной иглы у меня остался рефлекс: прежде чем сесть в «марлин», внимательнейшим образом исследовать гнездо папиллярного идентификатора, не забывая одновременно поглядывать по сторонам. И еще проверять сиденье, ибо из простого здравого смысла следовало, что получить отравленный укол в мягкое место вряд ли намного приятнее, чем в палец. А главное, это приведет к тем же результатам. Удостоверившись в отсутствии иголок, я уселся за руль и в который уже раз подумал, что занимаюсь ерундой и кретинизмом: уж если кто-то поставил целью сократить мне жизнь, ему вовсе незачем повторять старый фокус, у него есть богатейший выбор средств, наработанных человечеством за века его истории, и пытаться предохранить себя от всего, что только возможно, — самое неумное в мире занятие. А самое умное, что придумало человечество для сохранности индивида, заключается всего в двух словах: не зевай! Или даже: будь готов! Не зевай, когда припрет, и в особенности не хлопай варежкой, когда вокруг все спокойно. Чтобы потом не раскаиваться, если только тебе дадут время на раскаяние.

Вот так.

Только сейчас я понял, что Сашка меня предупредил, и предупредил очень серьезно. Еще можно кочевряжиться в допустимых пределах, но доцент Самойло рискует остаться без защиты, если не перестанет прикидываться человеком, звучащим гордо. Противен такой человек, не нужен никому, защищать его не хочется...

Я завел двигатель и выехал на трассу. На Красноказенной все было по-старому: середина улицы зияла громадной траншеей с торчащими из нее гнутыми кишками труб и ископаемыми трамвайными рельсами во всем первобытном безобразии, а на фланге этой противотанковой преграды уже которую неделю скучал забытый экскаватор, занесший над ямой свой покрытый инеем ковш на коленчатом суставе. Ремонтников нигде не было видно. Прочие двуногие тоже не особенно кишели. Единичные прохожие боязливо оглядывались, стараясь держаться на разумной дистанции от каждого попавшего в поле зрения сапиенса. Один из них, щуплый тип с запавшими, в кустистой щетине, щеками, прошел мне навстречу по тротуару, кольнув «марлин» внимательным взглядом. На хилой гру-

ди поверх ободранной куртки висел и болтался в такт ходьбе маленький короткоствольный автомат. Напоказ.

Добравшись до места, где действовала Единая дорожная, я перевел машину на автопилот и позвонил Дарье. Экранчик на лобовом стекле показал часть комнаты и морского свина Пашку, яростно грызущего ножку кресла. Дарья не подошла — приглядевшись, я заметил отблески резкого света на мебели. Загорает... Ладно, пусть загорает, это не во вред, не заснула бы только под лампой, возись с ней потом...

Может быть, все-таки заночевать у себя?.. Я взял эту мысль за шиворот и вывел ее вон. Она тут же вернулась. Нет, так нельзя... И так, как есть, тоже нельзя... Спокойнее, сказал я себе. Не трепыхайся. Разберись с тем, что тебе нужно, и с теми, кому ты нужен, прежде разберись, а уж потом действуй, здесь тебе жизнь, а не секция самообороны при помощи подручных средств. Обыкновенная жизнь, а значит, есть время задать себе тривиальные вопросы и, кажется, есть время на них ответить. Хочешь ты, чтобы Дарья осталась с тобой? Да. Ответ ясен. А теперь внимание: напрягись и попробуй ответить честно, хочешь ли ты, чтобы она осталась с тобой такая, как она есть? Молчишь? Противно, жалко себя, отвечать не хочется? Не хочется, сказал я себе. Совсем не хочется. Тут все зависит не от того, какая она есть, а от того, какой она в конце концов станет, вот этого-то я и не знаю...

Я едва успел среагировать, когда меня неожиданно бросило на защитный лист, — «марлин», лихо увернувшись от семейного трейлера, вынырнувшего сбоку на максимальной скорости, пошел юзом. Чтоб вас всех, подумал я, потирая локоть, занывший от удара о защитный лист. Стая за вами гонится? Я повертел головой. Стаи видно не было. Значит, просто от избытка чувств, от радости, что вырвались отсюда, и гори все огнем! Обычное дело. Странно только, что трейлер один, последнее время беглецы предпочитают собираться во внушительные караваны, вроде птиц перед отлетом на юг, а пробиваться в одиночку рискуют немногие. И это не из вульгарного чувства стадности: ходят слухи, что где-то за границами мегаполиса на машины действительно нападают...

В большом городе как в метро — всегда есть что-то над головой. Даже на набережной. Справа и сверху уступами на-

висали сорокаэтажки, слева белела река, засыпанная снегом по самый парапет. Вода давно куда-то делась. Под снежными барханами проложил себе русло сточный ручей, и кое-где сквозь протаявшие щели сочились тяжелые испарения. Дыхание коллапсирующего города еще ощущалось.

Мои мысли текли в точности как этот ручей — медленно и вязко. Вот, скажем, Бойль... Этот не уедет, как другие, пока своими глазами не увидит, чем все это кончится. Тоже мне Плиний Старший... Мог бы исследовать коллапс в своем Кембридже, там даже нагляднее. Сколько нужно Бойлей, чтобы справиться в драке с одним, только лишь с одним вшивым выродком, потерявшим речь и остатки человекоподобия? Двадцать? Тридцать? Похоже на то, что реальное соотношение как раз обратное. Оно всегда было обратным. Удивительно, что Бойли еще рождаются, после того как человечество столетиями с увлечением их жгло, травило озверелыми толпами, гноило в бараках за колючей проволокой. Тоже символ цивилизации не хуже любого другого: колесо ломовой телеги, переезжающее голову Пьера Кюри... А вообще-то интересно перечитать, как эти Бойли представляли себе наше настоящее лет сто назад, ну, не все из них, конечно, — только оптимисты от избытка мудрости и постулата, что мудрость свойственна всем. Понять ребят можно. Приятно, черт возьми, чувствовать, что живешь не зря, что несешь в себе — бережно несешь, лелеешь — свое маленькое семя будущего, что будущее, поднявшись на твоем перегное и преспокойно о тебе забыв, станет хоть немножко разумнее, ну хотя бы самое чуть-чуть... Ладно, пусть лишь не повторит ошибок прошлого — и уже неплохо. Кто осудит? Мир разума! — для этой идеи стоит что-то сделать. Интеллигентные мусорщики, думал я, следя за тем, как «марлин» осторожно огибает стоящий поперек дороги длинный, как крокодил, остов сгоревшего «эребус-экспресса» — прекрасная была машина до того, как рванули баки. Вообще все без исключения интеллигентны... Таксисты, например. Водопроводчики. Интеллигентный вышибала вышибает сквозь дверь последнего неинтеллигента — и сам же интеллигентно подхватывает, чтобы вышибаемый не сломал себе что-нибудь... Блеск! Интеллигентные бабки на скамеечках, отрывая взгляды от шахматных досок, наизусть цитируют юному поколе-

нию Декарта и Спинозу, и юное поколение не делает попыток проломить бабулям головы. Интеллигентная уборщица вытирает тряпкой пыль... пардон, приводит в действие автоматику с искусственным интеллектом. Впрочем, всю бытовую и промышленную пыль зальют, конечно, связующим раствором, а от метеоритной чем-нибудь прикроемся...

Перед неприятным местом, застроенным старыми домами с множеством подворотен, я притормозил, чтобы позвонить Мишке Морозову, — сказал ему, что сейчас заеду, и отключился прежде, чем он успел возразить. С ним так и надо. Затем свернул с набережной и окончательно взял управление на себя — этой дорогой я не пользовался вот уже много месяцев. Когда-то здесь было довольно безопасно, но сейчас всеобщий клич «не зевай!» был куда как кстати. Один раз у перекрестка пришлось как следует врезать по тормозам, чтобы пропустить мимо довольно большую стаю — мотоциклистов семьдесят. Они промчались куда-то со страшным ревом и не обратили на меня внимания.

У самого Мишкиного дома чернел еще один горелый остов автомобиля — тут кто-то позаботился оттащить его с трассы на широченную полосу асфальта, прямо к громадному пьедесталу без памятника. Прежде на этом месте была барахолка, теперь что-то никого не было видно, только нерушимо, как могильные плиты, стояли два монументальных транспаранта забытых времен с плохо различимыми лозунгами — зазывающим: «Вкусную еду на ярмарке найду!» — и грозным: «Кто ярмарку не посещает, тот народных традиций не соблюдает!» Гм.

Тоже стихи.

Мишка травил жужелиц. Отворив дверь, он скривился, не очень пытаясь изобразить, будто аэрозольная отрава ему неприятнее, чем я. Я покрутил носом. Воняло не то чтобы очень противно, но довольно крепко.

— Можно войти? — поинтересовался я.

— Зачем? — спросил Мишка. Его рука лежала на дверном косяке, как шлагбаум.

— Есть одно дело.

— Валяй, — поколебавшись, сказал он. — Только недолго.

— Уж будь уверен...

С прошлого раза ничего у Мишки в квартире не изменилось: те же легкие веселенькие шторы, те же измятые случайными пулями стальные жалюзи по ту сторону окон, та же мебель; даже наш старый диван — еще я покупал — был на месте и выглядел плачевно. Мишка ленив к домашним делам. Как еще собрался с духом истребить жужелиц — уму непостижимо.

— Чем травишь? — спросил я, осторожно опускаясь на диван. Этот диван и в лучшие времена не любил фамильярности.

Мишка, хмыкнув, показал флакон. Торговая кличка снадобья мне ни о чем не говорила. Научная, напечатанная ниже в три с половиной строки, — тем более. Из химии я помнил только то, что железо ржавеет, что сероводород вонюч, что существует некая таинственная реакция серебряного зеркала, да еще то, что вода растворяет все, кроме того, что в ней не растворяется.

— А действует? — спросил я.

— На меня — да. — Смахнув со стены оробелую жужелицу, Мишка поймал ее в специальное ведро. — Нет, вроде действует... Совсем осторожности лишились. И бегают неправильно.

— Боком, что ли?

Мишка скосил на меня глаз, и я позаботился придать своей физиономии самый невинный вид. Очень хорошо я знал этот его взгляд и еще со школы усвоил, что за ним обычно следует, как-никак лет семь учился с Мишкой в одном классе. Мишка — транссексуал. Когда-то его звали Катькой Морозовой, и не было в школе девчонки более отчаянной и презирающей говорящие куклы «с характером», чем она. Более дерзкого инициатора потасовок и порчи школьного имущества — в том возрасте, когда большинство из нас открыто считали себя педагогическим браком и тем гордились. Даже в старших классах заигрывать с ней не решались. Когда однажды амбал Котковский, балбес и неукротимый бич всей школы, придумал от большого ума немного потискать ее в углу, каковую операцию не раз и не два проделывал с молоденькими учительницами, он пожалел об этом немедленно и всерьез. Катьку даже суди-

ли за нанесение увечий, но, к счастью, оправдали. Адвокат как-то сумел убедить суд в том, что имела место попытка изнасилования.

Усидеть на месте для Мишки было невозможно. К тому же с ранних лет он (тогда еще она, а не он, но это не суть важно) имел счастливое и, в общем, верное убеждение в том, что самая мощная бетонная стенка не превосходит прочностью самого хилого человеческого лба, — так вот лоб Мишка имел замечательно прочный. С терпением было хуже. Одно время он учился на заочном филологическом, одновременно успевая заниматься тысячью других дел; был автором шарлатанской статьи о внутривенном откармливании бройлеров; потом представил как соискатель антропонимическую диссертацию (там он доказывал, что козел Трофим из «Поднятой целины» поименован Шолоховым в честь Трофима Денисовича Лысенко, однако диссертацию таки отклонили за неактуальностью); потом занимался еще каким-то прохиндейством, трудился механиком (спал на каком-то насосе в каком-то подвале) и, наконец, прилип к Главному диагност-центру — черт его знает зачем, поскольку в медицине он пень, всегда был пнем и до сих пор, наверное, уверен, что саркофаг — это импортное средство для уничтожения саркомы...

Сначала с ней ошиблась природа. Потом ошибся я, потому что не задумался над тем, сколько и каких гормонов вырабатывает Катькин организм. Мне этот организм просто нравился. Она не взяла мою фамилию, когда выходила за меня замуж. После операции она сменила имя, а место жительства и работы менять не стала — ей было плевать.

Ему было плевать — это точнее.

— Я тебя не звал, — напомнил Мишка. — Говори, что нужно, и убирайся. Ко мне прийти должны.

Мишка теперь кобель. Но разборчивый.

— Опять женщины? — Я покачал головой. — Грустно, Миша, грустно. Растрачиваешь молодые силы. У меня, может быть, обыкновенная ностальгия — чем тебе не нравится? Диван, вижу, тот самый. Приятно посидеть на обломках кораблекрушения. Кстати, ты как сейчас пишешь в анкетах: все еще «замужем»?

— Пишу «семьянин», — хмыкнул Мишка. — Ты за этим и пришел?

Я коротко объяснил ему, зачем я пришел.

— Ага! — сказал он, когда я закончил. — Значит, непременно по форме А-плюс?

— Верно. И как можно скорее.

— Не пойдет. — Он покачал головой.

Так я и думал.

— Почему?

— Действуй официально — вот почему. У нас с этим строго.

— Официально — это раз-два и в резерват, — возразил я. — Мне нужно, чтобы было неофициально. Ты, я и она. И чтобы больше ни одна живая душа не узнала.

— Значит, «она»? — ухмыльнулся Мишка. — Ну, естественно. Мог бы сразу догадаться. Не везет тебе с бабами, а? А скажи мне, пожалуйста, с какой стати мне решать за тебя твои проблемы? Мне просто интересно.

— Катя, — сказал я умоляюще, — я тебя прошу.

Мишка окрысился:

— Я тебе не Катя...

— Миша, — сказал я. — Послушай, не Катя, а Миша, мне очень нужно, чтобы ты мне помог. Мне некого больше просить. Ты же работаешь в этом центре, Миша! Помоги и требуй от меня что душе угодно. Теплоэлемент хочешь? Ни у кого нет, а у тебя будет. Тридцать киловатт, автономность пять лет с гарантией... Или денег? Миша, ты пойми, ты сейчас посмеешься надо мной, но один раз ты меня пойми: мне Дарья нужна так, как ты никогда нужен не был... не была...

— Пошел вон! — сказал Мишка.

Что ж, исчерпывающе. Я встал и прошелся по комнате. Уж чем-чем, а доходчивостью изложения Катерина всегда отличалась, не отнять и не забыть, как ни старайся. Черт меня побери, понял я вдруг с испугом, а ведь мне хотелось ее увидеть! Не его, а именно ее. Вспомнить, представить в воображении вот эти руки — они теперь Мишкины, вот эти щеки — они тоже теперь Мишкины, бритые, но зато вон та ложбинка сзади, где шея переходит в затылок, — она еще Катькина, ее Мишка не украл...

— А хорошо, что у нас с тобой не было детей...

Мишка промолчал.

— Значит, не поможешь? — спросил я.

— Ты еще надеялся?

Чтобы успокоиться, пришлось глубоко вдохнуть. Воняло приторным. Мерзкое снадобье не подавляло обоняние, совсем наоборот. И ведь ходят же сюда женщины... Впрочем, Мишкины женщины — они ко всему привычные, к насосу в подвале в том числе.

Ну что ж... Я вытащил из кармана мятые брошюрки и шлепнул перед Мишкой в ведро с жужелицами. Теперь была моя очередь. Извини, Катя.

— Читал?

— Нет, — покосился он. — Что за дрянь?

— Я тебе оставлю, — пообещал я. — Ты почитай, тебе будет интересно. Видишь ли, мне предписано зачать от тебя ребенка.

Мишка открыл рот.

— Что-о?

— Вредно говорить на вдохе, — сказал я. — Можно поперхнуться. Повторяю еще раз. От нас требуется зачатие ребенка, детали процесса оставлены на наше усмотрение.

Мишку передернуло.

— Ты от рождения такой или в детстве уронили?

— Можно двойню, — уточнил я. — Но приступить мы должны немедленно, там так написано. Начало можешь не читать, там лозунги и статистика, а дальше кратко и энергично: уклонение считается действием, наносящим прямой вред государству и человечеству. Систематическое неисполнение требований ГЕП, выявленное окружной комиссией, карается в установленном законом порядке. Кстати, разводы отныне запрещены. Будем плодиться вроде кроликов. Так что раздевайся, женушка, и ложись в постель.

— Погоди, погоди, — пробормотал Мишка. Он попятился и стал бледен. — Как ты это себе представляешь?

— Это не мое дело, — нахально сказал я и, подобно толстому секретарю, устремил указательный палец в космические сферы. — Там спроси. Или придумай сам, проблема-то твоя. У тебя девять месяцев на доказательство лояльности.

— А вот это ты видел? — завопил Мишка, брызгая слюной. — Ха, удумал, чем напугать! Да плевать я хотел! Да ни один нормальный человек, даже в твоей говенной комиссии... Ни один, слышишь!..

— Ты сомневаешься, что Государственная евгеническая разработана нормальными людьми? — кротко спросил я. — Видишь ли, наш с тобой случай в Программе не предусмотрен, так уж вышло. Раньше надо было думать. Ты моя жена, иди докажи обратное.

В дверь позвонили.

Я обошел пораженного столбняком Мишку и отпер. На пороге стояла женщина, мало того — знакомая женщина. Самое интересное, что я даже не очень удивился. Похоже, сегодня выдался такой день, что я просто подсознательно ждал чегонибудь в этом роде. И второй раз за пять минут я видел, как лицо человека вытягивается, одеваясь бледностью.

— Здравствуйте, — сказал я. — Вас ведь зовут Субм... то есть, виноват... Марина? С Вацеком все в порядке?

— Да, — очень тихо сказала цыпа.

— А с Сашкой Столповским? Он знает, что вы здесь?

Мишка за спиной громко сглотнул.

— Простите, что не могу уделить вам сейчас внимание, — непреклонным тоном произнес я, затворяя дверь, — но у нас с супругой есть дела, не терпящие отлагательств...

— Сволочь!!! — заорал Мишка и попытался меня лягнуть. Я уклонился, одновременно проверяя взглядом комнату на наличие подручных средств.

— Конечно, сволочь. Только вот что интересно: людей почему-то сильнее всего бесит не тот, кто сам по себе сволочь хуже всякого адаптанта, а тот, кто становится сволочью тогда, когда его к этому вынуждают. Почему так, не знаешь?

— Марина! — закричал Мишка. — Марина, ты здесь? Марина, ты подожди, я сейчас...

— Мы договорились? — спросил я.

— Ладно... — Мишка тяжело дышал. — Давай адрес... Попробую.

Я записал адрес и фамилию и, послав Мишке воздушный поцелуй, галантно распахнул дверь перед дамой.

6

— Нет, мне так не нравится, — сказал Бойль. — Давайте все-таки оттолкнемся от какого-то определения, иначе нам не забраться... Не выбраться? Да-да, правильно. Не выбраться. Итак, попробуем сформулировать: основная черта, выделяющая адаптантов из основной массы человечества, — острая интеллектуальная недостаточность при сохранении и даже совершенствовании адаптивного поведения, отсюда и видовое название. Так?

— Так, — поддакнул Георгий Юрьевич, нюхая яблоко. — Вот это ты, брат, правильно сейчас сказал. Дураки они и дерьмо живучее, всего и делов. А то напустил тут поначалу: зиготы какие-то, аллели, Менделеев...

— Мендель, — поправил я и погладил Дарью по руке выше локтя. Она не почувствовала.

— Вот я и говорю, что проще надо... — Георгий Юрьевич вытер слезы и захрустел яблоком. — Верно, Даш? Ты чего скучная? Серега, налей-ка еще.

Уютно. Мягкие кресла, вечерний полумрак, морской свин под кроватью шуршит и грызет деревянный чурбачок, а доберман Зулус изгнан и заперт в другой комнате за надоедливость. Вино, коньяк, кое-какие фрукты. Вино, кажется, хорошее. Это все Бойль. У меня в баре вина сроду не было.

— На самом деле это определение тоже порочно, — заметил Бойль, — если мы уже двести лет не можем договориться о том, что такое интеллект, а мы этого именно не можем. Кроме того, наше определение поневоле упрощено, как вообще всякое определение сложного понятия. Самые сложные вещи, как известно, те, в изготовлении которых не участвовал человек. Например, такой вещью является он сам. Я бы сказал так: интеллект по сути своей есть привычка — или, скажем, его можно рассматривать как привычку, как чисто человеческий способ уверенно чувствовать себя в обществе себе подобных, причем само же общество и формирует привычку, и подсказывает способ. Очевидно, что у Маугли не может быть иного интеллекта, кроме волчьего, да и не нужен ему в волчьей стае человеческий интеллект, даже вреден. Что касается нас, то мы долго и поступательно, называя свое движение прогрессом,

шли к такому обществу, при котором интеллект вовсе не является ни условием выживания, ни даже условием душевного комфорта. По сути, хотя это, конечно, тоже упрощенная модель, у адаптантов выключены именно и только те участки мозга, которые усложняют существование индивида в современном социуме. Сейчас сохранение интеллекта сдерживается только общественной привычкой, а привычка, знаете ли, штука колкая... Хрупкая? Да-да, спасибо, я имел в виду сказать, что именно хрупкая...

— Как чашка, — неожиданно сказала Дарья. — Хруп! Я ее рукой...

Я быстренько налил вина в ее рюмку.

— Выпей, малыш...

— С точки зрения социологии интересен именно этот вопрос, — сказал Бойль, внимательно разглядывая Дарью. — Почему до шестидесяти процентов адаптантов проходят через фазу дубоцефальства, до поры до времени никак не проявляя своей видовой сущности, которая напрямую следует из их генотипа?

Здесь общественная привычка выручает нас сильнейшим образом, а вместе с ней, конечно, вся система подражательного воспитания. Подумать страшно, сколько раз на протяжении последней сотни лет эту дрессировку клеймили, и справедливо, а оказалось, что в ней заключена внутренняя защита еще не окончательно дегенерировавшего общества. Она дает обществу шанс... — Бойль аккуратно отпил из своей рюмки и поставил ее на стол. — Однако воспитание тоже палка о двух концах, — продолжил он. — Оно может скрыть от нас самое начало процесса, как скрыло на этот раз. Кто-то, конечно, по роду работы обращал внимание на общее падение цивилизованности, на увеличившийся процент детей с врожденным слабоумием, на рост немотивированной преступности, кое-кто уже тогда пытался бить тревогу, но факт остается фактом: начальный момент был замазан, мы даже не можем с уверенностью сказать, когда и почему все это началось...

— Что ж удивительного, — сказал я, косясь на Бойля. Очень мне не нравилось, как он разглядывал Дарью. Как экспонат какой-то. — Где для тревоги имелись основания? Ну дебилы... Ну садисты-выродки, уличные стаи... Бывает. Всегда было. Кого

и за что судить? За убеждение, что человечество само по себе очень устойчивая система?

— К воздействию извне — да, конечно, — сказал Бойль.

Спорить с ним не хотелось.

— Знаем, с чего это началось! — бухнул Георгий Юрьевич и, взяв рюмку за ножку, покачал ее в руке. Вид у него был такой, что, мол, ежу ясно, когда и, главное, почему все это началось, вообще удивительно, что живем еще. — Я свое детство хорошо помню, не так все было... Серега, я же тебя просил: коньячку! Вот сюда.

Я налил. И себе тоже.

— Похоже, что подобный казус уже имел место, — сказал Бойль. — Я имею в виду случившееся некогда выделение из центрального ствола человечества боковой линии классических неандертальцев. Между прочим, это выделение подозрительно совпадает по времени с началом последнего большого оледенения, у вас это не вызывает ассоциаций?

— Солнце? — спросил я.

— Возможно. Собственно, это только одна из многих гипотез, но мне она нравится. Во-первых, тем, что она легко объясняет многие особенности физиологии адаптантов: например, их малую чувствительность к боли и холоду, редуцированный инстинкт самосохранения. Просто удивительно, как мало и плохо мы думаем о влиянии Солнца на жизнь человечества, а природа, заметьте, редко упускает случай заполнить экологическую нишу. Ну а во-вторых, эта гипотеза нравится мне тем, что по ней не одно только человечество повинно в создании экологической ниши для адаптантов. Знаете, это както приятно, я же все-таки человек...

— За людей! — провозгласил я. — Да здравствует человечество!

— Когда такие слова говоришь, вставать надо, — проворчал Георгий Юрьевич, поднимая рюмку двумя руками. — Треплются тут...

Мы выпили. Георгий Юрьевич крякнул, вытер слезы и с хрустом надкусил яблоко. Бойль допил свою рюмку, и я, пользуясь моментом, тут же налил ему коньяку. Нечего переводить сок лозы, пусть его приканчивает Дарья. Вино легкое. У меня

не было никакого желания подставлять под взгляд Бойля Дарью в пьяном естестве.

— А может, они это специально? — сказал я, чтобы что-то сказать. — Ну, не специально, не сознательно то есть, а где-то на уровне инстинктов. Может быть, адаптантами или даже просто дубоцефалами становятся те из нас, кто не может с нами жить, в нашем мире? В одном объеме пространства с нами и на одном временном отрезке? Может, дубоцефальство для них — единственно возможная защита от нас и от нашего мира?

— Это старая безумная гипотеза. — Бойль сложил свои морщины в улыбку. — Было бы просто замечательно, если бы все безумные гипотезы оказывались верными. Кроме того, она абсолютно бесполезна для практики, подобно всем другим поэтическим изыскам. Есть, например, такая гипотеза: природа-де изначально закладывает в каждый биологический вид генетическую бомбу замедленного действия, которая выраба... срабатывает, когда вид начинает создавать угрозу существованию самой природы. Оставьте. Раньше мы не знали, как и почему возникают новые биологические виды. Теперь знаем. Нам в некотором роде повезло: процесс идет прямо на наших глазах, региональные различия заключаются лишь в деталях. Я же объяснял вам, что такое подавляющая часть дубоцефалов.

— Шлак эволюции, — мрачно сказал я и не удержался — взглянул на Дарью. Она сидела в кресле перед столом, закинув ногу на ногу, сидела почти так, как умела сидеть когда-то, и только летаргическая неподвижность лица делала ее позу скованной. Статуя... Вряд ли она слышала наш разговор. На миг у меня возникло чувство, что она думает о чем-то своем, очень важном, но вот сейчас она додумает, встряхнется, пихнет меня в бок и скажет: «Самойло, ты чего кислый?..» И лицо ее снова оживет. Нормальное лицо, загорелое даже...

Я изо всех сил постарался не зажмуриться.

— Это когда-нибудь кончится...

— Почему вы так думаете? — спросил Бойль.

— Потому что это не может продолжаться, — неуверенно сказал я. — Потому что это должно когда-нибудь кончиться.

— Вы правы, — ответил Бойль, помолчав. — Это когда-нибудь кончится, если, конечно, вы имеете в виду вопрос: кто кого. Я даже не сомневаюсь, что это кончится довольно скоро, поверьте пожилому человеку. Дело только в том, что мы не знаем, чем все это кончится.

— Это ты правильно, — сказал Георгий Юрьевич. Он уронил огрызок яблока на стол и сидел пригорюнившись. — Никто, хрен, не знает. Помню же, не так было... Жуть до чего дожили, я уж на улицу и не выхожу, еду внук привозит, такие дела. Ты вот приехал, браток, спасибо тебе, хоть ты и не наш, а то, бывает, и посидеть не с кем, во всем доме две квартиры с людьми. И пособие опять урезали, — пожаловался он, — а я инвалид, мне положено в полном объеме... Выпьем?

— Вы бы поосторожнее, — предостерег я. — Все-таки после приступа. И печень у вас...

— А тебе какое дело?

— Да, собственно, никакого. — Я пожал плечами. — Будете потом хвататься за организм при одном только виде бутылки. Или закуски. Любой. Творогом, как известно, не закусывают.

— Что бы понимал... — обиделся сосед и тут же в подробностях рассказал о том, как в девяносто девятом в окопах под Гдовом пил с друзьями очищенный БФ с простоквашей — и хоть бы хны...

Мы чокнулись. Георгий Юрьевич предпринял было поползновение растормошить Дарью, но я помешал. Пусть сидит. Бойль вылил в рот содержимое рюмки, как воду, не выразив на лице абсолютно ничего. По-моему, он тоже был бы способен выпить очищенный клей, возникни такая необходимость.

— Кстати, — сказал Бойль, — я говорил вам о том, что у адаптантов аномально низкая чувствительность к спиртному? Нет? Представьте, это выяснилось совсем недавно. Оказывается, это им и не нужно: их щитовидка непрерывно выделяет один весьма специфический гормон. Они как бы пьяны сами собой, особенно в момент между действием раздражающего фактора и ответной агрессией. Возможно, в каком-то смысле они счастливее нас с вами.

— Ну хватил, брат! — сказал Георгий Юрьевич и стал вытирать слезы. — С такими-то рожами...

— А вы взгляните на лицо счастливого человека, когда сами не в настроении, — возразил я, чувствуя, что пьянею. — Тоже скажете: рожа, так бы и звезданул по черепу... А адаптант смотрит на вас, как на птеродактиля: откуда ты, мол, такой взялся, парень? Сыт, пьян, главное, жив — почему не радуешься жизни? Забить, чтоб не маячил, да помедленнее...

— Это кто птеродактиль?! — взвился сосед, и мне пришлось извиняться, прикладывая руки к сердцу, и втолковывать, что не то хотел сказать. На некоторое время беседа приобрела бестолковый характер, даже Дарья начала неритмично хлопать глазами, выказывая признаки пробуждения, и я уже задумался над тем, как бы поделикатнее выпроводить гостей...

— Ладно, — сказал Бойль. — Кое-что мы все-таки выяснили, только это нас не продвинуло ни на икоту... На йоту? Верно, ни на йоту, я иногда путаюсь, вы меня, пожалуйста, поправляйте... Я сильно ошибаюсь в языке?

— Отнюдь, — уверил я. — Последнее время вы говорите вполне прилично.

Мысленно я добавил, что когда он увлекается разговором, то не делает ошибок совсем.

— Спасибо. Я хочу, чтобы вы поняли, Сергей. Давайте все-таки разберемся в основах навязанного нам мироздания. Что послужило причиной массовой мутации — войны ли, истребившие часть генофонда, насыщенность ли среды обитания радионуклидами или химическими мутагенами, наркотики ли, а может быть, все-таки специфическая предледниковая активность Солнца, — сейчас совершенно не актуально. Бесспорно, это очень интересная, но, увы, узкоспециальная проблема, по-настоящему человечество заинтересуется ею значительно позже, когда встанет вопрос о недопущении подобного в дальнейшем. Сейчас большинству людей неинтересно знать, откуда рядом с ними появился новый конкурентоспособный вид. Большинство просто-напросто хочет понять, что с ним делать.

— Обезвреживать, — сказал я.

— Ну да, ну да. Значит, все-таки резерваты?

— А вы что предлагаете?

— Я не предлагаю, — сказал Бойль. — Предлагают другие. И вы знаете, все эти предложения очень схожи. Раздавить — некоторые пишут: «Раздавить, как болотную гадину», — интересно, правда? — смешать с землей и все в таком роде. Разница в том, что одни надеются на полицию или армию, а другие предпочитают вольный отстрел. Вы что предпочитаете?

— На прошлой неделе в одном детском саду воспитательница убила одиннадцать детей, — хмуро сказал я. — Об этом сообщали. Заперлась с ними в комнате и резала одного за другим на глазах у остальных. Кухонным ножом. И затыкала детишкам рты, чтобы не кричали. Те, кто остался в живых, сейчас на лечении в неврологической клинике, двое до сих пор в коме. Когда полицейские высадили дверь, они не смогли заставить себя арестовать эту женщину. Они ее попросту застрелили, разнесли в клочья очередями из четырех стволов, тоже, кстати, на глазах у оставшихся детей. И я их не осуждаю.

— Я спрашиваю: какое решение предлагаете вы? — спросил Бойль.

— Изоляцию адаптантов от человеческого общества. Может быть, еще стерилизацию, не знаю. Но изоляцию — обязательно.

Бойль неприятно засмеялся.

— В резерватах?

— Естественно.

— С вами не согласятся те, кто не захочет, чтобы адаптанты их объедали. Или вы, может быть, считаете, что благодаря биотехнологиям с голодом на планете покончено раз и навсегда?

— Не считаю...

— Я тоже расскажу вам одну историю, — сказал Бойль. — Не далее как вчера утром толпа в самом буквальном смысле разорвала человека, который бежал по улице в трусах и майке. Я это видел. По холодоустойчивости его, вероятно, приняли за адаптанта. Позже выяснилось, что этот человек страдал болезнью легких и закаливал себя в лечебных целях. Тем не менее он был убит, и я что-то не заметил, чтобы кто-нибудь из-за этого особенно терзался. А сегодняшнее гнуснейшее аутодафе в лесопарке?

— Только этого не надо, — возразил я. — Жгли дубоцефалы.

— Извините! Есть сколько угодно примеров того, как самые нормальные люди в подобных ситуациях ведут себя ничуть не лучше. Можно привести примеры, да только нужно ли?

— Не нужно, — сказал я. Я вспомнил Сашку. — Что вы хотите?

— Я хочу очень немногого, — сказал Бойль. — Я хочу, чтобы вы осознали, запомнили и никогда не забывали, что рассматривать нынешнюю стычку людей с адаптантами с точки зрения морали совершенно бессмысленно, как бессмысленно навешивать моральные ярлыки на любую борьбу видов за выживание. Моральным или аморальным было вымирание, ну, скажем, шерстистых носорогов? У природы нет привычки оперировать моральными категориями. Мораль придумывают люди для оправдания своих поступков...

— Вот как?

— Или бездействия, — закончил Бойль.

— Опять нас учат! — с неожиданной злостью сказал Георгий Юрьевич. — И опять заграница. У самих кровь и грязь, а они учат. Сережа, ты скажи ему, чтоб он ушел... Не могу я...

Я сделал ему знак замолчать.

— Значит, шерстистые носороги? Так? Вы уж не стесняйтесь, пожалуйста. Может быть, даже трилобиты?

— Вы зря сердитесь, Сергей, это у вас человеческое. Попробуйте как-нибудь взглянуть на человечество со стороны, это бывает полезно для понимания. Очень интересная штука — человечество со стороны.

— Я не хочу со стороны, — угрюмо сказал я. — Я — внутри. Вы лучше скажите мне и вот Георгию Юрьевичу, чем все это кончится? Что говорит наука?

— Кому?

— Ну не нам же...

— Наука говорит, что человечеству предстоят тяжелые времена в борьбе за выживание, — сказал Бойль. — И только. Поймите же наконец, что наука не способна предвидеть результат этой борьбы. Она может только приблизительно предсказать срок, в течение которого должно решиться, какой вид

двуногих прямоходящих будет главенствовать на планете. Это не очень большой срок, порядка нескольких лет, не более. У вас мало времени.

— У вас? — мстительно спросил я.

Бойль наклонил голову так, что не стало видно лица. Костлявыми пальцами помассировал дряблую шею.

— Я уже старик...

— А дальше? — спросил я.

— Может быть, человечество выиграет эту борьбу, — сказал Бойль. — Но мы не знаем, какое это будет человечество. Мы уже сейчас в среднем ниже по уровню интеллекта, чем были еще сотню лет назад. Кроме того, не так-то это легко для большинства людей — убивать, даже зная, что уничтожаешь врага, что иначе он уничтожит тебя, — но у врага-то те же две руки, две ноги, лицо, иногда остатки речи... Очень уж он похож на человека, этот враг, вряд ли его уничтожение оставит человечество таким, каким оно было. Может быть, люди проиграют. И тогда закат нашей цивилизации произойдет сравнительно тихо, скорее всего без тотальных ядерных войн и прочих шумовых эффектов. Просто одна большая трагедия рассыплется на множество трагедий индивидуальных, и еще один вид сойдет в историю, как сошли до него пятьсот миллионов других видов. Полет человечества прервется, но это будет не как взрыв, Сергей, люди зря этого боятся. Это будет как мягкая посадка...

— Мягкая посадка, — пробормотал я. Хотелось выругаться.

— Серега, — простонал сосед, — я не могу, пусть он уйдет... Серега, я же тебя просил: налей...

— Я, пожалуй, пойду, — сказал Бойль, мастеря углами запавшего рта британскую улыбочку. — Сергей, вы обещали меня отвезти...

— Конечно, — сказал я. — Пойдемте.

— Д-дорога, — с натугой произнес Георгий Юрьевич, — с-катертью... — Голова его клонилась к рукам, сложенным на столе. Я встряхнул его за плечи и, наклонившись к самому уху, попросил не уходить из квартиры до тех пор, пока я не вернусь, и присмотреть за Дарьей. Он промычал что-то насчет того, чтобы я не беспокоился.

Одеваясь, я проверил оружие — «тарантул» был на месте, в кармане куртки. На улице было морозно и тихо, в гаснущем небе понемногу проступали бледные городские звезды. Где-то стреляли, в частые одиночные выстрелы прихотливо вплетались короткие злые очереди, — но где-то далеко, почти на пороге слышимости. Мой «марлин» стоял на стоянке через квартал, я предложил было Бойлю подождать меня здесь, но он шел за мной как привязанный. Какой-то одинокий прохожий, увидев нас, остановился в нерешительности, а потом быстро юркнул в ближайший подъезд и забарабанил в запертую дверь.

— Давно это с ней? — спросил Бойль, когда мы уже почти доехали.

Я помолчал. Я молчал всю дорогу. Говорить не хотелось.

— Почти месяц...

Резкие лучи слепящих фар метались по домам, по темным горловинам подозрительных переулков. На поворотах машину швыряло из стороны в сторону. Возможно, я был слишком пьян, чтобы вести машину на такой скорости. Впрочем, так оно безопаснее.

— И как вы думаете быть дальше?

— Знаете что, — сказал я. — Оставьте это мне. Дарья вам не объект для изучения. И не надо мне сочувствовать, пожалуйста. Я уж как-нибудь сам.

— Вам будет плохо, Сергей, — сказал Бойль увещевающим голосом. — Поверьте мне. Вы даже не представляете себе, как вам будет плохо.

Я не ответил.

— Лавинное вырождение сознания встречается нечасто, — сказал Бойль после паузы. — Собственно, это явление есть редкое исключение сразу из нескольких правил, но оно всегда приводит к одному результа...

Я тормознул так, что он повис на ремне безопасности, как тряпка на заборе.

— Стая. Переждем.

Еще не отдышавшись, он принялся с интересом осматривать перекресток:

— Где стая?

— Нет стаи, — сказал я, трогаясь с места. — Это мне показалось. Собственно, мы уже приехали... — Я затормозил около подъезда. — Проводить вас до квартиры?

— Нет, спасибо, — сказал Бойль и стал вылезать из машины. — Вы знаете, Сергей, мне кажется, что у вас не все в порядке, у вас самого, а не только у людей, вам близких. Извините меня, если я мешаюсь не в свое дело, но, может быть, я могу как-то помочь?

Только этого еще не хватало. Я покачал головой:

— Все в норме. Спасибо вам за сегодняшний вечер.

— Удачи вам, Сергей...

7

Наверное, с полчаса я мотался по городу на полной скорости и все никак не мог успокоиться. Первым делом я отцепил из-под лацкана «глаз» и, отключив, убрал его в тайничок. Меня мучило искушение остановить машину, неторопливо выйти, швырнуть «глаз» на асфальт и раздавить, перенести на каблук всю тяжесть и услышать хруст — какое это, вероятно, было бы наслаждение... Черта с два, пусть будет как есть, кажется, Бойль сегодня ничего особенного не наболтал, обыкновенный полупьяный треп, никакого криминала с его стороны, только хорошо бы предварительно прослушать запись, сильно мне не нравится эта многозначительная оговорка — «у вас»... А как прослушаешь, если приставки нет? Ладно, главное — о ГЕП в записи ни единого слова, и я не влезал в эту тему, и Бойль тоже молодец, возможно, он даже догадывается... Хорошо, если так.

Визжали шины.

А вообще за эту работу Сашка мне врежет, думал я, перебирая в уме, что буду говорить в оправдание. Особенно за последнюю фразу врежет — отшил агент клиента, сам снял с крючка и выпустил. Ничего, как-нибудь спишется на интеллигентскую бестолковость... Противно, да? Тебя никто не спрашивает, противно тебе или нет. Работай, коли влез в лямку, тяни, отрабатывай родительский комфорт и свою безопасность, прекрати юлить ужом и думать на тему: отдам — не отдам... Вацека вот взяли, сломали и не спросили, отдам я его или нет.

Лучше всего, конечно, вообще не думать, то есть не думать о том, что не одобрено и не предписано, но я этого не умею, дисциплины мышления у меня никакой, так что с точки зрения Сашки я, пожалуй, не самый ценный кадр. Однако, по-видимому, не безнадежный — вот что самое противное. Бойля-то он мне доверил... правда, кому же еще, как не мне? И лучше, конечно, мне, чем кому-то другому. «Акцент у него все-таки деревянный, взгляни на спектральные характеристики, а вот запись одной из ваших бесед — ты удивлен? — тут даже на слух...» Тоже мне знаток произношения сочетания ти-эйч...

И какой же это гад, интересно, меня пасет, подумал я. Господи, да кто угодно, перебрать всех невозможно и не хочется. Только теперь к «кто угодно», кажется, прибавился Вацек...

Волки воют не на луну. Они жалуются друг на друга.

Далеко позади, вывернув из-за угла, мелькнул броневик дорожной полиции, коротко вякнул сиреной, требуя остановиться, а потом кинул мне в корму луч прожектора и наддал. Я ушел от него играючи, в три поворота, и заглушил двигатель в переулке с перебитыми фонарями — слышно было, как броневик сотрясает мостовую в некотором отдалении и как эпицентр сотрясания мало-помалу удаляется из поля ощущений. Ладно... В крайнем случае намекну Бойлю, когда буду уверен, что нас не слушают, не запаниковал бы только он с непривычки, вот что опасно...

Как он сказал? «Мне кажется, у вас не все в порядке, у вас самого...» Неужели заметно? Еще бы, как не заметить. Я, конечно, не государство, но с двумя проблемами сразу и мне не справиться, куда там, хорошо уже то, что удалось надавить на Мишку...

Возвращаться на патрулируемую улицу и объясняться с полицией не было никакого желания. Трогаясь с места, я осветил стену дома боковой фарой, надеясь прочесть название переулка, и в этом не преуспел. Вывески не оказалось. Только сейчас я заметил, что у тротуара не припарковано ни одной машины. Зияющие провалы окон с зазубренными стеклянными жвалами по периметрам говорили сами за себя. Этому переулку уже не требовалось название.

Минут через пять я окончательно заблудился. Здесь оказалось какое-то ненормальное количество узеньких переулочков и проездов в щедрой россыпи мусора на асфальте, коротких темных тупиков и арок в сомкнутых стенах домов, открывающих проезд в непроходные и проходные, но все равно непроходимые дворы, больше похожие на снегохранилища. Единая дорожная тут не действовала. Черт знает что!

Часть города, в которую я вляпался, была совершенно мертва и покинута всеми, сюда не манило даже адаптантов, один только раз в далеком окне мелькнул слабый свет и тотчас погас — очевидно, там услышали шум машины. Неужели в городе все еще живет два с половиной миллиона человек? Целых два? И еще с половиной? Врут, должно быть.

А ведь Бойль сказал сущую правду: у нас просто нет времени...

Может быть, и ГЕП выглядела бы разумным средством, а не очередным зигзагом в метаниях ополоумевших от страха народных избранников, будь у нас впереди достаточный временной промежуток? Лет сто...

Может быть.

Совершенно неожиданно машина вынеслась на освещенную улицу. Асфальт под фонарями мокро блестел от натаявшего снега. Ага, вот где я! Улица была знакомая, на периферии владений той стаи, с которой я не раз играл в кошки-мышки. Ну, не так уж далеко меня занесло, через пять минут дома буду...

Я на ощупь потыкал в клавиши телефона:

— Малыш, я еду.

На лобовом стекле загорелся экранчик. И сейчас же в машину ворвалось тяжелое дыхание из нескольких ртов, сопение, странное повизгивание, мерное хрупанье, будто кто-то упорный грыз и никак не мог догрызть громадную кочерыжку, непонятный гнусавый выговор, тягучие обрывки нечеловеческих фонем, знакомые каждому в этом городе, снящиеся по ночам в тягучих кошмарах...

Стая!

Простые события и начинаются просто.

Нога воткнула педаль в пол. Я еще не верил в случившееся. Не мог поверить, и тело сработало как автомат: дать газу,

дать на полную катушку, чтобы машина рванулась вперед гоночным болидом, чтобы потемнело в глазах, чтобы размазаться по спинке сиденья и как можно дольше, хотя бы лишнюю секунду, хотя бы полсекунды не верить...

Стая у Дарьи в доме.

Адаптанты предсказуемы только поодиночке. Выловленных одиночек свозят в резерваты, а невыловленные постепенно вымирают в самом буквальном смысле. Стаи живут и множатся. Свою потребность в жилье и пище они удовлетворяют набегами на жилые кварталы. Действия стаи нелогичны и непредсказуемы. Невозможно угадать, какой дом будет следующим. Только выбрав цель, а иногда сразу две или три, если стая достаточно велика, она начинает действовать размеренно и планомерно.

Экран загородила чья-то спина. Гнусавый голос оборвался лающим хохотом. Донесся пронзительный женский визг.

— Дарья!.. — закричал я.

Спина убралась, будто ее смахнули, — адаптант отпрыгнул от экрана. Визг повторился.

— Уж! — коротко и внятно сказал кто-то, и несколько глоток ответили все тем же отвратительным взлаивающим смехом.

— Дарья, держись!!! — заорал я не своим голосом.

Ничего умнее я не придумал.

Ощеренная харя не поместилась в экранчик. Из безгубого рта по грязному редколесью на подбородке стекала слюна. Глаза не оставляли никаких сомнений: конкурентоспособный вид был тут как тут и не терял времени. Одно мгновение адаптант и я молча смотрели друг на друга. Затем харя отодвинулась, как бы приглашая меня полюбоваться.

В комнате царил разгром. Кресла были перевернуты, журнальный столик целился в потолок тремя ножками — четвертая была вывернута с корнем. Рядом со столиком, вытянувшись на полу среди осколков битой посуды, лежал с оскаленной мордой мертвый доберман Зулус. Живот собаки был вспорот по всей длине, и красные внутренности вывалились на пол. Адаптантов, кроме обладателя ощеренной хари, в кадре было двое: один не спеша натягивал на себя рваный армейский комбинезон, другой непринужденно испражнялся посреди

комнаты. Еще один проволок по полу женское тело. Голова Дарьи безжизненно моталась, домашний халатик был разорван и висел клочьями. Экран повернулся к окну — должно быть, кто-то заботливый повернул его специально для меня. Чернявый, голый ниже пояса детина с замашками вожака и исцарапанной вокруг волчьих бельм физиономией, стоял на подоконнике и несуетливо подергивал привязанную к карнизу веревку с петлей на конце — испытывал на прочность.

«Держись...» Идиот!!!

Не сбрасывая газа, я отвернул вбок, уходя от столкновения с искореженным автобусом, пробившим ограждение и въехавшим передними колесами на тротуар. На миг мне показалось, что машина сейчас перевернется на полном ходу, и сердце у меня отвалилось. На лобовом стекле творилось невообразимое — похоже, поваленный на пол экран топтали ногами. Мелькнуло перевернутое кресло. Мелькнул и исчез силуэт, раскачивающийся в петле на фоне темного окна, и тут же экранчик замерцал и погас. Динамик компьютера с приборной панели забормотал значительным голосом — вежливо убеждал снизить скорость и поберечь себя и окружающих. Не добившись успеха, он разразился оглушительным прерывистым воем. К черту! Зарычав, я разбил панель кулаком и оборвал провод — сирена умолкла.

Ждите меня. Потому что я иду, как это ни глупо. Потому что индивидуальная трагедия бывает страшнее всеобщей, что бы там ни говорил Бойль. Потому что сейчас я не стану разбираться, люди вы или нелюди.

Потому что не только адаптанты умеют убивать.

Визг шин сменился нестерпимым свистом. На вираже три правых колеса повисли в воздухе.

...Мозг отключается постепенно, не сразу. Так говорит медицина, а ей надо верить. Петля сокрушает гортань, перехватывает сонную артерию. Сердце работает как бешеное: мозг может погибнуть! Мозгу нужна кровь! Легкие сотрясаются спазмами: воздуха! Дайте воздуха! Хоть немного...

Воздуха!

Сознание уходит быстро, раньше, чем прекращаются конвульсии тела, но мозг начнет умирать только спустя пять-шесть минут... Я заставил себя сбросить газ, входя в поворот, и снова

вдавил акселератор до отказа. Если Дарью только изнасиловали и повесили... Если ее повесили мучительно и неграмотно — не повредив позвонков... Допустим, ее не изрезали ножами... Не растерзали голыми руками, как адаптанты умеют и любят делать... Не вырвали для забавы глаза и внутренности... Будем считать, шесть минут у меня еще есть. Нет, уже пять. Уже только пять...

Скорость перевалила за двести.

Если они ее только повесили, я еще могу успеть. Должен успеть! Обязан.

Две минуты.

Отказывают двигательные центры. Тело замирает и вытягивается. Лицо повешенного стремительно синеет. Искусанный язык вываливается из раскрытого рта.

Зачем, зачем я столько времени крутил по городу! Для какой надобности? Почему меня не было с Дарьей, когда ворвалась стая? Мы бы отбились...

Я глубоко вдохнул и попытался расслабиться, насколько это было возможно на бешеной скорости. Спокойнее! Если ты хочешь что-то сделать, тебе предстоит действовать с хладнокровием автомата, как тебя учил дядя Коля. Предстоит быть расчетливым и абсолютно вне эмоций, только так. В бою это очень полезно — вне эмоций...

А сам бы ты смог без эмоций, дядя Коля?

Три минуты. Останавливается сердце. Кровяные шарики замирают в бесчисленных капиллярах. Кровь темнеет и загустевает, как клей. Мозг еще жив, он продержится какое-то время. Очень небольшое время.

На последнем вираже машина пошла юзом, едва не врезавшись в ограждение. Улица — вот она! Два шага до дома.

Никто не двинулся с места и тени перестали быть тенями, когда я ослепил их противотуманными фарами. Стайка. Малая часть стаи — кордон прикрытия. Мотоциклов нет. Дались мне эти мотоциклы — как будто адаптанты не могут передвигаться пешим ходом! Тем лучше, холодно подумал я, направляя «марлин» на ближайшую ослепленную фигуру. Давить буду.

Все произошло очень быстро. Фигура метнулась в сторону — и тотчас раздался такой звук, будто разом откупорили несколько бутылок с шипучкой. Адаптанты оказались пре-

дусмотрительнее, чем я ожидал. Что может быть проще колючек? Только мозги идиота, который о них забыл. Я бешено выматерился. «Марлин», хлюпая жеваной резиной, вильнул вбок и пошел в отчаянном визге тормозов кидаться от бордюра к бордюру. Мне удалось вывалиться из машины прежде, чем она с треском и скрежетом обняла бампером фонарный столб, а когда, прокатившись кубарем метров семь, я вскочил на ноги, было уже поздно. В пяти шагах от меня, картинно расставив разновеликие ноги, стоял щуплый выродок. Короткий толстый ствол, черный и блестящий в фонарном свете, был направлен точно мне в живот. Расстояние для прыжка было великовато.

— Влип! — констатирующим тоном сказал выродок и по-идиотски хихикнул.

Четыре минуты... В окне шестого этажа, единственном освещенном окне в доме — нашем с Дарьей окне! — был ясно виден женский силуэт, не касающийся ступнями подоконника. Я очень хорошо знал, чей это силуэт.

— Ути, мой маленький, — сипловато пропел выродок. Он наслаждался. — Ути, хороший...

Тот самый... Или не тот? Дубоцефал-мальчишка. Адаптанту вовек не связать трех слов. На стреме у работающей стаи всегда стоят дубоцефалы, за это стая их терпит. Я нервно оглянулся. Остальные тени были где-то рядом, но пока прятались в темноте. Не спешили. Кто-то, ответственный за мою судьбу, давал мне время.

Мне одному. Не Дарье.

Я сделал маленький шажок вперед.

— Эй! Ты меня узнаешь?

Дубоцефал шевельнул наставленным стволом — теперь я разглядел, что в руках у него обрез, а не автомат. Почему-то это меня обрадовало. Будто не все равно.

— Мы знакомы, — терпеливо сказал я. — Мы встречались раньше. Помнишь?

— Как? — бессмысленно спросил дубоцефал.

Я показал ему пустые ладони.

— Меня нечего бояться. Я друг, понимаешь? Я с тобой знаком. Я — с тобой. Знаком. Понимаешь? И ты со мной. Тоже! Знаком! Понимаешь?

— Знаком, — механически повторил дубоцефал. — Сачком. Пахом. — Он задумался, чмокая губами. — Пешком. По роже мешком... Кирпич в мешке. Два.

— Я тебя как-то раз отпустил, — настаивал я. — Теперь вспоминаешь? Это было летом. Вспомни. Ты тогда оторвался от стаи. Ты был один. А я тебя отпустил. Отпустил, ты понимаешь?

Все мое бешенство куда-то исчезло. Ушло, просочилось, рассыпалось, истерлось в пыль, оставив взамен сосредоточенную холодную злобу. Ледяную. Я убеждал. Я сделался очень красноречив. Я уговаривал. Уговаривая, я попытался шагнуть в сторону — ствол обреза двинулся за мной как привязанный.

— Теперь я один, — сказал я. — Я, а не ты. Теперь твоя очередь. Теперь ты меня отпусти. Совсем. Ты. Меня. Отпусти. Моя стая далеко. Мы должны помогать друг другу в беде, верно?

Дубоцефал отцепил одну руку от обреза, завернул ее за шею и задумчиво почесал между лопаток, усваивая сложную мысль. Моя правая рука скользнула в карман.

— Эй! Отпусти меня!

На лице дубоцефала отразилось слабое подобие понимания. Он неуклюже кивнул. Да, конечно. Все мы люди. Все мы братья-человеки... Дубоцефал переступил с ноги на ногу, зачем-то потянулся, передернул плечами от холода и опустил свой обрез.

Тогда я выстрелил прямо ему в лицо.

Возможно, я пожалел бы его, не заставь он меня потерять без толку целую минуту. Я был готов сделать такую глупость.

Опрокинутый выстрелом навзничь, дубоцефал еще падал, когда я взял старт к подъезду дома. Пять минут! Осталась одна минута, еще только одна...

Действие вновь приобретало динамизм: от соседнего дома ко мне бежали пятеро. У подъезда я разрядил в них пол-обоймы — передний схватился за живот и согнулся кочергой, остальные отпрянули. Кто-то дважды выстрелил слева, из темноты. Ха, мимо! На первом этаже звонко лопнуло стекло, посыпались осколки. Влетев в дверь подъезда, я сразу ушел в сторону, и вовремя: снаружи брызнула щедрая автоматная оче-

редь, от двери веером полетели щепки. Раненный в живот страшно завыл.

Вперед! На площадке первого этажа меня уже ждали. Две темные фигуры, два силуэта без лиц, плоские, как мишени, — свет настенного плафона бил им в спину. Я расстрелял их в упор, не дав им даже поднять оружие и потратив вдвое больше патронов, чем требовалось, — мне показалось, что они падают слишком медленно. Вверх, вверх! Нет, только не лифт, это мышеловка... Я несся через четыре ступеньки. На площадках второго и третьего этажей не было никого, зато сверху кто-то тарахтел каблуками по лестнице. Очень спешил. Я подождал его между третьим и четвертым этажами и подарил ему последнюю пулю. Больше патронов не было.

Шестая минута!

За окном продолжал вопить раненый. В этом смертном крике не было ничего человеческого. И не могло быть.

К черту! Какой из меня стрелок... Я отшвырнул пистолет — секунду было слышно, как он со стуком скачет по ступенькам, — и сдернул с шеи шарф.

Попробуйте меня остановить. Себе во вред вы заставили меня убивать. Человека, превратившегося в лавину, остановить нельзя, этого вы еще не поняли. От него можно попытаться спастись бегством, но ведь вы и этого не поймете...

Вперед!

Почему меня никто не преследует? Боятся? Не может быть. Адаптанты — и боятся?!

Слух уловил далекий вой полицейской сирены.

Еще немного...

Дверь была выбита и висела на одной петле. Перед ней в луже темной крови, раскинув руки и ноги, словно гигантская водомерка, лежал лицом вниз сосед, Георгий Юрьевич. Врываясь в квартиру, я перепрыгнул через труп.

Четверо. Восемь бешеных глаз.

Никто из них не растерялся, никто не подумал об осторожности. Чернявый вожак как сидел на полу под подоконником, так и остался сидеть, разинув пасть в затяжном зевке, а трое кинулись на меня сразу — молча, с голыми руками. Только один из них выхватил из-за пазухи армейского комбинезона что-то похожее на самодельную заточку, хотел было

метнуть, но передумал. Длинное грязное лезвие осталось в руке выродка. Оно войдет в тело на всю длину, повернется, вырезая кусок мяса, — вот тогда адаптант будет вполне удовлетворен... Убийцы. Обыкновенные безмозглые убийцы.

Должно быть, полное отсутствие страха не всегда благотворно влияет на популяцию. Я отступил в дверной проем между комнатой и коридором и здесь спокойно, как на занятиях, сломал двоих, без сожаления добавив к приемам дяди Коли логическую концовку, — об этих двоих можно было больше не беспокоиться. Третий продержался чуть дольше и рухнул на пол уже в комнате, шипя и пытаясь выдернуть свою заточку, засевшую у него меж ребер. Огибая его, я подхватил с пола опрокинутый стул с деревянной спинкой — прекрасное подручное средство, стулом я владею как бог, почти как дядя Коля... Я кинулся на четвертого.

Это была моя ошибка. Прежде я никогда не думал о том, что среди стайных выродков могут встречаться профессионалы рукопашного боя. Мне говорили об этом. Я не верил.

Чернявый вожак не спеша поднялся на ноги, оттолкнув рукой мешающее ему тело Дарьи, и в ту же секунду внутри у меня взорвалось в трех местах разом.

Бой между равными профессионалами длится секунды. Схватка между профессионалом и любителем длится столько, сколько захочет профессионал.

Большая кошка и мышь...

Он не добил меня сразу, как мог бы. Он позволил мне отлететь внутрь комнаты, а обломкам стула вместе с оконным стеклом — наружу. Четвертый удар был простонародным — точно в морду. Вожак меня попросту презирал. Он не спешил. Он ждал, когда я встану и кинусь на него еще раз. Он скалился, не слушая приближающегося вопля полицейской сирены. Он забавлялся.

Дарья...

Ее не было. Я видел только труп с синюшным лицом. Это был настоящий труп, и даже глаза его были закрыты.

Я вложил в бросок всю ярость, на какую был способен. На этот раз я даже не понял, как все произошло, — лишь каким-то дальним углом сознания уловил, что адаптант сделал захват. Вонь немытого тела ударила в ноздри, в мозг. Правая

кисть отвратительно хрустнула и повисла. Боли я не почувствовал, просто кисть отказалась мне повиноваться. В следующую секунду я отлетел к дивану спиной вперед — адаптант отшвырнул меня, даже не ударив. Наверное, с его точки зрения, это было бы слишком просто.

Жив...

Кто-то фыркнул возле самого уха. Моя левая рука наткнулась на что-то мягкое и шевелящееся. В ладонь немедленно вонзились острые резцы грызуна, но я не разжал пальцев и вытащил из-под дивана отчаянно отбивающегося Пашку. На одну попытку меня еще хватит... Я взгромоздился на ноги. Адаптант громко рыгнул и приглашающе осклабился. Будь у меня в качестве подручного средства даже не нож, куда там, а всего лишь спичечный коробок, и тогда я швырнул бы его в эту гнусную оскаленную рожу. Что ж, морской свин тоже подручное средство...

Может быть, адаптант ждал обманного движения, а может быть, окончательно перестал принимать меня всерьез, не знаю. И теперь уже не узнаю никогда. Морской свин с силой влепился в физиономию выродка. Оба заверещали разом. Кидаясь вперед, я видел, как взбесившийся Пашка пустил в ход свои резцы и как вожак задергался, пытаясь оторвать от себя мое подручное средство. Мгновение спустя ему это удалось, и еще одно мгновение он совсем по-человечьи смотрел на меня с недоумевающим и обиженным видом, но этих мгновений хватило мне для того, чтобы с разбегу толкнуть вожака в грудь. Большего я уже не мог.

И не потребовалось.

Окно, разбитое моим стулом, было за спиной адаптанта. Должно быть, он осознал, что с ним происходит, только когда за окном мелькнули его ноги. Вопль был непродолжительным — шестой этаж.

Полицейская сирена смолкла под самым окном, и тотчас внизу лязгнуло — с таким предупреждающим звонким лязгом разворачивается в боевое положение многоствольный газомет. Между домами заметалось и стихло бестолковое эхо автоматной очереди. Раненный в живот продолжал истошно выть.

Я перерезал веревку заточкой, выдранной из скрюченных пальцев выродка — каким-то чудом тот еще дышал, — и за-

орал от боли, пытаясь удержать тело Дарьи двумя руками. Выше кисти из моей руки торчал, цепляясь за рукав, обломок кости, светло-розовый на темном фоне венозной крови.

Быстрее! Еще можно попытаться... Один выдох в рот — пять нажимов на грудную клетку. Или три? Пусть будет четыре... Господи, сколько их нужно?..

Одна рука. Я могу действовать только одной рукой... Выдох. Теперь четыре нажима. Сильнее! Еще выдох. Нажим. Еще раз!..

Держись! Ты должна жить, ты же хочешь жить, я знаю! Постарайся мне помочь. Очень постарайся. Без тебя у меня ничего не получится.

Резче! Еще!

Темно в глазах. Почему нас учили только самообороне? Должны же быть на теле какие-то стимулирующие точки, не может их не быть...

Еще!

Помогая руке всем телом, я слышал, как под моей ладонью хрустят ее ребра. Я давил и давил ее грудную клетку до тех пор, пока страшная трупная синева на ее лице не начала понемногу спадать, пока мои пальцы не почувствовали первые, еще совсем слабые и неправильные толчки ее сердца...

И уже кто-то, спеша, поднимался по лестнице — не один, несколько. Спешащие шаги были человеческими; кто-то, споткнувшись на ступеньках, загремел оружием и на весь подъезд матерно покрыл идиота, швыряющего себе подобных из окна на крышу казенной машины. Кто-то поддержал в том же духе. Это были люди. И что бы они ни говорили, что бы они ни делали — они были люди, и теперь для меня этим все было сказано.

III. ФЕВРАЛЬ

1

Банки с говядиной были большие, одна на двоих, судя по всему, родом с какого-нибудь стратегического склада, сытные внутри и солнечно-золотистые снаружи, самодовольно блестящие и смазанные тавотом лучше, чем боевые торпеды. Отстояв очередь, я кое-как обтер тавот, заново раскурил потухшую сигарету, отыскал глазами своих и кивнул Вацеку. Тот уже получил и теперь прижимал к груди три полкирпича хлеба, тоже один на двоих. Кофе пока не подвезли, но говорили, что будет. На всякий случай дядя Коля разломал на дрова первый попавшийся на глаза ящик и теперь уминал в котелке снег.

В подвале стрельба слышалась глуше, зато труднее определялось, куда перемещается эпицентр перестрелки, и это нервировало: стаю, взятую вчера в кольцо на участке девятого отряда, не сумев добить сразу, теснили к нам. Говорили о каких-то новых снайперах, то ли наших, то ли совсем наоборот. Скорее, наоборот. Курили, сплевывали, кашляли, отходили после ночного боя, и каждому было понятно, что поспать сегодня опять не удастся. Кто-то из дубоцефалов влез на протянутую вдоль стены мерзлую трубу дерьмопровода и, соря инеем, тянулся к забитой снегом отдушине, пытался проковырять смотровую щель. Заметнее других дергался длинный, унылый и гнутый, как отмычка, студент — малый, по общему мнению, безнадежно заторможенный и то ли за свой чудовищный гранатомет, то ли за особую бестолковость получивший в отряде прозвище Дубина Народной Войны. Даже в подвале он мерз и ежился — не иначе, в его комбинезоне шалил термостат. Кро-

ме студента, гранатомет здесь был только у меня, и то жалкий подствольник, зато шею каждого оттягивал автомат десантного образца с подогревом ложа и ночным прицелом в придачу. Ручные гранаты были без подогрева — вчера ночью один мобилизованный из молодых и краснощеких в самый разгар драки, когда часть дубоцефалов, ошалев от страха, с животным ревом дала деру под свой же пулемет, а потерявшие голову новички, не слушая команд, орали и палили в темноту кто во что горазд, схватил гранату голой рукой и, швырнув изо всех могучих сил, потерял по лоскуту кожи с каждого пальца. Гранат побаивались.

Я как раз пронес банки мимо Дубины Народной Войны — он вскинул на меня воспаленные глаза в контактных линзах, споткнулся о гранатомет и засуетился, выражая немедленную готовность как можно точнее выполнить повеление начальства. Хрена ему сейчас, а не повеления. Обойдется. Дубина — он дерево и есть, ему бы кого-нибудь по маковке с богатырского размаху... Так он себе войну представляет, а городскую почему-то в особенности, и вот что обидно: не дурак парень. И думать умеет, и излагать, поспорить об отвлеченном тоже горазд, зато намертво убежден в том, что на войне нужны рефлексы, а не мозги, — и комплексует, потому как с рефлексами у него от природы негусто. С навыками тоже. По ночам свои линзы он вымачивает в пластиковой кружке с водой, а чтобы никто не выплеснул, привязывает кружку к ноге специальной веревочкой. Если ночь прошла тихо, что иногда все-таки случается, студент еще проснуться не успеет, как к нему так и бегут отовсюду, так и шустрят на утреннее развлечение — давать советы насчет научного поиска этих самых линз в этой самой воде и научной их поимки. Один раз надорвали животики, когда поутру обнаружилось, что за ночь вода в кружке замерзла по самое дно. Потом-то стало не до смеха: в тот день из одной только нашей группы накрылись сразу шестеро. Самое поразительное, что в бою Дубине Народной Войны везет, а за компанию и тем, кто возле Дубины находится, надо только знать специфику и пореже торчать у него за спиной — он ведь сначала выпалит из своего гранатомета, потом с интонациями ослика Иа прокомментирует результат, а потом уже обернется посмотреть, кого там позади ветром сдуло...

Для роты отряд был велик, для батальона мал и слаб. В обширном подвале люди жались кучками вокруг еды, сидели прямо на полу и на корточках, подпирали спинами промерзшие стены. Жевали. Просто удивительно, насколько велики подвалы под гаражами в современных домах, непонятно, зачем они такие и кому нужны, но сейчас это было хорошо: отряд, кроме боевого охранения, разместился в подвале весь.

В дальнем углу царило оживление: наверное, убивали крысу. Крысы теперь интересные: крупные, с кота, агрессивные и все в густейшей шерсти, включая хвост. Два пожилых дубоцефала из вчерашнего пополнения молча дрались, не поделив термокостюм. Третий претендент, выбывший из борьбы в полуфинале, с хныканьем размазывал по лицу розовые слюни. К дерущимся придвигались болельщики.

Кто-то давал полезные советы. Кто-то, опустив в банку лицо, отчетливо чавкал.

Я пробрался к дяде Коле и с сомнением посмотрел на дрова:

— Прямо здесь разжигать и будешь?

Дядя Коля разогнулся, повернулся ко мне всей своей набыченной громадой («Аки монстра, — пришло мне на ум. — Кого так обзывали? Ромодановского, кажется. Или нет? Шут с ним, с князь-кесарем, куда ему, те бояре дядю Колю не видели...») — и легко, как камышину, расщепил пальцами доску от ящика. Как всегда, это выглядело внушительно.

— Не задохнемся. — Он ткнул щепкой в потолок. — Тут вентиляция.

— А тяга есть?

— Если нет тяги, тогда это уже не вентиляция, — пробурчал дядя Коля.

— Резонно. А если кофе все-таки подвезут?

— А если не подвезут?

Что ж, могут и не подвезти. Честно говоря, горячая вода пригодится в любом случае, не на питье, так на бритье. Хорошо бы и то, и другое... хм, размечтался. Когда это мы брились в последний раз? Не без некоторой гадливости я провел ладонью по щеке и обнаружил то, что ожидал: превращение щетины в дикого вида бороду состоялось — пока еще низкорослую, колючую, но уже более чем грязную. Н-да... Все мы здесь

аки монстры. Впрочем, вшивость в отряде, как ни странно, все еще нулевая.

— Ладно, — сказал я, — ты все-таки погоди пока нас травить, договорились?

Вацек сидел на корточках и следил за экраном. Одновременно он успевал строгать ножом хлеб и бережно складывал на сгиб локтя хлипкие ресторанные ломтики. Аккуратист. Ди орднунг юбер аллес... Интересно, на какой я сейчас позиции в его табели о рангах? Не на первой, это точно. Должно быть, опять на второй, только уже не после Сельсина, а после Сашки.

Черт бы его побрал: этот цивилизатор был даже брит!

Если человек, имеющий право питаться лучше других и не пачкать руки тавотом, тем не менее их пачкает да еще стоит за едой в общей очереди, уважения к нему это, разумеется, не прибавит. Зато не вызовет и ненависти, а о том, что важнее, говорить не приходится. Я присел рядом, взял сразу два ломтика, запихнул в рот и учинил первой банке харакири. На вид говядина была вроде ничего, обыкновенная. Съедобная. Пряная. Обрыдлая давно и всем. Некоторое разнообразие меню случалось иногда устроить, разжившись в покинутых квартирах, — но банки стратегической говядины доставлялись регулярно, дважды в сутки. Дата выработки консервов скрывалась в неизвестности, пока на прошлой неделе дотошный Гарька Айвакян, вообще привычный к хорошей пище, не обнаружил на своей банке исключение: 05.98, после чего ходил голодный и злой до визга, отказавшись «в пользу самоубийц» от своей доли. Если он наивно полагал, что забитые в прошлом столетии крупнорогатые стратегические скоты не вызовут в массах энтузиазма, то здорово ошибся: «самоубийц» нашлось более чем достаточно. Теперь-то Гарька все жрет, только подноси, зато нудно бубнит, что уничтожать исторические реликвии — вандализм, и не устает вдохновенно описывать бесценные сокровища национальных кухонь, намекая, какую правильную еду имел бы отряд, если бы он, Гарька, а не кто-то другой занимался снабжением... «Плох тот солдат, который не хочет стать интендантом», — бессердечно комментирует Наташа. «Молчи, гад, убью!» — в гневе ревет дядя Коля, глотая пустую слюну, и Гарька снова срывается на визг...

Я наложил волокнистого мяса на ресторанный ломтик и ткнул им в Гарьку:

— Куси, интендант...

Бутерброд Гарька взял, но и только. Он был занят, а когда он занят делом, с ним вполне можно общаться, есть у него такое ценное свойство. Сейчас он даже вспотел. На грубом экране армейского монитора картинка записи трехдневной давности по-прежнему стояла неподвижно. Мертво. Ни души в ней не было, ни движения. Пустота. Мощный бетонный забор полузатонул в сугробах. Проволочные ряды на заборе уныло провисли. И уже знакомая тонкая ровная строчка извещала: «Анализирую обстановку. Решение о дальнейших действиях не принято». За то время, пока я ходил за говядиной, надпись не изменилась ни в одной букве.

— Не пойму, — сказал Гарька, с отвращением поднося ко рту бутерброд. — И тогда не понимал, и теперь не понимаю: почему он, собственно говоря, остановился?

Я пожал плечами. Мне это тоже казалось странным. Более чем.

— Забор... — высказал банальное предположение Вацек.

— Дурак. — Гарька даже не счел нужным повернуть голову и обращался к экрану. — Что ему этот забор? — забормотал он, жуя. — Стенка как стенка, прошел бы и не заметил... Может, за забором что-то было, он ведь чувствует... он ведь не мы, он был умный... Или токовая защита... проволоку видишь?

— Обыкновенная сигнализация, — возразил я, раскуривая от бычка новую сигарету. — Мухи не убьет. Кстати, тот район неделю как обесточен.

— Ха! — встрепенулся Гарька. — А ты уверен? Сам обесточивал?

— Присутствовал. Разве что автономный источник...

— Автономный бред, — кусая губы, сказал Гарька. — Откуда там автономный источник? Не нравится мне все это, тишина эта скотская... Заметь, уже второй случай: как гоняли его по нашей территории, так ничего, а как полезли на чужую, так сразу с ним какая-нибудь лажа, а адаптантов и не видно. Анализирует он, видите ли... что тут анализировать? Анализатор какой... Стейниц! Вот тут-то я и перешел на ручное: чего, думаю, он стоит... Стоп! Ага, пошел! Глянь: пошел, зар-раза!..

— На ручном управлении отчего не пойти, — заметил я, затягиваясь.

Изображение на экране дрогнуло и поплыло вбок. Этот фрагмент я помнил. Словно бы именно сейчас в двух километрах от нас вдруг задышало теплое железо, мягко провернулись обрезиненные катки, взревел двигатель, выбрасывая в небо горячую углекислоту и соляровую копоть, ударили о лед траки, крутой дрожью завибрировали выдвижные бронелисты, закачался антенный прутик — и наш потрепанный «Ведьмак», безбашенный танк-робот для уличных боев, лицензионный русифицированный вариант известного в Европах «Эцитона», с лязгом развернувшись на правой гусенице, взял осторожный разгон вдоль стены. По экрану побежали бетонные сегменты. Все было в точности как три дня назад — тогда у отряда еще был «Ведьмак»...

— Ускорь, — попросил я. — Здесь не было ничего интересного.

Бетонные сегменты слились в серую рябь. Улица метнулась под брюхо машины. Спереди набежала тень и крякнула под гусеницей, брызнув осколками, — «Ведьмак» раздавил опрокинутый автомобиль. На долю секунды картинку смазал разворот. Надвинулась и скрылась, как выстрелила в лицо, характерная для такого забора парадная вывеска фирмы — не то «Квазар», не то «Фонон», не то еще какой-то бзик из репертуара березово-силиконовых долин. Птицей вспорхнул огромный лист — танк снес стальные ворота. Взлетело и опало облако снега.

— Они где-то здесь, — сказала Наташа. Я не заметил, как она подошла. — Они рядом. Я их чувствую.

— Да? — Я поднял бровь. — Чем?

— Шестым чувством, — объяснил Гарька. — Или седьмым. С половиной.

— Я их тоже чувствую, — нежданно встрял Дубина Народной Войны.

И этот тут как тут.

— Тогда почему я ничего не чувствую? — спросил я, тыча пальцем в индикатор целеискателя в углу экрана. — Экстрасенсы подвальные, адаптантов в записи унюхали... Дальтонизмом никто не страдает?

Индикатор был зелен, как кошачий глаз. Пусто. Ни одного теплокровного существа на сто метров вокруг танка.

— Это ничего не значит, — возразила Наташа. — Они прячутся и наблюдают. Если они каким-то образом влияют на аппаратуру...

Так. И еще летающие блюдца. И кристаллические свойства атмосферы. А «шавкин нос» они обманывают, потому что умеют менять гнусный свой запах и, когда надо, пахнут ландышами... Я пихнул Гарьку в плечо:

— Ты тоже так считаешь?

— Что? — заморгал он, отрываясь от экрана. — А? Нет, не считаю.

— Отлично, — ядовито сказал я. — Хоть один человек тут в здравом уме.

— Если бы не знал, что это невозможно, то считал бы, — добавил Гарька.

Я затянулся последней дымной сладостью и погасил окурок о подошву. Нет уж. Хватит. Спорить — увольте. Если эти дурни намерены с бессонных красных глаз и дальше терзать видеозапись и разрабатывать версию о проникновении подсознания в электронику, это их личное дело. По-моему, все мое бывшее отделение, кроме дяди Коли, потихоньку впадает в тихое помешательство. Физиология адаптантов не столь уж явно отличается от человеческой, а об анатомии и говорить не приходится. Факт общеизвестный. Восприимчивость к ядам у них почти та же, что у нас, а все без исключения бактерии или вирусы, смертельные для адаптантов, смертельны и для людей... правда, Экспертный совет ведет в Диагност-центре кое-какие работы, скрытые от посторонних глаз, но все это, между нами, чепуха и вода в ступе, лапша на холодные уши... В самом деле, поесть человеку не дают! Почему я должен это слушать? Объясните мне кто сможет.

— Помнишь? — сказал Гарька. — Тут мы людей нашли.

Я покивал. Танк уже успел выбраться с заводской территории и теперь прессовал снежную целину в жилых кварталах. Красный огонек в углу экрана опять сменился на зеленый — как и следовало ожидать, на человеческое присутствие индикатор среагировал вполне штатно — и так же штатно переключился, когда танк оторвался и люди пропали из виду. Как

они кричали вслед! Как они бежали за танком, эти люди, мало похожие на людей, измученные, хронически голодные, забывшие о том, что надо прятаться, чтобы выжить, как они плакали от радости, как тащили за собой обмороженных детей и умоляли остановиться, некоторые не бежали, а ползли, а один мужчина догнал-таки танк и принялся колотить по броне фиолетовыми ладонями, и звук был такой, будто стучат деревяшкой, — Гарьке пришлось увеличить скорость. Эту кучку изможденных людей мы вывели на следующий день — к их невероятной удаче Гарька накануне рискнул взять на себя управление не только ходом танка, но и огнем: вряд ли людям было известно, что «Ведьмак» в автономном режиме запрограммирован на безусловное уничтожение любой двуногой цели...

— Вот, — сказал Гарька. — Гляди.

Что-то изменилось. Танк опять стоял. Перед ним имело место ветхое, жилое когда-то строеньице, кособокая рухлядь в четыре этажа, которой давно бы обвалиться, а на экране опять висело осточертевшее: «Анализирую обстановку. Решение о дальнейших действиях не принято». Ярко и ровно горел зеленый огонек.

— Это опять на автоматике. Как я переключил, так он и встал, и не где-нибудь, а перед самым гадючником... Двенадцать минут стоял. — Гарька вынул из-под мышек зазябшие ладони и передвинул запись вперед. — А вот теперь снова на ручном, кроме огня... Нет, ты глянь!..

«Ведьмак» с места рванулся к зданию. Крутнулась и застыла орудийная платформа. Хобот орудия продавил оконный переплет. Звякнуло. Грохнуло. Танк содрогнулся. Снаряд, пробивая перегородки, заметался рикошетом по дому, рассеивая компонент. Пустой жестянкой вылетел вон. Длинно заработали пулеметы: по-видимому, танку что-то не понравилось в верхних этажах. Суставчато вылез и вдвинулся в окно бортовой манипулятор. Танк подался чуть назад.

Это было красиво и в записи. И еще это было страшно. Даже Наташа начала кусать губы, а Вацек как вцепился зубами в бутерброд, так и замер. Танк словно бы сделал *выдох* — секунду спустя из окон первого этажа вырвались плотные языки пламени, мгновением позже — из окон второго этажа, третье-

го... «Ведьмак» отполз. В здании бешено крутился заряд бинарной смеси. С пушечным грохотом сорвало крышу. Из окна четвертого этажа один за другим выпали два горящих клубка; первый остался, где упал, второй принялся быстро-быстро кататься по снегу. Замер, горя. Шевельнулся. Медленно скорчился и остался недвижен.

— Ну вот. — Гарька указал на красный огонек. — Кто был прав? На мертвых адаптантов он реагирует.

— Пока теплые, — уточнила Наташа.

Теплые... Горящие!

Иногда поневоле принимаешь к себе меры, поймав себя на том, что по-нехорошему скалишься и борода у тебя встопорщена: так вас, так!.. Всех, до последнего! В пепел! За спиной Дубина Народной Войны роняет гранатомет и неумело ругается. Дрянь наше дело. Наташе простительно кусать губы, но только ей, потому как женщина. Нам трепыхаться нельзя никак. Не знаю, кто тут виноват и какой враг вбил нам в головы столько мусора, но только сейчас нам непременно понадобится изобразить, что, мол, видели и не такое (это, кстати, правда) и что вообще из нас можно делать гвозди (а это уже вранье). Глупо, но так и будет. Жаль, дядя Коля не у экрана, он бы это враз пресек... Вон он — дует на костер, который не хочет гореть. Я давно знал, что дядя Коля среди нас самый мудрый.

Готово: Вацек уже жует.

— А жаль «Ведьменка», — с фальшивой небрежностью бросаю я. — У тебя, я гляжу, к тому времени неплохо получалось.

— Дурацкое дело нехитрое, — строит ухмылку Гарька. — Если простой солдат может, почему я не могу?

Кажется, он до сих пор мнит о себе, что он не простой солдат. Понято. Записано в подкорку. Не следует без острой необходимости его разочаровывать.

В нашей записи танк продолжает ползти. Я знаю, что случится дальше: будет еще один выжженный дом, только уже не жилой, а бывшая клиника, затем несколько минут «Ведьмак» будет вполне прилично работать самостоятельно и в соответствии с программой лишения противника кормовой базы доберется почти до складов, после чего проигнорирует команду вновь перейти на ручное управление, неожиданно набросится

на абсолютно ничем не угрожающую ему двадцатиэтажку, дважды протаранит несущие пилоны и сам останется под развалинами.

— Будь другом, — роняет Гарька через плечо, не отрываясь от экрана, — сделай еще бутерброд. — Это он мне, бездельник. И зря.

— Вац, — отпасовываю я, — будь другом...

Вот к кому надо обращаться.

Слышно, как за спиной наш общий друг Вацек ковыряет в банке ножом. Мне, надо полагать, бутерброд тоже готовится, и даже потолще Гарькиного. Субординация.

— Уполномоченный здесь?

Ну вот. Поел, называется. Теперь уже будет не до споров о сущности феноменов, а надо идти и предстать... Это бы еще ничего, если вместо споров. Хуже, что вместо завтрака. Встаю, засовываю в карман три ломтика хлеба, пробираюсь галсами между людьми, стараясь не наступить по пути ни в чью банку. Готово — я предстал. Командир отряда сидит поодаль от народных масс на невесть откуда взявшемся в этом подвале стуле о трех с половиной ногах. Он тоже завтракает, а рядом с ним стоят вольно и стену не подпирают оба его порученца — хлопцы рослые, крепкие и не шибко разговорчивые. Не то муниципальные десантники, не то еще чего похуже. Не гориллы, но напоминают. Личная гвардия.

— Угу, — жует Сашка, глядя на меня поверх банки и как бы говоря: «Честь не отдаешь и имеешь на то право, мы не регулярная часть, — а мог бы и отдать, рука бы не отсохла». — Как твое второе?

Имеется в виду отделение дяди Коли. Странно не то, что я до сих пор по привычке считаю второе отделение своим. Странно, что Сашка мне подыгрывает.

— Отделение завтракает, — докладываю я. — Все пятеро. — И, видя, что не удовлетворил, добавляю: — Раненых нет, больных нет.

Сашка с отвращением глотает кусок говядины и вытирает ладонью рот.

— Недовольные?

— Недовольных нет.

— Очень хорошо. — По лицу Сашки невозможно определить, в какой степени его устраивает отсутствие недовольных. И какие виды он имеет на мое бывшее отделение, я пока не знаю. Какие бы он виды ни имел, мне они заранее не нравятся. Второе отделение у нас и так самое маленькое, а пополнения — шиш. Правда, работает отделение неплохо, лучше многих, а на фоне общей бестолковости бывших штатских работает просто прекрасно — но ведь пять же человек только! Дядя Коля — раз. Наташа — редкой собранности боец, снайпер, — два. Низенькая, некрасивенькая, и клеются к ней только от большого мужского воздержания, заранее обеспечив себе пути отхода, зато уважение к ней настоящее. Она бывшая аспирантка и сдвинута на пулевой стрельбе, кандидат в мастера или что-то такое. От современного оружия воротит нос, чем-то оно ей не нравится, — нашла и таскает с собой старую СВД с оптическим прицелом, нянчится с этим веслом, как с ребенком, и если нужно кого-то снять издалека — тут уж ей не мешай. Ветровые потоки в городе хаотичны, холодный воздух плотен, и работать с дальней дистанции надо уметь. Весь отряд ей аплодировал, как в цирке, когда с расстояния в два километра она спокойно и даже как-то нежно сняла с крыши адаптанта, и тот крошечной букашкой полетел вниз мимо всех сорока этажей, раскинув руки и ноги... Эти двое уже стоят иного отделения. А ведь есть еще Вацек, старательный и исполнительный, как всегда, есть Гарька Айвакян — тоже способный, хоть и не доброволец. Оторвали его от семьи, семью в эвакуацию, его — сюда, когда пошла мобилизация и кто-то наверху — спасибо умной голове! — придумал комплектовать отряды по территориально-профессиональному признаку. Позже других в отряд пришел, но кое-чему уже научился. Хитрый, змей, и злой, но злость у него повернута в правильную сторону, и это главное. Четверо. Пятый — Дубина Народной Войны. Этот, надо полагать, в противовес. Тоже отделения стоит, но только в ином смысле.

— Вот что, Сергей...

Я слушаю. Я весь внимание.

— Оденься. Прогуляемся.

Я стою. Жду неизвестно чего. Ох не хочется мне прогуливаться с Сашкой. Стоять перед ним и смотреть, как он с риском для жизни качается на своем стуле-инвалиде, мне тоже не

хочется. На его порученцев — тем более. Может быть, он пояснит, чего ему от меня на этот раз нужно. Может быть — нет.

Смотрит на меня, легонько усмехается:

— Охранение взяло пленного, нужно посмотреть.

Так. Нужно — значит нужно. Хотя завтракать тоже нужно, а адаптант без меня не растает, не сахарный. Шагаю обратно через людей, собираю снаряжение в «горб» и пристегиваю «горб» к загривку. Двигаю плечами, подпрыгиваю в сомнении — нет, все хорошо, «горб» сидит нормально, не мешает. Хоть беги с ним, хоть падай, хоть ползи на брюхе — не мешает. «Уокитоки» вдвинут в шлем до щелчка, нижний срез забрала опущен к подбородку, термокостюм с бронепрокладкой застегнут и не жмет, в подручном средстве полон рожок и еще три рожка в специальных карманах, и на каждом бедре — по два подручных средства осколочного действия. Автомат у меня на груди смотрит вправо: я предпочитаю стрелять с левой руки, правая начинает ныть от отдачи, особенно в плохую погоду. Я теперь метеочувствительный, как старый дед. И ладно. Метеочувствительный Сергей Самойло, экс-доцент, экс-командир второго отделения второй же штурмовой группы третьего добровольческого очистительного отряда, а ныне уполномоченный Экспертного совета по связи с реальностью (это злая шутка: на самом деле я уполномоченный по связи с повстанческими формированиями), — говоря короче, мелкая околоштабная сошка, обвешанная с ног до головы всей этой словесной бижутерией, снаряжена, экипирована и готова к выходу. Теперь можно посмотреть, что у них там за пленный.

Снаружи — поземка и медленный промерзлый рассвет. Ветер сегодня не на шутку. В городе ему простора не дают, давят домами и эстакадами, режут на части тонкими звенящими проводами, так он свирепеет, как зверь, гнет людей к земле, плюет в забрало и под забрало снежной крупой, до чистого льда выметает улицы-каньоны. У нас как раз такая улица, но на проезжей части не лед и не асфальт, а отвратительное сусло из снега с водою, и валяется в этом сусле мотоцикл, издали похожий на роликовый конек с обтекателем. Ветер, ветер. Летит, дробясь в воздухе, сорванный с крыши снежный пласт. В сусло — плюх! Сусло лениво шевелится. Странно, что некоторые трассы еще отапливаются.

Нас с Сашкой то легонько подталкивает, то гонит взашей. На проспекте Русских Генералиссимусов будет потише, там дует поперек и экранируют дома, а проспект — это тот рубеж, куда второй и девятый отряды продвинули нас вчера, а мы потом помогли подтянуться им. Боевое охранение все там, распределено по фронту автономными группами, одна из них как раз напротив места, где помещались на чугунных столбах все пять чугунных бюстов, а ныне осталось четыре — граната Дубины Народной Войны разнесла вчера в крошку Антона Ульриха Брауншвейгского. По эту сторону проспекта очистка уже почти состоялась, осталось доделать всего ничего; по ту сторону — пока нет. Но туда мы сегодня не полезем, отряду дано указание закрепиться и закупорить все щели, по которым противник может вырваться из западни. Весь центр мегаполиса — одна большая западня для тех, кого мы обложили и жмем со всех сторон. И дожмем. Адаптанты, надо сказать, прекрасно это чувствуют. Сегодня днем мы выровняем линию, а ночью постараемся удержать позиции. По ночам бывают самые тяжелые бои. В такие ночи каждый, кто умеет стрелять, обязан это делать — отныне людям не возбраняется жить простыми желаниями. Чего же вы еще ждали, убийцы, адаптированные к социуму, как глист к кишечнику? Когда кишечник стал для вас мал? Получите же войну на уничтожение, такую, к какой нам не привыкать, она у нас уже в генах, именно такую, какой только и бывает настоящая очистка. Полная. Окончательная. Ассенизационная акция. Вязкая каша уличной войны, взаимоистребление чистых и нечистых. Я — чистый.

2

Этот адаптант сдался сам. Его уронили в снег, ощупали — оружия не нашлось — и некоторое время топтали, выбивая, как было нам объяснено, сведения о противнике, а когда оказалось, что адаптант не обладает не только сведениями, но и элементарной речью, исключая слабо модулированное мычание, остервенились и топтали уже просто от злости и задерганности последних суток. Этих топтальщиков я знаю наперечет, в лицо — всех, а кое-кого из бывших коллег и по имени.

По существу, ребята они неплохие, не пацифисты, конечно, но и не холодные убийцы, не садисты, им бы, ребятам, сейчас поспать часа три — были бы в порядке. Или чтобы кто-нибудь погладил по нервам, подбодрил добрым словом. Ну, сейчас я их подбодрю... Сашка едва заметно кивает: вдарь, мол, разрешаю. Сейчас я их поглажу... По-моему, на время экзекуции они даже не оставили никого наблюдать за проспектом. Я им не начальство, но насовать любому в рыло имею и без Сашки полное право. Как и каждый из нас, разомлевший в подвале под прикрытием такого боевого охранения.

— Сволочи! — рявкаю я, оглядывая проспект и вбитое в утоптанный снег тело. — Скоты, нелюди! Душу выну!

Недоумевающие лица под забралами. Потом — все разом:

— А что?

— Кому там не нравится?! Тебе? А иди ты...

— В тепле сидит!..

— Тише вы — командир...

— Да у меня они дочь убили! Понимаешь, дочь!..

— А в чем, собственно, дело?

— Уйди, Серега, уйди от греха, надоел ты мне...

— Полтора ей было, говорить уже начинала, Светланой звали, Светочкой...

— Заткнись, гад, не скули, у всех здесь кого-нибудь убили...

— Да нет, мужики, он же у них по связи, ему же его в штаб вести, верно, да? А если этот не встанет — ты его попрешь? Или я?

— Встанет, они живучие...

— Ма-а-а-алчать! — ору я, не сдерживаясь. На секунду их берет оторопь. Секунды достаточно, чтобы овладеть положением. Из окон горелого дома начинают выглядывать любопытные из соседствующей автономной группы, черт бы их подрал. Сашка молча ковыряет ногой снег и делает вид, что не интересуется. Указываю стволом автомата на выродка:

— Поднимите.

Выродка пинают в бок. Поднимать его никто не торопится, на лицах людей написана брезгливость пополам с усталостью. Один пытается раскурить сигарету под бронезабралом.

— Я кому сказал!

«Сволочь Сашка, — думаю я со злобой. — Мне самое дерьмо, я для него подручное средство...» — но тут выродок издает сиплый писк и начинает шевелиться.

— Во! — говорят с удовлетворением. — Погоди, сейчас сам встанет...

Адаптант издает еще один сиплый писк и встает на четвереньки. Дальше у него идет глаже, и он уже без особой натуги поднимается на ноги. «Способный, стервь», — поясняет кто-то уже без особой злобы, а скорее с интересом. Цепкость к жизни у адаптантов, как всегда, поражает воображение. Весь он иссиня-битый, в жутких кровоподтеках, сквозь прорехи тряпья не видно телесного цвета, одна синева с чернотой и как минимум одно ребро скверным образом сломано, но стоит прямо, не кривится, только слегка вздрагивает, скребет бороду и страшный колтун на черепе, стряхивает кровь со снегом и покряхтывает, а глаза — пустейшие... То есть один глаз, второй уже заплыл. Пиджак, если в это звание можно произвести клифт, на нем старенький, дамского делового стиля, дыра на дыре, правый рукав напрочь оторван. Штаны еще хуже, даже не поймешь, какого они изначально были цвета, а на ступнях — ничего. Совсем ничего. Босой на снегу. И тут я ловлю себя на том, что я ему завидую. Я — ему! Выродку! С колтуном! Экий же феномен природы, нам бы быть такими, тепличные мы фикусы, а не апофеоз эволюции, вон как стоит, феномен, и не мерзнет, голым пусти — все равно ведь выживет, а на дворе, между прочим, минус пятьдесят пять...

Ага, теперь — внимание! Вплотную к пленному медленно подходит Сашка, и забрало у него уже затемнено, лица не видно. Походка хищная. Тоже решил отвести душу?

Сашка неожиданно издает странный звук — и пленный тут же вздрагивает всем телом. Звук, начавшись с низкого утробного рыка, проходит по очереди все стадии ворчания и пришепетывания и оканчивается пронзительным взвизгом. У меня закладывает в ухе, а адаптант вздрагивает еще раз. Потом начинает мычать. Тихонько и жалобно, одним носом. Сашка из-под забрала сплевывает ему под ноги.

— Отойдем-ка, Сергей.

Сколько угодно. Даже с удовольствием: происходящее малопомалу начинает меня занимать.

— Ты с ним разговаривал? — спрашиваю.

— Ты же видел.

— Видел, — говорю. — В первый раз сам видел, как человек разговаривает с адаптантом. С ума сойти, есть же доказательства, что это невозможно. Правда, Бойль утверждает... — Я спохватываюсь и замолкаю на полуслове. Про Бойля это я зря. Напоминать о Бойле совершенно незачем.

— Так что же утверждает Бойль?

— Да нет, ничего особенного... Он думает... думал, что для человека с особой, чрезвычайно редкой психической организацией... не помню, как она называется... в общем, для такого человека изучить способ общения стайных адаптантов не труднее, чем овладеть иностранным языком... То есть иностранным языком из другой языковой семьи. Может быть, даже легче.

— Так оно и есть. Ты хочешь знать, что он сказал?

Хочу ли я? Естественно.

— Ком дерьма. О дислокации ближайших стай сообщить не может или не хочет. Он потерял свою стаю, к другой не прибился и теперь от полного отчаяния канючит, спрашивает, не примем ли его мы.

— В нашу стаю? — Я усмехаюсь.

— В нашу стаю.

— А ты не спросил его, почему стаи никогда не грызутся друг с другом? — интересуюсь. — Или их кто-то координирует?

С минуту Сашка смотрит на меня темным своим забралом.

— Вот именно это я и хотел бы выяснить...

— А он что?

— Мерзавец не понимает вопроса. — Сашка опять сплевывает. — Отребье, шестерка. Пусть им занимаются в Экспертном совете, это их прямое дело... Ты мне не хочешь рассказать, как тебе было в госпитале? У меня есть пять минут.

Конечно. Для Сергея Самойло у него всегда есть пять минут. Лучше бы не было. Оглядываюсь на ребят — те кучно стоят в стороне и ни черта не боятся. Всякому в отряде известно, что против нас стоит особенная стая, до девяти примерно утра она никогда не проявляет активности, если ее к этому не

вынуждают. У каждой стаи свой характер, как у человека. А за три квартала отсюда идет бой.

— А что госпиталь? — рассказываю я в сотый раз. — Лежишь себе, рука на блоке в каком-то перпетуум-мобиле с винтами, да еще мажут ее такой дрянью, что потом целый день чешется. Охраны нет, оружия нет — лежишь в полной беспомощности и дрожишь, когда дверь хлопает, и почесаться нельзя, а за окном, естественно, стреляют... Один так с ума сошел. В общем, веселое времяпрепровождение.

— Сам виноват, — выносит вердикт Сашка. — Герой. Не знал, что надо делать?

Я молчу. Знал, конечно. Знал я, что мне надо было делать, знал, кому сообщить и каким каналом связи воспользоваться. Все необходимое имелось в машине. Весьма вероятно, что через десять минут ту стаю разметали бы в пыль, стая перестала бы существовать — о предраспадных возможностях нацбеза я был худо-бедно осведомлен. С меня бы и волос не упал. И взяли бы живьем верхушку стаи для надобностей, недоступных доцентскому пониманию, тут нет никаких сомнений. И даже выразили бы соболезнование, помогая мне вынуть из петли окоченевший труп.

— Операцию ты провалил. — Сашка безжалостен. — Вывел себя из строя на полтора месяца. Бойля упустил. Пытался отказаться перейти в Экспертный совет...

— С особой дерзостью и цинизмом, — не выдерживаю я.

— Что?

— Да так. Знаешь, была когда-то такая формулировка в судебных определениях: с особой дерзостью и цинизмом. Мне нравится.

— Вот именно: с особой дерзостью. Правда, потом ты с блеском провел операцию «Гвоздь в ботинке», но имей в виду, что это тебя не оправдывает. Нисколько.

Я молчу. Что мне сказать? Он знает обо мне если не все, то многое, а я о нем ничего — наблюдается между нами такая анизотропия, и отбиваться мне нечем. Остается открыть кингстоны и тонуть.

Но я еще побарахтаюсь.

— Бойль тебя в госпитале не навещал?

— Нет. Ты уже спрашивал.

— Бойля я тебе не прощу, — спокойным голосом говорит Сашка, — это ты помни. Теперь доложи по основной теме...

Что Сашка хорошо умеет — это вызывать у агентов рефлекс отвисания челюсти. Ну пусть отвисает. Я ей еще помогу.

— Я считал, что основная тема давно закрыта...

— Вот как?

Не вижу, какой взгляд у Сашки под забралом. Но могу представить.

— Запомни: тема для тебя закрыта только тогда, когда тебе приказывают ее забыть и заняться другим делом. Насколько мне известно, я тебе этого не приказывал. Основная тема для тебя была и остается основной, ты меня понял?

— Но ведь обстановка же изменилась...

Трудно Сашке с дилетантами.

— Ты знаешь, какие структуры государства распадаются в последнюю очередь? — скучным голосом осведомляется он.

Это я хорошо знаю. Хотя никто не объяснил мне, почему иначе не бывает.

— К твоему сведению, тот, за кем мы охотимся, скорее всего находится среди нас.

— В *нашем* отряде? — ошарашенно спрашиваю я, а сам все еще не могу поверить, и вид у меня, должно быть, глупейший.

— В Экспертном совете.

Нет, не верю. Не может быть. Судорожно глотаю липкую слюну.

— Откуда информация?

Знаю, что не ответит. Но почему бы не спросить?

— Заберешь пленного, — говорит Сашка как ни в чем не бывало. — Его уже обыскивали, но ты все равно проверь, он мне что-то не нравится. Отведешь его куда надо, дорогу помнишь? — Это ирония.

— Вацек сбегает, — возражаю я. — Я бы еще тут побыл.

— Нет. — Сашка в третий раз сплевывает. — Юшкевича я тебе не дам. И запомни: ты мне здесь не нужен, ты мне нужен в Экспертном совете. Все. Иди выполняй.

Иду. Оружия у пленного, конечно, нет, но для проформы хлопаю феномен природы по рукам и бокам, лезу пальцами в жуткий и вшивый его колтун, отчего боевое охранение брезг-

ливо воротит носы и плюется. Термоперчатки, ясное дело, придется выбросить. И это я Сашке тоже запомню.

— Пошел!

Не понимает, хоть и феномен. Толкаю его автоматом: иди, мол, сука, пристрелю. Ага, теперь понял. Плетется — нога за ногу. Я следом. Идиотская обязанность, идиотская киношная роль: затерявшиеся в снежной пустыне арестант и зверь-конвойный... Ладно, побудем зверем. Чувствую затылком провожающие взгляды и злюсь. Интересно, насмехаются надо мной или, наоборот, сочувствуют? Я им посочувствую, я им так, мерзавцам, посочувствую... Провалитесь вы со своим сочувствием, забудьте о нем, о себе больше думайте, не обо мне — только о себе, нас с вами, ребята, уже которое поколение подряд пытаются научить думать только о себе на благо государства, да ведь мы же люди с рефлексами: ладонь к козырьку — фигу в карман, оба действия строго синхронны, противоположны и описаны Ньютоном, но зато когда фигу обнаруживают и заставляют вынуть, вместо нее почему-то всегда вынимается автомат... Насколько я знаю, Ньютон такого не описывал.

— Иди, сволочь.

Он, собственно, и идет. Торопить прикладом, конечно, нет никакой необходимости. Редкостный попался адаптант, дисциплинированный. Вообще какой-то неправильный: где это видано, чтобы адаптанты сдавались в плен, хотя бы и потеряв стаю? У них и понятие-то о сдаче в полном отсутствии, себя не берегут, о том, что сила солому ломит, знать не желают, дерутся всегда до последней крайности, перешагиваешь через недобитого — он тебя зубами за ногу, а хуже их патлатых ведьм в ближнем бою ничего нет и быть не может. Притом кое-чему у нас уже научились: и снайперы у них теперь есть, и грамотные пулеметчики, а дядя Коля просто-напросто убежден, что они нас за нос водят... Ну, это вряд ли. А пиджак у этого типа, если приглядеться, не так уж и стар, просто уделан до невозможности. Женский пиджак... Где теперь лежит эта женщина — в снегу, в пустой квартире, в обледенелом подъезде? Сожжена в автомобиле? Очень вовремя мы за вас взялись, вот что я вам скажу, то есть чисто по-отечественному вовремя, в самый последний момент, а ведь промедли мы еще месяц — и все, ни одно-

го человека здесь бы уже не было. Дрянь у нас сегодня боевое охранение — а понять ребят можно...

Я засыпаю. На улице пустынно и, по-видимому, безопасно. Очень хочется лечь, я бы лег прямо в снег, но человек может спать и на ходу, даже конвоируя, — он существо хотя и непрочное, с проектными недоработками, но ко многому способное. Ноги выведут, а если что-нибудь случится, я не так уж сильно запоздаю с ответной реакцией. Проверено.

Глаза открыты — я начинаю видеть белый сон. Белый как снег. Не хочу видеть белое. Огня мне, огня! Рыжего, с дымом! Мне снится, что я подсчитываю: сколько же это суток я не спал по-человечески? Говорят, Эдисон всю жизнь спал по три часа в сутки и прекрасно себя чувствовал. Всю жизнь — я бы так не смог. Говорят, он тоже спал на ходу. Шел, должно быть, как-то раз по улице, забрел в темноту, от неуюта проснулся и подумал, что не худо бы изобрести электрическую лампочку. Правильно подумал. А один византиец — тоже насчет поспать был вроде Эдисона — взял вот так однажды да и усовершенствовал от бессонницы тайную службу...

Сашке я наврал. Не так уж скверно мне было в госпитале, если не касаться состояния души, которой нет, и не столь уж беззащитными были страждущие: почти каждый второй имел под матрацем что-либо на случай крайней необходимости. Я, например, имел, так было спокойнее. И ни разу никем из больных это оружие не было применено, если не считать того идиота, который начал палить в потолок, — стрельба случалась только на улицах и преимущественно между людьми. То было время массового бегства из города, в уличных пробках стонали перегруженные легковушки и ревели исполинские трейлеры, битком набитые людьми, а те, кому не досталось места... ну, это отдельный разговор. Между прочим, Сашка мог бы зайти посмотреть, как себя чувствует его агент, это было бы педагогично... Хотя, может, и лучше, что не зашел.

Желал бы я знать: поверил он мне насчет Бойля или нет? Я бы не поверил.

— Иди, иди...

Просыпаюсь и вновь засыпаю. Теперь мне снится письмо — то самое письмо от мамы. Оно ждало меня, когда я

вышел из госпиталя. Лист был странный, шероховатый на ощупь — настоящий бумажный лист, — видно, где-то бумагу опять начали делать из древесины, решив не ждать, когда снег окончательно завалит мертвые леса. Я боялся читать это письмо. Весь Юг сейчас — кошмар кромешный, место, где десятки миллионов людей рвут друг друга за еду, за жилье с хотя бы нулевой температурой воздуха, за место под негреющим солнцем. Армия почти вся там. С адаптантами тоже дерутся, но чья берет, неясно: телевидение сдохло еще раньше почты. Правительства вроде бы уже нет, по некоторым слухам — утоплено в проруби, в море, в полном составе, по другим слухам — не в полном. Не знаю, чему верить, а вот этому поверил сразу: «Сынок, Сереженька, жить здесь невозможно, люди хуже зверей, так мы с отцом думаем вернуться, ты как, Сережа, считаешь?..»

Куда они вернутся?! Сюда?

Тогда я бросил все. Сашку. Квартиру. Работу в институте — уже чистую синекуру. Дарью. Я рванул на Юг. Уже в то время я понимал, какой невозможной мальчишеской глупостью это было, но не сделать этой глупости не мог. Мне еще повезло: я вернулся живым. Последние пятьдесят километров обратного пути я проделал пешком, бросив разбитую машину, и каким-то чудом добрел, не замерз...

Я не добрался даже до Курска.

Потом я ждал, когда придет очередь Дарьи. Просто ждал. Она не кричала и не отбивалась, как другие, когда ее забирали. Последние дни она вообще была очень тихая, будто что-то чувствовала заранее. Она только подошла ко мне и спросила: «Что, правда так нужно?»

Лучше бы она выцарапала мне глаза. По крайней мере я не стал бы тогда утешать ее лживыми словесами о том, что все это, конечно же, временно, что надо просто подождать, пока что-то там не изменится и не станет лучше, и мы опять будем вместе, ты и я, мы даже как-нибудь летом сходим на лыжах к той самой сосне, ты ее помнишь?

Потом ее увели. Навсегда. Через Сашку мне удалось определить ее в Степной резерват — были слухи, что там можно выжить и не возбраняется выкапывать мерзлых сусликов. Мне опять повезло, я успел вовремя: спустя несколько дней, когда

первые отряды повстанцев начали разоружать полицию, любой, кому я предложил бы отправить в резерват формирующегося адаптанта, просто-напросто рассмеялся бы мне в лицо.

В моем белом сне, конечно, наоборот: Дарья остается со мной, а те, что за ней пришли, — те уходят, причем на цыпочках...

— Стой!

Проснулся. Вот она, главная зараза, — площадь под эстакадой надземки. Крохотная, метров сто всего бежать по открытому, а противная, простреливается вся насквозь с любой крыши — после вчерашнего дела, правда, не с самой близкой крыши, и то удача. Амелин и Бугаец накрылись вон там, под самыми опорами эстакады, да и некий Самойло успел здесь отведать ртутной пули в мягкое место — синяк еще не сошел и садиться на твердое не тянет. Бронепрокладка, само собой, спасет от ртутной пули, и «пила» в ней застрянет, зато вульгарная игольчатая дрянь с прицельной дистанции прошьет, ее как тряпку, и не ощутит сопротивления...

Р-раз и два уроду в спину:

— Бегом, гад!

Плохонько, но спринтует адаптант по вчерашнему снежку, взрывает бразды пушистые, и склеенный колтун на голове мотается по своей воле куда хочет. Тяжеленький, видать, колтунчик. Что он в нем скрыл от моих пальцев: гирьку на тросике, что ли? Полкило вшей? Быстрее же, сволочь! Долбануть бы тебя промеж лопаток, да сейчас нельзя, свалишься ведь на бегу, поднимай тебя пинками в чьем-то оптическом перекрестие... Дзень! Началось. Звонко — об опору эстакады! Летит крошка. Что я говорил: враг не дремлет. Кукушка, кукушка, гадина, сколько мне жить осталось... В ближайшем доме с медленным звоном осыпается стекло. Беги, урод. Положить бы тебя на месте и утечь, но я уж тебя доставлю куда надо, это я тебе говорю. Ясно, что имел в виду Сашка, когда не дал Вацека: если пленный не добежит, то кругом виноватым буду я...

— Стой! Шагом.

Проскочили. Позволено отдышаться и мысленно показать снайперу укромные телесные подробности. (Жаль, что только мысленно, но ведь отстрелит. Во-он там он, кажется, засел, далековато — надо будет сказать Наташе.) Дальше прямо по

улочке, да по правой стороне, а не по левой, да короткий бросок под арку через двадцать шагов после поворота, затем напрямик через сгоревшее здание, а там по другой улочке, и вот оно Сашкино «куда надо» — городской штаб очистки, здесь же подчиненный ему штаб по борьбе со снегом, здесь же мобилизационный пункт, здесь же бывшая воинская часть таинственного рода войск и историческая городская гауптвахта с мемориальными досками под каждой третьей решеткой. Экспертный совет тоже здесь сидит. Все это хозяйство за одним забором, и тут уж как положено: КПП, караульная рота забытых в Москве профессионалов, колючий вал трех метров ростом — при желании можно металл добывать. И ржавая на нем колючка, и новенький «самохват», и прочие культурные слои для исследователей. А на подходе, сейчас я его увижу, стоит, уполовинив проезжую часть, раздетый «Ведьмак», уж не упомню, с каких пор. Покойник, но заслуженный. Видно, что при жизни он любил ходить кратчайшим путем из переулка А в закоулок Б — сквозь стены, а горел по меньшей мере дважды. Интересно бы знать: на его аппаратуру тоже влияли астральным способом? Я в переселение душ не верю, а Гарька мог бы найти время поинтересоваться, как делались комплектующие в святая святых силиконовых долин и чего можно ждать, когда при попадании в гермозону одного-единственного и даже старательного дубоцефала зимой в сверхчистые расплавы непонятным образом начинает залетать снег, а летом — мухи...

Шучу, шучу. Какие сейчас мухи.

Часового нет, и правильно, чего ему торчать на морозе. Я прислоняю адаптанта лицом к стене и принимаюсь колотить в дверь, пока на стук не выходят — впрочем, выходят лишь для того, чтобы преградить мне дорогу. Вид у профессионала типично дубоцефальный. В лицо меня здесь пока плохо знают, но в лицо и не смотрят, а смотрят на то место, где у порядочных людей должен быть лацкан, а у уполномоченных Экспертного совета — значок-пропуск. Значок у меня на месте, так в чем дело? Оказывается, в пленном. С собаками и адаптантами вход воспрещен.

— Вызови начальство, дурак.

Все как всегда. Начальство не торопится. Потом оно выйдет — сонное до потери брезгливости, нелюбопытно пробежит

взглядом сначала по мне, затем по адаптанту, лениво покачается с пятки на носок, буркнет: «Опять нам, что ли? Сами не могли за угол отвести?» — и после короткого спора все же пропустит и меня, и пленного. Все так и будет. Все произойдет очень обыденно — вот что самое страшное. Обыденность трагедии. Норма. От которой хочется зажмуриться. Как объяснить это детям, которые у нас, возможно, еще будут? Как и почему мы такое допустили? Дети ведь спросят. Небритый дядя в арктическом снаряжении, отобранном у муниципального десантника, конвоирует пленного. Пленного истратят на эксперименты, тот же Мишка Морозов в изолированном боксе опробует на нем нововыведенный штамм какой-нибудь дряни. Пленный умрет или не умрет. Если умрет, той же дрянью заразят добровольца и попытаются вылечить. Доброволец умрет или не умрет. Тут все ясно. Но давайте попробуем, давайте поднатужимся и честно ответим на простой вопрос: как получилось, что мы, такое устойчивое, напористое, умелое, такое уверенное в своих неиссякаемых возможностях и вместе с тем вроде бы достаточно осторожное, вперед-назад-и-по-сторонам-смотрящее человечество, как мы довели себя до состояния, при котором лютая борьба за выживание *обыденна,* а проигрыш начальной фазы борьбы *очевиден?* Как же вы не заметили, спросят дети. У нас спросят. И с нас спросят. Отвести глаза? Ну нет. Разумеется, мы начнем выкручиваться и врать, что сделали все от нас зависящее, а если бы сверху на нас не давили страшной каменной тяжестью несколько твердолобых или корыстных дураков (которых мы сами же и взгромоздили себе на шею, но об этом мы распространяться не будем), то сделали бы гораздо больше, и, обидевшись, заявим, что нехорошо так разговаривать с отцами, прожившими несладкую жизнь — сам бы попробовал, сопляк! — по вине тех, кто жил прежде нас и не принял мер, — ведь старт ползучему обесчеловечению, превратившемуся ныне в обвальное, был дан не при нас, а значительно раньше, так что ваши отцы не повинны ни в чем и ни перед кем — уяснил, щенок? Марш к амбразуре! Проверь пулемет и гляди в оба! Кто же виноват? — спросят с громадным детским недоумением, готовые верить любому ответу. И мы, конечно, придумаем канонические ответы на

любые детские вопросы, потому что ничего другого нам не останется... Ох как мы придумаем!

Держитесь, дети.

И верьте.

3

Если человек в здравом уме носит на плечах китель с чужого плеча и со знаками различия, нанесенными прямо на ткань через трафарет, это еще не обязательно выдает в нем размороженного участника Ледового похода. Гораздо вероятнее то, что этот человек намеревался прожить свою жизнь както иначе. И если у него нет руки и половины скальпа, а фальцет ровен и начисто лишен интонаций, сразу же наводя на мысль об искусственных голосовых связках, можно сколько угодно думать, что командующий имел несчастье родиться с хромосомными дефектами. Но куда ближе к истине будет гипотеза о сугубом преобладании внешних факторов.

— ...Кроме того, дубоцефалы, — сказал командующий. — Я имею в виду неотмобилизованных — да-да, прежде всего я намерен поднять именно этот вопрос, и чем скорее мы его решим, тем лучше. Что с ними делать? Их сейчас в городе тысяч двести. То, что тянуть с ними дальше нельзя, ясно даже идиоту. От ответа на вопрос прошу не уходить. Мне нужно, чтобы Экспертный совет дал наконец хоть какие-то рекомендации, и самое главное: продолжать их все-таки кормить или нет?

— Не знаю, — сказал я.

— То есть как так не знаете? Кто же еще должен знать? Вопрос, по-моему, поставлен предельно ясно: либо мы продолжаем ежедневные раздачи и через три недели остаемся без крошки продовольствия — наши ресурсы вовсе не безграничны, — либо надо объявлять о том, что дубоцефалов мы кормить не будем. Так?

— Не обязательно, — заметил Сашка.

— Что не обязательно?

— Не обязательно объявлять.

— Ну да... — Командующий встал и с ожесточением поскреб в бороде. — Верно, не обязательно. Да сидите вы —

повскакали!.. Допустим, мы кормим только тех, кого используем... м-м... на какое время хватит наших ресурсов при этом условии? Надеюсь, хотя бы это у вас просчитано?

— Конечно. — Я пожал плечами. — В предположении о неизменной динамике потерь и о том, что мы не дадим разграбить контролируемые нами склады, — месяца на два. Точнее сказать трудно. При удачном стечении обстоятельств, может быть, на десять недель.

— Это предел?

— Да.

— Насколько я понимаю, — командующий прошелся по комнате, — упомянутое удачное стечение обстоятельств не что иное, как просто-напросто большие потери?

Я покосился на Сашку. Тот сидел молча, положив перед собою на стол свой шлем, и тихонько барабанил по нему пальцами.

— Да.

— Подвоз?

— Капля в море, — сказал я. — А скоро и ее не будет.

Командующий подошел к окну. Мне не было видно, но я знал, на что он смотрит сквозь три слоя оконного стекла: утренняя очередь к коптящему по ту сторочу колючего вала гигантскому крытому грузовику, из кузова которого в тянущиеся руки сбрасывали тощие пакеты, двигалась уже четвертый час и все никак не могла иссякнуть. Без арктического снаряжения люди, напялившие на себя все, что только возможно, были похожи на огромные тряпичные комья, медленно и неуклюже переступающие толстыми ногами. Ветер трепал выдыхаемый пар и гнал его вдоль улицы. Хвост очереди сворачивал за угол.

— Вот, — сказал командующий. — Полюбуйтесь! Две трети нашего продовольствия уходит на прокорм общественных иждивенцев без всякой пользы для дела. Семьдесят тонн ежедневно. Давать меньше в такие холода все равно что не давать совсем. Причем среди них уже имеются секты опасной направленности, даже пацифистские, существует какой-то Хидырь-Спасение, которого мы никак не можем поймать... Я уже не говорю о вульгарной преступности. Ладно, допустим. Еду

они получают. Нашу еду. Вывезти их некуда. Может ли кто-нибудь дать дельный совет, как их использовать?

— Нет, — сказал Сашка.

Командующий повернулся ко мне.

— Вы как думаете?

— Небольшое количество использовать можно, — возразил я. — Отбирать здоровых и тех, кто потолковее, обучать и держать пока в резерве. Сейчас пополнять дубоцефалами отряды нет смысла: некоторые из них уже состоят из дубоцефалов на шестьдесят—семьдесят процентов. Экспертный совет держится мнения, что при превышении этой величины отряды перестанут быть управляемыми. Кроме того, дубоцефалы более или менее пригодны только для оборонительных боев — штурмовые группы из них не скомплектуешь. Но так как потерь среди них больше, чем среди нормальных людей, резерв в четыре-пять тысяч дубоцефалов будет полезен.

— Четыре-пять тысяч, — раздумчиво сказал командующий. — Это уже хорошо. Остальных куда? Может быть, на снег? В санитары, наконец? В другие какие-нибудь службы? Что у нас есть еще?

— Подразделения по борьбе со снегом в пополнении не нуждаются, — ответил я. — Санитаров нам на сегодняшний день хватает. В остальных службах либо комплект, либо бардак. Кое-где численность надо сокращать, а не увеличивать.

— Где, например?

— Например, при штабе.

Наглый ответ был пропущен мимо ушей. Командующий сел в кресло и пощипал себя за бороду.

— Допустим, с завтрашнего дня мы прекращаем раздачу иждивенческих пайков дубоцефалам, — сказал он. — Конкретно: чем это нам грозит? Вопрос о нравственных муках прошу не поднимать.

— У нас это просчитано, — объяснил я. — Собственно, Экспертный совет просчитал только вероятные сроки событий, а качественно картина и без того предельно ясна. Не позднее чем через пять дней можно ожидать первых серьезных волнений, на которые нам придется обратить внимание. Мелкие неприятности начнутся уже на второй день — они нача-

лись бы еще раньше, но холод будет держать людей преимущественно по домам...

— Дубоцефалов! — раздраженно перебил командующий. Странно было видеть раздражение на его лице и вздрагивающие ветвистые жилки под тонкой пленкой, затягивающей половину черепа, в то время как голос был ровен и механичен. — Дубоцефалов, а не людей. Давайте наконец разберемся с терминологией и отделим зерна от плевел. Людей мы в меру сил кормили и будем кормить, даже тех, кого не можем использовать, в первую очередь детей и их матерей, также и стариков. Никто не собирается вырывать кусок хлеба изо рта ребенка, в противном случае вся наша борьба лишается смысла. Наша задача — спасти город, а город — это люди. Между прочим, людей у нас на иждивении сравнительно немного, и речь сейчас не о них. Дальше.

— На пятый день начнутся волнения, — монотонно, как заученное, повторил я. — Мы можем отсрочить нападение голодных толп на склады, разработав соответствующие меры пропаганды — дубоцефалы очень внушаемы, особенно в толпе, — однако у нас нет ни времени этим заниматься, ни достаточного количества подготовленных специалистов. Кроме того, никакая пропаганда не помешает голодному дубоцефалу отнять паек у голодной матери с ребенком, и в масштабах города мы вряд ли сможем этому противостоять. Как хорошо известно из истории, показательные казни мародеров в голодные времена приносят очень мало пользы...

— Абсолютно никакой, — сказал Сашка.

Командующий неодобрительно покосился в его сторону:

— Помолчите. Дальше.

— Короче говоря, через неделю нам придется снимать с позиций целые подразделения для защиты складов, — резюмировал я. — К сожалению, они у нас сильно разбросаны, и вы знаете, что это за склады: от военных до складов супермаркетов. Придется также создавать подразделения для разгона толп, а это поставит под угрозу плотность линии фронта. Наконец, начнется массовая миграция дубоцефалов на территорию противника, что сразу усилит его как количественно, так и продовольственно, — я думаю, излишне объяснять, чем нам

грозит последнее. Экспертный совет считает, что этого нельзя допустить ни в коем случае...

— В каком смысле — продовольственно? — спросил командующий.

— В прямом, — пояснил я. — Их просто съедят. Со временем, конечно. Пока, по нашим данным, продовольствие в центре города еще имеется.

— Вывод. Вывод!

— Расстреливать, — сказал Сашка. Словно большая змея упала с дерева и, шипя, переползла через хрустнувшую ветку — рассссс-тре-ливать. — Зачем себя обманывать, это уже каждому ясно: или кормить и всем сдохнуть, или уже сейчас избавиться от балласта единственно возможным способом. Третьего нет.

Я почувствовал, что в комнате очень душно. И еще я почувствовал облегчение: слово было произнесено. Кажется, командующий тоже почувствовал облегчение. Решение — я знал это точно — сегодня принято еще не будет. Но оно будет принято обязательно — завтра, послезавтра... Когда? А ведь Бойль был прав, подумал я. Может быть, человечество выиграет борьбу за выживание, но мы не знаем, какое это будет человечество...

— Экспертный совет что думает?

— Мнения разделились, — сказал я. — Этот вопрос такого рода, что если человек точно знает ответ на него, то он либо дурак, либо сволочь, в зависимости от ответа.

Командующий вскочил и велел мне встать. Он бегал по комнате, и выпроставшийся из-под ремня пустой рукав его кителя мотался сзади, как хвост.

— Мне их не жалко? — пытался кричать он, но крика не получалось и голос был все так же ровен, только плясали на лице мышцы, кривя рот. — Они же не виноваты в том, что мы не можем их использовать. Они такими родились. И они не меньше нашего хотят жить, и у них тоже есть дети. Знаю. Ответственность за принятие решения лежит на мне, я здесь командующий, и в конце концов кидать камни будут в меня, а от Экспертного совета требуется всего-навсего аргументированная рекомендация к принятию решения. Ах да, рекомендация ведь тоже ответственность. Не хотите быть палачами? А вы подумали о людях, которые умрут позже, если дубоцефалы

не умрут теперь? Как же себя чувствует после этого ваш гуманизм? Да сядьте вы наконец... Мы же подставляем дубоцефалов под огонь вместо себя где только возможно, и никто мне еще не говорил, что это неправильно. Язык не повернется сказать такое, потому что каждый знает, что выжить должны в первую очередь люди и лишь при благоприятном стечении — дубоцефалы. Сейчас каждый в первую очередь должен для себя решить, кто он: абстрактный гуманист или человек ответственный, то есть гуманист конкретный. Я тоже, представьте себе, не палач, а архитектор... Ну хватит! — Командующий поднял упавшее кресло и сел. Он был красен. — Положение у нас критическое, чтобы не сказать ужасающее. Заметьте, я не намерен говорить сейчас о проблемах с энергетикой и транспортом, я даже не упоминаю о том, что о ходе борьбы в других очагах сопротивления по стране, да и по всему миру, мы имеем лишь отрывочные сведения, половину из которых Экспертный совет считает недостоверными, и о том, что мы до сих пор не можем понять, почему не действует спутниковая связь. Утрачены громадные массивы информации. Большей части специалистов по городским коммуникациям физически не существует. Плотность линии фронта!.. — Было ясно, что командующего всерьез сорвало со стопора. — Вы оба знаете, что нам приходится держать в тылу специальные формирования для уничтожения просачивающихся стай и стаек. Мы перекрываем улицы и метро — они лезут через коллекторы, водотоки и канализацию. Мы перекрываем все, что можем, — они проникают через какие-то совсем уже невероятные ходы, которыми в последний раз пользовались в шестнадцатом столетии. Я запрашиваю Экспертный совет, когда же наконец у нас будет схема подземных коммуникаций, которой можно верить, — мне отвечают, что лет через десять, и просят для этой работы людей, тогда как даже дураку ясно, что если нам не удастся наладить подвоз, то самое позднее к маю мы дойдем до трупоедства, а к июлю попросту вымрем от голода, и вряд ли нам будет легче от того, что, по расчетам, адаптанты вымрут раньше нас. Логически у нас есть один-единственный выход: не считаясь с потерями, завершить очистку города в кратчайшие сроки, прежде всего чтобы успеть захватить то, что еще не сожрано. Мы это и делаем. Не считаясь с потерями

и даже иногда молчаливо их приветствуя, потому что этого требует логика событий. А Экспертный совет в такое время имеет наглость строить воздушные замки, и его уполномоченный по связи целыми днями пропадает в своем любимом третьем отряде. С Экспертного совета я еще спрошу, а сейчас я хочу услышать ваше... — командующий провел рукой по запульсировавшей вдруг тонкой пленке на черепе и ткнул пальцем в меня, — да-да, именно ваше личное мнение: должны ли мы избавиться от излишка дубоцефалов немедленно?

Вопрос, подумал я. Плохо, что я знаю на него ответ. Я оглянулся на Сашку. Помощи от него я не ждал, и почему-то мне казалось, что он улыбается. Но он не улыбался. Он даже не изображал, что его тут нет. Он смотрел на меня с интересом и ожиданием. Почему-то для него было очень существенно то, что я сейчас скажу. Должно быть, он всегда был конкретным гуманистом, только раньше я об этом не догадывался.

— Может быть, я и сволочь, — медленно произнес я, ясно чувствуя, что «может быть» уже излишне, — но я не дурак, это точно.

— Прекрасно. — Командующий ударил ладонью по столу, как припечатал. — Я рад, что не ошибся в вас. Может быть, вы возьмете на себя предварительную разработку технической стороны этой акции?..

Вверх. Направо. Пост охраны — стоп. Вот пропуск, верните оружие. Теперь прямо по коридору... Разбитое окно было заколочено дребезжащей фанерой, тянуло холодом. Взмыленные порученцы, попадавшиеся навстречу, ежились и старались быстрее прошмыгнуть. Штаб работал, проявляя способность к осмысленным действиям. Гуляли промозглые сквозняки. Спешили люди. За окном мело, и, косо заштрихованные метелью, впритирку к колючему валу недвижно и внушительно, развернув к прилегающим улицам башенки с тонкими стволами пулеметов, стояли два гигантских транспортера резервного командного пункта. Прямо в коридоре на школьной парте — откуда здесь парта? — злобно трясся допотопный принтер, выплевывая в поддон свежеотпечатанные воззвания к населению от лица несуществующей гражданской администрации. Кипа на поддоне росла. За бли-

жайшей дверью кто-то вопил в микрофон армейской рации: «Что?.. Не слышу тебя! Нашел? Где?.. У тебя же экскаватор, там еще одна должна быть... Повтори! Не можешь переключить — рви эту трубу к свиньям собачьим! Они жопы греют, а мы... Что? Наплевать, там давление от силы пять процентов, рви — и точка! Пусть горит, тебя это не касается, потом переключим...» Так. Значит, нашли и перекрывают еще одну газовую магистраль, ведущую к центру города. Уже кое-что. За другой дверью громогласно, с крикливым восторгом штатских, дорвавшихся до военного дела, спорили о втором эшелоне и необходимой плотности огня в полосе прорыва. Упоминались третий и девятый отряды. Значит, прорыв к центру города намечается все же на нашем участке, и это тоже неплохо... Не то, что на нашем участке, а то, что он вообще намечается.

Прямо. Опять вверх. Теперь четыре пролета вниз и дважды налево... У того, кто выдумал подобную планировку, было не в порядке с головой. Как и у того, кто, зная, кто ему Сашка, вздумал проверить одну свою гипотезу насчет того, кто Сашке командующий... Сашка, конечно, прекрасно это понял.

Души нет, но на душе гадко...

Кидать камни... Никто ни в кого не станет их кидать. Никто из оставшихся в живых не посмеет никого осудить даже в мыслях, и это правильно. Но тоже гадко.

Еще один пост. Пропуск...

— Подождите!..

— Да? — Я обернулся.

— Простите... Вы меня не узнаете?

— Узнаю, — кисло сказал я. — Как не узнать? Вы Глеб Ипатьевич Вустрый, государственный разъяснитель третьего ранга. Бывший государственный разъяснитель. Теперь вы стоите в засаде и ждете меня. Мне представляться нужно?

— Нет, нет! — Он расцвел и заулыбался. — Я вас знаю. Я вас даже помню, хотя видел только один раз, у меня вообще очень хорошая память. Мне порекомендовали обратиться к вам...

— Кто? — перебил я.

Улыбка Глеба Ипатьевича была обаятельной.

— Разве это так уж важно?..

Я решительно повернулся и зашагал прочь.

— Подождите! — отчаянным голосом вскрикнул за моей спиной Глеб Ипатьевич. Я подождал. Мне было все равно. И уже было ясно, что он просто так не отстанет.

Он подбежал ко мне суетливой рысцой.

— Кто вам порекомендовал обратиться ко мне?

— Алла Хамзеевна, — покаянно сказал он. — Вы должны ее помнить, она ведь когда-то работала с вами, а теперь она фасовщица пайков... Она... мне порекомендовала... предупредила только, чтобы я не ссылался...

— Вы ищете работу? — спросил я. Он усиленно закивал. — И вас, конечно, не устроит ни повстанческий отряд, ни подразделение по борьбе со снегом... — Я ухмыльнулся, глядя, как человек мужественной внешности сдувается на глазах, точно дефектный воздушный шарик, — вот уже скукожился и заморщинил, а скоро останется одна цветная тряпочка... — Вы боитесь повторной мобилизации, притом у вас обострение язвы желудка на базе тылового пайка и четверо детей, поэтому вы ищете работу по своей основной специальности. Высоко вы не летаете, и вас бы устроило место инструктора при мобилизационном пункте. Угадал?

— Нет, — с несчастным видом произнес Глеб Ипатьевич. — Нет у меня детей... Совсем нет. А язва есть, это вы верно...

— А Государственная евгеническая? — мстительно осведомился я. — Как же насчет четверых детей на семью?

На Глеба Ипатьевича было жалко смотреть. Цветная тряпочка съеживалась и сморщивалась — казалось, она вот-вот пропадет совсем и государственный разъяснитель скончается у меня на руках в штабном коридоре.

— Что вы умеете делать? — спросил я.

— Работать, — мгновенно воспрянул Глеб Ипатьевич. — Разъяснять, пропагандировать... и многое другое... Мне говорят, что теперь это не нужно, но это же абсурд, вы понимаете, так никогда не бывает... Вы поверьте мне, пожалуйста, я очень хорошо умею работать с людьми, у меня за всю жизнь были только поощрения, ни одного взыскания... Вот смотрите! — Он мгновенно, как кольт из кобуры, выхватил из кармана пачку каких-то листков разного калибра; некоторые из них, выскользнув из рук, рассеялись по сквозняку, и он кинулся их

ловить. — Ни одного! — торжествующе кричал он, бегая и размахивая руками. — Только поощрения за отличную работу! Вы еще не представляете себе, какую я могу принести пользу, но вы в этом сами убедитесь, даю вам слово...

— Спасибо, — сказал я, поворачиваясь, — не нужно.

Глеб Ипатьевич вдруг метнулся ко мне и рухнул на колени. Отшатнуться я не успел, и он ухватился руками за мои ноги. Из его глаз по обмороженным шелушащимся щекам катились мутные слезы.

— Подождите! Я могу...

— Работать с людьми? — спросил я, пытаясь освободиться, — Извините, не требуется. Да встаньте же!..

Он все цеплялся за мои ноги. Вырваться я не мог, а бить его по голове пока не хотелось.

— Нет! — кричал Глеб Ипатьевич. — Не отказывайте мне, умоляю вас... Вы еще не знаете, что я могу! У меня прекрасная наследственность! Прекраснейшая, вы понимаете? Один из тысячи! Вот справка... — Он судорожно начал перебирать свои листки, отыскивая нужный, и мне удалось освободиться. — Вот она! Вот! Мои дети с огромной вероятностью не будут дубоцефалами. Нет, нет, подождите... — Он проворно полз за мной на коленях. — Я знаю, что сейчас это никому не нужно, но ведь наступят времена, когда таких, как я, будут искать! Да вы же разумный человек, сразу видно... Настанет день, когда таких, как я, будут искать, чтобы продолжить человеческий род, и не найдут... Ведь не найдут же!.. Человечество вымирает, это теперь ясно каждому. Господи, ну за что меня, за что!.. Я еще не стар... я могу... мои дети могут стать первыми детьми нового человечества...

— Четверо на семью? — спросил я.

— Больше! — замахал руками Глеб Ипатьевич. — Много больше! Я готов! Столько, сколько потребуется, поверьте мне...

Я засмеялся. Смеялось мне легко, как давно уже не смеялось. Весь ужас и вся боль сегодняшнего дня уходили в идиотский смех, как в громоотвод. Этот корчащийся передо мной, недораздавленный по чьей-то забывчивости полусумасшедший слизняк, потомок и предок слизняков, глядящий на меня снизу вверх преданными собачьими глазами, был совершенно искренен!

— Хорошо, — сказал я, отсмеявшись. — Зайди завтра. И перестань скулить, дурак. Обещать ничего не могу, но, если завтра ты рассмешишь меня так же, как сегодня, я поделюсь с тобой своим пайком.

4

Экспертный совет занимал два этажа в правом крыле здания. Здесь было относительно тепло; перед стальной дверью, украшенной надписями, запрещающими шуметь, входить без дела и сморкаться на пол, скучал часовой в обыкновенной полевой форме.

Он имел человеческий вид, и я против воли остановился послушать его рассуждения о том, что хотя прошлая зима выдалась холоднее, чем нынешняя, но зато тогда не было таких жутких ветров, и с чего бы они нынче взялись? Я рассказал ему о бурлящей на точке замерзания Атлантике, а он, возражая, поведал мне свою гипотезу, согласно которой уцелевшим представителям Лиги перемен удалось-таки склонить объединенные нации к принятию мер по скорейшему установлению Всеобщей территориально-климатической справедливости, благодаря чему в связи с изменением угла наклона земной оси наблюдается некоторое избыточное беспокойство атмосферы, каковое, по его мнению, должно полностью прекратиться в точности через триста восемьдесят семь лет, так что для паники нет абсолютно никаких оснований... Я подтвердил, что оснований и впрямь нет, и, когда мне по проверке пропуска было позволено пройти за стальную дверь, мы расстались вполне довольные друг другом.

Кое-кто из знакомых был на месте. Сновал вспомогательный персонал, тускло светились экранчики старинных компьютеров. Где-то ругались. В ближайшей зарешеченной комнате хлебали чай и звали составить компанию, но я отклонил. Эксперт по специсследованиям поймал меня за рукав и выразил благодарность за доставленного адаптанта — перспективный экземпляр. Эксперт по транспорту меня не узнал и проводил удивленным взглядом. Эксперт по энергетике узнал и сделал серьезную попытку затащить к себе, чтобы засадить за проверку расчетов, это надо было сделать, и я обещал, но — поз-

же, позже... Эксперт по мобилизационной тактике заступил мне дорогу и, поминутно утирая шею и оглядываясь, заставил выслушать туманную речь, пересыпанную намеками на назревшую необходимость смены тем или иным путем некомпетентного и впавшего в волюнтаризм командования, при котором лучшим умам Экспертного совета приходится играть жалкую и унизительную роль, — он все время спрашивал мое мнение, и мне опять удалось отделаться шуткой... Уже на излете меня настиг приказ быть к ночи в пятом особом отряде, потому как на его участке просматривается непонятная активность противника, и я, обернувшись, показал пятерней, что понял правильно: в пятом так в пятом... Бойля я нашел в той же каморке без окон, которую сам же отвел ему под рабочее помещение. Тут он и спал. Тут он и ел, тут он и консультировал, когда к нему, как к единственному специалисту по сущности адаптантов, обращались с просьбой о консультации. Сейчас он сидел за проектором и изучал микрофильмы из недавно захваченного нами архива — черт знает, что это был за архив, но, видимо, документы попадались интересные, поскольку Бойль был полностью поглощен работой и закаменел на своем табурете. За последние дни старик еще больше высох — корм, тепло и безопасность не шли ему впрок.

Я вошел и тщательно запер за собой лязгнувшую дверь.

— О? — Бойль вздрогнул и оторвался от своего занятия. — Это вы есть? Здравствуйте, Сергей. Очень вам радостен.

— Взаимно, — сказал я, улыбаясь. — Я тоже радостен. Нет-нет, я к вам не по делу. Просто поговорить... Сколько же это мы с вами не виделись — дня три? четыре?

— Пять, — сказал Бойль. — С тех пор как я здесь сижу, вы заходили только один раз. Извините меня, но я так и не благодарил вас...

— Чепуха, — отмахнулся я, роняя себя на топчан и кладя автомат и шлем рядом с собой. — Не берите в голову. У вас тут все нормально? Ну, кормежка там, и вообще...

— Что? Да, конечно. Все замечательно. Вы знаете, Сергей, я недавно набрел на одну старую статью — так вот, оказывается...

Я успел его прервать. Когда ему хотелось общения, его заводную шкатулку всегда прорывало монологами, и я дав-

но уже знал, что, если не удается остановить его на разбеге, приходится либо выслушивать до конца, гордясь своим терпением, либо сразу начинать ругаться черными словами — на него это действовало. Но сейчас мне не хотелось ни того, ни другого. Я дотянулся до проекционного аппарата и выудил из него кассету с микрофильмом. Бойль смущенно захмыкал.

— «Новый подход к изучению миграций неолитического человека на Среднем Востоке», — прочитал я. Судя по шрифту надписи, новому подходу исполнилось лет пятьдесят. — Интересно. Зачем вам это?

Он промямлил что-то насчет того, что смена рода занятий действует на организм освежающе. Врать он не умел, это было очевидно. Я пожал плечами и вернул кассету на место.

— Дело ваше. Я к вам, собственно, вот зачем...

«А зачем?» — вдруг с удивлением осознал я. Кой ляд меня сюда принес? Не скажешь же вот так прямо, в лоб, что больше не можешь, что быть командиром отделения и каждую ночь подставлять свою шкуру под пули неизмеримо легче, чем быть хотя бы в малой степени ответственным за то, что делается по нашей воле. По моей в том числе. Не скажешь, что уже начал ощущать странное болезненное удовлетворение своей работой и боишься такого удовлетворения. Не скажешь, что, чувствуя себя на пределе, просто-напросто пришел поговорить с умным, беспомощным и непонятным человеком, желая получить от него что-то очень нужное и не зная — что, но притом зная, что можешь в любую минуту уничтожить этого человека одним только словом, одним движением пальца... Глупо все это. Ох как глупо...

— Я закурю? — спросил я.

— Конечно. Пожалуйста.

Я зажег сигарету. Сизая струйка, замысловато завиваясь, всплыла к потолку, ударилась и отправилась посмотреть, нет ли где обходного пути. Я выпустил еще одну. Полегчало.

— Послушайте, Сергей...

— Да? — Я напрягся.

— Я вам благодарен. Но вы должны меня понять: мне очень злонеловко употреблять вашим гостеприимством... Э-э... я корректно сказал?

— Почти. Вы хотите знать, когда вас отсюда выпустят. — Эту фразу я произнес в утвердительном тоне.

Он помялся.

— Ну, в общем... да. Примерно. Видите ли, мне нужно работать, а многие материалы здесь недоступны... вы понимаете?

Это я понимал. Не понимал я другого и не мог понять: как он до сих пор выходил живым из тех мест, где материалы доступны даже слишком. В одной мелкой стайке он ухитрился прожить дня три — не знаю, много ли ему удалось извлечь для науки, но уносить оттуда ноги пришлось на форсаже. Помню, на меня это произвело впечатление. Человек жил в стае! Один. Без подстраховки. Без дюжины снайперов, готовых по радиокоманде разом оставить его в растерянном одиночестве среди дюжины трупов. Он это смог. Он доказал, что это возможно. Такого везучего человека я в жизни не встречал: пули изорвали его одежду, он заблудился и едва не замерз, но вышел точно на мое отделение, и опять ему повезло: в тот раз ни Сашки, ни Вацека с нами не было.

А ведь я тогда уже точно знал, что Сашке его не отдам, с внезапным ознобом подумал я. Ни за что. Знал, что спрячу его в такое место, где никому не придет в голову искать, по типу того классического письма... Сашка, конечно, далеко не Дюпен, а настоящие профессионалы из нацбеза, кто уцелел, сейчас либо на Юге, либо легли на дно и не шевелятся. Риск был умеренный. Пожалуй, я мог бы еще отдать Бойля до ареста Сельсина и, как водится, нашел бы способ оправдать себя если не в Сашкиных глазах, то в своих собственных... Теперь — нет. Не могу.

Плохо, когда позади тебя рушится мост.

— Как вы считаете, долго еще они смогут сопротивляться? — спросил я.

— Адаптанты?

— Они.

— Я бы не ставил вопрос таким образом, — раздвинул морщины Бойль. — Я бы поставил его по-другому: долго ли еще сможем сопротивляться мы?

— То есть?

На этот раз он все же завел свою шкатулку, и я ему не воспрепятствовал. Как всегда, говорил он гладко, будто слова

у него были заранее построены в походные колонны, — говорил, как на лекции, а в моем мозгу откладывался конспект.

Большинство людей почему-то считает адаптантов феноменом новейшего времени, говорил Бойль. Однако это не так. Без сомнения, говорил он, адаптанты существовали всегда, во все эпохи, поскольку причина их существования не социальная, а генетическая, но они стали очень заметны тогда, когда человечество создало для них подходящую социальную базу, что, к сожалению, совпало по времени с генетическим взрывом. Я хочу сказать, говорил он, что людям не так-то легко будет отвернуться... отвертеться от кровного родства с адаптантами, хотя, конечно, им будет очень этого хотеться. Уже хочется, верно? Дело, однако, не в гипертрофированной агрессивности адаптантов по отношению к внешнему врагу, коим им справедливо представляются люди... Как вы полагаете, Сергей, какая основная черта присуща человечеству?

— Уничтожать себе подобных, — ответил я не задумываясь. — Знаем, проходили.

— Вы ошибаетесь, — мягко возразил Бойль, и я заметил, что вид у него усталый и отрешенный. — Основная черта человечества — беспечность. Это свойство превалирует даже над тягой к творчеству или, скажем, к насилию... разумеется, я говорю о человечестве в целом. Беспечность у вас... у нас просто поразительная. Мы легкомысленно рано нарушили естественный порядок вещей. Человечество перестало жить стаями и выиграло во всем, кроме уверенности в завтрашнем дне, забыв о том, что стая с обязательной иерархической структурой — крайне устойчивое и дееспособное образование. Совершенно безразлично, как называется эта стая: военная диктатура, абсолютная монархия или первобытная толпа, которая вовсе не была неуправляемой толпой... До появления конкурирующего вида считалось, что биологически мы доросли по крайней мере до усеченной демократии. Впрочем, это уже предмет экологии структур, по этому вопросу я рекомендовал бы вам обратиться к... Да-да, вы правы. Все время забываю... Это ничего, что я столь дидактичен?

— Даже приятно, — сказал я. — Я уже отвык. Вы продолжайте, продолжайте.

— Что тут продолжать? — Бойль развел руками. — Вы же знаете, как крысы подходят к приманке. Первой ее пробует самая слабая и подчиненная крыса, а остальные сидят и смотрят, что из этого получится. Если крыса издыхает от яда, для стаи эта потеря практически неощутима. Стаю в отличие от нас можно уничтожить, только истребив полностью, единственный оставшийся в живых — уже зародыш новой стаи. В человеке извечно борется сознательное стремление к свободе с унаследованным от предков неосознанным желанием жить в стае, охотно подчиняясь ее дисциплине. Неудивительно, что после многих цивилизованных попыток обуздать адаптантов мы смогли противопоставить им только повстанческие отряды — это ведь тоже стаи, Сергей. Стаи против стай. Беда только в том, что их стаи устойчивее наших, поскольку скрепл... укреплены инстинктом такой силы, о которой мы не имеем ни малейшего понятия. Самое неприятное состоит в том, что любое увеличение свободы отдельной человеческой особи неизбежно ведет к уменьшению запаса прочности цивилизации, и причина этому лежит внутри нас. Нам еще миллион лет не удастся избавиться от этого естественным путем. Избавиться — значит поумнеть, а умнеем мы туго. Конечно, можно было бы попытаться искусственно взрастить совершенно иное человечество, свободное от наших врожденных недостатков, технически это уже достижимо, но зачем нам такое человечество, в котором не будет нас? Возможно, мы просто обречены как вид. Поразительно, что люди только-только начинают это осознавать — отдельные люди, заметьте это, Сергей. Только отдельные. В своей массе человечество, вероятно, никогда этого не осознает.

— Почему? — только и спросил я.

Он посмотрел на меня с жалостью. Так мог бы смотреть добрый учитель на старательного, но безнадежно тупого ученика.

— Не успеет...

Он меня злил. Я докурил сигарету, поискал глазами, куда бы кинуть окурок, и бросил его под топчан. Бойль сделал вид, что не заметил.

— Допустим, — сказал я. — И чем же все это, по-вашему, кончится?

— Э-э... Вы о людях?

— Нет. В людей вы не верите, это ясно, но это ваше личное дело. Я об адаптантах. Они же без нас вымрут. Или вы так не считаете?

— Трудно утверждать. — На этот раз Бойль улыбнулся. — Может быть, сумеют выжить. Видите ли, абсолютно новый вид не формируется в течение одного поколения. Спросите меня об этом через пять тысяч лет — тогда я, пожалуй, отвечу.

— Спасибо...

Он пожал костлявыми плечами:

— Поверьте, я вовсе не собираюсь... как это... затенять забор? Так корректно сказать по-русски?

— Наводить тень на плетень, — сказал я. — Так корректно.

— Да-да. Благодарен вам.

— Послушайте, — спросил я. — Кто вы такой?

— Э-э... Простите?

— Вы не Бойль, — сказал я хмуро. — Я давно знаю, что вы не Бойль. То есть, возможно, вы и Бойль, но вы не тот, за кого пытаетесь себя выдать. Только не изображайте девственницу, у вас это плохо получается. Неужели вы всерьез полагали, что те, кого это касается, не наведут элементарных справок?

Он посмотрел на меня с каким-то детским удивлением:

— Навели?

— Естественно, — сказал я. — В Академии наук о вас знать не знают. Чего и следовало ожидать. Впрочем, некий Святослав Меррилл Бойль, как ни странно, в природе существует, но ни к науке вообще, ни к антропологии в частности отношения не имеет. Действительно, предки по материнской линии у него русские, из старых эмигрантов. Подобно своему знаменитому однофамильцу постоянно проживает в Кембридже... если еще проживает. Шесть лет назад привлекался к суду по обвинению в уклонении от уплаты налогов, но был оправдан. Уважаемый человек, совладелец магазина по продаже сантехнического оборудования... Вам ведь это известно лучше, чем мне, не так ли?

Он понурился. На всякий случай я придвинул к себе автомат. Перегибать палку сегодня не следовало, теперь я это пони-

мал, но раз начал, приходилось продолжать. От прижатых к стене можно ожидать всякого.

— Знаете, почему я вас не сдал сразу же?

— Нет.

— А вы спросите.

— Почему? — покорно спросил Бойль.

— Потому что все это выглядит невероятно глупо. Первое, что приходит в голову нормальному человеку, когда ему дают ознакомиться с подобной справкой, — махровая дубоцефальная глупость вашей легенды. Наводит на определенные мысли о достоверности, однако источники информации, по-видимому, вполне безупречны. Такая легенда попросту невозможна, однако же вы ею воспользовались. Вы не агент и никогда им не были. Вы по своему складу не можете им быть: вы не понимаете намеков. Вы человек не от мира сего и не ученый в общепринятом смысле этого слова, тем более не ученый такой... карикатурно-устаревшей модификации, каким хотите казаться. У вас нет ни одной печатной работы. Однако вы, безусловно, крупный специалист по адаптантам. И вот этого я никак не могу понять. Кто вы такой?

Бойль поднял голову.

— Простите, — мягко сказал он, — вас это интересует профессионально?

— Нет, — ответил я. — Считайте, что это личный интерес.

— Я могу об этом перемолчать?

— Лучше бы вам ответить, — сказал я. — И перестаньте коверкать русский язык, вы же не англичанин. Вы не представляете опасности, я это понял. Но есть люди, которые не любят непонятного.

— А вы любите? — спросил он.

— Терплю. Но мое терпение на исходе. Я надеюсь, вы понимаете, что бывает с людьми, когда у них терпение на исходе?

— Они делают глупости, — сказал Бойль.

— Правильно.

— Нет, нет, — быстро сказал Бойль. — Не надо делать глупостей. Вы ошибочно думаете, уверяю. Никакого вмешательства, только наука. Исследования, не способные повредить. Никакой опасности для вас.

— Для меня лично?

— Для вас. И для других. Для всех на вашей Земле.

— Что? — переспросил я.

Бойль медленно потер ладонью морщины на лбу.

— Да. Вы поняли. На *вашей* Земле, Сергей.

Так.

Наверное, мне полагалось бы опешить. Я не опешил. Я ждал чего-либо подобного. Если после такого признания, сделанного всерьез (а я был уверен, что это именно признание, точнее, начало признания), человек не чувствует, что из него делают идиота, то это у человека сугубо профессиональное. Вычислить было нетрудно, я сделал это еще в госпитале в качестве логического упражнения, но куда труднее было поверить... Невероятные объяснения надо искать только тогда, когда не проходят объяснения вероятные, — если человек принял эту аксиому, он нормален. Я был нормален. А Святослав Меррилл Бойль — не Святослав, не Меррилл и не Бойль — уже говорил, он давал мне первое и единственное из невероятных объяснений, его прорвало взахлеб, так его никогда еще не прорывало, и он говорил, говорил, нимало не интересуясь тем, верю я ему или нет, он говорил невозможные, дикие вещи о другой Земле и другом человечестве, он был смешон и велик одновременно, его невозможно было остановить, и я не хотел его останавливать...

Два Солнца. Очень похожих.

Две Земли. Тоже очень похожие.

Два человечества. Одного корня.

Два? Или больше?

Пока неизвестно.

Не очень давно, каких-нибудь девять-десять тысячелетий назад, в историю человечества были внесены распараллеливающие изменения: небольшая, но представительная выборка биологического вида хомо сапиенс была переселена на другую планету. Так на Земле-2 из приблизительно пятидесяти—ста тысяч переселенных индивидов возникло и продолжило развитие человечество-2. Своеобразие природных условий новой планеты определило отклонения в направлении и скорости этого развития, на особенностях которого сейчас нет причин подробно останавливаться. Главный же смысл настоящего

момента состоит в том, что впервые со времен Великого Разделения технические возможности человечества-2 позволили ему совершить первое посещение человечества-1 ради его изучения и рассмотрения вопроса о целесообразности возможного контакта в будущем, каковое посещение близится к успешному концу. Так что, вы должны нас понять, мы просим, мы даже очень просим вас считать сообщенные вам сведения конфиденциальными...

— А это что? — спросил я, постучав пальцами по «Новому подходу к изучению миграций», торчащему из проектора, и, не удержавшись, хмыкнул: — Поиск корней?

Самое интересное, что глаза старика загорелись, а механическая шкатулка была пущена вновь:

— Существует несколько гипотез о причинах Великого Разделения, в настоящий момент я проверяю наиболее безумную...

И прочее, и прочее, и прочее. Почти Бернс. Прочего было много. Закусив губу, я слушал молча, почти не перебивая. И прочее, и все такое прочее... Теперь уже точно Бернс и Маршак.

И два человечества.

Нельзя сказать, чтобы даже теперь я безоглядно поверил Бойлю. Нельзя сказать, чтобы я не поверил ни одному его слову. А только не был он сумасшедшим, это я вам точно говорю. Скорее я подумал бы такое о себе — с психикой агентов, имеющих не по чину резвое воображение, случаются любопытные вещи. Разгадка не разгадка, объяснение не объяснение, но что-то от рабочей гипотезы, за неимением лучшей, во всем этом присутствовало, и такая гипотеза меня не вдохновляла. Такая гипотеза била наотмашь. В памяти с перископной глубины суетливо всплыло и закачалось: «Нам нужно наше отражение. Мы не знаем, что делать с другими мирами...» Н-да... Вот оно — отражение. Мы и с нашим-то миром не знаем, что делать. Зачем мы им? Чем, ну чем мы можем их заинтересовать? Своих братьев по разуму и генокоду, если Бойль не врет. Ведь не нашей же технологией... Чем еще? Техникой организованного истребления людей? Вряд ли это им нужно, если только у них не те же проблемы, что у нас. Тогда чем? В альтруизм человечества-2 что-то не верится. В добро-

вольный альтруизм человечества, какой бы номер оно ни носило, не верится вообще. Получается, что мы можем заинтересовать их только самими собой как объектом наблюдения, как объектом научного интереса Бойля и ему подобных — кстати, сколько их среди нас всего? — вот только человек так устроен, что быть ему под наблюдением всегда унизительно, а иногда, в иные моменты истории, не просто унизительно, а стыдно, невозможно стыдно...

Показать ему весь наш стыд... Да ведь он его уже видел.

Бойль кончил говорить. Струйка пота пошла чертить по его лбу извилистое русло. Теперь он ждал, что скажу ему я. Я ничего не сказал — не мог. Наверное, следовало произнести что-нибудь приличествующее случаю, а я пробормотал два, всего два жалких слова:

— Нашли время...

5

Вертолет полз в низких облаках. Каша со всех сторон обзора была основательная, плотная, без всяких легкомысленных тучек-странников и прочих неорганизованных обрывков, без цепи жемчужной и степи лазурной. Казалось, мы висели на месте, и только щекотная вибрация пола выдавала полет, дробились об остекление снежные заряды да еще свистела над головой турбина, всасывая воздух и снег, и с надтреснутым низким гулом вращался несущий винт. Вертолет был маленький, созданный в забытые времена — скромная муниципальная машина для десантирования в городских условиях мелких групп, легкая, очень маневренная, без изобилия навесных излишеств, но с прекрасными возможностями локации по земле и воздуху. Сейчас экран панорамного локатора по воздуху отражал отсутствие в последнем постороннего металла, зато экран локатора по земле, наполовину скрытый спиной пилота, рисовал красивую трехмерную картинку: вот он проспект — даже уцелевшие по обочинам скелеты деревьев получались вполне прилично, — вот прилегающие улицы и эстакада надземки, а вот виден бывший гипнотеатр с просевшей от снега крышей, далее давно разграбленный супермаркет, а за ним вот-вот покажется то,

что нам нужно, тот самый дом со знаменитым на всю Москву винным баром «Истина» на первом этаже — чудесное было местечко, но Дарье почему-то не нравилось и последний год я туда не ходил...

Когда отряду для штурмовой работы придают вертолет, это прекрасно. Пусть летчик, вполне сознающий свою дефицитность, капризен и брюзглив, но так или иначе работать над очередной сорокаэтажкой можно одновременно сверху и снизу. Основная сила атакует подъезды и окна, верхняя группа сыплется вниз, кроя противника огнем и яростным матом. Наташа меняет снайперскую винтовку на короткоствольный автомат. По коридорам, если они есть, с волчьим воем путешествует дефектная реактивная граната Дубины Народной Войны, рикошетирует от стен и потолков и разрывается в безопасном отдалении как от нас, так и от адаптантов. Но клещи сжимаются. Если нет — тогда крайнее средство: нижние этажи по команде очищаются, в вентиляционные шахты пускается газ, а спасающихся от него бегством отстрелять уже несложно. Но это, повторяю, на крайний случай. Теоретически в здании могут быть и люди.

— ...А в двадцатом отряде еще такое было, — продолжал Гарька. — Видят, над домами струя пара метров на триста вверх — снегоед, ясное дело! Сто лет уже не видели. Только очень уж странно работает: пар — импульсами. Выпустит серию и замрет на полминуты, выпустит и замрет, потом опять. Пригляделись — сигнал бедствия, классика: три точки, три тире, три точки. Выстрелы слышны. Послали, естественно, штурмовую группу на выручку, сам командир двадцатого с ними пошел, тоже был любитель делать чужую работу, — только эту группу с командиром и видели. Капкан. Хорошо, говорят, ребята держались, минут десять. Никто там, конечно, бедствия не терпел, и рассчитано все было по высшему классу. Вот вам и олигофрены-имбецилы. Что ты сказал?

— Утомил, — повторил я.

— Это я от тебя уже слышал. Ты мне скажи про адаптантов: кретины они или все-таки нет?

— Заткнись, — душевно сказал я. — Это все, что я могу тебе сказать про адаптантов, да и про кретинов тоже.

— Один из нас точно кретин, — хмуро вставил дядя Коля.

На всякий случай я предпочел не выяснять, кого он имел в виду. Может быть — меня. Если это так, тогда сегодня уже третий человек указывает, где мне нужно быть и что делать. Что-то много.

Интересно, не в первый раз подумал я, почему Сашка так легко позволил мне участвовать в этой, по сути, ничего не решающей операции — для разрядки, что ли? Он заботливый...

Вертолет встряхнуло. Обе скамьи внезапно и синхронно провалились в преисподнюю, там бы им и остаться, но они вернулись и наподдали по копчику.

Вацек замычал, прикусив язык. Дядя Коля клацнул зубами. Дубина Народной Войны уронил гранатомет, повалился на Наташу и был по окончании рефлекторных объятий отвергнут с отпихиваниями.

— Эй! — заорал Гарька. — А поосторожнее?

Пилот повернул к нам голову. Лицо у него было потное. Совсем не такое лицо было у него пять минут назад, самодовольная была морда, даже не морда, а штампованная тыловая ряшка; он сразу же начал покрикивать с интонациями о-очень большого начальника, что не туда-де мы сели и не так сидим, но когда в вертолет насупленным медведем полез дядя Коля, прижимающий к груди пулемет с самодельной патронной коробкой на четыре состыкованные ленты и не подпоясанный разве что танковой гусеницей, моментально умолк и больше не высовывался.

— Здесь! — прокричал пилот. Я взглянул на дядю Колю. Дядя Коля кивнул.

— Садимся, — сказал я.

Пол ушел из-под ног. Вертолет падал. На секунду в облаках мелькнул просвет, и тотчас затянуло снова. Примолкшая было турбина буркнула и взвыла хриплым воем — вертолет завис и закачался, примериваясь. Дядя Коля уже щелкал замком, воюя не на жизнь, а на смерть с примерзшей дверцей. Снизу фонтаном взлетело облако снега. Ударило по окнам.

— Прыгайте! — крикнул пилот.

Дядя Коля откатил-таки дверцу. Одно мгновение белую муть в овальном проеме загораживала его спина, потом она исчезла. Вторым под вопль пилота «Быстрее, сносит!» прыг-

нул я, третьей — Наташа. За ней почти одновременно кувыркнулись в снег Гарька, Вацек и Дубина Народной Войны. Как ни вымело на этой крыше, снега хватило на то, чтобы уйти в него по пояс. Вертолет сразу же пошел вверх и через секунду пропал из виду. Через десять секунд его не стало слышно.

Теперь все молчали, даже завязший в сугробе Гарька. На этой высоте ветру было где разгуляться, снежная крупа неслась почти горизонтально, и было трудно отделаться от ощущения, будто мы выброшены за ненадобностью в ледяной пустыне за тысячу километров от человеческого жилья, и вовсе не верилось, что человеческое жилье находится у нас под ногами. Бывшее человеческое. Дубина Народной Войны выполз на наст и на ветру сразу же начал стучать зубами — что-то неладное творилось с его термокостюмом. По возвращении надо будет добыть ему новый, отняв его у какого-нибудь дубоцефала... Дядя Коля снял с себя «горб» и извлек из него веревку. Я откашлялся в «уоки-токи», чтобы всем было слышно:

— Командуй, дядя Коля...

Вот именно так авторитет и зарабатывают — если, конечно, твое имя не Наполеон Буонапарте. И это надо было сказать сейчас, потом могло быть поздно. Как ни отработана нами техника проникновения в здание, она оставляет место для многих случайностей. Никто и никогда заранее не скажет, что ждет группу внутри, после того как в башенке посередине крыши упадет дверь. Дом может быть пуст. Он может оказаться набитым битком, и попытка атаки сверху будет заведомо обречена на неудачу. В ясную погоду группу могут с азартом гонять по всей крыше огнем с более высоких зданий, отстреливая поодиночке, и на основании личного опыта я могу сказать, что в этом нет ничего веселого. В метель или туман, напротив, легко затеряться и начать блуждать наугад с риском продавить своей тяжестью снежный карниз — что до меня, то я предпочитаю более спокойные мысли, чем те, которые возникают у человека при падении с высоты в сто пятьдесят метров. Но метель, конечно, кстати: за воем ветра и нулевой видимостью наша высадка теоретически могла остаться незамеченной...

Хотелось в это верить.

Веревка, привязанная к ограждению, неритмично подергивалась — дядя Коля уже исчез за краем крыши. Как он со своим пулеметом ухитряется спускаться к окну вниз головой в ежесекундной готовности дать очередь — ума не приложу. Страха высоты у эксперта по самообороне никакого, а отсутствие суеты в действиях и мыслях просто поражает. Вот бы кому нами командовать, не Сашке Столповскому...

Кстати, успел подумать я, интересный вопрос: зачем Сашке командование отрядом? В особенности таким отрядом, где каждый третий помнит его вздорным лаборантишкой. Темна вода во облацех, да и полевой командир из него, надо сказать... Ладно, замнем. Сказано при дамах: «Не тронь герань — вонять не станет». Цитата. Дядя Коля.

Металлическая дверь в нише башенки была полузанесена, заперта и хорошо выглядела, она явно никогда не подвергалась взлому. Сейчас ей это предстояло в первый раз. В некоторых случаях лучшее подручное средство — отмычка, а лучшая в мире отмычка всегда при мне. Я разгреб вокруг двери снег и загнал кумулятивную гранату в подствольник.

— Отошли все!

— Уже? — дробным от стука зубов шепотом спросил Дубина Народной Войны. — А дядя Коля?

Вечно он скажет под руку какую-нибудь глупость. Может быть, не следовало сегодня брать его с собой? Нет, пусть учится. Ученье — свет.

— Дядя Коля уже внутри, — объяснила Наташа. От нетерпения она притопывала. Притопывал и Гарька.

— Карлсоны! — ожил мой шлем голосом Сашки Столповского. — Карлсоны, как слышимость? Готовы?

— Фрекен Бок, слышу хорошо, — ответил я. — Слышу вас хорошо. Готовы. Повторяю: готовы.

— Пора. Начинаете вы.

— Понял, — ответил я. — Начали.

Приклад с силой отбросил назад мое плечо. Туго ударило по ушам. На месте дверного замка образовалась аккуратная дыра. Дверь лязгнула и повисла на одной петле, открывая ход в чердачные объемы. Внутри было пустынно, темно и гулко, в громоздких металлических коробах летаргически спали заржавленные механизмы лифтов. В полу был открыт серый пря-

моугольник, оттуда просачивался свет и высовывалась голова дяди Коли.

— Что? — спросил я. Хотя уже было видно, что. Как всегда, дядя Коля норовил сделать работу за других.

— Пока чисто. — Он поднял забрало и сплюнул куда-то вбок. — Здесь никого. Спускайтесь.

Странное это было здание: нацеленное, угловое в плане, как классическая неравнобокая флешь на пересеченном рельефе, и, не в пример другим зданиям, совершенно не пострадавшее, будто флешь воздвигли не перед боем, а много позднее, в потакание мирному любопытству потомков. Странной была не форма здания — это бывает. Странно было то, что оно до сих пор не выгорело. Удивительно, что оба крыла соединялись между собой только через чердак, и дядя Коля устал на каждом этаже крушить подручными средствами тощие стенные панели. Десятую по счету он просто расстрелял, проведя стволом пулемета по овалу, и выбил овал ногой. Адаптантов не нашлось и здесь, зато где-то внизу, пока что далеко, колотилась автоматная стрельба, да еще время от времени оживала связь. Слышно было плохо.

— Карлсоны! Что у вас?! — прокричал Сашка.

— Пусто. Фрекен Бок, у нас пусто. А у вас?

— У нас не пусто. Идем со «щитом», гоним к вам. Хорошо гоним — их немного. Встречайте.

— Встретим.

Я чувствовал облегчение. Теперь я понял и признался себе, что держало меня в напряжении и чего я боялся: не того, что мы не справимся с теми, кто здесь засел, нет. Я до жути, до пота и побеления щек боялся, что в этом доме опять окажется своеобразный, ни на что не похожий «родильный дом» адаптантов, как это уже было однажды, и я боялся того, что нам неизбежно пришлось бы сделать с этим «родильным домом». Это тоже было. Мы сделали это, но никто из нас не хочет об этом вспоминать. Может быть, в этом и заключается самое ценное, спасительное свойство человеческой памяти: уметь не вспоминать, не напоминать себе, когда не удается забыть. На старости лет мне только и останется — не вспоминать...

Мы продвинулись на этаж ниже, и дядя Коля с треском вышиб еще одну стенную панель:

— Хватит. Дальше не пойдем. Айвакян — ты старший. Вы трое перекрываете лестницу здесь. Мы держим лестницу в том крыле. Самойло, Юшкевич — за мной!

Это было разумно. Правда, я оставил бы эту лестницу себе, а старшим в другой группе назначил бы Наташу, а не Гарьку. Но дяде Коле было виднее. Он боком пролез в пролом, держа у живота пулемет, игрушечный в его лапах, и нимало не интересуясь, последовал ли кто-нибудь за ним в эту дыру. Он все еще оставался инструктором по самообороне, исповедующим железное кредо: хочешь выжить — делай как я, не хочешь — твое дело, никто не заставляет. Но тогда отойди в сторону и не мешай.

В мертвых квартирах пахло запустением и промороженной пылью, кое-где валялось барахло. Сухо потрескивали стены. В одной комнате нашлась собранная на полу детская железная дорога. Крохотный паровозик застыл перед семафором.

— Что скажешь? — спросил дядя Коля. Он выглядел угрюмым. Мы обшарили этаж и заняли позицию: лестница здесь была точь-в-точь такая, как в другом крыле, — узкая и удобная для сдерживания противника. Беспорядочная стрельба снизу мало-помалу приближалась. Гуляло сумасшедшее эхо.

— Что говорить? — Я пожал плечами. — Их здесь никогда не было, видно же. Вац, ты что скажешь?

— Не было.

— То-то, — со значением сказал дядя Коля. — Послушайка лучше. Усек? Их и внизу всего-то с пяток, от силы. Стратеги... маму!.. Думали, тут их до черта, а их...

— Не вижу плохого, — перебил я.

Секунду дядя Коля глядел на меня сумрачным неандертальским взглядом.

— И чему я тебя учил...

— А что?

— А то, что они с нами не воюют. Ты еще не понял? Мы знаем, как они умеют драться, вспомни, как они дрались за «родильный дом», — так вот: они с нами не дерутся. Они перед нами бегут и огрызаются лишь в самом крайнем случае. С полицией и десантниками они дрались отчаянно и брали верх, а перед нами бегут. Почему? А слияние стай? Уже последнему дурачку должно быть ясно, что у них единое командование. В

городе полно людей, только воевать некому, а нестроевые воротят рожи: не наша, мол, забота драться, и думать об адаптантах не желаем, пусть штаб думает...

— Нестроевые на окраинах отбиваются от снега, — возразил я. — Ты не видел, какие там барханы. Когда ветер — страшное дело.

— Вот где страшное дело! — рявкнул было дядя Коля, но тотчас понизил голос: — Здесь! Не где-то, а здесь! И вот здесь! — Он гулко постучал себя по шлему. — Что, не так? Оставляют нам на расправу всякую мелочь от щедрот, а мы и рады стараться: ура, мол, отбили еще один дом. Сокр-р-рушительная победа. Ура, отбили квартал! Знай наших. Ура-ура, вчера продвинулись на двести метров, а сегодня рванем на триста! Сожмем пружину еще немного! Чувствую: что-то будет...

— Что-то всегда бывает, — без охоты возразил я.

— Бывает! — зло сказал дядя Коля. — Еще как бывает! И будет! Когда — не знаю, как — не знаю. Но добром не кончится, это я тебе точно говорю. Скажи, что может знать о сети рыба?

Опять он за свое. Я отмолчался. Почему-то вспомнился эпизод: мужчина и женщина на ничейной территории водили большой двуручной пилой, пилили дерево. На дрова. День был тихий, ржавая пила визжала на несколько кварталов. За спиной у мужчины висел автомат, очень старый, еще «калашников», с отбитым прикладом и стертым воронением. Наверное, мужчина повесил его просто для поднятия духа — целью они были превосходной. Им дали закончить работу и уйти, они еще долго вязли в сугробах, унося свои три полена, и только потом началась перестрелка. Эту парочку видели и перед другими отрядами, иногда порознь, а иногда вместе и даже с детьми. Было это тягостно и непонятно: люди, живущие размеренной жизнью на ничейной полосе, продвигающиеся вместе с этой полосой и не желающие ни нас, ни адаптантов... Зато дядя Коля был мне понятен: как всякий человек, не владеющий всей полнотой информации, он вечно полагал, что с ним играют в нечестные игры, и даже как-то раз спросил меня шепотом, действительно ли существует штаб очистки или он придуман специально, чтобы валить на него вину за наш вечный кафтан имени Трифона. Но удивил: прежде считалось

доказанным, что дядя Коля и отвлеченные метафоры суть понятия несовместимые. Видно, допекло. Рыба в сети... Или нет, о сети. Что может знать. Гм. Что может, то и знает. Рыба. Это такая, с плавниками. Вкусная штучка, особенно на сковородке под майонезом, сто лет не ел... Я проглотил слюну. Этажах в пяти ниже нас рванула граната. Прорезав эхо автоматных очередей, заметался одинокий отчаянный крик. И сразу все смолкло. Тишина была оглушительная. Тишины не хотелось.

— Карлсоны! — прокричали снизу. — Что у вас?

— Пусто.

— Карлсоны, не слышу!

— Пусто! — во всю мочь легких рявкнул дядя Коля. — Пусто у нас!

— Везет некоторым. Спускайтесь!

— Эй! Эй! — закричал дядя Коля. — Потери большие?

— Чепуха. — Я узнал голос Сашки Столповского. — Один раненый.

6

Троих убитых дубоцефалов сложили в ряд за стойкой бара и прикрыли сорванной шторой, чтобы не портили настроение. Четвертый, оставшийся в живых, сидя на полу у груды опрокинутых резных стульев, тоненько ныл, осторожно щупал вмятины на термокостюме и временами вздрагивал всем телом. Несколько не участвовавших в атаке дубоцефалов, кстати сказать, вполне безучастно отнесшиеся к мертвым, смотрели на него с выражением глубокого ужаса. Их никто не гнал: выбранные наудачу кандидаты в команду «Щит» должны привыкнуть к своей роли заранее. Стонущего раненого из штурмовой группы положили на снятую с петель дверь и куда-то унесли.

Адаптантов при штурме было убито пятеро, как и предсказывал дядя Коля, имевший теперь вид типа «ну, что я тебе говорил?». Спускаясь и обшаривая по пути этажи, мы нашли еще одного: дядя Коля вдруг резко остановился и повел носом, как волкодав, учуявший добычу. «Здесь...» — «Где?» — «За углом. Ждите». И я имел удовольствие видеть работу профессионала. Граната ему не понадобилась. Дядя Коля шел, выставив пе-

ред собой пулемет, шел нарочито шумно, топая и сопя, когда же до угла осталось два шага, он бросился вперед внезапным нырком с переворотом на спину в падении. Этот трюк был мне знаком, но совершить его с подобной тяжестью в руках я бы не рискнул. Очередь прошла над его головой, и тут же звучно заработал пулемет — было слышно, как подброшенное пулями тело грянулось об пол.

Под ногами пищало битое стекло. Если бы не битые окна, в русском зале винного бара «Истина», пожалуй, еще и сейчас ощущался бы уют. Здесь все было сделано крепко, на совесть: когда в былые времена кого-то сгоряча били по голове резным стулом, страдала голова, а не стул, как тому и положено. Столы в зале стояли дубовые — не приподнять, стену скрывало резное панно: сильно усатый дядька Черномор стоял по колено в неспокойном море-окияне и, плотоядно облизываясь, тянул к стойке гигантскую утконосую братину. Из-за громоздкого плеча дядьки высовывались веселые деревянные рожи числом тридцать три — понятно было, что морские богатыри тоже не прочь тяпнуть винца на страх ревматизму. В зубчатой — под кремль-детинец — кадке с вечной мерзлотой прозябала зачахшая на корню березка с окаменевшими ломкими листьями. Из криогенных глубин подвала слышались голоса, донельзя возбужденные редкой удачей. Дураки же, это дело надо делать тихо и конспиративно, не шуметь сверх меры и уж подавно не орать: «Уж стол накрыт, ряды бутылок стоят, построившись в затылок!» — тем более что никаких бутылок в подвале не нашлось, как сообщил, вернувшись, равнодушный к спиртному Вацек, а обнаружилась там одна-единственная, зато неправдоподобно громадная лопнувшая бочка с розовым винным льдом и свернутым на сторону краном. Судя по треску и гиканью, бочку доламывали. На рысях под взглядом Сашки пронесся командир первой штурм-группы и застрекотал каблуками вниз по лестнице — пресекать мародерство. Что, дождались, голубчики? Говорил же — надо тихо.

Снаружи завывало, снег валил в выбитые окна, и одиноко дребезжало чудом уцелевшее стекло, зато никаких других звуков извне не ощущалось, а то, что не дано нам в ощущениях, вспомнил я, не является объективной реальностью. Соседние

участки тоже безмолвствовали, и мечталось мне, что вот сейчас можно подняться с тяжелого резного стула, легко выйти на улицу и впервые за много недель идти, идти себе куда угодно, хоть дойти до центра города, если повезет не заблудиться в метели. Дойти и вернуться. Не для того, чтобы дать шороху тылам противника, а просто так... Ладно, будет уже хорошо, если сегодня ночью адаптанты ничего не предпримут в ответ, подумал я. По такой метели, пожалуй, и не предпримут...

И вдруг я ощутил тишину — какую-то ненормальную, нехорошую тишину, совершенно неуместную в таком зале. Я повертел головой: Сашка и Вацек были налицо, но и только. Куда унесло дубоцефалов и куда был услан дядя Коля, я не заметил, и все двери были аккуратно заперты, из подвала не доносилось ни звука, зато Вацек неразборчиво шептал что-то на ухо Сашке, суетливо бегая глазами по сторонам. Я снял с себя шлем.

— ...Короче умеешь? — звучно прорвался голос Сашки. — Все готово?

— Так... — Вацек задохнулся, — точно... Доставлен. Здесь...

— Хвалю. — Сашка прошелся по мне ленивым взглядом и так же каменно-лениво отвернулся к напрягшемуся Вацеку. — Работнички... Что один, что другой. Я тебе говорил, что об этом, кроме нас двоих, не должна знать ни одна живая душа? Говорил или нет?

Вацек стрельнул глазами в мою сторону и опять уставился на Сашку.

— Ни одна? — недоверчиво спросил он.

— Ни одна.

Вацек отшагнул от Сашки, лишний раз передернул затвор автомата, отчего желтый патрон выскочил и запрыгал по полу, и направил ствол на меня. Лицо у Вацека сделалось интересное: извини, мол...

Я вскочил.

— Э! Э!.. Совсем уже? Крыша съехала?

— Отставить! — негромко скомандовал Сашка. Вацек опустил автомат. Глаза у него были совершенно оловянные.

— Выйди вон.

Вацек вышел.

— Хороший мальчик, — мечтательно сказал Сашка, когда дверь за Вацеком осторожно закрылась. — Дурачок пока, правда, но это ненадолго, со временем освоится...

— С-сукин сын! — с чувством сказал я.

— Ну-ну. Успокойся. — Сашка зачем-то взглянул на часы — было без десяти минут три, — с усмешкой взял у меня из рук автомат, посмотрел на свет в ствол и отставил в сторону. — А ты как думал? Интеллигенция, стуломахатели! Ни работать, ни стрелять, ни даже ухаживать за оружием толком не научились, а туда же — не тронь, мол, нашу ценную психику... Не так?

Действие стало походить на дрянной боевик. Я не успел ответить, а дверь уже протяжно скрипнула на мерзлых петлях, и в зале снова возник Вацек. Но теперь он был не один — за ним, отставая на два шага и сотрясая пол, затмевали дверной проем оба Сашкиных порученца, а перед ними, опережая их на один шаг, шаркающей старческой походкой шел Бойль.

Увидев меня, он остановился. Толчок сзади бросил его к резному стулу, он налетел на спинку и вцепился в нее обеими руками.

Стул даже не качнулся.

Вот так и проигрывают, мельком подумал я, косясь на автомат. Автомат был далеко. Похоже, мне предстояло узнать в подробностях то, о чем я был осведомлен в общих чертах: что бывает с агентами, неразумно затеявшими собственную игру. С бывшими агентами... Стоп, сказал я себе. Остановись. Если это всего лишь случайность, а такое вполне возможно, и если Бойль притом не окончательный олух... если так, то у меня еще есть шанс... У *нас* есть шанс. Еще поборемся... поводим по кругу...

— Расслабься, милый, расслабься, — ласково сказал мне Сашка. Он даже не взглянул на Бойля, и только сейчас до меня дошло, насколько наивен я был все это время. Он смотрел на меня в упор, скрестив на груди руки. Он знал про меня все. И тогда я решился. Сразу. Не раздумывая.

— Живьем! — бросил Сашка.

Мой рывок к оружию не удался: один из порученцев в прыжке отпихнул автомат так, что тот с лязгом ударился о кадку; второй нанес мне два молниеносных удара — в челюсть

и в солнечное сплетение. Я отвел оба и, в свою очередь, достал его шлемом. Порученец взвыл и схватился за лицо. Первый, нырнув под мою руку, попытался нанести мне сокрушительный удар сзади по шее, он был выше меня, и бить ему было удобно, он действовал грамотно и вложил в удар ровно столько сил, сколько было нужно, — мне удалось лишь увернуться, но не поймать его на неточности. Я отступил и ответил. Из трех моих ударов порученец сумел блокировать два. «Бегите!» — крикнул я Бойлю, лягая в живот кого-то набежавшего сзади. Из-за спины задавленно охнули голосом Вацека. Краем глаза я поймал Бойля — тот все еще стоял, держась за спинку резного стула, причем с видом совершенно спокойным. Будто происходящее никак его не касалось.

— Да бегите же вы! — закричал я.

Бойль медленно покачал головой. Его морщины выделялись резко, как свежие рубцы.

— Я не должен...

Мне хотелось рявкнуть на него, и надо было рявкнуть, я позволил бы себе даже ударить его, чтобы расшевелить, заставить очнуться и бежать, но не успел: в затылок вонзилась молния, мир вспыхнул, взорвался и начал гаснуть. Упасть мне не позволили. Последнее, что я увидел, была деревянная стена с морским дядькой и богатырями, стремительно летящая мне в лицо.

7

Катастрофа, постигшая третий отряд, была лишь одной из многих и в сравнении с тем, что случилось с другими отрядами, далеко не самой страшной. За час до сумерек отряд отошел на исходные, оставив заслон у проспекта Генералиссимусов. Метель усиливалась, активность противника была на нуле, и никому не мнилось иной раскладки, кроме перспективы отдохнуть по-человечески, не утомляя себя наблюдением в инфракрасную оптику, что-нибудь съесть и, возможно, чем черт не шутит, выспаться. Атакующих заметили в двадцати шагах. В метели сослепу показалось, что их тысячи, а может, так оно и было. Они шли как волна. Мало кто успел изготовиться к бою — заслон, составленный преимущественно из дубоцефа-

лов, был мгновенно смят и исчез под этой волной. Слышались страшные крики. Третья штурмовая группа, оказавшись ближе других к месту прорыва, встретила адаптантов огнем, но вынуждена была отойти, понеся потери. Часть дубоцефалов, немедленно обратившаяся в паническое бегство, наткнулась на вторую волну атакующих, накатывающуюся с тыла, — осталось неизвестным, где, когда и каким образом смогла просочиться в наш тыл крупная стая. Атака была молниеносной и сокрушительной. Мечущиеся были истреблены в несколько секунд, но три штурмовые группы — костяк отряда — сумели занять два здания и наладить оборону. О защите пресловутой непроницаемости линии фронта теперь нечего было и думать, все усилия были направлены на спасение отряда от полного уничтожения. О том, что творилось у соседей слева и справа, никто в точности не знал, об этом можно было только догадываться, и догадки были скверные. Радиопросьбы о помощи остались без ответа. Полчаса спустя оба здания были подожжены — одно не занялось, потому что один раз уже выгорело; второе запылало факелом. Настоящим чудом выглядело то, что несколько человек в дымящейся одежде сумели прорваться через огонь и соединились с основными силами, а еще через пять минут был получен приказ отходить для прикрытия штаба, и Сашка, собрав остаток отряда в кулак, сделал попытку прорваться. Прорыв удался, но о том, чего это стоило, могли рассказать только человек пятнадцать — столько их пробилось к штабу. Отовсюду летели пули. В ближайшем тылу уничтожался второй эшелон — два новых, только что сформированных отряда и приданная от щедрот штаба полурота профессионалов. Казалось, весь город был занят адаптантами, их было неправдоподобно много, они были хозяевами в городе, и человек городу был не нужен...

Оценить масштаб катастрофы мне предстояло куда позднее: в течение по меньшей мере трех часов у меня не было ни зрения, ни слуха, ни мыслей, и я не видел, к сожалению, подробностей боя. Или к счастью? Должно быть, к счастью, потому что иначе мне пришлось бы увидеть, как по-заячьи прыгал в сугробах потерявший голову Гарька; как Дубина Народной Войны споткнулся на бегу, охнул, выгнулся дугой и в последний раз уронил свой гранатомет; как Наташу отбросило оче-

редью к стене дома, и пули, пробивая ее тело, рикошетировали от промерзлого бетона...

Вероятно, мне все же вкололи что-то сильнодействующее — не могу представить, кто и какими не перекрытыми противником закоулками сумел доставить меня к штабу. Помню два гигантских транспортера, оба еще чадящих, один из которых успел развернуться для боя, но больше уже ничего не успел, а второй так и не тронулся с места, испустив дух возле колючего вала; помню безобразно спутанные клубки колючки в тех местах, где вал был прорван, и широкие гусеничные колеи на снегу, и несколько растерзанных пулями трупов защитников и нападавших, и безжизненное тело пулеметчика, свесившееся с вышки. В штабных лабиринтах не нашлось ни одной живой души, и кто-то опознал командующего по отсутствию руки, потому что опознать его в лицо было невозможно...

А над городом висела тишина. Метель съела звуки, и только по трупам в коридорах штаба ощущалось, что катастрофа произошла здесь и с нами, а не за тысячу километров от нас, и десятки и десятки стай растекаются сейчас по беззащитному городу, грабя, насилуя и убивая всех, кто встретился им на пути, потому что ничего другого адаптанты делать не умеют. Где-то, слабо подсвечивая мутное небо, разгорались пожары, где-то отстреливались, разъединенные части еще продолжали драться, и кто-то, наверное, пытался пробиться из окружения по линиям подземки неглубокого залегания и другим коммуникациям, еще не затопленным по нашей же нерасторопности люизитом, как поступил бы и я, командуя окруженной частью, но звуков боя не было слышно, и каждый из нас, кому повезло выжить, понимал, что первый раунд сопротивления обесчеловечению проигран нами вчистую.

Нами? Кем это — нами?

Немногими, кто остался. Теперь — и без меня...

Снова прорвался, забился о стены одинокий крик. Кричал не я. Я лежал лицом вниз на цементном полу, борясь с позывами к рвоте, и в моей голове поселился еж. Он топотал лапками, блуждал впотьмах, тычась в мозг то иглами, то холодным мокрым носом, раздраженно фыркал, не понимая, зачем его заперли, часто чихал, а иногда, вдруг испугавшись чего-то,

сворачивался в надутый шар, и тогда тысячи игл впивались в меня изнутри, а я царапал ногтями пол, чтобы не завыть. Или мне казалось, что царапал. Тело было чужое, выключенное. Моим оставалось лицо — оно горело, и под ним было жаркое и липкое. Вероятно, я застонал, и сейчас же кто-то грубо перевернул меня на спину, слух уловил обрывок: «...в кондиции... скоренько...» — и ко лбу мне приложили нечто мягкое и влажное. Прижгло, будто приложили утюг. Я зашипел и попытался пошевелить скрюченными пальцами. Пальцы слушались. Глаза были целы, и я обрадовался. Насчет переносицы имелись сомнения и, судя по ощущениям во рту, не все зубы сидели на своих местах. Ног я не чувствовал и интереса к ним пока не испытывал.

— Сейчас будет в кондиции, — повторил кто-то. — Сей момент.

— Не морда — фарш, — раздраженно ответили голосом Сашки. — Что, не могли поаккуратнее?

Он еще что-то говорил, но смысл от меня ускользал. Возражать ему не осмеливались.

Еж снова чихнул, по коже пробежали мурашки. Еж был простужен.

Теперь я осознал, где нахожусь. Каморка во владениях Экспертного совета — теперь уже, вероятно, бывшего Экспертного совета — была та самая, где жил Бойль, и в каморке было тесно. Посторонние звуки сюда не проникали. Пыльная лампочка горела в четверть накала, на стенах пластались гигантские тени, в углу каморки угадывалось какое-то тряпье и почему-то валялся сапог с разорванным голенищем. После всего, что я видел, когда меня волоком тащили по коридорам, меня не очень удивило бы, если бы в сапоге оказалась нога без туловища. Но ноги в сапоге не было.

Крик повторился, и опять кричал не я. Кричал старик — надрывно, захлебываясь. Достигнув высшей пронзительной точки, крик начал стихать, а когда стих, послышался торопливый прерывающийся шепот: «...нет, нет... никакого вреда, уверяю... никакой опасности вашему человечеству... не надо больше, прошу вас... пожалуйста... никакого вмешательства, только наука, поверьте...» «Завянь с наукой, — сказали ему, и порученцы коротко взгоготнули. — Тебя о чем спрашивали,

потрох?.. Тебя о науке спрашивали?!» Металлически лязгнуло что-то невидимое. Бойль болезненно охнул.

Я попытался сесть, и тут меня наконец вырвало на пол. Еж в голове подпрыгнул.

— Ага, — сказал Сашка, — вот и второй именинник. Кто бы мог подумать, а?

Порученцы хранили почтительное молчание.

— Кто бы мог подумать, — сказал Сашка, — что среди людей может оказаться выродок, вовремя нами не распознанный? И к тому же в Экспертном совете? Мыслимо ли?

Никто не ответил. Было слышно, как тяжело, с хрипом дышит Бойль.

— И кто бы мог подумать, что в наших рядах может найтись предатель, решившийся на добровольное сотрудничество с адаптантами? — продолжал Сашка. — Кто, скажите мне, мог такое подумать? Не я. Нет, не я.

Меня снова вывернуло. Я отплевался и попытался приподняться на локтях.

— Помогите ему.

Меня вздернули под руки и посадили на топчан. Затылок коснулся холодной стены, стало полегче. Еж тоже не возражал. «В блевотину наступил, — сообщил один из порученцев, с оттяжкой возя подошвой по полу. — У, с-сука!..» Он бережно ощупывал опухшую половину своего лица, украшенную великолепной гематомой. Моя работа, подумал я с мимолетным удовлетворением. Жаль, мало...

— Постойте-ка в дверях, ребята, — скомандовал Сашка. Порученцы нехотя отошли к двери. — С той стороны, — добавил он негромко, и порученцы исчезли.

Вацек жался к стене. Бойль, намертво прикрученный к табурету, клонился набок, уронив голову на грудь. Спина его не держала.

— Зачем тебе это? — спросил я, стараясь говорить спокойно. — Знаешь ведь, что вранье. От первого и до последнего слова.

— Ты так и людям скажешь? — осклабился Сашка. — Подумай сам, поверят ли. Представляешь себе картину: «Вот он, предатель, пятая колонна, все из-за него, теперь он ваш...» — Сашка мечтательно закатил глаза. — Воображаю,

что с тобой сделают, в дурном сне не приснится... Не нравится картина, а?

— Тебе тоже, — сказал я.

Он посмотрел на меня с уважением.

— А ты иногда умный. Даром что доцент.

— Разгром штаба — твоя работа? — спросил я, напрягая и расслабляя руки.

— Вот тебе! — И Сашка сделал непристойный жест. — Наша! Это наша работа! Твоя и моя. Так и помни. Это результат нашей с тобой работы за последний месяц, ты уяснил?

Я заскрипел зубами. Я уяснил. Это было правдой. Это не могло не быть правдой уже потому, что в наши дни возможна только *такая* правда. Страшная. Которой не хочется верить и которая все-таки существует как бы независимо от людей. На самом деле люди не хотят знать всей правды, потому что боятся извериться и сойти с ума. И незнание правды двигает историю, как двигало во все века... А знание... знание правды подвинет ли что-нибудь? А если да, то куда?..

— Скотина! — крикнул я. — Зачем тебе это?

— Не мне, — сказал Сашка. — Не мне, а нам. Причем под «нам» я подразумеваю не только тебя и меня. Ты полагаешь, наши отряды смогли бы уничтожить адаптантов? Вижу, что полагаешь. Напрасно. Ну, предположим... Допустим, нам удастся очистить один город, который теперь даже не столица, а если бы и был столицей, частный успех все равно ничего не решит... А дальше? Ты об этом когда-нибудь думал? Молчишь?.. — Сашка начал ходить по комнате, четыре шага в одну сторону, четыре в другую. — Правильно молчишь. Твой топорный штаб очистки очистил бы город прежде всего от людей, он уже давно начал грести под себя, и нормальная ответная реакция в этих условиях — очистить город от такого штаба очистки. Кстати, исполнение было превосходным — никто не ушел... Да, сегодня мы потеряли многих и многих, и еще будем терять, зато сегодня мы впервые заставили адаптантов делать то, что нам требовалось, и управляемость обществом не утрачена, а восстановлена. Мы к этому и стремились, не так ли? Без управляемости обществом общество рассыпается. Надо это доказывать? Без управления идеями, а не людьми, — людьми-то управлять проще всего... Запомни: миром правят простые идеи.

Простые и понятные большинству людей. Исключение составляют бараны, живущие не идеями, а несложными желаниями, и умники, для которых идеи, понятные большинству, чересчур просты. Первых можно не принимать в расчет, вторые не способны увлечь за собой массы. Идея очистки отжила свое, на смену ей должна прийти идея контролируемого сотрудничества. Вот тут-то ты мне и был нужен — не чистенький, но и не в дерьме, способный, в нужную меру управляемый... А ты и напортачил. Дуролом ты, доцент, не к такому я тебя готовил...

Я все напрягал и расслаблял руки, напрягал и опять расслаблял. Руки были деревянные, но слушались. Ноги начало понемногу покалывать. Тело оживало, но слишком медленно. Недопустимо медленно.

— Дарья — это тоже ты?.. — перебил я.

— На что тебе та телка? — Сашка пожал плечами. — Уж девочек-то тебе бы хватило...

Я осторожно попробовал напрячь мышцы спины. Затем ноги.

— А покушения на меня?

— Ты, кажется, пока жив. — Сашка усмехнулся. — Если бы хотели убить — убили бы, можешь не сомневаться.

Это было верно. Безусловно, Сашка говорил чистую правду. Значит, Цыбин, Андреев и Ржавченко не подошли ему по каким-то своим параметрам... Значит, Самойло подошел... Остальные были устранены либо потому, что о чем-то догадывались или могли догадаться, либо затем лишь, чтобы Сашка мог судить о правильности выбора, отслеживая мою реакцию...

Я еще раз напряг ноги, сначала одну, потом другую. Мне показалось, что левая шевельнулась. Нет... Не смогу. Не успею...

Бойль вдруг издал странный горловой звук и выпрямился. Старик был совершенно спокоен. Впервые я видел его таким уверенным в себе — и где! Он по очереди обвел взглядом каждого из нас, и Вацек много позднее уверял, что Бойль взглянул на него с видом высокомерного превосходства, мне же показалось, что я поймал выражение участливого сожаления.

А потом он исчез. В то же мгновение ударило в уши, и грохот был такой, будто Бойль взорвался, но я понял, и понял

Сашка, что это схлопнулся воздух, устремившийся в то место, где только что был человек, а теперь не стало ничего.

Всколыхнулась пыль. В проекционном аппарате мерзко задребезжала какая-то деталь. Покачались и замерли несуразно торчащие петли проволоки на табурете. И все кончилось. Святослава Меррилла Бойля с нами больше не было.

На минуту воцарилась пауза. Вацек, ковыряя в заложенном ухе, ошалело тряс головой. Порученец, сунувший в дверь озабоченный нос, утянул его обратно. Сашка сосредоточенно покусал губы:

— Жаль... Надо же, не врал дед... Обидно, но всего ведь не предусмотришь, не так ли? Очень жаль, он бы мне еще пригодился... Ну... — он опять начал ходить, заложив руки за спину, — а на твое сотрудничество я могу рассчитывать? Кстати, если ты еще не сообразил: ты теперь формальная городская власть как единственный оставшийся штабной функционер... Сам понимаешь, доцент, меня может интересовать только сотрудничество добровольное. Что скажешь?

Я его ненавидел.

— Да.

— Врешь... — Сашка коротко всхохотнул. — Я же тебя знаю как облупленного. Лучше, чем ты себя знаешь. Твое «да» дешево стоит. Предположим, тебе удастся меня убрать... предположим, хотя я, конечно, этого не допущу... А что дальше? Дальше-то что? — Он широко обвел рукой вокруг себя и вдруг заорал: — Дубина, ты же не будешь знать, что делать со всем этим!.. Куда тебе сейчас, когда тебя же самого грохнут с удовольствием после первой же ошибки! Идиот!..

Фарс, подумал я, морщась. Вопрос о добровольном сотрудничестве был излишним. Я знал, что меня ждет. В наше время агентов, своих или чужих, убивают нечасто, даже агенты-непрофессионалы слишком ценны для того, чтобы их уничтожать. Агентов используют вторично, как макулатуру. Превращать людей в послушных болванчиков с помощью сравнительно легко синтезируемых психоделиков умели еще в середине прошлого столетия, но подобные приемы работы — примитив и каменный век. Болванчик может быть полезен, но никак не сравнится ценностью с агентом, сотрудничающим сознательно, преданным делу и абсолютно, без тени сомне-

ния, убежденным в правоте и благородстве своих целей. Какими бы они ни были, он будет *знать,* что это *его* цели, а о том, что где-то у кого-то имеется миниатюрный рулер-блочок, притом используемый сравнительно редко, агенту знать не обязательно.

Тысячи рукотворных созданий размером с лейкоцит, обманывая иммунную систему, проникнут по сонной артерии в мозг, дойдут до коры. После несложной процедуры активации они включатся в связи между нейронами. Человек останется человеком — он сохранит все свои профессиональные качества, почти всю свою память, свой юмор, если у него он есть. Он сохранит свой ум — вот только выводы этого ума слегка изменят свое направление. И пока не начнут отказывать чипы, человек будет жить, принося пользу, — долго, несколько лет...

Обыкновенная инъекция. Укол. Меня не потребуется даже изолировать: я никуда не денусь и никто мне не поверит. Медленное текучее время между уколом и командой на активацию — хотя бы одни сутки. Если у Сашки есть в запасе сутки, он так и сделает, подумал я.

Если нет — убьет.

Я не успел додумать, а Сашка, открывший было рот, чтобы сказать мне еще что-то, не успел связать и двух слов. За дверью резко, с оттяжкой, как щелчок хлыста, ударил выстрел. В ту же секунду послышался хриплый короткий вскрик и что-то мягко хрустнуло, будто над ухом раздавили сырое яйцо. Дверь сорвалась с петель.

Эта сцена и сейчас еще помнится мне в мельчайших подробностях: низенькая комната, залитая тусклым желтым светом, Вацек, метнувшийся навстречу оглушительному грохоту упавшей двери, катящийся по полу автомат с оборванным ремнем, вихрь промозглого воздуха, отпрянувший Сашка, рвущий из-под мышки пистолет, разъяренный медвежий рык ринувшегося в комнату дяди Коли и двое Сашкиных порученцев за его спиной — один лежащий неподвижно, другой еще падающий с раздробленным теменем и странным выражением удовлетворения на лице, будто он и вправду сумел остановить выстрелом эксперта по самообороне...

Ломая топчан, ломая табурет, ломая проекционный аппарат, ломая все, с чем входил в соприкосновение, растопырив

руки и ноги, из одного угла комнаты в другой спиной вперед пролетел Вацек.

Сашка выстрелил. Я хорошо его видел. Сашка был страшен: такого исступленного выражения безграничного бешенства не могло быть в глазах существа человеческой природы — на бешенство такой силы человек просто не способен. Какой бы спектакль здесь ни затевался, актеры начали играть не по ролям, и режиссер не уследил за своим лицом.

У него были глаза адаптанта. Самые обыкновенные.

Одна, и две, и три пули пробили тело дяди Коли, прежде чем пистолет выпал из сломанной руки. Сашка влепился в стену, как лягушка. На целую секунду все замерло. Дядя Коля сделал к упавшему три грузных шага, и каждый давался ему тяжелее предыдущего. Потом он остановился. Потом — упал навзничь, стукнувшись затылком о цементный пол.

К горлу опять подкатила тошнота. Я пытался и пытался встать, пока мне это не удалось. Придерживаясь за стену, я двинулся вдоль нее маленькими шажками. Дядя Коля был мертв — Сашка стрелял «иглами». А Сашка был еще жив. Теперь он полусидел, привалившись лопатками к стене. Глаза у него были осмысленные, человеческие. Он не сделал попытки подняться — вероятно, удар о стену переломил ему позвоночник.

Я едва не упал, нагибаясь за автоматом, но устоял на ногах и мало-помалу выпрямился. Я осмотрел автомат. Предохранитель был в положении для стрельбы одиночными.

— Лучше очередью, — сказал Сашка.

Я послушно сдвинул предохранитель. Пальцы Сашки слабо дернулись — может быть, он хотел заслониться рукой. Я вдруг заметил, что целюсь ему прямо в лицо.

— Сырье, — с усилием проговорил Сашка. Он не отрываясь смотрел мне в глаза. — Сырье... Еще работать и работать... — Упираясь скрюченными пальцами в пол, он попытался приподняться. — Как мало...

Он умолк и перестал на меня смотреть.

Последняя гильза еще со звоном скакала по полу, а я уже услышал людей. Кто-то неразборчиво кричал, кто-то тяжело дышал на бегу, и грохотали ботинки на лестничных маршах. Дверь в коридоре ахнула и сердитым скрипом пожаловалась на то, что с нею плохо обращаются.

Люди, и некуда от них деться. Люди всегда были вокруг меня, нужны они мне были или нет. Случалось, они приходили мне на помощь. Теперь они пришли за мной. Их было много.

Я протянул им пустой автомат.

Никто его не взял. Качались лица. Я видел их как в тумане: вот Гарька Айвакян, застывший с раскрытым ртом, вот Вацек, облапивший стену в безуспешной попытке подняться на ноги, вот командир второй штурмовой группы, изумленно переводящий взгляд с того, что прежде было Сашкой, на меня и обратно, а вон тот позади всех тянет шею, он еще ничего не понял... Задние перешептывались, не глядя друг на друга, и мне казалось, что они обмениваются одними междометиями. Стоящие впереди хранили почтительное молчание.

Я все протягивал и протягивал им свой дурацкий автомат. Я был согласен на все. Я не стал бы сопротивляться, если бы кто-нибудь из них навел на меня ровный черный кружок и, цедя ругательство, согнул на спусковом крючке указательный палец.

Никто из них этого не сделал. Я вдруг начал понимать, и мне стало страшно. Они не застрелили меня в первый момент. Теперь они уже не смогли бы застрелить меня, если бы и захотели. Я был им нужен. Я занял место, принадлежавшее прежде кому-то, а теперь — мне. И измученные люди, вооруженные автоматами, смотрели на меня так, будто ждали от меня команды. Да так оно и было.

Они ждали моей команды и были готовы ее выполнить.

А я все шел к ним, как сослепу, на негнущихся деревянных ногах, протягивал им, расступающимся передо мною, автомат и без конца повторял одно и то же:

— Да что вы, ребята... Да что вы...

IV. ЭПИЛОГ

Вот, собственно, и все. Эта пыльная ветхая рукопись и сейчас еще лежит в нижнем ящике моего личного сейфа, запертая на код и плотно задвинутая другими пыльными бумагами. Надеюсь, что о ней никто не знает. Я писал ее урывками много лет назад, отдыхая за этим занятием от ежедневного каторжного труда, — в те годы меня еще устраивал отдых такого рода, а может быть, просто хотелось высказаться перед безответным слушателем, и теперь я уже не помню зачем. Значительно позднее до меня начало понемногу доходить, что моя рукопись может представлять некий исторический интерес — возможно, именно вследствие пыли и ветхости. И как всякий порядочный исторический манускрипт, рукопись моя однобока. Теперь мне странно, почему я в то время так увлекся кусками, выхваченными из памяти, которая просеяла и отбросила многое, в том числе и ценное, а оставила вот это: Дарья, Сашка, Бойль... Почему именно это, хотя было и многое другое? Но эти куски не тускнеют в памяти, наоборот, становятся ярче, несмотря на то что мне уже трудно вспомнить хронологию событий, и иногда я, не тревожа дежурную секретаршу, лезу в рукопись как в справочник — смешно, правда? Наверное, это старческое. Мне семьдесят три, и мозг мой затвердел. Если мне раскроить череп, он вывалится оттуда куском.

Видимо, оттого, что я стар и к моему брюху прижата грелка, мои мысли гладки и легковесны. Сегодня опять идет снег. Я смотрю в окно на белые холмы Тиманского кряжа и по-детски радуюсь, что они заслоняют от меня языки ледника, незаметно ползущие по девонским отложениям в речных долинах. Завтра холмы снова почернеют, обработанные энерго-

излучателями, и со склонов опять побегут ручьи, направляемые в специальные котлованы. Я не вникаю в то, какое количество этой воды будет использовано, а какое придется откачать подальше на ледник, — это дело специалистов. Когда-нибудь ледник превзойдет своей толщиной высоту холмов и нависнет над Убежищем — вот тогда-то и начнется настоящая борьба, если только наша энергостанция, единственная термоядерная в бывшем первом защитном поясе, еще будет действовать. Не исключено, что она износится задолго до того времени, но люди так устроены, что наверняка что-нибудь придумают, взять нас голыми руками не так-то просто. Предельные возможности человека не безграничны, но и не достигнуты — доказать это я не могу, я просто знаю это на основании своего опыта. И это, и многое другое.

Например, на основании своего опыта я совершенно точно знаю, что через десять минут ко мне войдет дежурная секретарша со свежей грелкой — заберет остывшую, а горячую приладит к тому месту, где, как она считает, находится моя печень или что от нее осталось. Прежде чем войти в кабинет, она постучит, и если я почему-либо не отзовусь, ворвется ураганом, на ходу распахивая чемоданчик со шприцами и, разумеется, успев по пути въехать пальцем в кнопку вызова медицинской бригады. Но я, понятно, отзовусь сразу же и во время смены грелки буду фривольно шутить, как и полагается в моем положении, и даже, если будет не лень, попробую ущипнуть секретаршу за попку, от чего та, конечно, не откажется и охотно взвизгнет, чтобы доставить мне удовольствие, — а без визга какой смысл? Все три мои нынешние секретарши молоды, послушны, соблазнительны и в меру неумны, так и должно быть. Что бы там ни болтали втихомолку, меня они не интересуют. Я давно уже не представляю демографической опасности. Болтают — и пусть. Разрешается.

Кроме грелки, секретарша принесет стопку бумаг, и я опять займусь тем, чем занимаюсь вот уже сорок лет. Нужно смонтировать дополнительный излучатель для гидропонных теплиц — я сам проверю расчеты, потому что мне не нравится, сколько энергии уходит на эти теплицы, и, по-моему, половина ее уходит зря. Нужно законсервировать старый полиметаллический рудник в ста километрах от Убежища — я распоря-

жусь и об этом. Нужно дать личное указание открыть новую техническую школу — я дам такое указание. Нужно подготовить и послать третью экспедицию на Юг и убедить кое-кого в том, что это необходимо, после того как первая экспедиция пропала без вести, а вторая позорно вернулась, не пройдя по льдам и тысячи километров. Нужно, пока держится лето, поставить на ремонт пятую и седьмую турбины энергостанции. Нужно, наконец, разделаться с идиотами, которые заперлись в котельной и объявили суверенитет. Нужно... Нужно... Поощрить. Наказать. Дать. Лишить. Подавить нытье и безразличие, заставить пять тысяч человек работать единым организмом. И каждый день, меняя грелки, делать то, что обязан делать президент — первый в истории президент Человечества.

Я знаю, что будет, когда я умру. Через месяц из притащенной с холма глыбы мне вырубят непохожий памятник как Спасителю и создателю Убежища, через год этого истукана с гиканьем завалят и расколошматят на сто кусков как памятник диктатору — как будто одно не влечет за собой другое, а еще лет через тридцать памятник, может быть, склеют и водрузят вновь, чтобы через какое-то время расколотить опять. Пожалуйста. Не возражаю. Жаль, что я этого уже не увижу. Люди в массе очень смешны, но они единственное, что у меня есть.

Я возвращаюсь в мыслях к своей рукописи. Может быть, потихоньку продолжить ее — уже специально как исторический документ? Понемножку. Лет на десять меня еще хватит. Не исключено, что потомкам будет полезно узнать, как мы еще почти год продолжали фактически уже безнадежно проигранную борьбу, пока у кого-то из ныне покойных (теперь я уже не помню, у кого) не возникла мысль об Убежище, и какие методы борьбы мы применяли, и какие методы применял противник. Он всегда был на шаг впереди, всегда. Между прочим, высказанная однажды в мерзлом подвале гипотеза о влиянии странного биополя адаптантов на электронную аппаратуру полностью подтвердилась, как подтвердилось и то, что мы знали об адаптантах непозволительно мало. Если верить паническим воплям последних телепередач, пойманных нами много лет назад, среди них появились особи, умеющие убивать взглядом...

Не знаю, не знаю.

Еще хорошо бы написать о том, как мы создавали Убежище, о самых первых годах, и как мы работали — как звери ведь работали, вспомнить страшно, — и замерзали поначалу, и боролись с разразившимися как-то вдруг эпидемиями, и грызлись друг с другом, и спасали книги и микрофильмы, и голодали от перенаселения, но принимали и принимали новых беглецов, пока нас не стало несколько сотен; мы приняли бы и больше, но наплыв с каждым годом все падал и падал, а потом беглецы перестали прибывать совсем. Да что там, героическое было время. Беда только в том, что о нем нужно либо писать честно, либо не писать вовсе. И лучше, конечно, не писать: нынешняя молодая поросль не так устроена, чтобы спокойно воспринять правду. Не исключено, впрочем, что по окончательном впадении в покаянный маразм я сознаюсь в своем авторстве действующего и поныне закона о немедленном уничтожении всех подозрительных младенцев и безусловной стерилизации дубоцефалов, а может быть, если маразм окажется крепок, и в инициативе изгнания в снежную пустыню наиболее шумных крикунов из той, самой первой и по сравнению с последующими вполне безопасной оппозиции. Но сознаюсь лишь на бумаге. До моей смерти этих записок не увидит никто, а покойнику прощается многое, и кроме того, как я лично подозреваю, покойнику абсолютно все равно, простится ему или не простится.

Никого из друзей и недругов моей молодости уже нет в живых — я уйду последним. Пять лет назад при попытке переворота по нелепой случайности погиб Вацек Юшкевич. На протяжении тридцати пяти лет он был бессменным руководителем Отдела безопасности, и на него в отличие от этих, сегодняшних, я всегда мог без оглядки положиться. Мне его не хватает. После него осталась тетрадь со стихами — он-то знал о моей рукописи, зато я никогда бы раньше не подумал, что Вацек пишет стихи. Первое стихотворение начиналось так:

Лучезарный закат, полный красных чернил,
Ты зачем мне в окно нежный луч уронил?..

И далее подробно объяснялось зачем. Я распорядился издать эти стихи тиражом в двести экземпляров и включить их в

школьную программу. Вацек вполне заслужил такое внимание к его памяти.

Гарька Айвакян дезертировал через месяц после описанных событий. Следы его затерялись.

Алла Хамзеевна умерла спокойно, от неожиданной старости, когда ей было уже за восемьдесят. Несмотря на откровенно подхалимажный стиль ее общения со мною, о лучшем буфере я и мечтать не мог. До последних своих дней она работала у меня секретарем-референтом и, как специалист по словесности, достигла большого мастерства в редактировании проектов приказов.

Покойный Глеб Ипатьевич Вустрый некоторое время состоял при мне в своей прежней должности и оказал заметные услуги при возобновлении Государственной евгенической. Он оказался прекрасным подручным средством: не помню, чтобы у меня хоть раз были основания для недовольства качеством его работы. Кстати, он действительно оказался неплохим производителем: все шестеро его детей получились вполне удачными и здравствуют и поныне. Жаль, что таких людей у меня под рукой всегда было немного... Может быть, зря мы отказывали в убежище профессиональным политикам?

О судьбе Мишки Морозова мне ничего не известно.

Теперь уже можно с уверенностью сказать, что мы выстояли. Вероятно, мы одни. Первые несколько лет нам еще удавалось иногда принимать отрывочные телепередачи, настолько панические и противоречивые, что нашим аналитикам и посейчас не удается сложить из деталей полную картину катастрофы. Любопытно, что дольше других сопротивлялись самые северные и самые южные государства — экваториальные погибли первыми, не выдержав внутренних конфликтов, усугубленных чудовищным наплывом беженцев. Судя по всему, объединить человечество в единое целое не удалось никому даже под угрозой всеобщей гибели. Мы не были монолитом — когда на нас надавили, мы раскололись по трещинам. Бойль оказался прав: закат земной цивилизации произошел быстро, но не сразу, и без лишних катаклизмов. Лишь однажды, когда нам уже казалось, что с человечеством покончено, наши приборы уловили слабое эхо наземного ядерного взрыва далеко на юге, и аналитики не сошлись во мнениях, что это было:

последние отчаянные отголоски войны (кого? с кем? где?) или язык ледника походя снес брошенную людьми ядерную энергостанцию.

Лет десять назад мы впервые вышли в эфир, рискнув отменить закон о телемолчании. Наша телестанция вызывала уцелевших на связь каждый день, трижды в сутки, и теперь еще продолжает вызывать. Но эфир пуст, и очень похоже на то, что Убежище — единственный островок ныне действующего человечества. Наше общество трудно заподозрить в процветании, но кое-какие надежды на будущее у нас уже есть. С прошлого года мы были вынуждены ограничить рождаемость.

Теперь многие думают, что нам остается только выждать, пока не случится, с их точки зрения, очевидное: пока социально недееспособные адаптанты, разрушив кормившую их цивилизацию, естественно и повсеместно не вымрут от голода, после чего людям останется лишь вновь населить опустевшую Землю, причем начало сего благостного процесса может состояться уже в нынешнем поколении, а кульминация — по отступлении ледника. Многие верят, что так оно и будет. Это полезная вера. Не следует без острой необходимости ее разрушать: один из важнейших пунктов неписаной азбуки управления гласит, что законное место веры во что-то светлое и достижимое (во что — не суть важно) мгновенно и неизбежно занимает очередное разрушительное непотребство.

Что до меня, то я настроен скорее скептически. Если предположить, что в среде адаптантов хотя бы изредка могут появляться такие индивиды, как Сашка Столповский, то наше дело плохо. Может быть, адаптанты сумеют выжить без нас и спустя десять тысяч лет создадут свою цивилизацию, которая будет удачливее нашей? Может быть.

Может быть, все это старческий бзик.

Хочется на это надеяться.

Чуть не забыл — у меня есть преемник. Нет, не из тех, кто лезет из кожи вон, чтобы мне понравиться. Несколько лет назад, взвесив свой опыт, я поручил Вацеку найти подходящего человека и взять его к себе. Хороший парень, перспективный. Молодой, из родившихся в Убежище, умный, не отягощенный. Прирожденный руководитель, и руководителем станет, только сам он об этом пока не догадывается. Вчера я ус-

троил ему первое липовое покушение, и теперь он оглядывается, гадая, кто это задался целью сократить ему срок отбытия на этой планете.

Пусть привыкает...

Как ни жаль, а мою рукопись все-таки придется уничтожить. Страшно подумать, какое брожение в умах может вызвать Бойль и его бормотание в смертном ужасе о параллельном человечестве, а в особенности подтверждающий его слова способ ухода, которым прервалась, а вернее, была кем-то прервана его рекогносцировка Земли и землян. Существование двух человечеств, расселенных в неолите по разным планетам (пространствам? временам?), неизбежно подталкивает к мысли о существовании неких Экспериментаторов (опять: где? почему? зачем?), не говоря уже о целях и методах их экспериментов. Иногда, когда хочется опустить руки, в мой корродирующий мозг забирается мысль: а может быть, и глобальная мутация — их рук (щупалец? псевдоподий?) дело? Или нет?

Какое из двух человечеств — контрольная группа?

Я гоню от себя эти мысли. В самом деле, ни для того, чтобы выжить и развиваться, ни для того, чтобы погибнуть, нам не требуется постороннего вмешательства. В нас слишком много потенций и для того, и для другого. Случайно — может быть, случайно, я до конца не уверен — мы открыли для себя одну из этих потенций. Мы не знаем, каковы остальные и сколько их еще откроется в истории человечества, если история человечества будет продолжена. Пока же она единственна и неизбежна, как траектория самолета, садящегося на пустынный аэродром без капли горючего — двигатели уже молчат, пилот вцепился в штурвал, и только долгий свист ветра в опущенных закрылках, только короткий визг резины о бетонную полосу...

Глиссада.

Касание.

Пробежка.

Ангар.

Самолет, на котором летело человечество, совершил мягкую посадку. Это был очень странный самолет, и его пассажиры подозревали, что с ним может случиться всякое. Так, например, в полете от него может оторваться одно пассажирское кресло.

Оно все еще летит, это кресло.

Без крыльев.

Теперь я уже знаю, что успею умереть задолго до его приземления.

Это утешает.

И еще я знаю другое: мы под взглядом, но шефство над нами никто брать не собирается. Думаю, Бойлю и его соотечественникам еще долго не захочется познакомиться с нами поближе. Боюсь, что свои проблемы, крупные и мелкие, нам и дальше придется решать самим. Хотя почему боюсь? Это нормально. Вот только очень холодно.

Иногда я чувствую злорадство, когда думаю, что то, иное человечество, возможно, пытается справиться с теми же проблемами, что и мы, — иначе зачем было Бойлю столь внимательно изучать нашу мягкую посадку? Мы одного корня, и этим многое сказано. Я все-таки человек, как любил говорить Бойль, и ничто человеческое мне не чуждо. Злорадство — это человеческое. Пусть.

И с каждым годом эта гипотеза нравится мне все больше и больше.

1992—1994 гг.

Год Лемминга

Современная утопия

Глава 1
НЕНОРМАЛЬНЫЙ

...Фундаментальное условие жизни —
насиловать собственную сущность.

Филип К. Дик

Все-таки интересно, что чувствует охотник, видя, как волк — и совсем не матерый — перепрыгивает через флажки?

...Кувырок. Ногой успеваю толкнуть дверь. Плотнее зажмуриться, закрыть глаза руками, заткнуть уши, а рот, напротив, разъявить до боли, до хруста связок...

Вспышка! Фиолетовый кинжал бьет из щели под дверью — сквозь ладони, сквозь веки. Ошеломляющий удар пробует на разрыв мои барабанные перепонки. Чудовищно. Гул в голове, цветные медузы в глазах... Не слышу, но чувствую, как на этаже осыпаются чудом уцелевшие оконные стекла. Полсекунды — прийти в себя. Интересно, водились ли тараканы в этом доме? Мир их праху.

Еще минута — самое большее — такой обработки, и до меня доберутся, в какой бы отменной форме я ни находился. Должны добраться. Люди делают свою работу как положено — упорно и размеренно. Спешить им в общем-то некуда. Если меня не возьмут здесь, то, совершенно очевидно, выдавят с четвертого этажа на пятый, далее на шестой, а над седьмым только чердак и плоская крыша — сохранилось же близ центра Москвы этакое маломерное панельное чудо! Похоже, меня специально загнали сюда: здание и прежде не было жилым, а теперь и вовсе назначено к сносу; в выстуженных объемах не соблазнится заночевать самый неприхотливый бомж. Удобно!

А любопытно, как долго меня пасли, прежде чем попытаться взять?

Наверное, не больше нескольких часов — с той самой минуты, когда я почуял неладное.

Они знают, что выхода у меня нет, и вряд ли догадываются о том, что я этого не знаю, да и знать не хочу. Но осторожничают: до группы захвата никак не может дойти, как это непрофессионал, не имеющий спецподготовки, уже ушел от них один раз и намеревается уйти вторично...

Так и вижу, как из-за угла длинного коридора на мгновение показывается голова в шлеме. Второй шоковой гранаты не будет, и у меня есть несколько секунд. Торопясь, обматываю руку до плеча перистальтической обоймой на липучке. Триста патронов, пали — не хочу. Длинноствольный «шквал» с глушителем удобно ложится в руку, фиксаторы хватают запястье, обеспечивая точность боя. Типично бандитское оружие, заряженное до упора. В прошлый раз мне удалось оторваться без стрельбы...

Немного прошляпил, ничего не поделаешь. Если бы они не осторожничали, а сразу навалились дурным нахрапом, удача могла бы повернуться к ним лицом.

Мягкие кошачьи прыжки... Бросок!

Их двое. Вывалившись в коридор, бью длинной очередью по ногам, перекатываюсь к противоположной стене. Пуля щербит плитчатый пол там, где я только что был: у одного коммандос сдали-таки нервы. Второй лежит недвижно — видно, в болевом шоке, а этот, задетый в мякоть, вопит на все здание. На четвертом этаже становится неуютно, пора уходить выше.

Легкая слабость — на мгновение меня цепляет скользящий наугад растр мозгокрута в режиме подавления, но моя защита в порядке, и теперь я точно знаю расстановку сил. Пробиться вниз все еще нереально, и на лестничный пролет тоже не сунусь, напрасно там ждут меня с нетерпением. Э нет, свой мозгокрут как оружие я не применю, и не надейтесь: без наглядных уроков знаю, что нацбез не наступает дважды на одни и те же грабли. Пусть плоская коробочка в нагрудном кармане поработает в скромном режиме защиты, никаких специальных чудес мне от нее не надо.

Этим парням-скорохватам можно даже посочувствовать. Как только им удастся загнать меня в безвыходную ситуацию, я перестану стрелять только по ногам, и они об этом догадываются. На десяти шагах игольчатые пули «шквала» издырявят штатный кевларовый жилет, как кисейную тряпку.

Рывок по коридору и налево. Выбита дверь — и, не удержав равновесия, кубарем лечу на пол. Комната без окон, проходная, следующая дверь не заперта. Впереди явственно ощущается опасность, но иного пути нет. Хлесткий одиночный выстрел почти точно совпадает с моим броском — опережаю их на долю секунды! Мимо... Бьют по ногам, только по ногам, и правильно делают: не позавидую я тому, кто меня укокошит. Я им нужен живым и по возможности разговорчивым...

Куда это я попал? Похоже на бывший кабинет какого-то начальника средней руки: паркет со следами ковра, ореховые стены. Пускаю короткую очередь в знак того, что не задет и готов огрызаться. Наружная пожарная лестница тут как тут, за окном, я не мог ошибиться комнатой... Гнилая, еле держится... Сыплется ржавая труха. В торчащих из рамы осколках стекла отражается ясное весеннее солнышко. Не смотрю ни вниз, ни по сторонам: зеваки, если таковые уже собрались, меня не интересуют, а наружный снайпер, если таковой имеется, не рискнет выстрелить из опасения, что я сорвусь. Пока что наши интересы совпадают, а вот в оконный пролет на пятом этаже мне придется проскользнуть молниеносно...

Остается только гадать, как меня засекли в первый раз и почему они не поверили, что я мертв. Должны были поверить. Хотя что я могу доподлинно знать о способностях нацбеза по части сыска? Кое-что знаю, но не все же... Где прокололся — неведомо. Сейчас виноват сам: повел себя как типичный преступник-дилетант, коего всенепременно тянет вернуться на место преступления, где его зачастую и берут тепленьким. А я даже до столицы не успел доехать, хотя, сказать честно, собирался взглянуть на Контору. Что за ностальгия дурацкая хватает нас по-бульдожьи в самый неподходящий момент, и поди ее сбрось, ни в какую не желает она отпускать человека... Говорят, один больной костной саркомой, переживший операцию полной замены скелета, пытался потом выкупить свой подлинный костяк за безум-

ные деньги, дабы с шиком выставить его в гостиной. («Здравствуйте, меня зовут Вова. А это мой скелет».) Увы, хирургам было недосуг возиться с ненужными костями — из гистологии их отправили прямиком на помойку, а несчастный, узнав об этом, от горя повредился в уме...

Наверняка это анекдот. Если мне не изменяет память, подобных операций, окончившихся успешно, было проведено всего три, и психика пациентов в порядке.

Бегом к лестничным маршам — и вверх, вверх!.. Успел. Теперь они меня потеряли и будут действовать по проверенной схеме: сначала плотно обложат и прочешут пятый этаж (три минуты), затем шестой (столько же), а у меня, простите, дела на седьмом и выше. Если я правильно понял, скорохватов в здании не больше десятка, исключая тех двоих, которых я ранил. Чтобы отжимать меня наверх, хватит с запасом и пяти-шести, а остальные, видимо, блокируют выходы и лифтовые шахты на цокольном этаже. Если я и теперь уйду от них, они, пожалуй, поверят в особо ко мне расположенного дьявола с рогами и хвостом.

Чердак. Нет, не левая шахта — правая... С левой что-то неладное: то ли заперт люк, то ли кабина торчит пробкой выше третьего этажа. Некогда проверять. Две минуты на борьбу с крышкой люка — ох много... Кабина лифта на первом этаже! Ну то-то! Нет времени обматывать ладони, да и нечем. Спускаться по тросу страшно, и надо довериться тому непостижимому во мне, что убеждает: не сорвусь. Полторы минуты на спуск. Трос скользкий от смазки и весь в занозах... Не шуметь, не сопеть! Дышать через раз. Минута на то, чтобы закрепиться и отжать створки. Если кабина сейчас тронется вверх, я рискую оказаться размазанным о стенку шахты.

Ф-фу! Наверху тишина — *эти* умеют быть неслышными. Они не знают, где я, зато я знаю, где они. Продолжают обшаривать верхние этажи, как будто теперь в этом есть какой-то смысл.

Не разобрал, что помещалось выше, а здесь, на третьем, точно была типография. Бумажная пыль въелась на века, стены ею дышат, хотя никакой бумаги давно нет. Полуразвалившийся, образца прошлого века пресс для обрезков. Вот и прорезанный в стене квадратный зев той коробчатой кишки, что я заметил еще снаружи. Ох грому будет... Когда-то

отсюда вниз, в подставленные кузова сыпались прессованные бумажные брикеты, гулко кувыркались пачки неходовых книг — наверное, впервые жестяная кишка будет облагорожена человеческим присутствием.

Или осквернена?..

Как ни странно, внизу с этой стороны никого. Как это они умудрились так опростоволоситься — неясно. И некогда думать. Хотя микрорайон, без сомнения, оцеплен... Спасение не в том, чтобы шевелить мозгами, а в том, чтобы, точно следуя подсказке, не делать того, чего делать не надо. Мое соприкосновение с асфальтом будет ненамного более мягким, чем если бы я попросту сиганул из окна, надо попытаться притормозить... Пора! Вконец кровавя пальцы, отдираю приржавевшую крышку — гул на все здание! — ногами вперед протискиваюсь в короб и с ужасающим грохотом начинаю скользить...

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ИНСПЕКТОР —
НАБЛЮДАТЕЛЬНОМУ СОВЕТУ
(выдержка)

За отчетный период в рамках разработки «Штрек» мною и моими сотрудниками обнаружено более 500 объектов возрастом от 4 до 8 лет, могущих представлять интерес для Школы. Краткое описание материала направлено в Базу данных «Сырье». Подробные характеристики каждого объекта будут направлены вам в ближайшее время. Первичная отбраковка закончена. Часть материала, подходящая по возрасту, помещена в подготовительный интернат...

19.06.2007 г.

1

Сшшш... тц!.. шшшу...

Послушайте. Нет, я не настаиваю, не хотите — не надо, дело ваше, но тогда мне вас попросту жаль, ибо нет в мире ничего прекраснее этого звука. Вы не согласны? И опять нет, я вовсе не собираюсь вас уговаривать, только этого мне не хватало, я никогда никого не уговариваю, это вообще вредная

привычка. Не нравится — сидите дома и будьте здоровы, вот и весь разговор.

Тц!.. сшшшу...

Будто длинный нож точат или, еще лучше, шашку. Вдумчиво точат, старательно, без суеты. Гурда ведь, а не «селедка», — голубая, в мелком рисунке, упругая полоса стали. Будто бы не ледяные кристаллы царапают сейчас мои лыжи, а скользит и скользит в кашице отработанного наждака хищное узкое лезвие: сшшшу... сшшшу...

Чудеса какие-то! Может, найдется памятливый и укажет, когда еще выпадал такой день, а я не берусь. Оказывается, и в наших широтах осень на последнем издыхании способна на скромные волшебства местного масштаба: кусачий морозец, щиплющий необвыкшее еще лицо, воздух сух и плотен, прозрачности неописуемой, а солнце работает так, будто висит над лесом последний день, но уж зато светит от души, а завтра — все, человеки, финиш, ставьте точку. И снег, братцы, снег — алмазный, крупчатый! Четыре дня валил обильно и нудно. Тут бы ему и раскиснуть мерзкой ноябрьской жижей, он и правда подтаял вчера немного и осел, а сегодня по морозцу схватился так, что любо-дорого: наст держит, скольжение упоительное и лыжни не надо. Коньковый ход. И легкость, легкость движения ни с чем не сравнимая, палки с коротким сочным звуком — тц! — вгрызаются в наст — толчок! — и только лыжи: сшшш... шшшу...

Интересно бы на досуге узнать, почему это перемещение по мерзлой поверхности на коньках обыкновенно именуется бегом, а на лыжах — ходьбой? Вот он — бег! Вот как надо. Кто хочет, тот пусть ходит, а я побегаю. Вон там, за овражком, — там ходят, трасса накатанная с утра и уже разбитая; там укрепляют здоровье угрюмые животастые слоны, больше всего озабоченные тем, как бы устоять в лыжне, и сильно не любящие ее уступать; там мамаши и папаши в вязаных шлемах, долженствующих обозначить приверженность их обладателей к лыжному спорту, дрессируют самопадающую малышню, поминутно выдирая оную из объятий сугробов, а особо ленивые уродуют трассу санками-шнекоходами, будто рядом с лыжней им места мало; вот там-то, не будь прочного наста, пришлось бы пастись и мне, лавируя и проклиная свою участь. Не хочу. Стоит мне только

подумать об этом, как сразу начинает ломить затылок, услужливый мой. Спасибо, конечно, но зачем меня предупреждать, когда я и сам знаю, чего мне хочется. Здесь я лавирую лишь между деревьями, и они нисколько не против.

Хлоп! Еловой лапой по лицу. Не больно. Пока, елка!

Нет, один день счастья я заслужил. Сегодня я оголтелый собственник, и нынешний день — мой. Не отдам. Природа понимает, вошла в положение. После душного, банного лета, добавившего мне седых волос, после начала осени, самого жаркого за всю историю наблюдений, — такой ноябрь! Морозный подарок. Когда у нормальных людей работа в разгаре, один ненормальный имеет право посвятить выходной день расслаблению души, и Кардинал того же мнения. Если мне очень повезет, в этом сезоне я еще раз выберусь на лыжах, и сюда же.

Сшшшу... тц! Хорошо-о!..

Охраны не видно. Если я правильно рассчитал свой финт, она должна была потерять меня еще час назад. Воображаю, что сейчас творится в Конторе. Не забыть бы заступиться за ротозеев...

Сшшшш...

Зарайск — значит «за раем», а где он, этот рай? Похоже, что здесь.

Радость в портки не влазит, как скажет непочтительный Виталька, и пусть говорит. Ему можно. Хотя, разумеется, от меня он услышит иное. Кто в его годы ни разу не схамил отцу, тот либо тихоня и зануда, от рождения пришибленный смирными генами, либо, что хуже, может со временем вырасти в умную сволочь, уже сейчас прекрасно разбираясь в том, кого можно тронуть безнаказанно, а кто способен доставить неприятности — не теперь, так в будущем. Иногда из них получаются политики, и неплохие — иные способны даже приносить пользу, если не спускать с них глаз.

Пустые мысли, как у счастливого бабуина, вырвавшегося вон из обрыдлого вольера. Краснозадого, дразнящего с крыши снаряженную для отлова команду. Но мой восторг — щенячий, приматы так не умеют. Легковесны мои мыслишки, как мыльные пузыри, и того же класса долговечности. Совершенно не помню, о чем думал минуту назад. О Кардинале, что ли? О

нем стоит подумать, что-то он последнее время слишком уж приглядывается ко мне, это неспроста... Нет, не о Кардинале. Не помню, и не важно...

А ведь если честно, то ты, дружок, сегодня просто сбежал, имей совесть признаться. Да и как тебе было не сбежать: знаешь ведь заранее, что сегодня обойдется без ЧП и всеобщей круговерти, так что пусть-ка Гузь покряхтит за тебя, с рутиной он справится, а нет — так гнать его в три шеи. Только уж заодно и тебя самого, дружок ты мой неошибающийся, потому что ты же его и натаскивал, и в любом случае спрос будет с тебя, с нездорового вида кабинетно-полевой крысы, с загнанной клячи... вот уже и задыхаться начал, настрой не тот, на лыжах гонять разучился, пижон!..

Ощущения моего тела еще не успели превратиться в мысли о бренности всего сущего, как лес точно обрезало. Дальше начинался склон с тремя трассами: «чайничьей», «мастерской» и для фристайла. Влача трос, с несмазанным скрипом крутился шкив подъемника. С тех пор как берег незамерзшей пока реки осквернили привозным грунтом, вздыбив береговой скат до кондиций горнолыжной трассы, фанаты здесь не переводятся, был бы снег. Наиболее отпетые, впрочем, и посейчас высокомерно игнорируют искусственный холм, предпочитая наезженное не одним поколением местечко километрах в трех отсюда — гораздо хуже, зато роднее. Тоже люди, что с них взять.

Я притормозил на опушке. Мимо тотчас пронеслись два парня с номерами трафаретом на спинах, и один из них взглянул на меня, как мне показалось, насмешливо. Ну и правильно, с легкой обидой подумал я, знай свое место. Не мальчишка ведь, а туда же — устроил спринтерский забег! Ну и дыши теперь со свистом, и отплевывайся, а мышцы уже дрожат и завтра болеть будут...

Парни, круто развернувшись, унеслись в лес. Спортсмены, восстанавливают подувядшую форму. Если только это не негласное наблюдение, что очень может быть. Поди разберись. Когда нужно, Кардинал умеет быть неназойливым.

На холме, как водится, народу было больше, однако все же не толчея. Не сезон еще. Когда снег ляжет окончательно, примяв до самой весны заросли жухлого борщевика в низи-

нах, сюда явятся не одни фанаты. Пока что была благодать. И странную группу, скучившуюся у подножия холма подле раскидистого одинокого дерева, я заметил сразу.

Чем-то мне не понравилась эта группа. Что-то там было неладное. Далось им это дерево. Не могут здоровенные амбалы ни с того ни с сего суетиться столь бестолково, весь мой опыт говорил, что не могут без причины, и пока я, скользя вниз, давал крюка по пологим спускам, подозрение это во мне укрепилось и превратилось в уверенность.

Их было шестеро — пятеро как один загорелые, мордатые и бородатые плюс женщина. (Женщина, как водится, всегда плюс, особенно не мордатая и не бородатая.) И еще седьмой, который лежал навзничь, а отстегнутые лыжи его были брошены на снег как попало. Единственный из всех он был смирен и тих. Сломанную лучевую кость на правой ноге я заметил еще на подходе, да и как не заметить открытый перелом? Дело было ясное. Пригородные Пески, конечно, далеко не Чегет, однако и в местных палестинах встречаются склоны, требующие к себе определенного уважения и прямо противопоказанные всякого рода «чайникам». Любой уважаемый мною проповедник разумной трусости — я их всех уважаю! — при одном только взгляде на этот склон сказал бы, что кое-кому лучше сюда вообще не соваться, тем более с обыкновенными беговыми лыжами.

Этот сунулся. И траектория его скоростного спуска вырисовывалась для меня вполне отчетливо: наметив себе общее направление, прямое как кратчайшее расстояние от А до Б, — балбес! балбес! — должно быть, еще и картинно оттолкнувшись — не лыком, мол, шиты! — он так и попер, надеясь в душе, что куда-нибудь да вынесет, и вынесло поборника кратчайших траекторий точнехонько на дерево, вот на эту самую сосну, и не подумавшую, разумеется, отпрянуть в сторону. Тут траектория кончилась и началась история болезни. Анамнез: тело в позе сивуча на лежбище, и два мордатых амбала подвергают его искусственному дыханию, помощники смерти. Все-таки обнимать сосны надо поаккуратнее. Было время, когда я не уставал поражаться тупости отдельных представителей рода человеческого. Потом как-то приспособился.

Еще сверху я уловил короткий истошный крик, что мне совсем уже не понравилось, а теперь понял его причину. По-

страдавший на секунду ожил и словно специально для меня воспроизвел вопль еще раз, после чего немедленно вернулся в бессознательное состояние.

— Прррекратить! — на ходу сбрасывая лыжи, рявкнул я, да и как было не рявкнуть.

Амбалы повернули ко мне бороды, но увечить пострадавшего, конечно, не прекратили. Понятно: спасали человека!

— Назад! — крикнул я. — Оба, немедленно! Вы же его убьете!

Глаза амбалов сделались недоверчивыми. Женщина попыталась заступить мне дорогу. Компания соображала туго.

— Ты что, врач? — сиплым баском поинтересовался один.

— Я-то врач, а вот вы кто? У него же ребра сломаны! И теперь как минимум одно из них вашими стараниями находится в легком — что, не видите кровь на губах? Какой баран придумал давить грудную клетку? А ну, отойдите к... Вон туда отойдите! Кто вас вообще учил делать искусственное дыхание?

«Бараном» я их забодал. Компания задавленно молчала.

— Это был массаж сердца, — ляпнул кто-то.

Меня передернуло.

— Еще три минуты, и ему действительно пришлось бы делать массаж сердца, только прямой. А через пять минут уже никакой массаж не помог бы. Ну-ка подержите кто-нибудь ему голову.

Они кинулись помогать, шумно дыша, топоча и толкаясь. Зацепившего сломанную ногу (отчего пострадавший болезненно дернулся, но в сознание не пришел) сейчас же огрели по шее, и он не возразил. Дуроломы, конечно, но за своего товарища они болели. Пострадавшему кое-как расстегнули куртку.

— «Скорую» вызвали? — бросил я, когда осторожное пальпирование подтвердило первоначальный диагноз.

Оказалось, не вызвали: ни у кого, видите ли, не нашлось телефона. Дыша на замерзшие руки и внутренне клокоча, я набрал код на браслете и растолковал, куда, как и что... Да, хирургическое... нет, машина сядет, высылайте вертолет или вездеход... Жеребячий оптимизм нынешних «чайников» потрясает воображение — вот вам и обратная сторона нашей работы: каждый из них почему-то уверен, что те, кому это положено по профес-

сии, волшебным образом его спасут, окажись он хоть нагишом на верхушке Эвереста. Как же, спасли одного такого...

На амбалов я и не смотрел — кто таких не видывал. Типичные попрыгунчики, как их у нас называют, совсем не худшая разновидность никчемушников, выпихнутых на обочину разгулом технологий начала века, неполно занятые, проклятие Санитарной службы — активное, так сказать, население. Чересчур активное. Три месяца в году стонут на не шибко умственной работе, остальное время проедают пособие и мотаются автостопом где попало и как попало, от родимых весей до Огненной Земли и Антананариву включительно, азартно конфликтуя с цивилизованными туристами, которые их презирают, разнузданно костеря таможни и санитарные кордоны, — и ведь не надоест!..

При прочих равных смотреть на женщину было приятнее.

— Как вас зовут? — спросил я.

— Ольга. А вы что, правда врач?

— Нет. Был когда-то.

Она отступила разочарованно. Пожалуй, даже не женщина в начале расцвета, а девушка на излете, этакая брюнеточка большой притягательной силы, с прелестным профилем и трафаретной надписью поперек куртки «Я жду не Вас!». Специально, значит, для понятливых. Для непонятливых, вероятно, припасен баллончик или однорежимный мозгокрут-пугач на батарейке, если не что-то откровенно слонобойное. Плюс, наверное, какая-нибудь рукопашная школа, русская или китайская, — девочка крепенькая. Бог с ней.

Не меня ждет так не меня. Я — понятливый...

Белый с крестом вездеход подкатил через двадцать три минуты — я специально засек. Большую часть этого времени я поддерживал пострадавшего под голову и боялся асфиксии — хриплое, булькающее его дыхание не нравилось мне ничуть. Сердце работало без аритмии — как видно, обломок кости прошел мимо, и на том спасибо. Ногу я с самого начала решил не трогать — не такое было кровотечение, чтобы накладывать жгут, а бандаж перед транспортировкой наложат и без меня. Вообще-то переломы не мой профиль, потому что эпидемических переломов не бывает. Последний раз я имел дело с хирургическими больными лет десять назад и вовсе не охотился за лаврами костоправа. Черепные кости этого парня были целы, а с расплющенным носом

пусть возятся косметологи — лично я не возьмусь превращать отбивную обратно во что-то человеческое. Обтер снегом, приложил платок, тем и ограничился.

Затылок начало понемногу покалывать. Легонько-легонько, словно кто-то вонзал иголку на глубину в микрон и сейчас же выдергивал. Что-то я не то делаю. Или не так. Вернее всего мне сейчас желательно находиться в другом месте, но это подождет недолгое время. Я знаю, какие бывают боли, когда мне действительно что-то угрожает. Сейчас было всего лишь осторожное предупреждение. Значит, в Контору не помчусь, здесь тоже не останусь, а аккуратненько соберу лыжи и поеду домой.

Затылок успокоился.

Ну то-то.

Кто хотя бы раз вызывал «скорую», тот в глубине души прощает ей все, пока еще есть надежда. И будет прощать до тех пор, пока не станет ненормальным вроде меня — по счастью, большинству это не грозит. Было время, когда я сам работал на «скорой», последовательно санитаром, зауряд-врачом и начальником реанимационной бригады. В общей сложности обязательный курс трудотерапии продолжался около года — по мысли Кардинала и его аналитиков, ровно столько, чтобы кадет в достаточной мере попотел сам и освоился с управлением микроколлективом, с одной стороны, и чтобы он при этом не успел научиться жалеть людей в ущерб делу — с другой. Под людьми, разумеется, подразумевались подчиненные. Не думаю, чтобы мои тогдашние коллеги сохранили обо мне очень уж приятные воспоминания.

Я счел уместным притормозить врача, зябко кутающегося в халат и не слишком скоро поспешающего к больному. Врач счел уместным на ходу огрызнуться. Я показал ему «пайцзу».

— Семнадцатая станция, я не ошибаюсь? Вы опоздали на восемь минут против допустимого. Причина?

Надо было отдать ему должное — он сохранил достоинство. Я его понимал. Врач «Скорой помощи» — должность незавидная, падать невысоко.

Компания с интересом прислушивалась.

— Дороги нет. Снег, сами видите.

— Я предупреждал вас, хотя не был обязан этого делать. И все-таки вы опоздали на восемь минут...

— Может быть, вы позволите мне заняться больным? — злобно перебил врач.

Он был прав. Это я вел себя по-пижонски, отказываясь его понимать. Знакомая ненавистная картина: бригада дружным залпом допивает кофе и, на рысях дожевывая бутерброды, спускается вниз, где, похожие под снегом на подбитые и брошенные бэтээры, скучают несколько неисправных машин и одна-две исправных, но бесполезных, тут же выясняется, что ключ от бокса со свободным вездеходом неизвестно у кого, потом ключ находится, вездеход случайно оказывается заправленным, но шофер как раз в эту минуту болтается неизвестно где, и становится ясно, что прибыть вовремя бригаде вряд ли удастся и на вертолете, который, кстати сказать, ремонтируется уже вторую неделю и в лучшем случае будет ремонтироваться еще столько же... Бардак кажется самодовлеющей стихией лишь по незнанию. Его устраивают люди.

— К вам у меня нет претензий, коллега, — сказал я, уступая место. — Работайте спокойно, прошу вас. Начальника семнадцатой — завтра с утра с объяснениями к моему заместителю.

— Передам. Отойдите.

Я отошел. Врач, бегло осмотрев больного, вкатил ему антишокового и взглянул на меня так, будто это я своей рукой ломал пострадавшему ребра. Мне нравился этот врач. Компания, тоже успевшая разглядеть «пайцзу», нравилась куда меньше. Мало того, что они едва не укокошили своего приятеля — теперь пялили глаза на меня. Противно, и не может быть иначе, уж не знаю — к сожалению или к счастью. В мое время кадеты, подверженные платонической любви к выставлению напоказ собственной персоны, без всяких разговоров вылетали из Школы стаями. И теперь вылетают.

Я огляделся. Посторонних зевак вокруг почти не собралось. Лязгал подъемник на полупустом склоне. Два отмеченных мною парня с трафаретными номерами торчали на самом верху и делали вид, будто примеряются к спуску. Выходит, сбежать от охраны мне не удалось... Чего и следовало ожидать. Интересно, подумалось мне, что они предпримут, появись необходимость срочно вмешаться? Входит ли в число достоинств ребятишек Кардинала горнолыжная подготовка?

Наверное, входит.

В затылке опять кольнуло. Зря я тут трачу время, понятно и без подсказок. Покатался — хватит. Еще повезло, что раз в году выпал день, когда мне вообще удалось подышать воздухом.

Санитары задвинули носилки с пострадавшим в вездеход. В сознание лыжный лихач не пришел, и не надо. Меньше боли. Переломы не самые удачные, но жить и ходить будет. Сопровождать вызвалась девушка. Подружка, наверное. На жену или сестру не похожа. Ну-ну.

Кольнуло в затылке. Убираться отсюда прямо сейчас?

Именно. И без лыж. Кому надо — подберут, а если и не подберут, то невелика потеря.

— Сделайте одолжение, подбросьте меня до шоссе.

Врач недовольно дернул щекой.

— Если это приказ...

— Считайте, что да.

— Хорошо, — буркнул он. — Уберите из-под ног вон тот ящик и садитесь. Пусть девушка подвинется.

— Простите, вы не против? — спросил я, заталкивая металлический ящик под сиденье. Ящик сопротивлялся, под сиденье ему не хотелось.

— Нет, отчего же...

Я поймал ее взгляд и отвернулся. Она смотрела на меня, как на редкое ископаемое из триасовых слоев, неожиданно найденное на асфальтовой дорожке у городского пруда. Недовольство врача нравилось мне больше.

— Благодарю вас, — сказал я сухо.

Вездеход побуксовал, дернулся вперед и назад, зацепил наст и взвыл, набирая скорость.

— Ой... Это что, нога у вас такая твердая? Протез?

Бойкая девочка, однако.

— Это не протез, — сказал я сухо. — Это ящик. Держитесь крепче. А что вы на меня так смотрите?

— Нельзя? — спросила она с иронией.

— Льзя.

— Никогда не видела живого функционера, — сообщила она, помолчав самую малость, и я, грешным делом, подумал, что мертвых функционеров она видела сотнями, в штабелях. — А правда

говорят, что вас расстреливают, если только вы хоть раз ошибетесь?

— Нет, — сказал я, — нас не расстреливают. Нас вешают за ребро ногами в муравейник. Дрессированные спецмуравьи сгрызают заживо. Еще вопросы будут?

Вопросов больше не было. Вообще-то зря я с ней так. Ничего плохого девушка мне не сделала. Вполне симпатичная особь, хотя и не совсем в моем вкусе. Узкий подбородок, треугольное лицо, чуть вздернутый нос. Французистый тип. Лет через десять она могла бы превратиться в этакую леди Белсом, убийственную зрелую красавицу, какой была подружка Фантомаса — не того, который вечно выставлял дурачком героя де Фюнеса, а того, который выставил таковыми зрителей, так и не понявших, зачем они смотрели эту муть. (И меня в том числе. Грешен, люблю старинные киноленты.) Так вот, все шансы превратиться в леди Белсом были у нее налицо. И на лице. Я немного оттаял.

— Простите, если обидел... Как это вашего приятеля угораздило?

Что до нее, то она оттаяла мгновенно, и остаток пути мы беседовали почти дружески, словно подчиняясь соглашению: она перестала на меня таращиться, а я перестал ей хамить. («Так это вы закрыли Туву этим летом?» — «Как же, как же...» — «А зачем?» И в таком духе.) Выяснилось, что она биолог. Как ее приятеля угораздило протаранить сосну, она не понимала сама — пусть лыжным асом, по ее словам, пострадавший не был, но заведомо не был и «чайником». Нет, мозги не набекрень, человек здравомыслящий... А главное, никто ничего не видел, как-то незаметно все получилось. Непостижимо... Компания? Замечательные ребята, она с ними ездит не первый год, этой зимой все вместе собрались автостопом в Джамагат, потому что Чегет или Домбай не каждому по карману и там своих халявщиков девать некуда, — а сегодня вот решили просто покататься по лесу в свое удовольствие.

Покатались...

На шоссе был тот же снег, только раздавленный в кашу. Водитель притормозил. Перед тем как выйти, я высветил на своем браслете номер и показал Ольге.

— Перепишите или запомните. После номера наберете вот этот код. — Я поводил кончиком пальца по своей ладони. —

Запомнили? Будут проблемы в больнице — звоните немедленно. До свидания.

Минуты через две, уже успев вызвать свою машину и отклонить предложение одной сердобольной дамы меня подвезти, я сообразил, что зря дал номер браслета. Мог бы написать дату рождения Торквемады, помноженную на число позвонков у гангского гавиала. Все равно больной будет устроен как нельзя лучше и даже с излишествами, или я ничего не понимаю в психологии нефункционеров.

2

Автобус был старый — двухэтажная туристская громадина с восьмидесятиместным пассажирским салоном, поднятым на высоту, с которой страшно падать, случись авария. Что-то в последнее время аварии случаются все чаще, совсем не в пропорции к числу автотранспорта на километр асфальтовый. С чего бы? Вот и машина, блестящая и ненужная представительская игрушка, так и не пришла, пришло лишь подтверждение того, что выехала, — а где она, спрашивается?..

Малахов, нахохлившись, сидел у окна рядом с местом экскурсовода. Автобус и впрямь был действующим туристским, но пустым — водитель гнал не то на заправку, не то с заправки и соблазнился попутным леваком. Скорость он держал приличную — Малахов насчитал лишь три обогнавших машины. По встречной полосе не ехал вообще никто. Ровно ныл двигатель, повanивало резиной, пылью и метанолом, в багажном отделении под полом салона, судя по звуку, перекатывалось пустое ведро. В затылке, мешая сосредоточиться, с нудной размеренностью кололо тупым гвоздем, но кололо терпимо. «Хватит, хватит, — шептал Малахов, моргая от мелькания голых деревьев, воткнутых вдоль обочины в снежное поле. — Сколько же можно, я все понял, возвращаюсь, чего тебе от меня еще нужно? Душу?»

Кому она нужна, душа моя.

Проглотить таблетку? Рука сама поползла к внутреннему карману, и Малахов ее отдернул, неслышно выругавшись. Нет, позже. Если станет совсем уж невмоготу. Притом лучшая таб-

летка от головной боли — думать и действовать правильно, разве нет?

То-то же.

Иногда он ненавидел свой дар, благодаря которому уже год держался в функционерах и был намерен продержаться еще два — до конца своего срока. А потом тихо-мирно и желательно навеки остаться Первым консультантом при Конторе, чтобы пестовать преемника, дай бог ему всяческих удач. Его, Малахова, некому было пестовать — предшественник, Путилин, сгорел вчистую после Липецкой катастрофы. Даже не стал ждать суда чести, понял сам, что шансов нет. Пуля-дура, мозги на полу, семья на заслуженной пенсии. А ошибочка вначале казалась такой ма-а-аленькой, он и не понял, что это была ошибка, не было у него врожденно-принудительного чутья правильного решения... Шестое чувство? Не знаю, не считал — шестое, седьмое... Хоть бы и девятое. С половиной.

Подлое свойство, но полезное... Детство и отрочество, как, впрочем, и юность, прошли в беспрестанных экзаменах, отборах, вечной боязни отсева, страхе оказаться хуже других, и почти всегда Малахов знал, как и что отвечать. Точнее, благодаря спасительной боли в голове он всегда знал, как *не надо* отвечать, а это уже очень много для того, кто не полный кретин и не патологический лодырь. Он был в числе лучших — у него хватило ума не стремиться стать *самым* лучшим. Тут его дар не мог подсказать ничего, и Малахов додумался до этого сам, много лет спустя поздравив себя с первым случаем неболевого предвидения: гении становились экспертами при Конторах, в редких случаях — ближайшими помощниками и никогда — функционерами. Он понимал, что не является ни самым талантливым, ни самым работоспособным среди сверстников; другие работали как волы и все равно проигрывали ему во всем по неочевидной для них причине: у них не было врожденного ЧПП, как называл его Малахов, — Чутья правильного пути. Некоторые из них вообще не знали, что такое головная боль.

С возрастом пришло раскаяние, потом как-то рассосалось. Платой за личное благополучие было страдание, иногда совершенно невыносимое. В тринадцать лет, используя уволь-

нительную для бестолковой прогулки по улицам, он был внезапно брошен на тротуар чудовищным взрывом боли и даже не почувствовал, как рядом с ним что-то жестко стегануло по асфальту, и дергающее легкое воздействие шагового напряжения тоже ощутил не сразу. Он понял, что спасен, когда в двух шагах от себя увидел извалянный в пыли контактный провод надземки, невесть отчего лопнувший и хлестнувший с эстакады вниз и вбок. Никого не задело и не убило током, единственной жертвой должен был стать он... если бы за секунду до этого не упал от вспышки, расколовшей череп. Глупый провод давно забылся, а боль помнилась долго, и несколько ночей он просыпался с криком.

Один везучий человек из толпы, оказавшийся вовремя в нужном месте, стоит десяти гениев, сказал как-то Кардинал совсем по другому поводу. И он был прав.

А ведь это нонсенс, подумал Малахов. Что опять неправильно, почему болит? Не поймешь, что делаешь не так, пока сам же мордой об забор, ан нет того, чтобы прямым текстом да огненными письменами в небесех...

Не дождешься. Ползи сам, человече, щупай руками темноту и радуйся, что ты не такой, как другие: те не только слепы, но и безруки. Ты-то руку отдернешь вовремя, а потому так тебе и надо: плати болью, терпи и не жалуйся.

Автобус начал сбавлять ход, длинно пропищал тормозами и остановился перед коптящим контейнеровозом. Водитель постучал из кабинки снизу:

— Эй, не взглянешь? Тебе там виднее — надолго эта бодяга?

Малахов взглянул. За дымчатым передним стеклом желтый колобок солнца низко завис над длинной вереницей застрявших в пробке автомобилей, и теперь стало понятно и то, почему не прибыла вызванная машина, и то, что вопреки обыкновению дорожная полиция признаков чинопочитания не проявила. Значит, серьезно...

— Хвост на километр, не меньше.

Водитель ругнулся и приуныл. Малахов попросил выпустить его наружу, сказав, что дальше доберется сам, сунул водителю половину оговоренной суммы — тот покривился, но возражать не стал, — и, морщась, спустился по трапу. После

бездумной пробежки на лыжах мышцы уже побаливали, и первые метры по шоссе он шел раскорячкой. Машины в пробке стояли плотно и безнадежно. Кто-то из водителей нервно курил, сплевывая в окно, кто-то степенно прохаживался, со знанием дела объясняя желающим про ремонт на объездной трассе, несколько человек, собравшись в кучку, травили анекдоты, зябнул на ветру одинокий мотоциклист, а из кабины дальнобойного трейлера-мастодонта доносились смех, сопение и женские взвизги. Никто не сигналил — то ли понимая бесперспективность этого занятия, то ли боясь штрафа.

Боль в голове притихла, зато начали мерзнуть ноги. Малахов мрачно бил подошвами стылый асфальт, надеясь, что затор когда-нибудь кончится. Почему-то он подумал о том, что сверху, если подняться повыше, это должно быть похоже на маршевую колонну муравьев — длинную, сосредоточенную на одной цели живую нитку. Только эта колонна не двигалась.

Барьеры, закрывшие проезд, и оцепление он заметил раньше, чем разглядел следы аварии. Судя по всему, две машины со всего маху столкнулись лоб в лоб. Одна, желтая семейная «Изабель-турист», смятая в гармошку, чудом осталась на трассе, вторую отнесло в кювет. Малахов присвистнул про себя, прикидывая силу удара. Обломки расшвыряло по трассе метров на пятьдесят, одно колесо закатилось и того дальше — в поле и тоже зачем-то было ограждено переносными барьерами, а на шоссе, бегая от одного фрагмента к другому, суетились люди в форме и в штатском. Слышался скрежет — с таким надрывающим душу звуком режут изувеченные автомобили на предмет извлечения тел. Разверстой кормой на изготовку притулилась к обочине машина «скорой». И тут же, в некотором отдалении от места трагедии, хмуро наблюдая за действиями своего «летучего отряда», бродил взад и вперед сам Нетленные Мощи. Случайный плащ-самогрев, явно с чужого богатырского плеча, болтался на нем, как полощущийся парус на фок-мачте.

Увидев Малахова, он обрадовался:

— Уже пожаловал? Ну и нюх у тебя, Миша. Уважаю.

— Взаимно, — сказал Малахов, высматривая по ту сторону барьеров свою машину. В затылке внятно кольнуло и застучало молоточком. Не страшно: первый звоночек. Общаться доль-

ше необходимого с Нетленными Мощами Малахов был не намерен.

— Это хорошо, что ты приехал, — продолжал Нетленные Мощи. — Воздухом дышал, да? Ботинки, вижу, лыжные... Уважаю. Мы активный отдых рекламируем всячески... Погоди, а почему ты не на машине? От самого города, что ли, на лыжах пер?

— На надземке приехал.

— Да ну? — сказал Нетленные Мощи. — А машина твоя тут, тут. Ты уж прости и не обижайся, мы ее придержали. Извиняешь?

Теперь закололо в висках. Нетленные Мощи придвинулся вплотную, сверху вниз заглядывал в лицо. Малахов даже отшатнулся — настолько Нетленные Мощи, он же Иван Рудольфович Домоседов, могущественный человек, походил сейчас на одетый в плащ рослый скелет, туго обтянутый выделанным неизвестным браконьером пергаментом. Привыкнуть смотреть на него без содрогания удавалось не каждому. И кожа какая-то вся в жилках, едва ли не с прозеленью...

Дальше отшатываться было некуда. Дальше был барьер и профессиональный разговор за барьером: «Бомж какой-то... Машину установили — угнанная». «А второй?» — «А ... его знает. Отскребут — посмотрим».

— А я-то думаю, что ты будешь делать, если я не извиню, — фыркнул Малахов. — Считай, извинил. Что это твои гаврики тут роятся?

— Сам видишь — происшествие.

Малахов пожал плечами. В голове пылало уже по-настоящему. Он даже испугался — такого с ним не случалось давно. Но какой-то черт продолжал тянуть за язык.

— Ты-то здесь при чем? Где духовное здоровье, где физическое...

— А. — Нетленные Мощи махнул рукой. — Почему бы нет? Кто их указывал, мои границы? Где они? Простой нюх и минное поле. Поди разберись, где подорвался — в границах дозволенного или вне границ. — Он ухмыльнулся. — Сам знаешь, как у нас: либо ты обезвреживаешь мину, либо она обезвреживает тебя. Проигрывает слабейший, как и полагается.

— Я это запомню, — сказал Малахов, через силу улыбнувшись. — Позволишь цитировать? Кстати, а если без красивостей?

— Бога ради. — Нетленные Мощи откашлялся и простер костистую длань. — Разделительного барьера тут нет, сам видишь. Некий псих выезжает на встречную полосу и шпарит не меньше ста шестидесяти. Три часа назад, выходной, считай еще утро, машин почти нет. Навстречу ему гонит второй псих и тоже по встречной полосе. Скорость не меньше. Что происходит? Вместо того чтобы разминуться, они, завидев друг друга, одновременно выезжают на разделительную линию. Результат... вон валяется. Два трупа. Причем что интересно: столкновение было умышленным. Если бы они хотели разъехаться, уже будучи на разделительной полосе, — разъехались бы, место у них было. Вот тебе и духовное здоровье на блюдечке. Убедил?

— Нет, — сказал Малахов. В голове пылал огонь.

— Миша! — вдруг с нескрываемой мукой простонал Нетленные Мощи. — Ну не могу я сейчас, Миша! Только не обижайся, вон и машина твоя стоит, шофер уже скандалил... Нет, стой! — Он внезапно схватил Малахова за рукав. — Ты погоди. Видишь ли, тут такое дело... Или нет, лучше езжай, ничего я тебе сейчас не скажу, все равно не поверишь... Давай завтра, а? Ты мне очень нужен, без тебя у меня хрен чего... Плохо мне без тебя будет, чую. Завтра заезжай ко мне с утра, лады? Что, нет? С утра не выйдет? Ну пусть не с утра... — Нетленные Мощи торопился, плюясь словами в ухо. — Прямо в Контору, а? Посидим, побеседуем в «берлоге», есть о чем... Миша, я тебя прошу, очень нужно. Приедешь?

Малахов кивнул, и тут боль обрушилась лавиной. «Нет! Нет! — отчаянно крикнул он про себя, хватаясь за воздух руками. — Интересно, упаду ли?» Он еще покивал: приеду, мол, не сомневайся...

Вон отсюда! Немедленно! Бежать!!!

И боль в голове исчезла. Сразу. Малахов почувствовал, как его шатнуло. Это было как удар, почти мучительный — вот так, сразу, без боли...

— Что с тобой? — участливо спросил Нетленные Мощи. Он снова был самим собой, Ибикусом, торчащим из поднято-

го ворота плаща, и та странная вспышка отчаяния, что была только что с ним, — была ли?

— Ничего, — буркнул Малахов. — На лыжах набегался, воздухом надышался. Слабогрудое городское дитя. Я ж на рекламу твою падок, ты знаешь...

В машине было тепло, и ноги мало-помалу отогрелись. Двухсотметровая колокольня недавно возведенного дорожного храма Христа За Пазухой с широчайшими проездными воротами для Третьей Кольцевой автотрассы уже нависла и царапала шпилем небо, когда Малахов вновь обрел способность соображать. Боль делала вид, что ее и не было, таилась за углом с кистенем наготове, подлая спасительная тварь. Что бы все это значило? Хм... опять огненных письмен в небе захотел?

Анализировать можно было сколько угодно. И как угодно. И прийти к каким угодно выводам. Адова мука, давно такой не случалось, — а все-таки не швыряющая наземь, как тогда, под лопнувшим проводом надземки. Значит, можно допустить, что прямой угрозы жизни не было. Это важно, это надо запомнить. Зато могла быть угроза здоровью, приказ сматываться немедленно, что и было сделано. Например, от резки металла мог рвануть бак, и какой-нибудь осколок... Вполне возможно, хотя почему-то кажется сомнительным — наверное, потому, что соблазнительно просто. Ладно, это мы оставим как вариант. Что еще?..

Угроза карьере? Вот это гораздо ближе к теме, подумал Малахов. Когда ударило по-настоящему? Когда Нетленные Мощи стал зазывать к себе, а я и подумал: «Почему бы нет?» Точно. Так и подумал. Заинтриговал меня Нетленный, это во-первых, а во-вторых, какой же функционер откажется перехватить кусок у своего ближнего? Нонсенс это, никогда такого не бывало, если только не пытаются спихнуть с рук на руки заведомый, очевидный всем «мертвяк». Каждый — сам себе центропупист, и Нетленные Мощи лучше бы завял, чем излагать старые байки про определение границ. Кто их не знает — то есть байки, а не границы. Границы деятельности Контор существуют на бумаге, там им и оставаться навеки, потому что иначе невозможно ни жить, ни работать. Четыре Конторы, и каждая контористее других...

Стоп, стоп!.. Малахов с опаской погладил затылок и переменил позу, устраиваясь поудобнее. Что-то тут не то. Объяснения Мощей — истинно детский лепет на лужайке, их и объяснениями назвать срамно. Что он делал на месте заурядного ДТП — вопрос номер раз. Видно, наклюнулось что-то серьезное и притом в удобном месте — интересно было бы посмотреть, как бы он перекрыл на три часа Московский тракт... Впрочем, если подумать, катастрофа как раз не самая заурядная. Лоб в лоб, смерть в смерть, будто заранее сговорились два придурка... Может, конечно, так и было. Не спасли ни гидравлические бамперы, ни ремни безопасности, ни надувные подушки — при скорости соударения свыше двухсот не спасет вообще ничто, если в машине сидит физическое лицо с инерцией, а не бесплотный дух... Кстати, почему вообще произошло столкновение? При неработающем радаре отключится компьютер управления, а при отключенном компьютере не заведется двигатель и машина встанет на тормоза. Допустим, они сумели — обоим пришла в голову одна и та же мысль! — обмануть всю многоступенчатую систему безопасности, хотя мало кто знает, как это делается, я, например, не знаю...

К дьяволу, подумал Малахов. Пусть дорожная полиция занимается придурками... Тут же неприятно вспомнился лыжный лихач, поборник кратчайших траекторий. С ума все посходили, точно. Приспичило им: один — в сосну, двое — друг в друга. В такой-то день расчудесный — помирать! Психи. Жить надоело — иди еще выпей и не осложняй окружающим существование. Впрочем, наверняка совпадение, но — любопытное...

Чепуха, отмел Малахов. Это потом, это детали. Почему Нетленные Мощи юродствовал и прицепился как банный лист — вопрос номер два. Иван Рудольфович Домоседов, единственный в новейшей истории функционер, успешно завершающий второй трехлетний срок правления своей сатрапией, — и на тебе, риск потери лица, вегетативная нервная на пределе прочности... Интересно знать, зачем ему Малахов Эм Эн? Ничего не понятно. Как ежик в тумане — собственных колючек не видать. Кстати, можно попробовать сразу же отсеять гипотезу об опасности здоровью на месте катастрофы. Значит, так: завтра же встречаюсь с Нетленными Мощами, знакомлюсь с его проблемой и...

Тонкий гвоздик в затылке. Раскаленный. Шевелится.

Отсеяли...

Мазохисту бы такой дар, извращенцу-мазохисту!

— В Контору, Михал Николаич? — спросил шофер у развязки. Машина замедлила ход.

Малахов ладонью стер со лба выступивший пот.

— Нет, Володя. Домой. И не очень гони.

Только легкое покалывание напоминало о боли. Что ж, получил поделом: не лезь, куда не следует, и не будешь бит, как неразумный хазарин. Отстаньте и не трогайте меня, жалобно подумал Малахов, сегодня я болен. Заползу под одеяло и буду там жить, если только не развалюсь по дороге...

Еще через минуту он твердо решил, что ни к каким Нетленным Мощам прикладываться завтра не станет — и сам не поедет, и у себя не примет. Ни за что. Под любым предлогом.

3

— О, привет, пап! — Виталька был дома.

— Привет, — сказал я, обстукивая обувь о крыльцо. От грохота каблуков из подвальной отдушины вывалился незнакомый черный кот и, задравши толстый хвост, наметом учесал в кусты боярышника. Кошек я уважаю за то, что они не любят падать с крыш, но уж если падают, то никогда не впадают в истерику и сохраняют достоинство. Рассудительные звери. А этот еще и храбр — чужак, нагло впершийся на чужую территорию. Значит, в самом скором времени на снегу под окнами ожидается побоище за вид на жительство в моем подвале. Музыки будет...

— Погоди, я разденусь.

— Ага, пап. Ну тогда я пока поиграю.

Он улетел обратно в гостиную, откуда тотчас донеслись приглушенные взрывы, пальба и матерная, надо полагать, ругань истребляемых космических монстров на туземном языке. Стало быть, на этот раз что-то безобидное, а коли так — пусть играет. Наше дело не встревать без нужды в естественные процессы.

Я затворил входную дверь и содрал с ног лыжные ботинки. Поцарапанные о наст лыжи оказались тут как тут — аккуратненько сохли у стены между нишей для верхней одежды

и вон той выступающей паркетиной в углу, которая скрипуче вопит и пугает непосвященных, если на нее наступить. Пусть сохнут.

Быстро же они добежали...

Я переоделся в домашнее и не отказал себе в удовольствии наступить на паркетину и исторгнуть из нее визг. Вот так. Соблюдя ритуал и обозначив таким образом свое присутствие, я отправился в душ, а оттуда в гостиную — халат, тапочки, мокрые волосы (есть еще чему намокать!) и никакой головной боли.

Я люблю свой дом. Прежде чем перейти к Конторе, он был виллой, отобранной у какого-то мафиозо, исчезнувшего приблизительно во времена возобладания гуманизма над практицизмом, когда подобных ему перестали привязывать к авиабомбам и начали просто сажать. (Недавно приходил один старец с замашками матерого лагерника, надоедал охране, просил впустить. Я впустил, и он, осмотрев и повздыхав ностальгически, впал вдруг в истерику при виде перестроек в доме, так что пришлось вежливо попросить его восвояси.) Уж не знаю, кто жил в этом доме между мафиозо и мной, да и не хочу знать. Зачем? Мне здесь нравится, и почти ничего не пришлось менять, ну разве что для Виталькиных игр, когда он наезжает, я повесил в гостиной тканый коврик-компьютер с веселеньким узорчиком, а на противоположной стене — громадный коврище с моей коллекцией боевых топоров. В ней есть почти все: от японского масакири-кай до франкской обоюдоострой франциски (реконструкция, конечно, середина прошлого века) и еще много чего между развешанными по краям чуть наклонно изящной испанской алебардой XVI века и нашенским простоватым бердышом.

Виталька давно на коллекцию зубы точит. Это он зря. Только после моей скоропостижной и безвременной, а раньше — шиш...

Перед малым ковриком страхолюдное голоизображение искромсанного в винегрет инопланетного монстра внезапно произнесло по-русски: «Козлы вы все!» — и захлебнулось инопланетной кровью. Виталька заржал.

— Как мама? — спросил я.

— Хорошо. Велела привет тебе передать.

Дежурный вопрос, дежурный ответ. Чего тебе еще нужно?

Ничего...

Так зачем ты лезешь в то, что давно перестало быть твоей жизнью, а?

Зачем, зачем... Наверное, затем лишь, что, кроме контейнера мишурных условностей, в каждом из нас прячется что-то такое — то ли комплекс вины (а за что?), то ли комплекс главы семьи (очухался!), то ли...

Стоп, хватит. Проехали. Остаточный затихающий вихрь воздуха за последним вагоном...

— А как в гимназии?

— Нормально.

— Да?

— Правда нормально, пап. — Виталька посмотрел на меня обиженно: еще, мол, сомневаешься. Глубокая царапина шла через его скулу вниз и наискось. Сегодняшняя.

— Дрался? — спросил я.

— Не. Дуэлировал.

— Ясно... С «болваном»?

— И без ограничений, — похвастался сын.

Вот как.

Резиновый «болван» — здоровенная орясина с тупой рожей, управляемая компьютером. Лазерные сканеры игрового комплекта «Поединок» отслеживают перемещение живого противника, «болван» парирует и наносит неконтактные удары — треск, звон и беги вон. Летит с потолка известка, сыплются на пол антикварные мамины вазы. Развлечение для несовершеннолетних. (Извечная ошибка отцов заключается в том, что они без всяких оснований считают своих чад умнее, чем те есть.) А без ограничений — это уже внове. Справились, значит. Довели до ума прекрасную игрушку для отвода от окружающей среды природной агрессивности юного поколения! У Домоседова будут неприятности — он, помнится, горячо рекомендовал «Поединок» к широкому распространению.

— Кто колол защиту, не знаешь? — спросил я без особой надежды, внутренне кипя и не показывая виду. Жаль, неосуществима идея: создать сеть ЛТП для больных дурным программизмом и упечь туда особо злостных хакеров — пусть дорожки мостят и кусты стригут в рамках приведения планеты в порядок.

Сын замотал головой.

— Не знаю, пап.

— На чем дрался-то? Рапиры?

— Тесак и дага.

— Ладно, что не булава. Ближний бой, значит? И кто кого?.. Впрочем, уже вижу.

— Да ничего подобного! — Виталька даже подскочил. — Посмотрел бы ты, как я его!..

Искрошить в винегрет «болвана» невозможно — не инопланетный виртуальный монстр. У него под резиновой шкурой гибкая ажурная броня из чего-то высоколегированного. Но падает, корчится и вопит он весьма натурально.

— Я думал, ты уже не мальчишка.

Сын промолчал.

— Глупо получать раны, — сказал я. — Да еще от «болвана». Он тебе голову мог снести.

— Не снес же, — резонно возразил сын. — А шрам на лице — украшение мужчины, ты сам говорил. По-моему, ничего получилось, почти как я хотел... — Он потрогал царапину и вовремя среагировал, когда я попытался треснуть его по рукам.

— Да мыл я руки, отец, мыл!

— Шрам на роже, шрам на роже для меня всего дороже, — сказал я, остывая. — Не выдумывай чего не было. Когда это я говорил тебе такую глупость?

— У всех настоящих ребят шрамы, почему у меня не должно быть?

Я махнул рукой. Вечно равняю Витальку с собой, а напрасно: я в пятнадцать лет был кадетом Школы, какие уж тут игрушки со шрамами. Настоящие шрамы всегда внутри. Нет, это хорошо, что он как сын функционера не имеет доступа в Школу даже теоретически. Счастливее будет. Что еще нужно родителям, как не счастье детей?

На этой банальности меня на время зациклило, и я некоторое время смотрел на сына с некоторым, боюсь, умилением, чего категорически не рекомендуют ни лженаука педагогика, ни простой родительский здравый смысл. Хороший у меня парень, ей-ей. Ростом, правда, не дотянул, мне едва-едва по плечо, а девочки дылд любят, вот ему и понадобился шрам,

как бушменке. Для привлекательности. Вообще-то еще год или два, чтобы вытянуться, у него есть, это только девчонки вымахивают под стандарт одновременно с половозрелостью, так что отчаиваться рановато.

Хуже то, что ему не передался мой дар ЧПП, не выпала удача в генной лотерее. Тюкнуло бы его слегка в темечко — пять раз поразмыслил бы, прежде чем лезть, размахивая тесаком, на свихнутого резинового дебила. Нет, в том, что Витальке мой сын, я никогда не сомневался, но он и сын Юлии, вот в чем дело. Без сомнения, и мои родители не обладали ЧПП, иначе просто не сели бы в одну машину с водилой-леваком, накурившимся анаши...

Столько лет познаю сам себя, а так и не познал. И уже, видно, не судьба. Ген, вероятно, рецессивный и вообще взявшийся невесть откуда или, допустим, неизвестно как активированный — бывает же изредка у некоторых людей *неосознанное* чувство опасности, стопроцентно иррациональное, но верное. Вроде ощущения чужого взгляда на затылке. Как говорится, читайте книги. У Сократа вроде бы имелось что-то такое, что он обзывал словом «демоний», этакий внутренний оберег — по свойствам похоже, но без головной боли. (Удобная штука, комфортная. Однако хотел бы я посмотреть, как он, Сократ, отказался бы вовремя унести ноги из Афин, терпи он то же, что терплю я! Мой личный «демоний» злобен, но дело знает.)

Пожалуй, у кого-то из моих бабушек-дедушек мог быть этот ген, трое из четверых прожили достаточно долго и без особых жизненных потрясений. Хотя вычислить, у кого, я уже пытался — не вышло. Мать и отец были поздними детьми, так что мои бабушки-дедушки умерли еще до моего рождения; вместо живого родословного древа — десяток фотографий и несколько ничего не значащих минут видеозаписи. На вид люди как люди. Очень может быть, что я единственный на Земле носитель этого гена, хотя утверждать наверняка трудно: какой же человек в здравом уме станет об этом болтать? Проговорись об этом я — и быть бы мне, пока мужских сил хватит, не функционером, а дипломированным производителем на сдельном жалованье. Я даже приличную базу данных по этому вопросу не составил — побоялся...

О чем это я? О Витальке.

— Курил сегодня?

— Не-а.

Я протянул сыну сигареты.

— Кури.

— Не хочу, пап.

— Надо. Во второй природе живешь, ею же и дышишь как заводной. Медицина рекомендует: не меньше пяти в день. На, полечись.

Целебную сигаретку он взял нехотя и так же нехотя зажег — мне еще пришлось уговаривать его затягиваться поглубже и расправлять диафрагму, а парень только морщился. Нет существа, с большей охотой вредящего собственному организму, нежели человек, а в пятнадцать лет — втройне, потому что жизнь сапиенса проста, неинтересна, и не стоит ею всерьез заниматься.

— Может, сыграем во что-нить, пап?

— Сейчас. Позвоню вот только... — Я переключил свой связник на компьютер-коврик. — Гузя мне... Как дела, Виктор Антонович? Справляетесь?

Вид у Гузя был запаренный.

— Помалу справляемся, Михаил Николаевич. Вы дома?

— Дома. Звоните по «шухеру», если что срочное.

— Хорошо, Михаил Николаевич.

Я дал отбой и повернулся к Витальке.

— В «Сделай сам» хочешь?

— М-м... В войнушку, а?

Я кивнул. Пусть и в войнушку. Под «Сделай сам» можно бутерброды есть и кофе пить. После лыж в самый раз.

— Битву при Лепанто разыграем? Я могу за турок.

— Не. Ну их, эти галеры, скучища. Что мы с тобой еще не разыгрывали? Давай Бородино, пап. Только чур я за Наполеона.

Ох, бонапартист... Держись, сынку, сейчас умывать буду.

— А насморк?

— Какой насморк?

— Обыкновенный. Насморк в этой игрушке заказывается? У Наполеона в день Бородина насморк был. И нос распухший, красный.

— Читай Толстого, пап. — Виталька и здесь был на высоте. — Насморк не в счет. Ну так и быть, буду иногда носом шмыгать.

— Идет, — сказал я. — А какое оружие?

— Любое, кроме массового поражения.

— О! И танки?

— И вертолеты.

— Тогда поле боя надо увеличить раз в двадцать, — прикинул я. — На этом тесно... Или в сорок?

— Давай в двадцать. Но при сохранении пропорций. — Виталька изменил масштаб. — Годится?

— Угу... И по ставкам командования тактическими ракетами не лупить. А то знаю я тебя...

— Заметано. А по резервам можно?

— По резервам можно. Выдвигай из глубины скрытым маршем, тогда, может, и не повыбью. Ты у нас Наполеон Буонапарте, тебе и треуголку на уши.

Виталька картинно поправил несуществующий головной убор и запустил ладонь меж пуговиц рубашки.

— Похож?

— Ты еще почешись там... Сейчас ты у меня будешь похож на маршала Даву после контузии, — грозно пообещал я. — Сейчас от тебя, голубчика, перья полетят... Начали?

— От кого полетят, а от кого и не очень...

Бумкнула первая пушка. Свистнул и улетел куда-то голографический снаряд. Утренний туман висел над полем, стекал с холмов, копясь в низинах. Только что взошедшее светило с подозрением взирало на происходящее, решая, принять ли участие во всем этом безобразии или закатиться обратно. Это было мудрое и осторожное светило, я его понимал.

Почему-то я ждал, что Виталька первым делом двинет вперед мотопехоту Нея и танки Даву, нацеливаясь на прорыв укрепрайона «Флеши», но он, не желая буквально повторять тактику своего героя, пока ограничился артподготовкой, сосредоточив на моем левом фланге огонь четырех полков самоходной артиллерии и шести дивизионов установок залпового огня. Меня только радовало, что я не Багратион и не обязан торчать там на виду для поднятия боевого духа. «Черные береты» Дельзонна попытались форсировать Колочу, в двадцатикратно увеличенном масштабе — вполне серьезную водную преграду, мосты через которую я, солидаризуясь с Барклаем, тут же и

подорвал заранее заложенными в быки радиоуправляемыми фугасами. Образовалась заминка.

Плавающие танки Груши ударили южнее, морская пехота захватила плацдарм на восточном берегу и принялась расширять его к северу. Под прикрытием авиации инженерные части «французов» довольно быстро навели понтонные переправы. Я дал им закончить работу, после чего бросил на истребители противника полк Су-217, и пока в небе шел воздушный бой, две волны моих штурмовиков без суеты мешали понтоны с карасями, водорослями и донным аллювием. Так Буонапарте сопливому и надо — прикрывай переправу основательнее! Выпустив ракеты по понтонам и потеряв всего одну машину, штурмовики сделали круг и выжгли полплацдарма напалмовым «ковром». Знай наших. Остатки переправившихся частей были сброшены в реку мотопехотой Милорадовича. Я специально выбросил перед Виталькиным носом крупный масштаб и молча ткнул пальцем в берег, заваленный черными куклами в классических скорченных позах сгоревших заживо.

— Не надо, пап...

— Ладно.

Что ни говорите мне, а гениальный человек выдумал эту игрушку. Люблю сослагательное наклонение вне реальности! Будь я на месте Нетленных Мощей — непременно добился бы обязательного введения «Сделай сам» в гимназиях и раз в неделю на сорок пять минут выгонял бы всех и всяческих учителей к чертовой бабушке — пусть юные циники посмотрят сами, без назидательных подсказок, им будет полезно... вот и Виталька поскучнел, не выйдет из него Буонапарте, а чего еще умному родителю от чада надо? Какого рожна?

Это я-то умный родитель? Гм...

Проехали.

Я послал те же штурмовики утюжить изготовившийся к взлому моей обороны бронированный кулак Даву, Нея и Жюно — и напрасно сделал: здесь Виталька держал очень серьезные средства ПВО, и мои штурмовики гробились почем зря, не причиняя противнику существенного урона. Внезапный артналет тоже получился жиденьким: на левом фланге от моей обороны уже почти ничего не осталось, кроме минных полей, и эти-то поля эскадра Виталькиных «Миражей» просеивала в мелкую муку кас-

сетными бомбами. Грохотало и выло так, что затыкай уши. Ну ладно... По перепаханному на метр в глубину грунту как танки Даву, так и БМП Мюрата пойдут не слишком шибко, что мне и надо, так что до Семеновского оврага (в нашем масштабе — каньона) под перекрестным огнем и ударами с воздуха дойдет едва ли половина бронированной армады, где и упрется, а в обход мне ее надлежит не пущать до тех пор, пока спецназ Платова и десантники Уварова не проведут отвлекающую диверсию на правом фланге...

— Забавно, — сказал Виталька, когда его наступление начало выдыхаться, а я выбросил десант у него в тылу. — Почти как в двенадцатом году, разве что масштабы другие. Только ты поторопился, пап. Кутузов послал Платова и Уварова позже — я еще твой центр почти не атаковал. А вообще — соответствует. Та же самая тактика и у Наполеона, и у меня. Собственно, тут само напрашивается. Вот если я попытаюсь обойти твой левый фланг — ты что сделаешь? Бросишь резервы. И получится у нас встречная танковая мясорубка, как под Прохоровкой...

— Много ты понимаешь, — сказал я. — Наполеон вовсе не собирался всерьез атаковать левый русский фланг, сказки это. Ему пришлось пойти на вариант, который он с самого начала считал запасным. А знаешь почему?

— Почему?

— Потому что русскими войсками командовал Кутузов, а не я. Наполеон умел прорывать боевые порядки, а наш лукавый царедворец никогда не мешал противнику сполна пожать плоды своих заблуждений. Вот посмотри на первоначальное боевое расположение русской армии — ну не бездарно ли? А между тем для французов были приготовлены две ловушки, и только по чистой случайности ни одна из них не сработала.

— Это какие же, пап? — Сын, конечно, не поверил. В его возрасте ничему не верят. А если ловушка с приманкой не захлопывается, она называется кормушкой. Все правильно.

— Во-первых, корпус Тучкова. Это была меньшая из двух ловушек и всем известная. А главная — батарея Раевского, как ни странно. Как ты думаешь, почему из шестисот с лишним русских орудий центр позиции защищало всего восемнадцать? Что за махровое дуроломство, если не вредительство, а? Кто и почему отвел пехотное прикрытие?

— Ну? — спросил Виталька.

— Батарея должна была геройски погибнуть максимум на втором часу сражения. Что должно было произойти дальше? Ну, я слушаю.

Сын пожал плечами.

— Ежику понятно, пап. Наполеон должен был ввести в прорыв ударные части, чтобы развить успех и рассечь армию противника надвое, одновременно сковав боем фланги — сил для этого у него было достаточно.

— Правильно мыслишь, — похвалил я. — Мысли дальше — дело хорошее. Предположим, так и произошло. Теперь ты Кутузов. Твои действия как полководца русской армии?

— Ну, — наморщил лоб Виталька, — я попытался бы подтянуть резервы... особенно артиллерийские. И — прямой наводкой! Сражения бы не выиграл, но от полного разгрома армию, может, и спас бы.

— А если резервы разместить заранее?

— То есть? Погоди, ты хочешь сказать...

— Именно. Вот здесь, — я эффектно обвел пальцем полукруг, — у Кутузова стоял мощнейший артиллерийский резерв и — одновременно — артзасада. Худо бы пришлось Буонапарте, прямо скажем... А не захлопнулась ловушка по одной простой причине: батарея Раевского продержалась впятеро дольше ожидаемого, произошел редкий случай, когда героизм солдат послужил помехой замыслам полководца. Приказ защитникам отступить в начале сражения был бы дик, а потом стал невозможен: вся армия смотрела на геройскую батарею, как на знамя, а Кутузов всегда адекватно оценивал моральный фактор... Короче говоря, он понял, что ничего изменить нельзя, и приказал убрать засаду. Вот так-то подлая реальность гробит администрирование. Еще и хуже бывает, только реже.

Пока Виталька, морща лоб, переваривал, сражение застыло. Окутанная сизым дымом установка «Ливень» как присела набок после залпа с двухсот направляющих, так и забыла выпрямиться. По виртуальному небу перед Витальким носом со скоростью амебы в тихом пруду плыл многотонный реактивный «чемодан» с кассетной головкой, и с его сопла отшелушивалась обгоревшая краска.

— Правда так было, пап?

Я развел руками.

— За что купил, за то и продаю. Поговорку о том, что все тайное становится явным, придумали идиоты для самоуспокоения. Убедительная версия, и только. А ты не замечал: чем дальше от времени события, тем больше версий, причем каждая убедительнее предыдущей?

— Ну, пап! — Виталька развеселился. — Этак что угодно можно как угодно...

— Можно и нужно, а ты думай. Полезное занятие для умных людей.

События на поле сражения перестали соответствовать каким бы то ни было историческим параллелям, когда я увидел флотилию бронекатеров на воздушной подушке, крадущуюся по Колоче в кильватер. Сами по себе они ничто, но вот как поддержка при форсировании... Очевидно, Виталька готовился к выдвижению крупных сил с последующей попыткой прорыва моего центра. Ну, это он зря. Кстати, насчет бронекатеров, равно как эсминцев, авианосцев, ракетоносных субмарин и прочих флотских посудин, мы не договаривались, и коль скоро Виталька играет на грани фола, то можно и мне...

Моя диверсионная группа как раз перекрыла створы водосбросов скоренько возведенной в тылу противника плотины, чтобы, накопив водички, в нужный момент вызвать хорошее цунами по всему дефиле в речной долине, когда тихонько и неслышно для Витальки вякнул вызов «шухера». Ага, то-то я чувствовал, что не следовало мне сегодня чересчур увлекаться активным досугом. Так и есть.

— Поиграй пока без меня, лады?

— А ты куда, пап?

— Позвонить надо. Я быстро.

4

Ясно было видно, что Виталька побывал и тут, наверху. Наверное, пытался оживить аппаратуру, чтобы узнать, в какие такие игрушки играет отец. Малахов хрюкнул. Как же, оживил один такой...

— Малахов слушает! — сказал он, падая в кресло. — Виктор Антонович, ты?

— Простите, Михаил Николаевич. — Тон у Гузя был виноватый. — Есть тут одно дельце. Разряд «Периферия», спешное. Я мог бы и сам, но подумал: может быть, вы лично...

Малахов прислушался к ощущениям. Затылок не хулиганил.

— Сам не решаешься, значит? — благодушно сказал он. — Так и быть, давай сюда свое дельце и отключись. Проверю.

— Обижаете, Михаил Николаевич...

Гузь исчез, а вместо него в экран попало широкоскулое, коричневое от загара лицо в пятнистом кепи — пол-лица наискось срезано тенью козырька. Лицо вроде бы знакомое. А резкое же у них солнце, подумал Малахов, этак и рак кожи заработать недолго. А мазаться озоновым кремом и блестеть, как надраенный сапог, — это увольте, это не для нас, проживем без косметики... Ага, узнал. То-то меня поразило в прошлый раз в этом полковнике: форма спецназовская, кокарда пограничная, а петлицы ПВОшные — без двух минут воннегутовский воздушный десант морской лыжной пехоты...

Бывает.

Увидев Малахова, полковник слегка дернул щекой и козырнул — с заметным пренебрежением к настырному стрюцкому, сующемуся не в свое дело:

— Полковник Юрченко.

— Слушаю вас, полковник. Что на этот раз? Опять воздушный нарушитель?

Позади полковника Юрченко низовой ветер трепал колючие кусты на солончаке и суматошно катились, обгоняя друг друга, потрепанные шары перекати-поля. Один, особенно крупный и неуклюжий, попав в стоячий вихрь, все время забавно подпрыгивал, то появляясь над погоном полковника, то исчезая.

— Точно так. Самолет типа «Майский жук», скорость около трехсот, идет ущельями, общее направление движения север-северо-запад. Шесть минут над нашей территорией. — Он посмотрел на часы. — Простите, уже семь... Ведем надежно, дублируем слежение через спутник. — Он чуть заметно покривил губы, но справился с собой. — Разрешите действовать?

— Подождите, полковник... — сказал Малахов. — Просветите неуча: что это за «Майский жук» такой?

Полковник Юрченко вздохнул.

— Малый грузовоз на три с половиной тонны груза максимум. Широкофюзеляжный, с кормовой и носовой аппарелями. Экипаж два человека. В штатном варианте не вооружен. Почти беззвучен — два ванкеля с хорошими глушителями. Ближайший аналог по летным характеристикам и назначению — старый немецкий «Арадо-232». Хорошо механизированное крыло, весьма низкая посадочная скорость плюс нетребовательность к площадке. Гусеничное шасси с активной подвеской. При необходимости это дерьмо может сесть на заболоченный луг, — полковник покосился через плечо на изглоданный ветром солончак и подпрыгивающие мячики перекати-поля, — или, например, на лесную вырубку. При необходимости сядет аварийно и на курумник, только оттуда уже не взлетит...

— Благодарю вас, понял. Ваши соображения о цели полета?

— Ущельем им лететь еще минут девять, далее путь только на запад. Там дрянное нагорье: холмы, горушки, сухие балки. При сверхнизком полете есть где укрыться от радарного контакта, и они это знают. В каком-либо из местных кишлаков у них наверняка перевалочная база.

— А спутниковое слежение?

— Через пятнадцать минут спутник уйдет за горизонт.

— Только один спутник?!

— Это вопрос ко мне? — осведомился полковник.

Он был прав.

— Вы полагаете, у них может получиться?

— В позапрошлом году получилось, — буркнул полковник.

— Простите, я неточно выразился, — сказал Малахов. — Меня прежде всего интересует не маршрут, а характер груза. Наркотики?

— Весьма вероятно.

— Может быть, оружие?

— Тоже возможно.

— Или террористическая группа?

— Не могу полностью исключить и этого.

— А если беженцы?

— Крайне маловероятно. — Он сделал пренебрежительный жест. — Эти обычно идут пешком.

— Мне бы вашу уверенность, полковник. Что вы намерены предпринять в отношении этого самолета?

— Сбить, как только он выйдет из ущелья.

Так и есть, подумал Малахов. Спасибо Гузю — не пустил дело на самотек. Значит, сбить... И собирать обломки в радиусе двух километров, а вернее всего — выжигать эллипс разброса подчистую. И то нет гарантии даже на девяносто процентов. Суслики. Байбаки. Мыши. Упорная жизнь, способная пересидеть в норах какой угодно катаклизм. Недоставало нам нового природного очага на своей территории. Будто мало существующих.

Малахов откашлялся.

— Сбивать самолет запрещаю. Вы слышите меня, полковник?

Полковник Юрченко снял кепи и вытер лоб. На сожженной, в мелких морщинах коже резко обозначилась белая полоса от козырька. И поздней осенью нет у них в природе услады. Бьющее наотмашь азиатское солнце. Азиатский упорный ветер, как нескончаемый, сводящий с ума напев. Азиатская сушь.

Одну секунду полковник Юрченко глядел в экран и думал. А потом он сделал то, чего Малахов никак не ожидал от хорошо выдрессированного военного. Юрченко изобразил изумление и спросил:

— Почему?

— Вы в курсе, что он летит из чумного района?

— Тем более — сбить.

— Интересно, полковник, — иронически сказал Малахов, — зачем вы вообще связались со Службой, если и сами все знаете?

Полковник Юрченко демонстративно вздохнул.

— У меня есть приказ сотрудничать с вами.

Малахов тоже вздохнул.

— Насколько мне известно, у вас имеется не ограниченный сроком действия приказ о безоговорочном выполнении указаний Санитарной службы, исходящих с уровня не ниже моего заместителя. Окружному отделению Службы вы, конечно, не подчиняетесь, хотя лично я думаю, что это неправильно... Все верно, или я что-то перепутал?

На коричневом лице перекатились желваки.

— Все верно.

— Итак, полковник, — сказал Малахов. — Слушайте внимательно и попробуйте только отключиться. Сбивать самолет категорически запрещаю. Приказываю посадить его неповрежденным где-нибудь подальше от населенных пунктов, колодцев и троп. Место выберите сами. Я свяжусь с Мошковым. Вы его знаете? Очень хорошо. Он перебросит к вам мобильную группу. Запомните: после посадки ваши люди осуществляют только внешнее прикрытие. С беженцами — если там беженцы — будут иметь контакт только люди Мошкова и ни в коем случае не ваши. Всему участвующему в операции личному составу пользоваться средствами индивидуальной биозащиты. Все. Действуйте.

Полковник Юрченко исчез из кадра. Малахов позвонил Мошкову и после краткого разговора с минуту смотрел на пустынный ландшафт. Ничего в нем не было интересного, кроме редких колючек, перекати-поля и одинокого солдата, мучительно пытавшегося свернуть в бухту длинный, волочащийся по земле кабель.

Надо было ждать. Малахов отделил пол-экрана и позволил компу выбрать канал телевидения. Там была искусственная метель за окном, и пышнотелая русоволосая секс-дива, по сценическому имени — Воспламеняющая Задом, с улыбкой аля Джоконда на румяном лице деловито снимала с себя валенки, ватные штаны и телогрейку. Национальный модный колорит. В куче сброшенной на пол спецодежды глаз невольно искал какой-нибудь ломик или разводной ключ, но, наверное, девушка оставила инструмент за дверью. Помянув недобрым словом Нетленные Мощи и Службу духовного здоровья населения, Малахов вырубил канал.

— Через две минуты переключим на изображение с вертолета, э-э... — Говоривший, явно не зная, как обращаться к Малахову, немного помычал и, не дождавшись подсказки, умолк.

— Понял вас.

Хорошо англосаксам, мельком подумал Малахов. У них «сэр» — и точка.

Он стал смотреть на Витальки ны игрушки, столпившиеся на полке над экраном. Давно пора их выбросить, тоже мне реликвия... Дракона вот оставлю, эта игрушка у сына любимая была, а остальные — на помойку.

Механический дракон с ноздрями, похожими на лунные кратеры, вроде бы принюхивался. Он не возражал. И голографический портрет Кардинала, висящий над полкой, тоже не возражал, хотя и не относился к игрушкам сына. Это был умный портрет, он обо всем имел собственное мнение. Малахов вспомнил, как Кардинал, зная о портрете, однажды по-доброму погрозил пальцем. Только один раз. Наверное, понял, что Малахов держит у себя портрет не из сентиментальных чувств, а ради напоминания о возможных последствиях ошибки, и воздержался от отеческого нагоняя.

Ради напоминания о последствиях оно полезно...

Затылок вел себя прилично, а значит, все шло как надо. Бесспорно, полковник Юрченко очень хотел бы разобраться с нарушителем по-своему и без лишнего шума, но как раз этого нельзя было допустить. Если хочешь чего-то добиться от много о себе понимающих структур, надо периодически подтягивать поводок, это Малахов знал твердо. Иначе на запросы будешь получать информацию той же степени достоверности, как байка о том, что жареная курица снесла яичко, годное к инкубации, и работать станет невозможно.

Малахов попытался прикинуть, откуда может лететь этот самолет, а потом вспомнил слова о том, что «Майскому жуку» не нужен специальный аэродром. Значит, откуда угодно... ну, не совсем откуда угодно, все-таки горы, хотя мест для взлета-посадки и там наверняка хватает. Не суть важно, главное — заразный район, кашмирская кожно-легочная форма чумы, черт бы ее побрал, мерзость редкостная... Конечно, наркотики или оружие куда вероятнее. А если люди? Десятка четыре — или сколько их там? — беженцев, добровольно идущих на страшный риск, чтобы только улететь от войны, от чумы, от голода... Женщины, дети, просто отчаявшиеся люди. Куда угодно, на чем угодно, только подальше от смерти — туда, где людям привычнее жить, чем умирать. За перелет с них могли взять все, что они имели, и еще сверх того. Могли оставить в заложниках брата, сестру, ребенка... На опиумных тропах, да еще во время войны, всегда не хватает носильщиков.

Ничего, подумал Малахов. Мошков с ситуацией справится, пусть там даже половина заразных. Карантинный лагерь в пустыне — лучшего места не придумать.

Изображение на экране поменялось. Озвученная тонким свистом турбины и дребезжащим рокотом винта, по холмистой пустыне далеко внизу побежала узкая хищная тень вертолета. Пузатый самолет шел ниже, неуклюже пытаясь маневрировать, а по обе стороны от него, догоняя, неслись два Ка-80 — нарушителя брали в «клещи». «Борт три, дай еще одну», — приказал кто-то. Длинно и внятно простучал пулемет, трасса прошла выше нарушителя.

— Ага! Уразумел, садится.

Пузатый самолет пошел навстречу своей тени, коснулся ее и после короткой пробежки встал. Вертолет, примериваясь, сделал разворот и завис, пустыня набежала снизу, брызнул в сторону вырванный потоком воздуха куст, изображение заволоклось было поднятой пылью, но тотчас отвернулось вбок, и Малахов увидел, что второй вертолет тоже садится. Третий остался в воздухе, облетая по широкому кругу место посадки самолета.

Затылок не болел.

Ротор приземлившегося вертолета работал на холостом ходу, и в пыльное облако из брюха машины сыпались люди в пятнистом. Разбежались в стороны, беря самолет в полукольцо... Группа Мошкова запаздывала, но должна была появиться с минуты на минуту. Малахов успел подумать о том, что на самом деле не так уж часто бывают ситуации, когда одна минута решает все, на этот раз операция должна пройти благополучно, если только военные не проявят излишней прыти...

В фюзеляже самолета откинулась кормовая аппарель. Мелкий сгусток огня выскочил из черного зева и кинулся, казалось, прямо в глаза.

На секунду Малахов ослеп и оглох. Изображение дернулось, задрожало и начало заваливаться набок. Летели какие-то клочья. Медленно, ничком в потрескавшуюся землю падал солдат в истерзанном осколками хаки. Еще один шустрый огненный комок — или так показалось? — метнулся ко второму вертолету, не долетел и рассыпался брызгами. Видимо, там не зевали.

Кто-то отдавал команды лающим голосом.

Потом самолет подпрыгнул, разломился пополам и скрылся в кучевом облаке огня, дыма и пыли, и где-то вне кадра тонко

кричал раненый, кто-то яростно матерился, а полковник Юрченко рычал с ненавистью прямо Малахову в лицо и указывал на убитого:

— Твоя работа, гад, твоя... Не отмоешься вовек, понял? Эта кровь на тебе, слышишь, ты!..

И по-прежнему, справа налево пересекая застывшую в экране жуть, катились и катились, подпрыгивая, невесомые шарики перекати-поля.

Малахов сглотнул всухую.

— Принято к сведению, — сказал он. — Теперь вот что: место посадки выжечь предельно тщательно, и вокруг тоже, насколько возможно. Учтите ветровой вынос. Всем участникам операции сегодня же пройти повторную вакцинацию, и вам также, полковник. Выполняйте.

...Огнеметы еще работали, когда он выключил связь.

Глава 2
СУИЦИД

Полная свобода делать все, что ты хочешь и как ты хочешь, — это, в сущности, не более, чем свобода вообще ничего не делать.

Норберт Винер

— Следует понимать так, что вы снова его упустили? Только отвечайте четко: да или нет?

— Да.

Лицо отвечавшего осталось неподвижным. Бритая голова, сбитый на сторону кривой нос и мощные шейные бугры, распиравшие ворот сорочки, делали его похожим на боксера-профессионала. Лишь капельки пота на лбу выдавали страх, зато спокойный голос нисколько не изменился, констатируя:

— Мы его упустили.

— Упустили во второй раз, прошу вас заметить. Ну и как же вы собираетесь объяснить это обстоятельство?

— Честно, шеф?

— А как вы думаете?.. Правильно, молодец. Когда можно будет врать, я скажу.

— Простите. Если честно, то не знаю.

— Вот даже как?

— Именно так, шеф. Совпадение случайностей, вы же знаете, как это бывает. По всему, мы должны были его взять, голову даю на отсечение... Да что там, в той ситуации и толковый профессионал вряд ли ушел бы, а ведь он, как я понимаю, никто. Да я его сам видел, вот как вас вижу, — чистый шпак, ничего толком не умеет. Лопух, одно слово...

— Однако этот лопух, как вы позволили себе выразиться, оставил ни с чем и вас, и вашу команду экстра-класса. Любопытный лопух, вы не находите? Кстати, для чего вы его вообще загнали в тот дом?

— Пришлось пойти на запасной вариант, шеф. Взять его на улице не представилось возможным.

— Не представилось — или он вам не представил? Впрочем, достаточно. Меня совершенно не интересует, почему он сумел от вас уйти, действия ваших людей анализируйте сами. Меня также очень слабо интересует, что вы намерены предпринять, чтобы впредь ничего подобного не повторилось. По сути, меня занимает только один вопрос: когда этот человек будет доставлен живым и по возможности невредимым сюда, в этот кабинет? Так когда же?

— Простите, шеф, мы его потеряли. Найдем, конечно, это вопрос нескольких дней. Проработка вероятных мест посещения, регулярные объявления о разыскиваемом маньяке с приметами объекта, показания очевидцев, папиллярная идентификация в общественных местах... Наследит обязательно. Поверьте, шеф, если он не забрался куда-нибудь в тундру, найти его — две недели максимум, а взять — вопрос техники. Случайностей больше не будет, обещаю. Мы его возьмем.

— Ну-ну. Между прочим, хочу еще раз напомнить, что применение форсированных спецсредств при задержании объекта вам категорически запрещено. Он мне не нужен ни с полной амнезией, ни с частичной, так что ничего психотропного, кроме табельных мозгокрутов, вы меня поняли?.. Кстати, у него есть комп. Полагаю, вам сообщили, что за последнюю неделю объект дважды выходил в сеть через спутник, используя свой пароль, — и, чует мое сердце, еще выйдет. Полагаю, это обстоятельство облегчает вашу задачу?

— Разумеется. Однако позволю себе заметить, что местонахождение объекта определяется с точностью до пяти километров: спутники связи просто не предназначены для целей пеленгации абонента. Мы, конечно, блокировали выявленные районы, однако безрезультатно. Разве что заменить спутник на более соответствующий нашей задаче или переориентировать спасательные и навигационные сети на поиск одного человека... Шучу, шеф, извините.

— Не извиняйтесь. Об этом стоит подумать. Может быть, вы правы.

— Еще раз простите, шеф... вы серьезно?

— Вполне. Помните, вас по-прежнему не должно касаться, кто этот человек, но для его отлова нам с вами позволительно пойти на любые издержки. Я хочу, чтобы вы накрепко усвоили: жизнь этого человека дороже вашей раз этак в миллиард, да и моей тоже. И мне он нужен живым. Вы поняли? Только живым.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

на Малахова Михаила Николаевича,
2001 г. рождения, воспитанника
подготовительного интерната Школы

2-й экземпляр — в архив Школы (База данных «Порода»)

3-й экземпляр — в личное дело Малахова М.Н.

Кандидат: Малахов М.Н., 12 лет, в поле зрения наблюдательного совета с 2007 г., в интернате с 2011 г. (зимний набор), прошел полный курс подготовительного обучения.

Родители: отсутствуют.

Родственники и друзья вне интерната: отсутствуют.

Психика: устойчивая.

Темперамент: смешанного типа со слабо выраженным преобладанием флегматизма.

Восприятие действительности: адекватное.

Фобии: специфически детские, незначительные.

Общительность: удовлетворительная.
Порочные наклонности: не замечены.
Тяга к лидерству: достаточная.
Возрастная агрессивность: умеренная.
Деструктивность: крайне умеренная.
Интеллектуальный уровень: соответствует требованиям.
Логические способности: не выше средних по группе.
Интуитивные способности: исключительно высокие. (Примечание: вероятно, врожденные. При благоприятных условиях не исключено дальнейшее совершенствование.)
Общая субъективная оценка: уверенно положительная.

Результаты голосования по кандидатуре:
За: 5. Против: 0.

Наблюдательный совет подготовительного интерната Школы считает необходимым рекомендовать перевод кандидата Малахова М.Н. в основной состав учащихся.

14.09.2013 г.

1

«Если на клетке слона написано «буйвол», не верь глазам своим» — это мы проходили, это все знают.

Ну а если на клетке африканского слона висит табличка «слон индийский»?

Некоторые поверят.

Эти и подобные мысли иной раз посещают меня на подходе к серому зданию на углу Мерецкова и Второго Ополчения. Дом как дом, в высоту не лезет, нечего ему делать повыше птиц, пониже архангелов, зато занимает полквартала и стоит несокрушимо, как стоял когда-то Иерихон, пока Иисус Навин не выслал под его бастионы духовой оркестр. Показного памятника лягушкам-мышам-собакам-дрозофилам, убиенным во славу науки, в сквере перед парадным входом мы не держим — ни к чему науке слава, из-за которой придется гонять гринписовцев, — зато по обе стороны от массивных дверей, оскорбляя зрение стилевым разнобоем, живут вывески.

Их несколько, среди них одна или две — поскромнее — обязательно околомедицинского характера, скажем, «Комиссия по санитарии общественных транспортных средств» или «Институт вакцинации АН (филиал)». (Вакцинации академиков?) Встречаются и более забавные, но я давно уже перестал утруждать себя их запоминанием, к тому же они время от времени меняются. Некоторые из них нагло врут, порой вызывая неловкость даже у меня, другие не говорят нормальному человеку ровным счетом ничего; есть и такие, что утверждают сущую правду — никому не нужную, как не нужны в этом здании организации, не принадлежащие Конторе, а организации, так сказать, виртуальные места не занимают, за это ценное свойство их и выдумывают специальные люди.

(Жаль, ни с кем из них я близко не знаком. Подкинул бы пару идей.)

Не входите в Контору с парадного подъезда, не советую. Там вы найдете армию брюзгливых чиновников, беглый взгляд на которых рождает две мысли: о невозможности заставить их выполнять прямые служебные обязанности и о скорострельном пулемете как средстве воспитания. Гузь специально таких подбирает, у него к этому талант, и он втайне гордится лучшими экземплярами. Первый и второй этажи отданы им, их обитателей так и зовут — «нижние», — в топографическом значении этого слова, без всяких обидных намеков. Любопытно, что многие из этих трилобитов всерьез убеждены, что делают большое и полезное дело, — никто с этим не спорит и спорить не собирается, хотя нужны они лишь для того, чтобы тихо хоронить указания свыше и ограждать тех, кто действительно работает, от вредного влияния улицы.

И в этом смысле они действительно делают большое и нужное дело.

Настоящая работа ведется не здесь, и я иду к лифту не через парадный вход, где меня все равно не знают. Кружным путем ближе, и неохота лишний раз говорить «ша».

Стоп. Приехали.

Вид у Гузя взволнованный, но самодовольный.

— Все в порядке, Михаил Николаевич.

Значит, мой вчерашний эксперимент по спихиванию с себя ответственности прошел успешно.

— Рад слышать. Что у нас новенького по миковирусу?

— Вчера ничего, — торопливо объясняет Гузь. — А сегодня буквально полчаса назад сообщили: одна из сывороток, кажется, обнадеживает. Эффективность та еще, но обезьяны живы. А одна, кажется, выздоравливает.

— Отлично. — Я на ходу фиксирую информацию и не прошу более подробных данных. Лет пять назад я бы с большой охотой полез в детали, потому что случай действительно уникальный, и мешал бы людям работать, — но теперь вся эта наука не для меня. Отстал и лишь иногда вспоминаю ностальгически. Не та профессия. Функционер — диагноз на всю жизнь. Вы мне скажите, где очаг, а уж кордоны я сам расставлю.

Вот так вот.

Санитария, слава богу, консервативна, так что я до сих пор обычно понимаю, о чем идет речь. Если практикующий врач желает быть в курсе новинок, дабы не выродиться в фельдшера, он должен учиться непрерывно, и времени на больных у него уже не остается. Заколдованный круг. Когда я развиваю эту малопопулярную тему вслух, то иногда прибавляю: «Вот потому-то я и пошел в санитарные врачи».

Хотя, конечно, не поэтому.

Однажды мне пришло в голову, что Моисей не зря водил евреев по пустыне сорок лет, ох не зря. Нет, вовсе не для того, чтобы вытравить из богоизбранного народа рабский менталитет, — это позднейшие красивые выдумки. Гнилая лепра пряталась меж беглецов, выкашивая одного за другим, и бронзовокожие фараоновы солдафоны, подчиняясь приказу гнать и не пущать назад, хоть и преследовали евреев, отнюдь не горели желанием догнать их, тем более прикоснуться. Надо думать, египтяне вообще боялись приблизиться к ним на полет стрелы, особенно с подветренной стороны. Хотя лично я полагаю, что эти вояки здорово преувеличивали опасность: наверняка египетские власти, убоясь эпидемии, гнали взашей всех и всяких подозрительных, так что на одного реально больного приходилось вряд ли меньше десятка здоровых беглецов, или изгнанников — называйте как угодно. Лес рубят — щепки летят, всем известное дело. Сорок лет скитаний в пустыне понадобились для

того, чтобы все, кто мог заболеть, заболели, сгнили и умерли. Как известно, инкубационный период проказы в отдельных случаях может достигать двадцати семи лет, так что Моисей немного погорячился, но в целом поступил как грамотный санитарный врач — да и санитарно-полицейские власти сопредельных стран, надо думать, не дремали. Оно, конечно, сорокалетний карантин, по нынешним временам, излишне крутая мера, но в те времена, видимо, вполне оправданная.

Эпопея о миковирусе имела начало в середине лета и крови людям попортила немало. В самом прямом смысле. Очаг в Брянской губернии. Очаг в Воронежской. Пока гром не грянет, мужик нипочем не перекрестится, а санитарный врач, соответственно, не схватится за чан с карболкой. Какому ненормальному, скажите, могла прийти в голову мысль всерьез и заранее взяться за изучение вирусов не человека, не животных, не культурных растений даже — грибов! И какой, спрашивается, функционер не обломал бы умнику руки, дабы тот не отвлекался на ненужное и не клянчил средств? Выяснить, отчего тот или иной вирус, никогда прежде человеческим организмом не интересовавшийся, вдруг ни с того ни с сего оказывается для человечества смертельной угрозой — иное дело, но на этой задаче не одно поколение вирусологов сточило себе зубы до корней, а воз и ныне там.

Грянуло. Каким-то чудом за Уралом осталось чисто, а на Восточно-Европейской равнине к началу августа очагов насчитывалось столько, что на карте стало тесно от флажков. Ну может ли дачник, схрумкавший жаренную с луком сыроежку, предполагать, что получит что-либо, помимо удовольствия? В самом худшем случае — ботулизм или прямое отравление микотоксинами, так ведь, как сказал бы Виталька, никто не заставляет есть плохо проваренные мухоморы! Чувство юмора у парня вполне медицинское. Это не диагноз, это возраст.

О чем это я? Опять о Витальке.

Нет, о грибах.

Повезло в одном: клиническая картина заболевания на первых стадиях напоминала эпидемический менингит, а в таких случаях Служба реагирует почти рефлекторно. В те безумные недели мой гнусный «демоний» донимал меня почти

беспрерывно и особенно жестоко. Болела бы лучше пятка, в самом деле, а не голова! Я и думать не мог — просто тыкал пальцем наугад, и, если попадал, боль в затылке на время успокаивалась. Во всяком случае, контактный путь распространения инфекции мы перекрыли. Гузя, тянущего на себе всю проблему, я заездил — тот ходил синий, как сатанинский гриб на срезе, и спать забыл. Менингококк не обнаруживался, хоть волком вой. К тому времени, когда в крови инфицированных был найден уникальный вирус и точно такой же был выделен из собранных в очаге грибов (поначалу из груздей, кажется), количество заболевших исчислялось десятками тысяч, а число летальных исходов перевалило за три сотни и продолжало расти с пугающей быстротой. Потом забрезжил свет в конце тунеля. Ныне первичное исследование закончено, методы лечения нащупаны и проверяются, а скоро, по-видимому, можно будет говорить о вакцинации. Я предложу, чтобы новый вирус был назван именем Гузя, если тот согласится поделиться своим именем с дрянью, угробившей полтысячи человек.

— Ага. Есть какие-нибудь проблемы на мою голову?

— Все под контролем, Михаил Николаевич.

— Да?

Я начинаю крутить носом, а Гузь торопится провести меня мимо туалета. Из-за запертой двери слышно водопадное шкворчание струй, низвергающихся из-под потолка на кафель, и... гм... запашок.

— Сапожник, когда сапоги себе пошьешь? — вопрошаю Гузя.

Вопрос риторический, и если Гузь просто пожмет плечами, вместо того чтобы засуетиться, то я в нем не ошибся.

Он так и делает.

Я затыкаю нос и несу в себе свой воздух, как снаряженный батискаф. Черт знает что, но так устроен мир. Скорее автомобили перестанут сталкиваться, самолеты падать, а люди пороть глупости, чем в обозримой Вселенной появится хоть один действительно работоспособный сортир, не перескакивающий по собственному почину в режим реверса.

— Это тоже у вас под контролем, Виктор Антонович?

Гузь тушуется.

— Вчера трубу прорвало, Михаил Николаевич, — говорит он с таким видом, будто сам же трубу и проковырял, а теперь стесняется. — Бригаду ждем с минуты на минуту.

— А вы знаете, с чего начинается любое порядочное учреждение? — учу я. — Не с вешалки, это вас ввели в заблуждение. С сортиров! Каковы сортиры, таковы и люди, можете мне поверить. — Я морщу лоб, пытаясь сказать о сортирах еще что-нибудь умное, но тут грохот обрушившегося колена гнилой трубы выводит меня из затруднения. Шум за дверью становится громче.

— Вчера были сантехники, Михаил Николаевич, — оправдывается Гузь. — Не приглянулись они мне что-то, особенно один, ну я их и отослал. И в отдел безопасности команду спустил на всякий случай.

Ага. Как что, так в отдел безопасности. Бдительность у нас на высоте. А то как бы сантехник не поставил «жучка» в туалетный бачок...

На самом деле Гузь не так уж не прав: взаимный шпионаж между Конторами имеет долгую и славную историю. Дело святое. Что-то, конечно, утекает на сторону, без этого не обойтись, но не думаю, чтобы очень много. Контора Конторе глаз не выклюет, как бы ни пыталась. А что до источников информации Кардинала, то отследить их нашими доморощенными методами, насколько мне известно, еще никому не удавалось.

— Спасибо, Виктор Антонович, идите. Я у себя.

Обхода сегодня не будет, но все же выбираю кружной путь. Концентрация мозгов на этом этаже поражает воображение. Еще бы отдел безопасности сюда перетащить, но нет места и незачем портить людям настроение.

Управленцы. Иду дальше. Аналитический отдел. Надо заглянуть к Лебедянскому, но потом. Дальше. Группа перспективных исследований, специально выделенная для зубастого молодняка, — все на местах и рвутся в бой. Свора трудоголиков. Один бедолага спит на диване, видно, работал ночью, а они на него навалили каких-то папок... К двери приколоты две бумажки с дежурными афоризмами. На той из них, что висит повыше, криво оторванной от рулона, начертано: «Воистину, Аллах знает, а вы не знаете! Коран»; вторая же — явно чья-то посторонняя инсинуация — сообщает: «Оборванные,

голодные, греются на солнышке, микробов ловят. Артем Веселый».

Это верно, это про них.

Буква «х» в слове «Аллах» не удалась и похожа на дефектную хромосому...

Дальше!

— Ой, здравствуйте, Михал Николаич!

— Здравствуйте, Фаечка. — Мастерю на лице улыбку. — Все хорошеете, вижу. Ну, что у нас нового на «Урании»?

Фаечка слегка краснеет — она вовсе не смущена, но ей хочется сделать мне приятное. На компьютере — стандартная фальшкартинка для шефа. Меня не проведешь.

«Урания» — это не та космическая станция на орбите Луны, которую монтируют вот уже пятый год, а игра типа «Сделай сам», забава для молодых сотрудников, и теперь мне уже не дознаться, кто ее выдумал. Вообще-то лучшего средства для отвода пара в свисток трудно придумать. Кажется, их «Урания» названа не в честь известной музы, а в честь Урана, вокруг которого якобы обращается, и рассчитана тысяч на двадцать человек. Каждый играющий вносит в сценарий свою лепту, и иногда получается довольно забавная пародия на Контору. Меня, как я понимаю, они вывели в образе сурового завхоза, и не далее как позавчера я совместно с уборщицей героически отразил попытку проникновения на станцию инопланетной шпионско-диверсионной группы — «и пошли они, шваброй гонимы...». Бывало и похуже.

— Так что новенького, Фаечка?

— Скучно, — жалуется она. — В кают-компании объявлен конкурс анекдотов про камергеров Дурново и Хреново. Пока ничего интересного. Самодеятельная цирковая труппа показывает икарийские игры в туфлях на шпильках. Кто-то сливает топливо, а может, оно само испаряется. Криминальная хроника: два случая нанесения телесных повреждений, одно изнасилование, драка с побитием стекол в офисе третьего помощника, один случай сексуального преследования... В общем, скука смертная.

— Да уж. А преследование — кого кем? Мужчины женщиной, надеюсь?

— Педераста ребенком...

Ой.

— Звонили от президента, — сообщает Фаечка.

Так. Шутки в сторону.

— От какого президента? — пробую уточнить я.

— От президента Конфедерации. — Фаечка слегка обижается: мол, со всякими другими президентами мы и разговаривать не станем. — Опять дело о таможне. Я записала, вот.

Читаю. Так и есть: таможня не дает добро (правильно делает!), и тяжба набирает градус. Три недели назад наша инспекция тормознула в Чопе пару рефрижераторных составов с биологическим материалом — сомнительным сырьем для чего-то типа искусственных овощей. Они, то есть составы, и посейчас там стоят — и мы не пропускаем, и словаки, разобравшись, стоят насмерть, как спартанцы у Фермопил, и назад через свою территорию — ни-ни. Как всегда, мы кому-то не нравимся, и нас пытаются образумить: мол, без этой мороженой цитоплазмы завод встанет, и люди жить перестанут и в осадок выпадут, коли останутся без удобных в упаковке кубических помидоров, каковые, если послушать, они предпочитают всяким там круглым, с куста. Биологическая опасность горлопанов не волнует, хотя сами они этих помидоров жрать небось не станут, а напомнить им про губчатую энцефалопатию — тут же заноют: «Так это ж когда было...» Последнее время в ход идет все более тяжелая артиллерия: сегодня президент, завтра, наверное, Кардинал. А послезавтра кто? Лично господь с молнией в карающей деснице на замахе?

Комкаю листок в шарик, чтобы лучше летел, и со злостью мечу в корзину. Попал.

Фаечка — вся внимание.

— Почему слово «президент» писано с̀ заглавной буквы? — спрашиваю я пока спокойно, но внутренне клокоча. — Что это вам — имя? Прозвище? Топоним? А слово «бог» вы тоже с заглавной буквы пишете, Фаечка?

Моя секретарша пожимает плечиками, потупя разрисованные глазки. Вряд ли подобные материи входят в круг ее интересов, зато она точно знает, что сейчас я начну отводить душу.

Уже начал.

— А бог — имя? — Я уже ору. — Саваоф! Саваоф его имя, или Брахма, или Иегова, или еще там как-то, а «бог» — всего лишь должность этого существа в штатном расписании Вселен-

ной, вам ясно? Должность! И уж будьте так любезны писать это слово с малой буквы, а «президент» и подавно — субординацию надо блюсти! Понятно?!

— Это ведь не я, — хлопает ресницами Фаечка, пытаясь оправдаться. — Это диктотайп. Не я же для него софт писала, Михал Николаич...

— Так найди мне обормота, который его писал! — гремлю я.

Фаечка принимается мелко дрожать — подыгрывает мне, умница, не очень убедительно, но старательно.

— Михал Николаич, я сейчас расплачусь...

— Вольно, — командую я. — Слезы на сегодня отменяются, а смех придержи немного. Президенту отпиши так: мол, Санитарная служба не находится в подчинении государства, о чем и напоминаем с нижайшим нашим почтением. Желаем всех благ и впредь подобными пустяками просим не беспокоить. Да накрути побольше словес подипломатичнее, шишки на ровном месте это любят... Сделай побыстрее, и шоколадка за мной.

— Триста тринадцатая, — сообщает Фаечка.

— Чего триста тринадцатая?

— Шоколадка. Вы обещаете, а я учет веду.

— Браво, Фаечка, — говорю я. — Когда наберется ровно пятьсот, дайте мне знать, и я вывалю на вас все сразу. Купание в шоколаде, идет? Или лучше в шампанском?

— Согласна в мазуте, — плотоядно улыбается Фаечка, — если только вы рядом — в царской водке.

— Не дождетесь, милая, — смеюсь я. — Еще что-нибудь для меня есть?

— Угу. Электронная почта как обычно. Да, еще кто-то бросил для вас записку в ящик у «нижних». — Фаечка нарочито роется в столе и делает вид, что ужасно сердита. — Вот она, получите! И передайте адресату, что духи у нее — дрянь.

Нюхаю. «Джульбарс, фас!» По-моему, ничем особенным записка не пахнет. Или я себе нюх отбил куревом?

Возможно.

Записка как записка. Без конверта — просто сложенный вдвое листок бумаги, грубо выдранный черт знает откуда. Хм. Очередное послание тщащегося отвести душу разгневанного

гражданина, чьи конституционные права нагло попрала Санитарная служба? Вряд ли оно попало бы ко мне: давно уже прошли времена, когда я находил удовольствие в чтении подобных цидулок, потому что не может же удовольствие длиться вечно! Случалось, филиппики (вероятно, в знак особой теплоты и доверительности) писались на туалетной бумаге, а умница Фаечка, мой незаменимый секретарь-референт, теперь докладывает мне лишь о количестве такого рода писем, пришедших за последние сутки, и, боюсь, ответы не радуют корреспондентов разнообразием: «Благодарю Вас. Сообщенная Вами информация принята к сведению. Бумага использована по прямому назначению», — или что-нибудь в этом роде, хотя на самом деле бумага попросту пожирается лапшерезкой. А ниже Фаечка оттискивает мою факсимильную подпись.

Вряд ли мне суждено кончить свои дни окруженным народной любовью.

Пока я нюхаю бумагу, Фаечка фыркает, на что я не обращаю внимания. Если бы эта малоподержанная блондинка действительно захотела затащить меня в постель, то давно бы так и сделала, а я бы только барахтался.

Хотя к вечеру я обычно так устаю, что мне уже не до Фаечки.

Интересно, спал ли с ней Путилин, мельком думаю я и вспоминаю, как нашли Путилина в этом самом кабинете и как Фаечка, когда ее привели в чувство, на несколько дней впала в полный ступор, озадачив всех и заставив меня начать поиски новой секретарши. Однако как-то обошлось, и наши отношения наладились. Может быть, кому-то удалось внушить ей, что моей вины в смерти Путилина нет — хотя, казалось бы, ищи, кому выгодно... Зато наверняка никому и никогда не удастся доказать ей, что Путилина никто не подсиживал, он сам загнал себя в угол. Даже вскрывшийся по ходу разбирательства факт злоупотреблений со стороны ближайших помощников (я их потом повыгонял, к чертовой матери, без права работать в Службах) не повлиял сколько-нибудь серьезно на исход дела. Нет виноватых.

Разворачиваю листок. Там крупно написано:

«Позвоните мне. Ольга». И телефон. Московский.

Странно.

— Кофе сделать вам? — спрашивает Фаечка уже миролюбиво.

— Спасибо, милая. Ничего не надо.

2

Вначале было слово. Даже чересчур много их нашлось, когда наверх ко мне заявился заскучавший Виталька, — одно мое слово было правильнее другого, я и сейчас не намерен от них открещиваться, а только стало как-то пусто и страшно холодно, словно правильные слова сами по себе — не ноль даже, а величина отрицательная... И Виталька обиделся и ушел. Укатил в свою Москву, пятьдесят минут на скоростной надземке. Вот тогда я разбудил бар и заказал себе коньяку, потом «Смирновской», потом опять коньяку, а за ним сухого «Каберне» и темного пива — и никак не пьянел, хоть плачь, только тошно стало, а под окнами на снегу орали коты, дорвавшиеся наконец до драки. Мне хотелось зареветь, это я точно помню, и, кажется, хотелось даже застрелиться, но стреляться я почему-то не стал. По голове себя лупил — это было. По подлому своему, шкурному, самодовольному «демонию», не подсказавшему уберечь того солдатика, ревниво берегущему меня, и только меня. Мне мечталось выколотить его из своей головы совсем, навсегда, но, разумеется, я только зря отбил руку.

«Плохая анимация, пап, — сказал вчера Виталька, мельком взглянув на мой экран. — Разве так огнеметы работают? Я думал, ты делом занят. А у меня там Даву к Москве вышел...» Тут-то полковник Юрченко и рявкнул мне от души: «Клистир!», чем привел Витальку в восторг и некоторое обалдение, и сплюнул под ноги, нисколько не думая о возможных последствиях, за что́ я полковника слегка зауважал.

Клистир и есть, зачем же резать ножом визжащую правдуматку? Сам знаю. Боюсь, правда, полковнику меня не понять. Ощущать себя гигантской клистирной трубкой, нависшей над скинувшей портки жертвой, заранее выпучившей глаза, само по себе малоприятно, а вы никогда не задумывались, что чувствует клистирная трубка, когда ее применяют по назначению? Лучше и не задумывайтесь.

— Всем вам придется совершать преступления, — говорил нам Кардинал, когда я был вдвое моложе, чем сейчас, и до сих пор этих слов не забыть. — Любая власть есть преступление, она является им автоматически, хочет она того или нет, и те из вас, кто думает иначе, ошиблись адресом. Простите, что повторяю вам тысячу раз говоренные истины: любое сколь угодно благое ваше действие на ответственном посту неминуемо наносит частичный вред тем, ради кого вы стараетесь. Если вам кажется, что этого не случилось, значит, либо вы невнимательно смотрите, либо человеческое общество изменилось к лучшему, во что позвольте мне, старику, не поверить. Помните: критерием правильности ваших действий будет служить лишь интегральная польза, а критерием оптимальности — минимум человеческих и моральных потерь. Не хочу сейчас говорить о том, что ждет вас в случае серьезной ошибки, тем более что каждый из вас и без меня, болтуна старого, это знает...

Мы знали. И еще мы знали, что он прав. А были мы уже не мальчики, кое-кому стукнуло двадцать, все как на подбор деловитые, упрямые и цепкие; в головах — возрастной цинизм, окрашенный романтикой, а в душе — песня...

Господи, да мы же слушали его с восторгом!

Нет пользы без вреда. Нет пути к пользе без совершения ошибок. Не хочешь причинять вреда — устранись. Иди спи дальше, а лучше — умри.

Старый как мир даосизм, но с иными выводами из посылок.

Если бы я не хотел, мне следовало бы позволить отсеять себя из Школы еще лет двадцать пять назад.

И точка.

Я знал, что тот солдатик во вспоротом металлом хаки еще не раз вспомнится мне в самый неподходящий момент и, может быть, даже приснится. Мне иногда снятся люди, которых я убил.

Хорошо, что я не видел его лица.

Я просмотрел электронную почту, механически переделал несколько дел из разряда каждодневной текучки — хоть тресни, не получается всю рутину взвалить на окружающих! — и, велев никому меня не беспокоить, плодотворно работал часа два. Проверка, проверка и еще раз проверка. Они тащат мне материалы,

не дожидаясь, когда я их запрошу. Они очень хорошо знают, чем я рискую. Спасибо вам, родные вы мои, мною же замордованные... Лебедянский, Штейн, Воронин... Гузь, надежнейшая рабочая савраска — между прочим, по определению не имеющая шанса когда-нибудь занять мое место и тем ценная... Функционер обречен отвечать своей шкурой за ошибки других. Как несчастный Путилин... Скажем прямо, добавлять в городскую водопроводную сеть экспериментальный препарат было актом отчаяния, финальной стадией цепной реакции ошибок, инициированной крохотным недосмотром подчиненного. Это было Поступком, последней попыткой вернуть себе контроль над ситуацией. Путилин пошел на авантюру — и ошибся. Масса случаев жесточайшей аллергии, кое-кого не успели вытащить из анафилактического шока — неприятно, но это простилось бы ему на общем фоне эпидемии, если бы таким путем удалось хотя бы локализовать очаг...

Иногда мне снятся люди, которых я убил.

И почему-то никогда — те, кого я спас. Почему-то.

Стреляться лучше всего не в висок, а в рот, как сделал Путилин. С точки зрения врача, ничего не имею против подобной рекомендации. Пройдя мягкое нёбо, пуля выносит наружу мозжечок гидравлическим ударом, и смерть наступает мгновенно, без болезненных судорог. Не вполне гигиенично, но что поделаешь — антигуманная природа не снабдила человеческий организм удобным выключателем с пломбой.

Побуксовав на этой мысли, я не сразу заметил, что читаю очередной документ уже по третьему разу. Ну вот вам, пожалуйста: очередная лютая обида на Санитарную службу и плюс к тому угроза дипломатического скандала. Комплексную экспедиционную группу из университета Маданга (Папуа — Новая Гвинея), направляющуюся на Таймыр по межправительственной договоренности, задержали в карантинном отстойнике почему-то Туруханска для обследования на возможное вирусоносительство и обязательной вакцинации. Последнее для части группы оказалось неприемлемым по религиозным мотивам, остальной состав экспедиции солидаризовался с ортодоксами, в результате чего Конторой получен ряд протестов, так сказать, частных, а от всей группы чохом — общий протест по поводу задержки и срыва сроков экспедиции, и консульство воет дурным воем о нарушении норм и прав.

Нет предела дуроломству! Я давно понял, что если можно сравнить человечество с выдуманным человеком, то человек этот по типичным повадкам — малолетний трудновоспитуемый хулиган со стерильным интеллектом; говорить с ним бесполезно, а сразу начинать пороть — вроде бы жалко...

И что этим папуасам понадобилось на Таймыре?

Ни к селу ни к городу мне вспомнилось вчерашнее дурацкое происшествие с ненормальным лыжником, любителем обниматься с соснами, и его сотоварищами-попрыгунчиками. Человек имеет право. И ведь верно: имеет, например, священное право съездить в ту же Новую Гвинею и, несмотря на всевозможные прививки, безошибочно подцепить и привезти сюда такую тропическую гадость, что наши тропикологи только руками разведут и перекрестятся.

Все меняется к лучшему, но лучше не станет — кто это сказал? Должно быть, инфекционист. Еще не так давно какой, любопытно мне знать, сумасшедший мог ожидать вспышки элефантиаза среди работников заповедника на острове Врангеля? А лихорадкой Денге где-нибудь в Амдерме вы, случайно, не хворали? Не отчаивайтесь, у вас еще все впереди, и вашего права заразить себя и других какой-либо известной (а если повезет — то и неизвестной) смертью у вас никто не отнимет.

Может быть, даже я.

Существуют неизлечимые тропические болезни, поразившие почему-то какой-нибудь десяток человек во всем мире. Вам мечтается быть одиннадцатым?

Мне почему-то нет.

Будь моя воля — запретил бы людям жить ниже тридцатой параллели, а в Южном полушарии — пусть антиподы разбираются сами.

Стюардесса по имени Жанна
С фэйсом желтым, как шкурка банана,
Из Бомбея летит,
К нам везет гепатит...

Старо это, старо. Исторический фольклор мединститута, и, надо сознаться, это было едва ли не самое пристойное из

того, что мы певали студентами под водку и девочек. Уже тогда этой песенке было не помню сколько лет. Много утекло воды.

Почему мне не снятся те, кого я спас?..

По кочану.

Дранное осколками хаки... Спешащие в никуда мячики перекати-поля, подскакивающие на выжженных огнеметами тлеющих проплешинах, неожиданно вспыхивающие...

Стоп!

Во мне начала просыпаться здоровая злость — как средство самозащиты, не иначе. Не терплю быть виноватым, и все тут; не мне решать, есть ли на мне вина, нет ли ее вовсе, — для чего-то имеется и суд чести, хоть вы о нем никогда не слыхивали, и это правильно, незачем вам о нем знать. И перестаньте кривиться, вы, чистоплюи отвратные, вовек бы не видеть ваших рож... Что вы смотрите на меня? Ответьте мне, что лучше: взять на себя ответственность за гибель одного и спасти этим тысячу — или быть непричастным к гибели всей тысячи? Вам не случалось медленно — сутками — умирать под руинами здания, которое какая-то сволочь выстроила несейсмостойким? Я видел, как это бывает, и неправда, что надежда умирает последней. А бежать в ужасе по вмиг опустевшим улицам от накрывающего город желтого облака — скажем, сравнительно еще безобидного трихлорацетата натрия — вам тоже не приходилось? Надеюсь, что и не придется. А в своих планах на будущее вы, случайно, не учитывали возможность загнуться во цвете лет от какой-нибудь банальнейшей амебной дизентерии? Я почему-то так и думал.

Полвека назад нас еще не было — были эмбрионы, смехотворные по реальному могуществу зародыши нынешних Служб. Но, что интересно, идея носилась в воздухе уже тогда — хотя в те наивные полубуколические времена потери людей от их собственной деятельности еще не представлялись столь грозными. Я никогда особенно не интересовался историей вопроса (в Школе ее давали факультативно) — для меня, кадета, и для меня, функционера, совершенно ясным всегда было одно: кто-то должен сделать так, чтобы на нашей многогрешной, неправильно устроенной планете все-таки можно было жить.

И обеспечить это по возможности оптимальными средствами.

Мы обеспечиваем. Одна из четырех Служб, или даже сатрапий — плевать, как нас называют. Одна из четырех Контор — мозговых центров весьма разветвленных структур, составляющих Службы. Иногда, в тяжелых случаях — все вместе.

А если не обеспечим мы, значит, этого не сможет сделать никто и никогда.

Санитарная служба. Служба надзора за технологиями и защиты среды. Аварийно-спасательная служба. Служба духовного здоровья населения — эта четвертая побольше трех остальных, вместе взятых.

Четыре столпа, подпирающих этот мир.

И попирающих его для его же блага. А теперь можете вынуть пальцы из ушей, я уже все сказал... Нет, благодарю, возражения и контрдоводы меня не интересуют. Нисколько.

Я еще не успел наложить на папуасские протесты резолюцию: «В случае повторного отказа всю группу немедленно выслать из...», как голос Фаечки озабоченно произнес:

— Вас, Михал Николаич.

— Я же просил: не мешать!

— Очень срочно, Михал Николаич...

Черт знает что. Кардинал, что ли?

— Включи один звук, — приказал я экрану. — Да! Малахов слушает.

— А я тебя жду, Миша, — сказал Иван Рудольфович Домоседов. — Давай ко мне в «берлогу» прямо сейчас, а? Коньячок будет.

Уволю Фаечку, мрачно подумал я.

Затылок, как ни странно, не болел, словно и не предупреждал меня вчера ни о чем. Непонятно, а о чем он вообще меня предупреждал? Держаться подальше от Нетленных Мощей? Похоже на то. А почему, собственно?

— Извини, не могу. Может, в другой раз?

— Сейчас или никогда, Миша. Помни, за мной не пропадет. Не пожалеешь потом?

Тихонечко кольнуло. Едва-едва. Комариный укус. И сразу отпустило.

— Так ты едешь? — спросил он.

— Хм... Лады. Только ничего не обещаю.

Я дал отбой и неожиданно обнаружил, что взмок до хлюпанья в подмышках. Оказывается, я приготовился к невыносимой, адской боли, а вышел — пшик. Отсырел порох. Пф-ф... Ой-ой. Что-то странное происходит в этом мире, чего я никак не могу понять — не то я прежде времени износился как функционер, не то изначально был не гож для этой работы. Напиться, что ли, в стельку для лучшего понимания?..

Не сейчас.

— Мою машину, Фаечка. Нет, шофера не надо, я сам. Через десять минут.

Из рабочего кабинета я попал в личный кабинет, а оттуда спустился в камеру психологической разгрузки, по-простому — «молотильник». Безоружный «болван» отреагировал на мое появление наглой ухмылкой. Так оно и задумывалось по спецзаказу; ширпотребовские «болваны»-мечемашцы все как на подбор имитируют ярость неподвижно-зверскими рожами и не владеют лицевой мимикой. Сдерживая эмоции, я перебрал на пульте управления все квадратики меню, наблюдая, как меняется «болван», становясь то Гузем, то Нетленными Мощами, то Кардиналом, и остановился на последнем квадратике.

Теперь передо мною стоял я сам. Второй Малахов скалился мне в лицо и подмигивал с такой гнусной физией, какую мне вовек не скорчить.

— Защищайся, ублюдок, — сказал я ему сквозь зубы, медленно отводя для удара кулак.

3

Ожидать, ясное дело, не пришлось — Иван Рудольфович Домоседов, он же знаменитые Нетленные Мощи, встретил едва ли не у порога и сразу засуетился. Без давешнего плаща-самогрева весь он был тут — галстучек строгий, запонки отменные, воротничок в крахмальной броне, на пиджаке ни пылинки, и из-под мышек, мельком подумал Малахов, вряд ли пахнет чем-нибудь, кроме хорошего дезодоранта. Стареющий плейбой, на взгляд того, кто не знает, сколько нужно потратить времени, чтобы проесть хотя бы внешнюю его броню. А сколько их там внутри, легированных слоев, — кто может знать? Он и сам в

них, наверное, путается. Серьезный противник, если противник. Надежнейший тыл, если друг.

Последнее, впрочем, спорно.

«Берлогой» Иван Рудольфович называл комнатку, соединенную с кабинетом двойным тамбуром. Он сразу же и провел туда Малахова, оставив в предбаннике двух начальников отделов с приказом брать огонь на себя, стоять насмерть и никого не пущать. Это у него называлось «запереться на два обормота». Не люблю циников, подумал Малахов. Хотя с ними проще.

Ему еще не приходилось здесь бывать, и он с любопытством оглядывался. Больше всего комнатка напоминала бункер, способный выдержать прямое попадание тактической ракеты. Голые бетонные стены со следами опалубки. Голый, никакой подстилкой не прикрытый цементный пол, голый стол, два жестких кресла, из удобств — один автоматический бар простейшей конструкции. Никаких окон. Никаких кондиционеров. Никаких заметных вентиляционных отверстий, однако не душно, не промозгло и даже, как ни странно, не гулко.

Глупо, решил Малахов, занимая услужливо подвинутое кресло. Захотят услышать — прослушают и здесь, зачем было огород городить? Все они в СДЗН с приветом, а их начальник — первый...

Вслух он сказал:

— Меня сразу будут пытать или сперва коньячку дадут?

Иван Рудольфович бросил взгляд на стены и весело засмеялся, дергая челюстью.

— Знаем, знаем ваши шуточки. «Произвел два предупредительных выстрела в голову убегавшего, после чего догнать его не составило труда». Так?

— Не ошибается тот, кто смеется последним, — парировал Малахов. — Ты у нас умный, а я так себе, надзиратель за скотомогильниками... Кстати, будет коньячок обещанный?

— А как же! — преувеличенно весело закричал Нетленные Мощи, мановением костистой руки понуждая бар извергнуть на стол содержимое. — Между прочим, высший класс! С легендой коньячок. Уж не знаю, кто из них древнее: легенда или эта жидкость. — Он расплескал коньяк по донышкам пузатых бокалов и принял шутовскую позу. — Лукулл у Лукулла, исторический ви-

зит! В числе приглашенных присутствовали: господин генерал-губернатор с супругой, господин обер-полицмейстер с одышкой, господин санитарный врач с карболкой и доктор Кох с палочкой. А также представители прессы. Как там говаривал Грасиан: «Для больших кусков удачи — большой желудок», верно? Красно иезуит выражался. Так что готовь свой большой.

— У меня маленький, — возразил Малахов. — Крохотный такой желудишко. — Он осторожно отпил, почмокал и поставил бокал на стол. — Так я слушаю.

— Ты пей, пей.

Малахов скорчил мину.

— Говори уж прямо, зачем звал. Коньяк у тебя дерьмо, сивуха крашеная. Всей легенды, что — коньяк... Врать-то зачем?

Нетленные Мощи влил в себя содержимое бокала, как воду, плеснул себе еще, решительно выпил в одиночку, крякнул и захлюпал долькой лимона.

— Зачем, зачем... Подхалимом я сроду не был, вот и все, Миша. Ты что себе думал: я тебя охмурять начну? Ну и дурак, если так думал. Хотел я, чтобы сразу до тебя дошло, до печенок... Вчерашних психов на трассе не забыл? Я тебе прямо скажу: нужен ты мне, Миша, до зарезу. Вот как нужен... — Он провел ребром ладони по кадыку, нависшему над узлом галстука. — Тупик, стенка впереди, бьюсь лбом, как баран, ей-богу, искры из глаз! Не поверишь: волосы на себе готов рвать за то, что добился второго срока; стреляться, сам понимаешь, нет никакого рвения, а у меня еще «гюрза» — из нее и через каску башку прошибить раз плюнуть... Гордый я всегда был, Миша, я и теперь еще гордый, а перед тобой на колени готов встать. Неолитический топор в свою коллекцию хочешь? Шлифованный, с дыркой... Достану! Ты не поможешь — никто не поможет, а за мной не пропадет, ты знаешь. Причем дело такое, что скорее уж по твоей части, чем по моей...

За это следовало выпить, и Малахов выпил. Оказалось, и такое в природе возможно — второй день подряд юродствующий Нетленные Мощи, явление само по себе неповторимое. Если игра, то очень уж натуральная... И все-таки это игра, иначе просто не может быть, тонкий расчет ходов, и на каждый возможный ход противника давно заготовлен контрвариант — несмотря

на простительную уверенность Нетленных Мощей в том, что для охмурения функционера любой другой Службы, кроме его собственной, за глаза хватило бы и умения импровизировать. Недаром тянет второй срок, подумал Малахов без неприязни. Любопытно, сам он таким самородком произрос или заразился от Кардинала вирусной хитростью? Подчеркивает: охмурежем тут и не пахнет. Пожалуй, чуть-чуть излишне навязчиво подчеркивает.

Хитрый и глупый — это противно. Зато куда безопаснее, чем этот — хитрый и умный.

Ну да и мы не лыком шиты.

— Я вас слушаю, Иван Рудольфович, — сказал Малахов.

В затылке не болело — там, будто свинцовый кирпич, лежала гнетущая тяжесть. Это была ремиссия — «демоний» смирился. Либо отступился, устав указывать упрямцу на неверный путь, либо где-то там, в неизвестном впереди, нашел выход.

Некоторое время Нетленные Мощи молчал — было ясно, что он спокойно, как нормальную ожидаемую реакцию, отметил и настороженность Малахова, и его намеренно официальный тон. Затем на стол легла дискета-монетка, брызнув в глаза цветами побежалости. Словно отломанное донышко тонированного бокала.

— Основные материалы здесь, Миша. После изучишь... если возьмешься, конечно. А вкратце — изволь хоть сейчас. Только учти: секретность этой дискеточки — «зеро-прим», так что расписки не беру, сам понимаешь... — Он сделал паузу, а Малахов попытался незаметно сделать глубокий вдох-выдох и непроизвольно сглотнул.

«Зеро-прим»! Документы наивысшего уровня секретности попадались не так уж часто. Фактически за последний год Малахову пришлось иметь дело лишь с тремя группами документов, засекреченных по наивысшему классу, причем в двух случаях класс «зеро-прим» проставил он сам. Никаких бумаг о допуске к «зеро-прим» не полагалось; теоретически такого класса секретности не существовало вообще. На практике это означало, что источник утечки информации должен был попросту исчезнуть, причем по возможности до реальной утечки информации.

И еще это означало, что Кардинал находится в курсе дел, хотя бы поверхностно. Утаить от него документацию под грифом «зеро-прим» не решился бы и Нетленные Мощи.

Последнее соображение слегка успокоило.

— Слушаю вас, Иван Рудольфович, — повторил Малахов.

Прежде чем уронить единственное слово, Нетленные Мощи словно бы покачал его на весу.

— Суицид.

Малахов поднял бровь.

— Как?

Наполняя бокалы по-новой, Нетленные Мощи расплескал пойло на стол.

— Что смотришь — на вот выпей и заешь. Самое время. Коньяк — дерьмо, зато лимон настоящий, с ветки. Суицид, говорю. Слова такого не слыхивал, да?

— Хм, — с сомнением сказал Малахов. — Ладно. А что тебя, собственно, беспокоит?

— Ты слушай! — обиделся Иван Рудольфович Домоседов. — Сейчас я буду говорить тебе правильные слова, а ты стисни зубы и терпи. А еще раз скажешь «вы» — дам в рыло. Для чего, по-твоему, существует Служба духовного здоровья населения? Чтобы население было духовно здоровым, ты понял? Притом что ни ты, ни я, ни население вообще — никто, ни один человек не хочет, чтобы его делали духовно здоровым. Вдобавок никто в точности не знает, что это за явление такое — духовное здоровье, и в чем оно должно выражаться... Тут уметь надо. Это тебе не карболкой поливать направо-налево. Прости, я не пытаюсь оскорбить твою Службу, я просто констатирую общеизвестный факт. Думаешь, достаточно взять под контроль информационные системы и технологии — и все? Мне смешно. Ты попробуй это сделать, а я посмотрю — даром, что ли, они у нас считаются лучшими в мире? Притом это даже не фундамент дела — так, котлован... А люди каковы? Людишки-людишечки, радость наша, погань несусветная, гордо звучащее порождение крокодилов! Рвешь, понимаешь, пуп, пыжишься, чтобы в идеале сделать их активными, мыслящими, неагрессивными, такими-то и сякими-то распрекрасными, а потом вдруг оказывается, что все это абсолютно несовместимо с управляемостью, без коей не сделать их такими-то и сякими-то... Улавливаешь?

— Улавливаю, — с неудовольствием сказал Малахов, разглядывая янтарную жидкость в бокале. — Ближе к делу мо-

жешь? Распелся. Школа, общий курс, первая ступень, кажется.

— Вторая ступень. Впрочем, к делу так к делу. Коли ты так хорошо помнишь общий курс, скажи-ка мне: каков, по-твоему, уровень самоубийств в Конфедерации?

Малахов пожал плечами.

— Около полупроцента всех случаев смерти, я думаю. Можно, конечно, запросить точные данные. Вероятно, что-нибудь около двадцати — двадцати двух тысяч в год, нет?

— Запроси данные, если хочешь, — посмотрим, что получишь помимо моей визы... Слушай меня хорошенько: в позапрошлом году было зафиксировано двадцать тысяч девятьсот шесть случаев самоубийства. В прошлом году — двадцать три тысячи двести одиннадцать. Немного выше нормы, но бывали годы и похуже. В этом году... — Иван Рудольфович на секунду запнулся, — шестьдесят одна тысяча пятьсот девяносто случаев, по крайней мере столько зафиксировано на вчерашний день.

— Если это шутка, то дурного тона, — осторожно сказал Малахов.

Он уже понял, что это не шутка. Не решился бы Нетленные Мощи так шутить, не кадет сопливый.

— Шутка? — Иван Рудольфович приложил ладонь к начавшей подергиваться щеке. — Не обращай внимания, сейчас пройдет... Я был бы просто счастлив, если бы это оказалось шуткой. К сожалению, цифры достоверные — ровно настолько, насколько они вообще могут быть достоверными. Превышение естественного уровня по меньшей мере на сорок тысяч в год, причем год еще не кончился. И учти, сюда входят только стопроцентно доказанные случаи преднамеренного самоубийства — несчастные случаи и убийства, замаскированные под суицид, не в счет. Можешь мне поверить.

— Данные о причинах такого роста имеются?

Нетленные Мощи сморщил лицо, будто мучимый оскоминой.

— Ой, Миша, ой. Слабо мыслишь, не ожидал от тебя. Стал бы я перед тобой на цырлах прыгать, будь у меня хотя бы толковая теория! Гипотезы, Миша, только гипотезы. Чего-чего, а этого добра хватает, ты дискетку посмотри, там их вагон с прице-

пом... Толку от них! Мне дело делать надо, а не в науку играть. И то сказать: долго скрывать такого рода информацию невозможно. Слава богу, для прессы нам пока еще удается многих самоубийц выдавать за жертв преступности. Ты не обращал внимания, что нераскрытых убийств в последнее время становится все больше? Ну и несчастных случаев, само собой, тоже. Для разнообразия.

— Фальсифицируешь статистику? — ухмыльнулся Малахов.

— Будто сам девственник, — отрезал Нетленные Мощи. — Ты этот тон брось, мы с тобой одни. Проблемы этой вообще как бы не существует. Население любит стабильность и уверенность в завтрашнем дне, вот моя Служба и заботится об этом. Преступность, в конце концов, вещь ужасная, но привычная. А ненормальный рост суицида? Представь реакцию обывателя — нам только паники не хватает. Мои аналитики утверждают, что безнаказанно водить наше уважаемое население за нос мы сможем еще месяца три-четыре, а дальше ни за что не ручаются. Подобная информация имеет свойство проникать сквозь стены, несмотря ни на каких функционеров. Кардинал тоже не станет прикрывать меня до бесконечности, сам понимаешь. Кстати, он мне и посоветовал обратиться к тебе.

— Любопытно, — сказал Малахов. — А я-то тут при чем?

— Экспоненциальный рост. Удвоение частоты случаев самоубийства каждые семьдесят пять — семьдесят семь дней.

— Ну и что?

— Это эпидемия, Миша.

Одну секунду Малахов пытливо смотрел на Нетленные Мощи. Потом расхохотался.

— Как ты сказал?

— Эпидемия. И нечего ржать, как жеребец на случке. Ты не зритель, а я не комик Руди Мент, понятно?

— Прости, — сказал Малахов, вытирая глаза. — Не обращай внимания, все медики — циники отвратные. Позволь только один вопрос вне регламента: ты когда-нибудь слыхал об эпидемическом суициде?

— Нет, — легко согласился Иван Рудольфович. — А ты до пятнадцатого года наблюдал хотя бы один случай английского пота?

Малахов промолчал. Его собеседник был прав. Все на свете когда-нибудь случается впервые. Даже ужасная пандемия с предельно точным названием — английский пот. Правда, она-то попыталась выкосить человечество не в первый раз, а как бы не в шестой, однако спустя почти пять веков после последней активации вируса о ней и думать забыли и даже начали полагать эту болезнь некоей разновидностью гриппа, пока она, вновь по привычке взяв старт на берегах Альбиона, не повергла полмира в постыдную панику, а вирусологов — в состояние мучительной и не менее постыдной беспомощности. Вот вам — грипп!.. Навалившись, как водится, справились, и вот тогда-то медленное осторожное движение невидимых, как дрейф материков, сил разродилось созданием — на руинах, на гумусе прежних бессильных структур — четвертой Службы, в дополнение к трем уже существовавшим, а часть кадетов Школы была переориентирована на новую специализацию. И вовремя: потери от ринувшегося в атаку пару лет спустя ВИЧ-7, передающегося воздушно-капельным путем, были сведены к теоретически достижимому минимуму, этой заслуги у Санитарной службы не отнять...

Малахов налил себе сам и выпил залпом. В голове была только тяжесть — привычная и неопасная. И абсолютно никакой боли.

— Локализация? — спросил он.

— По всей Конфедерации. Есть основания полагать, что и за ее пределами.

— Что значит «есть основания»?

— В последние месяцы число нераскрытых тяжких преступлений резко возросло по всему миру. И количество несчастных случаев со смертельным исходом, представь себе, тоже. Статистика — точная лженаука, Миша.

Ого, подумал Малахов.

— Значит, ты хочешь, чтобы я взял себе это дело, так? — Он дождался подтверждающего кивка и жестом остановил собеседника, вновь открывшего было рот. — Очень хорошо. Давай рассудим логически, не возражаешь? Ты был со мною откровенен, я это ценю и, в свою очередь, тоже постараюсь быть откровенным. Твоя байка об эпидемии — точнее, пандемии, — смехотворна, ты понимаешь это лучше меня. Погоди, дай ска-

зать... Это первое. Явление, бесспорно, серьезное, но априори носит массово-психический характер и к санитарии никакого отношения не имеет, а, напротив, прямо касается Службы духовного здоровья населения. Это второе. Теперь третье: тебе перед уходом не нужны неприятности, и ты готов мне намекнуть, что, разрешив с блеском твою задачу, я могу заработать себе второй срок полномочий, верно? Прости, ты сам хотел откровенности... В свою очередь, я, ничем особо не рискуя, имею полное право отказаться, пока мне не поставил задачу лично Кардинал. Это четвертое.

— Миша...

— Погоди, я еще не сказал «нет». Кстати, почему ты решил, что мои аналитики сильнее твоих? По-моему, как раз наоборот. Вообще, сколько человек владеет ключевой информацией?

— Кроме меня, тебя и Кардинала, еще шестеро. Ну, мой первый зам, понятно. Плюс команда под руководством начальника отдела специальных проблем: социопсихолог, психиатр, специалист по масс-медиа, системный аналитик. Остальные не ведают, что творят. — Нетленные Мощи пожевал губу и вдруг, словно махнув рукой — хата сгорела, нехай горит забор, — заторопился: — Еще седьмой был, Миша. Филин Матвей Вениаминович, математик, специалист экстра-класса по каким-то разомкнутым и развернутым куда-то не туда системам — тут я пас. Опять же, фракталы, множества Мандельброта, что-то в этом ключе... Я не специалист. Он пользовался каким-то особым математическим аппаратом, боюсь, им самим и разработанным. Формально числился у аналитиков, руководил небольшой группой, фактически я ему ставил задачи сам. Теперь замену ему ищу, а все без толку — он ведь не мы с тобой, он гений был, где второго такого сыщешь? Не Школу же запрашивать — на черта мне администратор...

— Поделился бы опытом, — усмехнулся Малахов, — по каким критериям ты подбираешь математиков?

— Если он достаточно сумасшедший, я его беру, и часто не зря. Лишь бы на людей не кидался. — Нетленные Мощи потянулся было за бокалом и быстро схватился за вздрагивающую щеку. — Тик, черт... А если и ошибаюсь в выборе, то гоню не всегда. Иногда выгоднее нанять специальных

мальчиков для битья — дискриминация посредственности облагораживает ум.

Малахов фыркнул.

— То-то ты меня отравой поишь... Шучу, шучу. Так что там случилось с твоим... ненормальным?

— Погиб пять дней назад. — Кадык Нетленных Мощей жутковато дернулся, проталкивая в пищевод содержимое бокала. — За упокой...

Малахов поставил бокал на стол.

— Самоубийство?

Высасывая дольку лимона и одновременно смахивая слезу, Иван Рудольфович помотал головой.

— Возможно, но не доказано. Записки нет. По виду типичный несчастный случай... если бы за час до этого он не стер на своем компьютере все, что только смог стереть. Хотел бы я знать, что там было...

— Восстановить пытались? — спросил Малахов.

— Обижаешь, Миша...

— Значит, дело «мертвяк», так тебя понимать?

— Не так. Миша, я тебя прошу! Я!

— С чего ты взял, что я соглашусь? Мое дело — надзирать за скотомогильниками.

— Миша!

Свинцовый кирпич в голове понемногу рассасывался, и мало-помалу исчезала давящая тяжесть под черепной крышкой. Так бывало каждый раз после особенно сильных болей — когда «демоний» находил выход не лучший из возможных, не оптимальный, но и не самый проигрышный и уж во всяком случае — не смертельный.

Значит, все кончится хорошо?

— Короче, — сказал Малахов. — В общем, так: я еще ничего не решил, и ты на меня не дави. Сейчас ничего не скажу. Не исключено, что я все-таки возьмусь за это дело, но вне зависимости от моего окончательного решения я хочу от тебя выполнения некоторых условий. Имей в виду, торговли не будет. Нет — значит нет.

Нетленные Мощи кивнул.

— Во-первых, — продолжал Малахов после паузы, — мне нужны все материалы по этому делу. Абсолютно все. Кроме того,

мне нужно твое твердое обещание немедленно делиться со мною всеми материалами по теме, которые будут получены твоими ребятами впредь, — мне некогда развертывать информсеть по всей стране, а у тебя она работает. Со своей стороны, обязательства такого рода в отношении твоей Службы я на себя не принимаю. Согласен?

— Согласен.

— Во-вторых, мне нужны не только голые материалы, но и все без исключения наработки твоих аналитиков по данному вопросу. Кроме того, мне может понадобиться широкий статистический материал, на первый взгляд не имеющий прямого отношения к теме. Я хочу, чтобы мои люди имели свободный допуск.

Нетленные Мощи подвигал жилковатой кожей на скулах.

— Согласен. Будут иметь.

— В-третьих, я требую безусловной поддержки с твоей стороны во всем, что касается собственно расследования и возможных действий Санитарной службы по его окончании. Притом я не могу сказать сейчас, какого рода действия будут адекватными, поэтому будь готов к любым... разумеется, в том случае, если я соглашусь взять на себя эту проблему. Информационное прикрытие — раз. Это главное. Весьма вероятно, какие-то специальные меры в рамках социальной терапии, включая свежайшие экспериментальные разработки. Это два, и не мотай головой. Вообще любое содействие по первому требованию, вплоть до огневого, если понадобится... На всякий случай считай, что я сказал это не для красного словца. Мне нужен тыл, и моим тылом будешь ты.

— А не слишком ли? — спросил Нетленные Мощи.

Малахов пожал плечами.

— Если ты не согласен, значит, любовь не состоялась...

— Ладно, согласен. Это все?

— Нет. В-четвертых, полное невмешательство в расследование обстоятельств гибели вашего математика... Филин его фамилия, я не ошибся? Расследование будут вести мои люди, а на нарушение служебной этики мне плевать. Придумай сам, как это обеспечить организационно.

— Хм. — Нетленные Мощи с сомнением качнул головой. — Полагаешь, это перспективно?

— Не знаю, — отрезал Малахов. — Я не логик, я в лучшем случае интуитивист. Если мне кажется, что надо действовать так-то и сяк-то, я буду действовать так-то и сяк-то. Вот и все.

— Согласен. Еще что-нибудь?

— Там будет видно. А пока, — Малахов с отвращением повертел в пальцах свой бокал и выплеснул из него остатки на цементный пол, — попроси, чтобы нам подали коньячку поприличнее, что ли.

— Само собой! Двадцатилетний годится?

— Сойдет. И заодно что-нибудь от изжоги...

4

Дискета оказалась забитой под завязку — пять с прицепом гигабайт сведений о всех случаях немотивированного суицида, имевших место с апреля прошлого года, расположенных в хронологическом порядке, из них шестьсот килобайт унылого канцелярита — по две страницы убористого текста на каждого усопшего. Типично ознакомительный текст плюс результаты осмотра на месте. В большинстве случаев — фотографии мест происшествия, часто трехмерные и довольно качественные, реже — короткие телематериалы, иногда — протоколы допросов свидетелей. Более подробную информацию, включающую в себя следственные материалы и кое-какие наработки экспертов, Нетленные Мощи обещал передать не позднее завтрашнего утра, и если он этого не сделает, я начну капризничать и надувать щеки.

С этой злорадной мыслью я сел за просмотр файлов. Антиабстинентная таблетка, принятая час назад, вряд ли уже успела подсобить моей печени истребить весь содержащийся во мне спирт, но голова оказалась сравнительно ясной. Читать все подряд я, естественно, не стал — бегло просмотрел начало и несколько кусков, наудачу выхваченных из середины. Ничего особенно душераздирающего в них не содержалось, не сравнить с тем ощущением, которое я испытал, впервые выехав на самоубийство в составе бригады «скорой помощи» — долго потом не мог забыть лицо повесившейся женщины и свой невысказанный безответный вопрос: «Зачем? Ну зачем же?!»

Кто знает. Записка — губной помадой на зеркале — ничего толком не прояснила: «А пошли вы все...» — с конкретным указанием адреса. Больше ничего.

Мы-то остались на месте, вот в чем дело. Это она ушла. В никуда.

Чем дольше я читал, тем большим уважением проникался к «летучему отряду» Мощей. Если информация с мест в ряде случаев страдала расплывчатостью (как всегда бывает, когда люди не понимают толком, чего от них хотят), то работа по столице и окрестностям была выполнена предельно качественно: емко, точно, по существу. Бери и работай. Наверняка в более подробную базу данных скрупулезно занесены все известные вехи жизни жертв суицида, включая вес и рост при рождении, оценки по поведению в первом классе и сведения о прививках от коклюша.

— Мя-а-ау!

Где это?

За дверью. Побитый кот жалуется на жизнь. И почему-то именно мне.

Я велел компьютеру найти вчерашний случай на шоссе и не очень удивился тому, что двое разбившихся психов оказались далеко не последними в списке — за ними нашлось место еще для полутора десятков самоубийц. Их я оставил на потом, а пока внимательно просмотрел то, что видел вчера своими глазами.

Две фотографии: на одной панорама шоссе с разбросанными обломками и автомобильным затором за барьерами; на другой — два изуродованных тела на брезенте, классическая картина катастрофы такого рода. В край кадра попал кусок плаща Нетленных Мощей, а я к тому времени уже укатил, упустив шанс увековечиться... Справочный текст: время инцидента (9.55), характер и скорость столкновения (лобовое, не менее 300 км/ч), условия видимости на трассе (осторожно оценены в 5 км), состояние дорожного покрытия (удовлетворительное), марки автомобилей и предварительные данные о техническом состоянии... Категорический вывод: столкновение могло быть обусловлено только обоюдным желанием водителей. Хм... ладно. Жертвы: 1) Прунов Аскольд Анатольевич, 38 лет; род занятий: бизнесмен, финансовое состояние фирмы опасений не внушает; женат, двое детей;

место жительства: Зарайск, Мерецкова, 12. Столичная, значит, штучка... На момент аварии был трезв; 2) Сеглюк Игорь Викторович, 41 год; род занятий: безработный; место жительства: не определено; семьи нет. Несколько раз отмечался в московских ночлежных домах. (Выписка из медкарты центра реабилитации: алкоголизм, педикулез, трихофития.) Следы алкоголя в крови незначительны. Машину угнал в Коломне, цель поездки в столицу — неясна.

Ничего тут не ясно, подумал я с неудовольствием. Что может быть общего у преуспевающего бизнесмена и вшивого бомжа? Объясните мне, а я послушаю. Обоюдное желание водителей... Если вы станете утверждать, что они были знакомы до столкновения, я просто-напросто расхохочусь вам в лицо.

...Еще через час я отер со лба пот и отвалился от компьютера. Нет, все-таки просматривать такие базы данных надо только спьяну, а на трезвую голову нормальный человеческий рассудок не выдерживает. Насчет эпидемии, конечно, чепуха — не бывает таких эпидемий. Мало ли какие процессы идут по экспоненте — вульгарный рост численности населения, например.

Теперь мне стало окончательно ясно, что Нетленные Мощи попытался спихнуть мне заведомый «мертвяк», а я развесил уши, дурило! Хотя, конечно, ссориться с Нетленным опасно, а дружить — полезно. И вообще Служба Службе глаз не выклюет. А главное, «демоний» не возражал — черта лысого я согласился бы даже начать разговор на эту тему, разразись опять мигрень. Значит... впереди есть какой-то выход, и я должен его найти. Мало того, «демоний» *знает*, что я его найду!

Как?

Понятия не имею.

Сидеть сиднем не было сил. Витькин дракон с ноздрями, похожими на лунные кратеры, смотрел сверху вниз на то, как я мечусь по комнате, и как будто собирался презрительно фыркнуть. Какой дурак станет мерить глубину лужи собственной задницей? Может, в самом деле позвонить Нетленному прямо сейчас и отказаться наотрез?

Затылок молчал. Ни боли, ни даже предостерегающего легкого укола.

Значит, можно и так, и этак.

Кот за дверью снова требовательно мявкнул, и тут загудел вызов «шухерной» спецсвязи. Звонил Кардинал. Как всегда, мне захотелось вытянуть руки по швам и сделать такую грудь, чтобы ее видел четвертый в шеренге. Наверное, я даже непроизвольно обозначил какое-то строевое движение, поскольку Кардинал сейчас же произнес:

— Вольно, Михаил Николаевич, вольно. Рад вас видеть. Как ваше самочувствие?

— В порядке, Павел Фомич. Спасибо.

Экран показывал его всего, маленького лысого старичка с яйцеобразным животиком, покойно устроившегося в мягком кресле, — домашний затрапез, тапочки на босу ногу. Однажды он позвонил мне нагишом из бани — атавистические привычки расхлябанного двадцатого века. Ему можно. Когда я пешком под стол ходил, его и тогда звали Кардиналом, только добавляли прилагательное «серый», а потом прилагательное куда-то девалось — возможно, вместе с чересчур часто употреблявшими его людьми, не знаю. Одно знаю точно: за последние двадцать лет он нисколько не изменился. Лыс. Бодр. Вечен.

— Я так и думал, что все в порядке. Может быть, даже слишком в порядке, а? Проблему-то у Домоседова вы взяли — зачем, спрашивается? Вам теперь и тянуть, уж не взыщите за последствия. Вы у нас молодой и горячий, сил девать некуда, вот он и воспользовался, жук — спина в полосочку. — Кардинал хихикнул и сразу посерьезнел. — Я, признаться, был убежден, что вы откажетесь, а он вас все же как-то уломал. Справитесь, а?

— Должен справиться, Павел Фомич, — сказал я, чувствуя, как мой лоб стремительно покрывается испариной.

— Да уж постарайтесь, голубчик вы мой. На вас теперь вся надежда... Уже работаете, вижу? Ну что ж, пожелаю вам успеха и не стану мешать.

Он дал отбой, а я плюхнулся в кресло, ощущая себя полным идиотом. Обвел меня Нетленный, и как обвел! Поди теперь объясни, что и в мыслях не держал давать окончательное согласие, — да и кому придется объяснять? Кардиналу? Суду чести?

Объяснил один такой...

Что ни говори, а Путилин ушел красиво, с тоской подумал я, да и Урванцев из Аварийно-спасательной, выслушав вердикт, сделал как надо. По слухам, опровергающим официальную версию, один лишь Краснопольский пытался бежать — разумеется, безуспешно. Не хочу плохо думать о людях. Впрочем, это было давно, и сейчас уже не столь важно: сам он ушел или кому-то пришлось ему помочь.

Три смертных вердикта за три десятилетия — много это или мало?

Достаточно.

Вопросов было больше, чем ответов. Пока было ясно одно: Нетленный подставил меня самым подлым образом, и тянуть паскудное дело о суициде придется теперь именно мне. Но Кардинал при желании мог бы поставить Нетленного на место одним щелчком. Он этого не сделал. Почему?

Стоп, стоп! Кардинала не обведешь, вот в чем дело. Он мог *изобразить*, что интрига Нетленных Мощей достигла цели, — изобразить специально для того, чтобы ненавязчиво передать неудобное дело мне. Так ли уж он уверен, что я справлюсь? Или кому-то — имен не называем — так уж мечтается, чтобы я сломал себе шею?

Возможно.

— Мя-а-ау!

Я пошел и отворил дверь. Возвращаться к компьютеру не хотелось совершенно.

— Заходи уж. Гладиатор.

Кот был тот самый — вчерашний агрессор, посягнувший на чужой подвал и, как видно, не слишком удачно. Первое, что он сделал, — ворвался в прихожую пулей вместе с клубом морозного тумана. Второе — вызывающе заорал.

— Не вопи — выгоню, — пригрозил я.

Кот немедленно заорал снова. Со вчерашнего дня он лишился по меньшей мере половины шерсти, одно ухо было надорвано, но зеленые искры по-прежнему горели неукротимо. Гладиатор и есть. С минуту он настороженно глазел на меня, потом, как видно, отказав мне в чести считаться серьезным противником, потряс башкой и занялся туалетом.

— Здорово тебя отделали, — посочувствовал я. — Жрать хочешь?

Пока кот с жадностью чавкал рыбными палочками, я сходил в ванную и наполнил таз.

— Если не станешь драть ковры и дашь себя вымыть — оставлю жить.

— Мня-а-ау-у!

— Согласен?

— Мя-у!

— Как же мне тебя назвать, зверюга? — Я почесал макушку. — Васькой? Нет, лучше Бомжом. Ты глазами-то не сверкай. Бомж — нормальное кошачье имя, даже где-то аристократическое... Согласен?

— Мя!

— Договорились. Может, вправду оставить тебя жить?

Снова дзинькнул вызов — на этот раз на моем браслете. Кот отскочил от меня в угол и зашипел, выгнув спину.

— Ша, дурак! — цыкнул я. — Малахов слушает!

— Ой, здравствуйте. Я туда попала? — Голос был требовательный.

— А куда вам надо? — спросил я.

— Михаил Николаевич, вы? Господи, наконец-то... Понимаете, я код забыла, никак не могу попасть. Это я, Ольга...

Какая еще?.. Ах да.

— Здравствуйте, — сказал я. — Подождите секунду, сейчас сделаю изображение... Простите, что не позвонил вам. Есть какие-нибудь проблемы с вашим... э... приятелем?

Было похоже на то, что леди Белсом провела последние сутки еще хуже, чем я. Темные круги вокруг глаз я заметил сразу, и голос звучал глухо:

— Андрей умер.

Внутри у меня что-то екнуло. Где-то задребезжал звоночек: вот оно...

— Неудачная операция? — спросил я со слабой надеждой.

Мне самому в это не верилось. Хотя, конечно, медицина — самая неточная из практических наук после лозоходства, и человек, несмотря ни на что, бывает, мрет от собственного чиха.

— Нет.

— Успокойтесь. Расскажите все.

— Операция прошла хорошо, так доктор сказал. Я дежурила до вечера. А ночью... — она судорожно вздохнула, но

справилась и не всхлипнула, — он очнулся и пополз... Не стонал даже, а то бы услышали, там перегородки тонкие. Только по сквозняку и заметили неладное. Открыл окно и... в общем, там десятый этаж. Без крика, без ничего. Доктор удивлялся, как он вообще с кровати встал, а ведь ему еще верхнюю защелку открыть надо было! А самое главное, он очень боялся высоты. Не высоты вообще — он ведь по горам с нами ходил, и ничего, — а высоты искусственных сооружений. Был у него такой пунктик. Понимаете, для него подойти к окну на десятом этаже было смерти подобно. А в горах высота его не пугала, на краю скалы свободно стоял, мы еще шутили по этому поводу. А тут... сам выбросился... Не верю я в это, слышите! Не могло так быть.

— Не верите, что сам? — попытался уточнить я.

— И вы бы на моем месте не поверили. А если не сам... тогда я вообще не знаю, что думать. У него ведь и врагов настоящих не было, понимаете? Ну, то есть были, но... одно дело не поздороваться или по морде съездить, а другое — вот так вот... — Она покачала головой.

— Самое страшное может стать самым притягательным, — сказал я не очень уверенно. Все-таки я не психолог. — Ну ладно... Простите, ради бога, за хамский вопрос, Ольга: чего вы все-таки от меня хотите?

— Вы же функционер, вы все можете. Прикажите разобраться.

— А вы не находите, что это дело полиции?

— Следователь со мной уже говорил. По-моему, они там темнят, как умеют. — На этот раз в ее голосе прозвучала злость, а я вспомнил о фальсифицированной статистике. И о том, что мне при поддержке Нетленных Мощей придется заниматься тем же самым. — Я *вас* прошу разобраться, а не полицию.

— Вот как? Кстати, отчего вы решили, что полиция темнит?

— Говорю — значит знаю. Я все-таки журналистка, обычно вижу, когда мне врут.

Так... Журналистка. Только этого мне не хватало.

— Кажется, вы говорили, что работаете биологом?

— Работала. Исследовала генетические изменения у рыб в Москве-реке и Яузе.

— Там еще есть что исследовать? — спросил я.

— Вы имеете в виду генетические изменения?

— Я имею в виду рыбу.

— Нет. Потому-то я и занялась журналистикой.

— А-а.

Словно теплая ладонь ни с того ни с сего легла на затылок и одновременно другая — прохладная — на лоб. Я даже провел рукой по голове, чтобы убедиться, что никаких ладоней там нет, и довольно ловко изобразил, что поправляю волосы. У функционера спокойствие и уверенность должны сочиться из всех пор рефлекторно, а если рефлекс сбоит, ему надо помочь...

Короткий — секунду, не более — удар блаженства. И — нет его... Только долгий бег мурашек по коже, озноб и жар одновременно.

Не верится. Неужели именно сегодня — впервые — подсказка?..

Я ждал этого много лет и уже устал надеяться на чудо. Нет, стоп! Это еще надо проверить, причем на собственной шкуре, потому что иного способа проверки не существует. Но если правда...

Если правда, то сегодня «демоний» не просто шарахнул меня по мозгам, указывая, как и что делать *не надо*, — сегодня он *впервые указал мне, что надо делать!*

Не выпускать Ольгу из поля зрения?

Да. Да!

Видно, игра пошла всерьез, подумал я. Собственно, это ежу понятно. И где-то там, впереди, леди Белсом придется сыграть на моей стороне...

А ее голос был напряжен и даже зол. Сильная девочка. Она приняла бы отказ как должное. Не мог я ей врать, и все тут.

— Я могу рассчитывать на вашу помощь?

— Не знаю, Оля, — честно сказал я.

— Господи, — со злобой крикнула она, — да здесь вообще кто-нибудь что-нибудь знает?! Я думала... нет, ничего. Извините, что побеспокоила.

И замкнулась — губы поджаты, лед в глазах...

— Подождите, Оля, — сказал я. — Сейчас мы с вами разговаривать не будем. Это вообще не телефонный разговор. Вы можете встретиться со мной завтра?

Глава 3
РАССЛЕДОВАНИЕ

Отмеченное интеллектуальной слабостью, наше время отличается между тем необыкновенной категоричностью суждений.

Эрвин Чаргафф

...И низкое негреющее солнце, красное, как стоп-сигнал, воровской украдкой подбирается к горизонту. Нелепая длинная тень пересекает полосу асфальта и изламывается в кювете.

Человек идет по шоссе.

Он никуда не спешит и, завидев машину за полкилометра, останавливается и просяще, без всякой надежды, поднимает руку. Машина проносится мимо. Человек шевелит губами, провожая ее мутным, нехорошим взглядом, опускает руку и, потоптавшись для чего-то на месте, продолжает движение. Он идет косолапо, мелкими частыми шажками, движения его суетливы и бессмысленны, как бессмыслен он сам. На человеке драный зимний комбинезон строительного рабочего, вывалянный не в одной луже и давным-давно потерявший первоначальный цвет, ватная куртка с оборванным правым рукавом и бесформенный треух. Тощий рюкзак, повешенный на одно плечо, перекашивает нелепую фигуру набок. В ожидании следующей машины человек ищется под мышкой и, поймав заскорузлыми пальцами насекомое, уничтожает его на ногте. Водитель патрульной машины дорожной полиции сбавляет скорость возле бродяги и, увидев, чем тот занимается, сплевывает в окошко. Его напарник, спросив больше для проформы, не следует ли доставить этакое чудо по назначению, и встретив выразительный взгляд, пожимает плечами и набирает номер местного отделения Санитарной службы. В самом деле, возиться с субъектами, никак не желающими сохранять человекоподобие и, вероятно, заразными, не входит в обязанности дорожной полиции, пусть с ними возятся те, кому это положено по роду службы.

Пока идет этот обмен взглядами, человек демонстрирует готовность неуклюже пуститься наутек, но, как только машина, набрав скорость, исчезает за поворотом, его поведение решительно меняется. Он ускоряет шаг, двигаясь теперь ши-

рокой свободной походкой и нисколько не кособочась, — однако все же «голосует» очередную машину, прекрасно понимая, что не найдется сумасшедшего, согласного остановиться по мановению руки вшивого бомжа. Без всякой злобы усмехается, глядя вслед.

Этот человек — я. Свернув в лес прямиком через раскисшую полоску поля, мысленно пою гимн человеческой лени. Знали бы эти полицейские, что только что упустили повышение по службе!.. Хотя нет, этого не могло быть: имей они хоть намек на настроение мною заняться, я бы знал это и свернул с шоссе гораздо раньше.

На открытых местах давно стаяло, а в лесу до сих пор лежит снег по колено, чуть осевший и лишь в низинах пропитанный талой водой. Уже май, а он словно раздумывает над мировой проблемой: пора таять или не пора? И прошлая весна была такая же. Может, не так уж не правы высмеиваемые всеми, кому не лень, еретики-климатологи, утверждающие, будто нас ждет очередное похолодание, оледенение и что-то еще, каковые приятности никаким парниковым эффектом принципиально не удержать?

Кто его знает. И какое мне по крупному счету дело до оледенения, спрашивается?

А только холодно в лесу и сыро, как в подтаявшей ледяной пещере, — это я отчетливо ощущаю, сбросив на снег свое рванье. Кожа вся в пупырышках, а будет еще холоднее, потому что мне надлежит привести себя в относительный порядок: обтереться с ног до головы мокрым антисептическим тампоном, затем не менее мокрой гигиенической салфеткой для окончательного лоска и приятного запаха, смыть с лица лишние морщины и истребить двухнедельную щетину бритвенной пастой. Но сперва найти, где снег поглубже, и избавиться от моей, с позволения сказать, одежды. Если кто увидит меня сейчас, наверняка примет за беглого психа: голый человек с подвывом и стуком зубовным копает пятками яму под большой корягой... И если бы искали меня сейчас «шавкиным носом» — специальным локатором с парящего над лесом зонда, — то обнаружили бы вмиг, особенно если бы знали, что искать: стойкий запашок помойки, тухлый и кислый, с резкой нотой ядовитого дымка... Кстати,

вши в моем тряпье настоящие. Жаль, нельзя прямо тут провести нормальную санобработку волос; брить голову наголо не входит в мои планы, а вот растительность под мышками и в паху — искореню.

Эх, баню бы сюда!.. Сыпняка мне не хватало.

Сказать по правде, еще нескольких дней жизни на пригородной свалке я бы не выдержал: слишком уж было мерзко, да и нежарко к тому же. Хотя как раз за последнюю неделю я достиг там определенного социального статуса, поучаствовав в нескольких драках без правил и купив у местного пахана вид на жительство за пакетик травки. Там оказалась прочно устоявшаяся иерархия: на нижней ступеньке окончательно опустившиеся крысоловы, на которых даже я, кое-что повидавший, не мог смотреть без брезгливого недоумения; чуть выше — «нормальные» бомжи с меньшим стажем; еще выше — прихлебатели пахана, его ближайшее окружение, и, наконец, сам — личность вполне в духе очерков Гиляровского с поправкой на нынешний век. Свалка была им домом, и я попытался туда вписаться со всей тщательностью. Потом дзинькнул звоночек: надо уходить. И я ушел. Что-то должно было случиться, а что именно: укус заразной крысы, удар в спину заточкой из арматурного прута или очередной рейд местных санитарно-полицейских сил — не имело большого значения. Разве что в последнем случае было бы забавно угодить в лапы собственной Службы... Забавно, правда, чисто умозрительно. Кто как, а я пас.

Готово: я почти чист, брит и свежевымыто благоухаю. Из рюкзака, видавшего многие виды, достаю куда более молодого его собрата, а из него запасной комплект одежды из легкого гортекса и комп. Швыряю старый рюкзак под ту же корягу и обрушиваю на свою ухоронку тяжелый снежный пласт. Приплясывая, одеваюсь, попутно вспоминая, что медицина не рекомендует чересчур увлекаться закаливанием. Зубы выбивают «танец с саблями», но это пройдет, пока я буду месить снег через лес к дороге до дачного поселка. Надо поспешать, через час начнет темнеть. Вывожу на экран компа карту-пятисотку и пытаюсь сориентироваться, как юный следопыт. Кажется, вон туда.

Теперь я похож на среднеэкипированного чудака-туриста, надумавшего побродить по природе подальше от городской

суеты — занятие вполне дозволенное и даже Нетленными Мощами приветствуемое. В случае необходимости могу даже заночевать в лесу: на дне рюкзака покоится свернутый полог с ещё не разряженным подогревом и полтора десятка стограммовых рационов со всей необходимой желудку химией: органикой, неорганикой и присадками для подавления чувства голода. Не сдохну. Но лучше я заночую в какой-нибудь пустующей даче, потому что, во-первых, оставшиеся рационы желательно поберечь, а во-вторых, там может оказаться баня или хотя бы колонка для подогрева воды. Так и быть, оторву час от сна. А под утро угоню какую-нибудь машину и, если повезет, успею домчать до полустанка на старой ветке, где до сих пор стучат по рельсам древние колесные поезда, потому как аэропорты теперь не для меня, да и станции скоростной надземки тоже.

Сейчас меня не «ведут», это ясно. Потеряли. Нацбез поставлен на уши, да разве только один нацбез! — трудно даже представить себе, сколько народу меня ищет почем зря. Досадно, что никогда прежде я особенно не интересовался специальным разделом психологии, известным под названием психологии преследования. Психологии преследователя и психологии преследуемого. Знал бы где упасть, соломки бы подстелил. Мало того, я почти не читал криминального чтива, хотя, сколько мне помнится, авторы детективных опусов избегают описывать перипетии жизни нелегалов: надо думать, сами в этом не осведомлены. Помнится только, что непременно должна присутствовать некая «малина» либо «хаза», где волчара-уголовник может «лечь на дно и не булькать», а без такого рода обеспечения дело дохлое и никак невозможно. Хм, должно быть, у тех книжных преступников голова трещала только с перепоя...

Моя не болит пока?

Не болит. Там, куда я иду, все чисто. В поселке, разумеется, кольнет раз-другой, пока я буду присматривать дом для проникновения со взломом. Наверное, еще тюкнет не раз, когда я начну выбирать себе машину, — и уж потом ударит всерьез, если машину раньше времени придется бросить...

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

на Малахова Михаила Николаевича,
2001 г. рождения, кадета Школы

2-й экземпляр — в архив Школы (База данных «Порода»)

3-й экземпляр — в личное дело Малахова М.Н.

Малахов М.Н., 14 лет, в поле зрения наблюдательного совета с 2007 г., в интернате с 2011 г. (зимний набор), в 2013 г. переведен в основной состав учащихся.

Стандартные отсевочные тесты первого уровня: прошел.

Спецтест А: прошел.

Спецтест В: прошел, найдя единственное в своем роде нетривиальное решение. Примечание: проведенная проверка показала отсутствие утечки информации. Тест возвращен на доработку.

Спецтест С: прошел.

Контакты вне Школы: не выявлены.

Психика: устойчивая.

Восприятие действительности: адекватное.

Общительность: достаточная.

Порочные наклонности: не замечены.

Тяга к лидерству: достаточная.

РНС: 83,7 ед.

ИСО: 102,2 ед.

Возрастная агрессивность: не наблюдалась, за исключением адекватной реакции на спецтест С.

Деструктивность: крайне умеренная.

Интеллектуальный уровень: соответствует требованиям.

Логические способности: несколько ниже средних по группе.

Интуитивные способности: исключительно высокие. Отмечен случай правильного ответа на еще не заданный неожиданный вопрос.

Общая субъективная оценка: положительная.

Результаты голосования по кандидатуре:

За: 6. Против: 1.

Наблюдательный совет Школы считает возможным продолжить обучение кандидата Малахова М.Н. в основном составе учащихся.

Примечание: особое мнение д-ра Косенчук передано в Базу данных «Аларм». Особое мнение д-ра Терещенко передано в Базу данных «Редкие земли».

29.05.2014 г.

1

Кофе был, как вода в реке Миссури — чересчур густой, чтобы можно было пить, и чересчур жидкий, чтобы можно было вспахать, как говорят американцы, понимающие толк в пахоте. Ложка в нем не стояла только чудом. Неправильная какая-то ложка. Неправильный кофе. Неправильный я.

Третья чашка за двадцать минут!

Файлом «Экзотика» Нетленные Мощи меня добил. Да-с. Судьба играет человеком, а человек играет в ящик. Играл бы себе спокойно, так ведь нет. Играет с выдумкой. Глупых леммингов дурной инстинкт гонит до ближайшего фиорда; человек же, как существо высшее, способен придумать удивительные способы лишить себя жизни, иной раз со снобистским презрением отвергая простые решения. Процесс им важен или результат?

Приблизительно пять процентов самоубийств проходили по разряду экзотических. Много, ой много. Совершенно чудовищный список. Ничего удивительного, что Нетленные Мощи счел разумным подать экзотический суицид отдельно. Работай я у него аналитиком — копал бы и в этом направлении тоже.

...Сысоев Виктор Арнольдович, 47 лет, без определенных занятий. Смело и долго ковырял предплечье бритвой, вена его не удовлетворила, искал артерию. Нашел. Так... Москалева Анна Игоревна, 51 год, домохозяйка. Две попытки. В первый раз пыталась раскроить себе голову о край ванны, во второй раз перегрызла электропроводку. Закономерно летальный исход. Примечание: сосед самоубийцы Мозговитов Вадим Тимофеевич, 33 лет, строительный рабочий, показал, что вскрыл про-

водку по просьбе соседки, намеревавшейся якобы установить новую электророзетку. Никаких странностей в поведении соседки не заметил. Ушел, оставшись недовольным размером вознаграждения. Если бы он знал... ну и т. д., и т. п...

Так.

...Бадалян Смбат Микаэлович, 26 лет, торговец косметикой. Летальное отравление микоалкалоидами. 18 августа с.г. замечен грибниками в лесу поедающим бледные поганки. Так сказать, на корню. Попыток спасти его не оценил: дико кричал, пытался напасть, вооружившись дрыном, подпустил к себе, лишь потеряв сознание, разумеется, катастрофически поздно... Клопин Валентин Петрович, 44 года, начинающий писатель, творящий почему-то под псевдонимом Е. Киргиз-Кайсацкий, список публикаций в периодике прилагается. Подобно бледнопоганочному гурману предпочел суицид на природе: забрался в овраг и подрубил лопатой оползнеопасный склон. Бр-р... Не всякому врагу пожелаешь такой смерти. На теле обнаружена довольно стандартная записка самоубийцы, исключающая гипотезу о несчастном случае...

Однако!

Комок кофе ожег пищевод. Я глубоко подышал, жалея о морозном воздухе за окном, допил кофе мелкими глотками, налил еще и зажег сигарету. Однако!..

...Зозулин Евграф Иринархович (имя-отчество-то!), 30 лет, секретарь-референт. Забросил на ЛЭП голый провод, зажав конец последнего в зубах. Так. Хорошо еще, зубы сохранились, по ним и идентифицировали самоубиенного... Драч Елена Анатольевна, 62 года, пенсионерка. Удушение собственными руками. Ф-ф... Специальная справка, чтобы я не подумал чего: сведений о психических болезнях или предрасположенности к ним не имеется, на учете не состояла, соседями и знакомыми, в том числе коллегами по бывшей работе (отдел кадров режимного предприятия), в один голос характеризуется как исключительно уравновешенная женщина. Гм...

Вот именно: гм. Я подошел к зеркалу и честно попытался себя удушить. Так сказать, провел следственный эксперимент. Во-первых, я понял, что душить себя собственными руками не вполне удобно; во-вторых, имел удовольствие видеть в зеркале собственный язык; в-третьих, когда зрение восстанови-

лось, обнаружил, что мои руки висят вдоль туловища, как плети, отцепившись от шеи сами собой. Ну то-то.

В-четвертых, вернулся к базе данных. Красный, как помидор.

...Юдин Сергей Павлович, 19 лет, студент-технолог. Взорвал себя в заброшенном карьере. Идентифицирован случайно. Небезынтересна реконструкция взрывчатки: двадцатикилограммовый мешок сильно слежавшейся аммиачной селитры, похищенный со склада удобрений ближайшей сельхозартели, плюс самодельный детонатор из «доработанного» новогоднего набора «Потешные огни» плюс электровзрыватель на батарейке. Представляю лица специалистов из «летучего отряда». Наив неописуемый, детский сад, штаны на лямках...

Самосожжения Нетленные Мощи тоже отнес к экзотике, откровенно наплевав на то, что в Средней Азии существовали (и до сих пор существуют?) самосожжения... как бы это сказать... вынужденно-ритуальные. Правда, как назло, ни одного случая из Средней Азии в списке самосожженных не было — зато сыскался аспирант-биохимик из Танзании, фамилию которого я забыл немедленно по прочтении, вернулся, прочел снова и снова забыл. 23 года, холост, здоров, спортсмен (спринтерский бег с барьерами и без). Ему-то что здесь не понравилось? Не выдержал холодов?

...Стеценко Тарас Григорьевич, 42 года, вор-авторитет, в розыске с апреля 2039 года, по заключению последней судмедэкспертизы психически нормален. Совсем странная картина: на глазах многочисленных свидетелей происшествия перелез через барьер в зоопарке города Казани и кинулся в бассейн к белому медведю. Мотивы совершенно не ясны. Казалось бы, опротивело жить — иди ложись на рельсы, поезда ходят исправно, так нет же... Зверя пришлось застрелить, вот что обидно. Виноват он был в том, что его держали впроголодь для поддержания формы?

И какие, спрашивается, зацепки можно найти для сведения в единую рабочую гипотезу самоубийств начинающего писателя, негра из Танзании и беглого вора-рецидивиста по кличке Батя-Штифт? Для коллекции добавим сюда же торговца косметикой, домохозяйку и еще одного интуриста, американского поляка с анекдотичным именем Пол Женски. Что общего между ними? Ничего не видать, как в Потьме...

Лечебная сигарета предупреждающе пискнула и самозатушилась, я и не заметил, как выкурил ее всю. Зажегши новую, я читал и читал. Теперь я очень понимал Нетленные Мощи, будь он неладен: в самом деле трудно было не запаниковать, имея на руках такую информацию и полгода до окончания срока полномочий. Взбесились они, что ли? Файл «Экзотика» существенно расширил мои представления о том, какие способы лишить себя жизни может найти человек, если не мешать ему подумать. Искусственно вызванное заражение крови было в ряду самых невинных выдумок. Согласитесь, не каждому дано так мастерски отвлечь внимание рабочих на строительстве автострады, чтобы незаметной тенью нырнуть под движущийся асфальтовый каток. И тем не менее некий Шота Теймуразович с геологической фамилией Мергели это сделал! Зачем? Господи, ну зачем?!

Непропорционально, кошмарно много экзотики, даже вычурности, больше характерной для больных клинической шизофренией, нежели для нормальных людей. Шизофреник способен утопиться, проглотив для веса килограмм свинцовых грузил, или выкинуть еще чего похлеще, но почему, собственно, шизофреники стройными рядами покидают этот мир именно теперь? Что-то тут не так... Да тьфу, дурак я, ясно же, что самоубийства настоящих душевнобольных этой статистикой не учитываются, о какой еще шизофрении можно тут говорить?

Я было собрался сварить себе еще кофе, даже встал, но тут, конечно, как назло, сердце сжалось и забухало, как набатный сполох. Нет уж, хватит... Помру еще на посту. И те, кто после меня впряжется в эту задачу, чего доброго, внесут меня в список экзотов и заподозрят в шизофрении...

Вот и давешний случай на шоссе, уныло размышлял я, оторвавшись на время от списка, — формально тоже экзотика. Преуспевающий бизнесмен портит систему безопасности своей машины и несется по встречной полосе, явно ловя партнера для лобового столкновения — неподвижные предметы его почему-то не вдохновляют, — а навстречу ему с той же скоростью прет спившийся люмпен, одержимый аналогичной манией! Совпадение? Скорее, да. Занятное и одновременно счастливое, потому как избавило от смерти не менее двух ни в

чем не повинных людей, не имеющих к экзотам никакого отношения.

Факты вероятной, но не доказанной аномальности были занесены в специальный каталог. Его я просмотрел совсем бегло, но и тут успел подивиться. Было чему. Например, падение самолета местной авиалинии в горах хребта Черского, случившееся в августе этого года, ничем рациональным не объяснялось. Так, из расшифровки записей САРПП — системы автоматической регистрации параметров полета, которую в народе и посейчас именуют «черным ящиком», хотя ящик обычно оранжевый, — следовал вывод о полной исправности систем самолета. Иное дело запись разговоров экипажа: очень похоже на то, что между первым и вторым пилотами завязалась драка, но кто из них был самоубийцей, а кто пытался ему помешать, осталось невыясненным. Неуправляемый самолет с отключенным автопилотом не вышел из штопора до самой земли... а на борту было тридцать человек.

Что-то я никогда прежде не слышал о драке в пилотской кабине гражданского самолета. И медицина воздушного флота всегда оставалась особенно строгой. Психически неуравновешенный человек в принципе может водить мотоцикл, но никак не авиалайнер.

По правде сказать, этот случай был одним из немногих, когда торопящиеся на тот свет люди норовили прихватить с собой попутчиков. Почти всегда они «путешествовали» в скорбном одиночестве.

Но — зачем?!

Какая-то фантастика, право слово... Хотя нет. Фантастика — это то, чего не бывает. Бывает еще хуже.

Ночью мне снились синие негры, и я просыпался в ужасе. Негры топились в Яузе. Водолаз в полном глубоководном снаряжении бродил по пояс в коричневой воде от парапета к парапету, нащупывая свинцовыми подошвами утопленников, затянутых в ил. Вот еще один, а вот и еще... Мутантные рыбы мерзко хихикали. И почему-то в сумеречном моем сознании назойливо вертелось небывалое мужское имя: Месопотам. Я точно помнил, что такого имени в списках не значилось. А! Не все ли равно. Месопотам Гиппопотамович. Тигр Евфратович. Вергельд Солидович. Тьфу.

* * *

Наутро я вызвал к себе Лебедянского, Воронина и Штейна и посвятил их в суть проблемы. Надо отдать должное их выдержке — ни один из них не расхохотался мне в лицо.

— Не бывает таких эпидемий, Михаил Николаевич, — осторожно сказал Лебедянский.

Я вздохнул.

— Очень хорошо знаю, что не бывает, Юрий Савельевич. Серьезному инфекционисту не то что говорить, но и думать об этом как бы даже и неприлично. Однако я вынужден отдать вам распоряжение разрабатывать именно эту гипотезу... до тех пор, пока у нас не появится что-нибудь более правдоподобное. Это в полной мере касается и вас, Кирилл Афанасьевич. Подберите себе команду, если необходимо — мобилизуйте всю вашу группу. На все прочие дела наплевать и забыть. Поищите возбудителя. Повторяю: лично я уверен, что тут нет инфекционной природы, но пусть мое мнение вас не смущает. Какие научные центры задействовать — решайте сами. Даю вам зеленый свет — так сказать, «просите, и дастся вам»... — Я улыбнулся, чем вызвал ответную ухмылку Воронина. — Теперь то, что касается вас, Юрий Савельевич. Ваша первая задача — обеспечить мгновенную обработку данных, поступающих от группы перспективных исследований... а также от других групп, буде возникнет надобность в их создании. Пусть ваши аналитики покопаются в социопсихологических моделях. Меня интересуют два вопроса: как долго мы сможем удерживать тайну в границах Конторы и что следует предпринять, чтобы максимально увеличить это время — не в ущерб нашей работе, разумеется. Это вторая ваша задача. Понимаю, что она лежит не вполне в русле вашей обыденной работы и вообще вам не нравится... однако я прошу вас постараться. Очень постараться, Юрий Савельевич.

Лебедянский меланхолично кивнул. В глазах Воронина горели искорки — похоже, он развлекался. Штейн пребывал в невозмутимом молчании. Как хотите, а трудно представить себе более несхожих людей, в каждом из которых, наравне с Гузем, я вижу свою правую руку. Лебедянский — тощий, анемичный и как будто вечно сонный, Воронин — кругленький сангвинический живчик с вызывающе неопрятным видом, а Штейн —

голубоглазый титан, тип белобрысой бестии как результат селекции разных там Зигфридов на протяжении исторических эпох. Как такой заповедник генов сохранился в нашем веке — непонятно. Чрезвычайно дисциплинирован, превыше всего ставит порядок и одновременно дьявольски умен, как-то в нем это уживается. Пожалуй, все трое умнее меня, а Лебедянский и Воронин вдобавок вышли из Школы и, следовательно, могут со временем претендовать на мое место. Сейчас они не опасны, им нет смысла идти на риск, интригуя против меня, — проще мирно дождаться моего ухода, а время интриг друг против друга еще не пришло.

Кто из них займет со временем мое место? Оба нехороши для поста функционера: один чересчур любит науку и к тому же нахватался дурных привычек от своих невоспитанных трудоголиков; другой умеет не видеть ничего, кроме поставленной перед ним задачи, и о его рассеянности ходят легенды. Вот только одна: якобы однажды у Птичьего рынка в Москве он купил булочку и сломал о нее зуб — «булочка» оказалась черепашкой. Ничего не могу сказать в подтверждение этой легенды, кроме того, что два передних зуба у Лебедянского искусственные. Возможно, черепашек было две?

— Теперь о главном, — сказал я. — Это касается всех и в первую очередь вас, Отто Оттович. Я должен еще раз подчеркнуть: уровень секретности нашего расследования — «зеро-прим». Выводы сделайте сами. Ознакомление необходимых вам сотрудников со всей полнотой информации будет проходить исключительно с моей письменной санкции. Все обобщающие документы по этому делу должны существовать исключительно на бумаге в одном экземпляре. Обработкой наших информсетей займетесь сами, не мне вас учить. Ваши соображения по дезинформирующим версиям жду завтра с утра. Далее. Дискеты, что я вам вручил, являются спецдискетами. Хочу напомнить, что попытка копирования на любой твердый носитель или трансляции в сеть без ввода моего личного пароля приведет к потере информации и механическому разрушению дискеты... и не обещаю, что без разлета осколков. Я надеюсь, все вы понимаете, что причина не в моем недоверии к вам, а в страховании от разного рода случайностей... Подождите секунду, Кирилл Афанасьевич. Я не хуже вас понимаю,

что подобные меры предосторожности могут несколько затруднить ход расследования, однако вынужден настоять на своем. Вы ведь именно это хотели мне сказать?

— Ничего себе на! — Воронин опять ухмыльнулся надоевшему всей Конторе шедевру своего красноречия — гибриду «вот те на!» и «ничего себе!». — Кстати, и это тоже. Я тут прикинул, сколько человек придется посвятить во всю полноту информации. Получается, чуть ли не всю мою группу.

— Исключено.

— Для мозгового штурма мозги нужны, Михаил Николаевич. Чем больше мозгов, — он прищурился на Лебедянского, — тем больше работы этим бухгалтерам.

— Аналитикам, Кирилл Афанасьевич. Я знаю, что вы высокого мнения о своей группе, однако не зарывайтесь. За взаимные попреки и инсинуации буду карать. В конце концов, всем нам предстоит работать в одной связке. Поэтому так: если вы затрудняетесь выбрать двоих, максимум троих своих подчиненных для пресловутого мозгового штурма, вам поможет их выбрать Отто Оттович... Вы сами? Вот и хорошо. Крайне желательно, чтобы это были люди, добровольно согласные на, скажем так, возможные ограничения личной свободы в обмен на карт-бланш по части исследования проблемы и кое-какое материальное поощрение. Это касается вас всех. Теперь о сборе новой информации по теме. Кое-чем с нами будет делиться Служба духовного здоровья, однако мы задействуем и наши каналы. Это я возьму на себя. Кроме того, считаю необходимым скрупулезнейшим образом расследовать случаи суицида, аномальность которых бросается в глаза. Все подряд не получится, но хотя бы выборочно. Кто, как, зачем, сопутствующие обстоятельства... Это уже ваша епархия, Отто Оттович. Одну оперативную группу будем постоянно держать в Москве, пусть работает по «горячим» следам; город большой, работы им хватит... Под командой, пожалуй, Старостина, он у нас мастер «быстрого реагирования»... Еще вот что. В СДЗН разработка проходила под кодом «Снежный ком». Я предлагаю изменить название на «Надежда», так будет лучше. Есть какие-нибудь вопросы?

— Курировать «Надежду» будете лично вы или один из ваших заместителей? — спросил Штейн, впервые подав голос.

— Лично я. Гузь пока не информирован.

Бедный Гузь, подумал я. Теперь ему придется взвалить на себя много больше, чем он тянул до сих пор, а я вместо реальной помощи буду давать ему шенкеля.

— Я бы хотел, чтобы о каждом новом допущенном сотруднике я был информирован немедленно. Включая тех, кого предполагается использовать для решения частных задач, без полного допуска.

— Обещаю, что так и будет, Отто Оттович.

Он легонько кивнул, не ожидая от меня иного ответа.

— Еще один вопрос, Михаил Николаевич. Расследование обстоятельств гибели Филина следственная группа отдела безопасности будет вести автономно?

— Нет. Полагаю, вам сразу же понадобится специалист из группы Кирилла Афанасьевича, у вас ведь там одни сыскари. А вы, Кирилл Афанасьевич, подумайте, кого можете выделить прямо сейчас. Свежий глаз, так сказать. Вы это имели в виду, Отто Оттович?

— Не только. Также рамки и границы взаимодействия с людьми из Службы духовного здоровья. Прошу разъяснений.

— Они передадут вам то, что накопали, а дальше дело ваше. Не думаю, что вам станут очень уж мешать, но если возникнут проблемы — немедленно связывайтесь со мной, договорились?

— Еще одно, Михаил Николаевич. Было бы хорошо получить компьютерное «железо» этого Филина со всей периферией, какая при нем была. Необходимо ваше содействие.

— Договорюсь, — пообещал я. — Думаю, это нетрудно. Кстати, если не секрет: зачем вам пустое «железо»?

— Существует методика восстановления утраченных информмассивов путем сканирования микрочипов -- знаете, остаточные потенциалы в дефектах полупроводниковых структур. Примерно то же и с твердым носителем. Методика полушаманская, никакой особенной гарантии нет, но, если компьютер Филина после его гибели не шибко гоняли, можно попробовать.

— Попробуйте, Отто Оттович. Сколько времени вам на это потребуется?

— Дни, если не недели. Не начав, трудно судить.

— Начните немедленно по доставке «железа». Я прослежу, чтобы с этим не тянули. Сегодня же и получите.

— Тогда у меня пока все, Михаил Николаевич, — сказал Штейн.

— А у вас? — спросил я Лебедянского и Воронина. — Тоже нет вопросов? Очень хорошо. Приступайте. Отто Оттович, вы, пожалуйста, задержитесь...

Скверная это метода — уединяться с начальником отдела безопасности сразу после постановки задачи ближайшим соратникам. Кому угодно внушит недоверие. Не пройди Лебедянский и Воронин через Школу, я бы, пожалуй, не рискнул.

— Отто Оттович, у меня к вам буквально два слова, — сказал я. — Я прошу вас особенно тщательно продумать свою работу и ознакомить меня с принятыми мерами... скажем, не позднее чем через два дня. Обратите особое внимание на возможную утечку информации со стороны Службы духовного здоровья населения. Понимаю всю трудность и деликатность вашей задачи. Например, аналитики, которым придется составлять общую картину по миру, основываясь на прессе, — не дураки же они, сообразят. Я рассчитываю на вашу опытность и умение, Отто Оттович. На сегодня успех расследования и сохранение секретности являются для нас задачами примерно равной важности, поэтому прошу делать все от вас зависящее не в ущерб работе групп Лебедянского и Воронина. Люди не должны нервничать... Кстати, раз уж у нас вышел такой разговор, я попрошу вас хотя бы на время снять портрет Дубельта в вашем кабинете. В качестве личного одолжения мне. Я понимаю, что Леонтий Васильевич был умнейший человек и честно служил России, однако некоторых сотрудников его портрет раздражает, тогда как сейчас нам нужна максимальная внутренняя сплоченность. Вы меня понимаете?

— Вполне, Михаил Николаевич.

— Я рад, что мы договорились, Отто Оттович. В моей поддержке не сомневайтесь. Приступайте немедленно, прошу вас.

2

Выпроводив Штейна, я вспомнил о таблетке, что держал под рукой, и вернул ее в коробочку. Не пригодилась. А ведь только что я не мог не упустить каких-то деталей, равно как не мог не сказать лишнего и ненужного! Странно... Больше суток никакой головной боли — пожалуй, никогда прежде так

не бывало. Отказало ЧПП, сдох «демоний»? Вообще-то это было бы неплохо, но только не сейчас, а по истечении срока полномочий через два года. Сейчас — катастрофично... Тогда какого же рожна он пытался вчера натолкнуть меня на верный путь?!

Что-то должно произойти помимо моей воли, это вернее. Может быть, решение задачи окажется до смешного простым. Может быть, Кардинал прикажет забрать у меня тему. Может быть... да что угодно может быть!

Что дома, что в Конторе мой компьютер не даст доступа пользователю без моего личного пароля, и проходит секунды три, пока он одобрит мои папиллярные линии, проведет ДНК-анализ выделений потовых желез и определит по температуре пальца, что с ним имеет дело живой Малахов, а не хладный труп. Это раздражает, но терпеть можно. Зато у обоих компьютеров нет голоса и они не спрашивают отвратным лакейским тоном, что желает их повелитель. Вот это мне нравится.

Для начала я решил немного поиграть в математическую статистику. В меру сил, конечно. Что не мое, то не мое, но если врач не знает, чем отличается абсцисса от абсцесса, он уже не врач, а фельдшер. Разумеется, я не рассчитывал на то, что сейчас как по волшебству откроется Сезам и в руки мне свалится готовое решение. Так бывает только в старых наивных фильмах: приходит жуть какой умный герой, с хрустом разгрызает проблему, попутно уворачиваясь от пуль злодеев, — и готово: заложники спасены, и планета не взорвется. Где уж тут. Я всего-навсего хотел получить лучшее представление о проблеме. Без сомнения, аналитики Нетленных Мощей уже выжали из исходной информации все, что могли, а мои ребята, прежде чем разбираться с чужими наработками, начнут с того же, с чего и я. Если уже не начали.

Короче говоря, я заказал картины распределения самоубийств — всех чохом и немотивированных отдельно — по следующему набору параметров:

1. Возраст.
2. Пол.
3. Образование.
4. Социальный статус.

5. Семейное положение.

6. Регион.

7. Индекс здоровья по последнему обследованию — отдельно по основным показателям.

Поразмыслив и пощипав себя за ухо (скверная привычка, никак не могу отделаться), я добавил еще несколько пунктов:

8. Дата события и время суток.

9. Способ ухода из жизни.

10. Предшествующие попытки самоубийства.

11. Наличие свидетелей.

12. Групповой/одиночный суицид.

Факты — упрямая вещь, но статистика гораздо сговорчивее, как сказал кто-то умный. Черта с два. Целый час я рылся в ворохе гистограмм, как скарабей в навозе, пытаясь слепить мало-мальски рациональный подход к проблеме, и не преуспел. Я и не слишком надеялся.

Мужчин-самоубийц оказалось несколько больше, чем женщин, но расхождение не было очень уж существенным; стариков — несколько меньше, чем людей молодого и среднего возраста. Впрочем, само по себе это еще ни о чем не говорило: стариков вообще меньше. Я вывел новые цифры — в процентах к представительности возрастных групп — и убедился, что был прав.

Ниже всего оказался детский процент. Вообще ни одного случая до шести лет и нормально низкий уровень — до тринадцати. Но выше тринадцати лет кривая резко устремлялась вверх, делала перегиб где-то на восемнадцати и достигала «полочки» примерно к двадцати трем — двадцати четырем годам, практически не меняясь по средним и старшим возрастным группам. Возрастная кривая «нормальных» самоубийств была другая. Ну и что?

Здоровье. Естественно, прежде всего меня интересовало здоровье психическое. Просмотрев выборку, включающую в себя только тех, кто в последние годы проходил толковое психиатрическое обследование, я узнал, что процент умалишенных самоубийц за этот год действительно вырос. Пожалуй, это следовало учесть — хотя выборка включала в себя далеко не все зарегистрированные случаи суицида. Рассматривать

статистику отдельно по шизофреникам, параноикам и еще бог знает кому сейчас просто не имело смысла.

Притом, сведись проблема исключительно к самоубийствам умалишенных, не стал бы Нетленные Мощи так трепыхаться.

Мои попытки уловить какую-то связь с образованием и семейным положением жертв также не дали результата. Почти то же самое, что и для фона. Распределение по времени суток оказалось в первом приближении равномерным. Таблицы способов самоубийства выявили лишь одно — «экзотики» по сравнению с «традицией» наблюдалось заметно больше. Например, в статистике суицидальных отравлений всего три процента пришлось на отравления серной кислотой и более семи процентов — этиленгликолем. Дешевые и легкодоступные автомобильные жидкости, почему бы ими не воспользоваться, если в домашней аптечке нет барбитуратов...

Опять же: ну и что? Кроме вывода о том, что несчастные жертвы, по-видимому, были одержимы манией покончить счеты с жизнью как можно скорее. Так это и без того интуитивно понятно.

Групповых актов выявилось не так много, преобладали одиночки. Для 18,7 процента самоубийц попытка лишить себя жизни была не первой, в том числе для 2,9 процента — третьей или более. В 55,1 процента случаев для повторной попытки был применен тот же способ, в 20,4 процента — сходный по типу. Как раз это было понятно: мне приходилось слышать о том, что потенциальные самоубийцы частенько «зацикливаются» на каком-либо одном способе лишить себя жизни. Заодно подумалось о том, что в число выбравших сходный, но не тот же способ естественно включить приятеля Ольги, как его... Андрея, кажется. Не все ли равно, обо что разбиться: о дерево или об асфальтовую дорожку у больничного корпуса?..

Даст мне это что-нибудь? Нет, конечно.

Беглая пробежка по социальным группам показала, что решением проблемы не пахнет и здесь. Везде наблюдался более или менее пропорциональный рост, а отлавливать эффекты второго порядка я не собирался. Бросалось в глаза только одно: большее, чем в других социальных слоях, увеличение частоты самоубийств в тюрьмах и исправительно-

трудовых учреждениях. Здесь я на всякий случай поставил мысленную «птичку», хотя без дополнительной информации ни в чем не был уверен. Все-таки любая пенитенциарная система далеко не рай для оказавшихся внутри нее людей, там и нормальный уровень самоубийств отнюдь не низок. Причем в лагерном мире не так-то просто вычленить из общей массы чисто немотивированное самоубийство — где-где, а там мотивов хватает.

Свидетели происшествия наличествовали примерно в каждом десятом случае. Гм... Не понимаю, для чего я вообще ввел этот пункт. Работа со свидетелями к математической статистике никакого отношения не имеет, и пусть ею занимаются те, кому положено этим заниматься.

Я вынужден был констатировать, что вся эта лавина случаев весьма далека от категорий здравого смысла. Примерно так я и ожидал. Впрочем, здравый смысл — весьма относительное понятие.

Я вздохнул и перешел к распределению по регионам. Сенсаций не оказалось: повсюду примерно одно и то же, с незначительными отклонениями, дисперсия мала. Уже одно это уничтожало на корню всякие гипотезы об эпидемии. Но пусть мои ребята покопают и в этом направлении, останавливать не буду... И заведомо ложные гипотезы полезны. Лучше искать то, чего не существует в природе, чем искать вообще неизвестно что.

Правда, в сельской местности процент оказался несколько меньшим, чем в городской, но что это означало — влияние свежего воздуха или скверную работу структур, информирующих Домоседова, — я не понял. Вполне можно предположить, что информация из малообжитых районов приходит с опозданием на несколько дней — вот вам и разница в статистике.

В 35 процентах случаев самоубийство совершалось дома, 59 процентов приходились на тот же населенный пункт или ближайшие окрестности. В остальных случаях люди лишали себя жизни вдали от привычного места жительства, в том числе чуть менее двух процентов выпадало на заграницу.

Какой-либо закономерности тут не просматривалось. Обыкновенное среднестатистическое распределение населения по территории.

Строго говоря, такой вывод уже кое-что дает, рассудил я. Выходит, ненормальным самоубийцам *все равно, где* уходить из жизни, важен результат, а не обстановка. Вывод интересный, аналитики за него, несомненно, уцепятся, а что он даст мне сейчас?

Ничего.

Дата. С первого взгляда было ясно, что Нетленный не врал. Экспоненциальный рост.

Стоп!.. Мне показалось, что я напал на некую мысль. Не в дате дело. Ага, вот оно что: распределение по регионам оказалось практически равномерным — в процентах к численности проживающего там населения, разумеется. Но ведь так не бывает! Не знаю, с чем связан сей прискорбный факт, какой геофизический или человеческий фактор играет тут роль — такие вопросы спокон веку в ведении Службы духовного здоровья, — но есть регионы, в которых количество самоубийств из года в год *заметно превышает* средний фоновый уровень! Я немедленно затребовал суицидальную статистику за позапрошлый год, развернул ее в трехмерную гистограмму по регионам и провел сравнение. Так и есть: теперь региональные «пики» и «впадины» заметно сгладились, а некоторые из не очень явно выраженных исчезли почти совершенно! Итак, запишем: всплеск аномального суицида не связан с региональными особенностями и проявляется равно по всей терри...

Стоп. Такой вывод я уже делал. Пока он никуда меня не привел, кроме как ткнул носом в то, что аномальный суицид — это не суицид фоновый. Так я это и сам знаю.

Странно. Совсем не похоже на эпидемию — нет картины распространения. Даже если предположить неожиданную активацию сразу сотен, если не тысяч, природных очагов и учесть мобильность заразных попрыгунчиков... нет, не получается.

Стоп! В третий раз. Прежнюю формулировку вывода побоку, пишем новую. Итак, существует неизвестный нам фактор (допустим, один, а не группа), определяющий наблюдаемый всплеск. И фактор этот практически не зависит от простых, понятных вещей и уж меньше всего — от региона.

А от чего еще он может зависеть? От политической системы, что ли? Глупости. То есть и от нее, родимой, зависит,

конечно, но крайне слабо. При любой системе люди жить хотят. А тут словно кто-то сверху спускает разнарядку: в этом месяце каждого стотысячного (или тысячного) — в расход...

Меня даже пóтом пробило от этой мысли. Что же получается? Фактор — глобальный? Разумеется. Выходит, в нашем привычном мире, вполне терпимом, а кое-где даже уютном, в мире, где двенадцать миллиардов человек со своими автомобилями, реакторами, правительствами, благотворительными фондами, камнями в печени, компьютерными сетями, малыми войнами и глобальными противоречиями, спецслужбами, еженедельными перечислениями на счет, футбольными матчами, канарейками, эпидемиями, орбитальной обсерваторией «Цвикки» и детским стишком «Есть ли уши у горбуши?» живут себе и намерены жить дальше, — существует *нечто* неизвестное нам, в чем было бы еще полбеды. Хуже, что это неизвестное — убивает.

Для проверки я вывел динамику обычного суицида во времени, наложив на нее метеоусловия, и убедился, что ошибки нет никакой. В дни, когда прыгало атмосферное давление и геомагнитное поле проявляло нестабильность, число самоубийств было заметно больше нормы. Собственно, я и раньше об этом слышал. Не у всех гранитная психика, и невротики сами регулируют свою численность, как ни цинично звучит такая формулировка. Я еще раз вернулся к аномальной статистике и снова заказал картину распределения во времени, но с более мелкой сеткой. На первый взгляд колебаний, явно выходящих за рамки случайной погрешности, не оказалось, однако программа сравнения уверенно выявила корреляцию с коэффициентом 0,09.

Примерно так я и думал. Суицидальные невротики первенствовали и здесь, однако «тонули» в массе случаев, не объяснимых ничем, кроме действия пресловутого *нечто*. Между прочим, и среди «фоновых» самоубийств всегда имеется известный процент необъяснимых. И если часть их при условии предельной скрупулезности следствия (а кому это надо?) все же удается более или менее правдоподобно объяснить, то вторая часть вообще не объясняется никакими разумными причинами, зато могла бы быть предотвращена обычной психотерапией, если бы склонные к суициду не зацикливались на своем пунктике,

заранее уверенные, что никакой психотерапевт им не поможет.

Иными словами, неизвестный фактор действует не избирательно. Не точечное бомбометание, а бомбовый «ковер». Что и требовалось доказать.

Группировать свои скудные выводы и размышлять над ними я пока не стал. Все-таки это неполная статистика. Несмотря на весь профессионализм «летучего отряда», какое-то количество немотивированных самоубийств должно было попасть в раздел мотивированных, и наоборот. Трудно расписываться и за психически неполноценных — у них могли быть иные мотивы, отличные от наших. Наконец, некоторое количество самоубийц попросту не удается обнаружить — скажем, не все утопленники всплывают. Следовательно, нужно затребовать полную информацию о пропавших без вести за последние годы. Может, немытым трудоголикам Воронина и академичным экспертам Лебедянского удастся извлечь из нее что-нибудь рациональное.

А главное — им не придется впадать в популяризацию, объясняя мне суть своих изысканий.

Пусть работают. Толковый администратор не упражняется в спускании директив — он создает условия для того, чтобы его команда выкладывалась в полную меру сил, а сам стоит неподалеку, как нахальный любитель у гроссмейстерской шахматной доски. Правда, в шахматной практике подобных любителей гонят взашей, справедливо опасаясь их «свежего взгляда» и несдержанности языка, — но кто ж выгонит меня?

Не я же.

3

— Надеюсь, вы не попытаетесь меня интервьюировать? — спросил Малахов.

— Не думайте, что я такая дура, — немедленно отозвалась Ольга. — Во-первых, вы откажетесь, а во-вторых, этого все равно не опубликуют. Только зря потеряю работу.

Оказалось, что она не с телевидения, а из газеты, что было совсем уже необычно. Малахов газет не читал с детства, но слышал, что они и теперь выходят. Остались еще любители

шуршать на досуге бумагой. Он с удовлетворением отметил, что Ольга, по-видимому, вполне оправилась после гибели своего знакомого — во всяком случае, она казалась спокойной, и умелый макияж (вчера его не было) делал ее еще больше похожей на леди Белсом. Сознательно стремится к портретному сходству? Не исключено. Если, конечно, она тоже любит смотреть старые фильмы, вдобавок бездарные.

Затылок молчал...

ЧПП с утра не отказывало — в этом Малахов смог убедиться, едва отъехав от Конторы. Кольнуло не сильно, но вполне внятно. И через секунду — еще раз. Он поколесил по столичным улицам и довольно скоро заметил «хвост». Судя по номеру, машина принадлежала Конторе, а значит, в «хвосте» не было ничего детективного — обычная ненавязчивая охрана. Но «демоний» подсказывал, что от нее надо как-то избавиться.

Игнорируя разметку, Малахов проскользнул в левый ряд, дал по тормозам так, чтобы машину развернуло, и вырулил на встречную полосу. Не повезло: тотчас противно вякнула сирена, и патрульный автомобиль дорожной полиции притер его к бордюру. («Документы!» — «Вот, пожалуйста». — «Прошу прощения...» — «Ничего, капрал, штрафуйте. Это ваша работа».) Расплатившись кредитной карточкой и неслышно выругавшись, он медленно поехал в противоположную сторону. В течение следующих десяти минут он еще дважды попытался сбросить «хвост» — уже без особой надежды. Без сомнения, охрана уразумела, чего он хочет, и висела цепко. Кто мечтает о лишней выволочке от начальства? Последнее покушение на функционера имело место больше двадцати лет назад, но им — плевать. Трудновато тягаться с профессионалами в их родной стихии...

В следующие двадцать минут Малахов не делал никаких попыток оторваться. Затем припарковал машину возле магазина электротоваров, не спеша захлопнул дверцу и спокойно вошел в магазин. К счастью, в магазине было людно, иначе бы не уйти. Он проскользнул за прилавок, махнул «пайцзой» перед опешившей продавщицей, проскочил в подсобку и, спотыкаясь о какие-то коробки, выбежал наружу через

черный ход. Все это заняло не более десяти секунд, охрана вряд ли успела понять, куда он исчез. Через минуту он уже был в метро и, ссыпавшись по эскалатору вниз, успел запрыгнуть в последнюю дверь хвостового вагона за секунду до того, как она захлопнулась.

Оторваться, кажется, удалось. Он вышел на Луховицкой, запер «пайцзу» в бокс камеры хранения и поспел как раз к экспрессу. Поезд был не самым удачным: делал две минутные остановки в Коломне и Раменском, — но затылок промолчал, а значит, неприятностей не предвиделось.

После сравнительно тихой столицы Москва в очередной раз неприятно поразила его шумом и сутолокой. Казалось, каждый в этом городе норовит куда-то выпрыгнуть — словно сельдь из спрессованной массы своих сородичей, набитых в чрево трала. Пока он ловил такси, ему дважды отдавили ногу и один раз чувствительно сосчитали ребра острым углом какой-то клади, попутно облаяв по матери. Доехали, слава богу, довольно быстро, постояв всего в одной пробке. И вот он здесь, в квартире Ольги на улице Талалихина, куда, положа руку на сердце, без подсказки ЧПП ни за что бы не приехал, — а журналисточка вместо доверительной или не очень — как получится — беседы о погибшем дружке пытается крутить вокруг да около. Э нет, так не пойдет.

— Ну вот видите, — сказал Малахов. — К чему тогда ваши вопросы?

— Считайте, что я хочу разобраться кое в чем сама. Для себя.

— Зачем это вам?

— Допустим, простое любопытство. Писать об этом нельзя, но знать-то можно?

— Зачем вам знания, которые вы никогда не сможете применить? — спросил Малахов. В затылке кольнуло. — Ну хорошо, давайте поиграем в вопросы и ответы. Сначала задавайте вы, потом буду задавать я. Идет?

— Но уговор: полная искренность. Если не можете ответить, признайтесь честно, согласны?

Малахов посмотрел на часы. Сколько времени утекло зря с этой поездкой! А сколько еще утечет — неведомо. Возможно, он как раз сейчас позарез нужен в Конторе...

Но ЧПП говорит: сиди здесь, не рыпайся, сиди и никуда не уходи, Ольга тебе нужна, и ты должен быть с нею в хороших отношениях, а еще лучше — в близких...

Нет укола.

А конкретнее? Чисто дружеских отношений достаточно?

Укол.

Понял...

— Согласен, — сказал Малахов. — Начинайте.

— Можно вкратце обрисовать, чем занимается ваша Служба? Кроме расстановки санитарных кордонов, разумеется.

— Пожалуйста... — Малахов пожал плечами. — Общий микробиологический контроль, включая охрану объектов повышенной биоопасности. Социально-гигиенический мониторинг. Радиологический контроль и мониторинг — совместно со Службой охраны среды. Санитарно-химический контроль. Пограничный биоконтроль. Прогнозирование эпидемических вспышек и превентивные меры. Координирование деятельности ряда научных и лечебных центров. Еще кое-что по мелочам... — Паскудное дело о массовом суициде никак нельзя было отнести к мелочам, но об этом он промолчал. — Вообще-то для неспециалиста это довольно скучная тема... Может быть, поговорим о чем-нибудь другом?

— Искренне?

— Ну разумеется...

— Тогда вот вам вопрос второй: за что вы нас так ненавидите?

Малахов приподнял одну бровь.

— Некорректно, Оля... «Нас» — это журналистскую братию, я вас правильно понял? А «вы» — это функционеры вообще или только я один? Вообще?.. Понятно. Спасибо и на том. Вы очень сильно ошибаетесь, Оля, функционер не может ненавидеть прессу. Нельзя ненавидеть то, что не приносит вреда, а, напротив, служит социальной терапии. Вот правительство многих из вас ненавидит, я полагаю, совершенно искренне и за дело. Президент, думаю, тоже. Не путайте чиновников с функционерами. Заметьте, я даже не спросил, записывается ли наш разговор. Мне все равно, а у вас при известной неосмотрительности могут быть неприятности. Лучше бы вам выключить запись, право слово.

— Она не включена. Я же сказала, что хочу разобраться сама... Надо ли ваши слова понимать так, что Службы стоят над правительством?

— Они не над и не под. Они — сбоку. Любая самая расчудесная демократия может существовать только благодаря каждодневному нарушению ее основных принципов, так уж получается. Далее: любая демократия, не нарастившая на себя стальной корсет, обречена опрокинуться от малейшего толчка. И если ее сменит всего лишь авторитаризм или олигархическая власть, это будет еще не самое страшное. Надо доказывать? Простите, Оля, не стану. И вообще это только мое личное мнение. Если исчезнет верховная власть, неподконтрольная животным прихотям толпы, на смену ей придет власть бандита с автоматом или — в лучшем случае — мы быстренько загадим планету так, что на ней станет невозможно жить. Если хотите, Службы существуют для того, чтобы обыватель мог играть в демократию сколько его душе угодно. Вы ведь не возмущаетесь тому, что детские садики обносят заборами?

— Подождите...

— Нет уж, вы подождите, пожалуйста. Вас ведь свобода волнует, я правильно понял? Найдите мне хоть одного свободного человека, кроме Робинзона, тогда и поговорим. Да и тому береговая линия мешала ощутить себя вполне свободным. Возьмите для примера армию или государственные спецслужбы — тут государство мирится с формами управления, достойными Рамзеса, и вроде бы ничего... Живем и будем жить. Простите за банальность, никакая разумная социальная структура не основывается на такой размытой материи, как свобода или, еще хуже того, справедливость, — непременно поскользнется и наделает грохоту. Критерием полезности структуры является ее жизне- и дееспособность, а уж какой ценой — вопрос десятый и лишний.

— Ну и ну. — Ольга извлекла из пачки сигаретку и постучала ею о край пепельницы. — Не ожидала от вас такой откровенности... Впрочем, вы утверждаете, что она для вас безопасна... Кстати, вы курите?

— Курю, но только лечебные. Как и вы.

— Других-то не достать. Тоже работа вашей Службы?

— Тоже, — кивнул Малахов. — Мелочь, конечно...

Он дал прикурить ей, прикурил сам и с наслаждением затянулся. Какая же это за сегодня сигарета? Шестая? Больше десяти — во вред, да и «демоний» не позволит.

Разговор начинал надоедать. Прямо как с Виталькой: «Тезис первый: человек за два-три миллиона лет эволюции еще не вполне произошел от своего обезьяньего предка и в существующем виде не может с полным на то основанием считаться человеком разумным, ты не согласен? Достаточно поверхностного знания истории, хотя бы новейшей... Ах, согласен? Ты умнее, чем я думал. Нет, это не констатация факта — ишь расцвел! — это комплимент. Человек и вправду велик, хотя обычно склонен преувеличивать свои достижения; он звучит так-то и так-то, он преобразовал все, до чего смог дотянуться, он отравил почву и выращивает на ней вполне съедобную морковку, он слетал на Марс и Меркурий, засеял облака Венеры серобактериями и топит в Солнце ракеты с ядерными отходами. Верно? Одновременно это одно из самых хищных и безжалостных созданий, существовавших на Земле с Мелового периода, порождение крокодилов, как было сказано, хотя я думаю, что не следует зря обижать ни в чем не повинных рептилий сравнением с хомо сапиенс. Это самое хитрое, мелочное и эгоистичное существо, победившее в эволюционной борьбе и, по-видимому, остановившееся в своем развитии. Так? Я вижу, ты следишь за ходом вполне банальной мысли. Тезис второй: ты, я и еще двенадцать миллиардов людей на планете Земля сравнительно мало интересуемся тем, кто мы такие и откуда взялись, зато живо озабочены тем, что станет с нами завтра. Причем слово «завтра» я употребляю в самом буквальном смысле: завтра значит именно завтра, а не через пятьдесят лет. Двенадцать миллиардов людей хотят выжить сегодня, выжить завтра, а когда завтрашний день станет сегодняшним, они будут желать того же самого, и послезавтра, кстати, они тоже будут желать того же самого, что вполне объяснимо и естественно, — короче говоря, нынешнее поколение весьма склонного к самоистреблению человечества желает выжить на этой планете и плавно перетечь своим потомством в следующее поколение, которое будет озабочено той же основной проблемой. Отсюда и третий тезис, вытекающий из первых двух и вопроса «как

быть?». До сих пор единственная во Вселенной земная популяция вида хомо сапиенс демонстрировала трогательное следование законам развития любой крупной животной популяции, и нет никаких признаков того, что такое положение когда-нибудь радикально изменится. Эрго: до тех пор, пока каждая — непременно каждая! — человеческая особь не начнет думать и вести себя иначе, что само по себе сомнительно, — до тех пор место человека, как и любого другого животного, в зоопарке, с той лишь разницей, что клетку для себя человек должен соорудить сам, ибо больше некому. По сути, в зародыше это уже сделано: любая политическая система изначально есть клетка, разница между ними лишь в размерах и в том, у кого хранятся ключи от дверцы, ты усек?..»

Иначе уже нельзя. Спорить не о чем. Иначе мы вымрем. Окончательно отравим воздух и воду, выхлебаем из земли последние капли нефти, начнем драться за битуминозные пески... Сожрем планету. Жрать — это мы умеем лучше всего.

В Витальку почему-то влезало с трудом то, что для Малахова было очевидным. Он помнил, как в детстве, когда еще только-только начал соображать, смотрел по TV на этих скотов — крепких, лоснящихся, алчных, невероятно цепких и живучих, типичных какократов, вознесенных наверх, как капелька гноя в кратере чирья, сдавленного невидимыми сальными пальцами, легко швыряющих себе под ноги целые поколения, — и с мучительным ожесточением думал: «Ну неужели... *Неужели не найдется никого, кто бы избавил от них страну?!*»

Ольга, конечно же, их не помнит, подумал Малахов. Зато наверняка слышала истории про людей в бомболюках и негодует. Не возражаю. Хотя ненависть той силы она и представить себе не может, как и почти вся нынешняя молодежь, — значит работаем не зря...

— Кстати, о справедливости, — сказал Малахов. — В свое время по параметру РНС — он так и назывался: «равнение на справедливость», меня едва не отчислили из Школы. Потом, правда, оставили.

— Изменились правила?

— Нет, пришлось измениться мне. Правда, не слишком сильно — ровно настолько, чтобы психологи решили, что

мой индекс социальной ответственности все же выше тяги к справедливости... У вас есть еще вопросы, Оля?

— Да. Сколько всего функционеров действует единовременно?

— Четверо. По числу Служб.

— Вот как? Мне почему-то казалось, что ежегодный выпуск Школы — десять человек, а то и пятнадцать.

— Остальные — чиновники.

— Совсем интересно. В чем же их отличие от функционеров? Кроме занимаемой должности, разумеется.

— Функционер — от слова функционировать, что он и делает. Если хотите, как винтик, хотя мне было бы приятнее думать, что как мозг. Отказавшую деталь выбрасывают на помойку, и правильно делают. Так же и функционер отвечает собой за свои просчеты. Вообще-то нечто подобное уже имело место у нас в стране лет сто назад. Разница в том, что функционер не может сдать своего подчиненного, он может только его уволить. Настоящую ответственность несет только один человек.

— Перед кем?

Малахов пожал плечами:

— Перед населением, разумеется...

Ольга вспыхнула:

— Перестаньте сорить словами, вы прекрасно меня поняли. Кто тот человек, который для вас олицетворяет население?

— А вот этого я вам не скажу, Оля.

— Хорошо, я задам вопрос иначе. Произошло нечто — скажем, катастрофа, которую вы не смогли предотвратить. Кто определяет, виновны вы или нет?

— Суд чести. Вообще-то я не очень хочу развивать эту тему.

— Больная мозоль?

— Если хотите, да.

— Простите. Я просто не понимаю, как можно не подсидеть функционера. По-моему, это само напрашивается... Только не говорите мне, что никакой подчиненный не мечтает занять место начальника из-за боязни, что кто-нибудь с ним поступит точно так же. Не поверю.

— И не надо. Сразу видно, что вы не кончали нашу Школу, Оля. Мне будет трудно вам это объяснить. Ну а кроме того, каж-

дый функционер сам подбирает себе команду. Кому нужен функционер, не умеющий разбираться в людях?

— Понятно. — Она затушила сигарету и откинулась в кресле. — Вы ко всему еще и психолог? Тогда скажите, что, по-вашему, представляю собой я.

За две секунды Малахов перебрал с десяток вариантов ответов и каждый раз получал укол в мозг.

— Вы для меня загадка, Оля, — нашел он наконец. И улыбнулся, не получив укола.

«Охмуреж?.. Чистейшей воды. Что-то дальше будет...»

Она усмехнулась.

— Подите вы с вашими комплиментами... Еще один вопрос можно? Последний. Насколько я вас поняла, вы убеждены, что цель оправдывает средства, а ваша цель состоит в уменьшении человеческих потерь. Скажите, могли бы вы лично, своими руками убить человека, чтобы спасти сотню?

Малахов выпустил кольцо дыма и решительно воткнул окурок в пепельницу.

— Наверное, мог бы. Не пробовал.

Зачем же лично, подумал он. Вопрос его развлек. Однако, ну и представления о жизни у этих журналистов — наивнее, чем у Витальки, ей-богу!

— Черт знает, как мы докатились до такой жизни! Бардак какой-то людоедский...

Малахов улыбнулся:

— Знаете, Оля, в подготовительном интернате у нас был учитель истории — его потом выгнали, — так вот он, когда не знал ответа на вопрос, любил повторять: «Так исторически сложилось». А я добавлю: могло быть хуже. Вы что же, хотели, чтобы тот кошмар, что был в начале века, продолжался до сих пор? Про социальные катаклизмы я и вспоминать не хочу, а вот представьте себе такой совсем мелкий штришок: вы смотрите хороший фильм, и вдруг его прерывают, чтобы сообщить, что такая-то и такая-то, простите, гигиеническая прокладка — лучшее средство восстановить кислотно-щелочной баланс после мякоти кокоса. Вы вряд ли это помните, а я еще застал. Оглуплять людей очень просто, вы попробуйте сделать наоборот... Кстати, именно Службы привили нашему обществу чуточку пуританства, благодаря чему удалось приостановить рас-

пространение ВИЧ-инфекций. Либо терпеть Службы, либо идти к пропасти, альтернативы не вижу. О том, чтобы страну опять не подбили на взлете, пусть думают другие — наша задача не позволить ей запутаться в собственных крыльях. Всему свое время, Оля; глухонемому прежде логопеда нужен отоларинголог... Не настолько я туп, чтобы вообразить, что благодаря Службам воцарится сплошная благодать и над миром что-нибудь да воссияет. Бардак — пока да, пожалуй. Вынужден согласиться. Только он не людоедский, тут я должен вас поправить. Он — людоохранный...

Она неожиданно прыснула и на миг потеряла всякое сходство с леди Белсом.

— А покорявее словцо вы не могли подыскать? Ладно, я кое-что поняла. Теперь ваша очередь задавать вопросы.

Пока он собирался с мыслями, она, положив ногу на ногу, смотрела на него молча и загадочно. «А не дура ли она?» — обеспокоенно подумал Малахов. Пожалуй, нет. Хочет произвести впечатление — что ж, разрешается. И на «Олю» ничего не возразила. Он пошевелился, проверяя, не выпал ли из кармана табельный мозгокрут, пока выключенный, ждущий, заранее настроенный на «безудержную страсть». Нет, не выпал. А может, и без мозгокрута обойдется. Девочка-то, кажется, не против... Позвонить прямо сейчас в ближайший супермаркет, заказать с доставкой ледяное шампанское, икру, шоколад, а контрацептивы у этой куклы наверняка свои найдутся. Не с браслета позвонить, конечно, разговор сразу засекут, а с ее телефона, вон он стоит...

Затылок не болел, хоть тресни.

А если чуть попозже?.. Нет возражений? Вот и хорошо.

А если у меня ничего не получится?! Не хочу же...

Никакого эффекта. Значит, получится. Да и как может не получиться — вон какая красивая женщина...

Против воли стиснулись зубы до хруста. Прррелестница!

Малахов откашлялся.

— Я хотел бы знать, Оля, что собой представлял ваш приятель. Начните с анкетных данных. Ну и вообще...

Рассказ получился не таким сбивчивым, как он опасался, — чувствовалась журналистская выучка. Трощук Андрей Андреевич, двадцати девяти лет, среднее, здоров, не привлекался, не состоял, ограниченно занятый, Зеленоград, родители живы. Пос-

леднее место работы: техник на конвейере каких-то тканых микроплат, нажимал какие-то кнопки... Пять лет знакомства, совместные поездки, турпоходы, автостоп... да отличный парень, что говорить, всем бы быть такими...

Угу, некстати подумал Малахов, всем бы быть бородатыми и краснорожими... Интересно, кем я им казался в тот момент, когда кинулся, расталкивая? Ненормальным? Очень может быть. Бандитом с психодавом в кармане? Вряд ли. Что взять с попрыгунчиков? Наверное, все-таки практикующим врачом, но только не случайным лыжником с толикой здравого смысла в голове... Забавно.

— Простите за вопрос... Он жил с вами?

Она усмехнулась.

— Вам это так необходимо знать? Хорошо, скажу: последнюю неделю нет. Мы расстались. Если вы думаете, что он из-за этого... Вообще-то инициатива расстаться была его, я только согласилась с ним. И потом, мы остались друзьями. Не думайте, что тут была какая-то душевная травма.

— Я ничего не думаю, Оля, я просто собираю факты. Последнее время за ним не замечалось каких-либо странностей?

— Нет, пожалуй. Разве что в тот самый день... Понимаете, компания у нас хорошая, мы, пока ехали на надземке, веселились вовсю. А он был какой-то странный — тоже ржал со всеми, но как-то... механически, что ли. Мы так и подумали, что у него неприятности, даже спросили. Он отшутился как-то неудачно, я уже не помню как...

— Что вы делали дальше?

— Побегали по лыжне — около часа, не больше. Потом решили покататься с горы...

— Поездку именно в то место предложил он?

— Нет. Точно, нет.

— Больше ничего не было странного?

— Нет. Погодите-ка... Недели три назад у нас была попойка. Здесь, у меня. Так вот, я заметила, что он подходил к окну и смотрел. Я же говорила вам, как он боялся высоты... правда, у меня всего восьмой этаж. Но раньше он никогда так не делал. Я еще подумала, что он здорово напился, пьяному океан — лужа...

Это уже кое-что, подумал Малахов. Собрать показания о поведении жертв за несколько недель до самоубийства... Адова работа, но будет странно, если Нетленные Моши не проделал ее хотя бы частично. Любопытно знать, что он накопал...

— Значит, вы уверены, что ваш друг сам покончил с собой? — попытался уточнить Малахов.

— Я уверена, что кто-то довел его до самоубийства, — решительно сказала Ольга. — И я хочу знать, кто и зачем.

— И вы убеждены, что я помогу вам? — спросил Малахов.

Она улыбнулась.

— Тащились же вы для чего-то из Зарайска.

В логике ей было не отказать.

«А если у меня с ней не получится?..»

«Демоний» не уколол — легонько царапнул острием иглы. Подталкивал: начинай скорее, зануда, не тяни.

— Сделаем так, Оля, — сказал Малахов, «включив» одну из своих наиболее обаятельных улыбок, какую иногда «включал» лишь для Фаечки. — Это дело я возьму на контроль. Теперь о вас. Очень может быть, что вам в скором времени придется ответить на множество вопросов о вашем друге, причем очень хорошему следователю. Прошу вас, отвечайте честно. И еще одно: о том, что я был у вас, не должен знать никто, абсолютно ни один человек. Только при этом условии я гарантирую вам успешное расследование. Можно считать, что мы с вами договорились?

— Можно.

Держать улыбку уже не было сил.

— Последний вопрос, Оля, — сказал Малахов с трудом, от души надеясь, что его мучения будут приняты за лестную женщине робость мужчины. — Как вы посмотрите на то, если я немного задержусь у вас просто так, без всякого дела?

...Уже глубокой ночью, в постели, после шампанского, икры и шоколада, когда два торопливых акта соития остались позади и назревал третий, Малахов вдруг вспомнил о голодном брошенном Бомже, запертом в пустом доме, и был наказан жестоким уколом в мозг. Исправляя ошибку, следующие пять минут он ни о чем не думал, исполняя акт механически, словно колол дрова. Бомж был не нужен ему — кому вообще нужны бомжи? А Ольга была для чего-то нужна.

Глава 4
ПОВЕСТЬ О ЛЕЙТЕНАНТЕ ПИПЕТКИНЕ

Коль скоро вы вкусили от древа познания,
вы вряд ли сможете поступить по-иному,
чем идти дальше с этим знанием.

Норберт Винер

...Шуршат по асфальту. Выбоин на такой скорости не увидишь, они чувствуются только по тряске машины. Не надо быть провидцем, чтобы понимать: при сумасшедшей гонке по дрянному шоссе рано или поздно полетит подвеска. А! Какую бы скорость я ни выжал, сигнал спецназовской связи все равно летит быстрее.

В угнанной машине можно чувствовать себя в безопасности только первые несколько минут, и то если угнано «чисто». Мне же повезло угнать эту колымагу буквально из-под носа группы захвата, так что о какой тут безопасности может идти речь. Минута или две, самое большее три — вот и все, что мне отпущено.

Негусто. Таков мой временной люфт, как обожают выражаться профессионалы из не очень афиширующих себя заведений.

Кольнуло... Пока чуть-чуть — предупреждающе. Бросить машину? Нет, снова укол: пешкодрал не проходит... Господи боже ты мой, как же надоели мне эти подленькие приемчики: всегда точно знаешь, что делать не надо, и поди догадайся, что сделать нужно! Хитер «демоний», не позволяет себе тянуть меня на веревке, как барана, заботится о том, чтобы я мыслил, гад!

Мозгокруг — в режим защиты?.. Точно. Со второго раза попал. Нет тут никакого мышления — откуда ему взяться? — одни отработанные рефлексы, как у павловской собаки с фистулой под брюхом. Если мне понадобится быстро принять правильное решение, единственное из многих ошибочных, я могу и оплошать.

Хорошо, что *они* об этом не знают — зауважали меня профессионалы, никак не возьмут в толк, почему я который раз от них ускользаю, подозревают в гениальности... Дурачье. Впрочем, логически такой вывод с их стороны неизбежен, и заметно, что теперь они действуют куда осторожнее, тщательно продумывая и просчитывая каждый шаг, что, по идее, увеличивает мои шансы.

Сам себе не верю: петляю третий месяц, а все еще на свободе. Только бы дотянуть до лета. Петлять, петлять... Летом проще исчезнуть: пристану к какой-нибудь группе попрыгунчиков, представившись потерявшим снаряжение туристом-одиночкой, буду компанейским парнем и комариным кормом и заберусь с ними в самый дальний медвежий угол с плотностью сыскарей полторы человеко-единицы на сто тысяч квадратных верст... Пусть-ка там попробуют меня вычислить! Так и надо: сидеть не высовываясь, пока не спугнут.

А я что делаю, спрашивается?

Развилка. Налево или направо? Налево. Тут шоссе еще хуже. Надо же, какой удался вираж — такому, пожалуй, позавидует и раллист, а толку много ли? Когда надо мною повиснет вертолет, путь мне преградит развернутый поперек дороги трейлер либо меня просто-напросто догонят и зажмут, мне будет не до радости от мелких удач. Удивительно, что еще не догнали, машина попалась дохлая, так ведь за неимением гербовой пишут и на наждачной...

Ага, замысел «демония» становится прозрачен: впереди «кирпич», деревянные барьеры со светоотражателями, а местность напоминает стройплощадку после легкой бомбежки, безлюдную по причине субботнего дня. Валяются бетонные блоки, дремлют бульдозеры, автокран задрал стрелу над штабелем плит, дорога разворочена, всюду грудами щебень — впереди чинят мост над неведомой мне речушкой, и я очень удивлюсь, если поблизости в нее не выходит что-нибудь вроде коллекторного стока. Как раз для меня. Если очень поднатужиться, я смогу вообразить, будто всю сознательную жизнь мечтал стать диггером и лазать по крысиным норам.

Так. Утопить машину, это собьет их с толку хотя бы на минуту... Уйду.

Поздно! В зеркале заднего вида стремительно увеличиваются преследующие меня автомобили. Два... нет, три. Подсказку мне,

подсказку!.. Нет ее. Давлю на газ, машина в брызги разносит кучу гравия, прыгает сумасшедшим козлом, выношусь на мост, только здесь становится видно, что центральный пролет отсутствует; по тормозам! — последние метры иду юзом, и начинается плавный и бесшумный *свободный полет*...

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

на Малахова Михаила Николаевича,
2001 г. рождения, кадета Школы

2-й экземпляр — в архив Школы (База данных «Порода»)

3-й экземпляр — в личное дело Малахова М.Н.

Малахов М.Н., 17 лет, в поле зрения наблюдательного совета с 2007 г., в интернате с 2011 г. (зимний набор), в 2013 г. переведен в основной состав учащихся, в 2014 г. допущен к изучению дисциплин второго цикла.

Стандартные отсевочные тесты второго уровня: прошел.

Спецтесты D-G: прошел.

Спецтест H: прошел с лучшим результатом по группе.

Спецтесты J1-J9: прошел.

Контакты вне Школы: допустимые.

Физическое здоровье: соответствует требованиям.

Психика: устойчивая.

РНС: 50,4 ед.

ИСО: 117,0 ед.

Интеллектуальный уровень: соответствует требованиям.

Логические способности: ниже средних по группе.

Интуитивные способности: исключительно высокие. Примечание: ряд наблюдавшихся фактов занесен в Базу данных «Редкие земли».

Общая субъективная оценка: положительная.

Результаты голосования по кандидатуре:

За: 6. Против: 3.

Наблюдательный совет Школы считает возможным допустить кандидата Малахова М.Н. к изучению дисциплин третьего цикла.

Примечание: особое мнение д-ра Косенчук и д-ра Абишева передано в Базу данных «Аларм». Особое мнение д-ра Терещенко и члена комиссии Щукина передано в Базу данных «Редкие земли».

03.12.2018 г.

1

Если какой-нибудь умник начнет уверять вас, будто безумно трудно устроить ребенка в Школу, можете с чистой совестью плюнуть ему в глаза. Это вранье. Я ни разу не слышал, чтобы кому-нибудь было отказано в собеседовании, и по меньшей мере каждое пятое из приведенных родителями чад успешно проходит приемные испытания. Иное дело, что почти никто из приведенных за ручку абитуриентов не заканчивает полный курс; исключения единичны. Мне говорили, в чем тут дело, аргументацию я забыл, а вывод запомнил: регулярные контакты с семьей мешают формированию функционера.

Так что если бы мои родители не погибли в автокатастрофе, не окончить бы мне Школу ни за что. Нет худа без худа...

Шучу.

Как ни странно, о детдоме у меня сохранилось мало воспоминаний, и те какие-то казенные: казенная одежда от зимних курток до трусов включительно, вечно хмурые, как бы тоже казенные воспитатели, редкие и почти всегда чем-нибудь испорченные праздники, несколько клинических подлецов, несколько клинических же воров с врожденными криминальными задатками, пара-тройка дебилов, «темные» по случаю, драки за то, кому быть паханом над всеми, — словом, нормальное обезьянье стадо. Серый фон. С Сашкой Кисселем и Димкой Долговым, пришедшими вместе со мной в Школу и продержавшимися до выпуска, мы подружились позднее, уж никак не в интернате. Хотя подружились — громко сказано, пожалуй. Дружить в Школе некогда. Не желали друг другу зла, это точнее.

Одно воспоминание, впрочем, осталось...

Совершенно точно установлено, что детеныши обезьян, все равно высших или низших, рано отнятые у матери, изолированные от стада и искусственно вскормленные, то есть те детеныши, которые никогда не хватались за теплую материнскую шерсть, вырастают во вполне здоровых особей с тем же примерно процентом физических и психических отклонений, что и в контрольной группе. Мало того, они так же успешно производят на свет здоровое потомство. Есть только одно отличие: обезьяны, не испытавшие в младенчестве материнской ласки, почти все, за редчайшими исключениями, отказываются от заботы о своем потомстве, когда приходит их черед стать родителями. Собственные детеныши становятся им не нужны. Начисто лишенные родительских чувств, обезьяны как бы мстят ни в чем не повинным детенышам за свое погубленное детство. И если детеныша не подсадить в стаю, где о нем позаботятся, или не выкормить искусственно, такой детеныш неминуемо погибнет.

Не знаю, что из этого в конце концов вышло, но у нас в младшей группе стояла — вернее, сидела, — вечная Няня, большая толстая женщина из мягкой резины и пластика. Она была добрая. Легонько покачиваясь в кресле, мурлыча нескончаемые песенки, она умела и погладить прильнувшего к ней счастливого малыша, и успокоить хнычущего. От нее исходило тепло. Без сомнения, создатели Няни начитались Брэдбери — про электронную бабушку. Это был эрзац живого человека, и малыши прекрасно понимали, что Няня не живая, но все равно висели на ней гроздьями. Я смеялся: мне это было не нужно. У меня были отец и мать — погибли, но были же! — и я твердо знал, что не глупые толстые роботы, а живые руки мамы укачивали меня в младенчестве. В интернате я оказался года в четыре. Мне повезло больше, чем другим, цепляющимся ручонками за резиновую куклу, и мой смех был смехом превосходства над ними, существами с виду такими же, как я, но все же низшей касты. Стыдно, конечно, об этом вспоминать, но кого прикажете винить в том, что дети устроены так, а не иначе? Психически дефективную человекообразную обезьяну, которая пять — семь миллионов лет назад свалилась с пальмы и поленилась вскарабкаться обратно?

Странно, но меня никогда не тянуло подержать на руках маленького Витальку. Юлия обижалась: «Это же твое! Твое! Какой ты отец!» Я пожимал плечами и брал в руки кричащий сверток. Ребенок не успокаивался, и Юлия выходила из себя. Тошно и вспомнить наши скандалы. Может быть, дело было в том, что по настоянию Юлии я присутствовал при родах. Я совершенно точно знаю, что из меня не получился бы ни акушер, ни педиатр. Роды и сами по себе не самое приятное в мире зрелище, а уж когда видишь, как из любимой тобой и обезображенной им женщины, раздвигая и разрывая ее лоно, с какой-то садистской неуклонностью выползает нечто новое и совсем не нужное, которое пока молчит, поглощенное борьбой с материнским телом, но, оказавшись снаружи, обязательно взовьется криком, претендуя на место в мире и на часть того, что прежде было только моим, — разве можно тогда испытать добрые чувства? Я знал, что их испытывают другие отцы. Я не испытал. Даже когда я увидел, как сияющая Юлия кормит грудью нашего сына, я только и смог, что не выдать сразу своей неприязни к этому чмокающему куску розового мяса, который отнимает — уже отнял! — у меня мою Юлию. Отцовские чувства проснулись во мне много позже, когда я разглядел в Витальке задатки человека. И вторая странность: я никогда не умилялся успехам сына. Одобрял — да. Гордился — тоже бывало. Но не умилялся.

Может быть, моя мама мало держала меня на руках?

Лет в десять меня и еще нескольких пацанов из разных групп вызвали к директору и предложили быстренько собрать вещички. Помню, как директор, даже не пытаясь скрыть удивление, впервые рассматривал нас с некоторым вниманием, и еще помню незнакомого мужчину, по-видимому, очень спешащего, приехавшего, как мы сразу поняли, специально за нами.

Я сразу заявил, что никуда не поеду. Надо сказать, в детстве я был довольно упрям и заранее соглашался на возможные кары. Плевать. Пусть других берут, а я останусь, мне и тут неплохо живется, ясно вам?.. Спешащий мужчина нетерпеливо посмотрел на часы, а директор побагровел и рявкнул, что вопрос решен. Я только-только открыл рот, чтобы сказать какую-нибудь грубость, как меня довольно сильно ужалило в

затылок, так что рот пришлось закрыть. К тому времени я уже начал догадываться, что означают мои внезапные боли.

Что мне нравилось в подготовительном интернате, так это его местоположение: лесной массив за Клином — кажется, бывшие охотничьи угодья высокопоставленных рыл, — сосновый воздух, настоящая, хоть и переплюйная речка. В жилой корпус нас набилось столько, что кровати в спальнях пришлось устанавливать в два яруса, как нары. Ни прежде, ни потом я не видел такого количества шкетов в одном месте. Как нам стало известно впоследствии, наш подготовительный интернат был лишь одним из пяти или шести подобных заведений, вдобавок не самым крупным.

Любопытно, что детдомовцы в интернате не преобладали. Не знаю, кто пустил такой слух, но многие родители, приведшие своих чад, были свято убеждены в том, что Школа — это что-то вроде новейшей финансовой академии закрытого типа. Никто и не думал их в этом разубеждать. Много позднее один из преподавателей сказал мне в приватной беседе: «Зачем? Человеку абсолютно все равно, откуда его отчислили».

Неделю нас не трогали, по крайней мере внешне. Благодать!.. Потом от корпусов интерната один за другим отвалили несколько битком набитых автобусов, и в спальнях стало попросторнее. Мы начали ходить на обычные школьные занятия, но вообще-то обстановка поначалу мало отличалась от детдомовской, разве что воспитатели были чуточку внимательнее к нам. На самом деле мы, не догадываясь о том, были под наблюдением постоянно. Не так уж трудно развесить везде, где только можно, скрытые камеры, тем более если здание строилось с учетом необходимости тотальной слежки. Уж не знаю, какой штат психологов обслуживал интернат, только работу они проделали колоссальную. Недели через три двухэтажные нары в спальнях разобрали за ненадобностью — половина воспитанников без всякого шума вернулась туда, откуда прибыла. И вот тогда-то за нас взялись по-настоящему.

Пошли тесты.

Я абсолютно убежден, что большей их части мы просто не заметили, меньшую же часть приняли за события случайные, но всегда требующие от нас той или иной реакции.

Отсев шел безжалостный. Школа, как я уяснил впоследствии, не воспитывала *особых* людей и вовсе не ставила перед

собой такой задачи. Она всего лишь отсеивала *неособых*. Не мне судить Кардинала, искренне считавшего педагогику худшей разновидностью лженауки, — тем более что я с ним почти согласен. У него была иная задача. В своем любимом детище он применял методы чудовищно расточительные, но зато предельно эффективные.

Иногда нас специально оставляли в покое на несколько дней — никаких занятий, минимум внимания воспитателей — и смотрели, какую блажь мы учиним от скуки.

Через год нас перевели в другое здание, более соответствующее своими размерами нашим поредевшим рядам, а в большой корпус запустили новую партию шкетов. Через два года нас осталось не более пятнадцати процентов от первоначального числа.

И тогда пришла очередь Школы.

От нас уже не скрывали, кто мы такие и к чему готовимся. Наоборот, в первый же день в стенах Школы нас собрали вместе и объявили истину во всеуслышание. Помню, до меня тогда только и дошло, что мне, возможно, предстоит со временем стать о-очень большим начальником, и я от гордости аж вспотел. На самом деле и это было психологическим тестом, только в Школе нашу реакцию отслеживали куда тщательнее.

Вначале то, что происходило в мои первые дни в интернате, повторилось почти один к одному, с той несущественной разницей, что кровати были все-таки одноярусные. К моему некоторому удивлению, не все абитуриенты вышли из подготовительных интернатов, были ребята и со стороны. Несомненно, Кардинал считал, что в поисках жемчужных зерен не грех перекопать как можно больше навозных куч.

Из первых лет обучения в Школе запомнился один эпизод.

Знаете, как это бывает: ты высунув язык решаешь задачу, а твой сосед сзади, слывущий самым крутым в группе, многозначительно пинает твой стул или даже, притянув тебя за ухо, шепчет нарочито мерзким голосом, что если ты не решишь задачу *и ему,* то на ближайшей перемене будешь иметь с ним дело... Помню, я послал «пахана» подальше и заработал на этом очко. Нет, я не такой храбрый, просто я вовремя ощутил укол в затылке. Поддайся я — и меня немедленно взяли бы на

заметку как возможного кандидата на отчисление из Школы. А «пахан» собрал вещички в тот же день.

Вообще-то это был довольно редкий случай; как правило, нельзя было догадаться, почему отчислен тот или иной кадет. Мы общались с младшими и ничем не могли им помочь — а как хотелось покровительственно поделиться! В тех редких случаях, когда мы о чем-то догадывались, приемы «педагогов» менялись радикально и быстро.

Свободного времени поначалу хватало. И очень не зря: кто-то сверху, невидимый, нацеливая на нас лупу, приглядывался. До поры до времени его не интересовали наши успехи в учебе; первичный отсев шел по совершенно иным признакам. То, что происходило в интернате, в самом лучшем случае сошло бы за вырубку в карьере безобразной мраморной глыбы. Теперь с нее снималось лишнее.

Может быть, таким образом удалось бы изваять прекрасную статую, не знаю. Школа не ставила перед собой такой задачи. Лучше было изгнать годного, чем оставить внушающего сомнения, — этот принцип проводился в жизнь с железной последовательностью.

Ничего этого мы не знали. Случалось, что кровать соседа вдруг оказывалась пустой. Это вызывало удивление и расспросы. Нам сухо отвечали, что кадет вернулся в свой прежний детдом или к родителям — откуда он там прибыл. Черт знает почему на начальном цикле обучения мы крайне редко были свидетелями процесса «собирания вещичек» — может быть, это делалось для того, чтобы не нервировать нас понапрасну.

Отчисленных быстро забывали.

Сильно поредевшие группы сливали в одну из двух-трех. К концу первого года обучения из двадцати двух групп осталось девять. Мы еще не догадывались, что к моменту выпуска должна была остаться лишь одна, как всегда бывало на более «ранних» потоках. Да и та обычно неполного состава.

Наш поток не стал исключением. Четыре группы — вот что осталось от нашего потока после второго года в Школе. Одиннадцать человек — перед выпуском.

Лет в семнадцать мне попалась в библиотеке сильно зачитанная книжка об иезуитских колледжах. Помню, я был поражен сходством методов (тотальная слежка, немедленный

отсев нежелательных) и долго развлекался, находя все новые и новые параллели со Школой. Методы различались лишь постольку, поскольку различались цели, а еще нас не заставляли шпионить друг за другом, но, охватив методику в целом, я поразился простой мысли: все уже придумано! Можно долго и в подробностях дописывать приложения, но нельзя изменить основу! Человек — всюду одно и то же, хоть при Игнатии свет Лойоле, хоть при самой расчудесной народной демократии с Кардиналом на заднем плане.

«Читал?» — спросил я Сашку Кисселя, показав потрепанную не одним поколением кадетов книжку. «Угу», — только и ответил он, и мы обменялись понимающими взглядами.

Собственно, я, как и многие, в душе ничего не имел против отсева. Мне было комфортно. Резец скульптора выгрызал в мраморе ниши. Отбраковка нечестных, подлых, корыстных, ноющих, заискивающих, доносчиков, гегемонов кулачного права, чрезмерно замкнутых, неуравновешенных и просто неудачливых сделала свое дело. Нельзя сказать, что к двенадцати годам меня окружали сплошь друзья — были и враги, в том числе враги непримиримые, но я их уважал.

И тогда за нас взялись по-настоящему.

Вдруг резко, без всякого предупреждения возросло количество занятий. Мы взвыли. Двенадцать уроков в день считались нормой, десять — праздником. Я едва удержался от слез, когда в конце недели нам объявили, что выходных дней не будет, а один парнишка в тот же день пристал к воспитателю с просьбой отчислить его из Школы.

Просьбу удовлетворили.

Кое-как, с чугунными головами и скрипом зубовным мы дотянули до осенних каникул, и тут нас ждал новый удар. Один день — столько нам было отпущено на восстановление свернутых в крендель мозгов. Нас просто-напросто испытывали на прочность. Одновременно шли испытания на интеллект, и можно было заметить, что на первое место педагоги ставили качество и самобытность решения логической задачи, и лишь на второе — скорость решения.

Обычная школьная программа, правда, со всеми известными приложениями, не более, — но уж от души! Плюс зачем-то латынь, пригодившаяся впоследствии очень немногим.

Со временем я стал подозревать, что подручные Кардинала исповедовали нехитрый принцип: вали больше, не все ли равно, чем загружать мозги, главное, чтобы работали, а качество из количества как-нибудь само произрастет.

Помню парнишку, отчисленного после того, как он не смог с ходу ответить на вопрос, каков период обращения Солнца вокруг оси...

Спортивные занятия были обязательными. Кой черт, мы были рады загонять себя до изнеможения, чтобы потом свалиться на кровать без задних ног, сладко чувствуя каждой мышцей такую приятную всякому живому существу усталость физическую, побившую в неравной борьбе гнусную усталость ума, — все-таки умственное и физическое в человеке глубоко антагонистичны, а гармоничных исключений кот наплакал: Пифагор, Леонардо да Винчи и, пожалуй, Ломоносов.

На второй месяц такой жизни я частенько жалел, что родился на свет. А ведь мне было легче, чем другим: «демоний» колол меня нещадно, заставляя искать и находить оптимальный путь! Кое-кому пришлось совсем плохо; один начал заговариваться, несколько пацанов стали слезливы и раздражительны. Резец работал...

На третий месяц я, к громадному своему удивлению, почувствовал, что понемногу втягиваюсь. Остальные тоже повеселели. А уж когда нам объявили, что зимние каникулы продолжатся аж три дня, мы даже слегка удивились: куда девать такую прорву времени?

Нашлось куда, конечно. Пацаны есть пацаны. Но как раз после зимних каникул с потока было отчислено сразу человек десять. Почему — не знаю. Это самое темное место в моих потугах логически вычислить принятые в Школе критерии отбора.

Кое-что, впрочем, удалось понять уже тогда. Вскоре после того как начались компьютерные занятия, кто-то из нас догадался, как вытащить из школьной сети наши (и не только наши) личные дела. О, там было что почитать! Кажется, Сашка Киссель первым обратил внимание на одно любопытное обстоятельство: почти все кадеты средних и старших курсов были сиротами, помнящими родителей. И почти все они (и мы тоже) были детьми, внуками либо правнуками людей, заметно про-

явивших себя на государственной службе, все равно в какой области: управлении, инженерии, науке... Пращур Лебедянского конструировал паровозы. Дед Воронина был губернатором. Предок моего приятеля Димки Долгова всю жизнь строил не то мосты, не то шахты. В крайнем случае личное дело содержало указание на документы, подтверждающие происхождение кадета от какого-нибудь незнатного дворянского рода. Сашка Киссель, например, оказался простым остзейским бароном. И, что любопытно, подлинность документов подтверждалась специальными актами экспертизы!

Позднее я понял, что это значит, и оценил политику наблюдательного совета Школы. Эти люди не любили шутить и даром хлеб не ели. Кадет должен происходить из уважаемой семьи, в истории которой не было известных ему позорных пятен. Он должен уважать себя и свое место в человечестве и не должен иметь комплекса неполноценности. Исключения из этого правила практически не было. Единицы. И то сказать: функционер с комплексом неполноценности — кому нужен?

Нельзя сказать, что мне не польстило известие о моем дворянстве. Мальчишество, конечно...

А весной, когда светило солнышко и в тени сосен под окнами дотаивал последний снег, в Школу приехал Кардинал.

Мы о нем и знать не знали, пока он не вошел к нам во время занятий — пожилой лысеющий дядька с неважным цветом лица и заметным животиком, оттопырившим аккуратный костюм. Первую его фразу, обращенную к нам, кадетам, я запомнил слово в слово: «Здравствуйте, меня зовут Павел Фомич, это я придумал Школу для вас», — и он добродушно посоветовал нам поставить на место отпавшие челюсти.

Кардинал сказал речь — краткую, но мы почувствовали, что он не экономит на нас время; мальчишки вообще очень тонко чувствуют такие вещи. Он не сказал почти ничего нового, он только напомнил нам, кто мы есть и кого из нас делают. «Это я работаю на правительство, — говорил Кардинал и безбожно врал, конечно, — вы же будете работать на страну, а при каких-то обстоятельствах, возможно, и на все человечество... Гордитесь этим».

Мы гордились.

Меж тем истязания, чинимые над нами, мало-помалу приобретали более осмысленный характер. Появились специальные предметы и кое-какие методики развития. Это не значит, что «резец» перестал делать свое дело, — делал, да еще как! Претензии на несправедливость и провокационность тестов не принимались никем и говорили не в пользу жалующегося.

Чего стоил один лишь иезуитский тест со значком и дипломом! Было так: Максим Родионович, добрейший наш «классный дам» и объект для подражания, однажды утром заявил, что занятий сегодня не будет. Мы взвыли от восторга, и лишь немногие насторожились: а почему, собственно? Максим Родионович охотно объяснил: оказывается, сегодня мы перевалили какой-то там рубеж на стезе превращения нас в мэтров-выпускников, в честь чего объявляется праздник и каждому из нас будет торжественно вручен диплом «сантимэтра» — через «э», естественно, — и соответствующий нагрудный значок. Надо ли говорить, что мы неизмеримо выросли в собственных глазах и взвыли от восторга вторично?

Ох, красивый был значочек! Красивейший. В том возрасте, когда мальчишки собирают коллекцию ненужной дряни, полагая ее сокровищем, эмалированный кусочек жести на лацкане был для нас примерно тем же, чем являлась цельная суповая тарелка на шнурочке для вождя людоедов из «Джерриостровитянина». Глотку бы перегрыз, попытайся кто отобрать! Кому-кому, а мне было приятно, прицепив значок, небрежно продефилировать перед младшей группой, наслаждаясь ее неприкрытой завистью. По-моему, в тот день младшие увидели наш поток в полном составе.

На второй день начала побаливать голова. Я не придал этому значения, тем более что к вечеру боль исчезла. В тот день я отцепил значок и убрал его в свой шкафчик вместе с дипломом. Не мигрень подсказала — просто как-то вдруг надоело ходить петухом. И многие сняли с себя значки в ближайшие два-три дня. Кажется, только двое парней носили их больше недели — они-то и были отчислены из Школы, но не вдруг и порознь, чтобы мы не сразу догадались о том, что вся затея со значком и дипломом с самого начала была провокационным тестом...

Мы догадались потом. И смирились. И не пожалели отчисленных. Стимулом к Власти для нас должна была стать

сама Власть, дающая возможность проявить себя в деле, и только Власть как таковая. Тщеславный или корыстный функционер — нонсенс тот еще.

Конечно, многого я не знаю и сейчас: о глубинном смысле большинства пертурбаций внутри нашего потока можно только догадываться. Об этом знают те из нас, кто остался при Школе после выпуска. Вот только скажут ли?

Школа кого хочешь сделает нелюбопытным. Например, я почти уверен, что вплоть до последней крупной чистки рядом с нами сознательно держали некоторое количество воспитанников, подходящих по всем статьям, кроме выраженной харизмы. И это правильно: что путного выйдет, если собрать в неразбавленную кучу два десятка прирожденных лидеров? «Крысиный король» — да, получится. А функционер?

Но уверенность свою я держу при себе.

Потрясающий цинизм «Теории и практики управления» как-то не произвел на нас большого впечатления (привыкли?), зато практические занятия запомнились на всю жизнь. В спокойном состоянии и в длительном стрессе. В группе и в ватном одиночестве безэховой камеры. Неожиданно, спросонок, среди ночи... Вы не пробовали решать управленческие задачи, сидя в зубоврачебном кресле? Правда нет? Голову выше, вы достойны зависти!

Кое-кого «рубила» медицина. Помню, как я плакал, бревном валясь на постель, и не мог заснуть. Не помогал и спорт, по-прежнему обязательный. Я завидовал галерным рабам. Однако, похоже, психологи Школы лучше меня знали, что способен выдержать человек. Каких только ситуаций не моделировалось, одна другой хуже — вспомнить тошно и страшненько. В реальной жизни такого не бывает. Годам к шестнадцати я уже мог не спать до пяти суток подряд, сохраняя работоспособность и относительно ясную голову. Кроме того, помогал и «демоний».

Зачем?

В то время я понимал зачем — теперь перестал понимать. Ну неужели мне жилось бы хуже, не стань я функционером?..

Наверное, да. Точнее мне никогда не узнать, вот что обидно. Слеп ты, человек. Нет прибора, позволяющего посмотреть, что было бы с тобой, сверни ты на улице направо, а не

налево. Может быть — ничего. А может быть, труп, размозженный выскочившей на тротуар машиной или обрушившимся карнизом.

И — хуже того — с недавних пор опять заворочались, начали просыпаться во мне старые сомнения... А с чего я, собственно, вообще взял, будто «демоний» есть мое личное, шкурное ЧПП — чутье правильного пути, пресловутое шестое чувство? Что я вообще знаю о нем и о его целях? Может быть, он помогал мне лишь до определенной, неизвестной мне границы — например, до этой паскудной и страшной истории с пандемией самоубийств? Может быть, он печется вовсе не о моей пользе, а о пользе чего-то такого, о чем я не имею ни малейшего понятия, но связанного со мною как с простым инструментом вроде пассатижей; а как только надобность в инструменте отпадет — суд чести, вердикт, пуля в череп?..

А вот это запросто.

2

— Сколько уже за сегодня? — хмуро спросил Малахов.

Воронин мельком взглянул в электронную шпаргалку.

— Двести девять. — Еле слышно пискнуло. — Простите, уже двести десятый. Только что.

Малахов поблагодарил кивком. Часть данных, как всегда, запаздывала — на сутки, на двое, — и, разумеется, не все из этих двухсот десяти покончили с собой сегодня. От того было не легче. Часть сведений о сегодняшних самоубийцах поступит в ближайшие дни, и тогда выяснится, что их еще больше. Их с каждым днем все больше.

— Юрий Савельевич, что у нас нового по статистике?

Лебедянский откашлялся.

— Мы провели кое-какую обработку, Михаил Николаевич, включая последние данные как по Конфедерации, так и по миру... а также того, что передал нам Отто Оттович. Уже сейчас можно сказать: предварительные прикидки неверны.

— То есть?

— Рост числа самоубийств не является экспоненциальным. Строго говоря, он и не может быть строго экспоненциальным,

поскольку население Земли не бесконечно и рано или поздно скажется естественный предел. Дело в другом: кривая имеет такой вид, будто на Земле живет порядка семи — девяти миллиардов человек вместо двенадцати. Это, так сказать, группа риска, остальные, по-видимому, не восприимчивы... Точную цифру пока назвать трудно, отличие едва выходит за рамки погрешности. Вдобавок данные по зарубежью отличаются повышенной неопределенностью — фактически пока можно говорить лишь о наиболее вероятной кривой...

— Пока?

— Приблизительно через месяц скажем точнее.

Малахов секунду помолчал. Ну да... За месяц по одной только Конфедерации самоубийц станет больше тысяч на пятнадцать, а по миру, пожалуй, на полмиллиона. Отчего бы не подождать годика два? Погрешность в определении кривой сведется почти к нулю.

— Одним словом, группа риска — две трети всего населения? Я правильно понял?

— Приблизительно так.

— Чем-нибудь еще можете порадовать?

— Работаем, Михаил Николаевич. Гипотез, конечно, масса...

— Гипотезы меня не интересуют, — отрезал Малахов. Вспомнилась кривая рожа Нетленных Мощей: «Толку от них...» В достопамятной дискетке каких только гипотез не содержалось, Малахов убил три дня лишь на беглое ознакомление с ними. За неделю стараниями групп Лебедянского и Воронина их число выросло раза в полтора. Малахов группировал их по кучкам и сам себе напоминал отягощенного уймой времени бездельника, с тупым упрямством раскладывающего никогда не сходящийся пасьянс. Гипотезы эпидемические, невротические, психоурбанистические, психозомбистские и множество других — с типами, классами, семействами, видами и подвидами. Они так и просились в классификацию в виде раскидистого древа. — Что-нибудь, кроме гипотез, у вас есть?

— Что-либо определенное утверждать пока рано, — осторожно сказал Лебедянский. — Честно говоря, я совсем не уверен, что мы сможем извлечь из голой статистики нечто сенсационное. Впрочем, делаем что можем.

Так. О чем докладывать Кардиналу — неясно. Перспективы «Надежды» неясны вдвойне.

— А социопсихологические модели? Выводы подтверждаются?

— К сожалению, да. Если исходить из предположения о повсеместно принятых мерах по нераспространению, утечка информации произойдет скорее всего в марте — апреле, причем скорее всего за рубежом, предположительно в странах Азии или Африки. Информационный бум последует немедленно, и сдержать его не поможет никакой «железный занавес», увы. Социальная терапия средствами массовой информации будет эффективна лишь до июля — августа. По наиболее вероятной модели, ориентировочный срок начала глобальной паники — конец ноября — декабрь. Число самоубийц по Конфедерации превысит к тому времени миллион человек. Наиболее вероятная модель указывает на неизбежность некоторых... э... социальных подвижек.

— Конкретно: каких? — потребовал Малахов.

— В декабре увидим, — бросил Воронин.

Лебедянский развел руками.

— Общественная структура потеряет устойчивость, это пока все, что мы можем предсказать. Не только у нас, но и по всему миру. Могу утешить: вероятность глобальных межблоковых конфликтов увеличится в первом приближении незначительно. Кстати, превентивное введение чрезвычайного положения ситуацию не выправит, а усугубит, это нами просчитано. По весьма приблизительным прикидкам, период «смутного времени» займет от полутора до двух лет.

— Пока не вымрет группа риска? — буркнул Малахов.

— Скорее пока не... м-м... исчезнет значительная ее часть. В дальнейшем процесс замедлится, и можно будет рассчитывать на восстановление управления страной.

— Спасибо и на том...

Он молчал. Эти трое смотрели на него и ждали, когда он отпустит их работать. Извернуться, вцепиться бульдогами в неподатливый материал, перелопатить несметные вороха, встать на уши, вылезти из кожи, но сделать! Малахов знал: *эти* умеют работать не за страх, а за совесть, и если решить проблему вообще в человеческих силах, она будет решена, чего бы это ни стоило. Вопрос один: когда? Миновала всего

неделя, сегодня пошли восьмые сутки. Мало, но за эту неделю свыше двух тысяч ни в чем не повинных людей перестали существовать, а почему — по-прежнему неясно. Модели Лебедянского доказывают лишь то, что интуитивно понятно и без них.

— А у вас что новенького, Кирилл Афанасьевич? Уже есть результаты?

Воронин открыл рот и со стуком захлопнул.

— Ничего себе на!.. Побойтесь бога, Михаил Николаевич, ребята и так вкалывают как заводные... Какие результаты! Вы нам время на результаты дали?!

— Ну-ну, шучу. — Малахов принужденно улыбнулся. — Я просто хотел напомнить вам, что времени у нас немного. Если через месяц у нас не будет полного понимания проблемы, а через три месяца — методики лечения, грош нам всем цена. Закопать нас на пустыре и забыть. А вы все-таки доложите экстрактно, что у вас делается.

Воронин утер рукавом пот и откинул со лба сальную прядь.

— Ну что делается... Собственно медицинским аспектом проблемы занимаются в ИВИАНе и параллельно в нашем центре в Нижнем. Я туда людей отправил, чтобы работать и тамошних подгонять. Трупы для исследований получаем регулярно, было сделано несколько десятков эксгумаций, в том числе и...

— Продолжайте, я слушаю.

— В том числе незаконных. Возбудитель пока не найден и не будет найден, если хотите знать мое мнение. Предсуицидальная клиника: довольно вялый выброс адреналина в кровь, совсем не такой шторм, как у нормальных самоубийц. Плюс к тому у значительного числа нарушение баланса гамма-аминомасляной кислоты в клетках мозга, отсюда предположительно и симптоматика. По показаниям свидетелей, в дни, предшествующие акту, у многих — вялость, повышенная рассеянность, незначительные расстройства моторики. Похоже на слабо выраженную депрессивную фазу при циркулярном психозе, но вообще-то пока не классифицировано. Это третья стадия, так сказать. Вторая — повышенная раздражительность — обычно длится от двух до пяти дней и непосредственно предшествует третьей. Больше никакой патологии. Наличие пер-

вой стадии — внешне бессимптомной — мы пока лишь предполагаем.

— Понятно. Дальше.

— Работаем. Михаил Николаевич, да как можно работать?! Сколько у меня допущенных? Трое. От моих ребят есть отдача, когда они знают, что делают. Или мы работаем, а вы нас дрючите по мере необходимости, или мы продолжаем в молчанку играть, но тогда дело на лад не пойдет. Вы бы выбрали что-нибудь одно, Михаил Николаевич.

В ледяных тевтонских глазах Штейна мелькнуло легкое презрение. Лебедянский покачал головой. Малахов помолчал, раздумывая. Укола в мозг не последовало.

— Могу позволить еще двоих, на ваш выбор. Но больше не просите, не допущу. Вам хватит?

— Мало.

— Если мало, тогда уж простите, Кирилл Афанасьевич, на ваше место мне придется найти того, кому хватит. — Малахов припечатал ладонь о столешницу, начиная раздражаться. — Мне нравится, как вы работаете, и не вынуждайте меня с вами расстаться. Двое максимум. И я еще не знаю, насколько допуск этих двоих уменьшит отпущенный нам срок. Кстати, Юрий Савельевич, просчитайте.

Лебедянский кивнул.

— Вот так-то. Вас, Юрий Савельевич, я не задерживаю, а вы, — Малахов показал глазами на Воронина, — пока останьтесь. Теперь прошу вас, Отто Оттович. Меня интересует дело Филина. Самоубийство?

Штейн чуть заметно подвигал бескровными губами, подыскивая слова. Отрицательно качнул головой, когда Малахов указал ему на сигаретницу с лечебным куревом.

— Сомнений практически не осталось, Михаил Николаевич. Версии об убийстве или несчастном случае мы пока не отбросили окончательно, однако считаем их крайне маловероятными... Вы позволите говорить подробнее?

— Разумеется...

— Хронология событий выглядела так. Охраны у Филина никогда не было, наружного наблюдения за ним тоже не велось. Дом прослушивался эпизодически, ничего интересного в записях мы не нашли. Восемнадцатого ноября при-

близительно в полдень Филина видел сосед, правда, издалека. Он показал, что Матвей Вениаминович дважды входил в гараж, оба раза провел внутри не более пяти минут, причем во второй раз имел в руке что-то вроде книги или портативного компа. По основной рабочей версии, это и был комп: в автомобильном компьютере устройств ввода-вывода, предназначенных для пользователей, как правило, не имеется, но есть разъем для подключения тестирующих устройств. Затем он вернулся домой. До семнадцати часов Филин, очевидно, занимался тем, что ревизовал защитные программы и лазал по сети, по-видимому, имея намерение отыскать следы возможного взлома. После чего уничтожил всю информацию на своем домашнем компьютере и сделал все, чтобы привести твердый носитель в девственно непорочное состояние. Из дома не выходил. Кстати сказать, имел обыкновение работать только в своем загородном доме в Никольском и пересылал результаты по спецпочте или с курьерами СДЗН. Примерно в семнадцать часов Филин спустился вниз, вывел машину, аккуратно запер дом и гараж и выехал не вправо, как обычно, а влево, потому-то соседи и обратили внимание. Там слякотный проселок, осенью почти никто не ездит. У Филина был спортивный «сапсан-блиц 3000» с движком на водородном топливе. Кроме всего прочего, покойный был убежденный экологист. На своем экологически чистом звере он любил иногда гонять по скоростным трассам без всякой цели, числилась за ним такая причуда... Минут через пять на проселке рвануло — похоже, он специально угнал машину подальше от людей. При взрыве вырвало переднюю стенку салона, Филину срезало ноги, и осколком редуктора...

— Смерть наступила сразу? — спросил Малахов.

— Осколок пробил голову, — уточнил Штейн.

— Голова состоит не только из мозга, — хмуро сказал Малахов, — это я вам как врач говорю. Значит, версия убийства не проходит окончательно?

— Скорее всего нет. Все-таки спецмашина от Конторы, знаете ли. Убийцам пришлось бы не только создать программу инициализации запрещенного режима работы редуктора, но и уметь обмануть папиллярный и ДНК-анализаторы, что близко

к невозможному. Думаю, это отпадает. Зачем такие сложности, Михаил Николаевич? Убрать человека можно проще.

— А версия несчастного случая?

Штейн категорически помотал головой.

— Эксперты исключают. Автомобиль находился в полной исправности, следов внешнего воздействия никаких — да и откуда им взяться, Михаил Николаевич? Еще СДЗНовцы тот проселок просеяли буквально по песчинке, а мы вторично — и ничего... Не на мину же он там наехал.

— А вам не кажется, Отто Оттович, что убить себя тоже можно гораздо проще и безболезненнее? Объемный взрыв гремучего газа штука трудновычисляемая — Филина могло просто покалечить, а какое удовольствие гореть живьем? И тем не менее он зациклился именно на этом способе самоубийства. Что из этого следует?

— То, что ему был важен результат, а на процесс — плевать.

— Совершенно с вами согласен, — сказал Малахов. — Странно, правда? Типичная экзотика, по нашей классификации. Последнее время в быту за ним ничего не замечалось?

— По отзывам, он был вообще довольно странный человек, — сказал Штейн осуждающе. — Ничего особенного свидетели на этом фоне за ним не заметили. Да и свидетелей раздва и обчелся. Один припоминает, что в последние дни Филин вроде бы был чуточку более рассеянным.

— Значит, рассеянным... Отто Оттович, у вас не возникает ощущения, что этот Филин мог знать решение нашей задачи?

Штейн вздохнул. Он еще и теперь был похож на белокурую бестию — только изрядно вымотанную и растратившую ледяную неумолимость. Обман зрения, но приятный.

— Все время об этом думаю, Михаил Николаевич.

— Чушь, — выронил Воронин и осекся. Шевелил беззвучно толстыми губами, жалуясь высшим силам на людскую тупость, закатывал глаза. И не скажешь сразу, что из Школы вышел, подумал Малахов с легкой брезгливостью. Зажрался колобок, группа перспективных исследований кого хочешь испортит, скачут по верхушкам, каждодневные озарения им подавай, а воз рутины нехай тянут всякие-прочие Лебедянские-Штейны-Гузи... Ну и лично Эм Эн Малахов,

само собой. Может, и вправду стоит по истечении срока высказаться в пользу Лебедянского?

— Продолжайте, Кирилл Афанасьевич, я вас слушаю, — поощрил он. — Раз уж перебили, не стесняйтесь. У вас есть какие-то соображения?

— Вагон с тележкой, — сказал Воронин. — Ни черта Филин не знал, чтоб мне так жить. Тут и думать нечего. Во-первых, он математик, а не медик, а во-вторых, меня тошнит, когда вдруг начинают говорить об одиноких гениях. Где вы их видели? Это вообще задача не для одного человека, если хотите знать мое мнение.

Курить хотелось прямо-таки невыносимо. Малахов решительно вытряс из пачки сигарету, нарушив данное себе слово не курить перед некурящим. Алчно затянулся дымной сладостью.

— Мне вот что сейчас пришло в голову, — сказал он. — А вам не кажется, что Филин мыслил несколько в иной плоскости, нежели мы? Иногда не обязательно быть гением, достаточно иметь иной взгляд на вещи. Если допустить, что это так и есть и что он тем не менее все-таки знал ответ, что из этого может следовать, как вы полагаете?

Они молчали, понимая, что моментального ответа от них не ждут. Воронин все понял, а Штейн, похоже, еще нет — он иногда соображает с едва заметной запинкой... Малахов выдержал паузу, чтобы до этих двоих полнее дошло то, ради чего он вообще затеял разговор.

— Это может означать, что решение нашей задачи очень простое... Может быть, до смешного простое. Дело только в том, что мы его не видим.

3

Какие только фамилии не встречаются у русского человека, в особенности теперь, когда мало кого интересует, кто русский, кто не очень, а кто очень не. Однажды мне встретилась смешная фамилия Пипеткин, и надо же такому случиться, чтобы ее обладатель оказался куда примечательнее своей фамилии. Сплошь и рядом бывает наоборот.

Познакомились мы случайно. У врача таких знакомств бывает по три десятка в день. Его сильно побили на улице, а я оказался в составе бригады «скорой», дотрюхавшей его в двадцать третью городскую. Лица было не разглядеть под кровоподтеками, да я и не очень приглядывался. День выдался сумасшедший, тяжелых случаев хоть отбавляй, и тот выезд показался почти отдыхом: ушибы, легкое сотрясение мозга и левосторонний вывих челюсти, тут же и вправленный. Помню умоляющий шепот пострадавшего под сурдинку пращевидной повязки: «Только не заявляйте, парни тут ни при чем, это я виноват... Не надо полицию, прошу вас...»

Разумеется, мы заявили, да и как не заявить, коли обязаны. Спустя недели две он нашел меня специально для того, чтобы высказать упрек. И тогда, взглянув в его освобожденное от пластырей лицо, я понял неизвестных хулиганов и посочувствовал им.

Киря Пипеткин был не виноват. Просто природа, иногда удивительно щедрая на пакости в отношении рода человеческого, снабдила его таким лицом, что, глядя на него, никто не мог оставаться равнодушным. Это была какая-то квинтэссенция полного отврата. Самые стойкие терпели как умели и сколько умели, а потом старались поскорее уйти от греха, — остальные же били сразу, по-видимому, совершенно рефлекторно. Такое лицо было специально создано для того, чтобы его бить.

Между прочим, на фото оно выглядело неплохо. Далеко не красавец, конечно, но и не так чтобы урод. Таких лиц много. Но то ли специфическая Кирина вазомоторика, то ли какой-то легкий, неуловимый штришок, делающий лицо живым, неизбежно провоцировали среднего сапиенса на стремительную потерю человеческого облика. Киря ли был тому виной? Или не открытый пока дефект в кошмарных глубинах «нормальной» человеческой психики? Как знать.

Однажды я показал его знакомому психологу, ищущему тему для диссера. После беглой встречи с Пипеткиным мой знакомый заявил с каменным лицом, что на первый случай сумел удержаться, но вообще-то свобода и незапятнанное имя дороги ему как память, так что Пипеткина, пожалуй, лучше больше сюда не водить.

Он преувеличивал риск. Киря никогда ни на кого не заявлял. Он понимал, что люди не виноваты. И он не виноват. И никто не виноват. Из хромосомы не вынешь ген, чтобы высечь его за подлость.

Кстати, о тех хулиганах... Как ни удивительно, их нашли. Был суд. Говорят, малый состав присяжных, узрев Кирю, единогласно оправдал во всем сознавшихся и покаявшихся подсудимых, а что до судьи, то было замечено, как он несколько раз, забывшись, принимался засучивать рукава мантии... Сам не видел — за что купил, за то и продаю.

Само собой, Пипеткин ходил по косметическим салонам и кое-каким подпольным лавочкам — в тех случаях, когда у него случайно заводились деньги. С ним наотрез отказывались иметь дело даже стопроцентные барыги, а один нервный косметолог запустил в него силиконовым протезом. Пипеткин не спорил, он все принимал как должное.

Но это лишь предыстория. История впереди.

Друзей у него никогда не водилось. Впрочем, и врагов тоже: не считать же врагами тех, кто не смог устоять против искушения! Его начали бить еще в детском саду, а в гимназии продолжили с большим воодушевлением. Директор объяснялся с плачущей матерью: «Поймите, мы делаем все, что в наших силах...» — но предпочитал не покидать кабинета, когда на перемене класс, где учился Киря Пипеткин, заносило на тот же этаж. Мать, и та не любила сына. Из-за него из дома ушел отец, а возможные кандидаты в отчимы испарялись, едва взглянув на будущего пасынка.

Один раз Пипеткин решил проявить характер и по совершеннолетии завербовался на флот. После ряда неприятных инцидентов (о них Киря говорил глухо) он стал единственным матросом на авианосце «Аскольд», кому распоряжением капитана было разрешено носить большие светоотражающие очки. Это помогло. Он не снимал их даже на ночь, и лицо стало понемногу заживать.

Нечасто увольняясь на берег, он слонялся по пирсу, комично похожий на путчиста-коммандос из банановой республики, и солнце сияло на его спасительных очках. Ему некуда было идти. Его нигде не ждали. Нисколько не со-

мневаюсь в том, что на момент нашей последней встречи лет пять назад он все еще оставался девственником.

Закономерным образом его футболили с корабля на корабль, пока не засунули в подводную лодку. Киря и там старался нести службу как полагается, испортил очками зрение и вечно хотел спать. Спали на подлодке в три смены: коек было ровно втрое меньше, чем матросов. Свободные от вахты могли вздремнуть на торпедах. Он тоже иногда так спал. Облюбованная им торпеда была ядерная, с незаметной утечкой, и он облысел.

Почему он не стал маньяком вроде рыбника в «Тиле», для меня загадка, но факт есть факт: он не желал зла людям. Единственное, чего он от них хотел, — чтобы его перестали бить. Ничем, кроме врожденного идеализма, нельзя объяснить его решение стать морским офицером по окончании срока контракта. Наивный, он считал, что погоны и кортик способны оградить его лицо от посягательств...

Как он сумел прорваться в училище и какими неисповедимыми путями ухитрился его окончить, мне неизвестно. Об этом Пипеткин предпочитал помалкивать, а я не очень настаивал. По правде сказать, наше общение было достаточно фрагментарным, а разговоры короткими — длинных нервы не выдерживали. Чаще всего я звонил ему с узкоутилитарной целью: хорошенько разозлиться перед серьезной работой. Встречаться избегал.

Продвинуться по службе Киря и не мечтал. Но все же не ожидал, что его офицерский стаж окажется таким коротким.

Его ударил матрос. Несмотря на кортик. Несмотря на очки.

Пипеткину удалось спасти матроса от суда, но о продолжении службы не могло быть и речи. Киря вышел в отставку, и вот тут-то с ним случился редкий ныне приступ истерической астазии. Просто удивительно, что он не настиг его раньше.

Соседи по палате оказались людьми мирными. Отставной лейтенант Пипеткин лежал вторым от окна между человеком-рукомойником и мусульманским астронавтом, ждущим суда по обвинению во взломе орбитальной станции «Фридом», покорно глотал лекарства и нырял с головой под одеяло всякий раз, когда в палату входил посторонний. Санитаров

он боялся панически, но как-то обошлось: треснули всего один раз, и то вполсилы. Обрадованный таким исходом, Киря, выписавшись, отправился покупать новые солнцезащитные очки, опрометчиво выбрав для этой операции светлое время суток... В тот день мы с ним и познакомились.

Позднее он попытался стать писателем и за этим занятием окончательно испортил глаза. Он тогда снимал за городом каморку у слепой старухи. Только там он и мог жить. Под самой крышей, согнувшись в три погибели, лысый и вдохновенный, он пытался творить за стареньким убогим компьютером. Крыша, к счастью, не протекала. Зато, на мой взгляд, она иногда ехала. У Кири.

Потому что если человек решил сделаться писателем, это значит, что у него не на месте соображалка. Все вокруг думают именно так. Они правы. Марк Твен, например, откровенно советовал родителям пороть детей, обнаруживших вредное поползновение заняться литературным ремеслом.

Он тоже был прав.

В одном Киря выиграл: он мог теперь безвылазно сидеть дома, общаясь только со слепой старухой и рассылая тексты по редакциям электронной почтой. Этакий кустарь-одиночка с компьютером. Он писал сказки для детей и взрослых, но дети их не читали, а взрослые не понимали. Для взрослых сказки были слишком умны. А дети не читали сказок потому, что никто их не издавал. Редакторы были взрослыми.

Одним словом, он существовал на социальное пособие. Более несчастного человека мне еще не доводилось видеть, и я от души надеюсь, что не доведется!

Я не включил передачу изображения, и когда на экране возник подслеповато щурившийся Киря, мгновенно дал отбой.

Жив Пипеткин...

Я был готов к тому, что либо не отзовется никто, либо слепая старуха прошамкает мне ожидаемое о Кириной судьбе... ы-ы-ы, милай, яво еще когда схоронили-та... В суицидальном списке последних лет фамилия Пипеткин не значилась, но я хотел убедиться наверняка.

Моя романтическая гипотеза разваливалась на части. Уж если жив Киря, на домыслах насчет ухода неприспособленных с тонкой духовной организацией нужно срочно ставить

погребальный менгир. Желательно фаллический. Кстати, в человечестве, сколь его ни просеивай сквозь мелкое сито, никогда не наберешь восьми миллиардов тонкокожих. Жизнь устроена проще, чем принято думать, вот в чем вся штука.

Честно признаться, я с самого начала не очень-то верил в свою гипотезу.

4

Ах как хотелось мне, господи, как мне мечталось взять да и найти внезапно решение самому, чтобы вспышка гениального озарения случилась спонтанно, как конфуз с громким пуком в гостях, непременно со мной, а не с кем-то другим — о! вырос бы я в собственных глазах, аки титан, господа хорошие, обозрел бы мир из горних высей, чтобы хоть на время забыть, кто я есть на самом деле: обыкновенный человек со средними способностями, мелкая, признаться, животинка, незаметная в мировом масштабе, только лишь в отличие от других наделенная ЧПП, что ее, животинку, и спасает, и в функционерах держит. Откажет — вот тут-то я и посыплюсь с грохотом, с треском и звоном. На кой черт мне, человеку, по правде сказать, не сугубо честолюбивому, понадобилось взбираться наверх по шаткой служебной стремянке — вопрос. Только для того, чтобы доказать самому себе, что я и без «демония» — ого-го, а не тварь дрожащая? Как же, доказал...

Стоп, проехали! Сколько раз давал себе слово не думать на эту тему. Все. Табу.

Покончив с самоуничижительными мыслями, я внимательно просмотрел компиляцию, составленную для меня Лебедянским. Слов нет, хорошо работает его группа. Аккуратно. Ничего не пропущено, данные скомпонованы в нечто такое, из чего легко строить всевозможные логические схемы. Очень похоже на равномерное наступление по всему фронту — никаких танковых клиньев, фланговых охватов и гайдамацких рейдов по тылам. Воронин бы так не смог и не захотел, кричал бы, что его банду гениев опять используют не по назначению, сопротивлялся бы до последнего...

Итак. Подробные калькуляции по различным категориям населения, примерно то же, что я делал «на коленке» неделю назад, но куда более обстоятельно и с учетом последних данных... Отдельно по мужчинам и женщинам, старикам и детям, свободным и заключенным, умалишенным и нормальным, здоровым и безнадежно больным, холерикам и меланхоликам, интровертам и экстравертам, отдельно по темпераментам, интеллектуальному уровню, социальному положению, режиму и качеству питания, профессии и так далее и тому подобное, вплоть до наличия либо отсутствия у самоубийцы домашних животных и комнатных цветов.

Какой-либо глобальной тенденции ни в одной из позиций не просматривалось. Следовало признать, что до сих пор в понимании проблемы мы не продвинулись ни на шаг вперед.

Проверка по близнецам, на которую я поначалу очень рассчитывал, пока что дала неудобообъяснимые результаты. Да, действительно, вероятность попасть в список аномального суицида была несколько выше для того человека, чей однояйцевый близнец уже успел покончить с собой, — но о стопроцентной корреляции и речи не шло. Люди с одинаковым генотипом и предрасположенности имеют к одному и тому же — к ангине, например... Или к алкоголизму. Что мне с того? Да и не так много близнецов попало в суицидальные списки, чтобы можно было свободно оперировать цифрами без боязни совершить ошибку.

Любопытные данные поступили о верующих. Лебедянский, как мог, попытался вычленить из списков прихожан истинно верующих православных, оставив для начала за бортом иные конфессии, безжалостно бракуя всех, чья религиозность внушала малейшие сомнения, и нимало не смущаясь неполнотой подборки. Оказалось, что среди верующих наблюдается тот же процент аномальных самоубийств, что и в среднем по стране, — при очень низком проценте самоубийств фоновых. Для живущих по христианским канонам последнее более чем понятно, но первое?!

Сомнамбулы какие-то, не ведают, что творят... И опять никакого просвета. Здравый смысл подсказывает, что при решении этой задачи нужно исходить из здравого смысла, а это порочный круг... На первый взгляд похоже, что фактор Т —

«Танатос», как мы решили его называть, — косит всех подряд, без разбору. Может, вправду эпидемия?

Я придвинул к себе листок бумаги и выписал по пунктам:

1. Классификация заболевания: не определена.
2. Этиология: неизвестна.
3. Инфекционность: достоверно не выявлена.
4. Патогенез: не изучен.
5. Прогноз: стопроцентно (?) летальный.
6. Диагностика (предлетальная): затруднена.
7. Лечение: ???

Поставив третий вопросительный знак, я густо перечеркнул написанное. Н-да-а... Копать в этом направлении можно и нужно, но дурак я буду, если стану копать только в этом направлении. Пока не отыщется возбудитель, говорить тут не о чем.

Вообще бред какой-то. Такое ощущение, будто тебе показывают фантастическое кино про инопланетные происки, а ты веришь в происходящее лишь настолько, насколько занимателен сюжет. Нет реальности, не видно из Конторы смертей... Притом почему в предельном случае, по прикидкам аналитиков Лебедянского, вымрут две трети человечества? Одна-то треть чем от них отличается?

Делать работу за подчиненных для руководителя сродни позору, однако я был настолько возбужден, что попытался заняться этим немедленно и, разумеется, угряз в проблеме, как тепловоз без рельсов. По ось. Очнувшись примерно через час, я обнаружил, что сижу, тупо уставившись в экран, рассеянно дымлю которой-по-счету сигаретой, пытаюсь понять, что означает странный выгиб на очередном графике, и не понимаю абсолютно ничегошеньки... Хватит! Нечего партизанить потихому, когда есть люди, готовые сделать ту же работу быстрее и лучше тебя. Моя и без того усеченная гордыня подверглась усекновению еще раз, а сказать проще — равнодушная действительность еще раз врезала мне по сусалу. Несильно так. Только чтобы я помнил, кто я есть, и не зарывался.

Ну и помню...

Я позвонил Гузю — его на месте не оказалось — и, заложив руки за голову, откинувшись в кресле, принялся размышлять вокруг да около. Гузь, наверное, на меня обижен и пола-

гает бездельником, хотя и не подает виду; в самом деле, последние дни он тащит на горбу всю Контору, а я даже не всегда удосуживаюсь снять с его работы сливки. Ничего, пусть покряхтит, приемистость у него хорошая... Знал бы он, в какую дрянь влип его начальник, простил бы и посочувствовал...

— Я не Гузь, но я боюзь, — сказал я вслух, старательно нажимая на «з».

Где-то в наших построениях был прокол. Я и не думал поддразнивать Воронина и Штейна, когда говорил им, что решение задачи, возможно, очень простое. Что-то подсказывало мне, что, по всей вероятности, это так и есть. А вот на́ тебе: информмассивов пруд пруди, а «Надежда» буксует.

Я попросил кофе и некоторое время читал, отрабатывая свой ежедневный урок и слушая одним ухом, как моя бесценная Фаечка окорачивает по телефону какого-то настырного, которому вынь сейчас Малахова да положь. Несмотря на то что я затребовал одни выжимки, материалов набралось масса — я и не предполагал, что человечество успело наработать такую прорву социопсихологической мешанины вокруг самоубийств. Одних трудов классиков психоанализа оказалось столько, что в пору было высунуться в форточку и тихо завыть на какое-нибудь ночное светило. Однако же — что делать! — в утилитарном нашем мире титаны на то и существуют, чтобы можно было с удобством стоять на их плечах, как говорил, а может быть, и не говорил, сэр Исаак Ньютон.

За последние дни я основательно поднаторел в теории вопроса. Я читал секретные социологические материалы, предназначенные для высших эшелонов власти века нынешнего и века минувшего. Я читал выжимки из обзоров МВД — настоящих болот, куда стекались ручейки полицейских сводок. Я читал пространные компиляции о роли и значении суицида в истории человечества. Я читал все. Ритуальные самоубийства у первобытных племен, наведенный психогенный суицид, самоубийства во время транса, нередкие случаи массовой истерии в средневековой Европе... Насколько известно истории, в 1000 году н.э. по католическому миру прокатилась волна самоубийств в ожидании Страшного суда, близкого конца света или чего-то столь же малоприятного. В 2000 году подобного

безобразия не наблюдалось почти вовсе — однако если вы скажете мне, что человек заметно поумнел за тысячу лет, я плюну вам в глаза, и нечего на меня обижаться.

Что это нам дает? Опять ничего.

Среди самоубийств, традиционно причисляемых к фоновым, всегда имелся незначительный процент случаев, в принципе не объяснимых ничем рациональным. Например, среди декадентствующей петербуржской молодежи в начале прошлого века вошло в моду прыгать с моста в водоскат Иматра — 18 метров перепада уровней воды, мощный поток, валуны, и шансов остаться в живых ни малейших. Частенько сигали парочками, взявшись за руки, и вряд ли кто-нибудь из них мог доступно объяснить — чего ради. В большинстве, вероятно, под кокаином. В конце концов властям пришлось поставить на том мосту специального городового, чтобы гонял придурков...

Декадент?.. В рыло! Сицилист? Телегент?.. Один хрен, по соплям. Воды не видел? Прррроходи, не задерживайся!..

Судя по всему, мера подействовала.

Те крохи статистики, которые удалось собрать группе Лебедянского, достаточно убедительно показывали: «спугнутые» один раз, потенциальные жертвы суицида из перечисленных категорий, как правило, не пытались повторить попытку и в большинстве своем спокойно жили до старости — если тому не мешали внешние обстоятельства вроде войн и эпидемий.

Но это уже из другой оперы.

Обнаружился, правда, некий Клаус Юрген Фуль, юноша бледный, со взором горящим, родом из Данцига, упорный в намерениях и столь же невезучий: то у него веревки рвались, то проглоченный мышьяк с неудержимой силой извергался желудком на свободу, то вовремя подоспевали родственники или друзья... С 1898 по 1903 год Фуль совершил семнадцать неудачных попыток ухода из жизни и лишь на восемнадцатый раз добился-таки своего. Причины столь пламенного рвения остались невыясненными, приглашенный родней местный врач-психотерапевт констатировал психическую нормальность пациента и порекомендовал пешие прогулки, а в поле зрения д-ра Фрейда несчастный юноша так и не возник.

Почему-то нисколько не жаль.

Нашлись и последователи. Случаев такого рода только по Европе двадцатого века было выявлено несколько десятков. Первые ласточки?

Я читал о самоубийствах животных. Хрестоматийные лемминги и белки, сомнительные леопарды в снегах Килиманджаро, квазисуицидальные акты китообразных, вздорные байки о кладбищах слонов... Широко известен суицид коллективных насекомых: пчел, термитов, муравьев... Стоп, стоп! Это не проходит. По сути, самоубийства насекомых не суицид, а жертвенность, помогающая виду выжить... Вряд ли это мне что-то даст. Да и рассуждать об интеллекте или психике одного отдельно взятого муравья по меньшей мере смешно.

Ладно, подумал я, впервые за неделю чувствуя в мыслях этакую приятную легкость — ох не к добру... Надо смотреть ширше... то есть шире... и вот сейчас я, как положено мудрому руководителю, а функционеру в особенности, воспарю над проблемой и обозрю ее всю... Прежде всего, что нам известно? По сути, пока ничего. Или очень мало. Ни одной гипотезы, даже самой вздорной, мы пока что не можем отбросить окончательно, включая и гипотезу о вмешательстве зловредных инопланетян на летающих блюдцах, соусницах и прочем гжельском фарфоре... Что с того, что вероятность исчезающе мала? Ни за что не поверю, что за многие столетия игры в «орел-решку» подброшенная монетка ни разу не встала на ребро... Забавно, что в огромном ворохе столь же маловероятных гипотез, поступивших от Нетленных Мощей, инопланетной гипотезы все-таки не было. Постеснялся, наверное.

Что вообще происходит в бардачном нашем мире? Хм... из глобальных тенденций, пожалуй, можно назвать лишь две: перенаселение и научно-техническая депрессия, а об остальных, как водится, можно будет судить только энное число лет спустя — тенденции ли они вообще, или стохастические аномалии?

Обе тенденции не вчера возникли, и вообще непонятно, как они могут стронуть первый камень в лавине необъяснимых самоубийств. Ну, допустим, перенаселение... горы сотрутся, прежде чем удастся уговорить нищих мусульман и католиков

не плодить себе подобных в десятикратном объеме, это-то давно известно! Опять же, истощение ресурсов, истребление природной среды, прочие вопросы эмоций и философии... и к какому месту моих построений прикажете их присобачить? Во-первых, по-моему, сколь смех Демокрита гадок, столь же плач Гераклита тошнотворен, а во-вторых, мои эмоции никого не интересуют. Ни для кого не секрет, что человек делает с планетой примерно то же самое, что раковая опухоль с пораженным ею организмом, — ну и что с того? Меня-то это сейчас касается каким боком? Если бы плотность населения как-то влияла на динамику самоубийств, Китай наполовину обезлюдел бы еще в прошлом веке, а Голландия в позапрошлом.

Техническая депрессия — еще хуже того... Тут даже не знаешь, с какой стороны подступиться. Какая связь между суицидом и тем фактом, что психика человеческая, несмотря на поистине титанические усилия промышленности и рекламы, впервые дала сбой, оказалась не способна — временно, полагаю, — выдумывать человеку новые потребности, ограничившись свободным выбором среди тех, что уже выдуманы и реализованы? Пожалуй, по этому вопросу нет смысла заказывать социологические материалы, главное и так на виду: человек скучающий и человек жвачный, слитые в одном подвиде сапиенсов, попрыгунчики среди них еще не худший вариант... Что, скучно жить вдруг стало, айда гуртом топиться? Мне почему-то жить не скучно...

Я залпом допил остывший кофе, отдернул руку, потянувшуюся к мочке уха — щипать, и несколько минут предавался бесполезному самоуничижению. Глуп я, по всей очевидности, вот что. И построения мои смехотворны — детский сад, штаны на лямках... И это печально. Тот факт, что Лебедянский и Воронин умнее меня, я еще могу как-то пережить, привык со Школы еще, — но ведь до сих пор я и себя числил в сравнительно умных, пусть не в гениях, но не в дураках же! Или у функционера все мозги автоматически оттекают к заднице? Вот еще что любопытно: появится ли усилиями фармакологов в туманном будущем хоть какое-нибудь лекарство против глупости человеческой? Разумеется, кроме радикальных средств вроде мышьяка.

И все же проблема эта социологическая, хоть тресни. Сволочь Нетленные Мощи — подсунул свое дерьмо... И что теперь прикажете — набить ему морду? Испросить у Кардинала позволения вызвать Домоседова на дуэль на скальпелях?

Филин мне нужен, вот кто. Филин. Вернее, не сам покойник — плевать мне на него, — а его пропавшие наработки. Он-то раскусил фактор Т — нюхом чую, позвоночным столбом ощущаю! — а найдя, вычислив его, пытался решить задачу противодействия. Не успел...

Попробуйте разубедить меня в том, что против фактора Т непременно отыщется тот или иной метод лечения либо профилактики, — а я посмотрю, как у вас это получится. Иначе просто не может быть. По стенкам, по потолкам бегал бы я сейчас от головной боли, если бы решения задачи — медицинского, административного, да какого угодно, хоть шаманского! — не существовало в принципе. Филин... Нет, даже не он, а Штейн, чьи яйцеголовые эксперты копаются сейчас в компьютерном хардвере Филина — оттягали себе экранированный зал на минус пятом этаже, свезли туда террикон аппаратуры и все им мало. Самый для меня главный человек — Штейн...

Оторвавшись от текста, я еще раз позвонил Гузю. У него как раз закончилось совещание по поводу вакцины против миковируса, поэтому он был относительно свободен, полон желания загрузить меня под завязку, и в конце концов я, поняв, что не избежать мне испить сию чашу, битых два часа мотался с ним по Конторе, щедро раздавал фитили и пряники и вообще делал то, что мне надлежало делать. На двери группы перспективных исследований сегодня красовалась бумажка с новым шедевром: «Если Вселенная управляется простыми универсальными законами, то разве чистое мышление оказалось бы неспособным открыть эту совокупность законов? М. Шварцшильд».

Я аж зубами заскрипел. Чистое мышление! Драть вас!.. Остроумцы!

Когда же я, запаренный, решительный и полный боевой злости, вернулся к себе, Фаечки не было на месте, а в моем рабочем кабинете сидел Кардинал.

— Здравствуйте, Павел Фомич, — сказал я и сглотнул. Встреча с Кардиналом, да еще в моей Конторе, подействовала на меня угнетающе. Я думал, что в запасе у меня еще несколько дней.

Он улыбался.

— Здравствуй, Миша, здравствуй. Да ты не стой, ты проходи, садись вон туда, мальчик ты мой хороший, ты уж меня извини — я твое кресло занял, покойно мне в нем... Не возражаешь, что я на «ты»?

— Какие могут быть возражения? — сказал я с искренней горячностью. — Побойтесь бога, Павел Фомич!

Он почти весело помотал головой.

— Ну-ну, не пеняй на старика, Мишенька. Рад я тебя видеть, честное слово, рад. Все спецсвязь да «шухерная» линия — я уж и забыл, когда мы с тобой в последний раз сидели вот так... А бога никакого нет, уж ты мне поверь. Ужасно жаль, правда. Не вздумай дожить до моих лет, Миша, вот что я тебе скажу. Меня, если ты помнишь, дважды из клинической вытягивали, и тот туннель я видел, вот как тебя вижу, ан нет на том конце ничего. Чернота... Я не бога боюсь, а... — Он не договорил, запнувшись на полуслове, и его улыбка вдруг сделалась какой-то искусственной, как будто повисла в воздухе отдельно от лица. — Порадуешь ли меня чем-нибудь, Мишенька?

Я кратко изложил ход дела на довольно сухом канцелярите.

— Одним словом, мрут? — спросил он.

Я кивнул. Я не мог говорить. Улыбка Кардинала исчезла — теперь он смотрел на меня с любопытством.

— И что ты обо всем этом думаешь, Мишенька?

Я решился.

— Возьмите у меня это дело, Павел Фомич. Очень прошу.

— Ну? Отчего же?

— Не потяну. Не мой профиль. Ну при чем тут санитария, в самом деле! Домоседов... — Я замялся.

— Ну-ну? Что Домоседов? Ты говори, я слушаю. Обвел меня и тебя, так?

— Так, — сказал я, чувствуя себя идиотом.

— Люблю, когда ты валяешь дурочку, — благодушно сказал Кардинал, — ох люблю... Ты же не полный олух, Мишень-

ка, так какого же рожна тебе надо? Уж два и два ты всегда сложить умел, а значит, задавал себе вопрос: почему при всех усилиях Домоседова выдать суицид за разгул криминала МВД и нацбез еще не воют дурным воем? Кряхтят, а терпят. А ведь с недавних пор журналистская братия начала их гвоздить довольно крепко... И тогда ты вспомнил, что есть такой никчемный старик Павел Фомич, по прозвищу Кардинал, и что кардинальные решения по его части... — Он сладко улыбнулся своей шутке. — Ты все прекрасно понял, Мишенька: ну да, Нетленный спихнул тебе это дельце с моего согласия и даже, скажу больше, по моему прямому приказу. Уж прости, мне не хотелось напрямую тобой командовать, а вот посмотреть, как ты себя поведешь, напротив, было интересно... Домоседов не годится: запаниковал, да и вообще пора его менять, только стреляться я ему не дам, пусть уж дотянет свой срок, он заслужил. Видел бы ты, какую он у меня сцену разыграл — куда там Сальвини! Чуть в ногах не валялся... Что, и перед тобой тоже? Это он зря: он ведь талантливее тебя, Миша, уж прости старика за прямоту. Нет, правда, зачем ему гробиться на этом деле?

— А мне? — спросил я.

Кардинал хитренько улыбнулся. Эту свою улыбочку он демонстрировал только своим: ну просто очень старый добрый дедушка. Помню, какой-то любитель астрономии еще в Школе сравнивал его со слабой галактикой, в которой видимой массы — плюнуть и растереть, зато невидимая колоссальна. Когда-то я покрывался холодным потом от одной только мысли о том, что где-то в мире — а вдруг? — может существовать человек еще более могущественный, чем этот благосклонный ко мне старичок.

— А ты, Мишенька, другого поля ягода, — сказал Кардинал, и я напрягся. — У тебя не талант к нашим делам, у тебя просто великолепный нюх. И еще ты везучий счастливчик, я за всю свою жизнь второго такого везунчика не встречал, а уж я-то людей повидал столько, что тебе и во сне не снилось. Клинически-то невезучих мы еще в Школе отсеиваем, но ты и среди остатка — феномен. Может, поделишься опытом: как это у тебя получается?

Я округлил глаза.

— Что вы такое говорите, Павел Фомич... Это я-то везучий?!

Он смотрел на меня уже без всякой улыбки.

— Ты, Миша, ты. У тебя, мой мальчик, есть голова и чутье, а у Домоседова — только голова и осторожность. На своем месте он хорош, пока ничего не случается. Пойми, мальчик: или решение задачи найдешь ты, или его вообще никто не найдет, а если и найдет, то поздно... *Ты!* — вдруг рявкнул он с силой, которую никто не смог бы предположить в этом лысом старичке, да так, что от неожиданности я чуть не подпрыгнул. — *Ты еще смеешь думать, что у тебя не получится?!*

— Не знаю! — Впервые в жизни я заговорил с Кардиналом в раздраженном тоне. В затылке настойчиво кололо, но я уже не мог остановиться. — Что смогу — сделаю, у меня люди уже на ушах стоят! А получится или нет — не знаю! Я везучий, только когда мне везет. А если решения нет вообще? Может такое быть? За неуспех-то я отвечу, научен! Ну а что, если путей к решению окажется несколько? У нас не будет времени искать оптимальный! Жизни и жизни!.. Кто в конце концов определит, был наш путь целесообразен или нет?!. — Последние слова я почти проорал.

Я знал ответ. И Кардинал знал, что я его знаю. Но он все же ответил мне:

— Я.

Глава 5
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ФОНЕМА

Истинным стимулом человеческой жизни является завтрашняя радость.

А.С. Макаренко

— Итак, объект снова ускользнул от вас? Любопытно, что вы теперь скажете в свое оправдание?

— Мне нечего сказать, шеф. — Говоривший был долговяз, худ и скверно выбрит — мешали чирьи. Он покачал головой, непроизвольно сглотнул и добавил: — Я полностью осознаю свою вину и меру ответственности.

Сидящий за столом невесело усмехнулся.

— Ваш предшественник, помнится, был несколько обстоятельнее в объяснениях. Однажды он так убедительно доказывал, что найти и взять человека, где бы он ни находился, — лишь вопрос времени, что я ему почти поверил... Что с вами — повышенная скромность или просто несообразительность? Впрочем, можете не отвечать. Отрадно уже то, что вы понимаете меру своей ответственности за провал операции. Ваш предшественник нашел и упустил объект трижды; вы — пока — только дважды. Еще раз промахиваться не советую. Гм... надеюсь, вы хотя бы сделали выводы из поведения объекта?

— Половина аналитиков только этим и занимается, шеф. Выявлено около двадцати локализованных районов, где объект может попытаться укрыться: прежде всего места лично ему хорошо известные, связанные, например, с воспоминаниями детства или со сферой профессиональных интересов, а также сравнительно малолюдные районы с развитой коммуникационной сетью — замечено, что он к ним тяготеет. Составлен достаточно подробный психологический макет, что дало нам еще несколько районов. Местные органы усилены и приведены в оперативную готовность.

— А геологические и геодезические экспедиции? Они там, знаете ли, любят набирать рабочих абы откуда...

— Учли в первую голову, шеф. Проверка стопроцентная.

— Ладно и так. Не думаю, чтобы это немедленно что-то дало, однако чем черт не шутит... Да, кстати, попыток пересечь границу объект не предпринимал?

— Вероятно, нет, шеф. Мне кажется, он понимает, что его найдут и там, тогда как у него самого будет куда меньше степеней свободы. Нет, он умный человек, шеф. Похоже, он хорошо просчитывает наши ходы. Впрочем, погранохрана предупреждена на всякий случай.

— Допустим... Это все?

— Имеется частное мнение одного аналитика, шеф. Простите, я должен об этом сказать. По-моему, полный бред, но он настаивает... Ему, видите ли, кажется, что вычислить и захватить объект, основываясь на привычной нам логике, принципиально невозможно. Якобы иррациональность поступков объекта выходит далеко за рамки... У него там целая теория

насчет интуиции, внечувственного восприятия, единого информполя и чуть ли не связи с дьяволом.

— А он не дурак, ваш аналитик. Вы сами как думаете?

— Что вам сказать, шеф... Бред, конечно. На уровне эмоций — да, пожалуй. Взять хотя бы вчерашний провал: лучший снайпер группы промазал по неподвижной мишени со ста шагов! Не беспокойтесь, он стрелял оперенной ампулой с транквилизатором... А объект за четверть секунды до выстрела вдруг срывается с места как сумасшедший, бежит зигзагами и безошибочно находит единственную слабину в кольце! Сейчас мои люди по сотому разу гоняют запись, спорят, что могло его спугнуть. А по-моему — ничего. Прямо мистика.

Сидящий за столом поднял глаза.

— Я надеюсь, вы не собираетесь использовать этот аргумент как оправдание на случай следующего провала?

Тот, кто стоял перед ним, выдержал дозволенную паузу, напрягшись так, что, казалось, его чирьи сейчас прорвутся все разом, и всем своим видом давая понять, что то главное, ради чего он был вызван сюда и что только что неявно было сказано, усвоено им в основе и подтекстах. В точно выверенный момент он заговорил, сам удивившись тому, как твердо и веско звучат его слова:

— Мы возьмем его, шеф. Ручаюсь, при наихудшем раскладе объекту осталось гулять не более двух, максимум трех недель. У него нет ни малейшего шанса.

— Вы в этом уверены?

— Абсолютно уверен, шеф.

Сидящий за столом помолчал, с любопытством рассматривая струйку пота на лице подчиненного, сорвавшуюся с виска и прочертившую извилистый след между чирьями. Все они потеют, подумал он. Особенно тот... прежний. Их жизнь смешна и ничтожна, и они изо всех сил делают ее еще смешнее и ничтожнее, а вот поди ж ты — боятся. Дрожат, но упрямо лезут вверх, работают локтями — и потеют...

— Вот еще что, — сказал он. — От моего имени доведите до сведения всех имеющих касательство: любой, кто даст свежую информацию об этом человеке, получит повышение по службе. Любой, кто снова выведет нас на след, будет повышен по службе минимум на два разряда. Надеюсь, это вам помо-

жет. В случае успешного захвата весь личный состав группы получит помимо этого годичные оплаченные отпуска в любое место земного шара по выбору. За провал ответите вы лично. Головой. Как ваш предшественник... У вас есть еще вопросы?

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

на Малахова Михаила Николаевича,
2001 г. рождения, выпускника Школы

2-й экземпляр — в архив Школы (База данных «Промах»)

3-й экземпляр — в личное дело Малахова М.Н.

Малахов М.Н., 19 лет, в поле зрения наблюдательного совета с 2007 г., в интернате с 2011 г. (зимний набор), в 2013 г. переведен в основной состав учащихся, в 2014 г. допущен к изучению дисциплин второго цикла, в 2018 г. допущен к изучению дисциплин третьего цикла.

Стандартные отсевочные тесты третьего уровня: прошел.

Спецтесты H-W: прошел.

Спецтесты J11-J26: прошел.

Спецтесты DJ1-DJ3: прошел.

Выпускные испытания: прошел.

Контакты вне Школы: допустимые.

Физическое здоровье: соответствует требованиям.

Работоспособность: соответствует требованиям.

Специализация: медицина, санитария.

Психика: устойчивая.

РНС: 42,8 ед.

ИСО: 129,5 ед.

Интеллектуальный уровень: соответствует требованиям.

Логические способности: невысокие, на уровне отсевочного предела.

Интуитивные способности: исключительно высокие. См. База данных «Редкие земли».

Общая субъективная оценка: условно положительная.

Результаты голосования по кандидатуре:

За: 6. Против: 5.

Наблюдательный совет Школы не считает возможным допустить выпускника Школы Малахова М.Н. к продолжению образования в рамках базисной программы как не набравшего достаточного числа голосов выпускной комиссии. Кандидат Малахов М.Н. выпускается по группе «Б». См. База данных «Аларм» архива Школы.

24.06.2020 г.

1

Кирпичная дорожка хитро петляет, спускаясь по склону. Кое-где петли проложены не по делу, а чтобы живописнее было. Огибает гладкие валуны, понатыканные там и сям и делающие вид, будто торчали тут всегда, хотя на самом деле они привезены черт-те откуда. Слева между деревьями, старыми уже в те времена, когда вместо ландшафтного парка в низине теснились огороды, мелькает пойма Сходни — в липких проталинах, в зябнущих на ветру шеренгах тщедушных деревцев, обозначивших аллеи, упирающиеся в противоположный склон с точно такими же кирпичными дорожками, что взбираются по крутизне речной террасы к городку аттракционов, шумному летом, а зимой бездействующему за нерентабельностью. Недоделанная рекреационная зона выглядит неряшливой, словно небритой.

Зазевавшись на спуске, поскальзываюсь. Меня успевают поддержать под локоть.

— Долго еще? — бурчу я.

— Вон там, Михаил Николаевич. Видите горбатый мостик? — Сопровождающий из опергруппы показывает рукой.

— Вижу. — Кирпич дорожки кончился, и я со вздохом принимаюсь чавкать ботинками по раскисшей оттепельной глине.

Мостик деревянный, со слащавенькими резными выкрутасами. Бзиковый парковый декор. На берегу дрожит человек в мокром гидрокостюме, о нем, кажется, забыли, и он сейчас начнет материться. Пригнан, пробился сквозь уличные пробки и торчит на шоссе наверху громадный фургонище с кри-

миналистической техникой. С десяток зевак полиция держит на расстоянии от мостика. Толпы, к счастью, нет: не та погода, чтобы получать удовольствие от прогулок по парку. Хоть в малом повезло, и на том спасибо.

Холодно, по пойме гуляет ветер. От маслянистой, никогда не замерзающей воды резкий запах.

Самое главное в городе — это река, думается мне почему-то. Чтобы текла. Всегда. Непонятно, как люди могут жить у стоячей воды. Или не у воды вовсе. Вот и эта — правильная речка, хотя куда ей до нашего Осетра... Правда, Москва-река все же пошире, зато и грязи в ней...

Юлия как-то сказала, что столицу выбросило из Москвы, как метастаз. Нахваталась лексики, когда я зубрил медицину.

Проехали... Едем дальше.

— Личность установили?

— Пока нет. Тело выловили, документов при нем нет. На вид мужчина лет тридцати пяти — сорока. Работаем.

Голова погибшего прикреплена к туловищу тонкой полоской кожи и смотрит набок, словно откидная крышка старинной чернильницы.

— Чем это он?

— Бензопилой. Есть свидетели. Вот на этом самом мостике он и ударил себя по шее. Встал на перила и полоснул, быстрая смерть. В реку уже труп падал.

— Глаза ему смотрели? — спрашиваю.

— Смотрели. Симптома нет.

Неделю назад, наглядно подтверждая ту давно известную истину, что следствия без упущений не бывает, совершенно неожиданно выяснилось, что примерно каждый пятый самоубийца, проходивший по категории аномальных, демонстрировал ярко выраженный симптом «заходящего солнца», иначе говоря, сильно смещенные книзу зрачки, иногда почти скрытые под нижним веком, — один из классических симптомов гидроцефалии, и это при том, что среди самоубийц с этим симптомом отыскался лишь один клинический гидроцефал. Что обо всем этом думать, пока не ясно. Немного утешает лишь то, что нашелся еще один общий признак, впрочем, весьма ненадежный.

Не пришей кобыле хвост, вот что. С кашей его прикажете есть, этот признак?

Топчусь, выбирая место посуше. Слякоть надоела. Весь декабрь стояли сильные морозы, а под самый Новый год раскисло так, что хоть учись кататься на водных лыжах. Разумеется, тут же началась сезонная эпидемия гриппа, и словно назло в Красноярске и Хабаровске опять вспыхнула вульгарная дифтерия, а в Николаеве среди местных гомосексуалистов и портовых шлюх ни к селу ни к городу обозначилась лихорадка Ласса и, хотя быстро сошла на нет, нервов успела помотать достаточно. Если за последние столетия человеческая природа в чем-то и улучшилась, то только не в части сопротивляемости инфекциям, это точно. После «жемчужной болезни» в Верхоянске я вообще уже ничему не удивляюсь.

И это еще зима! То ли летом будет.

До лета, впро́чем, нужно еще дожить.

Когда не тобой созданная, но тобой укрепленная линия обороны, эшелонированная в глубину лучше, чем линия Мажино, с дотами, рвами, минированными дефиле и многократно перекрывающимися секторами обстрела начинает вздрагивать, готовая прогнуться, это не просто обидно. Это страшно...

У трупа работают криминалисты из опергруппы. Лучше им не мешать. Орудие самоубийства — вот оно, лежит на куске пленки, покрытое маслянистым илом. Кровь вода смыла, конечно.

Топчусь, молчу, нервирую людей своим присутствием. Не при деле только я и двое СДЗНовцев от Нетленных Мощей. Один из них так и дышит в ухо, так и подсигивает, излагая какую-то чепуху. Отмахиваюсь, как от мухи. Работа только началась, а этот Нат Пинкертон уже лезет со своими соображениями — неумный карьерист, любит нравиться начальству... Дельных работников Нетленный, конечно, не выделил, дельные наперечет и самому нужны. Опять просить Кардинала намылить ему холку?

Придется.

Тошно-то как, господи... Всего полтора месяца назад Нетленный выезжал на «экзотику» сам — в отчаянной попытке что-то понять, в безотчетной надежде углядеть самому то, что

не видно другим... Что изменилось с тех пор? Лишь то, пожалуй, что теперь вместо него на «экзотику» выезжаю я.

Радости — море!

И еще я думаю о том, как быстро меняются взгляды на жизнь. Полтора месяца назад мне и в голову не пришло бы считать массовый суицид явлением обыденным, чуть ли даже не нормальным... Привык — а воз и ныне там. Ни намека на решение — гипотезы, одни гипотезы... Проверенные, пока не проверенные и в принципе непроверяемые. На всякий вкус. И затупившаяся от бесконечного употребления золингеновская сталь бритвы Оккама...

Зачем я сюда приехал, что я тут мечтаю разглядеть?

Беру себя в руки, иначе очень хочется накинуться на беззащитный труп и начать пинать его ногами. Неумело, но сильно, притом так, чтобы потом стыдно стало людям в глаза смотреть... Скотина, гад, букашка человеческая, почему не жилось тебе? Сдох, как пес, а Малахов — расхлебывай...

— Свидетелей отпустим, Михаил Николаевич? — предлагает Старостин.

Ах да, свидетели.

— Нет. Давайте-ка их сюда по очереди.

Свидетелей трое, все местные. Первый — парень лет двадцати. Студент. Завалил зачет, ехал домой в расстроенных чувствах, вон он дом виден, вон за теми деревьями... нет, через парк не дальше, там у нас улицу перекопали, и автобус здорового крюка дает, а мужик этот, значит, вон оттуда топал, с Донелайтиса... Ясен пень, я его знать не знаю, никогда не видел... в общем, разминулись мы с ним, он быстро шел и чего-то нес на плече, дуру какую-то зачехленную... это я теперь понимаю, что бензопила, а тогда мне по барабану было... Короче, как заверещало, так я и обернулся, а он уже в речку башкой вниз пикирует, ноги врастопырку... Ну, я к мостику сперва рванул, потом в полицию звонить, объяснял ведь уже... Вы бы мне справочку какую-никакую кинули, если я вам еще нужен, а то, чую, пролечу мимо сессии...

— Ничего необычного в облике мужчины не заметили?

— Не-а. Мужик как мужик.

Ясно... Точнее, опять не ясно ничего.

— Давайте второго.

Опрятный старичок со шнауцером. Псина скулит, продрогла. Выгуливал собаку в парке, хоть это и запрещено, но где же прикажете гулять с животным?.. Нет-нет, немного не так, ваш коллега меня неправильно понял. Тот несчастный молодой человек сначала завел пилу, а потом уже полез на перила. Постоял секунду, не больше, и... Нет, по-моему, он молчал, а если бы и крикнул что, так я бы не услышал, я вон где был, да и пила трещала. Я кричал, а не он... то есть когда он уже упал... Простите, я могу идти? Собака мерзнет. Как вы сказали?.. Необычного или странного? Молодой человек, если на ваших глазах кто-то отхватит себе голову, а вам это не покажется немного странным, значит, пора помирать, вот так-то. А больше ничего необычного, пожалуй...

— Если что-нибудь вспомните, пусть даже какую-нибудь несущественную мелочь, позвоните по этому телефону, прошу вас. Спасибо за помощь.

— Не за что, молодой человек, не за что.

Третий свидетель — женщина. На вид лет за тридцать. Неразговорчивая. Стояла от места трагедии дальше всех. Так же, как первые два свидетеля, обратила внимание на треск бензопилы. Ну и...

— Что?

— Вы обернулись. Что вы увидели?

— Где?

— На этом мостике.

— Что?

— Вот и я спрашиваю: что?

— Где?

— На мостике. Вот на этом. Где мы с вами стоим. До нас здесь находился мужчина, а вы, значит, стояли вон там. Когда мужчина запустил пилу, вы обернулись. Что вы увидели на мостике?

— Ничего.

— Как так ничего? Вы не заметили мужчины на мостике?

— Нет.

— Тогда что же вы увидели?

— Брызги.

— На воде? Всплеск?

— Да.

Старостин начинает прислушиваться с повышенным интересом. Глаза так и горят. А я того и гляди начну раздувать ноздри, как гончая, взявшая след.

— Пожалуйста, повторите еще раз, где вы стояли?

— Вон там.

— Это где дерево кривое?

— Да. Может быть. Не знаю.

— Попытайтесь вспомнить, это очень важно.

Долгое молчание.

— Вы слышите меня?

— Да.

— Так все-таки где же вы стояли?

— Вон там. Или нет. Нет.

— И после того, как вы обернулись и увидели, что тут случилось, вы пошли к мостику?

— Да.

— Пошли или побежали?

— Пошла.

— И находились на мостике до приезда опергруппы?

— Что?

— Сколько времени вы находились на мостике?

— На мостике? Не знаю.

Старостин хищно втягивает носом воздух и быстро шепчет что-то на ухо подручному. Тот отбегает в сторонку и за рамку спутниковой антенны вытягивает из кармана портативный комп.

— Вы не волнуйтесь, пожалуйста. Можно вас спросить, что вы делали в парке?

— Можно.

— Ну так спрашиваю.

— Что?

— Что вы делали в парке? Ждали кого-нибудь?

— Ждала? Нет.

— Просто гуляли?

Молчание.

— Простите, я вынужден задать вопрос еще раз. Вы совершали прогулку?

Она дважды моргает.

— Давно вы здесь?

— Где?

— В парке.

— Давно. Не помню. Может быть.

— Как тот мужчина шел к мостику, вы видели?

— К мостику?

— Да.

— Что?

— Благодарю вас, — говорю я серьезно. — Вы оказали помощь следствию. Сейчас вас проводят домой, вы выпьете горячего чаю с коньяком и успокоитесь. Я понимаю: то, что произошло, чудовищно, но ведь жизнь продолжается...

Никакой реакции. Полное непонимание.

— Простите... Вы слышите меня?

— Слышу.

— Так вас проводить?

— Куда? Нет.

— Тогда всего хорошего.

Она медленно уходит. Один из парней Старостина отпускает ее шагов на сто и начинает неспешно двигаться по параллельной дорожке.

Старостин потирает руки.

— Михаил Николаевич, вам бы у нас сыскарем работать, ей-ей. Может, согласитесь впоследствии?..

— Что вы, Олег Юрьевич. У вас чуть что — беготня с высунутым языком, а у меня плоскостопие...

Смеемся.

— Кроме шуток, Олег Юрьевич, вам все понятно или лучше уточнить?

— Вообще-то лучше уточнить. Во избежание.

— Давайте сначала поглядим, что у нас по ней имеется.

Старостин отбирает у подручного комп.

— Угу. Так... Малькова Ирина Леонидовна, тридцати четырех лет, наладчица швейных машин на полставки. Замужем, семья здоровая, сыну десять лет. Психически нормальна.

— То-то и оно, что нормальна. Вы подумали — легкий ступор с ней? Похоже, конечно, да еще при таких обстоятельствах... Я сам так сначала подумал, но только нормальной клиникой тут не пахнет, это я вам точно говорю. Что она

делает? Муж у нее, сын у нее, а она в гнусную погоду идет в парк, зачем — сама не знает, сколько времени тут находилась — не помнит, где конкретно — тоже не помнит. Курточка на ней легкая, другой человек уже через полчаса на этом ветру дуба бы врезал. Ну ладно, бывают изредка в жизни обстоятельства, семейная драма, например... вы следите за мыслью? Где она находилась в момент происшествия, показать не может, но заведомо дальше от моста, нежели двое других свидетелей. Старик кричит от ужаса, студент бежит к месту трагедии, а что делает она? Идет не спеша, причем дороги не разбирает — на куртке брызг нет, зато сапоги грязнее грязи. Прямо сомнамбула какая-то. И на неожиданный и громкий звук обернулась лениво, так что труп уже успел упасть в воду. Скажите мне, естественно это или нет?

— Нет, Михаил Николаевич. — Старостин улыбается. Он уже все понял, но сейчас мы с ним с удовольствием разжевываем вкусное блюдо.

— Дважды нет. Почему жена и мать не спешит домой варить обед, а остается здесь дожидаться опергруппы? Сами знаете, замужние женщины редко рвутся в свидетели. К тому же находилась она далеко, момента самоубийства не видела, ценность ее показаний близка к нулю, так что она могла бы спокойно идти домой, успокоив совесть этим обстоятельством. Практически любая женщина так бы и поступила. Вы подумайте, то, что видела она, наверняка заметили еще полдесятка человек, а где они?.. Вывод?

— Ей было безразлично, Михаил Николаевич. Предельно безразлично.

— Ну не так уж и предельно, самоубийство ее все же слегка заинтересовало... А еще у нее зрачки смещены вниз, вы не заметили? Чуть-чуть, но смещены.

— «Заходящее солнце»?

— Прошу вас обеспечить неусыпное наблюдение, Олег Юрьевич. Она — на очереди. Я надеюсь, что ее удастся спасти, но это задача вторая. А первая задача вот какая: сегодня же, по крайности завтра получить полную картину ее здоровья, с анализом хотя бы крови. Обдумайте, как это устроить. Я командирую к вам специального человека от Воронина. Черт возьми, мы должны знать, что творится у них в организме до,

а не после самоубийства. Я на вас очень рассчитываю, Олег Юрьевич.

Вот так-то! Я сегодня в ударе. Ноги промокли, а душа поет. Больше мне здесь нечего делать, два раза в день чудеса не случаются. В сущности, удача закономерна: рано или поздно в нашем неводе должен был затрепыхаться пескарь, достойный наблюдения. Можно понять досаду астрономов, никогда не знающих, какая звезда станет следующей сверхновой, чтобы присмотреться к ней до взрыва... А мы знаем. До решения проблемы еще далеко, как до той звезды, однако некий просвет, будем считать, забрезжил, появилась хоть малая, да зацепка, а то словно висишь на скользком стекле на присосках и пукнуть боишься... Ай да Малахов, ай да сукин функционер!.. Мегрэ, одно слово.

В Конторе с некоторых пор наблюдается легкий шухер: запущенная группой Лебедянского деза о грядущей большой реорганизации, как положено, волнует всех, а особенно «нижних». Вроде бы сработано грамотно. Несмотря на то что число посвященных во все детали «Надежды» уже достигло восемнадцати человек и продолжает монотонно и угрожающе расти, Штейн докладывает об отсутствии — пока! — утечки информации. О том, что у него припасено для локализации утечки, буде она все-таки обнаружится раньше времени, он предпочитает помалкивать, а я — тоже пока — предпочитаю не спрашивать.

Каким образом Нетленные Мощи ухитрялся обходиться всего семью допущенными — ума не приложу.

Кабинет. Ворох неразобранной почты сравнительно мал. Какая по счету с меня шоколадка, Фаечка?

Читая обширную бумагу из ИВИАНа, кусаю губы и тычу пальцем в идентификатор «шухерной» связи. В конце декабря группе Воронина после долгой возни с трупами удалось наконец раскопать кое-что любопытное. А именно: в тканях мозговых оболочек и ликворе нескольких погибших был обнаружен необычный РНК-вирус, сразу взятый на подозрение как возможный возбудитель небывалой доселе эпидемии. Целую неделю после этого Воронин относился ко мне с повышен-

ным пиететом, готовый поверить в то, что прав был я, а не он, и казнить себя за маловерие.

— Можете поздравить своих коллег, — говорю я ему кисло, зачитав выдержку из документа. — Они открыли новый вирус. Жаль только, что к нашей проблеме он не имеет никакого отношения...

Из чего еще не следует, что возбудителя нет вообще, добавляю я про себя. Пусть ищут. Возбудитель редкой болезни, вызываемой царапаньем кошки, тоже до сих пор неизвестен, ну и что?

На то, чтобы понять смысл следующего послания, у меня уходит не меньше десяти минут. Кто там сегодня был в ударе? Я? Что толку. Чугунная голова требует отдыха, грозя спрямлением извилин, и чем тупее будет мой отдых, тем лучше. Любопытно знать, что сейчас творится на «Урании»? Не разнес ли ее вдребезги шальной метеорит? Не забыли ли о ней сотрудники, озабоченные имитацией бурной деятельности в преддверии липовой реорганизации?

Сам себе я напоминаю сейчас почему-то загарпуненного дохлого кита на слипе китобойной базы, которого сейчас зацепят за хвост и поволокут по скользкой палубе на разделку под фленшерные ножи. Нет уж, пусть Гузь гальванизирует бодрую атмосферу в коллективе, а я пас.

«Фаечка, посмотрите на меня внимательно. Вы не находите, что в последнее время я основательно отупел?»

«Вообще-то вы всегда этим отличались, Михаил Николаевич...»

«Спасибо вам, милая».

Прокручивая в уме варианты этого диалога, пытаюсь вспомнить то, что минуту назад вылетело у меня из головы, и зря вылетело. Гузь! Точно. Вызывая его по «шухеру», чувствую укол совести. У затюканного первого зама скорбный желтый лик недоделанной мумии, еще немного — и можно без бальзамирования класть в саркофаг.

Он крепкий мужик — терпит. Наверняка о многом догадывается, а вот сейчас даже смотрит на меня с раздражающим участием. Наверное, я выгляжу немногим лучше его.

— Читали, Виктор Антонович? — Я вывожу ему бегущей строкой сообщение инспекции из Сыктывкара. Дела там сквер-

ные: три случая лихорадки Эбола на оборонном объекте, один человек уже умер и неизвестно, сколько инфицировано.

Жутко дергая кадыком, Гузь глотает слюну и моментально становится похож не на мумию уже, а на лошадь Суворова, которой в Кинбурнской баталии оторвало морду. Лица на нем просто нет. Администратор он дельный, а медик никакой, вот и трепыхается раньше времени.

— Прошляпили?!.

— Успокойтесь, тут мы чисты. Военные пытались замять, надо им... — Я начинаю объяснять, что, куда и на какую глубину им следует вставить, но Гузь уже встряхнулся и не хуже меня знает, кого взять к ногтю, чтобы безруким болванам впредь неповадно было баловаться с рабдовирусом. — А меры — обыкновенные, с учетом группы патогенности. Прошу вас держать это дело на сугубом контроле, Виктор Антонович.

— Не беспокойтесь, Михаил Николаевич.

Он ждет — без особой надежды, впрочем, — не дам ли я ему понять: почему, собственно, он должен тянуть лямку за двоих, к тому же без малейших перспектив занять когда-нибудь мое место? Он смирится, не получив ответа.

Звонит Лебедянский, и голос его, вопреки обыкновению, не вял. Значит, накопано нечто такое, что может представлять интерес.

Так и есть. Пакет новых данных по исправительным учреждениям и наркологическим клиникам; в обоих случаях — неожиданный излом аппроксимационной кривой... Интересно...

На минус пятом этаже, специально приспособленном для сверхгромоздкой аппаратуры, бродят сомнамбулы. Объединенная бригада из людей Штейна и Воронина, сканирующая «железо» Филина, опять зашла в тупик. Один всклокоченный, с воспаленными глазами, уныло матюкается, не замечая моего присутствия.

И тут же снова Воронин. Наскакивает:

— Михаил Николаевич...

— Что еще?

— Дайте отпуск Самохину. Еле держится.

— Он из допущенных?

— Да.

— Нет.

— Надо дать, — не унимается Воронин. — Все равно сейчас толку от него никакого, заездился человек до деревянных мозгов... Вы же знаете, как это бывает.

Я знаю? Ничего я не знаю! Ничего, понятно вам?!. Ничего, кроме того, что сейчас нам надо навалиться и надавить так, чтобы гнойный этот фурункул наконец лопнул. Нельзя прекращать мозговой штурм. Впрочем, сегодня у меня кое-что получилось, и я добрый.

— Так и быть. Двое суток, начиная с этой минуты, под вашу ответственность. Пусть выспится. От себя могу порекомендовать ему лыжную прогулку, развеяться ему будет полезно. Хотя какой сейчас снег...

— Спасибо, Михаил Николаевич! В случае чего готов понести наказание вплоть до строгого выговора. — Счастливый Воронин уносится, прежде чем я успеваю накрутить ему хвост за дурацкие шутки, и минуту спустя уже слышно, как он на кого-то орет в значительном отдалении. Мало того, слышно, как ему отвечают в том же тоне, и он терпит. Может быть, только так и можно общаться с его немытой сворой гениев? Я бы так не смог. Он ради них в лепешку расшибется и за малейшее послабление готов чуть ли не униженно благодарить меня, Гузя и вообще кого угодно.

Подите вы все со своей благодарностью!

Штейн обстоятельнее: увязая в бесконечных подробностях, рассказывает мне, что удалось сделать с тех пор, как я терзал его группу в последний раз, на что можно надеяться в ближайшие дни и чего, по-видимому, не удастся в принципе. Чересчур пользованный компьютер, Михаил Николаевич, делаем что можем...

— А что вы, собственно, можете?

— Выловили слово Kruchkov, скорее всего это название файла. Вероятно, фамилия. Либо Кручков, либо Крачков. Возможно, Кручкович, Крачковский, а также иные варианты. На всякий случай я приказал также проверить и Крючковых, ограничив сферу поиска пока что нашей губернией. Вот список, жирным шрифтом отмечены наиболее вероятные кандидатуры.

— Оставьте мне.

Брови Штейна ползут вверх.

— Михаил Николаевич, нам проще самим...

Ну как объяснить ему, что я иногда *вынужден* делать не то, что мне хочется? Как?!

Боль в затылке отступает медленно.

— У меня имеются кое-какие соображения, Отто Оттович, и проверить их я должен сам. Не обижайтесь. Продолжайте копать «железо», это сейчас важнее всего.

Уже через полчаса я знаю ответ — нащупываю по-живому, издергавшись от головной боли. Кручкович Эраст Христофорович, врач-психиатр, заведующий реабилитационным отделением частной психоневрологической клиники «Надежда» — странным образом название клиники совпадает с кодом разработки, в чем я усматриваю добрый знак, — с 29.12.2039 находится в очередном отпуске. 51 год, холост.

Теплее?..

Какое там, уже горячо!

2

— О! Привет.

Совсем как Виталька.

На экране мелькали сугробы и лыжные палки — транслировался лыжный чемпионат на Валдайской Петле.

— Ты давно здесь?

— С час уже. Тебя за смертью посылать. Охрана не хотела пускать, предлагала посидеть в дежурке. Пришлось их тобой постращать... Однако и хоромина у тебя! Слушай, когда твой срок выйдет, тебе этот дом оставят?

Малахов ухмыльнулся.

— Вряд ли. А вообще-то жалко. Я тут уже привык. Тихо, хорошо... Вот на работе — там шумно и плохо.

— Устал?

— На пятерых хватит. Еще и ноги промочил вдобавок. Ничего, скоро буду как новенький. Медицина рекомендует термические процедуры и толику крепкого по окончании, если насос в порядке. Ты мне компанию не составишь?

— О! У тебя тут и сауна есть?

— Нет, русская парная. Экспресс, конечно... Но в кабинке двое поместятся.

Усталость была отчасти физическая, приятная. Не чисто мозговая, от которой нет отдыха и не знаешь, куда деваться.

— Иди один, а я подожду. С легким паром.

— Нет уж. Если один, буду мыться в ванне.

— Тогда семь футов под килем.

— Убийца! Утону же!

Когда он вернулся, распаренный и завернутый в халат, сам себе напоминая вареную сардельку в оболочке, Ольга сидела с ногами на тахте, рассматривая коллекцию боевых топоров, а на ее коленях поленом валялся Бомж и подставлял живот, чтобы почесали. За последние недели кот отъелся, восстановил утраченную шерсть и уже не раз, несомненно, лелея реваншистские планы, настырным мявом требовал, чтобы Малахов выпустил его за дверь — показать, что проигрыш в первом матче был чистым недоразумением.

— Осторожно, он кусается.

Бомж прекратил урчать и настороженно открыл на Малахова зеленый, разделенный надвое зрачком светляк глаза.

— Нечего зря на скотину наговаривать, — сказала Ольга. — Только разок царапнул, и то не со зла. Просто чтобы помнила, кто тут главный. А так он зверь порядочный, душа у него интеллигентная.

— Альпинистская у него душа, — возразил Малахов. — Все ковры разодрал от пола до потолка, первопроходец. Бердыш обрушил... Слушай, я тяпнуть хочу. Посмотри, что у нас там в баре, а?

— Сам посмотри. Он меня не пустит. Он зверь, мужчина и собственник.

— Хочешь, чтобы я приревновал, да? Так зря, я не ревнивый. Мне нужно просто тебя видеть. Ты приехала, и мне хорошо.

Сейчас он почти не врал. Беспокоило только отсутствие боли в затылке — к чему бы? Для чего, спрашивается, в прошлый раз надо было петлять, уходя от наружки, чтобы вновь увидеть женщину, к которой с некоторых пор тянет все сильнее? И в позапрошлый раз тоже. И в позапозапрошлый. Чтобы она, леди моя Белсом, несмотря на уговоры, приехала сюда и пререкалась с охраной? Или дело просто-напросто в том, что уже поздно что-либо менять, что на этот раз, как ни кру-

тись, не удалось бы ничего изменить — так зачем же «демонию» изводить хозяина напрасной мигренью?..

Вообще-то один раз может и обойтись, подумал он, успокаивая себя. Теоретически «жучков» в доме быть не должно, проверял совсем недавно. В конце концов, что особенного случилось? Настырная корреспондентка приперлась в наивной надежде взять интервью — проверят и остынут. Хотя не забудут, конечно.

— Кстати, а кто у тебя в хоромине убирает? Я пришла — чисто.

— Честно? Понятия не имею.

— Врешь, — сказала она с удовольствием.

— Кто, я? — возмутился Малахов. — Ладно, вру. — Он улыбнулся. — А если скажу, что сам, ты поверишь?

— Нет, конечно.

— Почему?

— Ты по телефону сболтнул, что неделю тут не был, а где пыль? Складывать два и два в первом классе учат.

— Ну ладно, есть такая Анна Ильинична, она на чистоте помешана. Говорит, что функционеры, кроме грязи, ничего не производят и норовят жить как свиньи. Ее сына в Школу не приняли, так что у нее на нас зуб.

— А ты что же?

— А я слушаю и не перебиваю. Приятно послушать вечерком, когда мозги уже не работают.

— Плюс смычка с населением?

Малахов почувствовал раздражение. Только таких разговоров не хватало ему сегодня на десерт. Незабвенная Юлия, ушедшая со скандалом жена, сказала однажды, что он умеет быть либо джентльменом, либо зверем, третьего состояния ему не дано, — и он подозревал, что это правда. Зверь в нем еще не проснулся, но уже скалил клыки.

— Слушай, я тебя обидел чем-то?

— Ты что, не понимаешь? Для женщины быть обиженной мужчиной — естественное состояние. Не станет у вас комплекса вины — что с вами сделаешь?

— А с нами надо что-то делать? — спросил Малахов. Ольга не ответила, и он подумал о том, что женщина, какой бы умной она ни была, не должна умничать при мужчине. Если ум-

ничает — значит или не слишком-то умна, или ей на все наплевать. О том, какое «или» соответствует Ольге, размышлять сейчас не хотелось.

Мельтешня лыжных палок давно исчезла с экрана — был там выпуск новостей, канадский корреспондент передавал материал из Ванкувера о противостоянии белых, цветных и разбавленных, затем сюжет сменили, и известный обозреватель Матвей Кулуаров сказал несколько суровых слов о парламентариях, затеявших тягомотные дебаты вокруг нового законопроекта об обуздании преступности. Приводились жутковатые цифры роста оной за последние месяцы, и Малахов удовлетворенно отметил, что свое слово Нетленный пока держит. За все время работы над «Надеждой» в печать просочилась одна-единственная статейка о всплеске суицида, вдобавок тиснутая в бульварной газетенке, — статейка поганая, но вроде бы оставшаяся незамеченной. То ли не уследил Нетленный за своим хозяйством, то ли пропустил сознательно — поди разберись. Сама по себе статейка ничто, не прошла даже в информсеть, но — лиха беда начало. Как всегда, пресса готова лизать задницу тому, кто платит и не бьет... пока лижут. Ох, не нужно бы сейчас привлекать внимание к Службам, с беспокойством подумал Малахов, опасно это...

О том, как Мощам удается контролировать потоки информации по компьютерным каналам, оставалось только гадать. Сетевые информтехнологии — поистине чудище обло, озорно, стозевно и гавкай... то есть лаяй... Ну да мы, санитары, люди скромные, спиртом согретые, карболкой умытые, в чужие профессиональные секреты носа не суем... если, конечно, не уверены, что его не прищемят дверью.

— Как Новый год прошел? — спросил Малахов.

— Неплохо. Жаль, тебя не было.

— Я бы вам всю компанию испортил. Подарок мой получила?

— Угу. Прелесть. Скажи, хоть Рождество-то мы с тобой вместе встретим? Только честно.

— Честно? Вряд ли.

— Малахов, ты нахал. И чего я с тобой связалась? Сколько раз мы виделись за месяц? Три? Иной раз волком завыть хочется, то есть волчицей, конечно, а тебя нет.

— Повыли бы вдвоем?

— Язва ты, Малахов... В прошлый раз много от тебя толку было? Явился пьян — ноги бантиком... Думаешь, если я русская женщина, то все стерплю?

— Подожди два года.

— О! А что будет через два года?

— Стану консультантом. Спокойная работа, непыльная. И никакой ответственности. Подождешь?

— Там посмотрим.

За окном послышался мяв — еле слышный, но Бомжу хватило и этого. Кота словно сдуло с колен леди Белсом — прижатые уши, шерсть дыбом, толстый хвостище стучит по полу перед дверью. Рррразорву!

— Ша, Бомж! Место!

— Мя!

— Господи, зверь, ну почему ты не собака!..

— Уа-аа-ау!..

— Придется выпустить, — вздохнул Малахов. — Иначе он нам жить не даст. Гладиатор с помойки.

Едва открылась щелка, кот вылетел наружу торпедой, шарахнувшись по пути башкой о дверной косяк. Против ожидания, Ольга не воспротивилась — наверное, в самом деле считала, что мужчина должен быть бойцом, а дело женщин — рукоплескать с трибун и ублажать победителей. Против такой постановки дела Малахов в принципе не возражал, хотя немедленно подумал, что ему-то, функционеру Малахову, до победы еще ох как далеко... Кручкович? Ну что Кручкович Э Ха? Завтра выяснится, что он такое. Более чем вероятно — очередной тупиковый коридор. Чист аки агнец, с Филиным не связан и ни о каком факторе Т знать не знает.

И — словно кот мог помешать вопросу — Ольга теперь привстала с тахты и смотрела так, что он понял: надо ответить. Хоть что-нибудь.

— Спецы работают, — сказал он. — Я за этим делом слежу, можешь не сомневаться. Следствие по высшему классу. Как что прояснится — я сразу...

— Значит, ничего? — Она помедлила, не отрывая взгляда от его лица. — Хоть что-нибудь сказать можешь?

Малахов развел руками.

— Мотивов не нашли, а ты знаешь, как раскрываются немотивированные... Знаешь? Кстати, если ты меня обхаживаешь ради следствия, то зря — я и так сделаю, раз обещал...

— Дурак! — перебила она со злобой, и он увидел, какова в ярости леди Белсом. — Козел! Честный какой: «раз обещал»... Я тебя спрашивала, что ты будешь делать, если я под тебя не полезу? Ты мне условия ставил? Господи, ну почему вы все такие козлы!..

— Прости, — сказал он. В горле стоял комок. — Прости, я виноват. Понимаешь, показалось почему-то... Так, наваждение.

И надо было врать ей об этом ее давно мертвом Андрее, потому что иначе было нельзя. Надо было молчать о том, о чем, может быть, уже завтра — упаси бог — будет кричать весь мир...

Он дотянулся до бара, плеснул, выпил. Один.

— Ты хочешь?

— Хочу.

Он наполнил второй бокал. За дверью неистово орали коты — исполняли ритуал перед схваткой.

— Поют...

— Что? — не понял он.

— Звери поют боевую песнь. А мы так петь разучились. Мы врагам улыбаемся. Отводим душу на близких, спиваемся, нюхаем дурь, из окон прыгаем...

Она отстранила бокал, когда он попытался чокнуться.

— Давай так.

— Ты сердишься? — спросил Малахов.

— Нет. На тебя нельзя сердиться. Тебя надо или очень сильно любить, или очень сильно ненавидеть. И по-другому не выходит, и тебе вредно.

— А ты?

На этот раз она не ответила в раздражении: «А я — насадка для...», как он боялся и чего он не хотел; она просто промолчала. И это было славно.

Коньяк, вкуса которого он с первого захода не почувствовал, плеснулся в жилах теплой волной. Сейчас все будет хорошо, подумал он. Все у нас будет хорошо. Потому что я на самом деле по ней соскучился. Может быть, если «демоний» не возразит, удастся оставить Ольгу на всю ночь...

«Демоний» возразил, и одновременно дзинькнул дверной звонок. Проклиная все на свете, Малахов поплелся к двери. Хорошо, если всего лишь охрана. Хотя нет, эти, усомнись они в чем-либо, сперва воспользовались бы телефоном... Он успел еще подумать, что надо бы на ближайшие час-два отключить всю связь, кроме «шухерной» линии, — если сейчас обойдется, конечно. Неожиданные звонки в дверь редко не чреваты каким-нибудь ЧП.

На пороге, переминаясь с ноги на ногу, стоял Виталька.

Нашел время, подумал Малахов кисло.

— Ну проходи, не стой столбом. Дует.

— Пустишь, пап?

Странный вопрос Малахов пропустил мимо ушей, занятый скачущими мыслями совсем иного свойства. Во-первых, ни с того ни с сего появилось и не отпускало ощущение пустоты, будто чего-то не хватало и что-то вдруг пошло не так, как следует, — нет, не то, что явился Виталька, а что-то с этим связанное, но другое. Во-вторых, предчувствие испорченного вечера вырастало в уверенность: все-таки взрослый сын и любовница в одной кубатуре — это лишнее. Не дурак же Талька, разберется. Вот зараза, наверное, придется их как-то знакомить: «Это Виталий, мой сын. А это Ольга... м-м... простите великодушно, как ваше отчество?»

Поз-зорище!..

К его огромному облегчению, ничего этого не произошло. Виталька просто кивнул Ольге — на удивление пугливо и неуклюже, так что едва ли приходилось опасаться как открытого агрессивного хамства с его стороны, так и сальных улыбочек и подмигиваний исподтишка. Осталась лишь натянутость, ну да странно было бы, не будь ее вовсе. И бог с ней. Прорвемся.

— Случилось что-нибудь? — спросил Малахов.

— Пап, ты извини. Можно тебя на минутку?

— А что, здесь нельзя?

Сын замотал головой.

— Вы нас тоже извините, пожалуйста, — произнес он, обращаясь к леди Белсом.

Вежливый... Поднимаясь с сыном наверх, Малахов улыбнулся так, чтобы Виталька не заметил. Молодец парень, а для

своего возраста просто умница. С женой не повезло — так хоть с сыном...

А не собрался ли он заночевать тут? Оч-чень, надо сказать, вовремя... Мысль была черная, и Малахов прогнал ее.

— Ну? В чем дело?

— Пап, ты лучше не подходи. — Виталька говорил быстрым шепотом, закрывая рот ладонью.

— А что? — спросил Малахов и попятился. Ужас и тоска сочились из глаз сына. Случилось что-то ужасное, теперь он ясно это видел. И сын пришел с этим. К отцу.

— В молчанку играть будем?

— У меня... пап... в общем...

Слова не шли, застревали комками в гортани.

— Ну?

— Сифилис у меня, пап! — шепотом вытолкнул сын.

Он был бледен, как трепонема.

Коты на улице все тянули свой дуэт, и где-то поодаль остервенело подлаивали собаки. Так и не выкинутые Витальки-ны игрушки сочувственно смотрели с полки — игрушки тех времен, когда отец еще занимался с сыном и объяснял ему, что Коккинаки — это фамилия летчика, а не еще что-нибудь. Не кондитерское изделие и не вредоносный штамм. Механический дракон, глядя сверху вниз, как бы говорил: не надо вам, люди, становиться взрослыми, вредное это занятие.

— Ты не ошибся? — осторожно спросил Малахов.

Витальку трясло. Слезы копились в уголках глаз.

— Шанкр...

— А ну покажи!

— Пап!..

— Снимай портки, говорю! — рявкнул Малахов. — Стеснительный какой. Раньше надо было стесняться! Быть кретином надо стесняться! Резинками надо пользоваться! Девок себе выбирать не подряд, а через одну хотя бы!..

Его несло, и он не мог остановиться. Пороть! Как поп Сильвестр учил. По заду. Вот вам, болтуны, теоретики, гугнивые разработчики педагогических методов, вся насущная педагогика взамен тонн вашего дерьма: воспитывать можно только собой, а если собой не выходит — по заду!

Сын трясущимися руками расстегивал брюки...

— Так. Одевайся. Давно вылезло?

— Позавчера. Что же мне теперь делать, пап?..

— Что делать, что делать... Хорошо хоть вовремя пришел. Кто она?

— Так... Одна девчонка.

— Одна блядь, ты хотел сказать? Что головой мотаешь, придурок? Называй вещи своими именами. Мама знает?

— Нет. — Сын всхлипнул.

— И не надо ей знать. Дыши на нее пореже, целовать себя не позволяй. Понял? Хоть хами ей, только чтоб она к тебе не притрагивалась. О том, чтобы она не узнала, — моя забота, не твоя. Не ради тебя, дурака, — ради нее! Обратишься в диспансер завтра же. Адрес дать?

— А нельзя как-нибудь...

— Что «как-нибудь»? — передразнил Малахов. — Ну? Ты говори, говори, я послушаю.

При виде трясущегося сына его мутило.

— Как-нибудь... негласно... Ты же можешь попросить, пап, тебе не откажут!..

— Вон чего ты хочешь, — сказал Малахов со злобой. — Сыночку начальника, значит, особые условия? Обойдешься. Хорошего врача тебе порекомендую, будь уверен, о деньгах тоже не беспокойся, а больше ни о чем не проси. И изволь сотрудничать! Источник назовешь как миленький и не вздумай там врать, будто по пьяни дело было и не помнишь, кто она. Ясно? Да, вот еще что... Не вздумай учудить что-нибудь. Ничего непоправимого с тобой не случилось: сифилис, слава богу, лечится. Стыдно, знаю, но потерпишь!

— Пап...

— Я так сказал, и так будет. Понял?

— Да.

Сын всхлипнул.

— Разревись тут у меня еще!.. Еще раз спрашиваю: ты хорошо меня понял?

— Да.

— Тогда до встречи. Сопли подбери. Маме — привет.

Только сейчас, спускаясь вниз вслед за Виталькой, глядя на его вздрагивающие плечи, Малахов понял, отчего возникло

ощущение, будто чего-то не хватает: сын, войдя в дом, не протянул руку для пожатия.

Предусмотрительный... Может быть, стоило обойтись с ним помягче?

Нет. Нельзя. И не хочется.

Все-таки вечер был испорчен. Как бы ни было дальше, какую бы радость ни подарила Ольга, каким бы забором он сам ни старался отгородиться от всего мира, от мыслей о Витальке уже не отделаться ни за что. Поняв это, Малахов смирился и даже не обозлился на петушиное, со всхлипом: «Всего хорошего. Развлекайтесь!» за мгновение до того, как за сыном бухнула входная дверь. Эх, парень...

Ольга говорила что-то — он не слышал. Только видел, как беззвучно шевелятся ее губы, и знал, что она слегка оскорблена, но реакцию Малахова-младшего понимает и прощает, — а вспоминалось назойливо совсем другое: обезьяны, лишенные родителей и сами не испытывающие родительских чувств... И толстая пластиковая Няня в младшей группе интерната...

Невероятная догадка мелькнула было, но он тут же забыл о ней, выбегая вслед за сыном. Снаружи, за пятном света от фонаря над крыльцом, была чернота, и Витальки нигде не было видно. Похолодало; с неба косо сыпал мелкий злой снег. Крыльцо было припорошено. Малахов протрусил до ворот, вызвав удивление дежурного охранника, и убедился, что сын не шел, а бежал.

Как ни странно выглядит зимой на улице человек в купальном халате и тапочках на босу ногу, еще можно было поспешить вслед, в черноту, в снежные круги под редкими фонарями, нагнать на автобусной остановке... Ничего, решил он. Парень не маленький. Хочется ему пореветь в кулак в одиночестве — пусть поревет. Даже полезно. И доедет нормально: двадцать минут до вокзала на автобусе, пятьдесят минут экспрессом до Москвы...

Он постоял, посмотрел, как Бомж и другой котяра лежат в обнимку на усеянных шерстью плитах дорожки, вцепившись друг другу в челюсти мертвой хваткой, как два варана, и исходя сдавленным мученическим мыком. От котов чуть ли не пар шел, и снег мгновенно таял на ободранных боках. В великой битве за право покрытия соседских кошек наступил пат. Перешагнув через котов, Малахов вошел в дом.

3

Сон не приходил. Не шел ни в какую, и все тут, хотя всего пять часов назад казалось: добраться бы только до койки и рухнуть, а три часа назад казалось хуже: убью того следующего, кто сунется со своей проблемой... И страшно не хотелось вновь включать иную связь, кроме «шухерной», после ухода Ольги, после ожесточенных топорных упражнений в смятой постели, без всякого удовольствия и только с одной мыслью: «поскорее бы», и обязательного душа на двоих, и поцелуя в нос на пороге.

Все-таки обошлось без неловких разговоров — ушла сама. Догадалась, умница...

И ведь понимал я, что мое раздражение — ненадолго, что уже завтра я начну жалеть, что Ольга ушла так быстро, и клясть паскудный свой «демоний». Зачем она мне нужна — не тот вопрос, на который я хочу отвечать. Потому что уже ответил. Настоящий вопрос звучит иначе: для чего она мне пригодится впоследствии и чем для нее это обернется? Еще одна живая душа, готовая лечь гатью в болото, по которому я иду, не зная куда?

Тошно как.

И Виталька...

Личные проблемы вроде ворон — налетают стаей.

Я открыл дверь на требовательный мяв и впустил Бомжа, имевшего вид Пирра-победителя и немедленно принявшегося вылизываться. Практических выходов мне виделось два: сварить кофе и сесть работать с той головой, какая есть, или сглотнуть снотворную дрянь, потому что аутотренинг хорош тогда, когда есть настроение им заниматься. «Демоний» молчал. То ли завтрашний мой Кручкович не настолько важная фигура, чтобы мне для нее понадобилась голова вместо кочана, то ли вообще непонятно что. Ладно. Не вкручивается поминутно в мозги шуруп, и на том пока спасибо.

Все-таки гадко мне было от моего педагогического экзерсиса — хоть вой, хоть казни себя казнью египетской. Подлец я, никчемный родитель. Функционер. Любое плацентарное млекопитающее, говорил я себе, защитит детеныша, закроет его собой — а я?..

Некоторое время мои мысли скользили юзом по случайно впрыгнувшему в голову слову. Плацентарное? Дудки. Я не плацентарное млекопитающее, у меня нет плаценты. Не приобрел почему-то в ходе эволюции. Строго говоря, я вообще не очень-то млекопитающее, хотя когда-то кормил молоком Витальку, если Юлии было недосуг это сделать.

Из бутылочки, само собой. А вы что подумали?

Так что дудки, тупо думал я. В млекопитающие вы меня не загоните, разве что с натужным скрипом. Я туда не очень-то и стремлюсь, однако любопытство гложет: кто я такой есть на самом деле?

Проехали. Безумные мысли пассажира у окна поезда скоростной надземки...

Хомо демониус?

Проехали, сказано тебе!

Я уже начал склоняться ко второму варианту — переменить постельное белье и лечь спать, только в качестве снотворного снадобья высосать стакан коньяку, — как вдруг ожил телефон. Обыкновенный. Не браслет и не «шухер».

Звонил некий капитан Костюк из коломенской уголовной полиции и голосом, полным участия, интересовался, не имеется ли у меня сына — Малахова Виталия Михайловича, приблизительно пятнадцати лет, который находится в настоящий момент в бессознательном состоянии в третьей городской...

— Еду!!!

Ох как страшно я гнал по обледенелому шоссе — до упора давя на газ и молясь о том, чтобы никого не сбить! Фары автомобиля с дежурным нарядом охраны поначалу хорошо были видны в зеркале заднего вида, затем куда-то пропали. Плевать. Виталька... Будь трижды проклята вся педагогика и все педагоги на свете!..

Капитан Костюк, плотный мужчина средних лет, одетый почему-то в штатское, ждал меня в вестибюле больницы. Несомненно, он знал, кто я, и совать ему под нос «пайцзу» не имело смысла.

— Нападавшие задержаны.

Нападавшие?

Не то чтобы у меня отлегло от сердца, нет, однако случившееся предстало в совершенно ином свете. Оказывается, я был

не виноват. Или виноват, но только в том, что не оставил сына ночевать, — так он вряд ли захотел бы остаться... Впрочем, теперь это не имело значения.

Подонков было пятеро — нормальная молодежная банда, как определил их капитан Костюк. Врожденные никчемушники. Даже не наркоманы, как ни странно. С каждым годом все более крупные и все более дикие стаи, дающие, по признанию капитана, огромный процент немотивированных преступлений, несмотря ни на какие старания СДЗН и органов. И им-то попался Виталька. Один в вагоне.

Сначала они били его, жестоко и бессмысленно. Потом, по-видимому, мочились на него всем хором. Потом, дурной силой растащив двери в тамбуре, выбросили моего сына под откос. По счастью, экспресс замедлял ход перед Коломной, да и автоматика немедленно врубает экстренное торможение при открытых дверях, и только поэтому сын остался жив — ни одно живое существо не имело бы шанса уцелеть при ударе о щебень насыпи на скорости больше двухсот верст в час.

— Черепно-мозговая и множественные переломы. Состояние коматозное. Простите, видеть его нельзя, он в операционной.

Снова «пайцза» тычется в чей-то нос.

— На ... мне операционная! Дайте мне хирурга. Сейчас.

Я отказался уехать. И отказался от суетливо предложенного больничным начальством помещения для отдыха. Наверное, надо было уехать, и для Витальки было бы только лучше, если бы его оперировал хирург, у которого не стоят над душой. Я не смог. Как ни бессмысленно это выглядело, я остался сидеть в кожаном кресле в коридоре, попросив персонал — впустую, естественно, — забыть о моем присутствии. Капитан Костюк давно умчался, извинившись. Больничные ночные коридоры были именно тем, чем они были. Кто их не видел, хотя бы и в нейрохирургическом отделении. Дважды я звонил Юлии — ее не было дома, и я не знал, огорчаться мне или радоваться.

Нет, не хочу я, чтобы сюда примчалась и Юлия. Ее-то тут и не хватало. Вообще чем меньше людей, тем лучше. Когда-то давно Нетленные Мощи сболтнул мне, что предел его мечтаний — одиночная звукоизолированная камера на неделю. Вроде

его «берлоги», только лучше. С книгами, но без малейшего духа человеческого, раздражающего органы чувств... Можно понять Нетленного. Любой функционер рано или поздно приходит к таким мыслям, что с ним ни делай.

И мы затворяемся в своей касте. Мы слишком привыкли к тому, что люди вообще — это просто большое множество, некая полуабстрактная категория, почти не данная нам в ощущение, и одновременно они — вот в чем парадокс — то единственное, ради чего мы без тени сомнения в своей правоте и благородстве целей играем в наши игры — до саморазрушения, иногда до пули в рот. Они подвержены болезням — а ты лечи их, перекрывай путь эпидемиям хоть кордонами, хоть собственными руками. Они подвержены тысячам опасностей по причине шалостей природы и, что бывает чаще, по собственной дури — а ты их спасай. Они подвержены неистребимой страсти добиться сразу всего малой ценой — а ты спасай ради них воздух, воду и леса, накладывай вето на наиболее губительные технологии, бери к ногтю могущественные силы, которые с удовольствием раздавят тебя как козявку, допусти ты малейшую слабину. Они не хотят жить по-человечески — и опять же именно ты учи их и дрессируй правильно отвечать на вопрос, что такое хорошо и что такое плохо, и ты же внушай им, что пещерный дикарь, свято соблюдающий табу, более цивилизован, чем самый рафинированный хлыщ, не желающий понимать, почему это ему вдруг нельзя со вкусом удовлетворить ту или иную прихоть. А они, оказывается, не просто большое множество. Они тебя не любят, но ведь ты на это и не рассчитывал, верно? Они могут убить ни за что твоего сына, а ты должен служить им, насколько хватит твоих сил, и сдохнуть за них, когда потребуется. Они — один огромный бесформенный и бессмертный организм, покрывший собою всю Землю, и ты должен заботиться о том, чтобы организму было легко и комфортно жить, расти и расползаться. Кирпичом тебе по зубам — а ты служи...

Глупо, сказал я себе. Несколько подонков напали на близкого тебе человека, а ты уже готов винить всех и всякого. Доля родительская — лотерея, сказал я себе. Почему же ты взвыл, увидев, что на твой билет не выпал главный выигрыш? Стыдиться надо так думать, сказал я себе.

Но стыда почему-то не чувствовал.

Я так и заснул в кресле и проснулся от того, что меня всерьез трясли за плечи, — наверное, отчаялись разбудить покашливаниями и прикосновениями. Хирург. Уже в чистом халате, и руки вымыл.

— ???

— Все в порядке, не волнуйтесь. Кажется, удачно.

— Вы уверены?

— Кажется — значит кажется. Вы же знаете, как бывает. Да, спасибо, что предупредили, коллега... ну, вы понимаете, насчет чего.

— Не за что, коллега.

Я был готов броситься ему на шею.

Пискнул браслет. Звонил капитан Костюк.

— Михаил Николаевич...

— Ну? — крикнул я. — Что?!

— Вы просили держать вас в курсе... Один из нападавших покончил с собой.

— Как?!

— Прямо в КПЗ. Разбил, представьте, голову о стену. Не уследили. Поверьте, никто не мог предположить...

Я дал отбой. В висках часто-часто стучало — словно маленькие зубильца расковыривали во мне неподатливую стену. Но это был не «демоний».

Глава 6
ЛОВЛЯ НА «МИЗЕРЕ»

Попробуй подолгу смотреть в пропасть,
и она заглянет тебе в глаза.

Фридрих Ницше

...Гудит комарье. Оркестром. На реке легко, пока движется плот; на продуваемых ветром озерных косах тоже достаточно терпимо, зато стоит углубиться в лес, как начинается пожирание заживо. Опускаю дырявый накомарник. В ультразвуковом пугаче дохнут батарейки, и репеллента осталось всего ничего, лучше его приберечь на вечер, к вылету мошки.

Некстати вспоминаю, как мы выбирались в лес с Юлией — давно, еще до рождения Витальки, — и мазались отвадой от комаров, и целовали друг друга через эту отваду. И почему-то было нисколько не противно. Правда, любили друг друга мы все же в палатке, застегнув вход...

Мои попрыгунчики говорят, что некогда на этом участке реки была цепочка слабеньких порожков — теперь их нет, вода поднялась и затопила камни, река — канал каналом, ленивая и скучная. Мы себе руки отмотали на веслах. Такой реке как раз соответствовал бы средневековый струг-однодревка, а то и увешанный круглыми щитами драккар — в общем, что-то деревянное, но уж никак не тупорылый, надутый до звона резиновый «рафт». Зато над спокойной водой далеко слышен рев Прорвы. Жадный рев. Когда на оборонительный рубеж падали тонные фугаски, поперек реки рухнула целая скала, оставив под правым берегом двухметровую щель. Что творится с водой в этой щели, надо видеть. Прорва и есть.

Попрыгунчикам это нравится. Вчера за ужином они пустились спорить о количестве жертв Прорвы, ссылаясь на свидетельства себе подобных и всевозможные байки прошлых лет. Количество утопших в Прорве водоплавающих, начавшись с трех и весь вечер монотонно увеличиваясь, к отбою достигло восемнадцати человек плюс собака-пойнтер. Слушать моих попутчиков, ей-богу, довольно занятно.

Впрочем, Прорва действительно впечатляет. Ходим и смотрим, цокая языками.

Густолесье. Иной раз природе надо удивительно мало времени, чтобы восстановить себя. Сорок лет назад тайгу здесь вымело начисто, и новые деревья, проклюнувшись, живо поперли в рост; каждое дерево — тощий хлыст с зеленым веником на макушке. Наглядный дарвинизм. Продираться сквозь этот живой плетень с охапкой дров под мышкой — удовольствие посредственное. Молча снимаю с себя клещей. Гадость.

Меня как новичка ведут смотреть на местную достопримечательность. Пушка большой мощности на гусеничном ходу все еще целит толстым хоботом в проплывающие облака. Минимум десятидюймовка, раритет середины прошлого

века, ее в музей надо, а она тут ржавеет. Мои мысли почему-то зацикливаются на том, какова же была сила отдачи при малом угле возвышения. На сотню шагов отбрасывало этого монстра — или только на пятьдесят?

Трудно отличить, где в лесу обыкновенный гранитный валун, а где кусок бетона со сгнившей арматурой: все ушло в землю, затянуто мхом, а где мха нет, там концентрическими узорами прилепился лишайник. Серьезного укрепрайона здесь не было, это точно. Было что-то такое под землей, что одна из воюющих сторон пыталась защитить, а другая — разрушить. Знакомое дело.

Вблизи Прорвы навалено еще не так густо, а километрах в десяти выше по течению начинается настоящий бетонный хаос, там и лесом заросло не так, как здесь. Подземные норы, целые лабиринты полуобвалившихся штолен... По одной из них я прошел шагов триста, местами по колено в ржавой воде, и вернулся, наткнувшись на стальную дверь с еще очень заметным трехлепестковым знаком радиационной опасности.

Об этом объекте я не знал ничего; скорее всего мне и не положено было знать, а значит, место можно считать относительно безопасным для меня. Наверняка все объекты, включая законсервированные, к которым могла иметь отношение моя Служба и я лично, взяты под особое наблюдение: хоть какой, да шанс меня выловить. Хотя что я в них забыл, спрашивается?

Очень уж часто я стал получать уколы в голову в городах и на транспорте — сюда не ходи, в ту сторону не смотри даже, эту дверную ручку трогать не смей... Все это раздражающе напоминает ловлю рыбы, не желающей — дура она, что ли? — хватать блесну: гибкие удилища со свистом секут воздух; блесны, мушки и прочие воблеры летят наугад; невидимо скользят в воде тонкие подкрашенные лесы. Настоящие рыболовы умеют ждать: рано или поздно кованый тройник зацепит рыбу — не за пасть, так за плавник или глаз.

Но здесь не город, а я слишком умная рыба, чтобы выходить отсюда в сеть через свой комп. Найти меня в тайге практически невозможно. Дудки. Как ни тужится нацбез, сожрать меня не так просто — хороша хавка, да мала чавка...

Попрыгунчиков мои отлучки не удивляют. Они знают, что я странный. Каким еще может быть человек, встретившийся в тайге без продуктов и практически без снаряжения? Похихикивают над моей привычкой не расставаться с тощим рюкзачком. Странный, но безопасный — это им по душе. Вдобавок, что ценно, не отказывающийся от сбора валежника для костра, гребли и погрузочно-разгрузочных работ.

Они там разбили лагерь. Закатное солнце светит вдоль Прорвы — сейчас проходить порог себе дороже, река в слепящих бликах. Мое дело маленькое — наковырять из трухлявого бурелома охапку дров, заодно посматривая под ноги, чтобы не наступить на гадюку в ее естественном обиталище, а я почему-то опять возле Прорвы. Притягивает она меня, что ли?

Стою на краешке. Вода перед тесниной вспучена стеклянным горбом, а что творится дальше, тому нет описания в человеческом языке. Харибда местного значения ревет и плюется, как стадо бактрианов. От пенного котла, где завтра поутру забарахтается «рафт», невозможно оторвать глаз. Не дай бог вылететь за борт — тут и конец, несмотря на спасжилет. В нем, кстати, даже хуже: ушедший камнем на дно будет, пожалуй, вышвырнут из котла придонными струями и, если не расшибется о камни, имеет призрачный шанс спастись. Если же имеешь плавучесть, то как влетишь в котел, так в нем и останешься, пока не истреплются в мочало лямки спасжилета. Чистая смерть. Хочется шагнуть, ощутить кожей...

Боль!.. Отскакиваю, в ужасе ловя ртом дрожащую водяную пыль. Сердце нестерпимо колотится. Стоило мне сделать полшага вперед, и... нетрудно представить это «и». Что со мной, господи?! Ощупываю себя. Придется надавать себе по щекам, чтобы не юлить, а честно признаться: я *хотел* сделать эти полшага! И не только хотел, но и сделал бы, не шарахни меня «демоний» вовремя по мозгам!

Бежать отсюда! Что есть духу. Пусть мои попрыгунчики вышучивают меня как хотят, но завтра я пойду берегом и возле Прорвы сделаю здоровенный крюк. Иначе мне опять захочется...

Да что со мною такое творится, а? Нервы — никуда.

Опять укол в затылке — серьезный... Почему? С каждым моим шагом раскаленная игла погружается глубже. Что случилось в лагере, пока я болтался по тайге и любовался Прорвой?

Боль исчезает, а значит, догадка верна. Пригнувшись, кустами к самому берегу и, раздвинув кусты...

Вот оно что. Вертолет. Стоит на поплавках под самым берегом, заякоренный за лиственничную корягу. Прорва заглушила рев двигателя при подлете и посадке — она и не то заглушит, если торчать поблизости. Цветовой код, кажется, инспекции рыбнадзора. Очень может быть, что это и вправду всего лишь рыбнадзор...

Кой дьявол, мне-то что! Невозможно предположить, будто у всех, кто имеет отношение к любой из четырех Служб, по сию пору нет подробнейшей ориентировки на Малахова Эм Эн. Не говоря уже о нацбезе, МВД и малопонятных структурах, подчиняющихся только Кардиналу. Нет, за мной охотятся всерьез. Облава. В воде становится тесно от блесен...

Лежу в кустах, подставив себя клещам, наблюдаю за попыткой одной такой блесны меня зацепить. На берегу то мирно беседуют, то начинают махать руками — и как раз в ту сторону, куда я ушел... Ага. Мною уже интересуются. Откуда я взялся, как выгляжу, не напоминаю ли вот этого типа на фото...

Умел бы я водить вертолет — угнал бы. Ей-богу.

Главное у меня в рюкзачке: одежда, мозгокрут, кое-какие мелочи. Скверно, что нет палатки. Совсем скверно, что остатков репеллента хватит от силы на два дня. Да что репеллент — еды нет ни крошки! А надо уходить, и быстро. Через полчаса они забеспокоятся, через час прочешут местность своими силами, а через два в тайге станет людно. И собачно. Ну, где есть какая-никакая вода, там уйти от собак не проблема. Даже от барражирующего над тайгой «шавкиного носа», пока он в тебя не вцепился, при большом желании можно уйти, если знать как.

Куда иду, еще не знаю, но, пока есть время, надо успеть уйти подальше. В штольни нельзя — мышеловка. Топография лабиринта мне неизвестна, а они разыщут документацию в два счета, даже если она сдана в архив тридцать лет назад и там утеряна. Кардинал своего добьется. Загонят меня в нору без выхода и возьмут тепленьким, ополоумевшим, кричащим от адской бо...

К. (лично, конфиденциально)

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА
(фрагмент)

Павел Фомич!

Не по поручению наблюдательного совета, но от себя лично повторно прошу Вас обратить внимание на судьбу кандидата Малахова М.Н. Не считая возможным позволить себе хотя бы тень сомнения относительно того, что Ваше решение допустить указанного кандидата к продолжению специального образования в рамках базисной программы вопреки решению наблюдательного совета имеет под собой чрезвычайно веские основания, я вынужден заявить, что таковые основания наблюдательному совету неизвестны. Тем более было бы желательно ознакомиться с ними.

Решением наблюдательного совета от 24.06.2020 кандидат Малахов М.Н. был выпущен из Школы по группе «Б» как не набравший 2/3 голосов членов квалификационной комиссии. По совокупности данных, известных нам о кандидате Малахове М.Н., не раз высказывались серьезные сомнения относительно целесообразности его использования в любой из Служб, в особенности в качестве функционера. Мало того, резкая полярность оценок данного кандидата специалистами прямо указывает на его непригодность вследствие непрозрачности личности. Считаю своим долгом напомнить Вам о чрезвычайной опасности субъективного подхода к селекции кандидатов. Павел Фомич, я не могу молчать...

Секретарь НС Школы: В.С. Культя

11.07.2020 г.

1

— Откройте, нам надо поговорить.

Ответа опять не последовало. Я стоял на лестничной площадке уже минут пять, время от времени произнося сакраментальную фразу из «мыльной оперы», и уговаривал себя не злить-

ся. Очень уговаривал. Звонок свистел жаворонком. Всякого другого человека, кроме того, что стоял по ту сторону двери, давно бы вывели из себя безостановочные рулады, а этому хоть бы хны. Палец, до упора вдавивший кнопку звонка, начал неметь.

— Откройте.

За дверью точно кто-то был. Если бы он даже не заглянул дважды в глазок, я бы не усомнился — не так уж трудно ощутить присутствие человека в метре от себя. Труднее не ощутить.

С третьего этажа спускалась тетка с тощим хозяйственным баулом, в модной нелепой шапочке а-ля хан Кончак над краснолицым блином. Этого я не учел. Не шапочки, а того, что квартира Кручковича окажется в четырехэтажке без лифта. Памятник исторической застройки, что поделаешь. Тола на него пожалели. Непривередлив в жилье этот Эраст Христофорович, ничего не скажешь.

Тетка с настороженным любопытством обшарила меня взглядом.

— И чего звонить зазря? Нету человека дома, не видишь разве? Нет, звонит...

Оторвав палец от кнопки, я улыбнулся как можно обаятельнее.

— Да дома Растик, это точно. Спит, должно быть. Мы с ним вчера... — И я выразительно щелкнул по горлу.

— А-а, — сказала она. — Ну звони, звони.

Дождавшись, когда внизу хлопнет дверь, я побарабанил костяшками пальцев.

— Может, все-таки откроете, Эраст Христофорович? У меня к вам дело.

Теперь я услышал дыхание. Тип, что стоял за дверью, даже не очень старался вести себя тихо.

— Мне очень жаль, но если вы не откроете, я буду вынужден выбить дверь. — Я не был уверен, что у меня это получится.

Пауза — и первый приглушенный ответ:

— Попробуйте...

Наконец-то.

— Может, лучше добром, Эраст Христофорович? Я не отниму у вас много времени.

— Что вы знаете о добре такого, чего не знаю я? Вы кто?

Я распахнул куртку и показал «пайцзу». Несколько секунд длилось молчание — он смотрел в глазок.

— Мне с вами не о чем разговаривать. — Сказано было ровно, но мне почудилось, что он едва заметно подчеркнул «с вами».

— А я думаю, мы с вами найдем общую тему. Не так ли? Зачем вам шум, гам и выломанная дверь? Вы ведь не мальчик, понимаете, что разговор все равно состоится, а вот где и как — зависит только от вас. Отоприте по-хорошему, и к вам войду только я...

— Вы не один?

Я ухмыльнулся так, чтобы сквозь стекляшку глазка он мог видеть мою ухмылку в наиболее выгодном ракурсе.

— Разве функционер бывает когда-нибудь один?

Я нагло врал. Час назад, чтобы оторваться от охраны, мне пришлось применить совершенно новый трюк, специально сберегаемый на черный день. Так хотел «демоний», а охрана тоже умеет учиться.

Тяжелое дыхание за дверью.

— Все равно. Я буду стрелять.

Ого.

Он смотрел в глазок. Я остался на месте, решив не суетиться — «демоний» предупредит, когда станет по-настоящему опасно.

— Не будьте ребенком, Эраст Христофорович, зачем тревожить соседей и полицию? Кстати, включите переговорник, я вас плохо слышу.

— Зато я вас хорошо.

— Напрасно вы так. Я не причиню вам вреда, обещаю вам.

За дверью послышались странные звуки — как будто ухала лесная сова. Я понял: Кручкович смеялся.

Резко, с оттяжкой, щелкнули дверные запоры.

— Входите.

Он был мал и плотен, с ежиком седеющих волос, низким лбом и далеко выступающими надбровными дугами, заросшими кустистыми бровями. Типичный неандерталоид, связующее звено. Что скажут антропологи, уверяющие, что кроманьо-

онцы не брачились с неандертальцами, а питались ими по праздникам?

Я захлопнул за собой дверь, демонстративно показывая: я один, слово держу. Куртку снимать не стал.

— Вон там ручка. Поверните.

Я повернул. Лязгнуло, толстые стальные полосы вошли в пазы. Да, выбить такую дверь плечом с разбега не удалось бы и слону.

— Можно пройти в комнату?

— Можно.

— Тогда позвольте. Вы загораживаете проход.

Он потоптался в недоумении, как бы пытаясь понять, что тут вообще происходит, и косолапо вышел из прихожей. Что-то в нем было любопытное, и я терялся в догадках, что бы это могло быть, пока — уже в комнате — не рассмотрел его внимательно.

Он был *отмеченный.*

Сомнений быть не могло. Третья стадия. Последняя.

К такому повороту я не был готов.

— Вы не удивлены, что к вам пришел функционер? — спросил я, чтобы как-то начать.

— Не удивлен. О чем вы хотите со мной говорить?

— О Филине. Матвее Вениаминовиче.

— Ах о Моте? В первый раз слышу.

— Простите?

— Не знаю никакого Матвея, говорю вам.

Я вздохнул.

— Во-первых, можно сесть? Спасибо. — Я сел, не дожидаясь приглашения. — А во-вторых, зачем вы пытаетесь упорствовать? Установлено, что вы имели с Филиным регулярные контакты в течение длительного времени. Может быть, вам это безразлично, Эраст Христофорович, зато далеко не безразлично мне.

Он молчал. Стоял, ссутулившись, и смотрел в никуда. Отсвечивала белая склера над радужкой глаз.

— Да вы присядьте, в ногах правды нет. Если у вас какие-то проблемы, я помогу вам, обещаю. Само собой, при условии, что вы поможете мне.

Правую руку он держал в кармане, и чувствовалось, что там не просто кукиш. Не нравилось мне это.

— Выпить хотите? — спросил он.

Бутылка водки была весьма початая. И никаких признаков закуски, вообще ничего постороннего не было на этом столе по правую руку от меня, кроме глубоко въевшихся в полировку следов от стакана.

— Нет, не хочу.

— Я уже тоже. — Он все-таки сел. — Что ж, рано или поздно... А лучше бы никогда. Право слово, лучше. Вы откуда — из Духовного здоровья?

— Из Санитарной службы.

— Один черт. — Но тон его несколько изменился. Как видно, сильно его допекла СДЗН. — Все вы из одного инкубатора. Дети малые в «живом уголке», один ежика принесет, другой птенчика — живите, мол, зверюшки... А если зверюшки не хотят? Птенчик подбитый, чахленький, из естественного отхода, а ему червяка силой в клюв пихают — кушай, пушистик, не огорчай деточек...

Кручкович помотал головой и опять надолго замолчал. Мои надежды на то, что мне удастся разговорить его, таяли.

— Когда вы в последний раз видели Филина?

— Вчера.

— Не мелите чепухи.

— Каков вопрос, таков ответ.

Я сосчитал про себя до десяти.

— Напрасно вы не желаете сотрудничать, Эраст Христофорович. Только зря теряем время, а времени у меня мало. Если вы думаете, что вас оставят в покое, то очень сильно заблуждаетесь. Я хочу вам помочь. Никто, кроме вас, не будет виноват, если мне придется сейчас уйти.

— Что ж, уходите. *Вы* хотите мне помочь?! *Вы?!!* — Он снова заухал. — Глупо. Мне ничто не поможет.

— Почему?

— Поздно. И не хочу.

Можно было не сомневаться, что он вполне адекватно оценивает свое состояние. Одной ногой он был уже *там*. По ту сторону.

— Пить точно не будете? — спросил он. — Тогда я выпью.

Вместо ответа я налил себе полный стакан с мениском и ухитрился донести его до рта не расплескав. Водка была плебейская, с резким вкусом — как раз то, что мне сейчас было нужно. Можно и без закуски, с одного стакана не развезет.

— А вы храбрый, — заметил он. — Нервы в порядке, как будто и не функционер. Странно, что о совести еще не заговорили, проникновенным таким голосом, из чрева... Только зря вы старались, никакого разговора у нас с вами не будет.

— Какие дела у вас были с Филиным? — спросил я.

— Не знаю ни филина, ни сыча. Уходите.

Уйти действительно хотелось страшно — пусть сюда придут люди Штейна и займутся тем, что они лучше всего умеют. Команда взломщиков человеческих душ. А я рвану в Коломну. Никто не обещал, что сын придет в сознание раньше чем через несколько дней, но я хоть посмотрю на него, постою на пороге палаты...

Затылок кольнуло: сиди, не рыпайся.

А кроме того, Кручкович мог покончить с собой до появления опергруппы.

— Постарайтесь меня понять, прошу вас. Кстати, меня интересуют не столько ваши воспоминания о работе с Филиным, сколько задокументированные материалы. Может быть, у вас что-то отыщется, Эраст Христофорович? Если поискать?

Внезапный рев показал, что я попал в точку. Такая удача мне даже не снилась.

— Убирайся вон, подонок! Застрелю.

Пистолет оказался неуклюжим «ТТ» — излюбленное оружие комсостава в середине прошлого века и бандитов — в конце его. Я такие штуки только в музее видел, в одном зале с седельными пистолетами. Теперешние мокрушники предпочитают бронебойную «гюрзу» или новомодный «тарантул».

— У вас и патроны к нему имеются? — спросил я.

— Не беспокойся. Вынь руки из карманов. Медленно.

Пришлось чуть помешкать, изобразив, будто рука зацепилась за подкладку, — поисковая головка мозгокрута не сразу взяла моего собеседника. Режим воздействия я настроил заранее.

— Положите пистолет на пол, — сказал я.

Он положил.

— Подтолкните его ногой ко мне.

Он повиновался, словно заводной болванчик. Оружие оказалось в приличном состоянии. Тусклая табличка на рукоятке гласила: «Батальонному комиссару В.В. Кручковичу от командования. 1941 г.». Я трижды передернул затвор — два желтых бочоночка покатились по давно не чищенному ковру. В третий раз затвор щелкнул вхолостую.

Не пугал, отметил я с мрачным удовлетворением. Будь патрон последним — другое дело. Последний он хотел оставить для себя, или я уже совсем ничего не понимаю, зато предпоследним запросто — нечего терять! — мог уложить любителя соваться в чужие дела.

В чужие?.. Ну-ну.

— Где комп?

Он молчал, как «болван» для битья в камере психоразгрузки. Хорошо еще, что дышал. Неслышно обругав себя кретином, я изменил режим с полного подавления на частичное.

— Где комп?

Говорить он все еще не мог — после шоковой дозы редко кому удается это сразу. Показал глазами. Дрожали бескровные губы. Комп карманного формата отыскался в шкафу между книгами. Самый обыкновенный ширпотребовский комп для невзыскательных пользователей. Наверное, у меня здорово горели глаза, когда я раскрыл его и включил. Мозгокрут аккуратненько лежал на стуле, где я только что сидел, и я старался держаться подальше от прямой линии между ним и Кручковичем, чтобы не произошло перехвата объекта. Такие казусы иногда случаются.

Пусто. Ничего, кроме операционной системы и довольно убогого набора оболочек.

Не страшно. Нашелся подсолнух — найдутся и семечки.

— Где остальное?

Он по-прежнему молчал. Я осторожно уменьшил интенсивность до минимальной.

— Теперь вы можете говорить?

— Могу, — сказал он деревянно. — Да. Говорить.

— Где то, что вы от меня прячете?

Он молчал. Я знал, что с ним происходит: мучительная, отчаянно безнадежная борьба человека, неумолимо затягиваемого в зыбучий песок. Отменно ясное сознание и понимание невозможности изменить хоть что-то. Наверное, нечто похожее должны чувствовать летаргически спящие, слыша, как безутешные родственники заказывают похоронной конторе кремацию мертвого, по их мнению, тела... Под мозгокрутом некоторые седеют в пять минут. Но он виноват сам, подумал я с ожесточением. Он, а не я. Это я выполняю свой долг, а он просто трус. Подонок. Дерьмо. Отрыжка человечества. И подумать только, я, именно я, лично, занимаюсь разговорами с этой подлой, выжившей из ума мокрицей, вместо того чтобы быть сейчас с моим сыном!..

Не сдержи я себя — и его зубы врачам пришлось бы выковыривать из гланд.

Все-таки было немного не по себе.

— Зря вы не согласились помочь мне добровольно, а ведь я вас предупреждал... Простите, мне некогда делать у вас обыск. — Я выразительно указал на мозгокрут. — Это мультирежимный прибор, видели такие? Ну не видели, так слышали. Если я снова включу полное подавление, минуты через полторы вы умрете от спонтанной остановки сердца. Не страшно вам умирать по чужой воле, не по своей?

Он молчал. Я и не собирался выполнять свою угрозу — просто увеличил интенсивность воздействия на одно деление.

Теперь он был готов отвечать, но опять утратил дар речи.

— Вон там?

Оторвать плинтус руками мне не удалось, пришлось поискать инструмент. Гвоздодер сделал дело в минуту.

Разгибаясь и сдувая с находки пыль, я подумал, что Кручкович не был так уж неосторожен, храня дискетку дома. Понимал, сколь малы шансы попасть под качественное следствие после самоубийства. На общем фоне. А может быть, рассчитывал уничтожить запись позднее.

Не успел... А возможно — не захотел. Хорошо, что психика самоубийц устроена иррационально!

Дискеточка-монетка при ближайшем рассмотрении оказалась занятная — с явно и грубо сцарапанным «ахтунгом». Разрушающаяся при попытке копирования спецдискета!

Наверняка из хозяйства Филина, больше неоткуда... Я жадно затолкнул ее в дисковод.

В затылке внятно укололо.

— Ах ты!..

Кручкович полз. Черт знает, как это ему удавалось, но он полз к мозгокруту — медленнее, чем ленивец, мучительно оскалившись — десны на виду, — со страшным трудом отвоевывая каждый сантиметр. Он был похож на погибающего в пустыне, стремящегося на грани потери разума во что бы то ни стало выбраться к людям, забывшего все, кроме одного-единственного: ползти, ползти, ползти...

Я даже не ударил его — настолько был поражен. Сильный враг. Обыкновенно даже минимального воздействия мозгокрута в режиме подавления воли хватает, чтобы объект не посмел и моргнуть без приказа. Все-таки люди очень различны. Как любил говорить один мой знакомый патологоанатом с призванием инженера, человеческий организм являет собой классический пример не доведенной до ума конструкции, впопыхах пущенной в серию на кое-как отлаженном конвейере. Разброс по параметрам прочности колоссальный. Одному для остановки сердца достаточно резкого чиха над ухом — другого пуля в висок всего лишь укладывает на больничную койку сроком месяца на два. Но никогда еще я не видел человека, пытающегося по собственной воле ползти даже при минимальной интенсивности подавления.

Этот — полз...

Пришлось слегка форсировать режим.

— Встать. Кругом. Шагом — арш! Стоп. Сесть.

Он выполнил требуемое. Я выждал секунд двадцать и вновь перевел прибор на минимум. Второй попытки неповиновения можно было не опасаться, ни у какого супермена на такое пороху не хватит.

И в этот момент на меня нашло затмение: я решил не умыкать дискетку у Кручковича, а переписать ее содержимое, осознав свою ошибку мгновением после того, как, дрожа от понятного возбуждения, выбрал соответствующую команду...

Вот примерно так и случаются мировые катастрофы — иногда от того только, что какому-то идиоту взбрело на ум шевельнуть не вовремя пальцем.

Самым удивительным было то, что, услышав шипение потревоженной гадюки, я не кинулся ничком на пол, как подсказывали мне здоровые инстинкты. Я ударил по кнопке, вышвырнув дискетку из дисковода, и лишь тогда упал, группируясь в прыжке, когда в этом уже не было никакой необходимости. Подлый «демоний» не подсказал вообще ничего. Подобрав дискетку, я понял причину и перевел дух. Верил бы в чудеса — дал бы себе зарок поставить свечку. Дискетка была горячей на ощупь — я заплясал, дуя на пальцы, — но быстро остывала, меняя цвет; можно было только поражаться тому, как мне повезло. Дискеточке этой было сто лет в обед, явно изделие первых выпусков, иначе не скисла бы от времени. Тесно и шумно стало бы в комнате. Визжали бы рикошетирующие осколки, меняя тональность визга по мере превращения их в облачка пыли...

Кручкович сидел смирно, хотя мне показалось, что на его лице мелькнуло сначала злорадство, а затем горькое разочарование. Но мало ли что может показаться в такую минуту!

Того, чего я опасался, не произошло — остывшая дискетка оказалась работоспособной. Экран высветил куцый список файлов, явно взаимозавязанных. Запустить?.. Нет, после.

— Как этим пользоваться? — спросил я.

— Смотреть. Играть.

Вот как. Игрушка.

— Как часто?

— Один раз в месяц по пять-семь минут.

— Это и есть лекарство? — решил я уточнить на всякий случай.

— Лекарство. Да.

— Принцип действия?

— Мерцание. Резонансная последовательность на основе тэта-ритма. Ноу-хау.

— Ловушки для чрезмерно любопытных есть?

— Нет.

— Это ваше средство в самом деле дает какой-то полезный эффект?

— Да.

Я прошелся по комнате, обдумывая.

— Почему вы скрывали это?

Он молчал. Я повторил вопрос, но и тогда не услышал ответа. Кручкович страшно мучился, лицо его дергалось гримасами, струйка слюны стекала из угла рта — он пытался сказать мне что-то и не мог. Я и забыл, что человек, находящийся под подавлением, способен только на самые простые ответы.

— Филин участвовал в вашем заговоре молчания?

— Да.

— Почему он покончил с собой?

Молчание. Новая серия гримас. Черт с ним, с Филиным. Покончил с собой — и покончил. В сущности, сапожник всегда без сапог. Вот и Кручкович тоже — отмеченный. Поделом.

— Счастливо оставаться, — пожелал ему я. — К сожалению, я обещал вам помочь, и мне придется сдержать слово. Своим бездействием вы совершили преступление против человечества и, следовательно, попадаете под статью Уголовного уложения. Но я избавлю вас от знакомства с Трибуналом по делам государственной важности. Вы умрете сами. Тихо.

Он казался маленьким и жалким, как перебитая мышеловкой мышь.

Я положил дискетку в карман.

— Копию я вам не оставлю, уж не взыщите. Да вам она и не нужна, коли вы решились. Пистолет, простите, тоже не отдам — я не уверен, что вы не выстрелите мне в спину. Лечить вас принудительно мы не имеем права. Сказать по правде, у меня нет никакого желания спасать такого подлеца, как вы. Как врач врачу дам совет: когда приспичит, лучше всего используйте веревку, узел сделайте побольше и поместите под ухом. Перелом шейных позвонков — это безболезненный уход, гарантирую. Еще могу посоветовать предварительно зайти в туалет, если вас интересует эстетика. Видите ли, при повешении кишечник и мочевой пузырь, как правило, опорожняются... — Он не отвечал, и я, забрав мозгокрут, направился к двери. — Всего хорошего пожелать вам не могу и не хочу. Прощайте.

У бордюра набережной я остановился и, размахнувшись, запустил пистолет на самую середину. В феврале в черте города река никогда не замерзает.

Черная вода тяжело всколыхнулась.

Затылок не болел.

Только на полпути к дому я вспомнил, что совет, данный объекту, находящемуся под подавлением, после снятия воздействия обычно воспринимается объектом как приказ. Но это уже не имело никакого значения.

2

Сегодня его, как никогда, тянуло поехать домой, сдав дискетку Воронину или Штейну, — нате, мол, разбирайтесь, я свое дело сделал, вынул из шляпы белого кролика, утер носы почитай всей Конторе — полдня сопли с пальцев счищать... Малахов остался. Чуть заметно кольнуло — и этого хватило, вот только вид дивана, на котором он спал последние шесть ночей, исключая вчерашнюю, заставил его пробормотать краткое ругательство. Ничего, потерпим...

Вывез савраска, с несколько отстраненным злорадством подумал он, падая в рабочее кресло. Поднатужился битюг, изогнул в муке шею, напружинил готовые лопнуть жилы, налил глаза кровью, как бычара, раскачал, стронул, повез... И вывез. Пусть не сам и не по девственной глине, пусть по костям Филина и Кручковича, но вывез же! Дело сделано, и плевать на издержки. И не такие издержки бывают. Вот шуруп снова сидит в башке — это плохо. В чем дело? Приоритет?.. Не нуждаюсь. Обойдусь как-нибудь без приоритета, никогда я всерьез не мечтал стать спасителем человечества, пусть благодарные потомки ставят монументы Филину и Кручковичу, я еще этому посодействую... Мелочь. Главное, если только эти два гаврика не облажались, «Надежда» сделала решительный рывок к финишу, осталась в общем-то рутина, а справляться с рутиной мы умеем. Ай да Малахов!..

Радости от хорошо сделанного дела почему-то не было никакой. Мелькнула только мысль о том, что Кручкович, какой бы скотиной он ни был, пожалуй, может еще пригодиться, и было бы естественно сдать его Штейну прямо сейчас, не дожидаясь, пока он наложит на себя руки...

Шуруп в мозгу опять провернулся на пол-оборота, и Малахов выругался вслух. Вот что занятно: доведет ли когда-нибудь ЧПП до болевого шока? То-то был бы правильный во всех отношениях путь!

Ладно, что снова не так? Помалкивать? Штейну — ни полслова? И вообще никому?.. Так я и думал.

Малахов скрипнул зубами. Подтверждая догадку, ушла боль. Он еще раз просмотрел дискетку и, подумав, запустил проверку на наличие стертых файлов. Таковых оказалось всего два, оба текстовые, и Малахов, теряя терпение, потратив впятеро больше времени, чем потребовалось бы мало-мальски грамотному специалисту, восстановил оба. Филин даже не позаботился уничтожить их как следует.

Начав читать без особого интереса, Малахов очень скоро поймал себя на том, что сидит с раскрытым ртом и не верит собственным глазам. Такого он никак не мог ожидать.

Первый текст, по-видимому, вообще не имел отношения к «Надежде». Это был подробно расписанный проект программы глобального генетического контроля населения страны и одновременно своего рода евгенический план. Предлагалось ввести всеобщее тестирование генокода новорожденных, повторное тестирование по достижении возраста, условно принимаемого за момент наступления половой зрелости, непременное выявление дефектных генов у вступающих в брак и выдачу документа на право произвести на свет определенное количество детей — от «без ограничений» до категорического запрета. Прогноз на улучшение генофонда страны спустя три-четыре поколения был более чем благоприятным. Особое внимание уделялось тщательности контроля и правовым вопросам, в частности разработке системы наказаний, для чего предлагалось ввести соответствующие статьи (примерные тексты прилагались) в Уголовное уложение.

Логично было предположить, что проект в своей исполнительной части некогда попал к Филину на анализ реализуемости вообще и возможных социальных последствий в частности. Какими методами анализа пользовался математик, к каким выводам он пришел и какие дал рекомендации, осталось неизвестным.

Ну и ну, подумал Малахов в восхищении. Ай да Нетленный! Проект, естественно, несвоевременный, раньше чем через полвека о нем и думать нечего, но — черт возьми, мас-

штабно... Любопытные, оказывается, дела делаются в СДЗН. Вот тебе и Ибикус юродствующий, вот тебе и Мощи!..

Второй текст удалось восстановить лишь частично. Зато его автором, без сомнения, был сам Филин, и являлся этот документ, по сути, отчетом или, вернее, черновиком отчета Филина руководству СДЗН, датированным июнем прошлого года. Файл почему-то назывался kiss.me — «поцелуй меня», в чем Малахов усмотрел некий смысл. Сколько можно было судить о юморе людей, оказавшихся в положении Филина и Кручковича, имя файла вполне могло подразумевать «лейкен зи мир арш» или что-нибудь в этом роде.

Малахов прочел документ дважды и трижды — пока не заболели глаза. Тогда он встал, прошелся по кабинету, напрягая и расслабляя отсиженные ягодицы, шуганул с подоконника голубя, не поленившегося залететь на восьмой этаж, и без всякого удовольствия подумал о том, что, возможно, бог дал человеку разум не в целях эксперимента, а ради мести. Чем-то приматы ему не угодили.

Ничтоже сумняшеся Филин постулировал существование единого психополя человечества, некоей сверхауры как проекции более глобального информационно-эмоционального поля. Принцип генерации поля его не беспокоил: поле есть поле, внечувствительная данность, и точка. Отстаньте, мол, от меня с физикой процесса, занимайтесь ею сами, коли вас со страшной силой донимает научный зуд, а я пас и прошу на меня не ссылаться — такой примерно вывод сам собой напрашивался из вступления к отчету Филина. Сам же он ссылался на ряд малозаметных статей (некоторые — прошлого века), посвященных этой еретической теме, притом решительно никак их не комментируя. Его вовсе не интересовало, *как* происходит явление, тем более его не интересовало, *почему* оно происходит — в сущности, весь его научный интерес к явлению ограничивался описательной частью и некоторыми приложениями.

Что Филин внес от себя, так это понятие критической численности вида. Ниже критической численности, писал он, существование общего для вида поля невозможно доказать, его как бы не существует вообще, как не существует психической деятельности вируса, например. Первые сдвиги, писал он, наступают, по-видимому, при достижении видом численности

порядка нескольких процентов от критической величины, и проявляться они могут по-разному, в частности, в виде паранормальных явлений, спонтанно проявляющихся в непредсказуемое время в непредсказуемом месте и спонтанно же исчезающих, как-то: аномальное поведение отдельных особей и целых групп, необъяснимые миграции популяций, случаи ясновидения и точного предсказания будущего, а также временного группового помешательства (у человека), групповые галлюцинации (у него же; в качестве примеров приводились наблюдения НЛО), нечастые случаи группового — но не массового и тем более не тотального — суицида (у высших животных) и так далее, и тому подобное. Единое поле вида, писал Филин, здесь уже существует и проявляется, однако о каком-либо прогнозировании и тем более об управлении полем не может быть и речи. По сути, взаимодействие вида с собственным полем на данном этапе можно сравнить с нервной деятельностью амебы — поле уже как-то *ведет* себя, но проявляется это чаще всего через разнообразные флюктуации, внешне выглядящие абсолютно случайными. На этом этапе ни о какой угрозе виду со стороны им же созданного поля говорить не приходится.

Наконец, при достижении процветающим видом критической численности, утверждал Филин, картина меняется резко, скачком. И вот тут-то, скромно сообщал он, виду предстоит пережить очень непростые времена. Адаптивное поведение особей, уже целиком определяемое полем, резко меняется, и изменение это лишь случайно может оказаться благоприятным для вида; на случайности же, как известно, лучше не рассчитывать. В худшем случае вид погибнет от адаптивной катастрофы, и кто знает, не было ли обусловлено вымирание некоторых видов именно этим обстоятельством, а вовсе не вульгарным поражением в борьбе за пищу. Во всяком случае, кладбища ящеров Мелового периода наводят на определенные мысли...

Любопытно, думал Малахов, в четвертый раз читая документ, попал ли этот отчетец к адресату? Скорее всего нет, а жаль. Он фыркнул от удовольствия, представив себе выражение лица Нетленных Мощей, получившего вместо толкового

анализа сомнительную байку о меловых динозаврах... Ей-ей, стоило бы посмотреть!

К счастью, писал Филин (и «к счастью» было выделено цветом и написано с тремя восклицательными знаками в скобочках), в большинстве случаев, по-видимому, срабатывает специфический механизм сохранения вида, проявляющийся в самоуничтожении той или иной части особей, как то явно наблюдается, например, у леммингов, пускающихся в свои безнадежные марши задолго до иссякания пищевых ресурсов данной территории...

Ай да Филин, отметил Малахов с завистью. Ведь и я о том же думал, и как думал — мозги трещали!.. Думал-то я, а объяснил — он. Хорошо, пусть не объяснил, пусть всего только предложил новую гипотезу, но поди ее опровергни! Дудки. Что толку трещать мозгами, коли трещишь впустую: рабочие наброски — в лапшерезку, пар — в свисток...

Вспышка зависти прошла, и он дочитал документ уже спокойно. Критическая численность, утверждал Филин, не есть величина постоянная для каждого вида — она зависит от целого комплекса причин, или факторов, и чем вид сложнее организован, тем больше факторов в комплексе и тем сложнее и тоньше их взаимодействие, тем непредсказуемее последствия привнесения любого, самого незначительного, на первый взгляд, нового фактора — от взаимоподавления до кумулятивных эффектов. Высчитать критическую численность такого сложно организованного вида, как Homo sapiens, писал Филин, в настоящий момент представляется категорически невозможным; эмпирически же (при настоящем положении дел в мире) мы должны принять критическую численность человечества равной нынешней, то есть порядка двенадцати миллиардов единиц... Как это ни фантастично звучит, можно предположить, что единое информационно-эмоциональное поле, или аура, есть первый робкий шаг на пути превращения человечества в единый суперорганизм, еще не обладающий сознанием и тем более разумом (если это вообще возможно, то произойдет естественным путем не раньше, чем через миллионы лет), но уже способный воспринимать действия раздражителей и отвечать на них приспособительными реакциями, чисто рефлекторно. Можно сказать, писал

далее Филин, что суперорганизм-человечество не так далеко ушел от уже упомянутой амебы, как хотелось бы, — но важно то, что он уже *ведет* себя, он уже *живой*...

На этом восстановленный фрагмент обрывался. Дальше шли несколько абзацев сущей бессмыслицы, восстановленных условно, и запущенный Малаховым логический анализ выдал на-гора пятнадцать вариантов их прочтения, противоречащих один другому, так что, пожалуй, рассматривать эти абзацы не имело большого смысла.

Он снова вскочил, забегал по кабинету. Звякнул вызов «шухера» — Малахов не обратил на него внимания. То, что писал Филин, скверно адаптируя формальный язык науки к восприятию Нетленными Мощами, начало понемногу откладываться в голове.

Возмущенная аура человечества, бурлящее информационно-эмоциональное поле... Единое психополе человечества, регулирующее самое себя.

И — заодно уж — численность человечества...

Возможно, и у жалких леммингов существует подобное поле. Почему бы ему не существовать? Перегрузка недопустима. Вид должен жить. Не особи и даже не популяция. Вид целиком. Где коренится механизм процесса — вопрос не сиюминутный, на дальнюю перспективу. Геном человека изучен вдоль и поперек, но ближе ли мы стали к пониманию явления под названием «человек»? Не смешите меня. Как насчет «пассивной» части генома, вроде бы не несущей никакой информации, но отчего-то вчетверо большей, чем «активная»? Кто-нибудь когда-нибудь ею всерьез занимался? Сомнительно...

Значит, принимаем гипотезу как рабочую?

Многострадальный издерганный затылок молчал — «демоний» не пожелал воткнуть иглу. Мало того — опять, второй раз в жизни! — что-то похожее на теплую ладонь коснулось головы — и краткое, в чем-то схожее с оргазмом ощущение блаженства...

Ясно.

Гипотеза могла быть сугубо неверна. Но если даже это было так, все равно выводы, следующие из нее, неизбежно и неудержимо оформляющиеся в поручения, распоряжения, приказы, во все то, что, подобно цепной реакции, приводит в

движение сначала сотни, тысячи, затем и миллионы людей, а потом почему-то называется государственной политикой, — эти выводы все же могли оказаться спасительными! Несмотря на возможную ошибочность исходных постулатов. Несмотря на управленческий бардак. Несмотря ни на что.

Так бывает.

«Демонию» наплевать на человечество — он заботится лишь о хозяине. Функционер, чтобы выжить, должен не щадить себя в служении людям. В этом странном мире все взаимосвязано. Благо функционера есть общее благо, и никуда ты от этого не денешься, хоть тресни.

А кто, собственно, возражает?

Снова вякнул «шухер». Малахов, выругавшись, дал связь. Звонил Гузь.

— Михаил Николаевич, опять «Периферия». Кажется, у них еще один воздушный нарушитель из чумного района...

— Ну и что? Они не знают, что надо делать?

Гузь помялся.

— Простите, Михаил Николаевич, дело вот в чем... Там ведь могут быть беженцы. Я бы хотел уточнить: какие будут распоряжения?

Малахов неслышно выматерился. На мгновение перед глазами встало лицо полковника... как его... Юрченко, кажется.

— Без меня и в ерунде не можете? — спросил он желчно. — Ну вот что: нарушителя посадить и сжечь. Проследите. Нет там беженцев. А если есть, то я за это отвечу, а не вы. Понятно?..

Игрушка на дискетке оказалась до тошноты простой — обыкновенная головоломка для тех, кому голова не дорога, причем головоломка тупая. Нужно было сложить из фигурных деталей заданную конструкцию, в то время как лениво парящий вокруг конструкции птеродактиль то и дело норовил вытащить из нее своими зубастыми щипцами какую-нибудь несущую деталь, грозя обрушением всего сооружения, и подбить летучего гада было нечем. Упражнение на скорость, кто быстрее. На глаз никакого мерцания заметно не было. Малахов отметил про себя, что Филин, если он писал эту программу (а кто еще кроме?!), вряд ли особенно напрягал мозги — средний человек должен был справиться с задачей минут за пять. Очевидно, как раз такого времени хватало с лихвой для полноценного сеанса лечения.

Зато сквозь текст программы ему пришлось продираться, как через поглощенную джунглями свалку старых автомобилей, и яснее ясного было видно, что Филин как слепил свою поделку «на коленке», так и не пожелал к ней больше возвращаться, нимало не озаботившись вопросами эстетики или хотя бы удобочитаемости. Малахов весь взмок, прежде чем ему удалось вычислить в этом кошмаре нужную подпрограмму и отыскать в ней параметры мерцания.

Он выписал на лист бумаги колонки цифр: частота, длительность и количество импульсов в пакетах, длительность пауз, порядок чередования пакетов. Как он и подозревал, найденные параметры имели к тэта-ритму весьма отдаленное отношение, последовательность была совершенно оригинальная. Запоминая, он прочел цифры несколько раз. Затем сунул лист в лапшерезку. Затылок не болел.

Один из файлов игровой программы оказался текстовым. Малахов вывел его на экран и, не удержавшись, прыснул. Вместо ожидаемой инструкции по пользованию там оказался след чьей-то любви к афоризмам — то ли Кручковича, то ли Филина:

«Природу человека победить нельзя. Но можно ее обмануть».

И рамочка.

Спорить с данным утверждением Малахов не пожелал. Вместо этого он занялся обдумыванием ближайших шагов. Во-первых, скопировать спецдискету, но это задача для людей Штейна, притом чисто техническая и сравнительно несложная. Во-вторых, выявить — и как можно скорее! — нескольких вероятных кандидатов в самоубийцы, а начать с той вчерашней женщины, если еще жива. В-третьих, по поступлении материала — и хорошо бы уже завтра — приступить к проверке методики, предзаряющей краткий, насколько возможно, цикл клинических испытаний...

И тут его укололо.

3

Ох, сколько разных словес мне довелось услышать от Юлии, на которую я напоролся в больнице в тот самый момент, когда она лаялась с дежурной сестрой и с дежурным же врачом нейрохирургического отделения, требуя немедленно пропустить ее к сыну и угрожая, между прочим, мной! Вспомнить

противно. Зато и сестра, и врач, по-видимому, получили законное удовлетворение за перенесенный стресс, наблюдая со стороны нашу безобразную свару, — хорошо, что у меня достало ума оставаться спокойным хотя бы внешне.

Между делом я успел узнать, что серьезных изменений в состоянии сына нет, но нет и особых поводов для беспокойства — операцию организм перенес прилично, сделано все возможное, а что до дальнейшего, то оно от медицины уже не зависит, но, впрочем, можно прогнозировать благоприятный исход...

А Юлия орала. Разумеется, я ее бросил — да, бросил! с ребенком! подлец! — да и чего от меня еще было ждать, дурой надо быть набитой, чтобы связаться с таким негодяем, который сына своего единственного ни воспитать, ни защитить не может, который, можно сказать, сам же его угробил и теперь в ус не дует... В конце концов я не додумался ни до чего лучшего, как пригрозить вывести ее из больницы при помощи охраны, в ответ на что с Юлией началась настоящая клиническая истерика, в начальной стадии которой я услышал о себе много нового, а в стадии кульминационной был вынужден координировать действия охраны и врачей, дабы свести ущерб к минимуму, а потом еще извиняться перед персоналом. Короче говоря, утром следующего дня я вошел в Контору отнюдь не в безоблачном настроении.

На этот раз я вломился с парадного входа, сам себе удивляясь и не понимая — чего ради. Наверное, я подсознательно искал случая на кого-нибудь наорать, поставить кого-нибудь на место и всех — на уши, пронестись бешеным самумом по лежбищу дармоедов, хотя, по правде сказать, «нижние» нисколько не виноваты в том, что они «нижние», и выше второго этажа им не подняться. В скверные игры играет с нами психика. И в ответ на стандартное, с ленцой: «А вы к кому?» — я уже набрал в грудь воздуха, чтобы оставить мокрое место от этого равнодушного, пустого, как бамбук, чинуши, как вдруг мое внимание было привлечено совсем другим явлением, и набранный запас воздуха пропал зря.

Явление не явление, а висела на видном месте этакая немаленькая траурная рамка, все чин чином: венок, ленточка, сильно увеличенное фото какой-то рожи, текст. И текст был

следующим: «Пушкарь Эдуард Григорьевич. 30.12.1998 — 5.01.2040. Нелепая, трагическая случайность вырвала из наших рядов...», ну и так далее.

Каждому знакомы такие тексты, кто их не видел. Люди время от времени мрут, и ничего с этим не поделаешь. Я и знать не знал этого Пушкаря Э.Г. Но точно так же, как в животе у известного Червякова что-то оторвалось, внутри у меня, где-то в области поджелудочной железы, что-то отчетливо екнуло.

— Прошу прощения, — сказал я по возможности кротко, но все же чинуша перестал чистить спичкой ногти и обратил на меня почтительно-настороженное внимание. У чинуш на начальство нюх. — Прошу извинить, — повторил я, понизив голос до шепота, и указал на рамку. — Вы случайно не знаете, от чего умер Эдуард Григорьевич?

— А что? — спросил чинуша, тоже перейдя на шепот.

— Да так. Разные слухи ходят, — нашелся я.

— Какие там слухи. Повесился он, вот и весь слух. У себя дома на крюке и повесился, а зачем — ему лучше знать.

— Жаль, — пустил я шар наугад. — Хороший был человек, душевный.

По лицу чинуши предельно ясно читалось, что у него о душевных качествах усопшего сложилось диаметрально противоположное мнение, однако он промолчал, выжидательно глядя на меня, — и я разочаровал его, повернувшись к нему спиной и проделав обычный кружной путь до кабинета. Нелепое намерение отвести душу было отринуто мною напрочь. Еще не мысль — пока только зародыш мысли проклюнулся в моей голове, и надо было нести его бережно, чтобы он не выпал по дороге, а укоренился как следует.

И я берег и лелеял этот росток, пока милая моя Фаечка докладывала мне о текущем положении дел (во вверенном мне Багдаде было все спокойно), а я рассеянно слушал и сулил ей шоколадку (четырехсотую? пятисотую?). Текущей корреспонденции сегодня свалилось на меня немного — ее прочтение я отложил на потом. Ни Воронин, ни Лебедянский с утра пораньше на доклад ко мне не рвались, из чего я сделал вывод о крайне скромных успехах их групп за последние сутки. Штейн, напротив, попросил меня принять его — что-то, по его сло-

вам, любопытное наклевывалось у оперативников Старостина, однако я уклонился, посоветовав ему проявлять побольше личной инициативы. По отношению к Штейну это было прямым хамством, и я решил, что надо будет как-то это загладить — но потом, потом!.. От Гузя я просто отключился без объяснений. Сейчас меня волновало совершенно иное.

Кто опять разложил все аккуратно на моем столе? Фаечка? Уволю! Чтобы лучше работалось, на столе должен быть легкий бардак, вот тогда-то в поисках какой-нибудь нужной мелочи иной раз приходят в голову настоящие мысли...

Прежде всего я вывел на экран вчерашнюю сводку. Так и есть: Пушкарь Э.Г. оказался в списке «аномальников». Чего и следовало ожидать. Первый случай в Конторе и, чует сердце, не последний. Что ж, это должно было когда-нибудь случиться — так почему бы не сегодня? Зная свежую статистику по суициду и число занятых в Конторе людей, я прикинул вероятность наступления события к текущему моменту и вероятность того, что событие будет одно, а потом, уж не знаю зачем, приказал компу подсчитать обе вероятности до третьего знака. Числа получились приемлемые, даже в чем-то успокаивающие — нормальный ход вещей, можно сказать. Неплохо было бы заодно вычислить наиболее вероятную дату появления на первом этаже новой траурной рамки, но я не стал этим заниматься.

Мысль ускользала угрем, и я сделал усилие, чтобы вновь поймать ее за хвост. Черт!.. Не о том думаю. А подумать следует вот о чем, хотя вопрос, кажется, глупее некуда: а почему, собственно, первый доставшийся Конторе укус фактора Т пришелся на «нижних»? Их всего-то человек триста из почти двух тысяч, а попало именно им, расправу над собой учинил не Воронин, не Штейн (тьфу-тьфу-тьфу!), а балласт...

Глупо. Теория вероятностей не любит олухов, делающих далекоидущие выводы на основании единичного факта, но проверить тем не менее было не вредно... Минут десять я ходил по своим апартаментам из рабочего кабинета в личный и обратно, курил, валился на диван и вскакивал, даже заглянул в камеру психологической разгрузки и пнул «болвана», прежде чем додумался, как это проще всего сделать. Поистине удивительны дела твои, господи: почему это никому не пришло в голову раньше?

Статистика по Службам. По всем четырем. И по всем людям, работающим на Службы, от верхов до низов, от штатных до привлеченных, отдельно по каждому выступу иерархической лестницы, не пропуская ни одной ступеньки...

Пепел с сигареты падал на клавиатуру — я не обращал на него внимания. Цифры были под рукой, комп извлекал их мгновенно. Итак. Высшее руководство Служб, функционеры, их заместители и ближайшие соратники — руководители отделов и направлений, администраторы, эксперты и консультанты, всего шестьдесят восемь человек. Математическое ожидание числа самоубийц на сегодняшний день, округленное до единицы, — ноль.

И верно, ноль.

Весь центральный аппарат Служб, четыре Конторы — одиннадцать тысяч восемьсот пятнадцать человек. Матожидание — четыре трупа к сегодняшнему дню.

На самом деле двое: Филин и Пушкарь.

Так.

Отдельно Санитарная служба сверху донизу — Контора, региональные управления, сеть постоянных инспекций на местах, принадлежащие Службе научные учреждения и предприятия, полевые санитарные части, персонал опорных баз, заградительные подразделения, спасатели, рекламщики, охрана всех мастей и еще многое и многое — всего один миллион сто шестнадцать тысяч человек округленно. Матожидание — триста семьдесят пять человек.

Реально — двести девять.

Все Службы вместе — грубо говоря, шесть миллионов человек. Матожидание — ровно две тысячи сто. Реально: тысяча двести двадцать семь...

Вот оно, черт побери! Почти вдвое меньше. Если бы не было сделано поправки на отсутствующий аномальный суицид детей, я бы не придал значения результатам. Но эта поправка была учтена — я с самого начала исходил из численности группы риска.

Разгадка была где-то рядом, я это чувствовал. Я взял ее след. Во-первых, бросалось в глаза странное распределение смертей, даже очень странное, чтобы не сказать больше. Во-вторых, не шел из ума подлец, напавший на Витальку и неизвестно зачем расколотивший о стену свою никчемную голову.

Да и сумасшедший лыжник, Ольгин дружок-попрыгунчик, припоминался отчетливо. В-третьих, что мне пытался объяснить Кручкович? Ведь он явно хотел что-то сказать, наверное, очень важное, а я, как последний идиот, не пожелал выслушать...

Фаечка была удивлена, когда я ураганом пронесся мимо нее и улетучился из Конторы так быстро, как только смог. Я позвонил из уличного автомата — не стоило доверять браслету сам факт разговора, не говоря уже о содержании. Кручкович не отозвался. Я так и думал, хотя, оказывается, еще на что-то надеялся... Поздно. Никто мне не растолкует, что есть что, никто не избавит от сомнений. Петля, опрокинутый табурет и ноги, не касающиеся пола... Голубоглазый тевтон Штейн дисциплинирован — он не пошлет своих людей, и Кручковича обнаружат через несколько дней по заявлению соседей, когда наряд полиции взломает дверь...

Неужели гипотетическая эпидемия — смешно уже и вспомнить об этой гипотезе! — бьет не кого попало? Выкосит две трети населения, если мы не помешаем, — а *кто* попадет в одну треть?..

И тут меня снова укололо — не очень сильно, даже слабее, чем вчера, когда я задумался о клинических испытаниях игрушки Филина. Судя по малой силе укола, ЧПП не предупреждало меня о явной опасности — просто давало совет, как достичь желаемого с наименьшими потерями.

Тут и думать было нечего: знал я шкурную сущность окаянного моего «демония», знал достаточно. Мне не следовало размышлять о материях, лежащих вне моей компетенции, — это раз. В еще большей степени мне не следовало спешить с выдачей на-гора методики лечения — это два. Выждать наивыгоднейший для себя момент начала паники, а уж потом!.. Метод-то, по сути, простейший, легко реализуемый на телецентрах, а уж телевидение — общее бедствие, и вряд ли сыщется на Земле человек, который не смотрел бы его хотя бы по нескольку минут в месяц... Так?

«Демоний» не бунтовал, одобряя.

Функционер Малахов — спаситель страны, а то и всей человеческой цивилизации, явившийся вдобавок в критический момент?!. Это интересно. Кардинала от восторга родимчик хватит.

Ну дудки!

Давно я не испытывал злости такой силы. Просто-таки бурлил, ломился наружу очередной мой бунт, и немедленно, отвечая мне, вонзился в затылок, зашевелился в мозгу раскаленный гвоздь. Отдалось в висках. Сволочь!!! Ты всегда будешь указывать мне, что я должен делать?! Ты обнаглел, и скальпель по тебе плачет. Мало тебе моих действий — ты еще и мыслями моими хочешь управлять?..

В первой попавшейся забегаловке я схватил бутылку навынос и, запрокинув голову прямо на улице, запил таблетки тремя хорошими глотками водки. На анальгетики в чистом виде «демоний» плевать хотел, но в губительной для здоровья смеси со спиртным иногда помогало. Помогло и сейчас. Я вспотел, как марафонец, зато боль окончательно сползла к вискам и мало-помалу притупилась. Сунув початую бутылку какому-то ошалевшему от счастья люмпену, я поспешил назад, по пути крикнув изумленной Фаечке: «Кофе!»

Оставались еще два вопроса, две засевшие, как занозы, мыслишки: почему Нетленные Мощи, имея если не все, то почти все необходимое для решения проблемы, постарался сплавить ее мне и что же все-таки послужило причиной самоубийства Филина и Кручковича? Вторую мысль я до поры до времени выпустил на волю, а за первую уцепился и обдумал ее всесторонне.

Что-то здесь было не так. Я поерзал в кресле, устраиваясь поудобнее и подумав притом, что прежде мой зад выглядел в этом вместилище более достойно, а сейчас как-то несолидно исхудал, лежит неплотно, люфтит, понимаешь...

Итак, попробуем разобраться, что происходит... Материалов до обидного мало, и мне предстоит поймать Филина на «мизере», если я вообще хочу что-нибудь понять. В апреле прошлого года Домоседов, озабоченный динамикой суицида и слабой отдачей от собственных аналитиков, подключает к работе Филина. Тот занимается проблемой по ноябрь включительно и где-то с июля — августа на свой страх и риск тайно втягивает в работу Кручковича. Небезынтересно, что не кого-то из штатных сотрудников родимой Службы, а человека со стороны, возмутительнейшим и опаснейшим для себя и своего приятеля образом проигнорировав соображения секретнос-

ти разработки. Почему? Крупные специалисты, имеющие претензию на гениальность, почти поголовно капризны и непредсказуемы — но не до такой же степени! Вопрос... Ставим здесь репер и отсюда начнем плясать польку-бабочку... Далее: насколько успешно движется его работа? Отчеты Филина известны. Апрель, май, июнь — ничего, зато в начале июля он дает понять Нетленному, что проблема, по-видимому, в принципе разрешима, о каковом своем заявлении наверняка не раз жалеет впоследствии. Начиная с конца июля, таких заявлений от Филина уже не поступает, и тут-то появляется Кручкович... Случайное совпадение или нет? Что произошло в конце июля — нащупан ответ?.. Ставим вешку. В августе Филин оформляет новый счет в банке и просит перечислять на него все виды выплат от СДЗН, однако до самой своей гибели не снимает с нового счета ни рубля, предпочитая опустошать свой старый счет. Опять же, почему? Можно с ходу выдвинуть десяток версий, однако предположение о больной совести заманчиво своей простотой... Еще одна вешка.

Крайне интересны его отчеты за последние месяцы. Скажем, 13.09.2039 он, как обычно, получает свежую информацию: число погибших за последние два дня плюс минимально необходимые подробности. На следующий день, 14 сентября, ему доставляют уточненные с учетом вновь поступившей информации данные — иное число погибших за те же два дня. Разница незначительна, но она есть. Он ее игнорирует и пользуется данными от 13.09 — первый отмеченный случай фальсификации. Формально Филин руководит группой из трех математиков, фактически отдает им на моделирование диковинные огрызки, не имеющие ничего общего с реальным положением дел, и никогда не знакомит своих подчиненных с исходным материалом. Строго говоря, последнее ему запрещено, однако же он ничуть не постеснялся довериться Кручковичу, который даже не из СДЗН, чихать он хотел на запреты... И далее он планомерно и последовательно строит свою потемкинскую деревню, умело манипулируя уже не столько данными, сколько выкладками, — что ни отчет, то диво, причем теперь уличить Филина в преднамеренной фальсификации крайне трудно: Нетленному это вообще не удалось, а группе Лебедянского понадобилось полтора месяца напряженного труда, чтобы формально доказать подлог.

В сентябре он врет, что аномальный суицид непременно пойдет на спад к концу года. В октябре он признает, что ошибся, не учтя таких-то и сяких-то дополнительных факторов, и называет новый срок: февраль — март. В обоих случаях вывод делается один: феномен локальный и должен сойти на нет самопроизвольно, как и начался. В обоих случаях Нетленный принимает выводы Филина, не подвергая их серьезной проверке. Строго говоря, подвергать их проверке, тем самым неизбежно расширяя круг допущенных к проблеме класса «зеро-прим», ему не слишком-то хочется; он сосредоточивает основное внимание на сокрытии информации до указанного Филиным срока и вполне уверен в способностях своей Службы по этой части. Не знает он только того, что Филин ему врет...

Кстати, зачем Филин это делает?

Ответ ясен: чтобы возможно дольше не принималось никаких мер. Лавры спасителя его не прельстили. Какую он преследовал цель, прекрасно осознавая вероятность гибели двух третей человечества? Воспользоваться чьим-либо выморочным имуществом? Глупейшее предположение. Судя по всему, не настолько Филин был меркантилен и, кстати, не настолько честолюбив, чтобы делать карьеру на костях. Насколько я знаю людей такого сорта, им надо не мешать играть в их любимые игрушки; вне этой больной для них темы многие из них даже альтруистичны...

Вот оно!..

Ставим вешку — сомнительную, кривенькую, но вешку. Не надо думать, как склонны многие, будто больше всего зла на свете совершается именно из соображений альтруизма, — однако факт есть факт: зло такого рода бывает с чудовищной силой сконцентрировано во времени и пространстве. Несть числа примерам, вроде революций и «справедливых» войн из самых лучших человеческих побуждений, уходящих корнями глубоко в дофараонову древность. Хм... Желал бы я знать, что произошло раньше: нашего предка впервые посетила мысль о справедливости и совести — или у него сперва отвалился хвост?

Голые умопостроения, ничего больше. Никаких серьезных подтверждений мотивации, кроме счета в банке и вранья в отчетах. Сентябрь — последняя версия лечащей программы (кстати, а лечит ли она?), и сентябрь же — начало фальсификации. С конца сентября Филин начинает почти ежедневно совершать про-

должительные прогулки — пешие и на автомобиле, — тогда как полвесны и лето пахал не разгибаясь. Похоже, ему уже все ясно. Сентябрь же — вероятный срок испытания методики лечения, скорее всего в реабилитационном отделении «Надежды». Нетрудно выяснить, кого они там лечили в сентябре и каковы оказались результаты, — вряд ли Кручковичу удалось полностью замести следы. Для непрофессионала это скорее всего просто невозможно, даже в частной клинике.

Второй репер.

Третий, вспомогательный, — единственная задокументированная встреча Филина и Кручковича. Весной 36-го, почти 4 года назад, еще до начала службы в СДЗН Филин реабилитировался в «Надежде» после вегетососудистой дистонии, история болезни прилагается... Скорее всего это была их первая встреча. Но не единственная. Похоже, у Филина были какие-то основания довериться именно Кручковичу, но об этом — тишина... Строго говоря, это не важно — важно то, что с середины прошлого лета их контакты становятся более чем регулярными.

Ох зря за Филиным не было наружного наблюдения! Нетленные Мощи разгадал бы его игру с полувзгляда. А я попрежнему занимался бы охраной скотомогильников, так ничего и не узнав.

Со стороны Нетленных Мощей — непростительный промах. Пришлось ему повертеться ужом под вилами, пока он не подставил меня при молчаливом одобрении Кардинала...

Я почувствовал, что подхожу к главному вопросу, и немного притормозил мысли, чтобы отдышаться. Для начала следовало получить полный список пациентов Кручковича за сентябрь прошлого года.

Через минуту отпечатанный список лежал у меня на столе. Тридцать четыре фамилии. Преуспевающая, похоже, клиника.

Я даже руки потер в предчувствии удачи. Для беглого анализа хватило и пяти минут. Двадцать семь человек проходили восстановительный курс после серьезного лечения в клинике, эти отпадали. Из оставшихся семи у одного наблюдался симптом «заходящего солнца». Он и еще двое проходили курс по льготному тарифу, в кредит, под поручительство Кручковича! Мало того, первый взнос был снят с явно подставного счета,

причем незадолго до того Филин перевел на этот счет изрядную сумму!

Детский сад, штаны на лямках... Дилетанты, однако. Просто удивительно, что люди Штейна до сих пор не вышли на этот след.

Пахло горячим.

Остальные четверо из семерки тоже были сомнительны, но их я отбросил. Для проверки хватит и троих. Если они до сих пор живы, значит, Филину и Кручковичу действительно удалось найти метод лечения еще в сентябре!

А в ноябре Филин взорвал себя в автомобиле на грязном проселке. А в феврале Кручкович готов продырявить себе голову из антикварного «ТТ»...

Что вообще происходит?

Я вдавил клавишу вызова.

— Фаечка, найдите мне Отто Оттовича, и как можно быстрее.

Штейн явился через пять минут — по счастью, все еще находился в Конторе. На то, чтобы перестроить мозгокрут и подобрать нужные параметры для аудиогипновнушения, мне понадобилось куда меньше времени. Как ни странно, этот белокурый Зигфрид весьма гипнабелен.

— Отто Оттович, вы сейчас сделаете вот что, — сказал я с расстановкой, глядя в его остекленевшие глаза. — Вы поедете по трем адресам, которые я вам сейчас дам. Вы поедете один, на городском транспорте. Вы встретитесь с тремя людьми и будете интересоваться только одним: применялась ли к ним в клинике «Надежда» компьютерная терапия? Вы составите свое мнение об этих людях. Затем вы вернетесь и доложите мне обо всем, что узнали. По выполнении задания вы забудете его и будете твердо помнить, что провели время со мной, обсуждая мои предложения по улучшению работы отдела безопасности. Вы будете помнить, что вам удалось настоять на своем, и почувствуете глубокое удовлетворение. Вам понятно?

— Да.

— Идите.

Через четыре часа он вернулся с докладом. Богданова Алла Павловна, 44 года, без определенных занятий, алкоголизм, умерла 5 февраля — отравление метанолом. Самоубийство не

доказано. Выяснить, применялась ли к ней компьютерная терапия, не представилось возможным.

Махаль Игорь Викторович, 27 лет, агент по продаже недвижимости, в настоящий момент находится в следственном изоляторе (убийство бывшей жены при отягчающих обстоятельствах). В прошлом — судимость за вооруженный грабеж, ряд административных задержаний (бил жену и ребенка, буйствовал). Переведен в одиночную камеру после попытки спровоцировать сокамерников на расправу над ним, находится под усиленным наблюдением. На вопросы отвечал спокойно, на вид как бы слегка заторможенный... По его словам, был завлечен в клинику обманом. Да, врачи-суки заставляли играть в компьютерную игрушку: дерьмо дерьмом...

Так.

Ганн Валерий Аркадьевич, 53 года, частный адвокат, зам. секретаря губернской коллегии адвокатов, специалист по делам о загрязнении природной среды. Диагноз обычно сдержанного Штейна: напыщенная сволочь. Женат, дети, очень приличный дом. В клинику обратился сам по поводу нервного истощения и был приятно удивлен условиями оплаты. Да, компьютерная терапия там применялась. Сеанса три-четыре, теперь не вспомнить. Да, он отметил, что врачи каждый раз запускали программу с дискеты, а что?..

А ничего.

— Спасибо за ценные замечания, Отто Оттович. Я рад, что мы поговорили откровенно.

— Для меня честь работать с вами, Михаил Николаевич. — Штейн по-офицерски поклонился, боднув головой.

Гипноз еще действовал. Я ощупью набрал комбинацию для экспресс-выхода. Сегодня у Штейна будет неважное самочувствие, и он спишет его на магнитную бурю.

— Не вгоняйте меня в краску, Отто Оттович, это для меня честь. Ну все, идите.

Выпроводив Штейна, я некоторое время улыбался в потолок. Дело было сделано, и затылок не болел.

Ну что, сказал я «демонию», съел?

Двое из троих были живы. Третья покончила с собой совсем недавно. Кручкович перестраховывался, когда говорил о

необходимости просмотра дрожащих картинок не реже раза в месяц.

Теперь я знал почти все.

А чего не знал, о том догадывался.

И уже начинал понимать, что улыбаться мне, в сущности, нечему...

Глава 7
НЕАДЕКВАТНАЯ РЕАКЦИЯ

Оставь же их и то, что они измышляют.

Коран

«Шквал» в моих руках коротко сотрясается и умолкает. Шустро прыгают гильзы, катятся по бетону. На той стороне гаража фигурка спотыкается на бегу, падает, перекатываясь в падении под защиту шеренги автомобилей. Наверняка задет, но не сильно. Все бы так.

Еще одна короткая очередь — и я броском меняю позицию. Там, где я только что был, со звуком смачного плевка вспухает бугор клейкой пены. Успел... Приходится экономить боеприпасы, иначе я, пожалуй, уже оставил бы нацбез с носом. Ушел бы, как уходил всегда. Как в прошлый раз — в опиокурильне. Как в позапрошлый — в поезде. Как в позапозапрошлый — в тайге. Ни за что больше не заберусь в тайгу, тайга стала сущим кошмаром — ан все-таки я вывернулся, дошел живым и в руки не дался, а дальше было уже совсем просто. Горячо надеюсь, что тот тип в поезде остался жив.

Есть секунда кинуть взгляд на перистальтическую ленту. М-да... Если так пойдет дальше, держать этих ребят на дистанции я смогу еще минуты три — а потом?!

Если вообще есть хоть один шанс уйти — уйду, куда я денусь. Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел...

Фиолетовая вспышка! Грохот!.. Ну, это мы уже проходили...

Не знаю, кто на этот раз меня застукал, кому повезло в ловле рыбы вслепую — нацбезу, МВД или людям Кардинала?

Но кем бы они ни были, разрыва спецгранаты они берегутся точно так же, как я, следовательно, мы квиты. Вряд ли кто-то из них успел заметить, как я свалился в яму под грузовиком.

Точно. «Демоний» не протестует: я все делаю правильно! Они потеряли меня из виду, а значит, начнут слегка осторожничать: получить пулю в ногу не хочется никому. Они уже поняли, что я опять стреляю только по ногам, и до решительного момента попытаются не спровоцировать меня взять прицел повыше. От остромордого гостинца «шквала» на двадцати шагах нет защиты, кроме танка.

Убивать, к счастью, не нужно: и самому претит, и «демоний» пока не советует. Он прав. Не знаю, как насчет «гвардейцев» Кардинала, но и в МВД, и в нацбезе привыкли мстить за своих убитых. Они это умеют, и плевать им на гнев Кардинала и на просвистевшее мимо носа поощрение — убийцу, хотя бы и невольного, поставят в условия, при которых не пристрелить его станет невозможно.

Я это знаю. И знает Кардинал. Только он не успеет сменить личный состав группы захвата.

— Михаил Николаевич!

Вздрагиваю. Хороший мегафон, но голос искажен сложным эхом от бетонных стен. Кажется, говорят вон оттуда, из-за красного шестиколесного джипа, крайнего в том ряду. А может, и нет.

Давненько со мной не разговаривали.

— Вы слышите меня? Я хочу сделать вам честное предложение...

Руки и сердца, что ли?

Лучше не отвечать. Пока они не знают, где я, мое положение небезнадежно. Не то чтобы преимущество было на моей стороне, но все же...

— Вы слышите меня, Михаил Николаевич? — настаивает неизвестно кто. — Можете не отвечать, дело ваше. Но послушайте, что я вам скажу...

Этот настырный тип умеет обращаться со своим голосом почти виртуозно, будто тоже кончал Школу. И повысит где надо тон, и понизит, где следует, и добавит местами особой, тщательно выверенной вескости. Специалист...

— Поверьте, у вас нет ни малейшего шанса. Положите оружие и выходите, вам не будет причинено никакого вреда. Поверьте, вам не следует бояться за свою жизнь...

В последнем я как раз не сомневаюсь. Всадят в мякоть ампулу, максимум — прострелят ногу. Для гарантии.

— Послушайте, — уговаривает невидимый ловец меня, — мы уважаем вас как профессионала, ваши качества сделали бы честь любому из нас, однако сейчас вы попались. Я хорошо понимаю, что вам непросто это признать, и не тороплю вас. Подумайте, еще несколько минут у вас есть...

У меня нет нескольких минут, нет и секунды. Укол в голову — опасность рядом!

Парень в нелепом костюме-«дурилке» — нарочито ярком, слепящем хаосом цветных бликов, дабы сбить с толку реакцию и глазомер объекта захвата, — распластался в прыжке. Какой может быть прыжок в щели между днищем грузовика и краем ямы — однако он в прыжке! Отшатываюсь, выбрасывая руку навстречу. Очередь!..

Он сам виноват. Некогда целить в ноги.

«...Все свои силы, опыт, способности и влияние я употреблю на служение обществу, которое меня воспитало, стране, в которой я живу, а также всему человечеству, насколько это будет от меня зависеть.

...Никогда ни при каких обстоятельствах я не потребую награды за свое служение.

...Я безоговорочно подчинюсь решению суда чести.

...Я заранее согласен с тем служебным положением, которое мне будет определено, и на любом посту буду честно и добросовестно исполнять свой долг.

...Никогда ни при каких обстоятельствах я не применю знания, полученные в Школе, во вред Школе, Службам и стране. Я не причиню вреда никакому человеку, если этого не потребуют интересы Службы...»

(Из Клятвы выпускника Школы.)

1

— Мне кажется, очень преждевременно, — сказал Нетленные Мощи. — Имейте в виду, я намерен на этом настаивать. По-моему, мы делаем серьезную ошибку. Вы вспомните, сколько времени мои гаврики бились над этой проблемой, а толку было чуть. Никто пока не убедил меня в том, что проблема вообще

разрешима. У вас есть возражения?.. Вот и хорошо, что нет. Короче говоря, я решительно против того, чтобы принимать сейчас какие-то меры против Михаила Николаевича. Дайте ему поработать, а суд чести ни от кого не уйдет. Наоборот, я считаю, что мы должны оказать ему помощь всеми наличными силами. Простите меня, но ваши доводы меня не убеждают. Приведите мне хоть один толковый аргумент в пользу того, что нынешний руководитель Санитарной службы должен быть наказан, вот тогда это будет не сотрясание воздуха, а серьезный разговор.

— Мрут, — не разжимая зубов, уронил Расторгуев из Службы спасения. — Уже по две тысячи ежедневно, и чем дальше, тем больше. Как мухи выздоравливают. Это не аргумент?

— Как мухи мрут, ты хотел сказать?

— Как мухи выздоравливают. Это Гоголь. Стыдно не знать. Тридцать пять тысяч одних курьеров. На тот свет.

Нетленные Мощи побагровел. Даже мослатый кулак его, лежащий на зеленом сукне стола, пошел красными пятнами.

— Во-первых, не тридцать пять тысяч, а уже значительно больше ста. А во-вторых, может быть, хоть сегодня обойдемся без цитат? Дело серьезное и уже, к сожалению, спешное. Я, собственно, вот о чем хочу напомнить: к настоящему моменту существование проблемы не признали лишь Китай, королевство Лесото, Ватикан и мы. Как руководитель СДЗН я могу гарантировать молчание максимум до конца марта, а потом, уж не взыщите, буду вынужден дать информации ход — под моим строжайшим контролем, разумеется. Иначе, простите меня, мы будем выглядеть просто идиотами.

— Тебя это беспокоит? — спросил Расторгуев.

— Представь себе, беспокоит! — Нетленные Мощи повысил голос. — Странно, что тебя не беспокоит авторитет Служб. Я не шучу, а ирония твоя мне противна. Я не намерен заниматься пустой схоластикой. Пусть над нами посмеются наши потомки, пусть осудят и будут стыдиться таких предков — мне плевать. Но пусть никто не мешает мне сейчас!

Малахов молчал. Затылок не предупреждал ни о какой опасности, «демоний» мирно спал — и все равно рубашка прилипла к спине. Какому функционеру приятно сидеть в этом зале, смотреть на невольно притягивающее взгляд специальное кресло, отставленное чуть в сторону от остальных, и знать, очень

хорошо знать, *для кого* оно предназначено. Нет таких. Тут сидел Урванцев, молча выслушивая свой смертный приговор, а до него сидел Краснопольский, а еще раньше — Ильин, но он был оправдан судом чести и удачно дослужил трехлетний срок.

Грянуло не в марте и не в апреле, как сулил доверившийся своим аналитикам Лебедянский. В феврале. И, вопреки прогнозам тех же аналитиков, грянуло не в Китае, не в Индии, не в богом забытом Габоне — в Исландии. Малахов оценил жестокую иронию происходящего: там, где население некуда девать, никого особенно не заботит повышенная смертность от самоубийств — во всяком случае, поправил он себя, не заботит на бытовом уровне, вне круга друзей и родственников усопших. Зато для небольшой благополучной страны с населением меньше трехсот тысяч человек сотня необъяснимых самоубийств в год — явление чрезвычайное. Чересчур много, чтобы не сказать неприлично много, и очень заметно.

Четырнадцатого февраля — этой даты никогда уже не забыть функционеру Малахову — джинн выскочил из бутылки. Одной телепередачи из страны, где никогда ничего не случается, кроме вулканических извержений, оказалось достаточно, чтобы детонатор рванул и мир охотно сдетонировал и содрогнулся. На следующий день — как сговорились! — последовало выступление премьера Новой Зеландии, затем Швеции, Нидерландов, Монако... Пресса взвыла. Прорвав чахлые плотины, пошел мутный вал. Пандемию самоубийств уже успели окрестить «серой смертью» и «чумой в маскхалате». Покинули архивы и вновь обошли весь мир телекадры полуторагодичной давности о том, как известный мексиканский тореро — кумир публики вдруг ни с того ни с сего встал столбом посреди арены и безропотно позволил себя забодать. Оргкомитет запланированного на середину марта социологического конгресса в Мадриде принял решение заслушать доклад доктора социологии Рамона Меньеса ди Оливейра (университет Севильи) о положении дел с аномальным суицидом на Пиренейском полуострове. Известие об этом Малахов получил буквально вчера.

Лавина. Самое начало. Гул над головой...

Никаких признаков паники по миру пока не наблюдалось. И неудивительно: всему свое время. В двадцатых числах февраля Малахов отметил, что боль перестала тревожить его, когда он — для пробы — принимался думать об осторожном внедрении методики Филина — Кручковича. С этого времени он понял, что должен решить для себя окончательно: да или нет. Невозможно прятаться за болью, если боли нет. «Демоний» подсказывал: пора.

С этого времени пошел отсчет.

Собранный Кардиналом «малый синклит» — четверо функционеров и сам Кардинал — решал судьбу «Надежды» и лично Малахова. В самом лучшем случае признают трудности чрезвычайными и дадут такой карт-бланш, который функционеру не снится и в розовых снах. В самом худшем случае постановят собрать суд чести.

Функционеры. Бывшие функционеры, отслужившие свой срок, ныне уважаемые эксперты и консультанты при Службах. Потенциальные функционеры, вчерашние выпускники Школы — зубастый молодняк, опасный желанием занять твое место. Эти спуску не дадут. Стареющие мэтры, помнящие основание Школы, не удостоенные в лучшие свои годы кресла руководителя Службы и уже почти ни на что не надеющиеся, — среди них попадаются всякие, от снисходительных до озлобленных. И наконец, Кардинал с правом вето на любое решение суда, как благоприятное для подсудимого, так и наоборот...

Исполнение приговора, как водится, оставят за осужденным. Три, четыре дня они будут ждать. Не дождавшись — помогут, как помогли Краснопольскому, и Кардинал втихомолку признает, что Школа опять допустила брак.

— Погодите-ка, — произнесла Сонечка Энгельгард, единственная в истории Служб женщина-функционер. Тряхнула копной рыжих волос, повернула к Малахову лошадиное лицо. — Мне кажется, мы отвлеклись. Вопрос как будто был поставлен предельно ясно: что делать с одним из нас? Полагаться и дальше на профессионализм Михаила Николаевича или менять коней на переправе? Если вы тут намерены обсуждать другие вопросы, то я, пожалуй, пойду, у меня в Конторе дел невпроворот...

Сонечка, кажется, за меня, отметил Малахов. А вот Нетленный что-то крутит, хотя изо всех сил делает вид, что тоже за. Расторгуев еще не высказал своего мнения, ждет. Хотя, по идее, без крайней нужды функционер не станет топить функционера, рождая опасные для себя прецеденты... Но самое главное — Кардинал. В чью пользу выскажется он?

В мою, понял Малахов, ясно же. Будь иначе, выть бы мне сейчас от боли в черепе, кататься бы по полу...

Значит — пшик. Последствий не будет и не планировалось. Превентивная воспитательная мера, не более того. Чтобы поставил на уши всех, кто еще не стоит в этой позе, и форсировал «Надежду» так, чтобы проблеск решения замаячил на горизонте уже через месяц, максимум через два...

Не хочу, подумал Малахов. Этого я не хочу. Вы не знаете, кого собираетесь спасать, а я знаю. По правде сказать, теперь я очень хотел бы не знать этого. И я работал бы как вол, не зная сомнений... То есть не то, сомнений в частностях у нас всегда было хоть отбавляй, — а сомнений в главном? Нас учили, и мы твердо знали: если есть хоть один шанс из ста за то, что наши потуги вылечить общество не есть шаманские пляски с бубном, бессмысленное камлание у постели ракового больного, мы должны этим заниматься, и кончено.

Но что делать, если сама природа человека берется лечить общество так, как никакому функционеру и не снилось? Жестоко лечит? Да, разумеется. Но ведь она не умеет по-другому. И мы не умеем... если пытаемся лечить радикально. Какой долг выше: перед людьми? перед страной? перед человечеством?

Лучше на свет не рождаться, чем отвечать на вопросы, не имеющие ответов! Любой ответ — преступление, любой выбор образа действия — преступление вдвойне...

Ловушка. Волчья яма.

Можно обмануть. Обманывать природу мы умеем. Гениальному Филину и упрямому Кручковичу это удалось — хоть сейчас неси их дискетку на телецентр. Среди массы известных психологам способов довести человека до навязчивых мыслей о суициде — вот первый и пока единственный эффективный способ помешать человеку убить себя! Что с того, что это насилие над волей и пахнет промыванием мозгов? Плевать. По

тому, что известно об авторах метода, трудно поверить, чтобы подобные мысли могли их остановить.

Их остановило другое. Должно было остановить. Остается только неясным, кто из них и когда обратил внимание на факт, лежащий вне всяких категорий науки: на то, что отбор прежде всего и даже прицельно косит подлецов, преступников, наркоманов, выжиг, безмозглых пустышек, тупых исполнителей со стерильной совестью и прочую накипь человеческую; что очень трудно предсказать теперь будущее человека, которому ты всегда рад пожать руку, зато очень легко предвидеть судьбу тех, кому ты не только никогда не подашь руки, но и постараешься не дышать с ними одним воздухом. Относительно них можно ошибиться только в сроках: завтра? через полгода? через год?

И тогда кончится история человечества — кровавая и удивительная, великая и бесчеловечная, потрясающая воображение взлетами мысли и падениями в глубочайший мрак, под удары грязных дубин, в костры, в лагеря, в ужас войн, в мир тупоумно-наглого человека жрущего, в генезис пыжащихся ничтожеств. И начнется нечто совершенно новое...

Понятно, отчего столько времени мыкались без толку аналитики: поди разберись, что самоубийца — подлец! Как проверить? Ни в одной анкете нет такого пункта...

Не верится, что Филин не анализировал, как в общих чертах будет выглядеть мир *после* катаклизма. Срок порядка двух лет вовсе не препятствие к разработке социологических моделей хотя бы самого общего порядка.

Практическая евгеника. Сама собой. Без всякого участия конкретного человека, но приводимая в действие всем человечеством, желает оно того или нет. Те же лемминги — спасение в очищении. Мелкие грызуны уходят прочь и еще, наверное, могут выжить, встретив отдаленные кормные места, где психополе вида, наверное, слабее... Куда уйти людям? Если бы сто лет назад человечество начало вкладывать безумные деньги в космические программы, ходило голое и босое... Нет, и тогда не успели бы мы. Да и кто в прошлом веке согласился бы спасать правнуков за свои кровные?..

Что ж, человечество спокон веку делает все возможное, чтобы исчезнуть навсегда с лица этой планеты, и жутко оби-

дится непонятно на что, если увидят, что ему это, кажется, удается...

Но люди не лемминги, вот в чем дело. Освободите человечество от балласта, от липкой болотной грязи на ногах, — и оно рванет ввысь... Не нужно никакого моделирования, чтобы знать это наверняка. Мир честных, активных, умных людей! Утопия, которую не надо строить, — *достаточно не делать ничего!*

— Благодарю всех, — сказал наконец Кардинал, и при первых звуках его голоса Расторгуев, азартно что-то доказывающий Нетленному, умолк на полуслове. — Мне было важно узнать ваше мнение, спасибо. Я никого не задерживаю, кроме вас, Михаил Николаевич...

Малахов остался, чувствуя себя как на иголках. В гулком здании затихали вдали шаги Домоседова, Расторгуева и Энгельгард — слышно было, как мимо парадного вестибюля с ничего не значащей вывеской они свернули в тесный внутренний дворик, где едва хватает места десятку автомобилей и каптерке для водителей и охраны, — а лысый старичок долго молчал, прежде чем сказать:

— Ну и что ты думаешь делать, Миша?

Малахов передернул плечами — неуместный, мол, вопрос.

— Работать, конечно. Теперь проще, без этих тайн мадридского двора. Гриф «зеро-прим» я уже снял, спасибо, что разрешили.

Теперь Кардинал смотрел на него с ясно различимым любопытством. Захотелось поежиться. Ничего неуютнее невозможно и придумать — словно размышляет человек на берегу, чем швырнуть в утопающего: спасательным кругом? камнем?

— Ну-ну. Работай, Миша, работай. Плохо ты выглядишь, вижу. Трудно тебе, а?

— Что трудно, Павел Фомич? — тупо спросил Малахов.

Кардинал встал — ширкнули по полу ножки отодвигаемого кресла. Яйцеобразный животик колыхался туда-сюда в такт мелким старческим шажкам — пять шажков в одну сторону, пять в другую.

— Сам знаешь что, Мишенька. Тяжело думать о том, о чем думать не хочется, а? А ты не думай, сразу легче станет. Мне дай, я думать буду. Да и не твоего ума это дело, уж ты мне поверь. Домоседов поверил, и ты поверь. Сорвешься еще по-

напрасну, а мне, мальчик мой, действующий функционер нужен, а не истеричка, вроде твоего Филина...

Застучало в висках.

— Да о чем вы, Павел Фомич? — как мог убедительно изумился Малахов.

Улыбка в сетке мелких морщин висела на лице Кардинала, как приклеенная маска. Мелькнула шалая мысль: «А если она отклеится, а там — ничего?..» — и пропала начисто. Зарефлексировал, подумал Малахов, внутренне содрогнувшись. Рано.

— Я могу идти?

Вопреки ожиданиям, Кардинал позволил удалиться. Дежурный поклон на прощание — и вон отсюда, вон!.. Сейчас Малахов ощущал лишь громадное облегчение и толику злорадства. Что, съели меня? Съели, орелики?.. Могли сожрать с костями, но посчитали преждевременным. Это правильно. Хотя Кардинал явно знает больше, чем показывает, и это опасно... Потом подумаю, что он может знать и о чем может догадываться; самое главное то, что выпала-таки удача, которой не ждал: кажется, еще какое-то время можно не делать то, чего не хочется делать больше всего на свете...

Можно — *не решать.*

Он был уже в дверях, когда голос Кардинала хлестнул вдогон. Словно бич. Словно пуля в спину.

— Не тяни кота за хвост, Миша. Нашел — делись, мой тебе совет. Подумай.

Пятьсот не пятьсот, но пятьдесят шоколадок он действительно купил по пути в Контору и высыпал на стол перед потрясенной Фаечкой. Пора было отдавать долги, даже самые мелкие. Уже завтра может быть поздно, а значит — пора.

Он разрешил Гузю взять выходной (это тоже было отдачей долга, и тоже частичной), а сам посвятил утро нудному разбору ситуации вокруг сарапульского очага полиомиелита, где интересы Санитарной службы столкнулись с интересами Службы Сонечки Энгельгард, и, как в прежние времена, был рад, когда назревающий конфликт удалось погасить в зародыше без ущерба делу.

Сколько еще времени удастся жить простой и здоровой жизнью функционера? День, два? Вряд ли больше.

Он знал, что Кардинал поторопился. Пока в затылок не начал ввинчиваться раскаленный шуруп, еще можно было ждать: хорошо рассчитанная задержка сенсационной новости об открытии пути спасения никак не уменьшила бы личных дивидендов функционера Малахова, скорее наоборот, и, кстати, авторитет Служб, о котором так пекся Нетленный, разом подскочил бы до стратосферы. Что еще нужно функционеру?

Накануне он потратил полдня на то, чтобы быть полностью в курсе всех нюансов «Надежды» и еще раз убедиться, что работа зашла в тупик практически по всем направлениям. Ничего нового за последние две недели. То ли мозговому центру Конторы в самом деле было далеко до Филина по части умения решать нестандартные задачи, то ли дали себя знать своевременные «ценные указания», данные им самим, — в этом он не стал разбираться. Лебедянский и Воронин погрязли в мелочах, а Штейн — всего только железный тыл, а не сумрачный германский гений. Тишь была, да гладь, да унылые матюки экспертов. Но отчего-то при всей отрадности картины Малахов чуял, не затылком, а самым что ни на есть нутряным нутром, что радоваться рано. Контора еще могла преподнести сюрприз, и она не замедлила преподнести его в виде визита всклокоченного трудоголика из группы Воронина.

Меньше года назад, когда, вступив во владение своей сатрапией, Малахов с удовольствием чистил Контору от типов и типчиков, преданных всей душой не столько делу, сколько лично ему (как до того они были преданы Путилину, а еще раньше — предшественнику Путилина), вопрос о Воронине отпал сам собой. Не поднималась на него рука, несмотря на сальные его патлы, запах изо рта и безумно раздражающую манеру резать правду-матку: «Да это же полное дупло, Михаил Николаевич! Такой дури я даже от вас не ожидал. Будете харакири делать — меня в ассистенты не зовите, не приду...» И его группу Малахов даже не тронул. Ни единого человека. Было у Воронина одно ценное свойство: без стеснений и боязни вербовать в свою банду более способных, чем он сам.

Один из таких уникумов как раз переминался на ковре с ноги на ногу, скреб ногтями щетину и, волнуясь, говорил о

«Надежде». Еще один доморощенный гений... Так и снуют кругом — плюнуть некуда! Самохин его фамилия, вспомнил Малахов. Тот самый, которому я в январе подарил два дня отдыха... Зря подарил, чую.

Все системы подавления возможных «жучков» работали. Как основные, так и резервные.

— Излагайте короче, пожалуйста.

— Михаил Николаевич! Мне кажется, что определенная последовательность световых вспышек на основе одного из электромагнитных ритмов мозга могла бы...

Ясно... Весь в холодном поту, Малахов предложил Самохину сесть и велел Фаечке сварить два кофе. Она, и без того обалдевшая с утра, а теперь, наверное, окончательно решившая, что в лесу сегодня все медведи сдохли, даже не выказала удивления.

А потом они пили кофе. С глазу на глаз.

— Кто-нибудь уже в курсе ваших соображений? Воронин?

— Пока нет. Я сунулся — он занят. Тогда я к вам... Дело-то спешное.

Врать он не умел. Таких, как он, Малахов повидал достаточно — прямо классический тип. Наивные карьеристы, воображающие, что их способности не оценены должным образом на том месте, которое они занимают, и примерно в одном случае из десяти убежденные обоснованно.

Этот — точно обоснованно. Быстрый разумом Невтон, провалиться бы ему... Додумался, паразит, в одиночку, в режиме тихой сапы! Ай да Воронин — каких орлов собрал под свое крыло, какие мозги! Ай да Малахов — позволил ему их собрать! Вот и сиди по уши в дерьме... Можно еще утешать себя тем, что от голой идеи до практической реализации дистанция огромного размера, но лучше подстраховаться.

— Пейте, не стесняйтесь, это хороший кофе... Значит, так: пока никому ни полслова, особенно Воронину. Возможно, есть смысл создать особую группу под вашим руководством. Подумайте пока, но только без предварительных бесед, кто из ваших коллег мог бы в нее войти... и побрейтесь наконец. Я вас вызову.

Не успел еще окрыленный Самохин закрыть за собой дверь, а Малахов — набрать код спецсвязи, как мир качнулся и рух-

нул. Боль была адская. Он знал, что ее не миновать, и был готов к раскаленному гвоздю, но не к молнии, обрушившейся на затылок.

Темно...

На ощупь — горсть таблеток. И водка — залпом, из горлышка. Хорошо, догадался держать под рукой оба ингредиента... Его едва не вытошнило прямо на стол, организм противился отраве, как умел. Но и на этот раз сдался, и отхлынула от глаз тошнотная чернота.

— Еще два кофе, Фаечка!

Две минуты спустя вызванный уже сидел перед ним — гладенький, аккуратненький, глаза чуть навыкате, лицо как будто на смазанном кадре. Формально его подразделение нигде не числилось, этого человека как бы не было вообще. Совершенно незаметная личность с забавной фамилией Колено. Как имя — забыл, и незачем помнить. Услугами этого человека Малахов пользовался нечасто и был бы рад не пользоваться вовсе. Чем-то он напоминал ему глубоководную рыбу латимерию, поднятую тралом на поверхность, — гость с иной глубины и совершенно из иного времени. Странно и даже жутковато: проходят исторические периоды, сменяются геологические эпохи, растут и тают ледники — а этот тут как тут, ничего ему не делается...

Малахов кратко изложил суть задания.

— Физическое устранение объекта воспрещаю категорически. От вас требуется лишь нейтрализовать его на ближайшие год-два. Ни в коем случае не причиняя объекту телесных повреждений.

— Это сложнее.

— Не смешите. Строго полкубика препарата в яремную вену. Не мне вас учить.

Он закурил, рассматривая собеседника сквозь кольца дыма. Чересчур просто для человека устроен наш мир... Все, что можно сделать для несчастного Самохина, — не убить его. К счастью, к великому счастью, есть возможность на год-два превратить его в мирного дебила с частичной амнезией. Потом оклемается.

Колено пил кофе маленькими аккуратными глотками.

— Легенда на мое усмотрение?

— Никакой легенды. Но без шума. Если вас все же прижмут — вы выполняли мое задание, отвечать мне. Ясно?

— Вполне.

Без лести предан, подумал Малахов. Машинка ты моя безотказная... Оловянный солдатик.

— А ведь дерьмо ты собачье, Колено, — неожиданно сказал он. — Гнида та еще. Какого черта я тебя до сих пор не выгнал — ума не приложу...

Колено и ухом не повел. Нервы у него были железные, и изображать показную оскорбленность он не собирался. Если начальнику приспичило успокоить свою совесть за счет подчиненного, это его право.

— Разрешите выполнять?

— Да, конечно. Идите.

Оставшись один, Малахов какое-то время сидел неподвижно. Он чувствовал себя совершенно оглушенным. Затем механическим движением выплеснул остатки кофе на ковер и налил себе водки.

2

У Ольги веселились. Компания была не та, что я встретил в ноябре в Песках, — другая. Окажись та самая, я бы немедленно ушел, пока они сполпьяна не поняли, кто сунул свой нос в эту дверь. Черт меня побери, если я стану отрываться от охраны, выдумывать новые финты специально для того, чтобы на меня глазели попрыгунчики!

Я бы все-таки ушел, но Ольга уже тащила меня за руку знакомиться, к счастью, догадавшись представить меня просто-напросто Мишей, своим старым приятелем. Компания реагировала на меня вяло — была увлечена игрой «Сделай сам» в эротическом варианте. Две пары, состоящие из живых мужчин и голографических женщин — одна на столе, другая на диване, — под хохот и аплодисменты зрителей имитировали такое, чего я никогда не видывал и что вряд ли возможно даже с йогами — анатомия человеческая не позволит таких вывертов... Журналистская братия, что ли? Коллеги Ольги по временной работе? Может быть, мне без разницы.

Почему я, собственно, ожидал, что застану Ольгу одну? Звонил я ей разве, чтобы предупредить? Да и кто она мне, чтобы с нетерпением ждать моего прихода? Даже не любовница в полном смысле, а так — не пойми кто. От друзей ей отказываться, что ли, ради десятка встреч со мною на протяжении трех месяцев?

Я примостился в уголке так, чтобы видеть их всех. Меня немного мутило. А они — они развлекались как умели, покончив со «Сделай сам»; они пили и пели и даже шутили иногда довольно удачно, не подозревая о том, что их ждет, привычно ощущая себя независимыми людьми, еще не зная, что их теплую компанию уже разделил на две неравные части невидимый чудовищный водораздел: этих направо, тех — налево... Кто из них не выдержит давления поля первым — вон тот носатый с коктейлем? Или вон та — на пуфике, вальяжная рыжая кошечка? Заунывный нытик с гитарой? Или, может быть, вон тот, что лениво, как-то даже механически флиртует с вальяжной кошечкой и, не выпуская соломинку изо рта, то и дело тычет ею в коктейль, словно комар, вонзающий свой хоботок? Или — страшно подумать — Ольга?!

Кому из вас суждено уйти? Кому — остаться?

По лицам трудно судить — физиономистику у нас в Школе давали факультативно. Нет, правда, многие из вас, ребята, не вызывают во мне раздражения. Охотно верю, что вы-то как раз не подлецы, не потенциальные преступники, не наркоманы даже, не слабоумные дегенераты с деструктивной психикой, — ан не нужны вы, оказывается, организму-человечеству, вот в чем дело. Нет в мире абсолюта, большинство законов мироздания выполняется лишь в среднем, гауссиана захватывает «крыльями» и тех, кого не надо бы... А может, не все так просто. Может, не сам по себе человек нежелателен человечеству, а его генотип. А человек — он такое, знаете ли, существо, у него, человека, понимаете ли, дети могут быть, и вот эти-то не родившиеся еще дети могут оказаться потенциально опасными, — а то и не дети даже, а внуки, правнуки и прапрапрапра...

И суперорганизм-человечество, почуяв угрозу, без колебаний дает команду: лишних — под корень! Всех, кто опасен сейчас, разумеется, заодно уничтожить носителей опас-

ных генов и просто балласт. Этот суперорганизм еще вполне первобытное животное, и инстинкты его верны и прямолинейны: коль скоро часть человечества подобна раковой опухоли, эту часть следует удалить хирургически. Удивительно, как греческий слепец гениально угадал, по сути, ту же ситуацию: возопила Гея-мать под непосильным бременем... Только зачем же устраивать Троянскую войну, гонять туда-сюда копьеносные толпы, когда есть способ заставить опухоль безболезненно уничтожить самое себя?!.

Вначале психика избранного человека сопротивляется, сравнительно недолго. Затем жажда смерти становится все сильнее и сильнее, пока не дойдет до невыносимой. Затем — конец. Желанный конец, между прочим! Ни у одного из осмотренных мною при разработке «Надежды» трупов не нашлось на лице места выражению ужаса, отчаяния или боли...

Компания, и поначалу-то не проявившая к моей персоне большого интереса, теперь, похоже, забыла меня совсем. Досасывая в углу свой коктейль, я с тупой монотонностью продолжал задавать себе один и тот же бессмысленный вопрос: почему именно я? Почему, ну почему именно мне свалилась на шею неподъемная эта тяжесть — решать? Не хочу. И нет у меня права решать. Ни так, ни этак.

Опять я вру себе. Я ведь уже все для себя решил, когда отдавал приказ Колену... Нет пути назад.

Старая как мир песня: станешь ли ты лечить подонка? Причем, может быть, того самого, кто сталкивал под откос твоего сына? Вы мне еще про высшую ценность человеческой жизни спойте. Выпал ты из материнского чрева, шлепнули тебя по попке, чтоб заорал, перевязали тебе пуп, и ты что — уже высшая ценность? А вырастешь маньяком — ею останешься?

Какое счастье, что я функционер, а не практикующий врач! Притом найдите мне врача, ни разу в жизни не нарушившего Гиппократову клятву, выставьте его в музее под стеклом, и я приду посмотреть на такое чудо.

Кто сказал, что мы обязаны их спасать, вот вопрос. Переть против инстинкта, разбрасывать на его пути противотанковые ежи? Никогда еще человеческий инстинкт не был до конца побежден ни разумом, ни лагерем. Для *отмеченных* жизнь и смерть

практически одно и то же, а переход из одного состояния в другое, наверное, даже приятен...

А ведь Кардинал, в сущности, прав: думать о таких материях мне по должности не положено.

Я вдруг понял одну очень простую вещь и поразился, как я не додумался до этого раньше. Кардинал знал, кого в первую голову косит фактор Т, знал это и Нетленный — от Филина. У них не было решения, нет его и сейчас, — было лишь понимание проблемы, такой, что не дай бог... Могу себе представить, как ползал Иван Рудольфович Домоседов перед Кардиналом, как вымаливал себе право не решать эту проблему — пусть не он, пусть кто-нибудь другой, хотя бы этот везунчик и выскочка Малахов...

Очень мило вы со мной поступили, ничего не могу сказать. Не забуду... Не ждите.

Я ушел так же незаметно для компании, как и пришел. На этот раз я позволил охране засечь себя в Коломне: что удивительного в том, что отец выбрался навестить больного сына? Я даже потолкался в вестибюле больницы, не поднимаясь наверх. Зачем? Витальке мой визит не принесет облегчения, он опять не узнает меня, а мне каково?

Оставался еще один не до конца выясненный вопрос о Филине. Бесспорным было то, что мне никогда не понять психологию гения-одиночки, вдобавок математика. Где мухи, где котлеты... Но математик убил себя. Зачем?! Он мог бы еще не один месяц водить за нос Нетленного. Что это — крест святого Филина? Чересчур плотно занимался суицидом, проникся духом отвращения к земному? Усомнился в своей правоте?

Больная совесть это, вот что. Невыносимый груз ответственности, павший на совсем не приспособленные к такой тяжести плечи. Обыкновенный самообман совестливого человека: смерть все спишет и все искупит. Что-то такое припоминается в том же духе... А! «Десять негритят» Агаты Кристи. Почти та же ситуация. Только Филин не судия, куда ему... Наблюдателем он был, и только. Со своим Кручковичем. Сторонним наблюдателем, не пожелавшим вмешаться в процесс.

И не выдержал...

Может быть, Филин — это более последовательный я?

Целый месяц я успокаивал себя этим объяснением, пока однажды не встало перед моими глазами то, о чем я хотел бы забыть: симптом «заходящего солнца» у Кручковича. Ничего теперь не понятно, все смешалось в доме Облонских... Кажется, в вопросах суицидальных мотивов я по-прежнему такой же олух, каким был три месяца назад...

И на это сам собою напрашивался ответ или, во всяком случае, что-то вроде непротиворечивой гипотезы пришло мне в голову на днях, — только я не захотел ее формулировать. Вместо этого в тот день я сбежал в лес и битых три часа гонял на лыжах.

По позднему времени Фаечки уже не оказалось в Конторе — на ее месте сидел и при моем приближении вскочил, отложив журнал, сменный референт, ночной бездельник. Кивнув ему, я запер за собой дверь рабочего кабинета, затем — личного кабинета. Пришлось повозиться с «болваном» в камере психологической разгрузки, настраивая его на нештатный режим.

— Привет, — сказал я ему.

Честнее было бы убить себя. Как Филин. Но боль парализует меня раньше, чем я успею дотащить пистолет до головы...

— Дерьмо, — сказал «болван» совершенно моим голосом. — Сука.

Удар был нанесен молниеносно — я не успел ни защититься, ни отступить. Нелепо помахав руками, функционер Малахов, руководитель Санитарной службы, любимый ученик Кардинала, сделал несколько неверных пятящихся шагов и сел на пол. «Болван» шагнул вперед.

— Понравилось?

Вообще-то не очень. Второй удар поднял меня на воздух и положил у стены — по счастью, мягкая обивка уберегла ребра. От удовольствия быть прижатым в углу я спасся только тем, что отбежал на четвереньках. Третий удар заставил меня закрутиться волчком.

— Стоп! — заорал я. — Хватит!

«Болван» двигался очень проворно. Десять ударов — это десять ударов, настройку не изменить, пока не будет исчерпана программа. И бездельник-референт не придет на помощь, потому что я заперся. Дернуло же идиота заказать десять, когда хватило бы и трех!..

Четвертый удар — и я юзом въехал на животе в личный кабинет. «Болвану» туда хода не было.

Уф-ф...

Дурацкий нервный смех одолевал меня, когда, раздевшись перед зеркалом, я считал синяки. Что, искупил вину, подонок? Куда там. Зато снова разозлился — а не этого ли ты хотел? То-то. Раскиснуть всегда успеешь. Молчишь?..

Молчу.

Ну и молчи.

С Димкой Долговым я не виделся год, если не больше; в последнюю нашу встречу мы посидели у меня, празднуя мое назначение и жалея, что с нами нет Сашки Кисселя — тот надолго запропал где-то на Курилах по делам своих спасателей. Тогда-то под коньячок мы поговорили всласть, почти скрыв взаимное непонимание, — совсем как в старые, детдомовские еще времена. С тех пор Сашка так и не объявился, а Димка звонил один раз в конце лета, просил смешную сумму денег в долг. Мне было не до встреч, дурная история с миковирусной эпидемией выматывала мне жилы, и я, извинившись, ограничился тем, что перевел просимую сумму на его счет. Задушевного же разговора по телефону не получилось — возможно, оттого, что не было коньячку?

Непонятен он мне был, вот что главное. Окончив Школу куда успешнее меня, начав стажироваться при Службе духовного здоровья населения (ибо такова была его специализация), будучи на особом счету, имея блистательную перспективу, о которой средний выпускник может только мечтать, он вдруг совершил невероятный поступок: бросил все и ушел работать учителем истории в городскую гимназию на окраине. По слухам, его — единственный в своем роде случай! — пытались уговорить остаться, и Кардинал был недоволен. То ли Димке стало просто-напросто противно (по своему опыту общения с СДЗН я отчасти могу его понять), то ли взыграл в нем дух свойственного большинству из нас мессианства, но факт остался фактом: своего решения Димка Долгов не изменил. По слухам же, гимназисты его боготворили, учителем он оказался превосходным и был великолепен, показывая в лицах убиение Самозванца: «Душа моя, мы погибли!» — только что в окно не выпрыгивал и ног не ломал.

Там же, при гимназии, он вел нечто вроде гибрида туристского кружка и начального курса выживания в экстремальных условиях — по собственному почину и на голом энтузиазме, поскольку не получал за это от гимназии ни гроша и даже открыто признавал нелепость оплаты того, что и без денег не захиреет. Диплом инструктора у него был, что меня нисколько не удивляло: он всегда был фанатом. Когда-то очень давно, миллион лет назад, в препротивный период послешкольного «шлифования» нам было оказано послабление: в по-прежнему обязательных спортивных занятиях стал допускаться вольный выбор. Любопытно, что мало кто избрал традиционные виды: бегать, плавать, метать, кряхтя, снаряды различной формы и тяжести, а также играть в командные игры большинству из нас к тому времени давно осточертело до рвоты. Лебедянский однажды признался в увлечении стрельбой из пневматического пистолета с десяти метров от мишени (по-моему, с такого расстояния неприлично стрелять даже из рогатки), Димка выбрал экстремальное выживание, я — спелеотуризм, что все-таки сошло за спорт. Разница между нами заключалась в том, что Димка увлекся всерьез, а моим наивысшим достижением был спуск в Снежную за второй сифон да еще случайная находка в колодце совсем другой пещеры почти полного скелета ископаемой нелетающей совы Syrnium Vitmani, кажется, единственного в стране. Оставил, так сказать, след в палеонтологии. Кстати, если вам когда-нибудь попадет в руки та сволочная статейка в «Природе», где сказано, что я будто бы повредил ценнейшую находку, пытаясь выколупать ее из известковых натеков, не верьте этому: вранье!

Я слушал Димку и с не лишенным неприятности удивлением замечал, что он, по-видимому, счастлив. Сказали бы ему в Школе, кто из него в конце концов получится, — он бы в драку кинулся. Не раздумывая. Потому как, подобно всем нам, полагал себя если не пупом Вселенной, то уж по крайней мере околопупной точкой. И был прав так же, как и теперь, возможно, прав. Все-таки все мы устилаем наш путь трупами самих себя, размышлял я, и никуда от этого нам не деться. Один Димка, что ли? А я? Пятнадцатилетний мальчишка с радужными надеждами Миша Малахов — где он? Умер и погребен. От него остался

труп. Или я семнадцатилетний — тот же мальчишка, но уже познавший женщину, невероятно самодовольный, — где этот я?

Там же.

Димка был в ударе. Два с лишним десятка тинейджеров смотрели на него в полном восхищении, разинув рты.

— ...Третье! — кричал он им. — Палаток и спальников не берем, всем ясно? Только полог и подстилку для каждого на первый случай, а потом я вас научу обходиться без этого. И четвертое, оно же главное: ничего горячительного! У кого увижу спиртное, тому лично отломаю руки и скормлю их остальным! — По рядам гимназистов прошли смешки. — Запомните: зимой в лесу пить опасно и кощунственно, для этого существуют квартиры, молодежные клубы и телефонные будки! Усвоили? Пошли далее...

— Ты это всерьез? — спросил он, утирая пот со лба, когда мы остались одни. — Зачем тебе с нами?

— Хочется.

Димка постучал себя пальцем по лбу.

— Температуру мерил?

— Хочется! — повторил я с вызовом.

— Поспи и пройдет, — посоветовал он и тут же спохватился: — Нет, ты себе не вообрази ничего такого, я был бы только рад тебя взять, вдвоем мы с этой бандой веселее справимся, а только... не советую. Тебе ведь какое-никакое удовольствие получить нужно? Не будет тебе удовольствия. Понял?

Да, меняет нас время... Вот и Димыч зачем-то стал со мной дипломатничать, оправдываться стал передо мной, вместо того чтобы молча сунуть мне под нос кукиш, как бывало между нами когда-то — просто, доступно и необидно. Вот и я, вместо того чтобы как следует треснуть его ладонью по спине и высказать ему все, что думаю о его неуклюжих реверансах в мой адрес, потребовал только:

— Поясни.

— Забыл ты Школу, Миша, — сказал Димка с сожалением. — Хотя, по правде, Школа — та еще аномалия, леший с ней... Короче, объяснить тебе, что будет? — Он осклабился. — Объясняю. Во-первых, имей в виду, что завтра к месту сбора явятся несколько родителей, обеспокоенных тем, как бы их дорогих чад не поморозило, не простудило и не загрызло волками, медведями, саблезубыми тиграми и прочей вымершей фауной. И я буду

битый час рассыпать перед ними перлы своего красноречия, а ты будешь слушать, зевать и прыгать, чтобы согреться, дурак дураком. Во-вторых, вести в лес с ночевкой два десятка обормотов, да еще по первому разу — радость небольшая, можешь мне поверить. Для начала Матюшев и Чупрыгин подерутся за коровьи глазки Анечки Шанцевой, и совершенно напрасно, поскольку глазки эти давно смотрят в сторону балбеса Суходоева из девятого «А». Потом кто-то начнет ныть, кому-то на ногу уронят полено, кто-то решит подшутить и спрячется, чтобы послушать, как мы оглашаем лес глупым ауканьем, и при прочесывании леса кто-нибудь в самом деле потеряется, ну а в конце концов ты возвращаешься домой злой как черт с ощущением бездарно потерянного времени и твердым намерением никогда не иметь дел с молодняком. Убедил?

— Красно говоришь, — похвалил я. — Век бы слушал. Кстати, ты вернуться, часом, не подумываешь?

— А что, есть вакансия? — Димка неприятно усмехнулся. — Твоим пресс-секретарем?

— Дубина. Лет пять на низовке, естественно, проведешь, ну и что? Кто в нашем выпуске был самый способный? Ты. Функционер бы из тебя вышел — блеск, не мне чета. Соглашайся, а? Кардинала как-нибудь уломаем.

— Правду сказать? — спросил Димка.

— Ну?

— Не хочу. Не ты первый предлагаешь. Просто не хочу.

— Ну и дурак.

— Ну и переживу, что дурак, — отрезал он. — Ты-то зачем с нами в лес просишься?

— Хочу отдохнуть, вот и все.

— Ладно, — сдался Димка. Все-таки он был доволен, правда, ровно настолько же удивлен моей настойчивостью и, боюсь, не вполне мне поверил. — Я тебя предупредил, а там как знаешь. Только не опаздывай. Да, насчет моего должка... Подождешь еще немного, а?

— О чем речь, — уверил я. — Может, тебе еще надо? Ты скажи.

Он даже испугался — за свою независимость, как я понял, — и я, естественно, не стал настаивать. Бог ему судья. По идее, я должен был бы испытывать к нему легкое презрение, а вот не было этого ни капельки. Было во мне что-то другое, не очень приятное...

Может быть, зависть?

Заехав по пути домой в банк, я обналичил часть своих денег. Как я подсчитал заранее, банкноты дали лишний килограмм веса, но с этим приходилось мириться. Если мой отчаянный финт удастся, довольно долгое время мне не придется пользоваться кредитной карточкой.

Кое-что из снаряжения сохранилось у меня в кладовке, кое-что пылилось на антресолях. Большой рюкзак и маленький герморюкзачок — с ним я нырял в сифоны пропастей Бзыбского хребта. «Дыхалка» тоже оказалась в порядке и даже с заряженным до трехсот атмосфер баллончиком. Разве что резиновый загубник время испещрило сеточкой трещин. Давненько я не держал тебя во рту, приятель... Хочешь в сифон?

Утром я еще раз тщательным образом проверил содержимое малого рюкзачка. Кажется, все было на месте. Еда. Денежный кирпич в дополнительной гермоупаковке. Разные мелочи. Карманный комп — куда я без него? Табельное оружие. Табельный мозгокрут. Что еще? Жаль коллекцию топоров — придется оставить тут, на растаскиванье...

Дискета-монетка полетела в камин. Вспыхнул и погас факел синеватого пламени. Все.

Напоследок я поймал Бомжа и, чувствуя угрызения совести, вынес его на крыльцо.

— С собой взять не могу, а дома оставить не получается. Ты уж извини.

Бомж шевельнул хвостом, вопросительно мякнул и легонько цапнул меня за запястье. Он еще не догадался, что с ним не играют, и это меня устраивало. Больше всего на свете мне не хотелось увидеть в его зеленых искрах одну очень простую вещь: понимание.

— Весна скоро, — сказал я ему. — Не пропадешь.

Не знаю, смотрел ли он мне вслед — я ни разу не оглянулся.

3

Топаем.

Просека в лесу пряма, как автострада, и скучна до отвращения. Большинству гимназистов до чертиков надоело месить снег, но у Димыча на этот счет своя теория. Подозреваю, что она звучит так: «Чем хуже, тем лучше».

Извращенец.

От нас давно валит пар, а Димкины усы обросли инеем и сосульками. Морозный и влажный мартовский день на исходе. Солнца не видно, и не деревья тому виной, а аморфная облачная каша, за какие-то грехи обрушенная сверху на столичные окрестности. Вроде киселя. Никакой поэтики, но это-то, как видно, и нужно специалисту по выживанию. Что он себе вообразил — что его подопечные после окончания гимназии всей толпою бросятся покорять Таймыр?

Сам по себе лес тут ничего. Пусть только кончится весь этот кошмар — приеду сюда летом, обещаю. За трюфелями, например. С поисково-землекопным устройством породы ландрас. Шерше, Хавроша!

То ли светило уже свалилось за горизонт, то ли еще нет — непонятно. Пока доберемся до места, где Димка собирается учить своих экстремистов выживать, стемнеет окончательно. Ничего не имею против.

Пусто. Что-то не видно поблизости никаких служак — ни моей охраны, ни ребятишек Кардинала. Своим я вчера основательно накрутил хвосты, заявив, что на их служебную инструкцию мне трижды плевать, и если я еще раз увижу во время прогулки хоть одну рожу... Они смолчали, из чего, однако, было бы крайне опрометчиво сделать вывод, будто никто за мною не увязался. Но более вероятно, что дежурный наряд движется на машине по ближайшей дороге, отслеживая мои перемещения по сигналу «пайцзы»...

— Эй! — орет Димка. — Не растягиваться!

Вроде бы все гимназисты на виду, но тут далеко позади из кустов выносит еще двоих: не то выясняли отношения, не то справляли нужду. Рысцой догоняют. Свои.

— Будь другом, посчитай их, — молит Димыч. — У меня уже в глазах рябит. Нельзя таким кагалом в лес ходить.

Считаю. Плохо видно — сумерки.

— Восемнадцать.

— Ну? — Димка удивлен. — А было семнадцать. Нас с тобою ты, случайно, не посчитал?

— Нет, конечно.

— Если размножаются, это еще не самое страшное, — философски вздыхает Димка. — Было бы хуже, если бы пропадали.

Смеемся.

— Да уж. Родители не поймут.

По-над замерзшим Осетром гуляет ветерок. Река — серый в сумерках извилистый каньон, сжатый стенами леса. Дотрюхали.

— Под лежбище место утоптать, под костер — расчистить!

За костер они хватаются все вместе, для начала наполнив лес хрустом ломаемых сучьев, и на очищенной от снега площадке растет гигантское сооружение, больше всего похожее на баррикаду, сильно пострадавшую от артобстрела. Кряхтя, тащат такие экземпляры коряг, которые при минимальной обработке взяли бы первый приз на конкурсе абстрактной деревянной скульптуры, и валят в костер. За всем этим безобразием Димка наблюдает с непроницаемым лицом индейского вождя, и даже я не могу понять: действительно он расстроен или потешается?

Тем временем делается попытка запалить баррикаду снизу, для чего под сооружение подпихиваются комканые газеты. «Дай я!» — «А почему ты?» — «Ты не умеешь!» — кого-то хлопают по маковке, чиркают зажигалки, прыгает тщедушный огонь, и сразу становится видно, что детали баррикады по преимуществу безнадежно сырые, с толстой обледеневшей корой, так что шансы погреться у костра у меня, пожалуй, невелики. Перед глазами встает крамольное видение миски с макаронами. Закуриваю, чтобы отогнать. Тинейджеры, толкаясь, пихают в едва тлеющую искру всякую дрянь, и каждый вопит, что его дрянь самая сухая. В присутствии двух взрослых дядей они следят за лексикой, и наибольшей популярностью пользуется у них ботаническое слово «лопух». Затягиваясь сигареткой, я размышляю о великом значении символов. Пусть они символами и остаются, так будет лучше. Если бы сказанные слова имели дурную привычку овеществляться, очень скоро вся Земля, включая ледники и пустыни безводные, покрылась бы лопухами один развесистее другого.

Кто-то сопя дерет бересту на растопку. Я выщелкиваю окурок в сугроб — каждая затяжка дает понять, что желудок мой пуст и очень хочет чего-нибудь внутрь.

— Дрова сырые, — сообщает белобрысый экстремист. — Без бензина не загорятся.

Бензина у них, разумеется, нет, зато есть растворитель — гордый владелец его, тряся у каждого перед носом бутылкой с плещущейся в ней жидкостью, заявляет, что сунул ее в рюкзак в последний момент, и имеет вид благодетеля.

— Сейчас точно подожгут кого-нибудь, — мрачно предрекает Димка. — А ну дай сюда! — Разогнав всех попавших под руку, он одним точным движением отправляет содержимое бутылки прямо в чахоточный огонек. Тот немедленно гаснет, и в воздухе распространяется запах крепкой химии. Кое-кто из экстремистов откровенно ржет.

— Что за дрянь? — спрашиваю я с опаской.

— Не знаю. — Димка сконфужен и нюхает бутылку. — Не, это не растворитель. Это, наверное, от насекомых... Гадость какая.

— Теперь в лесу ни одного клопа не останется, — комментирую я. — Все до одного перебегут в город.

Димка с рычанием набрасывается на потухший костер и раскидывает его ногами. Нечего делать, иду собирать валежник. Вдвоем, окруженные злорадным любопытством тинейджеров, мы разжигаем-таки небольшой костерок. Можно согреть руки.

— Городские дитяти, — извиняющимся шепотом поясняет Димка. — Ничего пока не умеют, рюкзаки вон где попало побросали... Пикник, а не экстремальное выживание. В следующий раз они у меня вообще без вещей пойдут, поучатся на своей шкуре уму-разуму...

Он еще что-то говорит про шкуру, но я уже не слышу. Боль вонзается в голову моментально, стоит мне подумать о том, что — пора... Терпеть! Надо выдержать, чего бы мне это ни стоило.

— Пойду выберу сушину, — говорю я, стараясь придать голосу непринужденность. Кажется, получается. — Нодью сделаем.

— Не лезь, — пытается остановить Димка. — Они сами.

— Замерзнем мы тут, пока они сами!

Иногда «демоний» можно обмануть без водки и таблеток, по крайней мере на время. Ничего особенного не происходит, криминала нет, я просто иду по дрова — что может быть банальнее этого занятия? Я из лесу вышел, был сильный мороз...

— Рюкзак бы скинул, — бросает мне вслед Димка, друг мой по Школе, малая частица меня самого. (Прости меня, Дима.) — Что ты его на спине таскаешь, в самом деле?

Делаю вид, что не расслышал. Пусть думает, будто я, приустав от сидячей жизни, ищу нагрузок. Это он привык в лес нагишом ходить, а для спелеолога мой рюкзак вообще не вес. Когда мы уходили на месяц в Снежную, на каждого из нас приходилось двести килограммов еды и снаряжения.

Прости меня, Дима, за то, что я намерен сделать. Простишь ли?

Некогда думать об этом, и вообще хватит слезливой лирики. Лучше уж материться, тем более что я основательно вязну в снегу, с усилием выдирая ноги, и вдобавок мне никак нельзя двигаться прямо, нужно выписывать петли, топтаться там и сям, изображая цепочкой следов поиски сухой лесины. Свет костра меркнет в отдалении. Уже почти совсем темно, и будет очень скверно, если я заплутаю. У меня в запасе минут десять, от силы пятнадцать — потом меня хватятся. Если не терять головы, я успею.

А голове моей как раз хуже некуда: «демоний» просто неистовствует. Терпи!.. Можешь хоть выть, отсюда уже не услышат, — только иди. Иди и терпи, сволочь!..

Спуск к реке. Теперь цепочка моих следов пряма и недвусмысленна, в ее значении не усомнится никакой сыскарь: не найдя достойной сушины на правом берегу, этот обалдуй Малахов топает на левый, не зная, разумеется, того, что как раз на этом участке реки быстроток редко позволяет льду достичь безопасной толщины...

Зато на береговом припае наст схватился так, что не останется никаких следов моих эволюций. Можно еще сымитировать падение — поскользнулся, мол, забарахтался, — но, кажется, это лишнее. Мембранный гидрокостюм-термостат и «дыхалка» у меня в рюкзаке на самом верху... Три минуты на переодевание. Герметический рюкзачок с моими вещами — одежда, стограммовые сухие рационы спецназа, мозгокрут, «шквал», кое-что еще — пристегнут к спине, к запястью примотан фонарик-карандаш, загубник сунут в рот, на глазах — двухслойные контактные линзы для подводного плавания, а к груди приторочен малый баллончик с кисло-

родно-гелиевой смесью. Хватит на сорок минут. За это время я должен проплыть подо льдом два километра вниз по течению, где в реку низвергаются стоки Бортниковской ТЭЦ и в самые трескучие морозы не бывает льда. Не запутаться бы мне в придонных корягах, не потерять бы герморюкзачок... Дальше — проще. Внешний рюкзак с ненужными, но тщательно подобранными шмотками и «пайцзу» несу в руке. Когда взбешенный Кардинал прикажет взломать речной лед, их найдут на дне после многодневных поисков. Правда, если для меня все сложится удачно, моего тела им никак не найти, а я слишком хорошо знаю Кардинала, чтобы воображать себе, будто он после первого прочесывания дна все еще сохранит веру в несчастный случай... Неделя, две — самое большее, на что я могу рассчитывать.

Мне хватит.

Хоть бы Димка догадался не пустить своих экстремистов на лед!

Я делаю шаг, другой. Вряд ли их будет больше пятнадцати. Еще можно остановиться, еще можно повернуть назад, а «демоний» просто вопит: стой, дурак, стой! Не делай этого, не совершай глупой ошибки, цена которой — жизнь! Еще можно отмотать назад это кино. Потом не поправишь, подумай дважды и трижды, прежде чем сделать оставшиеся шаги...

Я думал. Не два раза и не три. Я думал об этом постоянно с того дня, как узнал правду. И что?

Еще подумай...

Боль болью, но и помимо нее я чувствую себя довольно погано. Для человека, воспитанного в Школе, мои действия более чем неадекватны. Прости меня, Дима: у тебя будут неприятности, но не за них ты меня прости, а за то чувство вины и беспомощности, что я тебе оставляю. Ты ведь не простишь себе моей гибели, ты станешь винить в ней прежде всего себя, наплюешь на выводы следствия и в мучительном запоздалом самобичевании припомнишь каждую минуту нашего общения, каждое несказанное слово, которым ты мог бы меня предостеречь, помешать нелепой, как тебе покажется, случайности, но не предостерег и не помешал. И ты придешь к единственному и неизбежному для тебя выводу: ты виноват. А когда ты узнаешь, что я жив... Впрочем, лучше тебе не знать.

Шаг. Еще шаг. Середина реки. Здесь русло выгнуто дугой, и стрежень ближе к тому берегу. Лед тонок, но пока держит мой вес. Пора? Нет, еще шагов пять. Четыре, три, два, один...

Он даже не трещит, сволочь. Ну же! Давай!

Затылок готов расколоться — адское пламя в мозгу, адская боль. Теперь ее не приглушишь, не обманешь наивной выдумкой: мол, иду по дрова — «демонию» предельно ясны мои намерения. Еще немного... Знаю: как только я окажусь подо льдом, боль исчезнет сама собой и «демоний» смирится, потому что уже ничего нельзя будет изменить...

Прыжок — удар ногами о лед. Мало? Вот тебе еще. Трещишь? Ага, трещишь!..

С третьего удара я проваливаюсь по пояс в ледяную кашу, отчаянно цепляясь за края полыньи. Мышцы сработали сами, словно я в самом деле тону, и это к лучшему: может быть, останутся следы моего цепляния. Понятен ужас провалившихся в полынью, очень даже понятен! Течение тянет меня туда — в черное, холодное, жуткое. Холода пока не чувствую, он скажется потом, не сразу, а пока — жарко... Пора. Еще раз для пробы вдохнув воздух через загубник, перестаю цепляться...

Жидкий огонь ледяной воды обнимает незащищенное лицо. Последним уползает под лед рюкзак, что зажат у меня в руке. Страшное, наверное, зрелище — хорошо, что никто не видит...

4

— Может, все-таки вызвать врача? — предложила Ольга.

— Не вздумай, — сказал я и закашлялся, давясь мокротой.

— Тогда еще укол. Сплюнь и повернись.

— Что, опять пора колоть?

Я сам отлично знал, что пора.

— Не трепись и заголяйся.

Она не очень-то церемонилась — удар из бытового инъект-пистолета (вот уж садистский инструмент!) подбросил меня на тахте.

Скверное дело — крупозная пневмония, пусть даже не двусторонняя, а только левосторонняя. И очень кстати здесь Ольга,

леди моя Белсом. То есть не она здесь, а я у нее, ввалился внезапно — «чудовище вида ужасного»... Просто поражает, с какой предусмотрительностью вел себя поганый мой «демоний», если сразу после моего знакомства с «Надеждой» велел мне приготовить себе нору. Заранее исследовал все возможные развилки, стелил соломку там, где я мог оступиться в своих шараханьях, знал, подлец, с кем имеет дело!

Унизительно, зато безопасно для нелегала. «Утонул» я двенадцатого марта, а сегодня восемнадцатое. Шесть дней. Вряд ли Кардинал еще не понял, что я обдурил его, а я, как ни странно, все еще на свободе.

Действительно странно. Если поразмыслить хорошенько, то, что я учинил, — истинно детский сад, штаны на лямках... И все в мире детский сад и шебуршанье. Не придумано еще такого, чему Кардинал поверил бы безоговорочно.

А самое главное — не мучила меня голова. Нисколечко. Кажется, смирился мой «демоний», сдался, а вернее, успел оценить новую ситуацию, и теперь наши с ним устремления совпадают: оба мы жаждем залечь на дно, зарыться в ил и не высовываться. Отрадно, черт подери!

— Как ты сегодня? — спросила Ольга.

— Почти здоров. Даже думал выйти прогуляться — погодка-то! Кстати, где мои ботинки?

— Выйди, выйди... На тот свет захотелось?

— Кто из нас врач: я или ты? — возразил я. — Потом, не вышел же. Лежал, в окно смотрел, радовался. Синичка прилетала, сидела на твоем свитере. Просто сидела и смотрела на меня. А я на нее. Хорошая такая.

Нужно знать женщин — Ольга тут же сунулась на балкон посмотреть, не осталось ли на свитере конкретных следов пребывания синички. Не осталось. А когда она вернулась, я как-то сразу понял, что разговор пойдет иной, что мне от него не отвертеться и что скидок на болезненность не будет.

Не надо, попросил я про себя. Пожалуйста, не надо.

Глас вопиющего.

— Слушай, что вообще происходит? — спросила она. — То тебя нет неделями, то вдруг являешься черт знает в каком виде — и лечи тебя. Ни разу никуда не позвонил отсюда. Прячешься, что ли?

— Угу, — вздохнул я. — Ну их всех. Взял отпуск.

Зря я это сказал.

— Ты меня совсем уж круглой дурой не считай, ладно? Я ведь и до всей этой шумихи кое о чем догадывалась... Эпидемия самоубийств, да?

— Пандемия.

Она немного помолчала.

— Даже так... И ты не знаешь, как ее остановить, я правильно поняла ситуацию?

Я не мог ей врать. Она решила бы, что я трус.

— Я знаю, как ее остановить.

— Очень мило.

Она ждала. И тогда я рассказал ей все. Ну, почти все. Мы молчали — не знаю сколько времени. Долго. Потом она сходила на кухню и принесла из холодильника водку. Что ж, рассудила верно. Мы молча выпили по сто и еще по сто, и только после этого она спросила:

— А ты подумал вот о чем: кто ты такой, чтобы судить?

— Подумал, — сказал я. — Как раз об этом я подумал в первую очередь. Об этом в русской литературе столько написано, что не подумать невозможно. Только я не сужу. Это меня судят. И тебя. И вообще всех и каждого.

— А ты умываешь руки?

Я попытался изобразить улыбку. Получилось так себе.

— Что меня в тебе привлекает, так это точность формулировок...

Она отвернулась к окну. Точеный профиль леди Белсом, осиянный солнцем...

— А вещи твои где? Без ничего ушел, что ли?

— Спрятал.

— Ну-ну. А насчет того, чем я тебя привлекаю, уж лучше бы не врал. Я ведь сразу поняла, что ты меня используешь. Если бы я была нужна тебе хотя бы как женщина для постели... А так — не о чем жалеть. Ты сам сделал все для того, чтобы я не влюбилась в тебя, как кошка. Спасибо, а только рано или поздно кому-нибудь из нас это должно было надоесть первому. Надоело мне. Скажи-ка лучше: я с самого начала была нужна тебе только для того, чтобы ты мог при случае у меня отлежаться?

— Не говори так, — попросил я.

— А почему? — изумилась леди Белсом. — Я была тебе нужна, ты был мне интересен. Мы квиты. Что еще? Только договориться о том, когда ты уйдешь. Нет, я тебя не тороплю, ты не думай.

— Завтра.

— А не рано?

— Пора, — сказал я, почувствовав укол в затылке. Легкий укол, легчайший. — Ну, может, послезавтра.

— Кстати, куда ты пойдешь, ты мне не скажешь, конечно?

— Понятия не имею. Честно. Уеду куда-нибудь подальше.

— Деньги у тебя есть?

— Есть.

— Все равно в твоем положении лучше зря не тратить. Вот что... — Она посмотрела на меня с интересом. Почти с таким же любопытством, как тогда, в день нашего знакомства возле тела ее покалеченного дружка. — Ты умеешь путешествовать стопом?

— Посредственно.

— Научу.

Ночью она пришла ко мне — так же, как прежде, и я пытался быть нежным настолько, насколько меня на это хватало, а она была то грубовата и ненасытна, то нежна так, как мне и не снилось, совершенно невероятной, запредельной нежностью... Сколько у меня после Юлии перебывало баб — ни с одной я не испытал ничего подобного... Я знал, что это в последний раз. И она это знала. Уже под утро я понял: она врала. Врала, говоря, что я ей надоел. Врала, говоря, что мы квиты. Врала для того, чтобы легче перенести потерю — или для того, чтобы стало легче мне?

А утром меня кольнуло.

— Пойду прогуляюсь.

— Совсем уходишь?

— Нет, я недолго.

Ох как сладко дышалось на воле — свежестью, голубизной, ясным мартовским утром! За то время, что я валялся на тахте, плюясь мокротами в баночку, в природе произошло что-то вроде репетиции весны. Утро выдалось чудесное. Грязные сугробы съежились и стали похожи на больных

колючих рептилий, оставленных издыхать на солнышке, утренний ледок похрумкивал под подошвами, готовый охотно растаять к полудню, и пахло сложной смесью запахов: талой водой, автомобильным выхлопом, оттаявшими собачьими следами и крепким дезодорантом-адсорбентом для очистки воздуха, распыляемым ползущей по Ведерникову переулку цистерной, принадлежащей, судя по бело-голубой раскраске, Службе защиты среды.

Возле церкви Всех Скорбящих я поизучал вывешенный на щите план кладбища, неприятно похожий на схему разделки говяжьей туши, и отыскал двадцать первый участок. Дорожка в снегу была утоптана основательно, песочком не посыпана, так что я дважды поскользнулся на наледи, пока дошел. Могила родителей была в порядке: наверное, кто-то за ней ухаживал, так что и поправлять было нечего. Малахов Николай Ефимович и Малахова Инна Васильевна, дата смерти одна на двоих. Давней мгновенной смерти в смятой в гармошку автомобильной жестянке...

Скромная, но достойная плита, заведомо не халтура местной гранитной мастерской. Полированный черный кварцит, буквы — золотые.

Почему-то я не испытывал никаких эмоций — может быть, оттого, что никак не мог вспомнить ни отца, ни мать? Хорошо ли каждый из нас помнит себя с четырехлетнего возраста? То-то и оно. Почему я решил, что должен улавливать какие-то флюиды? Мистика это. И вообще никто из живущих не помнит покойников, в лучшем случае помнят легенду о них, и то если при жизни эти люди были сколько-нибудь достойны легенды или хотя бы кому-нибудь нужны на этом свете.

А кто ты сам такой, спросил я себя, кому нужен? Димку ты подставил, Ольгу тоже, Кручковича не спас, у Самохина украл два года жизни. Единственный сын не помнит тебя и знать не хочет... Мать он почему-то помнит!

Стоп! Проехали. Только таких эмоций мне сейчас и не хватало. А с Ольгой как-нибудь образуется. Еще не вечер. Еще успею подумать.

Мобилизовав запас приличествующих мыслей, я стоял и смотрел на могильную плиту. Сколько же лет я тут не был? Пять? Семь? Надо бы заказать выгравировать портреты —

фотографии есть. Хотя в моем положении как теперь закажешь? Фотографии и те не при мне, теперь я до них долго не доберусь, и все, что есть у меня с собой, — память...

Одну фотографию я помнил хорошо. Как и другие, она оказалась в моем личном деле в особом пакете и вручили мне ее перед окончанием Школы. Довольно скверный любительский снимок, сделанный кем-то из сослуживцев отца на похоронах. Себя я там не нашел, конечно. Много людей, снятых в основном со спины, много венков, краешек гроба, в углу кадра на снегу кладбищенской аллеи громоздятся отвалы мерзлой земли. Крайняя аллея, слева могилы, справа — ограда кладбища, а на дальнем плане за сеткой голых зимних ветвей кладбищенских деревьев — одноглавая церковь...

Отсюда не видно церкви!

Как часто нам хочется забыть очевидные, но досадные неприятности! Закрыть глаза — и нет их... Первым делом я подумал, что ошибся, — но шиш, плохой зрительной памятью я никогда не страдал, так что пришлось признать, что ошибки нет. Я отступил назад и начал метаться, выискивая место, с которого фотограф взял ракурс. Кажется, здесь... Точно, здесь. Во всяком случае, это единственная возможная точка, иных вариантов просто нет. И что-то тут не так... А «не так» вот что: церковь за спиной, она никак не могла попасть в кадр...

Это не *то* кладбище!

Примерно так, должно быть, чувствовал себя тот ирландский комендант крепости, которому солдаты Кромвеля оторвали деревянную ногу и шарахнули ею по голове. Кладбище-то, может, то самое, Калитниковское, но место — другое, и фотография — липа. Странно... Странно и непонятно. Случайно попала в пакет не та фотография? Еще более странно. А поди теперь подними втихую кладбищенские документы! Дурило я. Как ни крути, а умом не вышел. Не догадался даже изготовить копию «пайцзы», обыкновенный муляж для идиотов, без встроенного маячка и прочей начинки. Полезная была бы вещь.

Обогнув по плитчатой дорожке замерзший пруд, я двигался домой не спеша. Погуляли — и на первый раз хватит, не хватало мне еще плеврита в качестве осложнения. Неприятна история с кладбищем, но разберусь в другой раз. Домой...

Любопытно, как меняется понятие слова «дом», размышлял я, топая по Талалихина. Дом. Домой. Не домой я иду, а к Ольге, и завтра, а то и сегодня уйду совсем. Нет у меня дома.

И тут меня ужалило довольно крепко. Я выбрал позицию и стал ждать.

Через десять минут к дому подъехала машина, и из нее вышли четверо. Я прекрасно знал, куда они идут.

Не знаю, зачем я кружил возле дома Ольги еще долго после того, как они, поднявшись в квартиру и приказав по радиотелефону водителю отогнать машину за угол, принялись меня ждать, и даже после того, как они в конце концов уехали, забрав с собой Ольгу. Я еще долго ждал чего-то.

Возвращаться не было смысла — даже если они не оставили в квартире ни людей, ни сюрпризов, во что я не верил. Рюкзачок с моими вещами ждал меня в камере хранения на Казанском вокзале.

Глава 8
ЗАВТРА НАСТУПИТ ВЕЧНОСТЬ

Когда мир стал черней
Темноты слепых, «Светает»,—
сказали слепые.

Фазыл Хюсню Дагларджа

— На этот раз он попался, шеф.

Волосатая раскормленная муха, невесть как залетевшая в комнату, как раз сейчас перестала бестолково метаться под потолком и, оборвав жужжание, присела на краешек стола. Может быть, оттого, что сидящий за столом человек желал сохранить нечаянную оглушительную тишину, его голос прозвучал спокойнее обычного:

— Вы хотите сказать, что взяли его?

Маленький человечек с детским личиком и тонким прямым шрамом наискосок через щеку неодобрительно скосил на муху глаза, но тут же вернул взгляд к сидящему и покачал головой:

— Пока нет. Однако мы плотно ведем его уже вторые сутки. Безусловно, он догадывается об этом и попытается снова оторваться. Наша задача не позволить ему этого, иначе говоря, не создавать ситуаций, которые он мог бы использовать. Должен сказать, что объект то предельно осторожен, то нахален прямо-таки вызывающе. Очень труднопредсказуемый тип — до сих пор он не дал нам стопроцентной уверенности в благополучном исходе операции захвата. Я прошу вашей санкции на продолжение наблюдения при отказе от немедленной попытки задержания. Как только объект занервничает, мы начнем действовать.

— Вы надеетесь, что объект допустит ошибку?

— Рассчитываю на это, шеф.

— На вашем месте я бы на это не рассчитывал.

Маленький человечек почтительно замер, и лишь опытное ухо могло различить каплю иронии в его голосе.

— Простите?

— Он не делает ошибок. — Сидящий звучно припечатал ладонь к столешнице. Муха с гудением метнулась из-под ладони, забилась об оконное стекло. Сидящий поморщился. — Да, представьте себе, он их не делает. Мне кажется, к настоящему моменту вы могли уже догадаться об этом сами. Или вам мало опыта ваших предшественников?

Человечек вскинул голову, отчего тонкий шрам искривился и потянул за собой кожу на подбородке.

— Простите, шеф, — сказал он казенным голосом, выждав короткую паузу. — Вероятно, вам известно нечто такое, что не известно мне.

Он лишь намекал — не клянча, не унижаясь. «Не так уж плох, — подумал сидящий. — Будет жаль, если сломает себе шею».

Срикошетировав от стекла, муха села на потолок. Стало тихо.

— То, что мне известно, не должно вас касаться. Безусловно, вы понимаете, что о каком-либо недоверии к вам речь не идет и мое молчание продиктовано исключительно интересами операции. Я поддерживаю ваше предложение. Считайте, просимая санкция вам дана, и учтите: это не только санкция. Это приказ. Полагаю, впрочем, что в ближайшее время вы получите новые инструкции. Я хочу, чтобы вы и ваши люди наконец уразумели: на дворе конец лета, а не начало весны. У нас

уже давно нет права даже на единственную оплошность. Ни у ваших людей, ни у вас, ни у меня.

— Еще раз простите, шеф, но если новые инструкции...

— Об этом не сейчас, — прервал сидящий. — Продолжайте выполнять задание, но от захвата объекта вплоть до особого распоряжения воздержитесь. Вести объект предельно плотно. Самое главное сейчас не дать ему оторваться. Делайте все, что сочтете нужным, хоть привяжите себя к нему, но он не должен уйти на этот раз. Не должен, вы меня поняли?..

К. (особо секретно, лично)

ТЕМА: Малахов М.Н.

СОДЕРЖАНИЕ: диктотайпные материалы по работе с объектом «Лайма»; 4-й сеанс; 23.08.2040.

Подготовка к сеансу: стандартная.

Начало сеанса: 11 ч. 06 м.

Конец сеанса: 11 ч. 13 м.

Форсирование: 4 кубика 0,2% раствора препарата «Калхас-Х» внутривенно.

ЗАПИСЬ СЕАНСА:

Вопрос: «Где он сейчас?»

Ответ: «Южный город. Тепло. Солнце в глаза. Вхожу в подобие. Улица, пыль».

В: «Допустим. Море там есть?»

О: «Да. Море. Штиль. Водоросли. Вижу запах».

В: «Что еще там есть?»

О: «Речка в бетоне. Грязная, прямая, течения нет. Мазут. Дохлая чайка. Автовокзал».

В: «Держи подобие. Как твое имя? Где ты? Что видишь?»

О: «Я Малахов Эм Эн. Иду по улице вверх. По правой стороне. Много людей. Сторонятся. Я устал и хочу пить. Покупаю в автомате пакетик яблочного сока. Пью. Иду и пью».

В: «Что ты чувствуешь?»

О: «Устал. Хочу спать. Мозоль на пятке. За мной идут, следят, хотят плохого. Надоело. Хочу один».

В: «Ты боишься?»

О: «Не знаю. Нет. Не хочу бежать. Не хочу стрелять. Не боюсь. Очень устал».

В: «Сейчас ты видишь тех, кто ходит за тобой?»

О: «Нет».

В: «Так. Расскажи, что ты делаешь теперь».

О: «Стою. Оглядываюсь. Очень болит голова».

В: «Еще раз повтори: кто ты?»

О: «Малахов Михаил Николаевич».

В: «И у тебя болит голова?»

О: «Да. Затылок. Нет, теперь нет».

В: «Что ты делаешь? Все время говори, что ты видишь и что делаешь».

О: «Перехожу на другую сторону улицы. Большая машина разворачивается, едет за мной. Стекла темные. Иду вниз. Иду быстро. Деревья — толстые. Автомат с мороженым. Они — вокруг меня, они ходят за мной повсюду. Надоели».

В: «У тебя на спине рюкзачок. Расскажи, что в нем».

О: «Нет. Излом подобия. Не держу. Не вижу. Нет сущности. Кто я?»

В: «Ты — Малахов! Малахов Эм Эн. Держи подобие. Что ты делаешь?»

О: «Он входит в магазин. Большой магазин, нарядная витрина. Он внутри, я его не вижу. Ушел. Нет подобия. Нет сущности. Красивая кукла на витрине. Уходит... Дядя, я не хочу!.. Дядя, пожалуйста...»

В: «Будет тебе кукла, самая лучшая! Попробуй войти в подобие еще раз. Потерпи. Ты — Малахов! Ответь на главный вопрос: что ты собираешься делать?»

О: «Дя-а-дя-ааа!..»

В: «Стоп! Куда, идиот!.. На стол ее клади... Инъектор, живо! Врача!..»

(конец записи)

ПРИМЕЧАНИЕ

По предварительному заключению экспертов парапсихологического отдела, объект «Лайма» в ближайшие дни использован быть не может. Предлагаю продолжить

работу с объектом «Кассий», а также ускорить подготовку объектов «Шива» и «Белый Кролик».

(конец сообщения)

1

Магазин оказался обыкновенным провинциальным супермаркетом, скромным, но довольно приличным. Побродив по отделам, Малахов купил за наличные туфли с мягким задником, новую рубашку, зубную пасту и крем для бритья, батарейки к мозгокруту, лечебные сигареты общеукрепляющего действия и бутылку минеральной воды «Радость бедуина». Из двух молодых людей в одинаковых рубашках навыпуск, вошедших в магазин после него, один со скучающим видом посетителя музея слонялся за Малаховым из зала в зал, другой же занял стратегическую позицию у витрины с кружевным дамским бельем, держа в поле зрения все выходы: действующий главный, запертый запасный и четыре служебных. Прятаться молодые люди и не думали, и Малахов решил созорничать. Двинувшись в обход магазина еще раз, он последовательно приобрел мембранные купальные трусы, лыжную мазь для сверхнизких температур, фантастический роман «Именем Разума» (на обложке было изображено страхолюдное чудище, перекусывающее пополам земной звездолет, а также мускулистый брюнет с лицом восторженного имбецила), подробную карту города Воронежа, детский бумеранг и набор шариков для пинг-понга в пластиковой запечатке. Побросав всю эту дрянь в рюкзачок, он направился к выходу со счастливым видом человека, совершившего после долгих поисков удачную покупку. Что подумали о нем одинаковые молодые люди, оставалось только гадать.

Он неспешно обогнул площадь вдоль зеленых насаждений, где пальмы соседствовали с елками и где за геометрически искромсанными кустами надсадно трещали газонокосилки, отделывая газон под полубокс. От срезанной травы шел вкусный арбузный запах — трава была свежая, сочная, совсем не августовская. Похоже, в Керчи за все лето не пролилось ни одного дождя, деревья выпили воду на много метров вглубь,

склоны Митридата выгорели до рыжины, а здесь поди ж ты — поливают...

Город менялся буквально на глазах: сегодня он был не таким, как вчера, а вчера не таким, как позавчера. Общая паника еще не началась, но звоночки были. Заливались вовсю. Витал страх, еще не очень определенный. Страх неизвестности. Так сердце необстрелянного солдата пропускает такт при первом выстреле противника: мимо? в меня?

У страха не глаза, а прямо-таки радары — в этом Малахов убеждался ежеминутно. Вчера дежурная по этажу в дешевой гостинице для попрыгунчиков потребовала от него не дышать в ее сторону — сегодня просто сбежала. Можно было заметить, что на улицах меньше народу, чем полагалось бы в приморском городе в курортный сезон, и люди сторонятся друг друга. Не раз и не два навстречу попадались субъекты в респираторах, многослойных марлевых повязках, а один был даже в мембранном противогазе и, наверное, мнил себя в безопасности...

Пустые глаза людей, угрожающие жесты в сторону тех, кто пересек границу «зоны безопасности», определяемую, естественно, глазомером, матерный лай сквозь респираторы... И — отмеченные... Много отмеченных.

А трупы — где они? Вряд ли на такой город их было больше трехсот. Малахов видел один. Когда от четвертого этажа жилого дома без крика отделилось тело и его падение почти сразу остановила веревка, привязанная к ограждению балкона, он обернулся на крики прохожих. Они кинулись врассыпную, будто раскачивающийся на высоте третьего этажа мертвец сеял вокруг себя смертельно опасную заразу. Прочь, прочь от неведомых бацилл!.. Куда угодно — но прочь!

Пожалуй, сегодня на улицах прибавилось автомобилей. Повальное бегство из города еще не началось, но Малахов не сомневался: начнется со дня на день. Он попытался припомнить, что говорилось по этому поводу в школьном курсе социопсихологии, не припомнил и плюнул: и так ясно. Дураки. Толпа. Даже толпа умников — все равно единый бестолковый организм с животными инстинктами. Вряд ли побегут уже завтра, а вот послезавтра — вполне возможно. В

самом лучшем случае и при грамотной работе мэрии — через семь — десять дней.

Пусть бегут, подумал он. Вреда не будет: все-таки мы не лемминги, да и нет здесь фиордов. Кому суждено вернуться, те вернутся, и тогда-то начнется та жизнь, ради которой, рискуя пулей в рот, лезут из кожи вон функционеры, начнется прекрасная, полная ума и доброты жизнь, которой и должен жить человек, потому что, как ни крути словесами и мыслями, он ее все-таки достоин. А пока... агнцы — направо, козлища — налево! Вот так. Гадко — но потерпим...

На приморском бульваре было поспокойнее. Вокруг «плюющегося» фонтана, как и вчера, носились дети, разве что мамаши бдили своих чад тщательнее обычного. Фонтан был с сюрпризом: тонкие хрустальные нити воды летали из чаши в чашу и время от времени какая-нибудь из них выстреливала в произвольном направлении — при этом фонтан издавал нечто среднее между хохотом и ослиным ревом, а ребятня, визжа, спасалась бегством. «Хвоста» за собой Малахов не видел, и это настораживало. Торчать лишнюю минуту возле детей не следовало, но другой свободной скамейки поблизости не нашлось, а сил хромать дальше уже не было никаких.

Будут брать прямо здесь? С них, пожалуй, станется...

Девчушка лет трех прокатила мимо него огромный раскрашенный мяч. Малахов отвернулся. С детьми не сделается ничего — а вот с их родителями? Можно не сомневаться в том, что СДЗН вывернется наизнанку или, что вероятнее, будет создана еще одна, пятая Служба, самая мощная из всех, и ни один ребенок не будет потерян, всех подберем, вырастим, воспитаем, это мы уже умеем, у большинства снимем память о психотравме, тщательно скорректируем тех, из кого родители уже начали лепить свое ухудшенное подобие... но это теория, это потом, а пока каково видеть такую вот девчушку, кричащую сквозь слезы и жуть: «Мама, мамочка, встань!..»

И нечего ответить.

«Демоний» молчал, подлый палач и спаситель. И все же Малахов торопился, меняя обувь и носки, распахивая рюкзачок и брызгая на содранные пузыри на пятках заживляющей эмульсией. Старые туфли он оставил под скамейкой. В новых

ноги чувствовали себя не в пример лучше — пожалуй, удалось бы и пробежаться, если припрет.

— Думаете, поможет?

Малахов скосил глаза. Пока он переобувался, на край скамейки подсел мелкий старичок с палочкой, зажатой в птичьей лапке. Одет он был в пальто до пят — кровь не грела, и из рукава торчала длинная, как у древней обезьяны-проконсула, плеть запястья. Взгляд — безумный. Наверное, просто старик, к нацбезу не причастный. Сам по себе старикан.

— Что вы имеете в виду? — спросил Малахов.

— Обувка ваша. — Дед хитренько подмигнул. — Вижу, земли бережетесь и меня не чураетесь, как те дураки, у кого морды завязаны. Я тоже по три раза на день обувку меняю, а старую — долой. Заразная она. Отравили землю-матушку, нельзя по ней ходить. Не держит людей земля. Всяку живую тварь держит, а от человека отказывается. Мстит ему, значит. Я уж если из дома выхожу, так только по асфальту, и то опасно: пыль с земли на асфальт заносит. У вас, гляжу, обувка низкая и вся в дырочках, а это считай что босиком. Ботинки надо со шнуровочкой, как у меня, и чтобы подошва была толстая, тогда ничего. Я на всю пенсию накупил, тем и жив пока: чем дальше от земли, тем лучше.

— А на ходулях вы не пробовали? — поинтересовался Малахов.

Старик завозился на скамейке. Наверное, обиделся.

— Стар я уже, молодой человек. Пробовал — падаю. Поймали меня, нос разбил только... А внучек мой ходит. И зять.

Малахов торопливо поднялся.

— Простите, мне пора.

— От газона подальше! — зашебуршал вслед старик. — Середины, середины держись... Э! Туфли свои забери отсюда и выкинь, слышь?..

Малахов оглянулся шагов через сто. Наружки по-прежнему не наблюдалось, оба молодых человека куда-то исчезли, и он, неторопливо вышагивая по бульвару, принялся размышлять, что бы это могло значить. С утра ходили буквально как приклеенные, едва на мозоли не наступали, а вот поди ж ты — дают вздохнуть.

Или понервничать?

Одолев каменную лестницу, взбирающуюся на Митридат анфас, он присел на теплый парапет, отделявший смотровую площадку от склона, достал из рюкзачка комп и дал ему зарядиться на солнышке. Демонстративно и, пожалуй, нагло. А! Уж если настырные профи нашли беглеца, беглецу остается лишь с толком использовать это обстоятельство — чего уж теперь бояться пеленгации. Пусть пеленгуют.

Личный пароль по-прежнему был дезактивирован. Малахов вошел в общую сеть, отфильтровал суицидальную тематику из вала последних новостей и стал читать, бегло просматривая информацию политического свойства (речь главным образом шла о парламентских дебатах, взаимодействии национальных комитетов с международными комиссиями и выкладывании новых значительных средств на борьбу с «чумой XXI века») и детально изучая скупые бюллетени задействованных под проблему научных центров. Дважды он пробормотал: «Детский сад, штаны на лямках». Насколько можно было судить, ситуация оставалась в целом прежней — второй Филин на научном горизонте пока не замаячил. Второй Самохин, впрочем, тоже.

А последние сводки врали. Во всяком случае, они врали о том, что являлись последними, — Малахов знал на память точные цифры прогноза потерь на каждый день вперед, по крайней мере до следующей весны, когда прогноз аналитиков Лебедянского становился расплывчатым. Первый заметный рубеж аномальный суицид должен был перемахнуть вчера, от силы сегодня. Каждый тысячный. Четыреста тысяч по Конфедерации и двенадцать миллионов по всему миру. Он усмехнулся про себя: общедоступные сводки мудро давали картину примерно месячной давности. В смысле социальной терапии — неплохо... Хотя — куда деваться — паллиатив, конечно.

Звонки, как он и ожидал, ничего не дали. Юлия опять не ответила, а информаторий больницы вновь сообщил то, что Малахов уже знал: Малахов Виталий Михайлович, пятнадцати лет, черепно-мозговая, осложненная, выписан 11.06.2040 на амбулаторное долечивание, показан санаторный курс, состояние здоровья на момент выписки удовлетворительное...

Спасибо и на том. Где искать сына — неизвестно. И еще вспомнил ли он отца? А если вспомнил, то захочет ли с ним

говорить? А если захочет — что я ему скажу? Поступай, мол, сынок, по совести? Всегда, что бы ни случилось, — только по совести. Иди против людей, против могущественных сил, против «демония» своего — хорошо, что у тебя его нет, сынок, — и никогда против себя. Он это и так знает. Но совесть — она разная, у каждого она почему-то своя — как пожизненное клеймо, как вечный неотдираемый ярлык. Как отпечатки пальцев. Ладно, проехали...

Он закурил, алчно глотая дым, с наслаждением вытянул гудящие после подъема ноги. Звонить Ольге, пожалуй, не имело смысла. Ну-с, что у нас там еще?

Похоронная документация Калитниковского кладбища появилась по первому требованию. Тут все было чисто: участок такой-то, похороны состоялись тогда-то, плата за аренду и уход внесена до 2055 года включительно. Даже указано, из какого морга поступили тела покойных. К архиву морга Малахов не пробился и махнул рукой. Ну что — морг. Все равно заставить эту публику грамотно вести документацию еще никому не удавалось. А вот архив дорожной полиции, база данных свободного доступа... ну и система поиска у них... ага... Малахов Николай Ефимович, Малахова Инна Васильевна, Шалун Геннадий Карпович... это, наверное, тот шоферюга... ничего себе шалун... так... ДТП, встречное столкновение, схема прилагается, акт судмедэкспертизы... по-видимому, мгновенная смерть всех находившихся в автомобиле... место происшествия — Москва, Владимирка... это где же такой дом? Ага. У Терлецких прудов, стало быть. Проверить можно?

Можно. И должно. Хотя бы элементарной проверочкой. В общедоступной части архива телецентра — тогда еще не епархии СДЗН — такие сведения имелись. Всего две строчки на экране компа: время и место ДТП, число погибших, съемочная группа программы новостей не высылалась.

А вот это странно, подумал Малахов. Что у них стряслось на телецентре в тот день 2005 года? По обыкновению тех лет, отбивали штурм? Заведомо нет. Что-то настолько сенсационное, что не нашлось свободной группы для съемки кровавой трагедии? Он внимательно просмотрел материалы открытого доступа, касающиеся того дня. Тоже нет. На редкость спокойный, пустой день; на такую мормышку, как три трупа, телевизионщики должны

были клюнуть немедленно — ан нет. В высшей степени странный факт, знаете ли. Такое впечатление, что кое-кого водят за нос, и кое у кого есть подозрение, что никакого ДТП на самом деле не было на Владимирке, и не было водилы-наркомана... Впрочем, подозрение есть подозрение, что с него возьмешь. Недоказуемо. Притом данные по рождению, жизни и работе отца и матери подтверждаются всем, кроме свидетельских показаний друзей и сослуживцев, — а где их теперь найдешь, свидетелей? А фотография с кладбища — нет, фотография не доказательство... И вообще, положа руку на сердце, нет нужды заниматься тем, что не назовешь иначе как праздным любопытством во вред основной задаче. Есть такое мнение.

На всякий случай он напоследок набрал по памяти код общего архива Школы, хотя с полным основанием предполагал, что ответом и на этот раз будет лаконичное: «НЕ НАЙДЕНО. ПОВТОРИТЕ ЗАПРОС». Чудес по четвергам не бывает. Как, впрочем, и во все остальные дни недели.

Он ошибся. Нет, не в том, в чем он хотел и не смел надеяться ошибиться: архив Школы по-прежнему исправно делал вид, что его не существует в природе. Но ответ на запрос неожиданно оказался иным:

«НЕ ВАЛЯЙ ДУРАКА, МИША. ПОГОВОРИМ? ТВОЙ П.Ф.»

2

Я умирал. Один, на холодном пустыре, на ледяном ветру. А может быть, на холодной безлюдной улице или даже на безлюдной вымершей площади в вымершем городе — никак не разобрать, да и не важно это было, и не нужно никому. И я был никому не нужен. Забыт. Вокруг меня кружилась метель, по заснеженной равнине гнало поземку, и колючая белая крупа била мне в лицо. Сколько времени я лежал — не знаю. Дрожь тела постепенно унималась, откуда-то изнутри появилась теплота, мало-помалу на меня снисходило умиротворенное созерцание, и я знал, что это — финал. Я не противился.

Какая разница — где. Замерзну, и кончено. Не самая худшая смерть, не самый неудобный запасный выход из зала ожидания, именуемого жизнью. С некоторым удивлением я

рассматривал дома по краям площади — все-таки это была городская площадь, может быть, даже центральная. Некоторые здания были частично разрушены, и их верхние этажи осыпались бетонным мусором, другие были покрыты толстой сажей от фундаментов до крыш — видно, что горели, — но апогей катаклизма явно остался позади, и ниоткуда уже не воняло гарью, и не пепел падал с неба — снег. Валился в белое безмолвие. Тихо было вокруг, до звона тихо. Ни одного целого стекла. Ни одного человека, лишь я, последний. Брошенный.

Нет, не последний... Кто-то бредет в метели — темная сутулая фигура. Сюда идет, ко мне. Странный вид у этого типа, безразличный и одновременно угрожающий. Как-то это в нем сочетается? Я отмечаю, что одет он чрезвычайно легко, словно бы успел адаптироваться и не мерзнет в мерзлом нашем мире. Снежный человек, йети. Не хочу возвращаться к жизни — после обморожения это всегда мучительно, я врач, я знаю. Оставьте меня в покое. Пусть он пройдет мимо меня, пусть не остановится...

Остановился, вглядывается. Нет, этот мне не поможет. Убьет. Написано на лице, если только это можно назвать лицом. Мне не страшно умирать в снегу. Быть убитым ради забавы, а то и ради еды — вот что страшно, вот чему противится рассудок. Не хочу. Уберите его от меня к дьяволу, ну же, быстрее! Штейн, Колено, сюда! Не могу шевельнуться, и крик замерз. За что меня? Я же не усомнился ни на миг, я предал то, за что умер Филин, и спас вас, подонки... Где моя «пайцза», ведь только что была тут, под пальцами... Нет «пайцзы». Ничего нет. А-аа-а-а!.. Фигура ловко припадает на колено, короткий кривой нож с негромким треском вспарывает меня от лобка до шеи, и мир взрывается воплем — вопят стены, басом грохочет небо, визжит поземка, и в этом кошмарном хаосе я с трудом различаю свой собственный вопль...

Бр-р!..

Проснулся я резко, рывком. Нет у меня обыкновения досматривать сны наяву, и только по этой причине я не возопил в голос на весь Митридат. Тьфу.

Однако это внове. Надо же было позволить себе заснуть средь бела дня! Пусть всего на минуту. Угораздило. Да еще

после получения послания от Кардинала. Не так уж долго я обходился без сна, чтобы спать где попало и видеть дурацкие сны, — всего третьи сутки. Устал — да, но это другое. Очень устал, если честно себе признаться. Пора отрываться от «хвоста», а я слоняюсь от скамейки к скамейке и только ищу, где присесть.

Первым делом я осмотрелся по сторонам. Я бы не удивился, если бы в трех шагах от меня на парапете сидел Кардинал и хитренько мне подмигивал. Я весь вспотел от такой мысли, не сразу сообразив, что от такого соседства «демоний» меня наверняка предостерег бы — единственным известным ему способом. И действительно, вокруг меня на пятьдесят шагов не было ни души, вообще сегодня на Митридате было удивительно безлюдно, лишь двое мальчишек оседлали ствол пушки на постаменте да кучка туристов без гида слонялась вдоль края площадки, осматривая с высоты городские крыши, бухту и пролив. Порт был как порт, пролив как пролив с заметно различимой по цвету воды границей двух морей, по фарватеру лениво ползли два-три судна, правее едва проступавшей в дымке Тамани маячила неровная клякса острова Тузла, и нежарко — по южным меркам — пригревало солнышко. Тишь да гладь, словом. И снегом на голову — послание Кардинала.

Снизошел. Сам. Не доверил никому. Если только это не липа для выведения объекта из душевного равновесия — вроде бендеровского «грузите апельсины бочках»... Такую возможность тоже надо учитывать.

Затылок не болел. Совершенно. Второй уже день. Опасности не было.

Комп — в сидор, сидор — на горб. То, с чем я не расстаюсь шестой месяц, неудобно уже называть рюкзачком — сидор он. Понижен в звании за обтерханный вид и вызывающий запах. Одна лямка оборвана — это когда я прыгал с поезда — и впоследствии подвязана веревочкой. С этим сидором я все еще напоминаю основательно проевшегося попрыгунчика, ждущего оказии для возвращения к родным берегам.

А кто сказал, что нет?

Странное дело, последнее время меня все чаще тянет подняться повыше. Тут туристская достопримечательность — называется Пантикапей. Некогда хитрющие греки упорно ло-

патили веслами волны Понта Эвксинского, плывя сюда, чтобы обманывать в торге простодушных скифов и оставить по себе память в виде нескольких развалин, окруженных ныне, как водится, стадом автоматов с напитками, сувенирами и всевозможной дребеденью. Вот любопытно: если лет через тысячу наши потомки откопают где-нибудь скопище таких автоматов — чем они их окружат? Глупо надеяться, что пустят под пресс.

Не то. Зря я утруждал ноги, влачась сюда. Митридат не скала — невозможно взглянуть отвесно вниз, ощущая сладость бездны под ногами. Сверху — вниз, разбежаться и лететь... Как тогда, у Прорвы. И еще потом, на пилоне моста через Обь, и совсем недавно — на крыше недостроенного дома в Джанкое... Кой черт, интересно, понес меня на ту крышу, если ночевал я в подвале?

Стоп! Проехали. С ума схожу, что ли?

Кажется, да. Идиот. Как мне оторваться — вот о чем я должен думать остатком своих извилин. Не зря же мне навязчиво демонстрировали «хвост», ясно давая понять, что на этот раз упустить меня не намерены. Затишье перед бурей. Похоже, на этот раз меня решили взять измором. Я для профи фигура мистическая, выше узкослужебного понимания; наверняка они ненавидят меня лютой ненавистью и с отменным удовольствием пристрелили бы, если бы только посмели. Не контролируй облаву лично Кардинал, «демоний» исколол бы мне все мозги, уводя от пуль «вольных стрелков» то ли в безопасность, то ли, выбирая меньшее из зол, под выстрел стрелкам подневольным, что помнят команду бить только по ногам...

Спасибо, не хочется.

Кстати, насчет крыш — это мысль, коли нет в руке гранаты с вырванной чекой, а во рту — ампулы с цианидом. Лишний шаг — и привет. Берем на вооружение. Пока меня пасут, мне придется ходить по проволоке. Они не решатся действовать из опасения потерять меня — уже навсегда. Я нужен им только живым. Я — ходячий ответ на вопрос, который их мучит.

Что ж, мы в равном положении: кое-какие вопросы мучают и меня. В особенности один вопрос из тех, насчет которых каждый выпускник Школы, даже и не функционер, втайне

молится: убереги бог от того, чтобы хоть раз в жизни пришлось отвечать на них действиями!

А вопросец-то прост. Чист и наивен, как взгляд младенца: о ком я должен думать в первую очередь — о людях или о человечестве? Только-то. Не больше, но и не меньше. И я ведь уже ответил на этот вопрос...

Вот и живи со своим ответом как хочешь.

Вот и живу.

Сейчас я как порядочный, утолив туристское любопытство, спускаюсь с Митридата не трусцой по выжженной траве, а по специальной асфальтовой полосе, спиралью обвившей гору. Современного строительства на склонах нет и, даст бог, не будет — там и сям живописно разбросаны одноэтажные домики в плюще и диком винограде, окруженные изгородями из камня с того самого Пантикапея. И домики эти, и изгороди неистребимы в принципе, как и привычка тащить. Когда новомодные типовые сорокаэтажки обрушатся за ветхостью под собственным весом, когда засыплет их пеплом очередного Везувия и люди забудут об их существовании, когда их руины по прошествии веков вновь откопают археологи, то и тогда начнется то же самое: бесценные бетонные плиты будут растащены на изгороди, а уникальную лифтовую дверь с загадочной надписью какой-нибудь домовитый умелец присобачит к сараю-стойлу для домашних киберов...

А ведь может быть иначе. И даже очень может быть. При условии, что в ближайшие полтора-два года нигде в мире не появится нового Филина. И при том, разумеется, условии, что я останусь на свободе. Или буду убит, если мне выпадут очень уж неудачные козыри. Или, скажем, необратимо потеряю память.

Гигантская метла выметет грязь — и кончится история человечества, а взамен начнется история чего-то совершенно нового, чему и названия нет пока. Мечта утопистов всех времен, вот что будет. Золотой век. Свободные, умные, добрые люди, навсегда забывшие, что это такое — извечная борьба за существование свободного, умного, доброго в жестоком, животном, жвачном мире. И не осуждайте меня, вы, счастливые люди будущего! Не я смываю корку грязи с рождающегося в муках мира — новорожденное человечество очищает само себя...

Можно верить в лучшее. И можно надеяться. Хотя никто не даст гарантии, что все свершится именно так, как хочется. Игра в покер с шулером — вот на что это смахивает. Кто может знать, какие карты мать-природа держит в прикупе, какие — в рукаве? Мы даже не знаем, сколько их там всего. Есть подозрение, что этих карт много больше, нежели нам хотелось бы, и пока нам, людям, предъявили только одну...

А мы живем. Мы выжили. Мы готовы к качественному скачку, и разве мы виновны в том, что скачков без крови не бывает?

— Эй, закурить есть?

С небес на землю. Пике. Я медленно оглянулся. Оказалось даже хуже, чем я думал: шестеро переростков лет под двадцать брали меня в полукольцо, прижимая к каменной изгороди. Нормальная молодежная банда, как сказал бы капитан Костюк. Не лица — рожи, и, как водится, ничего доброго они не предвещали. Та-ак. Классическое начало, просто удивительно, что сразу не обозвали козлом. А сон-то мой был, пожалуй, вещим... Ай-ай. Какая-то женщина далеко позади меня очень быстро удалялась прочь. Больше никого не было на пыльной асфальтовой ленте, и не торчали лица в окнах домиков. Крайне некстати я вспомнил, что мой «шквал» лежит в рюкзачке, а оттягивающий брючный карман мозгокрут, вестимо, работает только на защиту — менять настройку было рискованно, да и не успеть. Всякий нормальный человек на моем месте, плюнув на самолюбие, перемахнул бы через изгородь и поискал спасения в кроссе по огородам, но кто сказал, что я нормальный человек? Функционер я, хоть и бывший. Так что извиняйте меня, ребята. От кого мне бегать, я уж как-нибудь выберу сам.

Я протянул початую пачку тому, в ком угадал вожака:

— Угощайтесь.

Вожак, осклабившись, швырнул мою пачку через плечо. Теперь, с его точки зрения, начиналось самое интересное.

— Ну а что еще у тебя есть?

Особь «альфа». Пробы негде ставить. А вон и «омега», самая опасная из всех, но не раньше чем жертву свалят и начнут топтать, — жмется пока за спинами...

Я начал снимать рюкзачок, мучаясь вопросом: дадут или не дадут снять? Не сидор был им нужен, хотя в нем лежали почти все мои деньги — месяцев на восемь, если не больше. Точно так же те, кто напал зимой на Витальку, не поинтересовались содержимым его карманов. Им нужен был я, беззащитный с виду попрыгунчик. Избить. Опустить. Изуродовать. Самое удовольствие для крыс, острая сладость беспредельной власти стаи над одиночкой. Напоследок — но уж пир инстинктов! Отмеченные, конечно. Фактически все они были уже мертвецы, кому-то из них остались дни, кому-то месяцы, и, возможно, хотя мне с того было не легче, они подсознательно понимали это. Вот чего я не учел: последних конвульсий отсекаемой гангренозной массы; эти не побегут вон из города в напрасной надежде на спасение, они останутся в нем хозяевами. Выползли. Показали личико...

Прав я был. Каждую минуту, каждую секунду моего бегства — прав!

Я швырнул рюкзачок вожаку в рожу за секунду до того, как меня должны были сбить с ног.

— Лови!

Эффект получился неожиданный. Голова вожака взорвалась, как бешеный огурец, из внезапно появившейся дыры на месте уха вылетел сгусток; осталась только ухмылка, как бы отделенная от лица, и вот по этой-то наглой глумливой ухмылке я врезал кулаком со всей дури и промахнулся. Вожака отбросило и крутнуло волчком. Неестественно выгнутый, он еще не успел упасть, как где-то поблизости скромно тукнул второй выстрел, и тот, кто нацеливался на меня сбоку, споткнулся и нырнул головой вперед. И тотчас третья пуля, прошив кого-то навылет, визгливо срикошетировала от изгороди, брызнув крошкой пантикапейского известняка.

Остальных выстрелов я не слышал, откуда велась стрельба — не понял. Когда я совладал с инерцией своего броска и оглянулся, все шестеро лежали подле меня в разнообразных позах, лишь один из них еще скреб пальцами пыль и жалобно прискуливал. Троим из шести разнесло череп. Никто из них не пытался бежать, да что бежать — вряд ли они успели хотя бы испугаться, прежде чем каждый из них схлопотал по пуле. Однако... Зря я бросался на прорыв, как окруженный Паулюс, напрасно нервни-

чал. Профи есть профи: велено меня охранять — и охраняют, не щадя живота, покамест чужого. Нацбез или люди Кардинала? В общем-то без разницы. Ненавидя меня, положат жизнь за то, чтобы волос не упал с моей головы. Ох, ребятки...

Вряд ли сюда допустили бы полицию, но я уже поспешал трусцой вниз по асфальтовой ленте, вздернув на плечо забрызганный кровью рюкзачок и не оглядываясь. Усталости как не бывало, руки и ноги дрожали мелкой запоздалой дрожью, а главное — не отпускало ощущение, что что-то пошло не так. Словно случилось что-то важное, и мир, подпрыгнув, качнулся и пошел вдруг не по тем рельсам, а я и не заметил. Глупость какая мерещится... Ладно, плюнем. Перейдем на шаг, отдышимся. Проехали. Нормальная реакция организма на стресс, адреналиновый шторм баллов на десять, только и всего...

На бульваре пахло автомобильным выхлопом, хвоей и морем. Видимого «хвоста» по-прежнему не было, и голова не болела ничуть. Теперь стало понятно, отчего «демоний» не предостерег меня от встречи с бандой отмеченных: смертельной опасности подвергался не я, а они.

Стоп!..

Я перешел на шаг, а потом и вовсе побрел еле-еле. Мне вдруг стало ясно, что́ именно пошло не так: не болела голова. Совсем не болела. Нисколечко. Я выругался вслух, испугав какую-то старушенцию в марлевой повязке. Обрадовался, идиот, расслабился, а ведь это, как ни крути, непорядок! Сколько раз мне прочно садились на хвост — шесть? семь? И каждый раз в затылок въедалась боль — не острая, терпимая, привычный уже фон, — стоило только скорохватам выйти на мой след...

Ну и где мое чутье правильного пути, спрашивается? «Демоний» взял отпуск? Или отказал совсем?

Холодея от ужаса, я ступил на проезжую часть. Все произошло молниеносно: укол раскаленного гвоздя в мозг, визг тормозов, мой балетный прыжок чуть ли не из-под бампера... Водитель, притормозив, что-то проорал мне, выразительно покрутив пальцем у виска, — я в ответ покивал, вполне с ним соглашаясь.

Итак, «демоний» действовал... Против эксперимента не попрешь. Тогда — в чем дело?

Выходит, мой арест ничем мне не грозит?

Выходит, так...

В эту гипотезу даже послание от Кардинала ложилось вполне логично. Перехитрил меня Кардинал, додумался сменить гнев на милость, хитроумный реалист! Вот оно как... Не будет ни суда чести, ни заслуженной мною пули в рот, мало того, меня навсегда оставят в покое, если только я припомню последовательность импульсов из игровой программки с уничтоженной дискеты-монетки, — лечить тех, кому само человечество сказало: уйди, ты мешаешь!

А я припомню?

Придется. «Демоний» заставит — во избежание нежелательных последствий для ценного моего организма... В любом случае нужно отрываться уже сегодня и лучше начать прямо сейчас, пока они не поняли, что я беззащитен. Как это сделать без болевых подсказок — вот вопрос. Уходить от слежки в Керчи бесполезно, ясно и ежу. Дадут вволю побегать, не выпуская из виду. И на дно тут не залечь. Есть, правда, Аджимушкайские каменоломни, но я их не знаю, это во-первых, а во-вторых, кто позволит мне туда уйти? Да и выходы из них, надо думать, известны наперечет.

Опять угнать машину и рвануть когти? Куда? Тамань, Феодосия, Симферополь? Шило на мыло. Нисколько не лучше, чем оставаться здесь. Дождаться здесь апогея паники и попытаться ею воспользоваться? Гм... В нацбезе тоже не младенцы служат. Да и вряд ли мне позволят гулять на свободе столько времени. Нет, не дни у меня в запасе — часы. Походя брызнут чем-нибудь в лицо, не поверят своей удаче, а потом не устанут изумляться: каким таким божьим попущением заурядный лопух умудрялся ускользать от профи почти полгода?..

Стоп, назад!.. Только что была свежая мысль. Проехал... Совсем дурею. Ага! Каменоломни. Не здешние, конечно, и не каменоломни вообще. Олух я, что не подумал об этом сразу! А ведь есть в этом мире по меньшей мере одна крохотная область приложения сил человеческих, один экзотический закоулок, в котором я один сильнее всего нацбеза, да и ребятишек Кардинала, уж если на то пошло...

В порт? Да. Но не сразу. И не торопясь. Заодно будь добр следить за своим рылом, ты! Не хватало еще, чтобы мозговому

центру операции доложили: объект движется по направлению к пассажирскому порту, чему-то идиотски улыбаясь...

На первой попавшейся скамейке я обревизовал свое имущество. Первым делом, оглядываясь и отчаянно боясь психотропного удара из-за ближайшей акации, поменял батарейки в мозгокруте. Обошлось. Далее я уже не торопился, вынимая по одной вещи из рюкзачка и тщательно их осматривая, а большинство своих дурацких сегодняшних покупок просто швырнул под скамейку. Встроенный индикатор баллончика показывал, что сжатого воздуха осталось максимум на три минуты. Врал, конечно. Знаю я эти баллончики с индикаторами: если показывает, что осталось дышать три минуты, значит, шесть-семь минут есть наверняка, а опытный ныряльщик растянет и на десять. Хорошо, что я догадался не выбросить баллончик, — жаль только, что я не опытный ныряльщик...

Фонарик? Батареек хватит часов на сорок, и можно приспособить старые батарейки от мозгокрута, они еще живы. Хуже было с сухими рационами — оставалось всего пять штук. Дело было поправимым, но, поразмыслив, я решил не пополнять запасы. Неделю продержусь в любом случае. Сойдет за лечебное голодание, в конце концов!

Так, что теперь? Хоть как-то подстраховать себя, что же еще. Во-первых, справиться с «демонием», который изо всех сил будет мне противиться, если я правильно его понял...

Вспышка боли в затылке показала, что понял я правильно, — и какая вспышка! Мир померк, и в темноте я ощупью нашаривал таблетки, ощупью отвинчивал колпачок фляжки. Пять таблеток — три глотка! Нет, лучше четыре... Мир понемногу восстанавливал свои очертания, мелкими шажками отступала боль. Уф-ф!.. Дрянь водка... Ик!.. Наверное, мозговой центр операции только что принял сообщение типа: «Объект с мутными глазами глушит ерша натощак и героически борется с позывами к рвоте». Оно, если разобраться, и к лучшему: вконец изнемог объект, запутался, раскис, готов сдаться... Дезинформирующая версия должна лечь удачно — и это у нас будет «во-вторых»...

Прямо здесь, на скамейке, набрав какой-то фантастический адрес — дойдет, куда денется, — я отправил в сеть сообщение следующего содержания:

«П.Ф. НА РАЗГОВОР СОГЛАСЕН. М.»

3

— В Турцию? — с готовностью спросил пилот, когда я упер ему в затылок глушитель «шквала».

— Чуть ближе. В Батуми.

В отражении лобового плексигласа я читал растерянность пилота и, пожалуй, разочарование. Ничего не скажешь, странный нынче пошел террорист: заложников не взял, в машине ни пассажиров, ни стюардессы, ни второго пилота — ты, да я, да мы с тобой, — вдобавок не рвется вон из Конфедерации, что уже совсем ни на что не похоже! Псих, наверное.

— До Батуми не хватит топлива.

Я поискал глазами среди приборов. Индикатор уровня топлива показывал полные баки. Пилот честно врал, как его учили на случай захвата.

— Взлетай.

По пирсу слонялись уже четверо. Только что их было двое...

— Одну минуту. Запрошу разрешение.

У меня ты его запросишь... Одной статьей Уголовного уложения в моем деле больше, одной меньше — плевать. Чуть сильнее прижав «шквал» к затылку пилота, я отломал дужку микрофона, швырнул его на пол и раздавил подошвой.

— Взлетай так. На первый раз вранье прощаю. Будешь себя хорошо вести — останешься жив-здоров. Мне твоей крови не надо. Пошел!

Засвистели турбины, тяжело чавкнула вода под корпусом — экраноплан отделился от пирса и начал выруливание. Ну-с, что вы теперь скажете, ребята? Попытаетесь блокировать выход из порта? Не успеете...

Вырулив на прямую, пилот прибавил газу. Бежали назад портовые краны, обсиженные чайками причалы, обрывистые берега мысов по краям бухты... Мелкая волна била в днище. Теперь уже точно не успеете... А вот как скоро вы догадаетесь о том, что у меня на уме, — не знаю. Даже думать не хочу об этом. Я должен уйти и на этот раз, вот и все...

Стоместный экраноплан-монстр еще бежал бы и бежал по воде — этот двадцатиместный, вдобавок пустой, оторвался от волны, не добежав и до середины бухты. Сразу ощутимо прибавилась скорость, меня потянуло назад.

— Да сядь ты! — спокойно сказал пилот. — Дернет машину — на спуск еще нажмешь. Вон кресло... Мне что? Батуми так Батуми.

Я сел, но не рядом с ним, а позади, у самой переборки, рядом с холодильным шкафом. Кресло, судя по всему, предназначалось стюардессе. Пилот вел машину плавно и уверенно, небрежно кинув руки на штурвал; над островом Тузла, предупредив меня, сбросил обороты и сделал горку метров на сорок — мелькнула внизу узкая песчаная коса с редкими купами низкорослых деревьев, какие-то домики, разноцветные палатки попрыгунчиков, головы купальщиков в зеленоватой воде, взлетающая стая бакланов, катер погранохраны... Свисту прибавилось — пилот, снизившись до пятнадцати метров, добирал крейсерскую скорость. Шестьсот в час — норма для такой машины, лететь нам от силы полтора часа. Не в Батуми, конечно...

За полчаса пилот лишь дважды — на выходе из пролива и возле Новороссийска — предупредил меня о незначительной перемене курса. Экраноплан держался километрах в пяти от берега, вначале плоского и скучного, затем вздыбившегося горами. Иногда мне казалось, что пилот вообще уснул — странный модус операнди для человека, в спину которого нацелен ствол! На воду лучше было не смотреть вовсе — близкое мельтешение волн сразу вызывало тошноту. Адская смесь, при помощи которой я отправил «демоний» в нокдаун, вела себя в моем желудке вызывающе. Подкатывала к горлу и падала назад, не доводя до крайности.

— Пакетик возьми, — посоветовал пилот не оборачиваясь. — Слева от тебя.

— Обойдусь пока, — ответил я, глубоко дыша. — Э, а я уж думал, ты заснул.

— Еще чего.

— Самому-то не тошно? — спросил я. — Или привык?

— Допустим, тошно, — буркнул он. — Дальше что?

Я промолчал, дыша глубже и стараясь не глядеть на воду. Возле Лоо за нами увязался было боевой вертолет, но быстро отстал. Завалить вдогон такую цель, как пассажирский экраноплан, было для него делом плевым; при желании он мог бы ювелирно снести нам хвост или одну из турбин, вынудив плюхнуть-

ся более или менее мягко... Не позволили. Боятся, как бы не скапотировали, дрожат за меня, ценного, за мои мозги, за память мою. Никакого другого умного металла в лазоревом небе не замечалось. Вот ведь какой парадокс современной техники: посадить нас гарантированно аккуратно им нечем. Бережно посадить...

Во всяком случае, до Поти не решатся.

— Как отключить маячок? — спросил я пилота на траверзе мыса Пицунда.

Он показал.

— Отключай. А систему «свой-чужой»?

Он показал и это. Заметил только сквозь зубы, по-прежнему не поворачивая головы:

— Могут сбить по дури. Все равно увидят на локаторе; над морем-то — чего проще...

— А над сушей? — спросил я.

— Над сушей, может, и нет. — Затем он повернул-таки голову ко мне, и глаза его округлились. — Э, погоди-ка...

— Молодец, — похвалил я, — быстро соображаешь. Вот что: как пройдем Сухуми, будь внимателен. Перед Очамчирой повернешь и пойдешь над речкой до Отапа. Там сядешь. Самое трудное — побережье, ну и дальше пара-тройка мостов. Справишься.

— Погоди. — Он вывел на монитор карту. — Дай посмотреть, где он, Отап твой... Ага, вижу... Извини, я должен спросить, просто так, на всякий случай: ты что, правда псих?

— Зато тихий. Приготовься, минуты через три поворот.

— То-то и гляжу, что тихий... Слушай, тихий, жить тебе не надоело? Полста верст над сушей! Была бы хоть степь... А посадку экраноплана на грунт ты когда-нибудь видел?

Кажется, он принял меня за одного из самоубийц. Я постучал рукояткой «шквала» по подлокотнику.

— Разговорчив стал... Где сесть — покажу, есть там на речке спокойное место. Двигай!

Берег пошел на нас — засаженный эвкалиптами, застроенный отелями курортный берег. Турбины взвыли на форсаже.

— Куда?! Правее!..

— Заткнись, мне лучше знать...

Вел он мастерски. Взмыв над пляжем изумительной горкой — метров на сто, не меньше! — машина перемахнула отель, прошла на снижении между корпусами другого отеля, над оживленным шоссе, над двухэтажными особняками с крытыми верандами, оплетенными виноградом, над линией скоростной надземки, затем — еще одна горка, но пониже, — над проводами ЛЭП, над мостом... В холодильном шкафу что-то дребезжало и со стуком перекатывалось. Меня швыряло, я едва удерживался в кресле, ругая себя за то, что не стал пристегиваться, а содержимое моего желудка бултыхалось под самым горлом. На последнем вираже перед рекой машина едва не сбрила дерево левой плоскостью. Пилот промычал что-то невразумительное. В отражении плексигласа я видел его закушенную губу и глаза — сумасшедшие и восторженные...

Пошли над речкой. Время от времени пилот, следуя изгибам русла, без предупреждения кидал машину то в одну сторону, то в другую, но тут уже можно было отдышаться. Одна минута, полет нормальный, как слышите?..

Можно себе представить, какая сумасшедшая работа идет сейчас там, вне моего восприятия! Чьи-то погоны срываются с кителей... Отап? Повторите! Это точно?! Что у нас там? Почему ничего?!.

Через пять минут я буду на месте. На старте моего рывка. А вы — в лучшем случае — через тридцать.

— Тут петля, — подсказал я. — Можно срезать через кукурузное поле. Да, не прозевай развилку, нам в приток...

— Сам вижу, — отозвался пилот. — Спасибо...

— За что?

— За все это. Знаешь, что это такое — всю жизнь летать в десяти метрах над водой? Изо дня в день... пятнадцать лет. Смотреть спокойно не могу на эту воду. А так, как сейчас, — только в снах...

— Рад, что тебе понравилось, — хмыкнул я. Вот уж кому что...

Отап как бы и не село — редко разбросанные по холмам у подножия Кодорского хребта домики, сады, пастбища, плантации чая и ореха, подпертые с севера горным поясом с великолепной Ходжали на заднем плане. Среди всей этой пасторальной идиллии суетливая речка шустро бежала по камням,

кое-где уважительно обтекая крупные валуны. Глубины в ней, на глаз, было от силы полметра, ширины — полтора плевка. Не сезон снеготаяния, что поделаешь...

— Это и есть твое спокойное место?

Я только кивнул. Пилот крякнул, передернул плечом и не захотел больше со мной разговаривать. Машина, ложась на глиссаду, быстро теряла скорость — пилот явно намеревался посадить машину с первого захода. Я торопливо пристегнул ремень. Ох пронеси... Пять метров до воды... три... один...

Удар! Протяжный скрежет рвущегося металла. Стон переборок, искры из приборного щитка... Лобовой плексиглас выбило, в кабину рванулась вздыбленная мутная вода. Позади в салоне что-то звонко лопалось. Экраноплан пропахал днищем речное русло, крутнулся вокруг оси, попытался было встать на нос, но не встал, проскрежетал в последний раз по валуну, тяжело плюхнулся на брюхо и, перегородив речку, замер.

Я отстегнулся и ощупал себя. В голове гудели колокола и назойливо звенели какие-то бесстыжие бубенчики. Цел, однако!.. Пилот осторожно щупал здоровенную ссадину на лбу. Мокрый до нитки, он не замечал этого.

— Ну, бывай, — сказал я ему, вылезая на капот через битое остекление. — Спасибо, что подвез.

— Тебе спасибо, — сказал он серьезно. — Господи, все-таки это случилось! Хоть раз в жизни...

Я не стал его дослушивать. Недоставало мне еще, чтобы сюда собрались зрители и я проталкивался сквозь толпу... Бегом! Пожалуй, в селе стоит угнать машину, лучше всего джип, но только если сам подвернется, слишком мала моя фора, чтобы заниматься этим специально. Да и крюк какой по дороге, а выиграю я на машине всего-то километров пяток... Ближайший склон — вот он, рвануть по нему пешкодралом напрямик, в лоб, уйти наверх, в буковые горные леса, в царство карстовых воронок среди кустарника, там вы меня еще поищете... Там я вволю повожу вас за нос. А потом исчезну.

...Уже девять часов я мыкался в этом лазе, с ног до головы облепленный жидкой глиной, а лаз упрямо не желал кончаться. Но в лицо дул легкий ветерок, пробуждая надежду на то, что выход все же есть.

Я пресмыкался, как червь. Встречались участки, где мне удавалось ползти на локтях, но больше было таких, куда приходилось буквально ввинчиваться по частям, иногда и на выдохе, заполняя собой пустоты, как расширяющийся газ. Одна рука впереди, в ней рюкзачок и фонарик, вторая согнута и прижата к груди. Затекли обе, и невозможно их поменять местами. Последнее место, где успешно проходили такие эволюции, где даже можно было проползти на карачках, кончилось час назад. Впереди — неизвестно что. Зря я сюда полез. Давно ясно, что лаз мало-помалу уводит вниз, а мне надо наоборот. Жутко подумать — возвращаться назад тем же путем. Вверх. По глине. Ступнями вперед.

Самое страшное для ползуна — не обвал, не внезапный паводок, не потеря ориентировки под землей. Самое страшное, вечный сюжет кошмарных снов — застрять...

Темное дело карст! Никогда не знаешь, какую шутку он над тобой выкинет в следующую минуту. И шутки-то у него по большей части дурацкие: поставить на пути километровый шкуродер или такой вот лаз, набить сифон жидкой глиной, напугать эхом в колодце, заставить то потеть, то дрожать... Промочить до нитки — это уж само собой разумеется. «Дождевая вода сквозь внутренности горы процеживается и распущенные в ней минералы несет с собой, и в оные расселины выжиманием и капанием вступает...» Что правда, то правда, Михайло Васильевич. Вступает. Тут и человек «вступает в расселины выжиманием», чего ж воде-то не вступить туда же. Приятной такой водичке, освежающей. Градуса четыре.

Кажется, лаз чуть-чуть расширился. На какой-нибудь сантиметр, не больше, но уже можно было вдохнуть по-человечески. Уклон, пожалуй, тоже возрос. Я пополз быстрее. Найду место, где можно развернуться, и полезу назад. Тяжело, а надо. Впереди мне делать нечего. Удивительно, что вообще сюда долез. Двенадцать лет не спускался в пещеры, а надо же — не растерял ползучих навыков! Счастье, что сбросил брюшко за последние месяцы, иначе торчать бы мне в узости плотно вогнанной затычкой...

Впереди был зал. Небольшой. Фонарик осветил его целиком. Малое озерко, характерные натеки по стенам, отовсюду капает, а сталактитов нет, два колодца в потолке, с водопадиком и без, третий колодец ведет вниз... Ага, вот я куда попал!

Ну здравствуй, давно я тебя не видел. Зал Шумный, пещера Дурная, открытая нашей группой в двадцать втором и исследованная в двадцать третьем. Тогда же и получившая свое название. Пещеры Кодорского хребта — не глубочайшие пропасти хребта Бзыбского, здесь все скромнее. Дурная — она и есть дурная, нет в ней ни красоты, ни свойств полигона для новичков, ни малейших претензий на рекордность: съемка двадцать третьего года не показала и трехсот метров глубины. Не удивлюсь, если после нас в эту дыру вообще никто не заглядывал. Оно, если подумать, к лучшему.

Я постоял на краю колодца. Столкнув камешек, не услышал звука падения — вода шумела. Мучительно хотелось шагнуть туда — в черноту... Назад! Да что это со мной, а? Устал — пошли психические сдвиги? Рановато...

Я обессиленно привалился к стене, прекрасно зная, что через несколько минут меня начнет колотить от холода. Нет, вода не просочилась к телу, гидрокостюм выдержал все шкуродеры, — но пот!.. Хорошо было бы заменить патрон потоэкстрактора — а где его взять, запасной? Я был насквозь мокрый. За последние трое суток я проспал едва час. А ведь ушел! Самое главное — ушел, остальное пыль и мелочи. Из-под носа ушел, как ни пытались они настичь меня раньше, чем я найду первую же карстовую щель. Знали место, где я кое-что могу! Смешно: они видели, как я ушел в колодец без веревки, на распорах, и честно попытались гонять меня под землей. С веревками. Чудо, что не убились. Спелеоподготовка у нацбеза та еще.

Но долго торчать тут тоже не стоит, подумал я. Не выдержу. А то и грянет наверху хороший ливень — утопит паводком, как суслика. Нехорошо, что на стенах не видно отметин от последнего паводка, — значит, вода затапливает зал целиком.

Ладно, будем думать, что делать дальше... Чем хороша Дурная — так это обилием входов в нее. Только наша экспедиция разведала шесть. Только что я нашел седьмой, самый неудобный. Можно не сомневаться, что у каждого из этих семи входов меня ждут с большим нетерпением. Какой отсюда следует сделать вывод, господа? Правильно мыслите, найти восьмой вход, он же выход.

Значит, так. Глубина Шумного — порядка ста двадцати метров. Вниз идти незачем. Оба колодца в потолке выводят в одну и ту же штольню. Туда же можно попасть кружным путем через меандры и глиняный сифон. Штольня длинная, с ветвлениями, некоторые так и не были нами осмотрены... Но сперва нужно попробовать другое: вон тот знакомый мне узенький лаз за валунами. Ход Малахова.

В двадцать третьем я наткнулся на него случайно и получил выговор за трату времени, отпущенного на штурм пещеры. Ход вел не вниз, а наклонно вверх — это раз. Ход закончился тупиком — это два. Никто, кроме меня, туда не пошел, и ход остался просто ходом Малахова. Мало ли таких ходов; назвали в твою честь, и радуйся. Правда, в конце хода пламя зажигалки никак не хотело гореть ровно, и у меня сложилось впечатление, что камни впереди можно расшатать. Не помню почему — то ли сам я так решил, то ли ужалило меня в затылок, — но о чуть заметном сквознячке в конце хода моего имени я не сказал никому...

Я все же не выдержал: сдавил посильнее отработанный патрон потоэкстрактора, иногда это помогало. Удача моя не кончилась — помогло и сейчас. Дрожь понемногу унималась. Поесть, что ли? Нет, сначала поспать, хоть полчаса. А потом уже развести водой последний стограммовый пакетик и поесть, прежде чем выбраться отсюда. Наверх. Интересно, цела ли еще хибарка — «загородная резиденция» покойного Вахтанга Ираклиевича, лучшего фельдшера из всех, кого я знал? В двадцатом меня доставили к нему с признаками клещевого энцефалита, говорить я уже не мог, только мычал, а он, вливая в меня лошадиный гаммаглобулин (человеческого в радиусе ста километров не оказалось, хоть умри), вел надо мною нескончаемый монолог о жизни и искусстве, поминутно сворачивая на любимый предмет. «Скрябин? Как же, как же... Олухом надо быть, чтобы так помереть, вольно ему было давить тот чирей! Кхм. А музыка — божественная, и без света хороша...»

Я так и заснул под третью симфонию «Божественная поэма», и в моем сне было только это: музыка и свет.

А когда я проснулся, свет действительно был. Довольно яркий белый свет. Из круглой дыры сухого колодца в потолке свисала веревка, а под дырой, в трех шагах от меня, держа на

коленях яйцеобразный живот с прижатым к нему матовым цилиндром фонарика, на обыкновенном складном стуле сгорбился Кардинал.

— Ну вот и я, Миша, — сказал он. — Ты ведь хотел со мной поговорить, а?

4

Сильнее всего Малахова поразил именно этот стул, столь же неуместный на глубине ста двадцати метров под поверхностью земли, сколь дик был бы баобаб на арктической льдине. Ага, вот оно что... Кардинала спускали в колодец на веревке. На этом стуле.

— Что же ты наделал, Мишенька, — сказал Кардинал голосом старика Муразова, отечески укорявшего беспутного Чичикова, но громче, чтобы голос не потонул в шуме низвергающегося в озерко водопадика. — Ну зачем тебе понадобилась вся эта беготня, а? Дома не сиделось?

Акустика сводов странно дробила его голос. Шумела и плескалась вода в озерке.

— Нашли, — сквозь зубы проскрежетал Малахов. Откашлялся, прочищая горло, помотал головой. — Все-таки нашли...

Мысль лихорадочно работала. Исхитриться, вывернуться и на этот раз... Как?! Вряд ли Кардинал рискнул спуститься в одиночку, должен ведь понимать, сколь опасна загнанная в угол крыса. За валунами здесь можно спрятать слона, не то что двух-трех скорохватов... Тогда почему не взяли сонного? Ничего не понятно. Неужели он тут все же один? Взять в заложники? Кардинал не глуп, вряд ли у них не продуман такой вариант... Бежать! Сейчас же. Уносить ноги. Только бы успеть расшатать камни в конце лаза. А Кардинала — по голове...

Дико ожгло затылок. Рука сама зашарила в бесформенном глиняном коме, бывшем когда-то сносным на вид герморюкзачком. С первого захода нащупалась только фляжка.

Кардинал расценил это по-своему:

— Выпей, Миша, выпей. Такие разговоры вести трезвому — все равно что голым задом в улей сесть. Пей, мальчик мой... Выпил? Ну вот и молодец. Жаль, закусить нечем. А

скажи-ка мне, Мишенька, ты веришь в то, что один человек ценнее другого?

— Вы тоже, — огрызнулся Малахов, с трудом оторвавшись от фляжки. Боль отступила вместе с мыслью о немедленном бегстве. Зар-раза, где же таблетки?!

— Допустим. Ладно, философских споров я с тобой вести не буду, я ведь так — поболтать пришел...

— А... ну да, — огорошенно сказал Малахов. — Ну и... какие новости наверху?

— Плохо, Миша. Лавина, как ты и хотел. Завтра похороны президента. Но держимся. За тебя в Санитарной службе пока что Лебедянский, а Гузь — в больнице с инфарктом...

— Погодите, — перебил Малахов, — какого президента?

— Президента Конфедерации, естественно. Не сумел даже отравиться как следует, помучился... Официально — разрыв аневризмы или что-то вроде того. А ты как думал, Миша? Твой фактор Т косит политиков еще побольше, чем простых смертных, оно и понятно — плесень человеческая... Сам должен понимать: какой хороший человек полезет в ту грязь, к паукам в банку?

— Знаете, — кивнул Малахов. — Впрочем, я догадывался. Филин успел передать?

— Что убивает не людей, а людишек? Он. Домоседов поверил сразу, а я сомневался до самого твоего... до твоего ухода, так скажем. Ну, сейчас, сам понимаешь, это известно всем... кому нужно. Факты вопиют.

Большая капля сорвалась с потолка точно на лысую макушку. Кардинал вздрогнул, и Малахов невольно отвел глаза. Странно и, пожалуй, неприятно было видеть простые человеческие рефлексы у этого старичка.

— Как вы меня нашли?

— Зачем тебе знать это, Миша?

— Ладно... Чего вы от меня хотите?

— Лекарство, Миша. Ты понимаешь, о чем я. Информация с той дискетки, что ты отобрал у Кручковича. В обмен на любые гарантии.

— О чем вы, Павел Фомич? — изумился Малахов. — Какое лекарство? Какая информация? Нет никакой дискетки.

— Правильно, нет. Ты ее сжег. Но перед этим внимательно изучил. А ведь у тебя профессиональная память, Мишенька. Ну так как?

— А вам не приходит в голову иной вариант: ни Филин, ни Кручкович, ни я решения так и не нашли?

Кардинал беззвучно смеялся — трясся фонарик в прижатых к животу руках, прыгали фантастические тени.

— Спасал, значит, свою шкуру? Ох, дай отдышаться... А ты шутник, Миша. Насмешил. Видел ты когда-нибудь такое диво — функционера, бегающего от ответственности? Представь, я тоже не видел. Вот взвалившего на себя ненужную ответственность — одного вижу.

— А Краснопольский?

Кардинал промолчал.

— Что с моим сыном? — спросил Малахов.

Кардинал крякнул.

— В порядке твой сын. Долечивается у хороших специалистов. И женщина твоя в порядке, поверь слову. Кот твой и тот в порядке: живет в твоем доме хозяином, жрет как сенбернар... Возвращайся, Миша.

— Под суд чести?

— Забудь. — Кардинал махнул ладошкой. — Чтобы я отдал тебя под суд? Не скрою, были такие мысли... Теперь не вижу смысла. А скоро это станет просто неловко: спасителя человечества — угробить голосованием! Поработаешь еще, ты мне нужен. Ты ведь уникальный интуитивист, мой мальчик, и почти не ошибаешься. Я не знаю, как это тебе удается, и согласен не знать, а только ты подумай хорошенько: обманываю я тебя сейчас или нет?

— Нет, — признал Малахов. — Но я не хочу.

Молния пронзила мозг — пришлось стиснуть зубы.

— Ты ведь не только интуитивист, мой мальчик, — продолжал Кардинал, как будто не заметив этого «не хочу», — у тебя ведь еще завидное чувство самосохранения. Потому-то я и приказал ни при каких обстоятельствах не причинять тебе вреда. Не стрелять даже в ногу, даже иглой. И оказался прав. Жаль только, что это не пришло мне в голову раньше. Я хочу, чтобы ты вернулся к работе, твоей должности у тебя пока никто не отнимал. Вот только...

— Что — только? — спросил Малахов.

— Моим преемником уже не станешь. Извини, Миша.

Вдруг стало смешно. Малахов привстал и снова сел в глиняную кашу. Покачал головой.

— Даже так?

— Тебе смешно, мой мальчик?

Малахов кивнул. Держусь, мол, за живот.

— А знаешь, Миша, перед самым выпуском из Школы тебя хотели отчислить. Довольно аргументированно, между прочим. А на самом деле — боялись тебя. Я не дал. Похерил все сомнения, все протесты положил под сукно, потому что было в тебе что-то такое, чего не было в других, хотя как специалисты они выше тебя на голову. В тебе я видел продолжение своего дела... Ох как ты меня подвел, Миша! Ничего ты не понял. Думал, завянут плевелы, останутся злаки, и наступит рай на земле? — Кардинал тихонько засмеялся. — Пожалуй, и верно: наступит. Службы станут не нужны, превратятся просто в общественные организации... Бить настоящих людей кнутом и манить пряником — бессмыслица и преступление. А что будет потом, ты подумал? Когда подрастет новое поколение, такое же в основе своей, как наше, думаешь, неоткуда будет взяться жестокости, трусости, подлости, глупости человеческой? — Кардинал повысил голос, и, заглушив шум воды, странно отдалось эхо от сводов зала. — Думаешь, уже завтра наступит вечность? На всякий случай напомню, если ты забыл: конец одной эпохи — всегда середина другой и начало третьей. Все вернется на круги своя. Ты знаешь, система, выталкивающая на верх пирамиды власти худших вместо лучших, нежизнеспособна в принципе. Загубит себя и страну, и тогда уже не будет никого, кто мог бы передавить пауков в банке. Не будет ни меня, ни моего преемника, ни Служб... Ты слушаешь меня, Миша?

— Школу не забыл еще, — буркнул Малахов.

Кардинал не диктовал условий. Кардинал уговаривал — Малахов отметил это с настороженным изумлением. Иногда в мире случается то, чего не бывает и, кажется, быть не может. Подброшенная монетка встала на ребро...

— Совесть, совесть... — вздохнул Кардинал. — Совесть функционера... Жаль видеть гибель любимого детища. Хо-

рошую я систему сделал, когда все здесь летело вверх тормашками, — не без недостатков, но работающую. Демократия — чтобы люди не чувствовали себя рабами, и Службы — чтобы не давать хода тому... чему хода давать не нужно. Вовремя понял, что есть уникальный шанс, свернул шеи всем, кто мешал и слишком рьяно помогал... А знаешь, Миша, для чего я оставил при себе структуры, которых и нацбез боится? Думаешь, чтобы охранить Службы от государства? — Кардинал рассмеялся дребезжащим смешком. — В точности наоборот! Для того, милые мои мальчики, чтобы не дать вам чересчур развернуться, пока я жив... Только один изъян и видел: после меня — кто вас передавит, если вы вздумаете подмять под себя слишком многое? Кто ляжет миной на пути будущего диктатора? Думал — ты...

Кардинал вздохнул. За шумом воды не было слышно вздоха.

— А недостаточки-то были, Миша, — сказал он. — Функционеры, Службы, Школа-оранжерея, отбор способных, а из них — способнейших, а из них — бескорыстных, а из них — тех, кто горд, но ради дела языком сортир вылижет... как ты. Не предусмотрел я такой вот ситуации, а ведь советовали мне те, кто посмелее, ох советовали... Идеалист я паршивый. Чтобы служили хотел, чтобы честь понимали, чтобы предки были — достойные люди, порода, слуги страны, чтобы функционер работал, не доказывая другим, а главное — себе, свое право на место под солнцем... А сказать тебе, кем была твоя мать, Миша? Ты ведь коечто заподозрил, не так ли? Пуста могилка-то... — Кардинал задребезжал было смешком, но тут же стал серьезен, и даже голос его изменился. — Так слушай. Шлюхой была твоя матушка, ты уж прости старика за прямоту. Десять лет назад умерла, как последняя шлюха, в ночлежке. С твоим отцом у нее был заключен однодневный брачный контракт, в начале века кое-где практиковалась такая узаконенная разновидность проституции... И даже в этот день она ухитрилась ему изменить. Она вступала в связи с мужчинами даже на последнем месяце беременности тобой. Строго говоря, мы даже не можем с полной уверенностью сказать, кто был твоим отцом. Фамилию ты получил в детдоме, гипновнушение — в интернате. Очень жаль мне огорчать тебя, Миша, но генетически ты не дворянин, ты — дворняжка... Впрочем, как

почти все ныне действующие, бывшие или только еще готовящиеся функционеры. Надеюсь, это тебя хоть немного утешит.

Вот как... Малахов провел рукой по лицу и стряхнул с закоченевших пальцев ком глины. Что ж... можно было догадаться.

— Предполагается, что мне нанесен психологический удар? — злобно осведомился он.

Кардинал протестующим жестом поднял вверх ладони.

— Никоим образом, Миша. Зачем? Я тебя прошу лишь об одном: подумай! Знаю, что у тебя это плохо получается, но ты все-таки подумай...

Снова ударило в затылок — тупо, страшно. Где же таблетки, чтоб их... Не найти. Не слушаются пальцы. Господи, да я же сейчас начну выть от боли... Зажмурившись, он опрокинул в горло остаток из фляжки. Чуточку полегчало. «Демоний» просто так не отступит. Он будет спасать своего хозяина, пинать его, прижигать ему мозги каленым железом, в каждой ситуации он найдет единственно верное решение — на перспективу, чтобы жить в хозяине как можно дольше... он станет драться за каждый день жизни, чтобы хозяин не смел рисковать собой и им...

— Нет, — хрипло сказал Малахов. — Что у вас там в готовности — шоковые гранаты, психоделика, усыпляющий газ? Все сразу? Или что-то новенькое? Валяйте, берите. Шанс у вас есть, но и у меня тоже...

Он отчаянно блефовал, и Кардинал, казалось, поддался на блеф.

— Да, шанс у тебя есть, Мишенька. Брать тебя? Лучевой психотропикой тебя не проймешь — у тебя мозгокрут. Газом тоже — у тебя дыхательный аппарат. Вдобавок эта твоя невероятная способность оставлять профессионалов в дураках — она тоже кое-чего стоит. Боюсь я, тебя вообще невозможно взять, да и убить тебя, я думаю, не так-то просто...

— А вы попробуйте.

Кардинал долго молчал. Шумел водопадик, и никакого иного звука не было в зале — лишь этот шум, как занудная нескончаемая песня.

— Меня, старика, хоть выпустишь?

Малахов кивнул. Кардинал по-стариковски мелко вздохнул и скорбно подергал веревку. Та немедленно натянулась.

Складной стул пополз вверх, остановился, медленно поворачиваясь, в метре от пола и опустился обратно. Видимо, так и задумывалось.

— А может, и ты со мною, Миша? А? Прошу тебя.

— Простите меня, Павел Фомич, — сказал Малахов. — Не могу.

— Значит, нет? — В тоне Кардинала было нечто, заставившее насторожиться. — Так-таки категорически нет?

— Хоть стреляйте. Нет.

Как ни дико это выглядело, Кардинал улыбнулся и погрозил Малахову пальцем.

— Стрелять в тебя, Мишенька? Что толку в тебя стрелять — ты все равно оставишь старика с носом, знаю я тебя. Уйдешь ведь, а? Еще не знаю как, но уйдешь, отыщешь какую-нибудь нору. А только далеко ли уйдешь, Миша? Подумай. Нет, я вовсе не хочу сказать, что мы снова сядем тебе на хвост... хотя, конечно, сядем. Я о другом. Стар стал, забыл сказать сразу... Крышу сорокаэтажки в Джанкое помнишь? А пилон моста? Что ты там делал, не подскажешь ли мне? Нет? А не хотелось ли тебе прыгнуть оттуда, Мишенька?

— Чепуха!

Кардинал невесело усмехнулся. Новая капля ударила его по макушке — он не обратил внимания.

— Логика, Миша, логика! Неужели ты еще не понял? Ты тоже *отмеченный*, уж примирись с этим как-нибудь. Кому нужен функционер, переставший выполнять свою функцию — спасать людей. Мне? Людям? Человечеству с его дурацким психополем? Разве что самому себе — да кто тебя спросит, Мишенька? Наложишь на себя руки с великим удовольствием и еще брыкаться начнешь, если помешают. Я, собственно, хотел тебя предупредить, чтобы ты не строил иллюзий. От того, что я тебе наобещал, я не отказываюсь и еще раз повторю: ты мне нужен. А там — как знаешь...

Малахов молчал. Сказать было нечего: Кардинал был прав. Той беспощадной стыдной правдой, которую хочется скрыть от других и прежде всего от себя самого... Я убью себя, подумал Малахов. Убью, и никакой «демоний» не помешает мне сделать шаг с крыши. Вот почему он протестует — знает, что обманывать его я умею. Можно и теперь стряхнуть «хвост» и

уйти, можно восстановить игровую программу Филина и гонять ее на своем компе... пока не опротивеет. Пока не почувствую сам, как почувствовали те двое: нельзя, хватит. Запив таблетки водкой, прыгну откуда повыше — вне себя от идиотского восторга, руки вразлет — и буду долго падать, наслаждаясь зрелищем летящей навстречу полоски асфальта, смакуя каждое мгновение свободного полета...

Сдохнуть. Вместе с ними, леммингами. Как нечто ненужное человечеству, не заслужившее права остаться. Уйти и не мешать. Или жить... как прежде. Лечить их по методу Филина — Кручковича, хотя никакое это не лечение, а лишь способ загнать вглубь симптомы... И нет третьего пути. Как знакомо-безжалостно поставлена задача: или — или. Вот от чего, драть вас всех без смазки, зависит судьба человечества!

Как глупо... Безжалостно-глупо. Беспощадно...

И не уклониться от выбора.

— Э нет, — сказал Малахов, пряча от Кардинала глаза. — Так не пойдет. Я еще жить хочу.

— Давно бы так, Миша... Я в тебя верил. Сможешь вспомнить то, что было на дискетке?

Малахов кивнул.

— На всякий случай проверим тебя под гипнозом, не возражаешь?

— Подите вы...

Кряхтя, он встал, переждав острую вспышку блаженства, свою награду. Матюкнулся вслух. Сделал шаг. Улыбающийся, весь в паутине лучащихся морщин, все-таки добившийся своего, Кардинал что-то втолковывал ему — он не слышал. Шумело в ушах, шумела вода в Шумном зале. Несколько секунд он держал над колодцем герморюкзачок, похожий на бесформенный глиняный ком. Потом разжал пальцы.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА.
(11.07.2066.)

Малахов Михаил Николаевич. 27 декабря 2041 г. был найден мертвым в своем особняке, спустя сутки после вынесения вердикта судом чести по делу о Вышневолоцкой катастрофе. Рядом был обнаружен пистолет системы «гюрза» с патроном в стволе. Установленная вскрытием причина смерти: обширное кровоизлияние в мозг.

Малахов Виталий Михайлович. После окончания гимназии поступил в технологический колледж. Религиозен (православие). Активист правозащитного общества «Совесть и свобода». О его жизни после 2050 г. ничего не известно.

Лебедянский Юрий Савельевич. Остался на занимаемой должности (до 2049 г.). Опубликовал несколько статей в журнале «Вестник санитарии». Холост.

Штейн Отто Оттович. После увольнения из Санитарной службы открыл частное сыскное агентство. Женат, двое детей.

Домоседов Иван Рудольфович. По истечении второго срока полномочий перешел на должность консультанта при Службе духовного здоровья населения. Пользовался заслуженными льготами, имел поощрения от руководства. В 2049 г. вышел на пенсию. Умер в 2062-м.

Воронин Кирилл Афанасьевич. С 2041 по 2044 г. — функционер. После истечения срока полномочий — консультант при Службе. Ряд работ по социологии и эволюционной генетике (2044 — 2065 гг.). Ввел в науку понятие «адаптант». Член-корр АН с 2051 г. В 2065 г. убит адаптантом.

Савельева Ольга Максимовна. В 2042 году пыталась нелегально распространить свою статью о методах работы Служб. После служебного разбирательства совершила неудачную попытку самоубийства. Уволившись из редакции, к журналистике больше не возвращалась. В настоящее время работает воспитателем в детском саду №100 «Колобок». Не замужем.

Каменский Павел Фомич, более известный под прозвищем Кардинал. Умер 3 июля 2044 г. После его смерти не было обнаружено никаких записей личного характера.

В 2049 году Службы были расформированы и на их основе был создан ряд государственных структур. Первые акции протеста населения против системы Служб были отмечены еще пятью годами ранее.

КОНЕЦ

1996—1997 гг.

Менуэт святого Витта

Я должен был строить, повинуясь лишь своей вере, не слушая ничьих советов.

Уильям Голдинг. «Шпиль»

О странники! А мы тут, наверху, видели, как в раздавшиеся швы крыши просачивалась синяя ночь. Этого крошечного отверстия было достаточно, чтобы через него могла просочиться одна-единственная звезда. Процеженная для нас сквозь все небо. Эта звезда приносила болезнь. Мы отворачивались: от нее умирали.

Антуан де Сент-Экзюпери. «Южный почтовый»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Холодно. Господи, как холодно! Боже, помоги мне вынести эту ночь. Если ты есть, сделай так, чтобы я согрелся. Если тебя нет или ты остался далеко, пусть кто-нибудь другой сделает так, чтобы я согрелся. Кто-нибудь, мне все равно. Пусть это сделает Стефан... пусть даст хоть немного тепла, в нижних ярусах еще много тепла, я знаю. Здесь, наверху, холодно. Стефан не знает, как холодно наверху по ночам, когда бьет дождь и низкие тучи бегут с севера. Откуда ему знать? Проснется, сунет нос проверить, не заснул ли часовой, и тут же обратно, холода и не почувствует. У-у... А как может часовой спать, когда такой холод? Ничего он не может, вообще ничего, пальцы окоченели, и голос сел. Этот холод меня убьет. Вон какой дождь, как только не замерзает в полете? Печку не разожжешь, торф мокрый весь, и навес прохудился, куртка не греет... Совсем не греет. Холодно. Очень холодно. Пусть Стефан даст немного тепла, все ему прощу, пусть только прикажет протянуть снизу какую-нибудь кишку с паром, чтобы хоть руки греть... Нет. Не прикажет. Не даст. Бесполезно упрашивать.

Тщедушная фигурка мотнулась в сторону, уперлась в ограждение на краю площадки. Ноги скользнули по мокрому металлу. Медленно-медленно фигурка двинулась вдоль ограждения, перебирая зазябшими пальцами по тонкой гнутой трубе, приваренной для страховки на уровне пояса. За трубой в мутном свете качающегося фонаря не было видно ничего, кроме черноты и дождя с летящими крупинками снега, не было видно ни земли, притаившейся метрах в ста внизу, ни частокола

кольцом вокруг башни, ни кособоких сараев и навесов внутри частокола, ни тем более горизонта, растерзанного бегущими клочьями туч. Вперед, вперед! Не останавливаться. Только так можно вынести эту ночь — идти и идти, идти в никуда, мерить и мерить шагами верхнюю площадку донжона, пока не наступит утро... Скорее бы. Стефана бы сюда, хотя бы на одну ночь... Или хоть кого-нибудь, ведь предлагали же дежурить ночами вдвоем, греться друг о друга. Стефан запретил. Почему он запретил, когда так холодно? Никто не знает...

— Эй, кто внизу?

Показалось. Никого там нет. Да и кто может быть? И зачем ему быть в черноте в такой холод? Некому, некому приходить, никому мы тут не нужны, говорили же ему... От белых клоунов или бродячей паутины защитит частокол, а если опять придет цалькат, он частокола и не заметит, пройдет как по ровному, но с башней ему не справиться и часового ему не достать, и вот тогда-то придет время посмотреть, подействует на цальката хоть как-нибудь пружинный стреломет или не подействует. На черепах или, скажем, болотных червей он действует, проверяли, а вот гарпию можно сбить только случайно, что стрелометом, что бластером, попробуй в нее еще попади, заразу... Но хорошая, очень хорошая вещь этот стреломет, всегда в смазке и на боевом взводе, сделал-таки Стефан одну полезную вещь. Нужно крутить ворот минут пятнадцать, зато потом только дави на спуск: первая стрела летит на пятьсот шагов, вторая на четыреста девяносто, третья на четыреста семьдесят и так далее, а последняя в магазине, десятая, на триста десять. И точность боя что надо. Конечно, Стефану помогали: и Дэйв помогал, и Ронда, и даже Питер работал с интересом, а потом наделал тупых деревянных стрел и пытался ловить их руками на излете... Ни одной не поймал. Потом Фукуда напилил настоящих тяжелых стрел из поручня трапа и высверлил в каждой хвостовую часть, чтобы не кувыркались и пели в полете, а химик Диего смазал наконечники каким-то зеленым желе и велел без нужды не хватать руками... Хорошая вещь этот стреломет, завалил бы только цальката... Как валит цальката «махер», мы все знаем, хорошо видели. Почему Стефан не дает часовым оружие? Боится?

Конечно, боится.

Шаг. И еще один шаг, и еще. Не греет ходьба. Боже, как холодно... Даже если я не замерзну, завтра вряд ли смогу встать. А завтра неплохо бы быть веселым, завтра день рождения Петры, она хорошая девчонка. Сколько же это ей будет — сорок семь? Да, она на год младше меня, совсем малышка, такая пухленькая, а значит, сорок семь. Уже сорок семь или еще сорок семь?.. У-у, глупые какие мысли, это от холода. Точно. Может, попытаться попрыгать или побегать? Свалюсь ведь, поскользнусь и сорвусь, и перила не удержат... Нельзя же так. Несправедливо. Ну, малыши не дежурят, это я понимаю, ну, девчонки дежурят только старшие и только днем, это я тоже понимаю, а почему не дежурит, скажем, Анджей? Он что, маленький? Или девчонка? Нет, у него, видите ли, наблюдения, ему днем бодрствовать надо, ночью спать, а днем он даже торфа не ковырнет... Господи, я же не выдержу... Пальцы на ногах ничего не чувствуют. Погреться бы. Только на минутку, на одну-единственную маленькую минутку зайти внутрь и погреться, вот он люк, никто ведь не заметит, а потом сразу обратно... Стефан накажет? Так ведь не застрелит же. И не накажет, все спят сейчас, и Стефан спит, а мне только на одну минутку...

Мальчишеская фигурка отклеилась от перил, постояла в нерешительности, дрожа всем телом, попыталась плотнее запахнуться в мокрую куртку и, пригибаясь навстречу дождю, побрела к люку на середине площадки. На верхних ярусах автоматика не действовала, этот люк открывался вручную. У люка мальчик еще раз остановился, борясь с искушением, затем оглянулся, будто кто-то мог его увидеть, подышал, стуча зубами, на окоченевшие пальцы и с натугой откатил крышку по направляющим. Внутри было черно, зато тепло почувствовалось сразу. Мальчик присел над люком, наклонил к черноте осторожное ухо. Тепло притягивало. Теперь мальчик знал, что не уйдет отсюда. Спят? Нет, пожалуй, не спят... Стук дождя по металлу площадки мешал слушать. Что там — сигнал общей тревоги? М-м... Нет, только не сигнал, он звучит совсем не так и вдобавок воет по всему кораблю, а это где-то в одном месте. Нет, не сигнал это общей тревоги, это только что-то очень похожее на сигнал, а вот теперь сигнала нет, зато бубнят два голоса...

Маленький озябший мальчик сидел на краю люка на верхней площадке круглой башни-донжона, почти цепляющейся за бегущие клочья низких туч, и холодный косой дождь все хлестал и хлестал по этой площадке и по тщедушной дрожащей фигурке; дождь шелестел по всей башне, глубоко вплавленной в грунт широким основанием, по башне, которая с носовой надстройкой, давно снятой и разделанной на металл, не была бы похожа на башню-донжон в центре крепости, а была бы похожа на то, чем являлась в действительности: малым туннельным кораблем «Декарт» звездного класса, земного порта приписки, средней дальности свободного полета, стандартной автономности, на сто восемьдесят пассажиров и шесть членов экипажа...

2

В каюте кто-то был. Кто-то невидимый осторожно ступал босыми ногами, шарил впотьмах, очень стараясь не шуметь. Стефан Лоренц проснулся так, как просыпался всегда — без переходного состояния с морганием и потягиваниями, без застилающего глаза розового тумана с уплывающими обрывками ночных снов. Тело включилось, и голова была ясной. Он лежал молча, лицом к переборке, его дыхание оставалось ровным, как во сне, но тело против воли было напряжено. Он пошевелился, и тот, за спиной, замер. Тогда Стефан дернул щекой, немного поворочался, подогнул под себя ноги, затем снова замер, заставив себя расслабиться, и стал ждать. Некоторое время того, другого, не было слышно, но Стефан хорошо представлял себе, как у ночного пришельца гулко бухает сердце. Он усмехнулся про себя: дышать и то боится... Удерет? Нет, не удерет, пока не доведет дело до конца, слишком долго они этого ждали, терпения нет, никуда он не удерет, коли уж они опять решились...

Так. Шарит на полке, где одежда. И кобура, конечно, тоже там, вот она поползла наружу, по звуку ясно. Долго как копается... Ну что, много ты там нашел? Где теперь искать будешь? Надо думать, под подушкой, на большее фантазии не хватит. Так... лежать тихо. Приближается. На цыпочках идет, осто-

рожничает, и руки, наверно, в темноте растопырил, как лунатик. Как он вообще в дверь вошел? Там три ИК-луча. Впрочем, если ползком и если очень постараться, то можно подлезть под нижним, но ведь это же знать надо!.. Значит, знают.

Противно все это, слов нет.

Невидимый наткнулся на койку. Медленно, очень медленно рука поползла под подушку. Интересно, кто это, подумал Стефан. Илья, Дэйв, Диего? Рыжий Людвиг? Или, может быть, Ронда — что-то она вчера по-волчьи смотрела, с этаким вызовом, кто-то ее даже одернул. Если бы Питер был здесь, нечего было бы и гадать. Хотя нет, Питер сам не сунется, не его это метод, пришлет кого-нибудь другого, кто поглупей...

Голова вместе с подушкой мягко приподнялась — ночной пришелец запустил руку по локоть. Стефан резко повернулся и попытался схватить эту руку, но рука тотчас отдернулась. Стефан вскочил на ноги. Кто-то рядом издал странный высокий писк, вывернулся, крутнувшись волчком, из рук, отскочил, еще раз увернулся, и сейчас же по полу часто-часто зашлепали босые ноги. Чужой легко ударился в дверь, в распахнувшемся проеме мелькнул невысокий силуэт — на вид лет десять, определил Стефан, — исчез было, метнувшись вбок, но Стефан уже был в дверях, и в каюте уже тянуще гудел сигнал самодельного сторожевого устройства — негромко, чтобы не разбудить спящих, как и положено сторожевому сигналу, предназначенному только для одного человека, для одного-единственного против всех...

В коридоре Стефан настиг бегущего в три прыжка.

— Уве?

Схваченный мальчишка не сопротивлялся, только прикрывал голову руками. Стефан втащил его в каюту, по пути вырубив сигнал, и, осмотревшись, толкнул пойманного подальше от двери. Затем подошел к шкафу, молча достал и натянул на себя комбинезон. Сняв с верха шкафа тяжелый, с массивной рубчатой рукояткой, «махер», покачал его на ладони.

— За этим приходил?

— Бить будешь? — спросил мальчишка. — Ну бей...

— За этим приходил, я спрашиваю?

— Нет, — соврал было мальчишка и, встретив усмешку, вскинул голову. Черт ему был не брат. — Да! Да! За этим! И что?

Стефан молча прошелся из угла в угол. Мальчишка следил за ним волчьими глазами. Так... значит, теперь и Уве? И этот ненавидит. За что? Хорошо бы сейчас и навсегда плюнуть на все на это, пусть Питер делает что хочет, если только вернется, и остальные пусть делают что хотят... Нельзя. Никак нельзя, это-то и есть самое противное. Когда-нибудь они меня непременно подловят, подумал Стефан, дурака я свалял, когда выскочил без оружия, в следующий раз в коридоре наверняка будет засада. Или в следующий раз осмелеют и просто придут с ножом... Давно надо было сменить сигнализацию. Их можно удерживать долго, очень долго, но, разумеется, не вечно, и чем дальше, тем будет хуже. Когда-нибудь это плохо кончится, может быть, даже раньше, чем я думаю...

— Зачем тебе понадобился «махер»?

Уве вызывающе шмыгнул носом.

— А что, нельзя? Тебе, как всегда, можно, а нам нет?

— Вам нельзя, — сказал Стефан. — А мне можно.

— Вот так, да? — Мальчишка повысил голос. — Думаешь, раз самый старший, так самый умный? Тебе пятьдесят три, а мне пятьдесят ровно — много разницы?

— Существует и другой счет, — сказал Стефан. — По этому счету тебе десять, а мне тринадцать с половиной. Надо еще объяснять? Может, малыша Джекоба предложишь назначить старшим? Ему скоро сорок один, цветущий возраст. Кстати, «много разницы» — так не говорят. Говорят — «большая разница». Не забывай.

— Питер старше тебя на две недели...

Стефан усмехнулся углом рта.

— С Питером половина из вас перемрет через полгода, а вторая половина будет пытаться украсть у него этот самый «махер». Нашли себе кумира. Я лучше других знаю корабль и лучше других понимаю, что нужно делать, чтобы выжить, — так кто должен управлять вами: я или твой Питер? Мне по крайней мере на вас не наплевать.

— Надоел ты мне, — с ожесточением сказал Уве. — Привел бить, так бей, чего тянешь?

Стефан прошелся по каюте, толчком ноги пододвинул к Уве стул:

— Садись.

Уве поколебался и сел на краешек.

— Ты мне напомни, я забыл, — медленно сказал Стефан, — когда-нибудь был случай, чтобы я бил кого-то?

— Ну... не бил. Только замахивался — думаешь, легче от того? На торф посылал. Бластером грозил...

— Это не одно и то же. Спрашиваю в последний раз: зачем тебе понадобился «махер»?

— Это не мне! — тонким голосом выкрикнул Уве. — Это на крышу! Дежурному!..

— Врешь, — холодно сказал Стефан. — Не дежурному. Сегодня дежурит Киро, а я вас всех наизусть знаю. Ради Киро ты бы не пошел воровать бластер. Ты бы ради Питера пошел. Он тебя надоумил?

— При чем здесь Питер? — с трудом, будто ворочая комок в горле, проговорил Уве. — Питер же не вернулся еще... Услал человека, теперь на него валишь? Ребята хотели узнать, правда ли последний заряд остался или еще есть. Тут всякое говорили... И Анджею выпало идти.

— Занятно. А он что же?

— А он заявил, что никуда не пойдет. У него, мол, такие правила, и вообще знать ему про «махер» неинтересно. Ребята собирались его побить, может, уже и побили, не знаю. Толку-то — бить его... А потом кинули жребий еще раз, и выпало идти мне.

— Ты и пошел?

— Угу. — Уве неожиданно всхлипнул.

— Ну, проверили бы вы «махер», — сказал Стефан, — а потом?

— Что — потом? — спросил Уве, не смотря в глаза.

— Я спрашиваю: что бы вы потом с ним делали? Надо думать, нашли бы применение?

— Не знаю... Ребята хотели проверить... Мы ничего такого не...

— Людвиг был с вами? — перебил Стефан.

Уве всхлипнул и покачал головой:

— Не скажу.

— Ясно, был. Про Илью с Дэйвом и не спрашиваю. А девчонки? Ронда была?

— Не скажу...

— Значит, была...

Уве вдруг расплакался — тихо и по-детски неудержимо, отвернувшись и часто шмыгая носом, чтобы не было слышно всхлипываний. Все-таки мы дети, подумал Стефан. Даже страшно становится, когда подумаешь, какие же мы еще дети. Мы разучились задавать детские вопросы. Но мы плачем, как дети. Наверно, поэтому мы плачем так редко.

— Ну-ну, — сказал Стефан. — Перестань.

Он подошел, обнял Уве за плечи — тот попытался вырваться. Стефан присел рядом.

— Ну хватит, хватит, — мягко сказал он. — Разве так можно? Тоже, нашел из-за чего... Перестань, я сказал. Ты думаешь, мне не трудно? Мне, если хочешь знать, труднее всех, а я ведь не хнычу. Ну ладно, малыш, с кем не бывает. Соберись, соберись, парень, разве так можно...

Плечи Уве вздрагивали. А вот этого он мне никогда не простит, вдруг с неожиданной ясностью понял Стефан. Никогда. Лучше бы я его побил. Теперь он притихнет и будет держаться в стороне из страха, что я расскажу всем, как он тут пускал сопли, какое-то время его можно будет даже использовать, но теперь всегда придется помнить о нем и не подставлять зря спину. Он мне враг. Теперь у меня появился еще один враг.

— Иди умойся, — сказал он, отстраняясь. — Завтра тебе на торф идти, дыхания не хватит, и толку от тебя не будет. Спать иди.

— Завтра не моя очередь, — возразил Уве, всхлипнув в последний раз. Потом его голос стал злым. — Вот так, да? На торф меня? За что?!

— Я передвинул очередь. Завтра должна быть Петра, а у нее день рождения. Поэтому будешь ты, Дэйв и Агнета. Это не наказание. Будет укороченный день, а вечером — праздник. Постарайся его не испортить.

Уве стер рукавом слезы. На впалых щеках остались темные полосы.

— Ладно... Что будет к празднику?

— Пирожные. Диего сказал, что постарается. По девяносто граммов.

— Мало.

— Сам хотел бы больше. Ну, ты иди, иди. Ночью спать надо.

Уве кивнул. Перед дверью он остановился, повернул к Стефану голову через плечо и спросил:

— От Питера ничего не было?

— С какой стати? — сказал Стефан. — Насчет связи — сам знаешь. Или у нас что-то накрылось, или у них. Донна копается.

— Я сам вчера копался, — сказал Уве. — Это не у нас. Это у них. Они еще позавчера должны были вернуться.

— Вернутся.

— Если нет, я тебе не завидую, — негромко проговорил Уве. — Чего там, все равно тебе донесут. Имей в виду, ребята так и говорили: если Питер не вернется, плохо тебе будет, Лоренц. И Маргарет плохо будет. Сами решим, как нам жить.

— Принято к сведению, — холодно сказал Стефан. Уве еще постоял секунду и вышел, направился было вправо по коридору, но тут же развернулся и быстро-быстро пошел влево. Стефан выскочил следом — направо.

— Так, — сказал он. — И этот здесь. Ты где должен быть? Почему не на посту?

Киро улыбался вымученной глуповатой улыбкой. С него капало. Дрожь еще не прошла, зубы часто-часто колотили друг друга.

— Почему бросил пост, спрашиваю!

— Я... это... холодно ведь. Дождь там, снег, холодно очень... Я это... слышу — вроде как сирена...

— Хороший слух, — усмехнулся Стефан. — Просто феноменальный слух, всем бы такой. И нюх на уют тоже редкостный. Губа не дура. Ему еще стоять и стоять, а он сбежал. А если, пока ты здесь, придет цалькат — что тогда?

— Не придет он в такую погоду, — возразил Киро. — Сколько лет не приходил... А может, он тут всего один и был, откуда мы знаем...

— Ты уже понял, что надо делать? — спросил Стефан.

Киро кивнул. Он шел обратно к трапу медленно, как лунатик, оставляя за собой мокрые следы. Он ловил каждую секунду отсрочки.

— А ну, стой! — Киро остановился как вкопанный и посмотрел на Стефана с недоверчивой надеждой. Стефан отвел глаза. — Иди переоденься...

3

До рассвета он провозился с сигнализацией. То, что получалось, никак не удовлетворяло. Незаметные волоски-паутинки, обрываемые вошедшим, разлитое по полу машинное масло возле шатких механических конструкций, обрушивающихся с жутким грохотом при малейшем прикосновении, емкостные ловушки, невидимые пучки тех или иных лучей в дверном проеме, акустические датчики, электромагнитные датчики, реагирующие на биение сердца вошедшего, хеморецепторы, соединенные с сигнальной сиреной, — все это, включая вульгарные грабли-самоделки на полу у двери, однажды с блеском сработавшие, уже было придумано, изготовлено, опробовано, принято на вооружение, рано или поздно раскушено и с потерей новизны переставало быть защитой. На каждую выдумку неизбежно находилось противоядие — иногда спустя месяцы, как, например, в случае с детектором биотоков. Чаще — спустя дни. Но контрсредство находилось всегда. Иногда Стефан думал о том, что лучшей защитой была бы толстая стальная дверь с неподъемным амбарным замком. Но это означало бы преподнести подчиненным такой подарок, о котором они едва ли могли мечтать. Это означало без боя признать поражение.

Наконец он остановился на варианте, который показался ему приемлемым, молча закончил работу и вышел из капитанской каюты. Спать не хотелось совершенно. Сутки здесь длились тридцать один час, и даже летом почти половину их занимала черная беззвездная ночь. Зимой — чуть больше половины. Планета практически не знала смены времен года, природа в средних широтах навеки застыла в прохладном робком лете, зимой чаще обычного дули северные ветры и шли дожди — вот и все. Пятнадцатичасовая

темнота давала время выспаться всем, включая двоих дозорных на крыше, делящих ночь на два дежурства. Вполне достаточно, чтобы весь день быть бодрым и не скулить. Так нет же — скулят... Даже не от холода скулят, размышлял Стефан, не от дождя этого идиотского — от жизни такой. От вынужденной убогости, от четкой размеренности работ, зачастую бессмысленных, но необходимых для того, чтобы не деградировать в колонию простейших, а самое главное — от отсутствия перспективы. От полнейшей никчемности нашей жизни и нашего вечного детства, это-то давно дошло до каждого. И каждый почему-то уверен, что Стефан Лоренц этого не понимает — то ли вообще не способен понять, то ли, что вероятнее, понять не желает. Как же: Лоренц — капитан! Лоренц — диктатор... Стефан напрягся, скаля зубы. Шаги против воли сделались пружинящими. Да! Да!! Диктатор! Шейх! Пахан, черт вас подери! Узурпатор! И так будет! Думайте обо мне что хотите, только я вас самим себе не отдам, так и знайте...

Тяжелая кобура при каждом шаге била его по боку. Так было нужно, хотя до рассвета оставалось еще не меньше часа, и Стефан ясно понимал, что до самой сирены общего подъема мог бы спать спокойно: второй раз за ночь они не сунутся. Наверняка. Времени у них навалом, торопиться некуда. А мы пройдемся... Стефан помнил, что когда-то второй вахтенный при отсутствии на борту нештатных ситуаций был обязан раз в смену совершить обход служебных помещений, больше по традиции, чем по необходимости. Иногда это делал сам Бруно Лоренц, капитан «Декарта», бывая в такие минуты строгим и добродушным одновременно, и его тяжелые шаги внушали спокойную уверенность в благополучном исходе чего бы то ни было, один только раз Стефан помнил отца в ярости... Ладно, назовем эту прогулку обходом... Назовем это преемственностью. Скорее всего в ближайшие дни они ничего существенного не предпримут, будут все как один фальшиво равнодушны и до некоторой степени исполнительны, но будут, в конце концов, работать, без энтузиазма принимая поощрения и без особых пререканий снося наказания, особенно старшие. И все как один... нет, не все, а почти все — с едва заметным «почти» — будут

ждать... ох, как они будут ждать, когда вернется Питер! Если вернется...

Если не вернется, будет плохо, подумал Стефан. Но если Питер вернется, тоже будет плохо, и даже еще хуже. Было бы идеально, если бы вернулись Вера и Йорис, а Питер где-нибудь сгинул: на порогах, что ли, или на озере — там водяной слон очень даже не прочь перевернуть лодку и позабавиться с гребцами, а озера Питеру никак не избежать... Нехорошо так думать, не надо бы этого. Нет, он вернется, конечно. Всегда возвращался. Десятки дальних экспедиций, сотни небольших вылазок — и ведь все, кроме одной, удачные! Вот в чем штука: неудачных он себе позволить не может. Рискует, очень рискует. Разбил три лодки, доламывает четвертую, а у самого за сорок лет ни одной серьезной раны, ни одного паршивенького перелома! Отчаянная и разумная голова этот Питер, что есть, то есть, вот к нему и тянутся аутсайдеры вроде Йориса или Уве. О Ронде Соман и говорить нечего: влюблена в Питера до фетишизма или, как это называется, молится на него, вешает на себя всякую дрянь, которую он ей привозит и дарит: блестящие камешки, ракушки какие-то... Прикажи он ей броситься с верхней площадки — ведь бросится, и еще с радостью, что до нее, дурочки, снизошли. Но дурочка она только с Питером, а было бы хорошо, если бы не только... Ладно, она-то не аутсайдер, она — исключение из правила. Будем так считать. А кто тогда Людвиг? Тоже исключение? Да. Исключение. И Дэйв... Что-то много исключений. Обоим чуть-чуть не хватило до лидерства, Людвигу — оптимизма и быстродействия ума, Дэйву — выдержки и возраста. Дикий он какой-то, Дэйв. Опасный звереныш. Хорошо уже то, что он одинаково ненавидит и Питера, и меня, вообще всякое начальство он ненавидит, что существующее, что потенциальное, и поэтому к Питеру он не примкнет, не тот случай. Зря его Питер приручал, таскал по экспедициям — как не было между ними ничего общего, так и осталось...

Гнутые корабельные коридоры были пусты и пыльны. «Велеть прибраться», — мельком подумал Стефан. Аварийное освещение давало причудливые тени. Недавно вывешенный рукописный лозунг «Равные права — равный кусок» был изъеден кислотой и плохо читался. «Выяснить, кто и где раздобыл

кислоту», -- отметил Стефан. Где-то наверху в нескольких ярусах над головой на продуваемой насквозь верхней площадке стучал зубами замерзший Киро Васев, где-то внизу, куда ушел Уве, копилась привычная ледяная злоба, и длинно, неумолчно и безнадежно, как всегда перед восходом солнца, кричала запертая в изоляторе медотсека сумасшедшая Абигайль, а за ближайшим углом кто-то прятался. Стефан не увидел и не услышал его, он не смог бы объяснить, почему он почувствовал человека за поворотом коридора, но, почувствовав, замедлил шаги. Кто-то невидимый стоял там. Ждал. Он был один, и Стефан с облегчением перевел дух. Рука, начавшая движение к кобуре, опустилась. Перед одним противником — если это противник — нельзя показывать свою слабость, Стефан знал это очень хорошо. Угрозы бластером — всегда слабость. Спасительная слабость, к которой с каждым годом приходится прибегать все чаще и чаще...

За углом была Маргарет.

— Ты чего прячешься? — спросил он.

— Так... — Маргарет пожала плечами. — Несла Абби успокоительное, а то так и будет кричать, ты же знаешь. Слышу — кто-то идет. Не хотелось встречаться. Я думала, или к тебе идут, или от тебя. Чувствовалось что-то такое... в общем, со мною вчера почти никто не разговаривал. Хотела предупредить.

— У меня уже были, — мрачно сказал Стефан. — Как они догадались про инфракрасную завесу, хотел бы я знать. Может, кто-то надоумил?

— Не знаю, — сказала Маргарет. — А кто был?

— Уве.

— Уве?

— Вот именно.

— От него я не ожидала, — заявила Маргарет. — Надо же — теперь и Уве...

— Бывает, — сказал Стефан. — Все, что возможно, то и бывает. На то и жизнь. Иногда даже бывает то, что невозможно, только редко.

— Например? — с интересом спросила Маргарет.

— Например, мы с тобой. И все вокруг. Мальчики и девочки по пятьдесят лет. Эта планета. Это солнце, от которого

взрослые умирают, а дети живут очень долго, чтобы со временем стать маленькими старичками, — это возможно? Кто-нибудь о таком слышал? Думал о таком?

— Ну, ты-то еще не старик, — улыбнулась Маргарет. — Да и я не совсем старушка. Погляди, у меня даже морщин почти нет.

— Я не об этом...

— А почему? Мы стареем, это надо принять и успокоиться. Похоже на то, что мы стареем медленнее, чем нормальные люди, но все-таки мы стареем. И когда-нибудь нам придется умереть.

— Ты боишься?

— Я? Пожалуй, да. Немножко. Тут есть такие, для кого это было бы большим облегчением. Но мне бы не хотелось. А они вспоминают Иветт. Помнишь, как она умирала?

— Помню. Она за месяц выросла во взрослую, и у нее был громадный аппетит. Но тогда у нас было лучше с едой. Никто не понимал, что с ней происходит, она и сама не понимала. Ты мне потом сказала, что ее организм просто не выдержал.

— Да. Может быть, теперь я смогла бы ей помочь. Но все равно она умерла бы через две-три недели. Как все взрослые. Будь она постарше, она умерла бы одновременно со всеми. Ей ведь было уже двенадцать — совсем девушка.

— Мне тринадцать с половиной...

— Глупый, — сказала Маргарет. — Девочки же раньше развиваются, ты этого не знал?

— А тебе двенадцать, — сказал Стефан.

— Даже двенадцать и четыре месяца. Мне просто повезло: видишь ли, начало перестройки организма зависит прежде всего от самого организма. Тут уж у кого как. Ронде вот тоже повезло. И тебе.

— И Питеру.

— И Питеру, — согласилась Маргарет. — Кстати, о нем. Ты не думаешь, что за нами сейчас наблюдают?

Вряд ли сейчас, подумал Стефан. Позже — да. С этим всегда приходится считаться. Но сейчас все они внизу и им не до того: Уве объясняет, почему у него сорвалось с «махером», остальные изощряются в унылом остроумии по его адресу, Дэйв бесится, а неторопливый умный Людвиг, мозговой центр этой шатии, мол-

чит и раскладывает все по полочкам. В следующий раз они изберут иную тактику. Рано или поздно они доберутся до цели.

— Мне бы не хотелось, — сказал он вслух.

— Мне бы тоже, — отозвалась Маргарет. — Между прочим, нас могут не только слышать, но и видеть. Вчера Донна искала в барахолке запасной «глаз» и, кажется, нашла. А она хороший инженер.

— А ты хороший врач, — улыбнулся Стефан. — Правда, я не шучу, ты очень хороший врач. И хороший товарищ.

— Спасибо... — сказала Маргарет. Ей было приятно, и она не пыталась это скрыть.

— Донна не станет им помогать, — сказал Стефан. — Кто угодно, только не Донна.

— Почему? Кажется, она тебя не слишком любит.

— Она и Питера не любит. Точнее, она боится прихода его власти. Ей будет трудно выжить, она слабенькая.

— А Уве?

— Уве — другое дело. В прошлом году Питер брал его к восточным болотам. Но до сегодняшнего случая я считал его нейтральным. А он, оказывается, ждал момента... — Стефан с усилием сглотнул и облизнул губы. — Понимаешь, Анджей отказался идти, а Уве пошел. Да еще, наверно, с радостью.

— Я тебя предупреждала, — сказала Маргарет. — Давно надо было прикрыть эти экспедиции: Питер всякий раз имеет полную возможность обрабатывать людей поодиночке. Ты заметил, кого он тащит с собой? Сторонников? Как бы не так. Колеблющихся!

— Тебя он тоже звал? — хмуро спросил Стефан.

— Нет, конечно. Я же не колеблюсь, ты знаешь. Колеблются другие, особенно малыши, хотя им-то при власти Питера ничего светить не будет. Но видишь ли, у него есть интересные идеи.

— А у меня?

Маргарет рассмеялась.

— Твои идеи уже реализованы, в том-то вся беда. Получилось надежно, безопасно и скучно, ты уж извини. Да ведь ты, наверно, сам это понимаешь. Надежно и скучно. Плавно... как менуэт. И ты сидишь у всех в печенках, и никто не знает ответа на вопрос, зачем живет и кому нужна такая жизнь...

— Замолчи! — сказал Стефан.

— Вот видишь, ты уже сердишься, — покачала головой Маргарет. — Всегда ты такой. Отталкиваешь от себя людей, а Питер обращает их в свою веру... А ты знаешь, почему я за тебя? Думаешь, потому, что на твоей стороне логика? Ха! Да просто потому, что при Питере никто не задаст себе вопроса, зачем живет. Каждый будет просто пытаться выжить. И кое у кого это не получится... Я вот о чем подумала: если Питер и в этот раз вернется... В твоем «махере» еще есть заряды?

— Конечно. Ты сомневалась?

— Я? Нет. А сколько осталось? Один?

— Мне хватит, — сказал Стефан.

— Значит, один... — сказала Маргарет. — Что ж, это уже хорошо. Я боялась, что не осталось ни одного.

— А если осталось десять?

Маргарет фыркнула.

— Все знают, что нет там десяти. Считали много раз. Только счет получился разный. Максимум — два заряда. Минимум — ноль.

— Не ноль, — сказал Стефан. — Уж будь уверена.

Маргарет внимательно посмотрела на него.

— Я пойду. А то Абби кричит.

— Счастливо.

Она нарочно замешкалась, дожидаясь, пока он уйдет. Перед поворотом коридора Стефан, улыбнувшись, махнул ей рукой и исчез, только удаляющиеся шаги гулко бухали по всему кораблю — Маргарет догадывалась, что Стефан пытается подражать походке отца. Что ж, для этого есть основания: он — сын капитана. И он капитан. Капитан корабля, который разучился летать. Который никогда не взлетит. Пока еще капитан...

Вентиляционная отдушина располагалась недалеко от пола: вентиляция в коридорах корабля всегда была приточная, в каютах — вытяжная, с отдушинами под потолком. Положив на пол лекарство для Абигайль, Маргарет опустилась на колени и просунула пальцы сквозь решетку. Микрофон по-прежнему был на месте, а вот «глаза» не было — то ли его еще не успели установить, то ли он был нужнее в другом месте. Ладно и так... Вряд ли кто-нибудь сейчас слушал, но наверняка любой разговор в кори-

доре где-то записывается, а значит, рано или поздно обязательно будет прослушан со всем вниманием. Стефан не подвел — умница. Видимо, насторожился, что-то почуял, но не подал виду. Насчет бластера немножко переиграл, но все-таки сказал почти так, как надо. Пусть задумаются. Что ж, сегодня и она, Маргарет, сказала им почти все, что хотела сказать. Сомнительно, чтобы это на них как-то повлияло, даже на колеблющихся, но сказать было нужно, тем более что подслушанный разговор — Маргарет чуть не рассмеялась — во много раз эффективнее надоевшей проповеди...

Она чувствовала удовлетворение.

4

Ходовая рубка помещалась внизу верхней трети корпуса корабля. После того как корабль лишился носовой части, она стала немножко ближе к небу, но внутри оставалась такой же, как при Бруно Лоренце, — просторным строгим помещением с панорамными экранами по закругленным стенам, с экраном-потолком, с большим сдвижным люком в полу, открывающим доступ к верхнему кожуху корабельного мозга, с шестью креслами и двумя пультами маршевого управления, один из которых был спящим, резервным, а на втором вахтенной смене иной раз приходилось играть в четыре руки, с маленьким пультом тунельного управления, ныне навсегда погасшим. Какая-то часть корабельного мозга еще действовала, кое-где светились индикаторы систем жизнеобеспечения и мигала надпись, сообщающая о работе синтезатора пищи, но все это было лишь малой каплей, долей процента от доли процента того, что корабль должен был уметь делать и что он когда-то умел.

В углу, поджав под себя лапки, жалким комком скорчился ремонтный робот-червь. Стефан легонько пнул его ногой. Ему показалось, что червь слабо шевельнулся в ответ, но, конечно, только показалось. Червь был мертв, он только притворялся живым, он выглядел как новенький: сизые сегменты его туловища за много лет не съела никакая коррозия. Когда-то роботов-червей было несколько десятков, они неутомимо ползали по коммуникационным шахтам и лазам, куда не было доступа

человеку; после посадки на планету они еще долгие годы выдавали тревожные сообщения, диагностируя начало разрушения той или иной системы корабля, они неумолчно шуршали по лазам, пытаясь что-то отрегулировать и что-то исправить, а потом начали замолкать один за другим. Никто не видел, как этот, последний, приполз в ходовую рубку и здесь умер. Или заснул? Во всяком случае, многочисленные попытки Уве и Донны вновь задействовать его не привели к желаемому результату.

А вот корабль был еще жив. В последние годы он даже как будто перестал разрушаться, за десять лет в нем не вышла из строя ни одна из систем, словно обреченный корабль, большая часть которого была давно и, по-видимому, необратимо мертва, вдруг раздумал умирать своей последней оставшейся частью. Словно он решил жить ради самого факта жизни, как безнадежный инвалид, навсегда прикованный к больничной койке. Он не собирался сдаваться. Он жил теми упорными крохами жизни, которыми еще держится иногда двухтысячелетний дуб с одной-единственной зеленой веткой и тоненькой полоской живой коры, протянувшейся вдоль мертвого ствола. Для Стефана корабль всегда был кораблем, а не башней-донжоном, как для большинства остальных. Летаргический мозг «Декарта» еще был способен управлять тем немногим, что осталось: поддерживать внутри корабля сносную температуру и влажность, следить за синтезатором пищи, иногда — рассчитать для Анджея одну из его заумных моделей. Постоянно работал радиомаячок — обыкновенная пищалка с всенаправленной антенной. Анджей однажды сказал, что при низкой электрической активности атмосферы сигнал маячка может быть выделен из шумов с расстояния в миллиард километров. Еще работали корабельные часы, показывающие земное и бортовое время — застывшая разница не превосходила нескольких часов, потраченных «Декартом» на форсажный набор релятивистской скорости в устье Канала сорок земных лет и сто семнадцать считанных земных дней назад...

«...Всем на борту! Готовность к входу в Канал! Повторяю: готовность к входу в Канал! Прошу пассажиров пройти в свои каюты и оставаться в них вплоть до полного прохождения Канала, о чем будет объявлено особо. Пассажирам категори-

чески запрещается приближаться к служебным помещениям. Экипаж также рассчитывает на то, что его не будут отвлекать вызовами по аварийному интеркому. Желаю всем благополучного туннелирования. Удачи нам!» — и через минуту снова: «Всем на борту! Готовность...» Это была запись, транслируемая с маяка предварительного наведения. Корабельный мозг заботливо снабдил ее интонациями Бруно Лоренца.

Стефан хорошо помнил и этот голос, разнесшийся по всем корабельным закоулкам, и свои ощущения. Он как раз играл в «догони-замри» с Питером и Маргарет и почувствовал, что двигаться стало тяжелее. Корабль вышел на траверз маяка с предкритическим значением функции «масса-скорость» и теперь дополнительно разгонялся.

Разумеется, Стефан не остался на пассажирской палубе. Поймав по пути не один завистливый взгляд, он прямиком направился в ходовую рубку. Что с того, что он, подобно большинству пассажиров, совершал туннельный прыжок впервые в жизни. Он был сыном капитана и не мог подавить искушение время от времени давать это понять. Жутковатые параграфы Специального Устава, применяемого только в нештатных ситуациях, просто не могли относиться к нему. Он не мог создать никакой нештатной ситуации.

Обида! — вот что осталось на долгое время, после того как Бруно Лоренц вышвырнул его из рубки, ухватив железными пальцами за штаны и воротник. Он упал на палубу в коридоре и от боли и обиды света невзвидел. А отец — отец повернулся и задвинул за собой дверь, мгновенно забыв о Стефане и ни словом потом не обмолвившись о причиненном сыну унижении. Как будто так и надо. Хорошо еще, что ни Питер, ни Маргарет ничего этого не видели.

Стефан усмехнулся: если бы видели, осложнения могли начаться раньше...

Канал оказался виртуальным, вдобавок еще и инверсным. И если последнее означало для корабля всего-навсего повышенный расход энергии на разгон и защиту от встречного потока космических частиц, то первое обстоятельство было куда более серьезным и чреватым самыми неприятными последствиями.

Стефан знал о Каналах лишь то, что доступно большинству. Капитан не обязан знать все. В отличие от стабильных внепространственных Каналов, пронизывающих преимущественно спиральные рукава Галактики и их ответвления, виртуальные Каналы встречаются где угодно, в том числе, по мнению теоретиков, и в галактиках, начисто лишенных спиральных ветвей, а возможно, и в межгалактическом пространстве. Такие Каналы возникают и исчезают, устья их зачастую дрейфуют самым причудливым образом, к восторгу наблюдателей и ужасу расчетчиков; нижний предел их жизни не определен из-за невозможности обнаружения «секундных» Каналов, верхний — из-за недостаточного срока наблюдения за Каналами вообще. Срок жизни виртуального Канала не коррелируется ни с его направленностью, ни с протяженностью. Прогноз невозможен уже потому, что сколько-нибудь разумной теоретической модели виртуального Канала не существует.

Каналами просто пользуются.

Пользователь не обязан понимать. Сомнительно, чтобы древний китаец, первым додумавшийся до компаса, имел представление о магнитном поле планеты.

Существовали столетние, слабо дрейфующие Каналы, давным-давно освоенные и считавшиеся относительно надежными. Имелись, напротив, Каналы, не внушавшие к себе никакого доверия со стороны звездолетчиков. Человеческая психология вырабатывала зачастую удивительные критерии оценки возможной опасности. Не всякий готов был принять истину: риск одинаков в обоих случаях.

Сингулярная трубка могла просто-напросто схлопнуться. И такие случаи бывали.

Бесследно исчезнувший «Фромм» подозревался в туннелировании через неизвестный виртуальный Канал. За несколько лет до последнего рейса «Декарта» невероятно повезло линейному корвету «Эразм», кораблю заслуженному и на редкость удачливому, — вполне, казалось бы, благополучный Канал схлопнулся в каких-то микропарсеках перед его носом. Случалось, Канал выводил корабль прямо в метеорный рой. Отмечались случаи, когда дрейфующее в пространстве устье Канала цепляло звезду.

Это было почти все, что надо знать. Специальную литературу изучал один Анджей — терпеливо терзал корабельный мозг, выгребая из библиотеки заумь, составил, как сам хвастался, каталог существующих теорий, от дурацких до безумных включительно, и вдобавок находил подобное занятие вкусным, ненормальный извращенец. Стефан содрогнулся: умей корабль летать — и жирного урода, пожалуй, пришлось бы определить в штурманы, терпеть рядом...

Даже поставленный поперек, туннельный корабль звездного класса «Декарт» мог бы свободно разместиться в кормовой дюзе таких гигантов, как «Аль-Кинди», «Чаадаев» и «Сенека», специально построенных для перевозки переселенцев и вмещавших от тридцати пяти до пятидесяти тысяч пассажиров в одном только туристском классе. Ни экономичностью, ни степенью защиты, ни скоростью хода в пространстве «Декарт» никак не мог похвастать перед этими монстрами, не говоря уже о таких материях, как отделка кают или наличие на борту развлечений. «Декарт» не был ни роскошным лайнером, ни грузовозной «рабочей лошадкой»; в лучшем случае он сошел бы за «рабочую блоху» и в этом качестве предназначался для передачи в вечное пользование растущей колонии на Новой Тверди, точно так же, как красавец «Антисфен» навсегда уходил на Новую Обитель, а старый, но еще добротный «Зенон» направлялся через три спиральных рукава в распоряжение колонистов Новой Терры.

Риск был невелик: что значат расчетные семьдесят две секунды локального времени, когда от одного туннелирования до другого проходят недели и месяцы, а время жизни используемых Каналов — годы и десятилетия? Но риск был.

Канал схлопнулся на третьей секунде.

Корабль выбросило.

И это казалось чудом: существующие теории, при всем их различии, сходились на том, что корабль, оказавшийся в положении «Декарта», должен был неминуемо превратиться в пучок жестких квантов, в мгновенную вспышку излучения.

Этого не произошло.

В сущности, не произошло и чуда: Стефан давно осознал, что чудес не бывает. Бывают события, более или менее вероятные. И уж конечно, бывают неверные теории.

Стефан откатил кресло, сел. Осторожно положил руки на пульт маршевого управления. Иллюзия не приходила: не зажегся мягкий свет, не засияли индикаторы, и корабельный мозг не спросил, что от него нужно человеку. Мозг был болен.

А был бы здоров, неожиданно для себя подумал Стефан, — признал бы он меня капитаном? Допустим, нам удалось бы восстановить... Разве может капитан не знать в подробностях, как управляют этим чудовищем? Может ли он не иметь в своем распоряжении команду, готовую подчиняться ему добровольно и вдобавок квалифицированную? Специалисты... На самом деле они не знают и десятой доли того, что им надо знать о корабле. По справочникам и руководствам не шибко выучишься. Да и не на всякую всякость найдется справочник.

Все тлен, чепуха. Этому кораблю уже никогда не летать. Донжон — вот он кто.

Стефан не глядя протянул руку, набрал код, пошарил в ящике под пультом. Бортовой журнал был тут как тут, услужливо подставлял корешок, облохматившийся по краям от старости. Из журнала выпал — вечно он выпадает! — плоский, как закладка, ползучий жучок-диктотайп и остался лежать на столешнице лапками кверху. Стефан равнодушно смахнул покойника в ящик и раскрыл журнал. Содержание последних записей он помнил наизусть, но если бы сейчас кто-нибудь спросил, для чего он собирается их перечитывать, он только удивился бы прихотливым зигзагам чужих мыслей. Общение с бортовым журналом составляло ритуал. Сам Стефан записей не вел, так и не решившись добавить к записям отца хотя бы одну свою запись.

Ровные диктотайпные строчки, красящий пигмент вылинял:

«...По-прежнему не знаем нашего местонахождения. Движемся с торможением 0,9 g в плотном пылевом облаке невыясненных пока размеров и конфигурации. Классический «угольный мешок». Сигналы маяков не обнаружены. Поиск Каналов безрезультатен. Непрерывно передаем сигнал бедствия по международному коду. Ведем расшифровку гравиграмм и пассивное сканирование в ИК-диапазоне...

Пассажиры еще не знают».

Стефан перебросил несколько страниц. Действия отца в той обстановке были совершенно правильными. О том, что

«Декарт» идет к ближайшей звезде, знал только экипаж. В ослепительно белом капитанском кителе Бруно Лоренц появлялся в пассажирском салоне, шутил, пил шампанское. Для пассажиров все еще продолжался полет к Новой Тверди, лишь чуть удлинившийся, как было объявлено, из-за непредсказуемого дрейфа устья Канала.

«...Система — двойная. Компонента А — звезда главной последовательности, класса F5. Уже видна невооруженным глазом. Поглощение света в облаке просто чудовищное. В — коричневый карлик М9. Удача: период обращения порядка тысячелетия. После торможения до 0,01С приступаем к поиску планет у звезды А.

Добрые вести из навигаторской: Хансен утверждает, что «Декарт», по-видимому, находится в пределах нашей Галактики. Хорошо бы так.

Пассажиры — проблема».

Ни за что на свете Стефан не желал бы поменяться ролями с отцом в те предпосадочные дни. И первой проблемой был он сам, Стефан Лоренц, не посвященный в происходящее наравне с рядовыми пассажирами. Пересилив обиду, он приставал к отцу, когда тот валился на койку в капитанской каюте, и отец, черный от усталости, обрывал его и гнал прочь, что было еще более обидно, а потом, уже после посадки, Стефан обиделся всерьез, потому что незнание происходящего на борту сильно повредило ему в глазах Питера и Маргарет, и долго дулся на отца, избегая с ним разговаривать. И уж самым обидным было то, что отца это, по-видимому, устраивало.

Не вдруг и не через месяц, а лишь годы спустя, уже ощутив на себе тяжесть власти, Стефан понял, что отцу было попросту не до него. Нет, Стефан не желал бы быть ответственным за жизнь ста восьмидесяти пассажиров. «А смог бы?» — не раз спрашивал он себя.

Он знал ответ. Да. Смог бы. Как смог отец.

Ошибки? Они были. Быть может, самой крупной ошибкой Бруно Лоренца было решение о посадке на эту планету. Все могло обернуться иначе, не окажись рядом с точкой, где из схлопнувшегося Канала был выброшен «Декарт», звездная сис-

тема с единственной, зато — на первый взгляд — чрезвычайно благоприятной для человека планетой.

Будь это балластный рейс, капитан мог склониться к прямо противоположному решению. Почти наверняка экипаж «Декарта» не стал бы тратить времени на исследование ничем не примечательной звезды, а сосредоточился бы на поиске виртуальных Каналов. Однажды Стефан рассчитал вероятность благополучного исхода. Она оказалась до смешного малой — «Декарт» не предназначался для поиска Каналов. Даже если бы Канал был обнаружен, оставался риск разрушения корабля из-за неточного наведения в жерло, что, учитывая отсутствие маяков, представлялось вполне закономерным. Не говоря уже о том, что плотность пылевого облака вряд ли позволила бы кораблю осуществить разгон до критической скорости. Но даже в случае успешного входа в Канал существовала лишь исчезающе малая вероятность того, что корабль «вынырнет» в известной человечеству области Вселенной. Почти наверняка корабль затерялся бы в космосе, исчерпав автономность. Но все же это был шанс, и следовало им воспользоваться.

Наличие на борту пассажиров навязывало иное решение.

«Декарт» сел.

«Декарт» сел в западной части северного, наиболее крупного материка, в равнинном краю озер, и болот, и быстрых речек, прочно вплавившись основанием в плоский скальный выход. Только после посадки, когда скрывать правду стало невозможно, она была объявлена пассажирам в умеренно оптимистических тонах. Против ожидания, обошлось без истерик и заламываний рук, а нескольких объявившихся скептиков отец великолепным образом высмеял и поставил на место, чем, несомненно, отдалил риск беспорядков на борту. Размышляя, Стефан давно понял правоту отца. Он сам поступил бы так же. Люди — удивительные существа, и преступен тот, кто не пользуется этим обстоятельством для их же блага. Почему-то они чувствуют себя увереннее, когда под ногами у них твердая земля, а не десяток переборок, отделяющих их от пустоты. И когда они заняты делом... Сажая корабль, Бруно Лоренц уменьшал срок его автономности минимум на полгода, но он знал, что делал. Окончательное решение оставалось за капитаном, но твердое желание выбраться отсюда и спастись,

как бы ни был ничтожен шанс на спасение, должно было исходить от пассажиров, и только от них.

В этом отец был прав.

Он ошибся в другом, и винить его за ошибку было невозможно.

Стефан раскрыл журнал с конца. Последние записи были сделаны от руки. Будто отец специально подчеркивал неофициальный характер этих записей.

Пробелы, перечеркивания, заметки на полях.

Неудобочитаемые каракули.

Тщательно, в двух ракурсах выполненный рисунок сложного морского узла. У отца было хобби — конструирование узлов.

Оборванная запись без даты: «Сегодня умерло пятеро. Карантинные меры...»

Кобура «махера» давила бок. Стефан отстегнул ее, положил на колени. Перевернул назад десяток страниц.

«...ближнюю разведку и картографирование. Первое впечатление: типичный постледниковый ландшафт. С запада озеро, с востока болото, посередине — моренные гряды и наша площадка. Леса здесь хилые, как и по всей планете. Совершенно невероятно, чтобы они могли продуцировать кислород в наблюдаемом количестве. Может быть, водная растительность в океанах?..

Вернулась группа — Хансен, Максименков, Игуадис. Расход боеприпасов — ноль. Доставленные образцы будут подвергнуты исследованию, однако ясно уже сейчас, что биологическая активность этого района планеты незначительна. Результаты микробиологического анализа обнадеживающие. Дал команду на подготовку к развертыванию полевого лагеря. Добровольцев хоть отбавляй. Досадно, что у нас нет ни инструментов на всех, ни сколько-нибудь значительных запасов пищи. Синтезатор работает исправно, однако запасов органического топлива, за вычетом необходимого для подъема НЗ, хватит не больше чем на восемь-девять месяцев. Стартовать на маршевых двигателях — самоубийство.

Игуадис предложил идею: перенастроить синтезатор под местные ресурсы — древесину или торф. Вряд ли нам это пона-

добится, никто не собирается застрять здесь надолго. Тем не менее поручил Максименкову предварительную техническую разработку.

Пассажиры работают плохо, но охотно. Кустарный энтузиазм, суета и бессмыслица. Все дают советы. Очень хороша чета Пунн — оба прирожденные организаторы. Предполагаю назначить Огастеса Пунна своим заместителем вне корабля...»

Стефан резко захлопнул журнал. Здесь коренилась другая, самая значительная ошибка отца, хотя, конечно, отец не мог предвидеть отдаленных последствий. Честно говоря, Стефан не помнил, плох ли, хорош ли был Огастес Пунн в роли распорядителя внекорабельных работ, да и не в нем было дело, а в его сыночке, который с тех самых пор вбил себе в голову бог знает что.

Питер Пунн... Опасный человек, самый опасный из всех. Кумир большинства, дурачье за него в огонь и в воду. Худших всегда большинство — кто это изрек, бородатый такой, из соотечественников Игуадиса? Не помню, и не важно. Главное — хорошо знал грек, что говорил.

Лучше бы Питер не вернулся...

ИНТЕРМЕЦЦО

Пачка бумаги. Субтильный карандаш с неустранимым дефектом, приобретенным при изготовлении где-то на просторах между Чанчунем и Гуанчжоу. Пусть так. Терпеть не могу шариковых ручек и фломастеров, даже тонких.

Компьютер? Да. Но после.

Стол. Табурет. Штаны, устойчивые к истиранию. Что еще?

Некоторое количество свободного времени.

Со временем у всех туго. И — звонит телефон.

Не нормальным неторопливым внутригородским звонком, когда в промежутке между двумя сигналами успеваешь дописать фразу, и не суматошным междугородным вызовом, похожим на дыхание астматика на марафоне, а длинным непрерывным звонком-воплем, от которого подскакиваешь и сатанеешь. Аппарат из розетки не выдернуть, она у меня за шкафом. Не хочу и вспоминать, как я пытался его отодвинуть.

— Слушаю!

Горячее дыхание в трубке. Так и есть. Он. Опять. Теперь можно не суетиться и поздно надеяться, что аппарат возопил из-за какой-либо дурной неисправности в телефонном узле. Тем более не стоит воображать, будто мои телодвижения способны что-то радикально изменить. Скажем, если отсоединить провод вон там, где, уже оборванный однажды, он залечен изолентой, голос в трубке не исчезнет. Проверено. Можно, конечно, разбить саму трубку, но тогда заговорит какой-нибудь другой предмет в квартире, например, начнет резонировать стекло в книжной полке, отчего слова окрасятся гнусным стеклянным дребезгом. Лучше уж телефон.

— Говорите, ну!

Товарищ Саахов.

Молчание. Треск. Бросаю трубку. Звонок.

Сдохнуть можно.

— Слушай, как тебя... Могу я наконец поработать спокойно?

Смешок в трубке — и тот с акцентом.

— Разве в твоем мире можно что-либо делать спокойно?

Философ...

— А в твоем это запросто? — парирую я.

— Тоже нет, конечно. Разве что какой-нибудь дятел продолбит себе дупло и попытается в нем что-нибудь высидеть.

Хочу быть дятлом.

Оглядываюсь — а толку? Еще не привык... Хуже всего то, что я никогда не знаю, в какой момент нахожусь под взглядом, а в какой нет. Подозреваю, что этот тип интересуется буквально всем. Моей работой почему-то в особенности. С чего бы?

Проникнуться к себе уважением, что ли?.. Не настолько я наивен.

Мой знакомец мог бы немало порассказать, откуда берутся сюжеты. Зато жена, вопреки очевидному, почему-то убеждена, что фантасты поголовно на наркотиках. А все гораздо проще.

— Ладно... — сдаюсь. — Что там опять? Сильно напорол?

— Изрядно. Прежде всего имей в виду, что никаких таких Каналов, в особенности виртуальных, в Пространстве не существует. Мы пользуемся иными методами.

— Это какими же?

— Так я тебе и сказал... Во-вторых, отца Стефана звали отнюдь не Бруно. Вообще с именами ты так наколбасил, что теперь трудно понять, кто есть кто.

— Мелочи, — отметаю. — Подумаешь — имена... Ты давай по существу.

Смешок.

— Чего там — по существу. Едва начал, а уже чего-то хочешь. Продолжай кропать, а я посмотрю.

Вскипаю. Успокаиваюсь.

— Не хами, потомок. Все-таки я старше тебя лет на двести... или на триста?

— Не скажу. — Он начеку и легко разбивает мои неуклюжие поползновения узнать больше, чем мне положено.

Сейчас я начну канючить, отвернитесь.

— Ну хотя бы скажи... было все это? То есть — будет? «Декарт», Стефан, Питер...

— И главное, дети, переставшие взрослеть?

— Да! Было?

Короткое молчание.

— Ну... было.

Гудки в трубке: ту-у... ту-у... ту-у...

Каша в голове. Геркулес с изюмом.

Ужаснусь я потом. А пока — радуюсь...

5

Лодка была длинная, из легкого блестящего металла, с хищно заостренным носом и узкой, ровно срезанной кормой. Когда-то в корме помещалась дюза маршевого двигателя, но потом дюзу сняли, двигатель выбросили за ненадобностью, горючее мало-помалу сожгли, начинку исследовательской ракеты одно время пытался использовать Уве для каких-то своих нужд, а пустой корпус распилили вдоль и получили две лодки. Одна разбилась пять лет назад на порогах Безумной реки, другая большей частью лежала кверху днищем под навесом внутри частокола, в повседневной жизни была не нужна и изредка приводилась в порядок для затеваемых Питером экспедиций,

если таковые намечались по воде. Остойчивость лодки при полной загрузке оставляла желать, маневренность тоже, но ходкость была удовлетворительная.

Несмотря на умытый блеск металла, лодка была старая. Вмятины на корпусе, оставленные камнями порогов, были осторожно выправлены, загрунтованы, залиты самодельным пластиком, выровнены заподлицо с обшивкой и тщательнейшим образом отшлифованы и отполированы. Этой работы Питер не доверял никому — гнал всякого, кто осмеливался приблизиться с доморощенными советами. За время экспедиции на днище прибавилось несколько свежих царапин, но Питер считал их несущественными.

Ему хотелось считать их несущественными — так точнее.

Эту ночь всем троим пришлось провести под лодкой на голом, полого сбегающем к реке склоне, усеянном выпирающими из лишайника валунами. Выше начинался и тянулся за вершину холма чахлый полулес-полукустарник, но никто не выразил желания в нем заночевать. Питер все же сбегал до вершины и обратно, порыскал и, вернувшись, сообщил, что опасности нет. Двое младших — мальчик и девочка, — промокшие и вымотавшиеся за день, встретили это сообщение почти равнодушно.

Нужно было торопиться: еще час назад стало ясно, что надвигается дождь. Лодку втащили до половины подъема и, перевернув, закрепили камнями. С нижней стороны склона под бортом оставили лаз, а с верхней навалили земли и лишайника, чтобы дождевые струи не затекали под лодку. Когда огромный бледно-желтый диск упал за холмы на том берегу и в распадке вспыхнул и сгорел ослепительный зеленый луч, ночлег был готов, и Питер успел еще сбегать разведать следующий порог, а на обратном пути отыскал в ручье целую гирлянду водяных сосулек, и они съели их сырыми, потому что туча уже накрыла небо и блуждать среди кремнистых стволов в поисках горючего кустарника для костра было поздно. Сырые сосульки резко и неприятно пахли, и Йорис поначалу даже отказался их есть, несмотря на голод, но Питер рассказал, как однажды прожил на реке неделю, питаясь только сырыми сосульками, правда, чуть не умер, — тогда Йорис зажмурился и осторожно откусил первый кусочек. Сосулька защипела и при-

нялась извиваться. «Ешь!» — крикнул Питер, и Йорис, торопясь, проглотил свою долю. Насмешек он сносить не желал. Вера не привередничала. Она уже была один раз с Питером в экспедиции, и в тот раз тоже не хватило еды. Она молча радовалась, что Питер нашел сосульки, он молодец, всегда что-нибудь найдет, сосульки еще не самое худшее, они ничего, только после них щиплет во рту и нельзя сразу пить, плохо будет... Дождь пришел вместе с яростными порывами холодного ветра, тогда Питер вынул два оставшихся химпатрона для спальных мешков и отдал их Вере и Йорису. Уже лежа под лодкой — Питер в носу кокпита, Вера посередине, а Йорис под кормой, — они поговорили о том, откуда идет этот дождь, и Питер сказал, что, должно быть, теплое течение на севере уже размыло шельфовый ледник и теперь там море, но чтобы это проверить, нужно как минимум туда добраться. «Полторы тысячи километров?!» — с ужасом и восхищением спросил Йорис. «Чуть больше, — подумав, сказал Питер. — Но в пределах возможного».

Он почти не спал в эту ночь, потому что для него не осталось ни одного химического патрона. Слыша, как по днищу лодки лупит дождь, Питер думал о том, что завтра, если повезет, он будет спать в тепле; эта мысль долго не отпускала его, но совсем не грела. Тогда он прогнал ее и стал думать о том, чем все это должно кончиться. Четырнадцать экспедиций только за последние восемь лет... нет, даже пятнадцать, если считать ту, не удавшуюся в самом начале, когда утонула Астхик и все, ну почти все пришлось начинать сначала, заново доказывать сначала себе, а потом всем остальным то, что ясно без всяких доказательств.

Впервые им удалось так далеко забраться на север. Почти на триста километров, если считать по прямой. По рекам и ручьям, разумеется, выходило больше. Перед водоразделом пришлось оставить лодку и дальше двигаться пешком, потому что удобный волок, тщетно разыскиваемый прежде, не был найден и теперь. Обратно на водораздел вышли почти без сил от усталости и голода, но результаты экспедиции того стоили.

На сей раз он взял с собою этих двоих. Он мог бы взять и четверых — в кладовке «Декарта» хранилось еще два спальных мешка, а Диего обещал подзарядить еще десяток химпатро-

нов, — но четверых работников сразу Лоренц не отпустил бы ни при каких обстоятельствах.

Дождь сменился мокрой крупой. Питер по звуку чувствовал, как на днище лодки нарастает ледяная корка. Он немножко помечтал о том, чтобы наконец пошел настоящий снег, навалил сугроб и стало тепло, но снег обманул, как обманывал всегда, снова забарабанили капли, и тогда Питер, пытаясь отвлечься, начал рисовать в уме карту этих мест — безымянная река с безымянными притоками, петли, развилки, протоки, острова... Он шел от устья вверх, к истокам. Змеящиеся притоки отнимали у реки воду, и синяя нить сужалась. Вот она запетляла в болоте — там много старых проток, почти сухих, и, наверно, река каждый год промывает в торфяниках новое русло. Питер вносил поправки. Вот крупный левый приток, он исследован дважды, нет там ничего интересного... Ряд коротких черточек поперек синей нити — цепочка порогов в верхнем течении. Целая сеть притоков, как разлапистая пятерня, разбегающаяся пальцами к водоразделу, — и не скажешь сразу, где собственно река, а где притоки. Вот этот, крайний, совсем не исследован — судя по карте, он ведет в маленькое болото, питаемое скорее всего грунтовыми водами. Поэтому опять неинтересно, зато от второго справа притока, где завал из незнакомых деревьев, которые как бочки, и очень неудобный обнос, отходит любопытный ручей, вероятно, доступный лодке при высокой воде. Хорошо бы дождаться паводка, чтобы подняться по ручью прямо к водоразделу... сидеть и ждать затяжного дождя, и чтобы пища была, и тепло, а Стефана не было, и каждый вечер ходить смотреть надоевший зеленый луч...

Глупости. Никому это не нужно.

Питер улыбнулся, услышав, как Йорис мучительно простонал во сне. Парнишка еще не понял... А вот Вера догадалась, она сообразительная. Результаты экспедиции не в нескольких нанесенных на карту ручьях и болотцах, хотя и это важно. Главный результат — вот он, лежит под боком и, кажется, даже греет — две прозрачные фляжки с темной маслянистой жидкостью. Йорис не понял, что они означают, а Лоренц поймет сразу. Он чует опасность издалека, как осторожный зверь.

Уже скоро, Стефи. Немыслимо больше ждать.

К утру он сильно замерз и выполз из-под лодки. Светало. Туча ушла. Дождь кончился совсем недавно, стылая земля была пропитана ледяной влагой. Лязгая зубами, Питер заставил себя отбежать метров на сто вверх по склону и там заплясал, запрыгал, заколотил окоченевшими ладонями по бедрам и заду. Сейчас он ничем не напоминал привычного всем Питера, а был похож просто на продрогшего до костей мальчика, каковым являлся в действительности, и отчетливо сознавал это. Он напряг мышцы, тихонько зарычал, силясь унять дрожь и ненавидя себя за нее. Оглянулся. Его не должны были увидеть в таком состоянии и его не видели: младшие спали, а значит, можно было немного пожить простыми желаниями. Он быстро справил нужду, бегом перевалил через холм — бегом, скользя в промоинах, спустился в распадок — повернул — бегом понесся вверх — повернул — опять бегом вниз. Мокро блестели седые валуны, попадались кости вымерших животных, давно обглоданные лишайником и выбеленные. Лес был как лес: кремнистые несгораемые деревья, сумев как-то выжить, перестали расти и завязались узлами. Листьев на деревьях почти не было. Хилый горючий куст, запустив под валуны жесткие корни, целился в небо прямыми в струнку ветвями. Хвоя на нем не росла, а та, что росла когда-то, пошла на корм лишайнику, однако куст был жив и даже затрепетал при приближении человека, словно пытаясь выкопаться из земли и удрать. Наверно, чувствовал, что пойдет в костер. Питер усмехнулся: куст чувствовал правильно.

Вверх. Бегом. Вниз. И еще раз так же. Ему пришлось трижды спуститься с холма и трижды подняться, пока он не ощутил возвращающееся в мышцы тепло. Напоследок не утерпел: взял короткий разбег и с криком «йо-хо-о!» крутанул переднее сальто. Дрожь унялась, теперь Питер чувствовал себя в порядке, и даже приступ острой ненависти к Стефану, нежащемуся в тепле, прошел и сменился предчувствием удачи и спокойной уверенностью в своих силах. Он едва не рассмеялся. Сегодня. Это будет сегодня, Лоренц. Если повезет — сегодня к вечеру. Что, Лоренц, не ждал? Хочешь, очень хочешь ты, чтобы я не вернулся, и у тебя еще есть шанс, ты еще можешь надеяться

на последний порог и водяного слона на озере, — но я ведь и в этот раз вернусь, Лоренц. Ты же понимаешь, что я вернусь.

Очень скоро он нашел то, что искал, — смолистый корень, спрятавшийся в лишайнике. Корень был большой, толщиной в руку взрослого человека, — строго говоря, корень не был корнем, а был самостоятельным организмом, паразитирующим на лесной подстилке, не то растением, не то животным, однако в костре он горел превосходно, а большего от него не требовалось. Радуясь удаче, Питер выкопал корень руками. Как бы ни промокли ветки горючего кустарника, костер теперь будет, а значит, можно будить Йориса и Веру...

Он поднял глаза и мысленно охнул. Прямо на него шел белый клоун. Еще несколько отставших кривляющихся фигур, торопливо поднимаясь из распадка, настойчиво лезли вверх по склону. Питер бросил корень.

Запах человека необъяснимо притягателен для белого клоуна. Этой загадки так и не удалось разрешить: человек не являлся добычей белого клоуна; если человек не бежал, клоун жадно тянулся к нему, выбрасывая ложноножки, прилипал к человеку, обволакивая его только лишь для того, чтобы через секунду отклеиться и побрести дальше. Побрести — или потечь? Ног у клоунов не было, но перебирание ложноножками карикатурно походило на ходьбу, и сами клоуны издали карикатурно походили на человека. Убить их ножом или стрелой было невозможно. Однажды Маргарет, единственная из всех, кого клоуны интересовали профессионально, высказала предположение, что их бесскелетные студенистые тела суть вовсе не тела в обычном понимании этого слова, а живые коллоидные сгустки, структурируемые собственным магнитным полем. Так это было или не так, никого особенно не интересовало. Гораздо актуальнее было то, что на теле человека, не успевшего увернуться от объятий белого клоуна, оставались долго не заживающие ожоги.

Шрам на подбородке Питера был следом ожога более чем тридцатилетней давности, памятью о том, как он уводил белого клоуна от группы малышей, оказавшихся слишком далеко от частокола. Он тогда застрял в зарослях и был настигнут. Кожа стянулась и изменила цвет. На руках тоже были шрамы.

Такие шрамы были на руках у всех, исключая немногих счастливцев, вроде младенца Джекоба. Даже у Лоренца они были.

Питер молниеносно окинул взглядом бугорок, обозначающий перевернутую лодку. Нет, белые клоуны не почуяли младших. Еще не почуяли. Пока что они шли мимо и для таких увальней очень быстро, со скоростью бегущего вялой рысцой человека. Их было много.

На открытой местности человеку, как правило, нетрудно уйти от белого клоуна. Нужно заманить его подальше — если человек не очень спешит, клоун идет за ним как привязанный, — а потом убежать от него, сделать большой круг и вернуться. Клоун не вернется, он быстро потеряет след, а вместе с ним интерес к человеку. Труднее уйти от стада, но тоже можно. Хорошо, что клоуны чаще бродят в одиночку. Хорошо, что на этой планете летаргическая жизнь дала так мало подвижных опасных тварей и ни одной неподвижной опасной твари, если не считать того пня, который оказался не пнем... Но и он сжимал челюсти так медленно и робко, что можно было еще раз-другой сесть на него и успеть встать. Пожалуй, опасные виды фауны можно пересчитать по пальцам. Клоуны. Болотные черви. Вонючие крылатые гарпии. Водяной слон. Цалькат. Человеку в лесу нечего дрожать перед зверьем: если он не ранен и не дурак, он не будет съеден. Однако и пищи себе не найдет, это точно. Сосульки годятся лишь на то, чтобы обманывать голод, да поди их еще найди...

Его почуяли. Крупный, в рост взрослого человека, клоун, шедший прямо на него, ускорил движение. Другой, который должен был пройти мимо, вдруг запнулся на ходу, зашевелил отростками и уверенно свернул к Питеру. Белый клоун способен почуять человека шагов с десяти — пятнадцати, независимо от направления ветра. Наверное, Маргарет права: клоуны ориентируются не по запаху, а по окружающим человека слабым электромагнитным полям.

Первого клоуна Питер подпустил на два шага. Потом отскочил, метнулся вбок, обманывая, выждал секунду, прислонившись спиной к дереву, и подставил вместо себя корявый ствол. Краем глаза успел заметить еще двоих — те заходили справа, и один из них шутя протек сквозь горючий куст, нимало при этом не замешкавшись. Серьезной опасности пока

не было: с тремя-четырьмя клоунами Питер мог играть в догонялки часами. Но сейчас он должен был привлечь внимание всего стада.

Йо-хо-о!.. Он рванулся с места, как спринтер, в самую гущу стада и заметался зигзагами по склону холма. Ноги путались в лишайнике, а один раз Питер споткнулся о камень. Теперь клоуны были со всех сторон — спешили догнать, обтечь, ощупать человека жгучими отростками, попробовать на вкус, и надо было петлять, уворачиваться, сбивать с толку, не давать окружить себя плотным кольцом — а потом, если повезет, выскочить из стада и увести его как можно дальше. Вот, сейчас... Нет, еще рано. А вот теперь пора. Йо-хо-о!..

И все получилось бы, если бы ночью не прошел дождь, если бы на обманном финте нога не заскользила так неожиданно, если бы только удалось удержаться на ногах и почва именно в этом месте не выперла из лишайника каменный обломок, угодивший прямо в солнечное сплетение, — а когда пропала тошнотная чернота перед глазами, вернулось дыхание и Питер почувствовал, что снова способен вскочить и бежать, нужно было уже не бежать, а укрываться: кривляющееся кольцо вокруг него сомкнулось, оно было похоже на студень или медузу, в нем не было ни единого просвета, и оно сжималось.

Питер скорчился, прижался к лишайнику, пряча руки под тело, вжимая шею в воротник драной куртки. Лишайник шевелился, щекотал лицо. Было досадно, что так не повезло. Теперь-то, конечно, обожгут... затекут под одежду и обожгут хуже кипятка... придется потерпеть... Он негромко и скверно выругался. Ну и обожгут, подумал он с ожесточением, пусть жгут, подумаешь — ожог, не барышня, да и не в первый раз, уж как-нибудь перетерпим...

Сжавшись, он считал секунды. Глупые твари, самые глупые на этой планете, если не считать трясинных черепах на болотах, слишком тупые для разумения человека и оттого непредсказуемые. Может, они не могут договориться, кто в кольце главный?..

Он рискнул поднять голову и присвистнул от удивления. Кольца уже не было, оно распалось; клоуны, кривляясь пуще прежнего, уходили кто куда, но по преимуществу вверх по

склону, мимо лодки. Разбегаются, с недоумением подумал Питер. Разбегались... Чего для? Он еще успел обрадоваться удаче, но тут же осмотрелся и понял, что до удачи далеко и радоваться рано, а бежать, напротив, поздно.

Клоуны не просто уходили — они спасались. С самого начала стадо бежало от хищника, и лишь запах человека сбил стадо с толку, на время пересилив инстинкт самосохранения. Преследователь был хорошо виден и знаком — бродячую паутину не заметишь разве что в сумерках, и тогда она тебя схватит, зато сейчас, в первых лучах солнца, она сверкала всеми радужными нитями. Она была просто нарядна и двигалась с легчайшей воздушной грацией, закидывая невесомые нити на грубые замшелые стволы, стремительно подтягиваясь, выбрасывая новые нити, и нити падали сверху вниз, разрастались, ветвились и снова втягивались, паутина словно бы катилась, было в ней что-то от морского ежа и перекати-поля одновременно. Клоун, отставший от стада, был схвачен и задергался, тщетно пытаясь протечь сквозь паутину. Через секунду он был оплетен и обвис. Питер знал, что паутина на этом не успокоится: схватив одного, она обшарит пространство радиусом в несколько десятков шагов в надежде поймать кого-нибудь еще, длина нитей это позволяет, а потом она подтянет к жертве коричневый белоглазый сгусток размером с кулачок младенца Джекоба — по сути, пищеварительный и нервный центр хищника — и замрет, высасывая. Неделю будет сосать. Две...

Питеру случалось на спор убивать «паука» выстрелом с пятидесяти шагов, и сейчас он пожалел о луке, оставленном в лодке. Бродячая паутина намного опаснее белого клоуна. Как ни странно, она не любит путешествовать по вертикали, предпочитая обходить препятствия, а не переваливать через них, и частокол вокруг лагеря поставлен не зря. Можно также с надеждой на удачу забраться на высокое дерево. А на открытом месте первая и главная заповедь настигнутого паутиной: не шевелись. Замри. Тебе может повезти: паутина хватает тех, кто движется, она полагается прежде всего на зрение. Правда, на осязание тоже, и еще она чувствует температуру ощупываемого предмета, так что шансы остаться необнаруженным пятьдесят на пятьде...

Ноги опутало сразу же. Рвануло, повалило. Питер яростно резал нити, они пружинили и пищали под ножом и рвались с натужным дребезжанием лопающихся струн, но их было много, и все новые и новые путы хищно тянулись к человеку, к законной и лакомой добыче — будто человек с сорокалетним опытом жизни на этой планете мог позволить себе быть добычей! — радужные жгучие бичи хлестали справа и слева, тонкая живая проволока закручивалась вокруг тела, падала сверху на голову, ползла к шее... Десятки, сотни сверкающих нитей. Паутина была в ярости: ей еще не попадалась жертва, вооруженная стальными когтями.

Натянулось, просекло кожу... Потащило. Захлестнуло правую руку — Питер не глядя перебросил нож в левую. Он ждал. Неожиданно для себя он обнаружил, что совершенно спокоен. Теперь он защищал только шею и руку с ножом, предоставив паутине оплетать остальное коконом. Он ждал и терпел боль. Он умел терпеть и ждать. И когда паутина, вспахивая его телом лишайник, доволокла его туда, куда ей хотелось, и на расстоянии вытянутой руки он увидел покачивающийся над ним безобразный коричневый комок с тонким дрожащим хоботком в проеме распахнувшихся зазубренных жвал, он, перерезав мешающие нити, хладнокровно и точно, как делал не раз прежде, всадил нож в промежуток между жвалами и парой отвратительных выкаченных глаз...

Ему не сразу удалось освободиться — некоторые нити были еще живы, старались вырвать нож. Белых клоунов на холме уже не было, кроме одного, схваченного. Питер оставил его в покое — еще оживет, увяжется... Горючий корень был на месте — не уполз, дурак. Питер хмыкнул: хоть в чем-то повезло. Теперь ничто не мешало развести костер, вскипятить в котелке воду на завтрак и разбудить Йориса и Веру...

6

— А, это ты, — сказал Стефан. — Входи. Можно.

В дверь просунулась лапа в бугристых наростах кожной болезни, которую давно отчаялась вылечить Маргарет. Затем явилось лоснящееся лицо-блин с коротким носом-обрубком, и следом — брюхо наперевес — вкатился сам Анджей по про-

звищу Пупырь, по-утиному переваливающийся на коротких тумбах. Можно было подумать, что, если его толкнуть, он встанет вроде неваляшки. Всякого другого Стефан сейчас с удовольствием выгнал бы вон, да и вообще не дело посторонним торчать в ходовой рубке, но как раз Анджей посторонним не был. Когда он не занимался прямыми наблюдениями, его рабочее место помещалось здесь.

Стефан остался сидеть. Кресло сейчас по праву принадлежало Анджею, но если этот пухлый слон заполнит его своим могучим задом и уронит кошмарные лапы на пульт, толку от него уже не добьешься. Стефан изобразил улыбку. Ему в самом деле было приятно, что Анджей и сегодня пришел работать рано, еще до сигнала общего подъема. Редкий трудяга, все бы так.

— Как дела? — спросил Стефан.

Как у Анджея дела, было видно невооруженным глазом. Зато Анджей теперь мог вооружить только один глаз — второй заплыл.

— А ну повернись к свету, — приказал Стефан. — Та-ак. Били?

Анджей виновато развел руками: били, мол, ничего не поделаешь.

— Кто?

Анджей поднял кверху толстый, в наростах палец.

— Не так важно, кто бил, — квакнул он, — как важно: за что?

— За что, мне уже доложили, — сказал Стефан. — Я тебя не спрашиваю, за что. Я спрашиваю: кто?

Анджей насупился.

— Мне повторить вопрос? — осведомился Стефан.

Анджей досадливо махнул лапой.

— А не все равно? Ну, Дэйв бил... Никак не пойму, почему это тебя интересует. Ты его наказывать будешь, что ли? Он глупый, его не надо.

У тебя все глупые, с холодным ожесточением подумал Стефан. Все, кто не потусторонний, как ты, кто не витает духом в иных слоях мироздания, а живет сегодняшним днем, таскает из болота торф и ни бельмеса не смыслит в твоей астрофизике, — все они для тебя не более чем глупые дети, не поумневшие за сорок лет, и я, наверно, в их числе. А ты подумал,

умник, что Дэйв бил тебя по роже не только из-за твоего отказа идти воровать бластер? По такой роже тому, кто голодный, бить одно сплошное удовольствие. Они ведь все как один убеждены, что я тебя подкармливаю за их счет, ни один не поверит, что это не так...

Вслух он сказал:

— С Дэйвом мы разберемся. Я, собственно, не это имел в виду. Как дела?

Анджей облизнул толстым языком толстые губы и моментально стал похож на жабу, только что слопавшую вкусного жука и оттого невероятно самодовольную. Всякий знал, что это означает: готов материал для доклада. Пупырь обожал делать доклады. Без сомнения, в такие минуты он ощущал себя серьезным ученым, выступающим перед коллегами, и не снисходил к уровню слушателей. Стефан не раз думал о том, что на Земле Анджей мог бы стать ученым. Может быть, даже крупным ученым. Здесь ему не хватало масштаба исследований и чувствительности аппаратуры.

— Сегодня делаю доклад. По теме — итоговый.

Стефан с трудом удержал себя в кресле. Врет? Нет, он бы не решился... Этот — нет. Кончилось. Не просто очередной доклад, целиком, полностью и в приложениях посвященный очередному уточнению очередной модели, — а итоговый доклад по теме! Окончательный. Финиш. Больше тридцати лет работы, нудной и каждодневной, если считать от того времени, когда Анджей, разобравшись в приборах и собрав крохи наблюдательного материала, слепил кое-как первую модель этого солнца, крайне наивную и даже смешную с позиций сегодняшнего дня. За тридцать лет ему удалось сделать то, на что астрофизики Земли потратили столетие, притом что Солнце устроено много проще этой гнусной звезды. И ведь никто не верил, что получится, сам же Анджей не верил: «С таким барахлом, как наш нейтриноскоп...» А я его заставил, подумал Стефан с гордостью. В этом и моя доля успеха. Иногда это очень важно — заставить.

— Ну? — спросил он.

Жаба поцокала языком. Пупырь наслаждался — держал паузу.

— Вечером расскажу всем. Ты им объяви, чтобы собрались.

— А почему не сейчас?

— Вечером, вечером.

— Мне ты расскажешь сейчас, — медленно и раздельно произнес Стефан.

И тотчас исчезла самодовольная жаба, прыгнула в болото и затаилась — остался лишь нескладный толстый подросток с уродливыми руками и подбитым глазом, очень старающийся не скреститься взглядом с неподвижным взглядом Стефана.

— Ну, может, вечером, а? — проныл он. — Я и не готовился еще...

— Поговори еще у меня, — фыркнул Стефан. — Обойдешься.

Анджей тяжко вздохнул. Его грабили. У него отнимали аудиторию. Трибуну. Но он справился.

— Я это... диаграммы нарисовал... принесу.

— А без диаграмм? — с интересом спросил Стефан.

— Без диаграмм ты не поймешь... Ой, то есть я хотел сказать... я не хотел...

— Уже сказал. Ладно, я не слышал.

И Стефан уступил кресло. Анджей снова вздохнул, но уже не так обреченно, кашлянул, покряхтел в кулак, и кресло под ним, прогнувшись, пискнуло о пощаде. Уродливые лапы легли на пульт с каким-то даже изяществом, а короткие пальцы словно бы удлинились необъяснимым образом по меньшей мере втрое. Кроме Анджея, лишь Стефан да еще Уве и Донна знали наизусть всю последовательность операций по пробуждению работоспособных остатков корабельного мозга, но Анджей справлялся быстрее.

— Когда-нибудь он точно откажет, — бормотал Анджей. — Не вечный же он... Всякий раз боюсь: а вдруг сейчас, а?

— Не сейчас, — сказал Стефан. Он не был уверен в этом.

Наконец экранчик засветился, тускло и робко, и почти сразу — Стефан не успел заметить, как Анджей это сделал — на экранчике возникла модель звезды: набор концентрических окружностей в левой части экранчика и плотные колонки цифр в правой. Анджей с облегчением выдохнул, задвигался, усаживаясь поудобнее, и потер руки столь энергично, что Стефану стало даже непонятно, как это все его наросты и болячки не ссыпались на пульт.

— Итоговая модель, — объявил он и повозил толстым пальцем по экранчику. — По сути, это первая непротиворечивая модель нашей звезды и, вероятно, последняя. Лично я думаю, что она верна, причем отнюдь не только в первом приближении. До сих пор мы исходили из естественного предположения, что планета и звезда имеют одинаковый возраст, что вовсе не очевидно и ниоткуда не следует. Будь это так, и прежняя модель была бы хороша. Я, конечно, не утверждаю, что новая модель идеальна, просто с нашей аппаратурой большего не сделать... — Анджей выдержал укоризненную паузу, словно в малой пригодности аппаратуры «Декарта» для астрофизических исследований был виноват не кто иной, как Стефан. Стефан фыркнул. — Возраст планеты нам известен с приемлемой точностью. По-видимому, звезда старше планеты, и если мы это допустим, а мы должны это допустить, то сразу же устраняется ряд существенных расхождений между наблюдательными данными и результатами расчетов, тем более неприятных, что...

— Понес, понес... — морщась, сказал Стефан. — Тебя об этом спрашивали? — Он ткнул пальцем в экранчик. — Это что?

Анджей вмял в щеки воротник — пожал плечами. Вопрос был для него дик.

— Внешняя конвективная зона, что же еще...

— Так. А это?

— Тоже конвективная зона. Внутренняя.

— Две конвективные зоны?

— Так я же и говорю! — закричал Анджей и даже вскочил с кресла, но тут же прикусил язык и сел. Кресло крякнуло. — Третью я не нарисовал, она маленькая и влияет лишь количественно. Тут у меня расчеты, я мог бы подробно...

— Подробно на докладе наболтаешь, — прервал Стефан. — Ты давай самую суть.

— Самую суть я не умею, — уныло признался Анджей.

Стефан махнул рукой. Приходилось терпеть. Если хочешь управлять людьми, нужно уметь снисходить к их маленьким слабостям, а слабости Пупыря еще не из худших. Эта мысль, пока Анджей, ловя за хвост прерванную фразу, кряхтел, облизывал губы и колыхался в кресле, успела прокрутиться в голове Стефана несколько раз. Вот интересно: почему я, собственно говоря, решил, что хочу управлять людьми? Не хочу я это-

го, с внезапной ясностью понял он. Давно уже не хочу. Устал. Как же вы до сих пор не дотюкали, не допетрили, что не я хочу вами командовать, а мне приходится вами командовать, потому что я не знаю, кем вы станете, когда от вашего зада уберут кнут и покажут путь в кладовку, где хранятся пряники... Нет, не так... Не знаю — так можно сказать при всех, на общем сборе, и это будет неправдой. Знаю. То-то и оно, что очень хорошо знаю.

Потому что мы — общество, подумал Стефан. Без стаи особь погибнет. И человек без общества погибнет тоже, без структуры он погибнет, а структура — это иерархия. Между прочим, ничего умнее метода кнута и пряника человечество в области управления еще не выдумало. Не нравится? Понимаю. Хочешь выжить один? Пожалуйста. Катись! Твой уход ослабит структуру, но ослабить ее НАСТОЛЬКО — твое право. Уходи — и это будет честно. Мы всего лишь люди, дети людей, не требуй от нас большего. Почаще глядись в зеркало и утверждайся в правоте Дарвина.

Пупырь вещал, ворочая толстыми губами. Тыкал пальцем в экран. Звезда старая, ей уже пора сходить с главной последовательности... Развитие внутренней неустойчивости, которая через миллион лет приведет звезду к фазе красного гиганта... Стефан механически кивал, когда Анджей к нему поворачивался. Да... Миллион лет — срок, прямо скажем, замечательный. Приятно планировать будущее на миллион лет... Ну же, дальше! На кой ляд мне знать об исходных аномалиях протозвездного облака? Дальше! Как он квакает, как он мямлит, этот карманный Эддингтон! Неудивительно, что когда-то на доклады этого олуха ломились с ожиданием и надеждой, а ныне приходится загонять едва ли не палкой — у каждого враз находится неотложное дело... Так. Спектр фотонный, спектр нейтринный, околополюсные инверсии... Это уже ближе к теме. Еще Аристид Игуадис понял, что разгадка в звезде, а не в мифических местных вирусах и не в скороспелой мутации вирусов земных, и даже пытался начать подготовку «Декарта» к взлету, но отца уже не было в живых, и Хансена не было, и Шварцбаха не было, а Максименков умирал среди запертых в изоляторе, и Игуадис один, конечно, не справился... Дальше! У-у... Кто даст мне терпения? Теперь циклы активности... Ано-

мальные ядерные реакции в подповерхностном слое, редчайшая картина изумительной красоты... Скотина! Значит, ты полагаешь, что вспышка, истребившая девять десятых видов живых организмов на этой планете и продолжающаяся по сей день, — красива?! Думай, балбес! Не ляпни такое вслух в присутствии Дэйва: он тебе за одно это словечко и второй глаз уделает — в окуляр не влезет...

— Стоп! — холодно сказал Стефан. — Я про вспышку который год уже слышу. Меня не интересуют процессы. Меня интересуют выводы. И прежде всего: когда?

Анджей раздулся и побагровел: начальство опять помешало. Анджей с оскорбленным видом выразил начальству претензию. Анджей перешел на официальный тон. Анджей заявил, что готов, памятуя об убого-утилитарных запросах капитана, специально пояснить: возраст вспышки, если капитану угодно называть так кратковременную спектральную аномалию данной звезды, не превышает полутысячелетия, что, помимо астрофизических расчетов, подтверждается прямым анализом возраста костных останков вымершей фауны. Что же касается материй, связанных с механизмом воздействия аномального спектра звезды в период вспышки на биологические объекты, то он, Анджей, если капитану угодно знать, подобными материями никогда не интересовался, не интересуется и впредь интересоваться не намерен, он не врач и не биолог — пусть Маргарет рассказывает любопытным про биологические механизмы, если только сама поймет, хотя, по правде сказать, где уж ей понять, коли она даже руки ему, Пупырю, вылечить не может... И ноги.

Стефан схватил Анджея за воротник. Рывком приподнял — затрещали швы, — встряхнул с усилием. Анджей задушенно молчал, выкатывал глаза и демонстрировал полную готовность отвечать незамедлительно и по существу.

— Я тебя спрашиваю, — прошипел Стефан, с наслаждением комкая и крутя ворот, — когда кончится вспышка?

Он разжал пальцы — кресло под Анджеем хрюкнуло. Анджей натужно заворочал шеей.

— Э-э... лет через триста. Собственно, триста лет — нижняя граница оценки... Может быть, и через пятьсот. Тут у меня расчеты, а их точность определяется...

— Подавись своими расчетами, — сказал Стефан, остывая. — Триста лет — это достоверно? Не меньше?

Анджей покивал. Он еще что-то говорил, но Стефан уже не слушал. Остальное не казалось существенным. Окончательный ответ был получен — ясный, точный и беспощадный. Триста лет. Этого достаточно. Хватило бы и пятидесяти. Стефан почувствовал, что лоб у него взмок, и смахнул пот ладонью. Он подозревал, что ответ будет именно таким, и был готов его принять, но сейчас ощущал в себе потерянность и пустоту. Оказывается, все это время он ждал чуда... Мы все останемся на этой планете, подумал он. Пусть мы старимся медленнее, чем люди на Земле, но, оставаясь детьми, мы все-таки старимся... Мы умрем маленькими морщинистыми старичками. У нас никогда не будет потомства — вот и ответ тем, кто еще не устал считать нас основателями новой колонии. Мне первому, но мне же и последнему...

— Ты вот что... — Стефан навис над Анджеем, дышал в лицо. Он вколачивал слова, как гвозди. — Запомни как следует: никакого доклада не будет. Ни слова, ни звука. Кроме тебя и меня, об этом не должна знать ни одна живая душа. Можешь заниматься чем хочешь, но будешь делать вид, что работаешь над уточнением модели. Год будешь уточнять. Два. Сколько потребуется. Проболтаешься — пойдешь на торф. Я не шучу.

Анджей молчал, разинув рот.

— Ты хорошо понял?

— Да. — Анджей судорожно сглотнул.

— Вот и чудесно.

7

— Вчера это выглядело лучше, — сказал Питер. — Сегодня совсем дрянь.

Они стояли на краю обрыва и смотрели на беснующуюся внизу реку. Утро обещало теплый день, и куртка Питера была уже сброшена с плеч и завязана узлом вокруг пояса. С болота принесло тучу мошкары, она толкалась перед лицом, но на кожу не садилась. Порог был не слишком длинный, всего около

полукилометра, и перепад воды в нем составлял метров семь, но три метра из семи приходились на выходной каскад с крутым падением. За узким гребнем водоската река ревела, там кипел пенный котел, тяжко вздымались и опадали бурые водяные горбы, взлетали в воздух бестолковые брызги, в облаке водяной пыли висела блеклая радуга, а дальше был виден плес, струя порога никак не хотела сдаваться и простреливала плес до середины, но дальше река успокаивалась в болотистых берегах и медленно несла свои воды в озеро. Питер уверял, что от плеса до озера на веслах можно дойти за час.

— Четыре ступени. — Питер говорил неторопливо и веско, вроде бы не обращаясь ни к Вере, ни к Йорису, но Вера знала, что говорит он для них, и только для них. — Ну, первую проскочим и не заметим... надводный камень и два обливных, от них мы уйдем. На второй ступени поворот, там нас прижмет к левому берегу, и пусть прижимает, справа камни... потом гранитная гряда поперек реки, проходы посередине — дрянь, в прошлый раз тут вообще не было никаких проходов... настоящий проход только справа, вон между теми валунами. Всем видно? Вчера я думал, что перед третьей ступенью можно пересечь струю траверсом, а сегодня нас навалит на гряду...

— Ночью вода поднялась, — робко вставил Йорис. Будто только что это заметил.

— Именно. Я тут третий раз прохожу, и каждый раз это разный порог. Значит, так: вначале идем на отрицательной скорости, в конце второй ступени делаем рывок и уходим к правому берегу. На повороте не даем себя слишком прижать и вон оттуда, — Питер размахнулся, испугав мошкару, и далеко бросил камень, — нет, не оттуда, а метра на три выше по моей команде начинаем работать. Все понятно?

— А четвертая ступень? — маясь, спросил Йорис. Он смотрел на гребень водоската и зябко ежился. Вера усмехнулась. Она была всего на полгода старше Йориса, но выше на целую голову и привыкла смотреть на него сверху вниз. Йорис не очень-то и возражал.

— Ты Смерть-каньона не видел, — сказал Питер. — Вот туда я бы второй раз не пошел. А этот падун я знаю. Если правильно зайдем в струю и хорошенько разгонимся, ничего он с нами не

сделает, окатит только... Гряду бы проскочить, а там — дело техники.

Да, проскочить бы гряду, подумала Вера. Дальше — проще. Ну, в крайнем случае опрокинет... Если это произойдет после гряды, лодку так или иначе вынесет на плес, и она скорее всего не получит вмятин. У атмосферных развед-ракет прекрасные обводы — лодка идет, как нож сквозь масло, без всплеска. Вмятины на корпусе — это страшно. Сопротивление воды и вихревой след за кормой. Это называется турбулентностью. По ней нас обнаружит водяной слон.

— Может, лучше берегом? — спросил Йорис.

Вера почувствовала, что злится. Было прекрасно видно, что Йорису совсем не хочется тащиться по берегу с лодкой на плечах. Он слабенький. А идти в порог ему страшно. Много бы он сейчас отдал, чтобы заснуть и проснуться уже в донжоне. А какой хвост петушиный распускал поначалу — Питер его взял! Ронда просилась — не взял, Людвиг просился — не взял, а этого мальчишку взял почему-то. Устал мальчишка, выдохся еще на пути к водоразделу, в носу ковырять и то забыл, спотыкается на каждом шагу, так ведь на то и экспедиция. Чего ждал? Что еды хватит до возвращения? Никогда еще не хватало. Дурак и трус — спорит с Питером... С Питером спорить не надо, он лучше знает, что нужно, а что нет.

— Здесь скалы, там болото, — сказал Питер. — Если делать обнос, провозимся до вечера. Тогда в лагерь попадем не сегодня, а завтра. Устраивает?

— Нет. Кхх... — Йорис вдохнул мошку. — Кха!

— Пройдем! — Питер ладонью стукнул Йориса по спине. — И не то проходили.

Для большей остойчивости на дно уложили наскоро очищенный от сучьев ствол дерева, открытый нос лодки поверх ног Йориса затянули спальным мешком. Багаж увязали в узлы и закрепили веревками. Напоследок Питер осмотрел стоянку: не забыли ли чего? Вера знала, что не забыли, все вещи были в лодке, даже вышедшая из строя рация, лишний груз, но, может быть, ее сумеют оживить Уве или Донна. Рация была тяжелая и неудобная, когда-то она входила в комплект единственного на корабле спасательного вельбота и вовсе не предназначалась для переноски на спине. Связь с лагерем прерва-

лась после того, как Йорис при загрузке лодки оступился и уронил рацию в воду. Вера вспомнила: Йорис еще там, за водоразделом, виновато пряча глаза, предлагал рацию бросить. Тогда она воспротивилась, а Питер даже не раскрыл рта и три дня тащил рацию через водораздел поверх своей ноши, втрое большей, чем у нее или Йориса. Рацию нельзя было бросать, во-первых, потому что даже сломанные вещи рано или поздно находят в лагере применение, вещи дороги, а во-вторых, нельзя провоцировать Стефана на нудное разбирательство, в ходе которого виновным неизбежно окажется Питер — как только Йорис этого не понимает? Питер, конечно, и тогда справится, а может, ему даже удастся выставить Лоренца смешным, иногда это у него хорошо получается...

Вера обернулась. Питер выводил лодку на стремнину, его движения были точными, ни одного лишнего, ими можно было любоваться, и Вера залюбовалась. Она догадывалась, что это лишь один из рефлексов, многократно отработанных на сотнях стоянок и сотнях порогов десятков рек и речек, и она сердито отогнала мысль о том, что смешно любоваться рефлексом. Сожженное загаром лицо, очень светлые внимательные глаза, и весло в руках сидит как влитое, хоть от холода воды пальцы давно потрескались и кровоточат. У всех с пальцами плохо, один Питер никогда не ноет. Как он прошел по стоянке, как прыгнул в лодку, как внушает младшим внимательней слушать команды!.. В такого можно влюбиться. Неудивительно, что Ронда Соман вертится перед ним во всех видах, прохода не дает, а как он ее прозвал — Секс-петарда? Очень похоже. Нет, это Стефан прозвал... Белокожий Стефан. Надо с ней поговорить, чтобы бросила эту дурь: Питер — общий. Он — лидер. Наш настоящий вождь. Нет, когда-то и Стефан был ничего себе; это страшно, что сделала с ним власть, а лет через десять он окончательно обрюзгнет... Не хочу о нем думать. С Питером ничего не страшно. Пройдем. Что? Грести? Правильно, нужно войти в поворот точно посередине главной струи... вошли... а вот Йорису страшно, зря он так суетится. Уймись, глупый, с нами же Питер, а значит, все будет хорошо...

Уже на первой ступени лодку начало швырять. Совсем рядом с днищем проносились камни, заметные только по меня-

ющемуся характеру струй и гладким, как стекло, неподвижным водяным горбам с беснующимися бурунными хвостами. Лодка не умела взлетать на валы, она протыкала их носом, и Йориса окатывало до подмышек. Вера охнула, когда во впадине между горбами ее весло скользнуло, не достав до воды. А Питер кричит... Йо-хо-о! Кричи, Питер! Мы должны тебя слышать. Мощная какая вода... Гребок! Р-раз! Еще! Ушли от камня... Теперь прижим... Вера неожиданно поняла, что нисколечко не боится. Нужно только внимательно слушать. Нужно делать так, как скажет Питер, он знает как, он все умеет. А вот Йорис чем дальше, тем больше боится, и гребок у него мелкий, суетливый... Сейчас нельзя бояться. Как ты гребешь, Йорис, Питеру же трудно, разве ты этого не понимаешь? Нас кренит... нет, выправились... Пора!!! Команда — и теперь только вперед, Питер на корме работает как бешеный, и лодка летит, пусть наши мышцы лопнут, но она должна лететь, ей надо успеть пересечь струю до гряды, вон он — проход, его уже видно, но как же до него далеко...

Вера слышала, как позади отрывисто кричит Питер — задает темп. Она чуть не улыбнулась между взмахами: мне не надо, а Йорис не слышит... Она знала, что Питер выкладывает все силы, и сама выкладывалась без остатка. Крайний камень в гряде надвигался с пугающей быстротой, в главной струе их снесло далеко вниз, но проход справа приближался с каждым взмахом весла, и Вера знала, что они успеют, непременно успеют, иначе просто не могло быть...

Они не успели. Лодка бортом налетела на валун, и тут же ее повалило набок.

8

Грузовой лацпорт корабля был распахнут, и на грунт спускался широкий, в ребрах-поперечинах трап. Прямо перед ним в граните зияла глубокая трещина: сорок лет назад скала не выдержала нагрева при вплавлении в нее корабля. Кое-где за гранит цеплялся лишайник. Через трещину был переброшен мостик, и от него, петляя и ветвясь, по лагерю разбегались тропинки: к огороду, к мастерским, к навесам и сараям, к перелазам в

частоколе, а самая широкая и утоптанная шла к воротам и, миновав их, сворачивала к болоту.

Стефан осмотрелся. Лодырей в поле зрения не обнаруживалось. Под трапом — тоже.

Солнце стояло уже высоко.

Под ближайшим к кораблю односкатным навесом, в котором легко угадывалась снятая с «Декарта» переборка, горела топка. Едкий дым уходил в небо сквозь полый ствол кремнистого дерева, выше частокола круто загибался по ветру и рассеивался по-над болотом. Над топкой шипел и плевался паровой движок, соединенный с электрогенератором, — прожорливое детище Фукуды и Людвига, обеспечивающее корабль энергией и, как ни странно, достаточно надежное. Свистела струя пара. Со скрипом крутился маховик, и что-то надоедливо дребезжало. От генератора к кораблю змеился тощий кабель, просунутый в аварийный люк. Большую часть энергии поглощала ненасытная прорва синтезатора пищи, меньшая тратилась на питание корабельного мозга и радиомаячка, утилизацию отходов, освещение и отопление жилых помещений. Последнее наполовину обеспечивалось собственным теплом людей, находящихся внутри «Декарта».

Из сарая, прижимая к животу корзину с торфяными брикетами, появился Фукуда Итиро. Поставив корзину, встал на цыпочки, пощелкал пальцем по врущему манометру, пошуровал в топке и только тогда заметил Стефана. Заметив — совершил полупоклон. Он не просто кланялся Стефану, как кланялся всем, кто был старше его, а именно совершал обрядовое действо, встроенное в него, очевидно, генетически.

Стефан кивнул в знак приветствия. Здесь можно было не опасаться ни подвоха, ни саботажа: размеренную работу механика, помимо прямого приказа, могло бы остановить разве что стихийное бедствие. В остальном Фукуда был загадкой. Не друг, но и не враг. Молчун. Раз молчун и не дурак — значит думает. А о чем? Вопрос... Но лоялен к начальству, а это главное. Умеренно лоялен. Ладно и так.

— Все в порядке? — спросил Стефан.

Он выслушал краткий и точный отчет, из которого уяснил, во-первых, что торф последнее время не успевает как следует просохнуть, из-за чего сажа осаждается в трубе с не-

нормальной быстротой, во-вторых, что пресс для брикетирования торфа работает штатно, а в-третьих и в-главных, что котел работает нештатно, и если Диего сегодня же не синтезирует жидкость для снятия накипи, достигшей угрожающей толщины, то Фукуда ни за что не ручается и ручаться не может.

Фукуда был ценен уже тем, что никогда не предлагал административных решений. Самолюбие его не было уязвлено. Попроси Стефан совета — он только удивился бы: здесь, как и дома, в рыбацком поселке на Окинаве, каждому следовало заниматься своим делом, не перекладывая на посторонних личную головную боль. В своей же области Фукуда был незаменим.

— Сегодня Диего занят, — возразил Стефан, делая в памяти зарубку. — Сегодня будет праздник. А жидкость будет завтра, я прослежу.

Фукуда, по-видимому, совершенно удовлетворенный, повторил полупоклон и принялся кидать в топку брикеты. После ухода с Питером сразу двух работников он обходился без кочегара, уставал, но не жаловался. Идеальных специалистов не бывает вообще, а этот — лучший из неидеальных... Стефан вдруг понял, почему начал утренний обход с хозяйства Фукуды, хотя обыкновенно заканчивал им: не было желания портить себе с утра настроение.

Дел в мастерских сегодня не было.

Стефан миновал огород — шесть десятков кустиков, вытянутых двумя нитками в тени частокола и прикрытых длинным навесом от косых рассветных и закатных лучей. Без навеса картофель погиб бы в считанные дни, разделив судьбу двух десятков картофелин, случайно найденных в кухонной кладовке «Декарта» и высаженных в грунт в незапамятные времена. Тогда уцелела только одна картофелина. Результаты огородничества не впечатляли: кустики росли болезненными, а урожай снимался один раз в два земных года, что выходило все-таки чаще раза в год, если считать годы местные. Сегодня в честь праздника будет выкопано пять кустов — не меньше чем по полкартофелины на человека, а то и больше.

Еще будут пирожные, если Диего не подведет. Праздник должен запомниться.

Он сходил к болоту. Постоял, посмотрел, как идет добыча торфа. Болото было обширное и мелкое, его давно следовало

осушить или хотя бы понизить его уровень, пробив для стока канаву в скальной перемычке, но для этой работы вечно не хватало рук. Ближе к берегу среди коварных, расползающихся под ногами кочек попадались торчащие, в пятнах плесени верхушки валунов, и была между ними настелена жердяная гать; дальше от берега валуны исчезали, еще дальше исчезали и кочки и начиналось собственно болото — черно-коричневое, неподвижное, с едва различимой глазом щеточкой леса на том берегу и размытыми пятнами островов.

Рыжая макушка Людвига маячила там, где кончалась гать. Он и Уве забрасывали ручную драгу. Со стоном тянули. Драга шла нехотя, ей хотелось остаться в болоте насовсем, она упорно цеплялась за что-то на дне, и гать под ногами добытчиков погружалась в жижу. Драгу опорожняли в деревянный короб для отцеживания. Сырой торф, сменяясь, таскали под навес Ульрика, Агнета и Киро. Все было как надо. С лиц носильщиков градом катился пот. От леса по краю болота тащился Дэйв — мрачно волок срубленное для гати деревце. Не без причины мрачно... Вдали, то явно показываясь, то ненадолго скрываясь в лесу, слонялся почем зря белый клоун.

Не найдя отлынивающих, Стефан повернул было к строителям. Его остановил крик. Девчонки, вереща, бежали по гати к берегу, из-под босых ног фонтанчиками выбрызгивалась вода, а рядом с гатью над уже не неподвижной, а дрожащей и хлюпающей черной жижей качалась на толстой глянцевой шее безглазая голова разъяренного болотного червя, видимо, задетого драгой. Бежал, забыв в руке пустое ведро, Киро, бежал бросивший драгу Уве, и только Людвиг, хладнокровный умный тугодум Людвиг, единственный из всех не бежал, а медленно отступал, пятясь по краю гати, стараясь не оказаться на линии выстрела и выманивая червя на гать. Это было мудро: иначе червь опять заляжет на дно и рано или поздно повторит нападение. С червями лучше кончать сразу.

С верхней площадки донжона ударил стреломет. Жужжа, прилетел толстый металлический стержень — коротко чавкнув, ушел в голову червя по хвостовой торец. Обрызгав Людвига, червь взбаламутил грязь. Девчонки взвизгнули от восторга. Киро запрыгал на берегу и замахал ведром; запрыгал, победно вопя, и Уве; один только мрачный и злой с утра Дэйв

все так же — нога за ногу — тянул вдоль болота срубленный ствол. Спасти стрелу не удалось — червь затонул.

Благодарность часовому, отметил про себя Стефан, игнорируя невнимание к себе. Вынести благодарность. Отменная работа. Первой же стрелой наповал с двухсот шагов — выстрел, прямо скажем, замечательный. Профессиональный выстрел. А кто нынче часовой — Инга? Она. В Питере души не чает, сопливка. И когда это она научилась так стрелять? И кто ее научил? Меня, между прочим, она ненавидит и не дает себе труда это скрывать. Гм. Все равно — благодарность. Потом.

Все они в Питере души не чают.

Он представил себе, как такая же стрела с размаху вонзается ему между лопаток, и пошел к строителям. Только теперь он заметил, что все это время держал руку на кобуре «махера», и с досадой поморщился. Рефлекс... Когда-нибудь они меня подловят, подумал он не в первый раз. Поставят перед необходимостью стрелять... Он прекрасно видел, как это будет: стрелы, выбрасывая черные фонтанчики, шлепают в грязь вокруг толстого глянцевого червя, вывинтившегося из болота рядом с испуганным малышом, нога которого застряла между жердями гати... Мимо... мимо... малыш верещит, старшие бегают и суетятся, кто-то кричит: «Стреляй! Да стреляй же!» — кричит прямо в уши, и Стефан, с ужасом понимая, чем это кончится, рвет из отцовской кобуры тяжелый отцовский «махер», единственное штатное оружие на корабле, давно уже не символ власти капитана, а ее основу...

С внешней стороны лагерь и впрямь напоминал крепость — еще не рыцарский замок (для полной иллюзии недоставало зубчатых стен и подъемных мостов), но уже зародыш замка, чудовищную тупорылую башню, способную выдержать годичную осаду, родовое гнездо мятежного барона, владетеля окрестных лесов, лугов и полей, предводителя головорезов, не признающего иных прав, кроме права меча, и в бесстрашной дерзости знать ничего не знающего, кроме своей силы, своей воли и своей прихоти.

Цитадель.

Ближе к лагерю иллюзия рассеивалась. Средневековая башня оборачивалась обыкновенным звездолетом, вдобавок изуродованным, а частокол, коему надлежало стоять прямо и не-

сокрушимо, шел волной, местами норовя завалиться внутрь лагеря, а местами наружу. Забить в скальный грунт бревна не представлялось возможным — частокол держался на подпорках и поперечинах. Снизу бревна были укреплены камнями и утрамбованной землей, натасканной из леса. Тощая земля пополам с ветками и сухим лишайником держала слабо. Пригодилась бы глина, но единственное в этих краях глинище находилось километрах в пятнадцати к югу и вдобавок на другом берегу озера.

Не только старшие — каждый малыш в лагере великолепно знал: появись снова зверь, сравнимый по размерам с цалькатом, ограда не задержит его и на минуту. Наиболее умные головы с ехидцей утверждали, что главная польза от ограды заключается в уйме уничтоженных для ее возведения деревьев, благодаря чему полоса леса между болотом и озером отодвинулась от лагеря на полкилометра. И во многом это было правдой.

Команда строителей — Илья, Маркус, Ронда — поправляла частокол. Работали молча, вертели ворот с арканом, накинутым на острие бревна, один только Илья время от времени принимался кричать: «Еще!.. Заснули! Камень подложи!» Порой он прибавлял к этому по-русски отрывистую трехсложную фразу, точного перевода которой Стефан не знал, но об общем смысле догадывался. Который день работа двигалась вяло: не хватало Веры, умевшей работать за двоих.

Здесь еще сильнее, чем у болота, чувствовалось отчуждение. Там Стефана постарались не заметить, но и придраться было не к чему. Здесь заметили, а заметив, забегали быстрей, зашевелились молчаливо-мрачно, кидая косые взгляды. Как всегда, это было неприятно и более всего походило на ощущение от занозы, которую забыли вынуть. Заноза была застарелая, в воспаленной гноящейся ранке, и привыкнуть к ней за годы и годы оказалось невозможным. Кошмар, с неожиданным недоумением подумал Стефан. Почему они меня так ненавидят? Глупо же. Что им во мне? Не я, так другой...

— Это работа? — спросил он, поковыряв податливую землю. — Кто так трамбует, разгильдяи? Это работа, я вас спрашиваю?

Илья, перестав крутить ворот, глядел дерзко.

— Сам трамбуй. — И добавил по-русски.

Стефан поднял бровь.

— Ты видишь, что нас трое? — враз потупившись, забормотал Илья и вдруг, вскинув голову, даже не выкрикнул, а высверлил тонким голосом: — Много мы втроем наработаем, а? Много, Лоренц? Что смотришь? Кто Веру услал в экспедицию, я?

Это была ложь, явная наглая ложь: Вера ушла сама, а Стефан лишь не помешал ей уйти с Питером, изобразив для публики, что вполне одобряет и, более того, будто бы даже сам планировал эту никому не нужную экспедицию — и ведь ясно понимал, что никого этим не обманет, — но сейчас он чувствовал: Илья верит в то, что говорит. Легко верить в то, во что хочется верить.

— Может, лучше Веру назначить бригадиром, — задумчиво произнес Стефан, равнодушно наблюдая полное поражение оппонента, — раз уж ты не справляешься... Как полагаешь?

— Если она еще жива! — немедленно вмешалась Ронда. Ее глаза горели, как у кошки. Она рвалась в бой.

Стефан открыто усмехнулся: можно было подумать, Секспетарду и впрямь волнует Вера, а не Питер. Ха! И тридцать три раза — ха! Правда, если экспедиция не вернется... На этом им меня не подловить, подумал он. Я знаю, с кем имею дело. А связь... что ж, я отдал им лучший комплект, упрекнуть меня не в чем. И заблудиться они не должны, у них прекрасная карта, еще «Декарт» снимал. Разве что карта устарела, но это вряд ли: планета пассивна, за все сорок лет ни землетрясения, ни урагана...

— Ты лучше о себе думай, а не о Питере, — сказал он Ронде. — Он-то о тебе думать не станет.

Почувствовав неладное, он обернулся. Так и есть: Маркус маячил за спиной. Как ни резко обернулся Стефан, мальчишка успел принять самый невинный вид. Шустрый мальчишка. Щенок, сорок восемь лет всего, а туда же... Кинулся бы под ноги, а эти двое насели бы сверху и тогда, пожалуй, добрались бы до бластера. Когда-нибудь и доберутся — эти или другие. Кто-то из них облил кислотой лозунг. Вот что самое смешное: стоит начальству уйти, как Маркус, сопя и шмыгая от досады,

начнет выговаривать Ронде за то, что та не вовремя и не туда скосила глаза... Они поймут, что Стефан обо всем догадался. И они начнут ссориться. Глупые, они думают, что их губит несогласованность действий. Чушь! Она их спасает, только никто из них не может этого понять. Кроме Маргарет, но ведь она не с ними.

Пусть ссорятся. Что-то давненько не было ссор. Давно не приходится выслушивать жалобы на то, что Дэйв опять дерется, и кляузы друг на друга, бесконечные наслоения кляуз, целые геологические пласты, и не обращать на них внимания... либо, наоборот, обращать, в зависимости от обстоятельств. Юлить, вертеться ужом, одновременно демонстрируя твердость, и гнуть, гнуть мнение большинства в свою пользу. В сущности, в пользу того же большинства. И почему-то думать, что дрязгам и склокам не будет конца, проклинать свою участь, не догадываясь, что это-то и есть настоящая жизнь.

Теперь они объединились. Не все, но многие. А он еще радовался, что драки на борту стали редкостью! Они объединились против него, своего капитана. Он проморгал тот момент, что было непростительно. Теперь уже поздно что-либо исправлять, любое решительное действие пойдет во вред, нужно ждать, когда вскроется этот нарыв, и тогда...

Тогда — посмотрим.

— Не на дядю работаете, — буркнул он. — Отсюда до огорода — ваша сегодняшняя норма. Если не управитесь, будете ворочать вместо праздника. Качество проверю сам. Ясно?

Идя к трапу корабля, он чувствовал на себе ненавидящие взгляды. Пусть, пусть... Ему захотелось прибавить шагу. Нет, нельзя. Им ничего со мною не сделать. Никогда. Пусть все останется так, как есть, как было, ведь на самом деле было не так уж плохо, а значит, пусть это продолжается как можно дольше...

9

Сидя на корточках перед грубой станиной пружинного стреломета, закрыв ладонями лицо, Инга плакала совсем так, как плачет девятилетняя девочка, не получившая ко дню рождения обещанного подарка. Появись сейчас из леса цалькат, она опоздала бы поднять тревогу. Ее никто не видел — у кого

найдутся время и желание подняться на верхнюю площадку донжона? Разве что явится Стефан... похлопать по плечу, поздравить от имени тех, кого он, как ему кажется, ведет и направляет.

Она его упустила! Помешал проклятый червь, достаточно крупный и подвижный, чтобы испугаться за Людвига. Она выстрелила в червя. И лишь когда со звонким щелчком новая стрела, выскочив из магазина, легла на ложе стреломета, Инга поняла, что теперь поздно. Червя надо было бить второй стрелой. А первой... Она сказала бы потом, что не учла поправку на ветер. Или что дрогнула рука. Ей, конечно, не поверили бы, она знала, что не умеет врать. Но сделали бы вид, что верят, а разве не это главное? Э, что теперь думать! Стефан ушел, и надо было начинать все сначала: убедить себя, настроиться, решиться... Невозможно больше терпеть. На дистанции в двести шагов она бы не промахнулась, а Стефан все-таки ушел и еще непременно захочет выразить благодарность и похлопать по плечу...

Пошмыгав, она вытерла слезы. Прошлась по периметру площадки — пусть снизу видят, что часовой не спит. Можно сказать, что глаза заслезились от ветра — наверху всегда ветер, не то что у земли. Стефан, конечно, все поймет, потому что она не умеет врать...

Долго-долго, до нестерпимой рези в глазах, она смотрела на спокойное, в искрах слепящих бликов озеро. Она шептала, не вникая в смысл слов молитвы. Питер должен вернуться. Он не может пропасть — это было бы больше, чем несправедливость. Это было бы предательством. Во что бы то ни стало он должен вернуться.

ИНТЕРМЕЦЦО

Дрыннн!..

— Опять ты?

(А кто еще станет звонить в третьем часу ночи?)

— Опять я.

Давить тяжелые вздохи я уже давно разучился.

— Нет, ничего, я так. Просто захотелось поболтать.

Шалтай-Болтай. И вся королевская конница.

Галоп по аксонам.

— Слушаю.

— Поправка. Та, кого ты называешь Ингой, стреляла не в червя. Она стреляла в Стефана и промахнулась. Кстати, именно потому, что не учла поправку на ветер.

— Ну и что?

— Как что? Навертел выше меры дутой психологии, а все было гораздо проще. Неужели ты думаешь, что маленькое чудовище в возрасте сорока девяти лет остановилось бы перед хладнокровным убийством? Да еще после того, как она и другие столько вытерпели от Стефана?

— Но ведь не убила?

— Случайно не убила, а имела редкий шанс. Кстати, и Стефан для самосохранения использовал отнюдь не только тот наив, который ты описал. Убрать его не так-то просто.

Не понимает жанровой специфики, а советует. Если я начну убивать своих героев прямо со старта — с кем я останусь? Мне жаль их всех, и я никому не желаю зла. Не исключено, что даже попытаюсь поддержать кое-кого до поры до времени.

Что это ему — триллер?

Размышляю о том, что чем слово отвратнее звучит, тем легче прививается на отечественной почве, а почему — загадка... Триллер — похоже на трейлер.

А он-то при чем? Скребу в затылке.

Ага, вывозить трупы. Из триллеров.

Мучительные потуги к остроумию.

— Кстати сказать, ты к Стефану присмотрись. Как-никак он твой прямой потомок.

— ??

— Твоя правнучка выйдет замуж за прибалта, ну и вот...

Удружил... Притом наглеет на глазах.

— Подсказать тебе, кого надо грохнуть в первую очередь?

Вот так, да?

— Не старайся, — пресекаю. — Обещаю и торжественно клянусь, что во всем повествовании ты не найдешь ни одного трупа.

Довольно-таки опрометчивое заявление с моей стороны. И кто дурака за язык тянул?

— Спорим?

Назвался груздем — продолжай лечиться.

— Спорим. На щелбан.

— За каждый труп?

— Еще чего, — спохватываюсь. — Оптом.

— Дешево отделаться хочешь. Ну ладно, черт с тобой. Кто разобьет?

Некому. Жену разбудить разве? Гм... пожалуй, не стоит. Я своей супруге не враг. Рука, высунувшаяся из стены, имеет цвет обоев — зелененькая в цветочек. Меня и то вгоняет в пот.

— А если об угол стола?

— Ой!..

— В чем дело?

— Больно об угол-то...

— Потерпишь. Стенку поправь.

10

Они потеряли много времени, вылавливая вещи по всему плесу, и все же спасли не все. У Веры уплыла куртка, у Питера — лук, и рация таки утонула. Питер нырял, но не смог ее найти.

— Хорошо, что вторая фляжка уцелела, — сказала Вера.

Йорис молчал. У него шла носом кровь, он стеснялся и отворачивался.

— Ляг на спину, — посоветовал Питер. — И куртку сними, пусть просохнет.

Везло ли ему, сказался ли опыт — не имело значения. Главное, цел и невредим, а ссадина на спине не в счет. Даже когда лодку кувыркало в потоке, как глупое бревно, и несло на гранитный зуб, а он помешал, подставив себя, все обошлось, хотя ударило крепко и могло бы сломать спину. И еще потом, когда за водоскатом пенный котел хотел его утопить, он не дался и выплыл, выдернув из котла и Йориса. Того ударило головой, но не сильно — отойдет.

Вера баюкала руку — ей повезло меньше. Питер, осмотрев, сказал, что перелома нет, но рука все равно распухла и не гнулась в локте. Руку пришлось подвязать, и все равно было

больно, а на весло не хотелось и смотреть. Вера успокаивала себя: до озера осталось всего ничего, Питер справится один, а на озере можно поставить парус...

При ударе о гряду сильнее всего пострадал левый борт лодки. Корпуса разведракет «Декарта» выдерживали, как следовало из документации, до тридцати g, однако предпочитали равномерно распределенные нагрузки.

Опять принесло мошкару, она обнаглела и лезла в глаза, и кто-то страстно урчал и хлюпал в болоте за бугром, то ли опасный, то ли нет. На плесе вода сделалась темнее и холоднее на вид: здесь была глубина. Крупные прозрачные насекомые, неопасные для человека, гонялись за мошкарой, стараясь держаться подальше от воды. Там их ждали. Шумно плеснула, выпрыгнув на мгновение, крупная рыбина и снова ушла в глубину, несъедобная тварь.

Солнце жарило вовсю.

— Поесть бы что-нибудь, — сказал Йорис, шмыгая носом. — Может, у нас осталось? Крошки какие-нибудь...

Питер покачал головой.

— Потерпи, — сказал он. — Первая сосулька, какую найдем, — твоя. Обещаю.

— Почему это моя? — благородно возмутился Йорис. — Я поделюсь...

— А я-то думал: как нам быть, если ты не поделишься? Лежи уж... выздоравливай. Ты, Вера, прости: сосульку — Йорису. Мне гребец нужен.

— Правильно, — сказала Вера. — Я не хочу есть. — Она вдруг испугалась, что ей не поверят, и замотала головой: — Правда, я совсем не хочу.

Но ей поверили, и от этого стало немножко обидно.

Они еще поговорили о том, как они наедятся в лагере и сегодня же вечером — не позже! — улягутся спать сытыми, и о том, что пищевая паста не столь уж дурна на вкус, а потом Вера вспомнила, что сегодня день рождения Петры, поэтому должен быть особенный стол, и всех троих немного мутило, а рты наполнялись пустой слюною, но они говорили о еде, чтобы не говорить о лодке, о страшной вмятине в ее днище и о том, что ждет их на озере. Вернее — кто ждет. Многодневный

путь пешком в обход озера по болотам был молчаливо отвергнут как нереальный.

— Говорят, у Стефана в башне целый склад консервов, — зло говорила Вера, а Йорис поддакивал и щупал голову. — Только никто не знает, где он, этот склад.

— Сказки, — веско возражал Питер, и Йорис снова поддакивал. — Нет у него склада. Мы бы знали.

— Да? Сказки? А когда испортился синтезатор, откуда взялись консервы? Мясо, овощи, молоко для малышей? Откуда все это?

— Отчего же не спросила? — без интереса интересовался Питер. — Побоялась?

— Ну, не так чтобы... — оправдывалась Вера и морщилась, потревожив руку. — Просто как-то не пришло в голову. Как-то так... Я же тогда еле ноги волочила, ты помнишь. Да и ты тоже. Сам-то почему не спросил?

— Потому что нет никакого склада. Не спорю, раньше был, а теперь нет. Так-то вот.

Было жарко. И было сыро и дрожко. Все сразу.

11

Услышав осторожный свист, Илья перемахнул через перелаз с такой скоростью, что запутался в перекладинах и едва не грохнулся оземь. Дождался наконец! Черви бы болотные сожрали рыжего зануду — ходит нога за ногу.

— Зачем звал? — спросил Людвиг.

Илья оглянулся — мальчишка Маркус маячил на верху частокола и был похож на нахохлившегося вороненка. Свистнет, если что. За частоколом торчала черным пнем верхушка донжона и тяжкими кругами вокруг башни летала старая седая гарпия. Часовой не обращал на нее внимания — гарпии опасны стаей.

Илья осмотрелся еще раз, вопросительно кивнул Маркусу, дождался ответного кивка, подтверждающего: все в порядке, Стефана нет, и тогда, наклонившись к уху Людвига, сказал шепотом:

— Я знаю, как добыть бластер.

12

— Так, пожалуй, и ветер стихнет, — озабоченно произнесла Вера.

Тему не поддержали. Плохая примета — говорить о ветре перед переходом через озеро. Оно этого не любит.

— А если вмятину залепить глиной? — предложил Йорис.

— Размокнет и отвалится. Да и глины нет.

Завалив лодку набок, Питер возился, закрепляя киль. Киль был мал, внезапный боковой шквал мог опрокинуть лодку, но другого киля не было. В сущности, киль не был килем, а был одним из стабилизаторов ракеты, достаточно аэродинамически совершенным, чтобы использовать его на воде. Само собой, только на озере. На порогах киль был мешающим неудобным грузом и покоился внутри лодки.

— Надо бы сделать катамаран, — сказал Йорис. Он поддерживал лодку с кормы, стараясь не глядеть на страшную вмятину в днище («Неужели это я сюда головой?..»). — Тогда можно без киля. И надежнее.

— А на реке?

— А на реке катамаран можно разобрать. Получатся две лодки. Одну спрятать, ничего ей не сделается, а на другой плыть по реке. Потом вернуться и снова собрать. И идти по озеру хоть напрямик. Сделать катамаран пошире, тогда его, наверно, даже водяной слон не перевернет...

— Сорок лет думали и не додумались, — презрительно сплюнула Вера. — Много ты знаешь про водяного слона. Ты его хоть раз вблизи видел? Ну и молчи.

— Видел!

— Когда видел? Ну?

— В прошлом году видел! — От обиды Йорис чуть не выпустил корму. — Видел, видел, видел, видел! Вот! А ты катамаран когда-нибудь видела?

— На картинке. Давно, на Земле еще.

— А я его живьем видел!

— Врешь ты все...

— Нет, отчего же, — сказал Питер. Когда он начинал говорить, другие умолкали. — Идея сама по себе интересная. Просто очень хорошая идея. — Краем глаза он проследил за тем,

как на лице Йориса разливается румянец смущения и удовольствия. — Вот только один вопрос: где взять вторую лодку?

— Распилим еще одну ракету, — быстро сказал Йорис. По тому, как Питер, не прерывая работы, медленно покачал головой, он понял, что сказал не то. — Ну, еще что-нибудь...

— Последнюю ракету Стефан не даст, — хмыкнула Вера. — Особенно нам.

— Правильно.

— Почему?

— Потому что если мы утонем, Стефану будет легче, — сказала Вера. — Ты еще не понял, что он нас не ждет?

Йорис запнулся. Двигал кожей лица, переваривал мысль.

— Как же так...

— А вот так!

— Лоренц по-своему хороший человек, — неожиданно сказал Питер.

— Что? — Вера была потрясена. — Кто? Лоренц? Ты больше так не шути, ладно?

— Не буду. — Питер усмехнулся.

— Сказал тоже — Стефан... Убила бы.

— Нет, он человек талантливый. Сорок лет всех вас держать в узде — я бы так не смог.

— И не нужно, — тихонько сказал Йорис.

— Понимаешь, когда пытаешься сделать всем хорошо, всем почему-то становится плохо, — сказал Питер. — Беда в том, что даже самый лучший человек не может определять, что для другого человека хорошо, а что плохо. Мне Лоренца жаль, он вам добра желает...

— Убила бы, — повторила Вера.

— А я бы не стал... Ну, взяли разом!

Лодку поставили на воду. Теперь, чтобы ее загрузить, приходилось заходить в реку по пояс. Укрепили растяжками мачту — тонкую прямую трубку из системы охлаждения реактора «Декарта». Перед тем как отчалить, Питер срезал длинную палку и привязал к ней свой нож. Получилась пика. Если водяной слон всплывет под лодкой, его можно будет кольнуть, и тогда на минуту или две он уйдет на глубину, всколыхнув воду. Потом он всплывет снова. За это время надо успеть что-то придумать, потому что с каждым разом слон все менее охотно

будет отступать, он быстро привыкает к ударам пикой, а потом он выдавит лодку из воды и перевернет ее. Он не понимает, что лодка неживая и несъедобная, но когда люди окажутся в воде, он разберется что к чему. Поэтому опасно удаляться далеко от берега — водяной слон любит глубину, его никогда не видели на прибрежных отмелях. Впрочем, его вообще трудно увидеть: когда он охотится, а охотится он почти всегда, его тело теряет бурую расцветку и перед самой атакой становится настолько прозрачным, что сквозь толстую мембрану становятся хорошо видны пищеварительные вакуоли, ядро и туманные пятна органелл.

Озеро было большим — шесть километров шириной в самом узком месте и до двадцати пяти в длину, — прозрачным от почти полного отсутствия микроорганизмов и скудным на рыбные запасы. Точно так же как гигантское одноклеточное животное именовалось водяным слоном, рыбой назывались стремительные торпедообразные беспозвоночные, иногда до двух метров в длину. Отвратительные на вкус человека, они были основной пищей слона. Каждый знал, что в озере, на берегу которого стоит «Декарт», живет только один водяной слон — двоим здесь не хватит пищи. По-видимому, животное было относительно редким: Питер, облазивший всю округу и разведавший десятки больших и малых озер, знал лишь три озера с водяными слонами.

Иногда слон размножался делением — всегда на три части. Они расплывались в разные стороны, охотились порознь и до поры до времени мало интересовались друг другом. Но рано или поздно их отношения всегда выяснялись беспощадной схваткой, и тогда вода в озере кипела, а волны выбрасывали на берег скользкую пену. В сценариях схваток, иногда наблюдаемых с верхней площадки донжона, не замечалось никакой общей закономерности, только финал битвы всегда был одинаков: двое из трех должны были погибнуть. После этого в течение одной-двух недель по озеру можно было плавать вполне безнаказанно, даже пугливая рыба смелела и выпрыгивала из воды, радуясь отсрочке: водяной слон был занят перевариванием своих собратьев.

Вера послюнила палец, пробуя ветер. Промолчала, кусая губы. В правой руке, подвязанной к шее, поселилась горячая

дергающая боль. Вере предстояло быть балластом. Последний бросок через озеро всегда был лотереей, в которой не все и не всегда зависело от гребцов, но физическая беспомощность унижала.

— Возьми. — Она протянула Питеру свой нож. — Сделай еще одно копье.

— Для тебя? — спросил Питер, но нож взял. — Нет.

— Пожалуйста, сделай. Если он нападет, я здоровой рукой...

— Здоровой рукой ты будешь держаться за борт, — сказал Питер, — иначе вылетишь в воду. Если он как следует боднет...

— А Йорис? — ревниво перебила Вера. — Для него ты копье сделаешь?

Прежде чем ответить, Питер убедился, что мальчишка не слышит.

— Он будет держаться обеими руками.

13

Грубо заостренные бревна частокола занозили кожу. Маркус не обращал внимания. Под частоколом начинались события. Это было интересно. Илья был ниже и щуплее Людвига, зато куда суетливей, а Людвиг с равнодушным видом сидел на корточках, прислонившись спиной к частоколу, и с величайшим вниманием соскребал плоской щепкой с ладоней болотную грязь. Он всегда был таким: знаешь — говори, я выслушаю со вниманием, а не знаешь — так нечего языком зря молоть и займись делом.

— Могли бы додуматься раньше, — торопясь, шептал Илья и оглядывался. — Проще же пареной репы, ей-ей! Меня сегодня как бревном ударило — понял! Все гениальное просто! Вот Уве ночью не смог, так? А почему? Потому что Лоренц этого ждал! Понимаешь? Он знает наш следующий шаг раньше нас. Мы просто идиоты: который год играем в игру, им же для нас и придуманную! Он нас всех просчитал с потрохами — знает, что днем мы на него не кинемся. Побоимся. Помнишь, пытались? Мы по месяцу колем его защиту, а ему только этого и надо. Вспомни хорошенько: когда он смастерил первую?

— Ну? — спросил Людвиг.

— То-то и ну! Первую защиту он сделал задолго до того, как мы надумали отобрать у него «махер». Он знал, чего от нас ждать, — у него было время подумать. У нас вот нет времени и не было, мы работаем, а у этого короля некоронованного времени хоть отбавляй. И изучить нас, и прикинуть, на что мы способны... Мы, как дураки сопливые, тычемся в одно место, а Лоренц только этого и ждет. Можешь мне поверить: или у нас вообще ничего не выйдет, или мы один раз ради разнообразия сработаем по-умному.

Людвиг дочистил одну ладонь, перешел к другой.

— Как?

Сверху было видно, как Илья растянул рот до ушей.

— Подумай.

— Знаешь, я, пожалуй, пойду, — сказал Людвиг. — Работа стоит.

Но с места почему-то не тронулся. Маркус тихонько хмыкнул с частокола — знал эту привычку.

Илья сплюнул и растер плевок ногой.

— Есть идея. Нужно, чтобы каждый... кроме Маргарет, естественно... Малыши пусть будут. Чтобы толпа. И — к Лоренцу в каюту...

Маркус легонько свистнул — в то же мгновение Илья был наверху. Тревога оказалась ложной — из донжона по пандусу спускалась Петра с коробкой мусора в руках.

Людвиг обнажил зубы в ленивом зевке.

— Лоренц к себе не пустит, поверь пожилому человеку. Что я, первый день Лоренца знаю, что ли? Да и ты тоже.

— То-то и оно: надо, чтобы впустил. Никакой агрессии! — Илья уже не шептал, а говорил в полный голос. — Мы — просители, корректные, но настойчивые. Умилительная картина субординации. Только Дэйва не надо — спугнет... О чем я говорю? Да! У каждого накопилось — вот пусть каждый и канючит в меру сил, за рукава хватается, а Стефан пусть отмахивается от нас, как от мух... Усекаешь? Главное — создать толчею.

— Зачем?

— Тебе прямо разжуй и в рот положи, — сказал Илья. — Я думал, ты уже догадался. Лоренц не дурак, но и не гений: мо-

жет, что и заподозрит, да не враз поймет. А когда поймет, будет поздно. Я дело говорю. Кто-нибудь из мальцов... да вот хотя бы Уве... нет, тот напуган. Тогда вот этот...

Внизу понизили голос. Сколько ни напрягал ухо Маркус, разобрать, о чем шептались, не удавалось. Досада была непродолжительной: главное он понял, а поняв, даже немного позавидовал. Оказывается, и Илье раз в год приходят в голову стоящие идеи!

Маркус раздвинул губы в улыбке, показав черный провал. Во рту его не хватало четырех передних зубов. Молочные резцы выпали у него еще на Земле. А постоянные зубы так и не выросли.

Внизу надолго замолчали.

— Не надо убивать, — сказал вдруг Людвиг.

Илью подбросило.

— Кто сказал, что надо?! Потом разберемся, надо или не надо, вопрос десятый. Ты мне вот что скажи: получится это или нет, как мыслишь? По-моему, очень даже...

Людвиг опять долго молчал. Илья маялся в нетерпении, переступал ногами, на месте ему не сиделось, но торопить не стал — знал, что бесполезно.

— Может получиться, — сказал наконец Людвиг без особого удовольствия.

Маркус пожалел, что не видел, как у Ильи сверкнули глаза.

— Сегодня, а?

— Нет, — категорически отрезал Людвиг.

Это было как с разбега об стену. Как остановиться в воздухе во время прыжка. Маркус вцепился руками в острие бревна.

— Почему?! — взвыли снизу голосом Ильи.

— Потому что я не согласен, — объявил Людвиг.

Маркус перегнулся через частокол, рискуя упасть. Теперь-то и начиналось самое интересное.

— Ты станешь капитаном? — спросил Людвиг. — Или я? А может, Дэйв? — Он деревянно хохотнул. — Лоренц — свинья, это доказано. Да только без него и без Питера мы перегрыземся на следующий день, как ты сам этого не понимаешь...

14

Универсальный синтезатор «Ламме» был раскурочен, и в его потрохах, насвистывая себе под нос, копался Диего Кесада. В штатном расписании «Декарта» он числился шеф-химиком, и его основная работа заключалась в настройке и поверке синтезатора. Как правило, «Ламме» использовался в качестве источника пищи, ненасытного пожирателя просушенного торфа, производителя пищевой пасты и едкой сухой пыли, которую приходилось топить в болоте — пыль раздражала кожу и не годилась даже на топливо. Старая идея Аристида Игуадиса о перенастройке приемного блока «Ламме» под местное сырье оказалась малоудачной — кпд синтезатора был чудовищно низок.

Диего был не виноват. Он сделал, что мог. И Стефан тоже сделал, что мог: в дни сытого изобилия, за много лет до того, как последняя топливная цистерна показала дно, он снял с общих работ двоих — Диего и Фукуду. Позднее Фукуда занялся другими делами, заткнув собою наиболее зияющие прорехи в хозяйстве лагеря, а Диего так и остался при синтезаторе.

Стефан понял раньше других: быстрое угасание взрослых было не трагедией, а благодеянием для выживших детей. Медленная смерть от голода или отравления местной пищей после истощения топливных цистерн — не самая лучшая перспектива. Когда-то Стефан всерьез полагал, что взрослые, останься они в живых, непременно нашли бы выход, путь к спасению. Отец — точно нашел бы.

Теперь он не был уверен в этом.

С опытом жизни пришло понимание: взрослые часто бывают беспомощнее детей. Последние из них опустили руки. Кто-то целыми днями пребывал в оцепенении, кто-то молился или плакал, прижимая к себе испуганных, отбивающихся малышей, а некоторые прятались, забившись в самый дальний угол трюма, — но все они покорно ждали. Просто ждали конца, приняв его как неизбежное, противоестественно сжившись с ужасом близкой и неминуемой смерти. Произошел надлом. Даже Игуадис, единственный из всех сохранивший потребность действовать и в последний свой день научивший Стефана работе с синтезатором, и тот ждал.

Выход «Ламме» из строя означал катастрофу. Стефан давно уже запретил приближаться к кухне всем, за исключением себя, Диего и Зои. Зоя была поваром — сменным оператором на работах, не требующих особой квалификации. Еще она была швеей и шила рабочие робы. Перенастройка и поверка синтезатора была делом Диего, и только его одного.

Меньше всего следовало мешать. Стефан подождал, пока голова маленького не по возрасту Диего, похожего на извергнутого синтезатором по ошибке шустрого чернявого гомункулуса, вдобавок дефектного, вынырнет из-под кожуха «Ламме». Смотреть на него не хотелось, но было надо.

— О! — с преувеличенной радостью просиял Диего, перестав свистеть. — Начальство блюдет. Это хорошо, что ты пришел. Надеюсь, ненадолго?

Он тихо захихикал. Фрондер, с неясной тревогой подумал Стефан. Гомункулус вульгарис. Шут гороховый, ненадежный.

— Поговори еще, поговори... Никак не надоест кривляться передо мною?

— Ты не можешь надоесть, — мгновенно возразил Диего. — Надо-есть. Чувствуешь глубокий смысл? Надо есть, так будем. Ты начальство. Встань вон там, я тебя съем глазами.

— Старо и глупо, — ответил Стефан. — Это я уже слышал. Придумай что-нибудь свеженькое.

— А зачем? Ты меня цени, ничтожного: я-то тебя глазами есть буду. Другие — те не глазами. Хрустнут косточки.

Шут. Циник. Умный шут.

— Кто — другие?

— А я к тебе в стукачи не нанимался, — обиделся Диего. — По мне, что ты, что Питер — один черт. Синтезатор всем нужен. И всегда будет нужен. А при синтезаторе — человек.

Как всегда, гомункулус был прав.

— Ладно. — Стефан вдруг вспомнил, зачем пришел. — Сколько у нас накоплено пасты?

— На три дня хватит с гарантией.

— А молока?

— На два дня.

Пусть будет на три, решил Стефан. Можно сократить рацион малышам, и Джекобу молока хватит. Один день оставим в резерве... и целых два дня нештатной работы синтезатора: на

праздничный ужин и всякие нужные мелочи. Однако! Давно такой благодати не было — по сути, с прошлогодней экспедиции Питера. Нехватка рабочих рук имеет свою прелесть, когда сопровождается нехваткой жующих ртов.

— Скоро будут пирожные? — спросил он.

Диего фыркнул, как еж:

— Пирожные! Будут пирожные. Всем будут. Во-о-от такие будут! В три обхвата. Миндальные!

— Сколько штук?

— Двадцать четыре, сколько же еще. Каждому по одной минус, естественно, Джекоб и Абби. Первая мне на пробу: помру — не помру...

— Сделай двадцать семь.

— Думаешь, Питер вернется сегодня?

— Обязан думать. Двадцать семь, я сказал.

— Кому праздник, а кому одна морока. День рождения! Я в восторге.

— Морока, а придется еще поработать, — сказал Стефан.

— Что еще на мою голову?

— Жидкость для снятия накипи. Фукуда просит.

— Только не сегодня! — взвыл Диего. — Мне из-за этого праздника и так полночи не спать.

— А я и не говорю, что сегодня. Но завтра — обязательно... Кстати, у тебя последнее время реактивы не пропадали?

— С чего это вдруг?

— Да так. Просто спросил.

Диего замахал руками столь решительно, что стало очевидно: в порче лозунга гомункулус не виноват. В общем, и неудивительно. Так грубо они не работают. Тогда кто из них? Хорошо бы дознаться, пока не плеснули в лицо из-за угла.

— Чтобы завтра была жидкость! — сказал Стефан. — Понял меня? Работай.

Он навестил Зою и убедился, что дело движется. Зоя плакала ночами, но шила быстро, добротно и экономно. Одежды пассажиров «Декарта», пригодной для перелицовки в робы, должно было хватить еще на несколько лет: переселенцы везли с собою непомерные вороха, целые груды одежды! Ее удалось сохранить: Диего разработал противогнилостный состав и поубивал моль.

Указаний здесь не требовалось. Стефан потоптался без толку. Он знал, что Зоя способна на большее, чем шитье и рутинное обслуживание «Ламме», но большего он ей предложить не мог. Мозгов не хватало, но куда больше не хватало рабочих рук. Однажды Стефан взял на себя труд разъяснить: Зое еще повезло, что она не попала ни в добытчики торфа, ни в строительную бригаду.

Благодарности он не ждал, но вспышке ненависти удивился.

В пассажирском салоне, ярко освещенном по случаю остановки синтезатора, Донна натаскивала малышей. Их было четверо — младших в возрасте до пяти лет, непригодных к физической работе, кому Стефан в конце концов нашел занятие, оторвав от бесконечных глупых игр. Здесь давно не играли. Здесь под началом Донны вызревала резервная смена специалистов, шуршала бумага чертежей и схем, по ней водили пальцами, тонко кашлял простуженный Аксель и надоедливо, по-заученному лепетала маленькая Юта: «...втолой вспомогательный контул охлаждения леактола соплягается с авалийной следяссей системой последством клиогенных клапанов, распологенных в авалийных лазах тлетьего и седьмого голизонтов...» «Соплягается!» — поморщился, входя, Стефан. Смеяться было не над чем: двухлетняя малышка так и не сумела преодолеть логопедический дефект. Терпеливая Маргарет нашла этому объяснение, она собирала бесценный наблюдательный материал, не в силах объяснить, для кого и зачем. Стефан не препятствовал.

— Как успехи? — бодро спросил он.

Заботу не оценили — Юта тут же сбилась, понесла чушь и, одернутая, замолчала, готовая разреветься. Это был ее коронный номер. Игорь, Аксель и Синтия испуганно замерли. Худенькая анемичная Донна (ее дразнили «шкилетиной», с чем Стефан внутренне соглашался — бледная же на фиг, прозрачная!), давая отчет, пожала остренькими плечиками: продвигаемся, мол, что мешаешь.

Он выслушал, и, конечно, следовало бы остаться, поэкзаменовать будущих экспертов по корабельным системам, выразив обычное неудовольствие поверхностным усвоением материала, а главное, спросить, не ожила ли связь с группой Питера — просто

так, показа заботы ради, — но на этот раз Стефан пренебрег. Связи не было, он это знал. Оживи вдруг связь — через пять минут об этом стало бы известно всем и каждому.

— Донна, — сказал Стефан, — тебе нужно чаще бывать на солнце. Нельзя себя хоронить. И вредно.

— Спасибо. — Донна чуть усмехнулась. — Оно нас убивает, это солнце.

— Оно и здесь нас убивает. То есть я хотел сказать, что уродует. Ты все же выходи иногда на воздух.

— Спасибо за заботу. Если, конечно, это совет, а не приказ.

— Пока совет, — сухо сказал Стефан. — Все. Работайте.

Он прекрасно слышал, как за тонкой переборкой позади него облегченно выдохнул Игорь, как неудержимо раскашлялся забывший в его присутствии о кашле Аксель, а Синтия вдруг прыснула неизвестно почему — что-то такое ей показалось забавным... Заурядная реакция подчиненных на начальство — но нет надежности. Кончилась. А без запаса надежности нет перспективы... Стефан покусал губы. Знать бы, зачем Донне «глаз»? С кем она — с Питером?

Потом, потом...

Он сердечно поприветствовал Петру, попавшуюся навстречу с мусорной щеткой в руках. Поздравил, похвалил работу. Кругленькая, пухленькая Петра расцвела. Пол был нечист, но Стефан закрыл на это глаза — заставить Петру трудиться целеустремленно и последовательно еще никому не удавалось. Порхающий характер, вечно на подхвате. Очень добродушная, жалостливая, безвредный мотылек... Друг всем и каждому, а значит, бесполезный друг. Годится разве что в прачки. Ладно и так.

Он был один, и следовало с этим смириться. Одиночество особенно ощущалось внутри корабля, но корабль давал и защиту. Он был личной крепостью Стефана, облазившего сверху донизу каждый лаз и знавшего на ощупь многое из того, что Донна и другие знали лишь по чертежам. И места в этой крепости хватало всем. Корабль был велик, ненормально огромен для кучки выживших детей. Стоило подняться на один горизонт, как звуки пропали. Стефан слышал только шаги, и эти шаги были его собственными. Иногда, но редко-редко, и то лишь затаив дыхание, можно было уловить легкий треск, шелест или поскрипыва-

ние — собственные звуки корабля, возникающие от старения металла. Когда-то ватная тишина пустых горизонтов угнетала Стефана. Теперь он привык.

Его владения.

Незапертые помещения — входи, пользуйся. Пыль на полу, и нет следов на пыли. И нечем пользоваться, если честно. Жилая зона — шестьдесят кают, салон. Игровая для самых маленьких — куклы какие-то давным-давно сломанные, ни одна говорить не умеет... Служебные ходы, коридоры, аварийные лазы. Лестницы, шахты лифтов. Старая-престарая, вырезанная ножом на переборке, многократно закрашенная, но все еще читаемая надпись: «Людвиг + Паула». Трехлепестковый знак радиационной опасности при входе в реакторный зал с давно и надежно заглушенным реактором — зона номинальной ответственности Питера. Трудно придумать большую синекуру, вот его и носит по экспедициям, и Маргарет права: это опасно. А только хорошо, что его сейчас нет...

Зашлифованные сварные швы — был ремонт после аварии. Похабщина, пристыкованная к фамилии Лоренц, — опять...

Доискаться кто и наказать виновного.

Стихи. Стефан остановился, поскреб пальцем. Уголь древесный. Танка не танка, но напоминает. Значит, танкетка.

От любви до ненависти
Лишь шаг один.
Сорок тысяч шагов
Можно пройти,
Делая в день по шагу.

Занятно, подумал Стефан. Зоя? Фукуда? Либо у писавшего нелады с арифметикой, либо он надеется прожить до ста с гаком. Стало быть, поощрить за оптимизм и наказать за пачкотню на переборке.

Еще рисунок на стене: усатая кошка. У Питера была собака, фокстерьер, забыл, как его звали, все равно он умер, а у Веры была кошка — трехцветная, у нее должны были родиться котята, но так и не родились, и она долго мучилась и мяукала. И умерла первой из всех. Странно: почти никого из взрослых с «Декарта» я не помню, а мяуканье помню...

Сауна, солярий.

В молельне Стефан тщательно запер за собой дверь. Здесь стены окутывал полумрак, однако не такой густой, как в коридорах, а в нишах был настоящий мрак, и из мрака в полумрак выступали символы мировых религий. У каждого символа была своя ниша. Символам не было тесно.

Бесшумный гирокомпас указывал мусульманам направление на условный восток. Бронзовое распятие обозначало христианскую зону. Католики довольствовались скромной статуэткой девы Марии. Православный Спас строго смотрел на неугасимый светодиод в узорчатой лампаде.

Всепонимающе улыбался лакированный Будда.

Священные книги различных конфессий покоились в строгом порядке, каждая в особом ящичке, выдвигаемом из стены. Никто не жаловался, никто не имел преимущества перед другими.

Медвежий череп. Деревянный толстый кит с выпученными в изумлении глазами. Тотемы.

За иконой Спаса открывался аварийный лаз, недостаточно просторный для взрослого человека, но пригодный для ремонтного червя. Стефан провел пальцами по окладу иконы, нашел контрольный волосок и убедился, что тайник остался необнаруженным. Конечно, этот лаз был отмечен на схеме коммуникационных ходов и теоретически в него мог бы проникнуть особо тощий мальчишка — но кому это нужно, когда в корабельных потрохах сотни и сотни подобных лазов? И все же страховка не мешала: противоположный выход лаза Стефан давно забил хламом.

Стефан вставил ключ, сдвинул икону. Рука наткнулась на твердое, цилиндрическое. А вот и еще одно, и еще... Весь лаз был перегорожен консервными банками, остатками старых запасов и корабельного НЗ. Против воли рука ощупывала, ласкала богатство. Банки не вздулись за сорок лет, в прохладе лаза они пребывали в полной сохранности, их было не так уж много для всех, но много, очень много для одного человека... Стефан сглотнул слюну, ощущая дрожь, понятную лишь тому, кто изо дня в день давится пищевой пастой. Который раз он боролся с искушением вскрыть хотя бы одну банку. Это же так легко! И кто узнает? Никто, никогда...

Он резко отдернул ладонь. Если бы он вытащил банку, если бы увидел дразнящую этикетку, то не смог бы совладать с собой и знал это. Терпеть! Как терпят другие. И главное — он пришел сюда не за этим...

«Махер» лег в руку стволом. Сегодня пальцы были непослушными, и пришлось повозиться, на ощупь подсоединяя к рукоятке потайной разъем. Машинально оглянувшись и обругав себя за это — кто мог его видеть! — Стефан двумя осторожными прикосновениями ввел оружие в режим подзарядки.

И вроде бы не случилось ничего — ни звука, ни движения, только едва заметно запахло озоном и полумрак в молельне стал гуще: электричество внезапно подсело по всему кораблю. Так бывало часто. Неискушенный человек видел в этом случайный сбой и ругал Фукуду, Людвига и всю альтернативную торфяную энергетику в придачу, но быстро остывал, потому что сбой прекращался сам собою и никогда не был продолжительным. Держать «махер» в режиме подзарядки больше десяти минут было просто опасно. Несомненно, корабельный мозг своими последними жизнеспособными остатками отметил бы недопустимый перегрев одного неприметного блочка, скрытого в неприметном месте совсем в другой части корабля, и, пожалуй, выдал бы диагностику ненужных, с его точки зрения, довесков и переделок, если бы Стефан не принял мер к тому, чтобы этого не произошло. Он воровал энергию почти каждый день, стараясь лишь не пересечься во времени с часами работы синтезатора. Иногда красть приходилось по ночам, опустошая заряженные за день аккумуляторы. Почти вся энергия пропадала впустую — Стефан не нашел техническую документацию на «махер» и понятия не имел о режиме подзарядки. Пока что индикатор на рукоятке высвечивал круглый наглый ноль — «махер» содержал в себе меньше одного заряда стандартной мощности. Ползаряда? Одну стотысячную? Иногда Стефан радовался, что не знает — сколько. Победная единица на индикаторе могла вспыхнуть уже сегодня. Завтра. Через десять лет. Индикатор мог врать от старости и износа. Может, он и вправду врет... С человеком можно делать все что угодно, кроме одного: нельзя лишать его права надеяться...

15

Будь они прокляты, эти могилы!

Он был мал и глуп, а потому распорядился устроить кладбище в низине, в складке гранитной плиты, заполненной древними наносами, всего в сотне шагов к югу от лагеря. До скалы можно было копать — на полметра в глубину, иногда на метр. Будь он старше и опытней, он вытянул бы кладбище в нитку по краю болота — и что с того, что холмики расползались бы грязью? Мертвым все равно. Оглядываясь назад, Стефан видел, что сумел бы переломить настроение большинства в свою пользу. Вежливость мертвого состоит именно в том, чтобы не мешать жить живым.

Могилы обозначались кучками камней. На последних могилах их было меньше, чем на первых: в радиусе километра вокруг лагеря давно уже не осталось ни одного гранитного обломка, который можно было поднять и унести.

Он и не мыслил крошить гранит вручную. Каждая яма в скале требовала выстрела, а то и двух. Укрытый за переносным щитом, Стефан стрелял — и гранит, словно взорванный изнутри пиропатроном, заложенным в шпур, разлетался мелкой крошкой, осыпая щит шальными осколками. Восторг свершения гасил ужас потери, и с трудом дотащенное до могилы неподъемное взрослое тело споро опускалось в гранит. Кладбище съело почти весь боезапас. А сколько драгоценных зарядов было истрачено просто так, без всякого смысла?..

Он опомнился непоправимо поздно. Оставалось еще три заряда. Целый год он не вынимал оружие из кобуры, отвечал отказом на надоедливые просьбы малышей подстрелить то или иное местное чучело, приучил себя не реагировать пальбой на суматоху, всякий раз возникавшую при атаке лагеря стаей вонючих гарпий, метящих в людей ядовитым пометом (много позднее Диего обнаружил в нем комплексы, выделяющие на свету вещество, близкое к фосгену); иногда он даже оставлял кобуру в капитанской каюте на целый день — тогда это еще ничем не грозило. Но в тот день, когда пришел цалькат, «махер» при нем был.

Стефан не заметил, как зверь появился из леса, он лишь услышал глухой шум рухнувшего неподалеку дерева и в пер-

вый момент не связал его с опасностью. Деревья иногда падают сами собой. Кажется, был чей-то крик — короткий, потому что у кричавшего перехватило дух. Потом и Стефан увидел зверя. Доледниковая тварь, может быть, последняя из уцелевших, нанесла детям первый и единственный визит.

На вид зверь был страшен и потешен одновременно. Будь он только страшен, трагедии скорее всего не произошло бы — при неповоротливости зверя ничего не стоило укрыться в корабле, или донжоне, как его уже тогда полюбили называть. Вялая громадина ростом с дерево, низко несущая тупую бегемочью башку, слабо вязалась с обликом хищника.

Отступили — да. Но никто не побежал. И Стефан, боровшийся с искушением взять «махер» на изготовку, поборол искушение. А кто-то уже фыркал, прыскал в кулак: на боках твари густо торчали роговые пластины, длинные и радужные, как павлиньи перья, а пара плоских выростов на спине, также покрытых «перьями», до смешного напоминала щуплые цыплячьи крылышки. Пластины покачивались и гремели в такт дыханию чудища, и по громадному телу пробегали радужные волны. Зверь по-птичьи клюнул мордой, затем разинул пасть, будто зевнул, обнажив черный мокрый туннель и зубы, что росли даже на языке, и это тоже показалось забавным. Но не всем.

«Кецалькоатль!» — ахнул, падая на колени, Ансельмо. Сын воспитанника католической миссии, затерявшейся в сельве Гватемалы, истинно верил в Христа, сына Кецалькоатля, искупившего смертью грехи человеческие. И вот он увидел живого Кецалькоатля, явившегося с небес, чтобы спасти островок человечества еще раз...

Цалькат глотнул. Отчаянно брыкая ногами, Ансельмо исчез, тогда закричала Донна и Людвиг кинулся бежать, а Стефан поднял обеими руками тяжелый «махер» и дважды разрядил его в тянущуюся к нему тупую морду. Пластины на боках зверя встали дыбом. Обугленная голова отскочила прочь, а цалькат рванулся вперед многотонным тараном, только теперь показав свою истинную мощь. Лишенный головы, он вовсе не собирался умирать так просто, он сделал еще несколько шагов, обратив Стефана в бегство, потом споткнулся, неуклюже

заваливаясь набок, и скала дрогнула под ногами, когда на нее рухнул самый тяжелый зверь на этой планете. Последний заряд ушел на то, чтобы рассечь брюхо цалката и достать тело несчастного Ансельмо — почему-то верилось, что он еще жив... Запомнилось, что могилу пришлось долбить вручную, самого же Ансельмо мало-помалу стали забывать и забыли. Осталось лишь название зверя, быстро упрощенное малышами — не каждый мог выговорить «кецалькоатль». А тушу цалката потом несколько дней рубили на части и топили в озере на корм водяному слону. Слон пасся в воде у самого берега, жирел, за три дня дважды подряд поделился, и в озере на время стало девять водяных слонов...

На десятой минуте Стефан выдернул разъем.

ИНТЕРМЕЦЦО

— Стоп, стоп! Вот и попался. Кто обещал, что во всем тексте не будет ни одного трупа?

— Это труп плюсквамперфектум. Он не считается. То же, кстати, касается Астхик, Паулы и Иветт. Они, увы, в действии не участвуют. Печально, конечно...

— Зато достоверно?

— Не могу принять твой тон.

— Чистоплюй... Нет, вы посмотрите на этого типа! Не сочинитель, а карга с косой, и все ради достоверности. Достоверность ему подавай!

— А что, разве ошибся?

— Не скажу.

— Значит, не очень-то и ошибся.

— Допустим, не очень... А вот ты мне объясни: отчего у тебя совсем нет пропавших без вести? За сорок-то лет? Чего проще: потопал этакий сорокапятилетний парнишка в лес по дрова, а там, конечно, местный серый волк, а? Поиски, организованные Стефаном, прочесывание леса, ауканье результатов, естественно, не дают... По-твоему, такое событие невероятно?

— Очень вероятно. Но я думаю, что этого не было.

— Это почему?

— Мне так кажется. Угадал?

— Ну угадал... Случайно, конечно. Или по моему тону?
— По тону.
— Усек. Тогда замолкаю.
— Давно пора.

16

В мире Джекоба тьма и свет сменялись бессистемно. Чаще была тьма. Свет появлялся неожиданно и всегда больно бил по глазам, заставляя тело бессмысленно шевелиться в неподатливом коконе, а рот — издавать звуки, удивлявшие его самого. Прошло много, очень много периодов света и тьмы — так много, что он не смог бы их сосчитать, если бы задался такой целью, — прежде чем он научился предсказывать наступление периода света и даже угадывать, как долго он продлится. Он редко ошибался.

Свет означал перемену кокона и нередко пищу. И всегда означал появление великанов. Чаще великан приходил один, иногда их являлось несколько. Джекоб знал, когда его будут кормить, а когда нет. Наступление периода света после длительной темноты всегда означало кормление. Добрая великанша подносила к его рту мягкий колпачок, из которого текла сладкая белая пища, и он охотно мял колпачок деснами, сосал, глотал, пил. Случалось, пище предшествовала смена кокона. Это вызывало неудовольствие, и он протестовал.

Его мир был велик, но конечен, и даже в темноте Джекоб знал, где проходят границы мира. Ближайшая была совсем рядом, он много раз дотрагивался до нее и мог бы дотронуться и теперь, если бы не мешал белый кокон. Три другие боковые границы находились далеко — даже великанам для пересечения мира требовалось несколько шагов. Верхняя граница являлась источником света и тьмы, цветные квадраты на ней были послушны и всегда выполняли приказы великанов. Эта граница проходила сравнительно близко — всего в двух ростах самого крупного из великанов и не более чем в шести ростах самого Джекоба. Он подсчитал это давным-давно, еще тогда, когда учился считать, рассматривая свои пальцы. Названия того или иного количества пальцев он узнал позднее. Он подсчи-

тал также количество цветных квадратов на верхней границе мира и знал, сколько там квадратов того или иного цвета. Верхнюю границу мира он видел чаще других, потому что почти всегда лежал на спине, лицом вверх. Нижней границей он не интересовался.

Владения Джекоба были лишь малой частью его мира. Мягкая теплая преграда под ним не была границей мира, а являлась его принадлежностью и называлась словом «кровать». Когда кокон бывал неплотен, Джекобу удавалось выбраться из него и обойти свои владения от края до края. Правда, это всегда требовало много сил: владения были обширны. На такой кровати вполне мог бы спать великан.

Владения кончались бортиками, ничтожными для великанов и непреодолимыми для Джекоба. Прежде бортиков не было. Когда они появились впервые, он сразу догадался об их назначении.

Это было очень давно.

Сколько он помнил себя, он понимал язык великанов. Так он узнал, что существуют и другие миры, подобно его миру называемые «каютами», и скоро постиг существование Большого мира, вместилища множества малых миров, одни из которых были похожи на его мир, а другие нет. Память сохранила воспоминание об одном из таких внутренних миров, который был большим и назывался «медотсек». Труднее оказалось принять конечность Большого мира — Джекоб помнил потрясение, испытанное им, когда он узнал о существовании еще одного, Внешнего мира, наделенного особыми и таинственными свойствами. Однажды из разговора великанов он понял, что уже однажды побывал во Внешнем мире, но это произошло, когда ему было всего три месяца от роду, и он, конечно, ничего не помнил. В конце концов он смирился с существованием Внешнего мира, приняв его как данность. Отчего бы нет? Мать он не помнил тоже, но знал о ее существовании в прошлом.

Был ли у него отец, он не знал. Вопрос не казался существенным. Вероятно, был. Это роднило его с великанами: у каждого из них когда-то были мать и отец. Кроме Главного великана. У того был только отец.

Иногда светлый период в мире Джекоба продолжался дольше обычного: добрая великанша разговаривала вслух. Ее огорчало, когда Джекоб ее не понимал. На самом деле не понимала его она. Одним из самых сильных потрясений в жизни Джекоба было открытие, что великаны могут общаться друг с другом только при помощи звуков, издаваемых ртом. Следовательно, он был не таким, как они. У доброй великанши была плохая память. Говорить вразумительно и подолгу она могла лишь в том случае, если одновременно смотрела в раскрытую кипу скрепленных по краю белых листов, испещренных рядами знаков весьма убогого количественного набора. Чтение книг, на взгляд Джекоба, было довольно бессмысленным занятием, но в них попадались интересные картинки.

Когда Маргарет читала про себя, он понимал не хуже, но быстрее уставал. С дискомфортом он боролся так же, как сорок лет назад.

Его успокаивали.

Потом наступал период тьмы. Добрая великанша уходила.

Иногда появлялись маленькие великаны. Их было четверо: двое великанов и две великанши. Они были небольшие, особенно самая маленькая, которую звали Юта и которая не умела правильно издавать звуки ртом. Лучше других ее понимал Джекоб, и он знал это. Мешали слова. Из-за них понимание было неполным. Слова искажали смысл.

Джекоб пускал пузыри, слушал. Он хотел понимать. Случалось, за словами не оказывалось образа. Это было — непонимание. Непонимания он не любил. Случалось и так, что слова не соответствовали образу. Это было — ложь.

Большая великанша — не та, не добрая, а другая, поменьше, бледная — тоже приходила и побаивалась Джекоба. Она не умела с ним обращаться, хотя в этом не было ничего сложного. Бледную великаншу интересовал Большой мир, и то, чего она о нем не знала, маленькие великаны подолгу пытались понять, читая кипы скрепленных листков и рассматривая другие, большие белые листы, разложенные на полу. Большой мир был болен. Джекоб знал, что такое болезнь.

Неожиданно для себя он понял, что знает о Большом мире больше великанов. Это было открытие! Иногда ему хотелось

помочь великанам. Они не понимали его, как он ни старался. Они даже не пытались понять. И он разражался ревом.

Его успокаивали.

Он знал причину непонимания. Однажды добрая великанша подумала о том, что все грудные младенцы — бессознательные телепаты и только потом развитие речевых центров заглушает природный дар. Джекоб обрадовался, но Маргарет, как будто испугавшись этой мысли, перечеркнула ее и больше к ней не возвращалась. И Джекоб обиделся на добрую великаншу.

Его успокоили.

Он спал и видел сон Дэйва. Ночь была днем, и бой шел при свете солнца. Королевская пехота трижды бросалась на приступ и трижды откатывалась, оставляя десятки тел в проломе и во рву. Арбалетчики со стен били на выбор. Минуты затишья сменялись кряканьем катапульт, гудением камней, пролом в стене рос, как дупло в гнилом зубе, — и снова гнусаво, густо ревел на той стороне сигнальный рог, и снова, снова штурм!..

Дэйв исчез, и никто о нем не пожалел, а меньше всего Джекоб. Он был самим Бернаром де Куси, гордым сеньором, восставшим против ничтожного, но, нужно отдать ему должное, упрямого короля, притащившего сюда армию, чтобы уничтожить его, Бернара де Куси. Ха! Разве де Куси можно уничтожить! Глупый король с гнусавым рогом! Парламентер дал понять: отец и брат будут пощажены, если выдадут разбойника Бернара. Так и сказал: разбойника, церкви-де грабил, бесчинствовал, повесил кого-то не того... Велика важность! Удавленного парламентера отправили назад при помощи баллисты, чтобы рассказал своему королю: де Куси пощады не просят! Малодушный скопидом, не проклятый ни одним священником, тебе бы родиться не королем, а менялой!

Стая стрел прошлась по зубцам, и арбалетчики попрятались. В пролом лезли спешенные рыцари, увлекая на штурм отхлынувшую было пехоту. Первого Бернар обманул ложным замахом и рассек ему шлем ударом сбоку. Второй надвинулся рьяно, но брат Бертран расплющил его, вовремя приняв из рук оруженосца боевую палицу. Третьего они искрошили вдвоем, и каждый отступил на шаг вбок, чтобы не мешать брату

разить мечом. Удар!.. Боль, темно в глазах, его заставили пошатнуться, но меч не прошел сквозь нагрудник, а в следующую секунду королевское войско уменьшилось еще на одного человека. Бернар сорвал с себя шлем, отбросил щит. Перед ним пятились, как псы перед разъяренным львом. Они знали, каков он в ярости, норовили подло ударить в шею, в пах, в колено. Он крушил, сбивал с ног. Оруженосцы прикончат упавших. Вот-вот дрогнут эти королевские псы, вот-вот побегут, а в спины им тявкнут арбалеты... Но снова, снова ревет проклятый рог и свежий отряд рвется к пролому, кто-то хватает за плечи и трясет с опаской, а рог почему-то уже не ревет, а протяжно ноет, тягучий знакомый звук побудки, и это конец боя, нужно отступить, укрыться в донжоне, уйти тайным ходом...

Кажется, Дэйв кого-то ударил, когда его будили. А Джекоб долгое время лежал тихо, переживая странный чужой сон, и думал о том, почему не все великаны согласны принять себя такими, какие они есть. Почему в снах и наяву они разные? И почему-то боятся вскрикнуть во сне и никогда не рассказывают друг другу своих снов. Странные эти взрослые. Разве во сне Дэйв стерпел бы унижение и приказ работать на торфе десять дней, как скрипя зубами стерпел наяву?

Даже Главный великан не был свободен в своих поступках. Джекоб читал его мысли. Он не завидовал великанам.

Он захотел есть и запросил пищи. Потом снова уснул, уже без снов, а проснувшись, увидел лодку. Лодка была еще далеко от Большого мира, но она приближалась, и вместе с ней приближалась опасность. Она сидела в лодке. Она двигала веслом. И было еще что-то. Еще одна опасность, пока неясная, едва уловимая таилась здесь, в Большом мире. Она угрожала Большому миру, но прежде она угрожала Джекобу, а еще раньше — Главному великану. Опасность Джекоб понимал как угрозу несуществования. Он удивился бы, узнав, что существуют другие толкования.

Он заявил криком о несогласии, и его зачем-то мяли, разворачивали и заворачивали снова, трясли на руках, совали в рот невкусную резиновую дрянь. Он понимал: его успокаивали.

17

— Йо-хо-о! — крикнул Питер. — Вот он!

Даже с этого расстояния тупая свечка донжона выглядела внушительно. Словно дурные силы природы, равнодушные к людям и их желаниям, вырубили в горах чудовищной величины монолит, перенесли его и с размаху воткнули в плоский скальный берег с той же легкостью, с какой ребенок втыкает палочку в песчаную постройку. Казалось, до лагеря подать рукой. Но даже самый острый глаз не смог бы различить отсюда ни частокола, ни хозяйственных построек внутри лагеря, ни плоского берега, навсегда приютившего «Декарт». Размеры корабля обманывали зрение.

Берега широко разошлись, река исчезала в озере. Лодка шла на веслах. По озеру неспешно катилась ленивая зыбь.

— Еще час-два, и будет штиль, — сказала Вера.

Ей опять не ответили, и она обругала себя дурочкой. Питер же здесь! Он думает за всех, нужно только слушать его и делать, как он велит. Астхик сама виновата, что утонула. Питер — самый опытный, самый решительный. Лучший из всех. Он бывал там, где не был никто. Это он в одиночку одолел Смерть-каньон, где река на юге прорезает горный кряж. Он спустился по реке до самого устья. Он видел море.

Слева, закрыв на минуту «Декарт», проплыл серый от лишайника остров — длинная скала, сточенная ледником. Корни кремнистых деревьев забились в трещины. Еще остров — голый, в валунах. Еще один — низкий, как тарелка, заросший пучками клейкой травы и полумертвым кустарником...

— А это еще что? — указала Вера.

Крохотный островок, последний в архипелаге, изменил облик. На скучной плоской скале, каких много торчит из воды у изрезанных берегов, лежало что-то несуразно громоздкое, пятнистое. Над ним трудились гарпии. Стая была слишком занята, чтобы обращать внимание на людей. Донесся тошнотный гнилостный запах.

— Вот это да! — восхищенно сказал Питер. — Ну и зверюга!

— А оно не живое? — с опаской спросил Йорис.

— Дохлый, — отмахнулся Питер. — Просто не очень давняя дохлятина. Что за зверь, хотел бы я знать. На цалката не похож.

— По-моему, это не цалкат, — заявила Вера. — У того были ребра, а у этого нет. И хвост у этого с плавником.

— Как твоя рука? — спросил Питер.

Вера благодарно улыбнулась в ответ. Молодец девчонка, поняла с полуслова. Чем меньше сейчас разговоров о зверье, тем лучше. Всякий, в чьей голове есть мозги, давно уже догадался, что радужные «перья» цалката могли быть только защитными пластинами и ничем иным, хоть цалкат сам был хищником. Нетрудно понять, что кишевшая здесь до вспышки жизнь создавала хищников пострашнее цалката, пожирателей цалкатов, и никто не даст уверенности в том, что они вымерли до единого.

— Кто ж его так... — начал Йорис и замолк. Он тоже понял кто. В озере один хозяин. Этот зверь пришел неизвестно откуда, может быть, на свою беду, заплыл в озеро по какой-нибудь протоке. И был встречен. Но у зверя еще хватило сил, чтобы выброситься на островок и здесь умереть. Водяной слон остался ни с чем.

Огромный — в пять обхватов — круглый гриб, который на самом деле не был грибом, а был неподвижным животным, выплевывал детенышей — размножался. Детеныши скакали, как мячи. Один скатился в озеро, закрутился волчком, рябя воду, зашипел негромко. Мелькнуло в воде темное стремительное тело, плеснуло, и шар исчез. Отход молодняка — как было, как будет.

Новое, неизвестное лезло в глаза. Иногда, обманывая, притворялось старым. Каждая экспедиция имела смысл, даже если являлась всего лишь вылазкой в лес за новым бревном для частокола. Мы должны знать свой дом, думала Вера. Питер прав: здесь наш дом. Может быть, я все еще хочу вернуться на Землю, не знаю. Я еще не забыла, как выглядит трава — настоящая, не эта. Стефан всегда говорил, что на Земле обязательно вычислят, где выбросило из Канала «Декарт», и пришлют помощь. Он и теперь это говорит — да кто верит? Скука зевотная... Разве возможно столько лет верить в одно и то же?

Но если вернуться не удастся, можно остаться и жить здесь, но не так, как мы живем, а так, как должны жить люди...

— Рыба, — выдохнул Питер между взмахами. — Жаль, поймать нечем.

Йорис перестал грести, обернулся с вопросом в глазах. Он не понимал, зачем нужна несъедобная рыба.

— Она все равно уснула бы, — утешила Вера. — На дохлую слон не кинется.

— Хочешь переждать? — прямо спросил Питер.

Вера помотала головой. В это время года штиль на озере был редкостью, но, уж наступив, он мог длиться неделями. В штиль хозяином озера был водяной слон.

Лабиринт мысов, островов и островков в западной части озера был наименее опасным участком пути. После него бросок по открытой воде сокращался вдвое.

По сути, это был единственный разумный путь.

Беглый взгляд на карту подсказывал иное: двинуться вдоль северного края озера, прижимаясь к берегу, как и предлагал скисший Йорис. Это не было лучшим выходом. Лишний день пути, а то и два. Северный берег изрезан и болотист — не везде выскочишь. Трясина. Болотные черви. У берега большая глубина — слону ничего не стоит всплыть между берегом и лодкой.

— Нельзя ждать, — уверенно сказала Вера. — Надо плыть.

— Я устал, — хныкнул Йорис.

Впервые он не постеснялся заявить об этом вслух. Вера презрительно отвернулась.

— Потерпи еще, — серьезно сказал Питер. — Ты молодец. Я думал, ты выдохнешься раньше.

Целый час после этого Йорис греб в полную силу.

18

В потной духоте говорили шепотом — темная и жаркая труба аварийного лаза отделялась от столовой лишь декоративной переборкой, слабо приглушавшей звуки. Слышно было, как стучат по мискам ложки, выскребая пищевую пасту; кто-то отдувался, изображая, что сыт; и кашлял простуженный Киро. Где-то поблизости урчал насос — Петра качала воду для

мытья посуды. Народ принимал пищу по-деловому: ни лишнего гвалта, ни угрозы неповиновения, как было утром, когда дикий Дэйв едва не вздумал огрызнуться. Стефан был рад, что не рискнул распорядиться уменьшить обеденные порции, как предполагал вначале. Деготь мало способствует усвоению меда. Они хотят праздника? Будет им праздник.

— Как ты сказал?

Быстрый горячий шепот терзал ухо. Невидимый в темноте мальчишка торопился: отлучка не должна быть чересчур продолжительной. И без того что-то подозревают, хотя вряд ли додумались сунуть «жучка» в аварийный лаз. Когда дело дойдет до разборки, капитан не сможет обеспечить безопасность информатора — даже если предположить, что он специально задастся такой странной целью. Вслух об этом не говорилось, но оба это понимали.

— Повтори еще раз, — шепотом приказал Стефан.

Вслушиваясь в ответный шепот, он потел и кусал губы. Эти мерзавцы выдумали план, который должен был сработать. Может быть, стоит назначить Ронду заместителем по строительству, а Илью перевести к ней в подчинение — пусть-ка сцепятся... Это надо обмозговать. Нет, но каков Илья! Какова идея! За одно это его следовало бы втоптать либо возвысить. «Махер» был бы в их руках уже сегодня, и вовсе незачем кидаться на меня скопом, глупо это и ненадежно, достаточно, чтобы какой-нибудь маломерный малец, хотя бы вот этот шепелявый, спрятался, пользуясь толчеей, в каюте... десять против одного, что мне не пришло бы в голову обшарить стенные шкафы...

Вот, значит, как.

Людвиг отказался. Медлительный умный тяжелодум нашел единственно возможную причину отказа. Несомненно, они договорились ждать Питера. Еще несколько дней имеет смысл его ждать.

Ай да Людвиг!.. Стефан сидел, скорчившись в лазе в три погибели, и тихо киснул от совершенно неуместного, дурацкого смеха. Нет, что хотите говорите о Людвиге — а есть в нем что-то Настоящее — и только так, с большой буквы! — чего нет ни в ком, даже в Маргарет. Пусть нет у него настоящего

ума и никогда не было — он и не нужен тому, кто может вот так — кожей — почувствовать неладное в желаемом. Ай да фрукт этот Людвиг! Жаль, что не друг и другом не станет.

— Погоди, погоди... Так-таки и сказал: «Мы без него перегрыземся на следующий день»? Не врешь?

— Стану я врать...

— Хорошо, — сказал Стефан, отсмеявшись. — Спасибо. Пирожное за мной.

— Два, — нахально сказал мальчишка.

В темноте казалось, будто он улыбается.

— А что еще?

— Дежурить днем, не ночью...

— А еще? — вкрадчиво спросил Стефан.

— Хватит...

— Ты и ночью на дежурстве спишь. Зачем тебе день? Чтобы не работать? Между прочим, ты не боишься, что они догадаются?

— Сделай, чтобы не догадались, — возразил мальчишка.

Вдруг захотелось его ударить.

— Я подумаю. Иди.

По направлению к выходу из лаза зашуршало. Стефан мог бы поклясться, что мальчишка и теперь ухмыляется, щерится черным провалом, в котором не хватает четырех передних зубов. Он вспомнил, как испугался, когда утром у частокола Маркус оказался у него за спиной — гибкий хищный зверек, готовый к прыжку... «Неужели это я его таким сделал? — с сомнением подумал Стефан. — Таким, что он уже не ощущает, кто он есть, для него это естественно... Нет, не я. Я не мог. Подлец ведь, гаденыш — и нашим, и вашим... Нельзя верить — ударит исподтишка. Платный информатор... Полезный в общем-то человек, нужный».

— Стой, — сказал Стефан, и Маркус остановился.

«Разве он не понимает сам, насколько это унизительно — таиться от всех, прятаться, как вор... Хм. Откуда мне знать, что он вообще понимает. Может быть, давно пора въявь завести собственную полицию, чтобы не слюнявить в ухо сплетни? Да только где я найду для нее столько пирожных?»

— Нет, ничего. Иди.

19

— Смотри-ка, — сказала добрая великанша, распутав кокон, — совсем сухой.

Джекоб тут же исправил это упущение. Услышав «ну, вот», он не огорчился. Всякому действию свое время. Сегодня он наконец сумел справиться с управлением своим мочевым пузырем и был удовлетворен первым успехом. Если существовать, не учась ничему новому, — зачем вообще существовать?

— Ну и крик! — заметил Главный великан. — А еще говорят, вредно здесь жить. Вон какие легкие.

Добрая великанша пеленала Джекоба в сухое. Джекоб сопротивлялся, как мог. Он не хотел в кокон.

— Молока ему давали?

— Только что. А что осталось, то прокипятила. Не скиснет.

Прежде чем Главный великан вновь раскрыл рот, Джекоб уже знал, о чем он спросит и что добрая великанша ответит.

Маргарет рассмеялась.

— Нет, кипяченое ему не вредно. Кто из нас врач — я или ты?

— Он так и будет орать? — спросил Стефан.

— Газы, наверное, — сказала Маргарет. — Ты не видел трубочку? Где-то тут была.

В ответ Джекоб выдал такой рев, что Маргарет, покачав головой, быстро закончила пеленание.

— Нашел, — сказал Стефан. — Под книгой лежала.

— Уже не нужно, — задумчиво проговорила Маргарет. — Знаешь, по-моему, это не газы. Не пойму, что с ним творится. Всегда такой спокойный... как будто задумчивый. Ведь не плачет, а просто орет. У меня сейчас было ощущение, что он вот-вот заговорит. У тебя не было?

— С чего бы?

— Смешно, конечно, — Маргарет тряхнула головой, убирая прядь волос со лба, — но мне иногда кажется, будто ему есть что нам сказать. Или, может быть, предупредить о чем-то, я не знаю. Вдруг он умнее нас с тобой? Или что-то чувствует, чего не чувствуем мы, только сказать не может? Ты не смотри на меня так, я еще в своем уме. Мне только иногда так кажется. Нормальный, крепкий младенец, просто на редкость здоровый, сытый, сухой... А ведь что-то ему не нравится.

— Ты ему поползать дай, — предложил Стефан.

— Он не хочет ползать, — возразила Маргарет. — Я знаю, когда он хочет.

— Тогда погремушку.

— Ты поаккуратнее с трубочкой, она у нас последняя. Дайка ее сюда... Не нужны ему ни погремушки, ни кубики, то-то и оно. Не интересуется. Я иногда думаю, сколько ему на самом деле: три месяца или...

— Старая больная тема, — улыбнулся Стефан. — В тринадцать тебе положено гонять в футбол, дерзить хаму учителю, драться за углом школы и тайком смотреть порно. Это мы проходили. А если тебе за пятьдесят, ты должен выглядеть респектабельно, читать солидные газеты, нянчиться с внуками, коли они есть, и дважды в неделю играть в теннис. Вот только никто не знает, что делать, если тебе тринадцать и пятьдесят три одновременно.

— Ты знаешь, — тихо сказала Маргарет.

— Ничего я не знаю!

— Ну вот, наконец-то сам сказал. Хорошо, что Джекоб кричит, не слышат нас... От нашей серьезности иногда тошнит. И от легкомыслия тоже. Кто мы: дети, играющие во взрослых, или взрослые, играющие в детей? Если бы мы столкнулись просто с гипофизарной карликовостью, я бы знала, что делать. А так? Мне еще предстоит стать педиатром-геронтологом. Что дальше? Кто-нибудь подумал о том, что с нами будет? Через десять лет, через тридцать. А думать надо тебе, от тебя этого ждут...

— У нас общество, — сказал Стефан. — Плохое или хорошее, но общество. Это главное.

— Ты просто не хочешь об этом думать, — возразила Маргарет. — Представляешь, что будет, если к нам когда-нибудь прилетят? Им же станет неловко за нас, когда они увидят, понимаешь? А нам будет стыдно.

— Мне не будет стыдно. Мы сохранили себя. Нас двадцать семь. За сорок лет мы потеряли всего троих: два несчастных случая и одна саркома. Не моя вина! Мы сделали все, что могли. Мы строили!

Маргарет покачала головой.

— А хотят ли они строить? Ты их спросил? Большинство хочет просто жить, а ты их заставил строить, да к тому же по своему проекту. Поэтому тебя ненавидят и ты боишься Питера...

— Я не боюсь!

— Боишься, и это нормально. Питер же сильнее тебя.

— Я сильнее! Я капитан!

Против воли сжались кулаки, кровь прихлынула к лицу. Наказать! Лишить! В медотсек под замок, в карцер! На торф! Если бы только это был кто-то другой, не Маргарет...

Он очнулся от того, что прохладная ладонь легла на лоб. Маргарет, придвинувшись, гладила его, шептала: «Успокойся, ну успокойся, пожалуйста, ты капитан, ты...» Она еще что-то говорила, но Стефан улавливал лишь интонацию, они были одного роста, тело Маргарет было теплым, хотелось его обнять, и тут же, как назло, нахлынуло воспоминание о давнем, неудачном и стыдном, а Маргарет, что-то почувствовав, отстранилась и стала чужой. Джекоб орал. Почему, ну почему, с тоской подумал Стефан. За что? Ни одному взрослому не понять, что это такое — оставаться ребенком всю долгую жизнь... как замаринованный в грибе червяк; срок хранения не вечный, но очень большой. Будь мы половозрелыми особями четырнадцати лет, нас давно бы не стало, этому есть обоснование, но на что мне нужно какое бы то ни было обоснование? Интересно, а как с *этим* у других? Не знаю, не бегал я за ними по кустам, а, наверно, следовало...

— Ты в порядке? — озабоченно спросила Маргарет.

— Да. — Голос Стефана стал хриплым. Он откашлялся в кулак. — Ты не беспокойся, я в форме. Это я только с тобой так. Понимаешь, навалилось что-то такое... Только что говорил с одним — убить хотелось. Испугался даже.

— Примешь успокоительное? Массаж, гипноз?

Стефан помотал головой:

— Не надо.

— А знаешь, я их понимаю, — сказала Маргарет. — Тоже ведь вкалываю как каторжная: то зубы лечить, то простуды, то ногу себе рассадят драгой... И Джекоб на мне, и Абби, а за ней все выносить надо, как за маленькой. Вчера в волосы мне вцепи-

лась. Ты не подумай, я не жалуюсь. А только вечером валюсь спать и завыть хочется: когда же все это кончится...

— Еще не скоро.

— А вдруг Питер вернется сегодня? Ты в себе уверен?

— Ничего у него не выйдет, — сказал Стефан. — Сегодня праздник. Пирожные, фейерверк и все такое. Им будет не до того.

— Политика карнавалов, — понимающе присвистнула Маргарет. — А знаешь, это уже было, не то у Борджиа, не то у Медичи. Вечный прием всех прогнивших режимов.

— Что-о?

— Нет-нет, ты не сердись. Я ведь не насмехаюсь, я одобряю. Это ты хорошо придумал. Боюсь только, что поздно.

— В самый раз.

— Разве? По-моему, ты уже отбыл три или четыре своих срока. В маленьком обществе естественные процессы должны идти быстрее, чем в большом, — они и идут...

— Вот только социолога мне здесь не хватало!

— А может, и вправду не хватало? — спросила Маргарет.

Стефан прищурился.

— Что-то я не пойму: чего ты от меня ждешь?

— Не знаю, — призналась Маргарет. — А знала бы, что делать, была бы капитаном. Вот так вот.

— Да ну?

— Ладно, пусть не капитаном... Я ведь не сумею. А только я вот что думаю: либо власть творит насилие сама, либо своим бездействием допускает, чтобы насилие творил кто-то другой. Разве когда-нибудь было иначе? Я хочу, чтобы ты помнил это и никогда не забывал. Ради меня, ради нас всех, ради вот Джекоба...

Джекоб охрип. Все было бесполезно, все зря, напрасный труд. Его крик не дошел до ума великанов, как не дошло и предупреждение об опасности. Трудно разговаривать с глухими от рождения, выросшими среди глухих. Они так ничего и не поняли, и Джекоб, задыхаясь от безнадежности, оставил дальнейшие попытки.

Ему было очень жаль себя.

20

Ветер дул в корму и чуть вбок, так что Питеру приходилось подруливать веслом, в то время как Вера пыталась приноровить парус к капризному ветру. Заплатанный кливер полоскало. Ветер еще срывался шкваликами с дальних мысов, морщил гармошкой темную воду, но уже заметно стихал, уже сдавался, а небо, как в насмешку, было голубое, глубокое, как озеро, и бело-желтое солнце, пройдя зенит и примериваясь к спуску за холмы, врало о мире и спокойствии. Второй час лодка шла под парусом. Западный берег отдалился и потускнел, поглотил острова, вызубрился щеточкой леса на холмах, а восточный, плоский, увенчанный черной башней корабля, как будто ничуть не приблизился, словно был не берегом, а насмехающимся миражем. Зрение обманывало. Лодка двигалась еле-еле, но она двигалась.

Перед последним броском через озеро они причалили к оконечности гранитного мыса. Питер не позволил отдыхать больше пяти минут. Вера повалилась на камень. Йорис скулил, что устал, хотя устали все, а когда его успокоили, сказав, что грести больше не придется, начал ныть, что хочет есть. Питер побродил у воды, лижущей серые камни, но сосулек тут не было.

Его немного мутило, от голода кружилась голова, и сердце временами принималось стучать, как сумасшедшее. Ничего... Уже скоро. В лагере этот хлюпик забудет о своем позоре, начнет пространно и снисходительно отвечать на вопросы и вовсю распавлинит перья — грудь колесом, хвост зенитной пушкой. Достаточно не напоминать о его нытье — и он по гроб будет благодарен тому, кто впервые в жизни дал ему почувствовать себя мужчиной — не штатной единицей в хозяйстве Стефана...

— Интересно, они нас видят? — спросила Вера.

Парус хлопнул. Вера вцепилась в шкот, пытаясь поймать угасающий шквалик. Питер осторожно развернул в воде лопасть весла. Парус на мгновение надулся и вновь вяло заполоскал. Шквалик стих.

— Вряд ли. Смотри, где солнце. Им блики мешают.

— А в оптику? Со светофильтрами?

— В оптику — да. Так ведь надо знать, что мы возвращаемся, специально высматривать. Кому это надо — Лоренцу?

— Там не один Лоренц!

— Ты бы потише, — предостерег Питер. — Он чуткий.

— Лоренц? — натянуто пошутила Вера.

— Плевать мне на Лоренца.

Еще час плыли молча, лишь в носовом отсеке шевелился Йорис, которому было жестко сидеть, да Вера временами тихонько охала, потревожив руку. Парус еще не совсем обвис; едва заметный ветерок все-таки подталкивал лодку.

На середине озера зыбь разгладилась, спокойная вода казалась еще более темной и как будто маслянистой. Питер часто оглядывался — смотрел на след за кормой. Теперь он жалел, что не пошли берегом. Где бы ни был водяной слон, вряд ли он еще не почуял добычу. Скоро ветер совсем стихнет, а через два-три часа начнет темнеть. Быть может, перед самым закатом ненадолго задует опять, а ночь будет тихая, отвратительная пустая ночь под ясным небом без луны и звезд, с далеким бесполезным светляком фонаря на тупом носу «Декарта»... В такие ночи на озере иногда возникают странные течения, поднимающие на поверхность фосфоресцирующий ил. Незаметные днем, они способны за ночь отнести лодку куда им вздумается.

Что толку в дальних прогнозах. Водяному слону понадобится куда меньше времени, чтобы пересечь озеро в любом направлении. Рано или поздно, и скорее рано, чем поздно, придется рискнуть и взяться за весла. Нет ничего глупее, чем быть сожранным в двух шагах от цели.

Питеру случалось видеть водяного слона и в ста, и в тридцати шагах от лодки. Отчаянный Дэйв, лучший пловец в лагере, единственный из всех рисковавший заплывать на глубину, однажды был атакован и сумел спастись. Правда, озеро штормило, а в шторм водяной слон плохо чувствует добычу. Да и часовой на башне не подвел — Стефан потом наказал его за расход стрел.

Питер знал, кто виноват. Фляжка с темной жидкостью из неприметной лощины за водоразделом, где в круглых ямах чавкает и шевелится горячая грязь, а нефть сама выбулькивает из земли, где не растет даже лишайник и трудно дышится, — эта фляжка лишила его ума. Он все же нашел то, ради чего стоило

затевать бесчисленные экспедиции, — рано или поздно это должно было случиться. Он непростительно ошибся, поверив в свою счастливую звезду. Но фляжка была не виновата.

«А ведь, пожалуй, кое-кому там, в лагере, придется кисло, если мы не вернемся...»

Он поймал себя на том, что едва не высказал эту мысль вслух. Нельзя. Не мысль даже — мыслишка. Глупая, ненужная. Нет хуже, чем дожидаться: что-то такое теряется там, внутри, неуловимое, очень важное, без чего нельзя жить, а то превратишься в Йориса. Лучше не жить, чем дрожать.

— А вдруг он умер? — ни с того ни с сего сказал Йорис.

— Кто?

— Ну слон... Он ведь живой. Он ведь может когда-нибудь умереть просто так, от старости?

— А вдруг за нами с Земли прилетят? — серьезно сказал Питер. — Ты бы лучше на себя надеялся. И на нас вот с Верой.

— Умер-шмумер, — фыркнула Вера. Она бодрилась.

Парус вяло шевельнулся и повис тряпкой. Брошенная в воду щепка уплывала назад так медленно, что, глядя на нее, хотелось плакать. Прошло полчаса, прежде чем она скрылась из виду.

Солнце спустилось ниже; в воздухе посвежело. Восточный берег, казалось, стал ближе к лодке, чем западный. А может быть, только казалось.

От неподвижного сидения ныли кости.

— Тихо! — сказал Питер.

Он с бесконечной осторожностью вынул весло из воды. Стало слышно, как с изогнутой лопасти срываются капли.

— Он где-то здесь.

— Ты его чувствуешь? — шепнула Вера. Она ничего не чувствовала, кроме тупой боли в руке, и вертела головой, оглядывая воду.

— Я не чувствую. Я знаю.

— Под нами?

— Нет... Бродит.

Весло уже лежало на дне лодки, и Питер сжимал пику. Медленно-медленно лодку разворачивало носом на юг. В полном молчании текли минуты. Неожиданно Йорис громко всхлипнул.

— Тихо, ты!

В пятидесяти метрах правее лодки поверхность озера плавно всколыхнулась. Словно громадный невидимый поршень толкнул воду так, что она вспучилась гладким горбом, против ожидания, продержавшимся на поверхности несколько секунд. Затем бугор исчез, оставив разбегающиеся круги, и вновь появился слева от лодки. На этот раз он вынырнул ближе и долго оставался неподвижен. Окраска его медленно менялась от бурой до бесцветной.

— Дай нож, — деревянным голосом попросила Вера.

— В мешке под тобой.

Он был бы совсем не страшен, этот горб, или бугор, если бы Питер не знал истинных размеров водяного слона. Иногда он вот так выставляет напоказ краешек одной из псевдоподий, как бы присматриваясь к добыче с холодным любопытством, но это лишь так кажется, потому что хозяин озера не способен видеть. Затем он скорее всего начнет кружить вокруг лодки, по-акульи сужая круги. Может не напасть вовсе, и такой случай был, а может атаковать сразу, жадно и прямолинейно, нахрапом бросаясь на добычу. Это самое опасное. Питер вспомнил категорическое утверждение Маргарет, высказанное в давнем споре: поведение-де примитивного животного всегда жестко запрограммировано и не меняется со временем. Питер усмехнулся: Маргарет глупа. Если бы шли на веслах, слон давно бы уже обнаружил и опрокинул лодку, зато если бы на пороге не попортили днище, возможно, удалось бы спокойно переплыть озеро даже в штиль — вот и все, что о водяном слоне можно сказать наверняка.

Горб стал совсем бесцветным. Стеклянная вода покрывала его тонкой пленкой. Неожиданно горб без всплеска ушел под воду. Осталась лишь рябь на воде, медленно удаляющаяся прочь от лодки. Наконец исчезла и она.

— Ушел... — шепотом сказала Вера. — Ведь правда, ушел?

Питер отрицательно покачал головой.

— Он пытается понять, что мы такое.

— Он не может понимать, — неестественным голосом заявил Йорис. Губы его дрожали. — У него нет мозга.

— Что-то такое, наверное, есть... Берегись!

Питер ударил пикой. Лодку качнуло — водяной слон ушел на глубину.

— Весло! — крикнул Питер.

Он уже греб, а Йорис, помешкав, засуетился и, сунув весло в воду, едва не уронил за борт. Питер что-то прорычал сквозь зубы. Лодка неслась вперед, легко раздвигая воду. Нужно было рискнуть раньше, подумал Питер. Всего час такой гребли, даже полчаса, если удастся выдержать темп, — а там прибрежное мелководье, слон не сунется...

— Йорис, не части! Вера, парус!

Торопясь, Вера спустила кливер, выгнувшийся назад от встречного ветра. Она пыталась подгрести рукой, пока Питер не прикрикнул на нее, чтобы не кренила лодку. Быстрее! Быстрее! Вера закусила губу. Существует то, что можно, и то, чего нельзя, что запрещено древней памятью жизни, трепещущей в каждом кусочке плоти, от миллионов поколений бессмысленных тварей, от первых студенистых комочков на дне мелководных лагун, от червей и панцирных рыб — ползающих, роющихся в иле, жрущих и прячущихся, чтобы в свою очередь не быть сожранными, потому что это-то и есть самое страшное. Можно погибнуть от голода, сгинуть в болоте, поскользнуться на краю сторожевой площадки донжона и сорваться с криком, но нельзя смириться, представив себя в пищеварительной вакуоли гигантской амебы, мерзкого создания полумертвой планеты... Ну же! Быстрее!

— Догонит? — спросила она, обернувшись.

Питер кивнул между двумя взмахами. Жаль, что Питер никогда не врет... Вера прекрасно понимала: догонит. Эта тварь принимает в воде любую форму и невероятно сильна. Но сейчас как никогда хотелось услышать обратное.

— Стоп! — выдохнул Питер.

Лодка, вильнув, ушла вбок. По волновому следу было хорошо видно, как там, где она только что была, прошло под водой громоздкое тело. Гораздо быстрее, чем лодка.

— Мало тебе? — злобно сказал Питер. — Еще захотел?

В десяти шагах от лодки из воды с шумом поднялся бугор и с шумом исчез. Лодку закачало на волнах.

— Влипли, — хриплым и низким голосом проговорила Вера. — Господи, как влипли...

— Ты хорошо плаваешь?

— А какой смысл? — Веру передернуло.

— Я тебя спросил о чем-то, — напомнил Питер. Раскорячив ноги, он пытался привстать, пристально вглядываясь во что-то впереди.

— Наверно, плаваю... Меня когда-то папа учил — там еще, на Земле... Море помню, ласты...

— В километре от берега есть островок, его отсюда не видно. Крохотный такой, низкий; когда сильные дожди, его вообще затапливает. По идее, сейчас он прямо по курсу. Если нас опрокинет, бери на палец правее башни и жми что есть силы.

— Ничего другого нельзя сделать? — спросила Вера.

Питер дернул щекой.

— Драться можно. Или молиться. Ни то, ни другое не поможет.

— А плыть — поможет?

— Слон не кинется на всех сразу, — сказал Питер. — Возможно, один из нас имеет шанс.

Вера покачала головой:

— Холодно, ногу сведет. И я вообще так не хочу.

— Дура! — тонким голосом крикнул Йорис и всхлипнул. — А он тебя спросит, хочешь ты или нет?

— Сам дурак! Трус!

— Тише, вы... Жить надоело?

— Дура конопатая!

— Трус! Трус! Проверь — штаны сухие?

— Тихо, я сказал!

— Бей!..

Лодка накренилась рывком — слон атаковал снизу. Большое, нечеловеческое, прозрачное, скрывающее в себе серые, как пищевая паста, мутные комки, ворочалось под килем, пучилось, выдавливая лодку из воды. Потеряв равновесие, коротко вскрикнула Вера, ударившаяся о шпангоут больной рукой. Взвизгнул Йорис. Опасно перегнувшись через борт, Питер пырнул пикой взбаламученную воду — раз, другой... На третьем ударе рвануло так, что пику едва не выдернуло из рук, но слон все же отступил, ушел на дно, лишь вода рябила и пузырилась там, где он погрузился — на целую минуту, а если очень повезет, то и на две.

— Весло!.. — скомандовал Питер.

21

— Потри-ка мне спину, — сказал Илья.

Дэйв шлепнул его мочалкой по спине и начал тереть.

— Легче! Легче! Озверел?

Дэйв выругался.

— Хорош банный день, — сказал Маркус. — Мыла нет, горячей воды нет. Песочком потереть кого-нибудь?

Людвиг опрокинул на себя ушат воды.

— Все-таки чуть теплая... Что ты хочешь от сырого торфа? Я еще когда говорил: нужно от котла трубы провести, чтобы теплообменник был в башне. Тогда была бы горячая. И синтезатор работает все хуже. Откуда мыло?

— У Лоренца небось есть. Только он не моется.

Кто-то прыснул.

— Он моется по ночам, — возразил Уве. — За «махер» свой дрожит. Так при кобуре и стоит под душем — себя трет и кобуру надраивает...

— Хе-е...

— Кто полотенце взял? Здесь висело.

— И из пасти у него воняет, как из...

— Зубы гнилые, оттого и бесится. Все болезни от зубов.

— Кстати, о ду́ше. Моя очередь.

— Моя!

— Протри глаза. За Дэйвом я занимал, потом Киро. А тебя здесь вообще не было.

— Чего-о?

— Ничего. Давно в глаз не получал?

— Эй! Эй! Этого не хватало!

— У кого мое полотенце?

— Людвиг, ты правильный тевтон. Чья сейчас очередь?

— Запереть Лоренца снаружи, пускай в обнимку с кобурой посидит здесь суток двое-трое, умнее станет...

— Да он дверь прожжет!

— А ты откуда знаешь, сколько у него зарядов? Может, правда, ни одного? А если два, так и на дверь хватит, и на тебя, умника, останется. В который раз об этом говорим. Надоело.

— Ладно вам, куда полотенце дели? Холодно же.

— Что?

— Да вот Пупырь полотенцем интересуется.

— Его вытереть никакого полотенца не хватит. Так высохнет.

— Совсем холодная пошла...

— А канючил-то как: с Питером, мол, хочу уйти! Сидел бы сейчас, деточка, в грязи по маковку и лапу сосал.

— Я не канючил!

— Нет, серьезно. Я сегодня целый день думаю, где они могут быть. Если разбили лодку, значит, идут берегом.

— Ха, берегом! Там болота бездонные!

— Положим, бездонных здесь не бывает. Вот за кряжем на юге — там да... Островки опять-таки, переночевать есть где. Мокроступы сделают, пройдут. От червей Питер отобьется. Он мне сам говорил, что дней за десять пройти можно. И потом, у них просто нет другого выхода.

— Это если лодку разбили... Ладно, ты не мели, ты предлагай. Что ты предлагаешь? Встречную экспедицию?

— Догадливый...

— Лоренц тебе устроит экспедицию! Торфа давно не нюхал — соскучился? Нужна его превосходительству экспедиция, как же! Он и Веру, и Йориса спишет со спокойной душой, лишь бы Питер не вернулся...

— А ты ему это в лицо скажи.

— Умный, да? Вот интересно: каждый ждет, что другой себя подставит, а не он. Только зря надеешься: все мы здесь такие умные.

— Заткнись, шкет, надоел. Нет, в самом деле, что вы все его боитесь? Царь он вам? Бог?

— Люди вы или нет? Полотенце отдайте!

— Нет у него двух зарядов. Один — максимум...

ИНТЕРМЕЦЦО

Что-то давно меня не беспокоили.

С чего бы?

То, что он хулиган, я понял уже давно. Бывают радиохулиганы, бывают телефонные и всякие другие прочие, а этот — темпоральный. Прогрессируют потомки...

Не беспокоит пока — и хорошо.

Их у меня двадцать семь — двадцать семь маленьких уродцев, взрослых детей, с которыми я могу сделать все, что захочу. Например, один раз ошибется Диего, и все потравятся. Или на лагерь нападет цалькат. Или Анджей-Пупырь со временем найдет способ экранироваться от излучения странного солнца, и тогда жизнь пойдет своим чередом и Стефан спустя несколько лет женится на Маргарет...

Почему бы нет?

Мне делается страшно от того, что я хочу им помочь, всем вместе и каждому в отдельности, а особенно Джекобу — ему в первую очередь. Они *там* живут своей жизнью, и чем дальше, тем меньше у меня власти над ними, если не резать по живому тупым скальпелем. Что им от того, что они придуманы? Вся штука в том, что они уже давно *ведут* себя сами, вдобавок я подозреваю, что некоторые из них умнее меня, автора. Как я это допустил — не знаю. Им теперь лучше видно, и они, как мне кажется, хорошо знают, что делают, а я все чаще ловлю себя на том, что не всегда ясно понимаю глубинную суть их поступков и слов. И мне, автору, страшно им помогать, потому что может выйти еще хуже...

Кого мне выслушать, если они попросят помощи: Питера? Стефана? Анджея?

Найдутся и такие, кто попросит себе еще одно пирожное. Не мне их осуждать.

Предоставить их самим себе? Придется...

Одно мне известно точно, а значит, быть посему: Питер, Йорис и Вера так или иначе доберутся до «Декарта» — а вот что случится после? Что-то ведь должно случиться. Какие события посыплются на головы двадцати семи? Кто из двоих возьмет верх — Стефан или Питер? А может быть, они помирятся? Хм... Что-то говорит мне, что нет. Ни за что. Напротив, очень может случиться так, что один из них убьет другого, сам или не сам, несмотря на мое обещание беречь героев. О, мои ребята могут многое! Если потребуется создать на планете ад, они обойдутся своими силами, без всяких цалькатов. Стоит лишь начать — и они примутся уничтожать друг друга с упое-

нием, все более ощущая вкус к этому занятию. А может статься — во всяком случае, я на это надеюсь, — что за детьми прилетит спасательная экспедиция, и, вывезенные на Землю, они будут жить и стареть долго и счастливо.

22

Очередную атаку отбили легко — судя по всему, водяной слон лишь примеривался, как лучше взять добычу, и отступил, едва Питер уколол его. На этот раз он не ушел на глубину, а лишь отплыл на десяток шагов и сделал медленный-медленный круг вокруг лодки. Поверхность торчащего над водою горба быстро меняла цвет и странно волновалась, хлюпая и рябя воду.

— Сейчас опять кинется, — сказал Питер, перехватывая пику поудобнее.

— Может, ты его ранил? — с надеждой спросил Йорис. — Корежится-то как... Отвяжется, а?

— Жди, — процедил Питер, не отрывая взгляда от воды. — Это только поклевка была. Я ему и мембрану не пробил.

— Какую мембрану?

— Ну шкуру, — объяснила Вера. — Ее и стрелометом не возьмешь, разве что бластером...

— А я не тебя спрашиваю...

— Радуйся, что с тобой вообще разговаривают!

— Тихо, вы оба!

— А чего он такой дурак...

Желток солнца висел низко, угрожая задеть краем диска дальние холмы, чертил по воде дрожащую огненную дорожку. Как и предполагал Питер, перед закатом с запада повеяло слабым ветерком. В такое время в лагере и на болоте происходит оживление, люди работают больше для виду, нетерпеливо дожидаясь зеленого луча — сигнала к концу работы, если только Стефан не прикажет работать после заката. Скука смертная. Впрочем, сегодня праздник...

— Поставить парус? — спросила Вера.

— Без толку. Лучше проверь мешки — может, что осталось?

— Нет. Нож вот и фляжка.

Восточный берег был близко — простым глазом уже различалась неровная линия частокола вокруг башни. Вера кусала губы. Приступ восхищения Питером угас, хотя придумка была его, и придумка великолепная. Им удалось выиграть несколько минут отчаянной гребли — водяной слон позволил себя обмануть. Даже Йорис греб почти как надо, а Вера, развязав мешки, швыряла в воду все, что в них было, стараясь закинуть драгоценные вещи подальше от лодки — теплую одежду, запасную обувь, котелок... Дольше всего слон возился с одним из спальных мешков, никак не мог понять, что это такое. А на два других мешка не обратил внимания.

— Ну иди сюда, иди, — цедил Питер сквозь зубы. — Получил — и еще получишь...

Накренившись, лодка черпнула воду — водяной слон шел тараном в борт. И снова отступил, встретив удар пикой, и нехотя, почти лениво ушел под лодку. Вера тоже ударила ножом, но промахнулась.

— Сволочь...

— Опять на дно не ушел, — объявил Йорис, следя за водой. Его одолевала икота. — Он теперь не уйдет...

— Заткнись!

Лодку покачивало — движение в мертвой глубине выдавала зыбь, и медленно кружились ленивые водовороты. Диск светила расплющился о западный берег, поджег редколесье на двугорбом холме, плеснул по воде желтым огнем. Солнце напоследок смеялось над детьми, и смеялась вода.

— А что мы теряем? — гаркнул вдруг Питер. — В бога, в дьявола! Надоело! Йорис, весло! Йо-хо-о...

Вера кивнула в знак согласия, хотя никто ее одобрения не спрашивал. Питер лучше знает, что делать, но голос его наигранно-бодр, так только хуже, не надо бы этого... Она мельком оглянулась назад, где только что была лодка, а теперь вода бурлила и пенилась, выдавая движение хищника. Там зарождалась широкая волна — водяной слон, догоняя, шел под самой поверхностью, и нечем было отвлечь его от лодки. Что еще можно выбросить — нож? Весло, которое держит Йорис? Самого Йориса?

Это мысль, но Питер не допустит.

Фляжку?

Здоровой рукой Вера покрепче стиснула нож. Как тогда, на пороге, она неожиданно осознала, что ей вовсе не страшно, и удивилась этому, но рука все-таки дрожала. «Если он не отвяжется, я прыгну за борт, — подумала она. — Пусть я, а не Питер. Он должен вернуться».

Удар пришелся снизу в корму. Вера слышала, как позади загремело упавшее весло и зарычал Питер, вцепившийся в транец, чтобы не вылететь из вставшей дыбом лодки, как длинно и страшно закричал Йорис, когда нос погрузился и в лодку хлынула вода. Ей показалось странным, что лодка еще держится на плаву, но вот корма с оглушительным шлепком ухнула вниз — прямо на упругое, шевелящееся, мягкоподатливое. Холодная вода окатила Веру до пояса. Лодка тяжело ворочалась с борта на борт, черпая воду, кренясь все сильнее с каждым размахом — водяной слон держал цепко, пытался обтечь и поглотить, теперь не выпустит... Сзади невнятно рычал Питер, орудуя пикой. Снова нечеловечески тонко взвизгнул Йорис: «Уйди! Уйди, студень, жаба!» Он бестолково колотил веслом по воде, словно в этом было спасение.

Вера ждала. Когда справа над бортом вырос прозрачный горб, она дважды ударила ножом, но слон не отступил, а лишь попытался схватить руку, и сейчас же слева поднялся и загнулся внутрь лодки второй горб. Лодку положило набок. Как ни странно, она выправилась, до половины залитая водой, и встала на ровный киль.

Вера бросила нож, и он булькнул на дно лодки. В воде, заливающей кокпит, покачивались щепки, мусор и всплывшая фляжка.

— Нет!.. — крикнул Питер.

Удар в днище.

Пробка не шла, и пальцы плохо слушались — детские пальцы немолодой женщины, потрескавшиеся, стертые, кровоточащие...

Удар.

— Не смей!

— Да! — крикнула Вера. — Да!

Удар. Лодку подбросило и закружило волчком.

— Гад, пику выдернул... Мне!.. Я сам!

23

Отсюда лагерь казался совсем крошечным, но те, кто остался внизу, в недвижном ожидании обратив кверху пятна лиц, были еще крошечней — как точки. Как муравьи, впавшие в летаргию с наступлением холодов. Как ничто. Их всех можно было прикрыть одной ладонью — защитить или, может быть, наоборот. Нельзя лишь было забыть об их существовании.

Краешек солнца был еще виден, а ярко-жгучая полоса уже пробежала по воде, поиграла на прибрежных камнях и, перемахнув частокол, залила гранит, на мгновение ослепив нестерпимой мертвенной зеленью. Стефан шепотом выругался. Когда-то этой серой скале давали поэтические прозвища — Порт Зеленого Луча например, и название не прижилось, потому что дали его взрослые. Еще того лучше — Берег Летящих Лепестков... Дня через два после посадки ветром с востока принесло кружащуюся тучу алых чешуек размером в ноготь, усеявших прибрежный гранит, — то ли взаправду лепестков неизвестных цветов, то ли сброшенных крылышек мигрирующих насекомых. Вряд ли у взрослых хватило времени и желания разобраться, что это такое — первая смерть посетила лагерь уже через неделю, — но зрелище алого вихря, наверно, было феерическое. С тех пор оно ни разу не повторилось, мало-помалу начало забываться, обросло фантастическими додумками, и Стефан совсем не помнил его, сколько ни напрягал память, но в бортовом журнале рука Бруно Лоренца отметила необыкновенную красоту явления, а значит, так оно и было.

Зеленый луч полз вверх по башне, и, наверно, множество ждущих глаз из полутьмы внизу следило за ним, томясь и предвкушая, но Стефан больше не смотрел на муравьев. Он уберег глаза, когда луч добрался до площадки, и лишь только угас неистовый режущий свет, запустил первую ракету. Один за другим четыре огненных хвоста взвились в небо и лопнули, осветив лагерь под вопли восторга снизу. Стефан рассчитывал на пять, но пятый патрон лишь зашипел, словно в картонной гильзе поселилась гадюка, и не сработал. Старье, скисло... Стефан пинком отшвырнул патрон к противоположному краю площадки — не долетев, тот укатился в люк и загремел по

ступеням трапа. Четыре шара висели в небе — два красных, два желтых. Снижаясь, один из красных попал под зеленый луч, и желтых стало три. Внизу заулюлюкали. Ничего, сойдет. И этого более чем достаточно. Если на каждый день рождения тратить сигнальные ракеты, их не хватит и на год.

Он спустился вниз, до звонкого щелчка задвинув за собой люк, оставив над головой опустевшую площадку, хотя была очередь Дэйва, а с середины ночи на дежурство должен был заступить Уве. Снимая Дэйва с поста, Стефан понимал, что рискует, создавая опасный прецедент. Как тогда... после отмены утреннего развода на работы пришлось круто доказывать, что снисходительность — еще не слабость. Тогда они в первый раз попытались набросится. Пусть. Сегодня — праздник. Трудно заранее сказать, что в конце концов окажется опаснее, а так удалось хоть немного разрядить нервозность. О том, что ночной часовой не нужен, Стефан знал не хуже других. Даже вонючие гарпии, активно кормящиеся в темноте, не собираются ночью в стаи, а одиночкам на людей начхать, они ищут падаль или, барражируя над болотом, высматривают молодь трясинных черепах. От одной общей тревоги до другой проходят не дни — месяцы и годы, и тревоги чаще всего оказываются ложными. Полон лес трухлявых костей — вот вам вся фауна. Нелепо отрицать правоту Киро: цалькат, убивший беднягу Ансельмо, скорее всего был реликтом, по какой-то случайности зажившимся дольше своих сородичей...

Глупцы! Кроме Людвига, никто не способен понять, почему ночные дежурства, назначенные с перепугу, нельзя много лет спустя отменить простым приказом. Это все равно что отменить рассвет или закат... Они думают, Стефан все может себе позволить, как всякий порядочный самодур с диктаторскими замашками. Нет, милые мои. Ошибаетесь. Он может только то, против чего вы не посмеете возразить, и с каждым годом он может все меньше и меньше, не потому, что он такое же ничтожество, как вы сами, а потому, что иначе придется убивать. Нет ничего опаснее, чем ломать привычные устои, но в эту ночь дежурства не будет — можете радоваться, любители выбивать подпорки из-под себя...

В капитанской каюте был порядок — на этот раз Стефан осмотрел ее гораздо тщательней обычного. Новое сигнальное

приспособление действовало, контрольные волоски висели на местах. В каюту никто не наведывался — не решился либо не смог. Это было правильно, так и должно было быть, еще вчера это удовлетворило бы вполне, но сегодня Стефан ощущал неясное беспокойство. Так нетрудно сделаться параноиком, подумал он с неудовольствием. Или они умнее, чем я думаю? Вряд ли...

Он отпер сейф и некоторое время колебался, разглядывая бутылку. Она была чуть заметно початая, с восстановленной наклейкой поперек пробки, прозрачного тонированного стекла, подчеркивающего благородный цвет напитка. Выдержанный отцовский коньяк, по случайности не обнаруженный пассажирами во время пьяного бунта, прозябал в небрежении. Выдать, что ли, по наперстку? Между прочим, чистейший яд: пятьдесят миллилитров — смертельная доза для какой-нибудь Юты... Поразмыслив, Стефан аккуратно запер дверцу. Обойдутся. Узнав о существовании бутылки, они могут прийти к выводу о существовании тайника продовольствия.

Он надел парадный капитанский китель, специально перешитый для него Зоей. Когда-то швее пришлось здорово потрудиться, зато результат того стоил. Нигде не морщило, не тянуло, не висело балахоном, и вид был внушительный. Оглядев себя в зеркало, Стефан удовлетворенно прищелкнул языком.

— Ладно, — сказал он вслух. — Пойдем раздавать пряники.

Еще издали он услышал шум — то ли в кают-компании веселились, не слишком-то устав после куцего рабочего дня, то ли Дэйв опять правил кому-то прикус. Стефан ускорил шаги. Взрыв хохота успокоил его: не дерутся. Празднуют. Грубые развлечения плебса. Что у них там на этот раз — плевки на дальность? Чемпионат по доставанию носа кончиком языка? Вот и чудесно.

...Кто-то восторженно хлопал в ладоши, кто-то возмущенно пищал, что ему застят, и тянул шею, кто-то прыскал; улыбался Фукуда и хрюкал довольный Анджей-Пупырь, малыши самозабвенно путались под ногами, а на приготовленном для праздничного ужина столе посреди кают-компании мелким чертиком вертелся Диего. Кулаки его были плотно сжаты, ос-

тановившийся безумный взгляд впивался в пространство так, словно хотел его высосать.

— Итак, — прошуршал он противным суконным голосом, вслед за чем последовал новый взрыв смеха, — кто из вас способен на элементарное: определить, в какой руке находится гайка? А? Я вас всех внимательно выслушаю, и каждый получит свое. Что еще за смех? Ты, Киро. В левой? Врешь — на торф. Завтра и бессрочно. Маркус, ты! Ни в какой? Поговори еще у меня!.. — Гомункулус брызнул слюной и цапнул несуществующую кобуру, отчего смех зрителей перешел в тихий вой. — Кто сказал — в кармане? В чьем кармане? Кому держать шире? Цыц! Хозяин кармана пусть явится до отбоя для наложения взыскания. Завтра же зашить всем карманы и на торф! Алле-оп! — Диего на миг показал пустые ладони и вдруг, сорвав аплодисменты, извлек гайку из-за уха Людвига. — Та самая? То-то же, бездельники! Крррру-у-гом! К приему пищи — га-а-а-товсь!..

Маргарет — и та ухмылялась. А хорошо пародирует паяц, подумал Стефан, кусая губы. Вон как ржут. Шута, пожалуй, придется простить — талантлив. Пыжится слишком, правда, переигрывает, да и голос подкачал — не капитанский совсем, ни за что не поверю, что у меня такой голос...

— Ой! — сказал кто-то.

Смех будто выключили. Сначала одно, затем и другие лица повернулись к двери. Диего бочком слез со стола. Слышно было, как в заднем ряду смущенно покашливают, шмыгают и переминаются с ноги на ногу.

— Что же вы? — сказал, входя, Стефан. — Веселитесь, я же не против. И я с вами повеселюсь. Не возражаете? А, Петра? Не возражаешь?

— Нет. — Петра несмело улыбнулась.

— Ну и отлично! Что у нас в программе — фокусы? А, Диего? Покажи нам что-нибудь.

Произошло бестолковое движение — из переднего ряда в задний жирной спиной вперед пробирался Анджей. Его с ожесточением выпихивали обратно. Диего озадаченно поковырял пальцем в носу.

— А что я? Я уже...

— Что — уже?

— Уже все показал.

— Да?

— Да.

Молчание. Сопение Анджея.

— Петра! — сказал Стефан. — Я и мы все... мы поздравляем тебя с... с седьмым годом рождения. С днем рождения, я хотел сказать. Желаем тебе счастья.

— Спасибо...

Стефан поколебался.

— Можешь завтра не работать. Извини, мне больше нечего тебе подарить.

— Спасибо...

Пауза. Одиночество в толпе.

— А что все такие кислые? Хороним кого-нибудь?

Молчание.

— Что же вы так, — укорил Стефан, давя в себе поднимающийся гнев. — Весело же было... А хотите байку? Была такая сельскохозяйственная планета — Рапсодия. На ней выращивали рапс. Однажды толпа крестьян вешала на дереве предполагаемого конокрада. Обвиняемый, естественно, брыкался и отрицал. Случайный свидетель кражи кобылы вспомнил, что у вора не было левой руки, тогда как у казнимого все конечности имелись в наличии. После чего обвиняемый был-таки повешен.

— За что? — одиноко поддержала Маргарет.

— Он был повешен, затем снят, приведен в чувство и отпущен с извинениями на все четыре стороны. А дерево спилили, чтобы не напоминало об ошибке. Это я к тому, что сперва кончи одно дело, а потом уже переходи к следующему...

Ни улыбки.

Он ощущал их растерянность — и свою. И уйти было уже нельзя. Перегнуть, переломить настроение... Жаль, не прикажешь. Нет такого приказа — веселиться. Не надо было сюда приходить. Была у них отдушина, ну и пусть — не амбразура же, чтобы затыкать ее собой...

— Может, сыграем во что-нибудь? — предложил Стефан. — Ну же! Команда на команду! Перетянем канат, а? Уве, не в службу, а в дружбу — сбегай в барахолку, выбери шланг подлиннее.

Уве ковырял ногой пол.

— Я не хочу...
— Чего ты не хочешь?
— Шланг не хочу перетягивать.
— Так. А чего ты тогда хочешь?
— Не знаю... Есть хочу.
— Все хотят. Ужин идет вторым пунктом. Еще что?
— Э-э... Может, Зоя стихи почитает?

Ну уж нет, подумал Стефан, знаю я эти стихи. Вроде той танкетки, только хуже: «Все мы юроды, поэты же лгут, а годы, как воды, все рифмы сотрут...» Чрезвычайно оптимистично, со светлой надеждой на светлое завтра! Жечь такие стихи в топке вместо торфа. Как там дальше: «Все мы невежды, и это прогресс, тропинку надежды укрыл темный лес...» Укрыл, значит. Угу. Надо полагать, навечно укрыл. В самый раз для праздника. А ведь, было время, смешно писала: «Маленький Аксель присел на горшок, выше горшка он всего на вершок...»

— Может быть, не сегодня? Извини, Зоя.

Уве пожал плечами — можно и не сегодня. Все равно. Было прекрасно слышно, как выступившая было вперед Зоя вздохнула с облегчением. И не подумала спрятать подальше свои чувства, стервоза.

— Ну так как насчет каната? — вкрадчиво спросил Стефан. — Никто не хочет? А в другие игры? Шарады, догонялки, еще что-нибудь...

Тихонько хныкала Юта.

«Колесом для них пройтись, что ли? Какого рожна...»

— Ну, смелее! Кто предложит?

Молчание.

— Да что же вы...

Из заднего ряда в передний пробился Людвиг.

— Мы не хотим веселиться.

«Так, — подумал Стефан. — Этот по крайней мере — откровенно».

В один миг его охватило чувство беспомощности, и еще один миг он боялся, что не сможет с ним справиться. Такое бывало и прежде. Редко, но бывало, и Стефан ненавидел себя в такие минуты. Капитан не должен иметь сомнений, если он не тряпка и не деточка, готовая чуть что со слезами уткнуться

в папочкин бластер. Команда, уличившая капитана в сомнениях, заслуживает другого капитана.

Пора было срочно выправлять положение.

— Ну раз так, — Стефан хлопнул в ладоши и вслед за тем сделал величавый жест рукой, — тогда к столу! К столу!..

Сопутствующая улыбка вышла тоже ничего.

24

Когда, повисев над берегом, угасли огненные шары и их дрожащее отражение в воде перестало обозначать контуры островка, сразу стало темнее, чем до фейерверка, а в том, что это был именно фейерверк, а не сигнал того, что их заметили, не усомнился никто. И стало заметно свежее. Западный берег был еще виден как неровная кайма, пришитая к горизонту, а восточный канул во мглу, лишь слабый фонарь под худым навесом на смотровой площадке донжона, ничего не освещая, висел неподвижно.

Все трое дрожали, сами не зная — от холода или от возбуждения, не замечая даже того, что дрожат. Пришлось помучиться с вычерпыванием, прежде чем лодку удалось вытащить на гранит подальше от воды. Киль был словно изжеван — ничего удивительного, что лодка шла трудно и рыскала. От лодки резко пахло — весь борт был заляпан густой черной жидкостью. Руки пачкались и скользили, а ноги не слушались. Йорис сделал попытку упасть у самой воды, и его пришлось подхватывать и тащить. Задыхаясь, успели вовремя. Слон совершил только одну слепую атаку на островок, оставил на камнях черные липкие комки и, тяжело соскользнув, ушел в озеро. На гранит набегали волны — в сотне шагов от островка бестолково колыхалась темная вода.

— По-моему, он приходит в себя, — заметил Питер. — Кто там хотел плыть к берегу? Догнал бы. А хорошо получилось... Теперь всегда буду плавать с бутылкой нефти.

Вера встряхнула фляжку — нефти осталось на донышке. Питер махнул рукой:

— Не важно. Можно будет использовать жидкую смазку, Диего сделает. Главное — теперь мы знаем, чего он не любит.

— Жаль, зажигалка утонула, — мстительно проговорила Вера. — Посмотреть бы, как он горит...

— Он бы нырнул, — встрял Йорис. С него текло, его окатило с ног до головы, и он выбивал зубами дробь. — А я ему веслом хорошо дал один раз...

— Все равно отлично придумала, — сказал Питер.

Это счастье, подумала Вера, что Питер рядом. Он никогда не оставит в беде, никогда не бросит. Счастье, когда страшное позади и он кладет руку на плечо — не Ронде, не Инге, а мне, — тогда хочется закрыть глаза и сладкая дрожь бежит по телу. А еще хорошо, что немножко нефти все-таки удалось сохранить, и это тоже счастье и удача — Стефан со своей Маргарет, глаза ей выцарапать надо, не поверили бы на слово да еще высмеяли бы.

— Это все ты, — солгала она. — Без тебя бы я не додумалась. Наверно, так и бросила бы фляжку, не откупорив.

— Какая разница, кто придумал! — великодушно сказал Питер.

— Я слышала, как ты кричал, — созналась Вера.

— А сделала по-своему. Не по-моему, а по-своему. Мы же люди. Кто я такой, чтобы решать за тебя?

Он обнял ее, но обнял и Йориса, что было неприятно, но необходимо, и трое озябших детей прижались друг к другу, потому что так было теплее. Водяной слон не ушел — в упавшей на озеро тьме его не стало видно, но слышно было, как он ворочается и хлюпает неподалеку.

— А вдруг до утра не уйдет? — спросил Йорис. Его колотило Питер плотнее прижал его к себе.

— Уйдет, куда он денется. Ты у него хоть одну вакуоль видел? Я тоже нет. Он здорово голодный. Очухается и уплывет охотиться, а мы рванем прямо к берегу — рядом уже...

Они чувствовали себя победителями и болтали без умолку. Вера говорила, что слона рано или поздно придется убить, чтобы впредь плавать без опаски, и что надо уговорить Диего сделать какой-нибудь специальный дуст, а еще лучше слить в озеро окислитель из разведракеты, только от него, наверно, вся рыба заодно со слоном повсплывает кверху брюхом, но это не беда, коль скоро все равно придется переносить лагерь через водораздел, — она говорила, а Йорис, забыв обиду, возра-

жал или поддакивал, каждую минуту напоминал, как лихо он треснул амебу веслом — жаль, у нее нет мозгов и не может быть сотрясения, — и все порывался швырнуть камнем в хозяина озера, чтобы тот не чмокал зря под берегом; а потом Питер говорил о том, что будет завтра, и младшие молчали; а еще потом все трое весело издевались над водяным слоном. Они сидели на корточках, чувствуя, как под ними быстро остывает гранит, прижимались друг к другу и старались не думать о кошмаре холодной ночевки без спальников и теплой одежды, в промокших насквозь драных робах, на низком островке посреди недвижной воды. Они болтали обо всем и ни о чем, стараясь не вспоминать о мучившем всех голоде, о деликатесах, поглощаемых теми, кто, наверно, пирует сейчас в донжоне, о порции пищевой пасты, о гроздьях прозрачных сосулек в быстрых ручьях...

Фонарь на носу «Декарта» расплылся мутным пятном — с озера надвигался туман. Водяной слон не уходил. Медленно затекали мышцы. Трое голодных детей — три тени, невидимые в темноте и не видящие друг друга, — трое взрослых, чьему опыту могли позавидовать многие, — ждали. Они понимали, что придется заночевать здесь. Осенние туманы густы: пройдет полчаса, может быть, час — и фонаря не станет видно. Не стоит рисковать, плывя наудачу. Озеро не любит торопливых и глупых.

И еще они говорили о том, как раскричится Стефан, узнав о потере вещей. Пусть кричит. Они сделали то, чего еще никто не мог сделать. Не смог бы и Стефан. Они проникли на север так далеко, как еще никому не удавалось. Они нашли нефть за водоразделом. И они сумели вернуться.

А главное — они были победителями.

Они, а не он.

25

Оказалось, что у них уже все готово. Стефан сказал бодрую короткую речь, сегодня особенно стараясь не разводить тягомотину, и в речи выразил надежду на дружбу и взаимопонимание, а заодно еще раз поздравил Петру. К его удивлению, речь приняли нормально и даже скромненько поаплодирова-

ли. Тут же появилась и была торжественно развернута новая скатерть (Стефан и не подозревал о ее существовании), неизвестно когда и кем сшитая из лоскутов, выстиранная и выглаженная, и был застелен длинный стол, а вместо обычных мисок девчонки расставили настоящие фарфоровые тарелки (их не вынимали со дня празднования годовщины посадки). Правда, тарелки были разнокалиберные и в них оказалась все та же пищевая паста — сбалансированный корм, прозванный отрыжкой гарпии за вкусовой букет. Но сразу же, торопясь исправить впечатление, появилась Зоя, с трудом неся исходящую волшебным паром кастрюлю, и вдоль стола пронесся дружный стон.

Делили долго, поровну, вожделея. Блестели глаза. Илья урчал, словно кот. Дули на горячий картофель, брали понемногу, смакуя, катали во рту. Заедали пищевой пастой, чтобы продлить удовольствие. Сглотнув слюну, Стефан заставил себя накрыть тарелку ладонью, получив меньше, чем другие. Пускай не шепчутся по углам, что он кого-то объедает. Нужно было с самого начала устроить праздник обжорства, наглого вопиющего изобилия, а никакой не фейерверк. Не нужны им ни фейерверки, ни ужимки с прыжками, вот в чем штука. Не нужны им фильмы о Земле, пусть еще удается иногда уговорить мозг показать тот или иной обрывок. Не хотят смотреть. Человек вообще животное общественно-жвачное, вот и пусть жует. Зря не приказал выкопать еще пяток кустов — путь к сердцу подчиненных лежит через их желудки, и не иначе.

Никто не сел рядом с ним. Обидно, зато надежно. Да и обидно самое чуть-чуть. Это детство. Капитан не имеет права на обиды. «Махер» лежал не в кобуре, а в специальной петле под кителем, и Стефан знал, что успеет выхватить оружие раньше, чем они набросятся.

Довольно скоро он нашел, что о нем забыли, и ничуть не возражал. Не дело капитана крушить лед отчуждения, он не ледокол. Стушеваться и молчать в тряпочку, блюдя благолепие... Сегодня обойдется. И завтра обойдется, если только не вернется Питер. Наверно, уже не вернется. Вот когда они перестанут его ждать, не миновать неприятностей. Не ум их толкнет — коррозия иллюзий, и вот тогда, и только тогда, они станут по-настоя-

щему опасны. А пока пусть веселятся... ведь уже веселятся! — Диего что-то загнул, а я прослушал. Хорошо, ох как хорошо получилось, что среди унылых и смертельно опасных личностей нашелся хоть один шут!..

Разговор за столом и вправду клеился. Лет десять назад Маргарет обнаружила, что корешки одной болотной травки, будучи настоянными на отваре из желудей кремнистого дерева, дают сладковатый бодрящий напиток, правда, обладающий выраженным слабительным действием, и с тех самых пор появление на столе этого напитка неизменно вызывало поток одних и тех же шуток. Прежде они раздражали Стефана. Потом он привык. Теперь он тихо радовался.

Все шло как надо.

Конечно, они врали, будто не хотят веселиться. Кто этого не хочет. Стоял хохот: дикий Дэйв ужасно ревел на всю каюткомпанию, изображая допотопного эндрюсарха, грузного и ловкого пожирателя мастодонтов, а в роли мастодонта выступал протестующий, но довольный Анджей-Пупырь с заплывшим фиолетовым глазом. Как будто кто-то другой, а не Дэйв подбил ему этот самый глаз менее суток назад, как будто вернулись давние полузабытые времена решимости, надежды и согласия — пусть не настолько счастливые, как врет сито-память, а все же...

— Пирожные! Пирожные!

Под единодушный вопль появились не только пирожные, но и свечи. Их было только семь, а не сорок семь, — болотный воск трудно найти и еще труднее очистить. Вдобавок, подумал Стефан, незачем лишний раз напоминать Петре, сколько ей лет на самом деле. Молодцы, учли и это. Какие же все-таки молодцы.

Сейчас он любил их всех.

Петра задула свечи. Лунообразное лицо ее сияло, меж пухлых щечек помещалась смешная пуговка носа. Если девчонке завить волосы — совсем куколка, пупсик, губки бантиком. Любопытно, как по-разному они взрослеют: почти каждый поначалу плакал, потеряв родных и перспективу, спустя время кременел и ожесточался, а этой хоть бы что. Какой была, такой почти и осталась — дитя, два сапога пара с Анджеем. Оба не могут поверить, что такое могло произойти с ними, оба живут в выду-

манном мире и оба, по-видимому, безопасны. Им почти уютно среди нас, трусливых озлобленных подонков, посреди серой необходимой монотонности, и им не надо врать, что когда-нибудь нас спасут и вывезут отсюда...

Он надкусил пирожное. Рот моментально наполнился слюной, хотя, конечно, эрзац — он и есть эрзац, и без постороннего привкуса никакое блюдо не обходится, пирожное тоже. Пирожное, пожалуй, с особенной силой, потому что благодать редкая, разовая... Не забыть бы под благовидным предлогом забрать одно для Маркуса в виде вознаграждения за донос, а дежурить ему днем — шиш...

— Отдай! Не твое!

Крик — как удар хлыста. Пулеметный грохот опрокидываемых стульев.

Стефан вскочил. Крикнул Киро, хотя кричать следовало бы Петре. Единственная из всех она еще не поняла, не поверила и только смотрела расширенными глазами то на пустую ладонь, где только что было пирожное со следами воска от свечек, то на Дэйва, запихивающего в пасть долю именинницы. Губы ее начали вздрагивать. Повисла гробовая тишина, и Стефан, на секунду растерявшись, не знал, что сказать и как скомандовать, только понимал, что праздник испорчен безнадежно. Дэйв чавкал, посверкивая глазами по-волчьи. Скотина, подумал Стефан, убить его мало. На торф пещерного дикаря? Да он оттуда и не вылезает...

— Это ты зря сделал, — неестественным голосом проговорил Илья.

Дэйв одним глотком отправил пирожное в желудок. Затем медленно и страшно оскалился и вдруг, отпрыгнув к переборке, подхватил с пола опрокинутый стул. Малыши с визгом брызнули прочь. Петра всхлипнула.

— Убью! — проскрежетал Дэйв. Его лицо стремительно наливалось кровью. — Не подходи!

Кто-то запустил в него кружкой. Угрожающе галдя, надвигались стеной. Дэйв кружку отбил и одним взмахом отшвырнул Уве, ринувшегося на него сбоку. Что ему Уве. Остальные отхлынули. Маркус упал, потянул скатерть — зазвенела битая посуда, заскакали по полу осколки. Девчонки закричали. Ронда картинно засучивала рукава. Илья нехорошо усмехался.

— Брось стул! — крикнул Стефан, стараясь перекричать галдеж.

Петра наконец разрыдалась, горько и неудержимо. Ее никто не утешал. Кто-то из младших сквернословил тонким голосом, и Уве тоже сквернословил, держась обеими руками за бок и шипя от боли. Фукуда Итиро перепрыгнул через стол, пластался кошкой, ловко увертываясь от описывающего круги стула, причем с лицом совершенно невозмутимым. В движениях Дэйва появилась неуверенность: маленького японца и раньше старались попусту не задирать — не потому, что ему случалось показывать свое умение, а потому, что молчаливо предполагалось, что он может его показать.

— Стой! — скомандовал Стефан. — Фукуда, назад!

Дисциплинированный Фукуда вперед и не шел. Он лишь отвлекал Дэйва на себя, что ему и надо было, а пуще того — рыжему Людвигу, до которого, похоже, только теперь дошла суть происходящего. Дэйв был ниже ростом и слетел с ног от первого же удара между глаз — слышно было, как его голова гулко ударилась о переборку, — и покатился по полу, подпрыгивая, выпавший из рук стул. Людвиг стул подобрал и аккуратно приставил его к столу.

— Бей...

Рыдала Петра, уткнув лицо в кулачки.

— Не трогать! — крикнул Стефан. — Назад!

Ринулись, едва не сбив Людвига с ног. Захныкала, упав, маленькая Юта. Дэйв яростно вскрикнул, когда на него обрушились первые удары; он пытался встать, и его валили на пол, и он снова пытался встать, прикрывая голову руками, и его опять валили под ноги толпе... Больше он не кричал.

— Бей гада, убей!..

— На тебе, на, на!

— Стойте! — орал Стефан. — Назад, говорю! Да остановитесь же, вы его убьете! Ронда, назад! Люди вы или не люди?

— Еще какие люди, — огрызнулся через плечо Илья, обрабатывая Дэйва ногами.

— Наза-а-а-ад!

Врезавшись в толпу с тыла, Стефан расшвыривал их. Убьют, если не остановить. Попраздновали... Стадо дикое, неуп-

равляемое. Так их... Лопнул под мышками китель. Взвыл Илья, схваченный за штаны и воротник и брошенный плашмя на стол, хрустнули под ним уцелевшие тарелки. Швыряя следующего, Стефан зарычал, как Дэйв. Все-таки он был старше и сильнее любого из них, исключая сгинувшего Питера и, может быть, рыжего Людвига, но как раз Людвиг в орущую толпу не лез, а, сделав свое дело, скромно стоял в сторонке, так что остальные отлетали от Стефана, как кегли. Кое-кто успел отскочить сам. Визжала схваченная поперек туловища Инга, пыталась укусить за руку. Мыча от натуги, он швырнул ею в подбегающего Илью и цапнул кобуру. «Махера» не было. Черт, он же не там...

Он возвышался над избитым, тяжко ворочающимся на полу и харкающим кровью Дэйвом, один против всех, и понимал, что у него осталась самое большее секунда. Опомнившись, они набросятся — уже не на Дэйва, что им Дэйв... И эту оставшуюся секунду Стефан использовал вдумчиво и не торопясь. Секунда — даже слишком роскошно для настоящего капитана, чтобы решить, какой язык избрать для разговора с подчиненными. Потому-то Людвигу никогда не стать капитаном, что он подолгу думает там, где должны работать простейшие рефлексы...

— Всем стоять на местах! Стрелять буду.

Даже Юта перестала хныкать. Разинув рты, они молча смотрели в дуло «махера», лишь немногие растерянно переглядывались, и продолжала безутешно рыдать Петра, да еще слышалось хриплое дыхание и харканье Дэйва, пытающегося подняться на четвереньки. Да уж, попраздновали...

Он продержал их под дулом с полминуты — ровно столько, чтобы они пришли в себя, — и небрежно сунул бластер в кобуру. Он знал, как с ними обращаться. Не в первый раз, не в последний...

— Можно я займусь Дэйвом? — спросила Маргарет.

Он благодарно кивнул:

— Займись. Киро, помоги ей.

— Я? — взвизгнул Киро. — Сам помогай!

— Поговори еще у меня, — сказал Стефан. — Марш! Люди вы или нет?

Он обвел их взглядом и подумал, что рано убрал оружие. Ни смущения в них, ни раскаяния, и только потому, что Дэйв еще жив. Не волки — шакалы голодные, лающие. Стая.

— Петра, — сказал он, — ты извини, что так вышло. Это и моя вина. Дэйва я накажу, обещаю. Ну хочешь, мое возьми пирожное, только не плачь... Я только чуть откусил. На вот.

Рыдающая Петра затрясла головой:

— Не хочу-у... Пусть он мое отдаст... мое-е-е...

— Да как он тебе его отдаст!..

Галдеж поднялся как-то сразу:

— Мы-то люди, а вот он...

— Вонючка! Гад, гад, гад, гад...

— Эй, Киро, дай ему от моего имени. За маму, за папу... Дай, говорю!

— Кто мое пирожное раздавил? Ты?!

— Завянь, я не давил. Не реви, Петра, он наш. Уйди, Стефан, не мешай! Все равно до него доберемся, только хуже будет.

— Уйди-и-и...

— Нет, правда, чего об него пачкаться. Пускай Лоренц наказывает. — Это Уве.

Первый разумный голос. И — незамедлительно — ответ:

— Чистоплюй, свинья чухонская!

— Сам чухно, а я норвежец! По роже захотел? Ну иди сюда, иди...

— Бей его!

— Молчать! — гаркнул Стефан во всю мочь легких. — Сколоты! Сволочи! Кончено, погуляли, вашу маму! Всем спать сейчас же! Вон отсюда! Вон!..

Кто-то нечаянно толкнул его под руку. Надкушенное пирожное упало на пол и покатилось под стол, в пыль.

26

Ужас.

Подстерег. Навалился — липкий, текучий.

Проверь себя, если что-то не так. Пусть другие выясняют отношения, а твое дело сторона, достаточно помешать им поубивать друг друга, образумить же их никогда не удастся. Ни-

когда и никому. Казалось бы, проще всего наплевать, а я не могу. Слюны на них у меня никогда не было.

Течет холодная жуть — кап, кап! Я боюсь. За себя. За них. За себя все-таки больше, потому что мне только пятьдесят три и очень хочется жить. Я так мало сделал — почему я не берег каждую минуту?! Поздно... Не исправить.

Что они будут делать, когда я умру? Неужели сумеют выжить одни, без меня? Это нечестно!

Волосы. Вот он — ужас. Растут. Везде, где они должны расти у взрослых, а это — смерть. Иветт начинала умирать именно так; Маргарет рассказывала, что у нее тоже начали расти волосы, а через месяц ее засыпали щебнем. Я же старший, с меня и должно было начаться. Спасите. Я слаб, меня шатает от стены к стене... Не верю рукам, пальцы одеревенели, не может у меня там быть никаких волос! Господи, не оставь! Бывает же на свете невероятное... неужели мы настолько окостенели здесь, что самое завалящее чудо шарахается от нас, как черт от ладана?..

Я умру. Я знаю.

Стефан отклеился от стены. Как оказался здесь — не понял. Воздуха не хватало. Куда-то подевался воздух, такой привычный, пахнущий металлом, пищевой пастой, пылью и умиранием корабля, только что был, и — нет его. Все выдышали, подлецы. Мало им... Отдайте мою долю, я еще жив. Только мою. Я не прошу большего.

Стефан рванул ворот. Треснула ткань, заскакали по полу застежки. Дышать! Он двинулся вдоль стены боком, как краб, приставляя ногу к ноге, чувствуя пальцами тонкое рифление переборки. Коридор качался, вилял, меняя размеры и геометрию. Вправо, влево — как собачий хвост. Два коридора. Четыре. Почему в отсеках туман? А-а, где-то лопнул бак, и потек жидкий кислород. Бак. Нет такого бака. Лопнул, лопасть, Лопиталь, лопатонос, лопотать, лопарь, лопух, лопать, Лопес... Перес... и... и Родригес! Дышать!.. Кислород — это хорошо, пусть жидкий. Жидкий — жизнь.

Я знаю, кто это сделал. Питер где-то здесь, прячется за углом. Он никуда не уходил, он все время оставался среди нас на корабле, разве можно было этого не заметить? Чего ты тя-

нешь, нападай. Я убью тебя голыми руками, потому что ты жаден, Питер.

Нет тумана. Нет коридора. Вообще ничего нет. Коршуном на испуганную мышь рушится потолок... А, это лестница. Он у стреломета, ждет, когда из люка покажется голова. Вверх! Стефан карабкался по трапам, срывался, скользил, упрямо цеплялся за поручни. Откатить крышку. Поршень в стволе уже пошел, станина гасит отдачу. Стрела вбивается в лоб, тупой наконечник дробит черепные кости, тело опрокидывается навзничь и летит вниз, считая ступени... А-а! Ты боишься, Питер? Дрожишь? Что ты корчишься? Танцуешь... Этого я от тебя не ожидал, признаться, это ново. Дай-ка я погляжу. Вся твоя сила в том, что ты до времени не боишься показаться смешным. Пока еще. А хочешь я стану — ты? Нет ничего проще: танцуй, капитан, разучивай движения, старательно повторяй за учителями, их у тебя много, и не вздумай остаться в стороне. Вся жизнь — пляска святого Витта, а ты думал — менуэт.

Не ступени — перекладины. Темно. Тяжелое пожилое тело на ослабших ногах. Не мое тело. Дрянь. Скиньте с меня. Ноги — мои, и на каждой по капкану... Не стану плясать — мне страшно. Я безумен, а лестница крута и бесконечна. Только вверх, в этом спасение. Не останавливаться, лезть и лезть, подтягиваться на чужих слабых руках, цепляться пальцами, зубами грызть...

Нет лестницы. Холод площадки, огненные кляксы в глазах. Мутный фонарь под дырявым навесом. Нечем дышать — они украли воздух повсюду. Догнать! Вот он, Питер, скалится из озера, нужно перелезть через поручень и шагнуть, там невысоко, но я не пойду к тебе, слишком много чести для вора, я достану тебя и отсюда, если только ты не нырнешь...

Десять стрел. Первая летит на пятьсот шагов, вторая на четыреста девяносто, третья на четыреста семьдесят, а последняя в магазине, десятая, на триста десять. Мягкий спуск. Еще! Еще! Он рычал, посылая стрелы в небо, чувствуя под руками вздрагивающий металл. Еще! А-а! Чья-то голова в люке. Зря. Получи. Промах, рикошет! Нет головы. Кто-то сыплется вниз по трапу, дробный топот ног — прочь, прочь... Где ты спрятался, Питер? Стреломет туго ходит в горизонтальной плоскости, ты знаешь

эту недоработку и пользуешься ею. Одному из нас не жить, но не мне. Или никому, если ты окажешься упрям...

Дышать. Отдайте воздух.

Не было сил, и ноги разъезжались по скользкому. Шел дождь, и «Декарт» таял, как леденец. Истончалась, корежилась броня, рваные листы, агонизируя, закручивались невиданными бутонами. Ломая последние деревья, из лесу выходил цалькат, упирался башкой в частокол, крушил подъемные ворота, а перед воротами стоял коленопреклоненный Ансельмо и не бежал, хотя надо было спасаться. «Беги!» — кричал сверху Стефан и из последних сил наводил стреломет в разверстую пасть, воняющую гнилью и смертью, с ужасом понимая, что расстрелял все стрелы и Ансельмо погиб.

Потом его рвало, и он висел животом на поручне ограждения. Его рвало снова и снова, мучительно выворачивало наизнанку, он мычал и тряс головой, а из глаз текли слезы. Небо было внизу, страшно далекое, в нем горели чужие костры и вспыхивали потухшие звезды; они взрывались, разбрасывая молнии, из черной бездны поднимался водяной слон и сражался с цалькатом, а Питер науськивал зверей друг на друга, чтобы выбрать сильнейшего и натравить его на капитана. Стефан упал и пополз. Потом был люк и долгая чернота перед глазами; кто-то кинулся на него из черноты, их было несколько, и Стефан расшвыривал их, не видя и почти не чувствуя. Он заставил себя встать и снова упал на четвереньки. Тогда он опять пополз, и это оказалось неожиданно легким делом. Почему, интересно, все решили, что на двух ногах — проще? Вот как надо. На двух — ошибка, спросите Джекоба... Не забыть бы завтра же приказать всем ходить как надо — с левой ноги и правой руки одновременно, а при команде «кругом» делать иммельман...

Потом была, кажется, Маргарет, она била в глаза светом и раздвигала ему веки. Он отбился, оттолкнул ее и полз по стене вверх, пока не поднялся на ноги. Он должен был пройти через медотсек, чтобы спасти Ансельмо, а стена не пускала его, лишь прогибалась, пыталась обернуться вокруг тела и схватить, как водяной слон. Да, ведь медотсек шестью горизонтами ниже... Или девятью. Стефан рассмеялся и смеялся долго. Неожиданно он понял, что вовсе не обязательно ходить или ползать по кораб-

лю, чтобы оказаться в желаемом месте. Достаточно захотеть — и ты там окажешься. А он-то еще мечтал когда-нибудь вновь пустить лифт...

Он шагал сквозь расступающиеся стены и механизмы, взмахом руки раздвигал переборки, просачивался с горизонта на горизонт. Лицо сумасшедшей было темным, как болотный воск, и Стефан удивился, почему оно темное, ведь Абигайль никогда не бывает на солнце, почти как Донна-затворница... Ну здравствуй, Абби. Давненько я у тебя не был. Как ты живешь? А знаешь, Абби, я ведь тоже сумасшедший, да-да. На самом деле тут все сумасшедшие, только мы с тобой сумасшедшие по-другому: их вылечат, чтобы сделать несчастными, а нас не надо лечить. Так что мы с тобой теперь будем вместе, и я стану заботиться о тебе и защищать тебя, потому что человек должен о ком-то заботиться и кого-то защищать, ведь верно? Я безумен, Абби, и то, что я тебе говорю, тоже безумие, на самом деле я очень испугался, когда это понял, но теперь мне не страшно, потому что нас двое, а когда двое безумны одинаково, им тепло друг от друга даже через стены. И другие станут нам завидовать, Абби, верь мне, вот только я сейчас должен уйти, мне еще о многом надо подумать и многое успеть сделать, прежде чем я вернусь...

Потом он начал расти, и это оказалось столь неожиданно, что Стефан даже растерялся. Пол под ним проваливался, уходил вниз; он рос и рос, продавливая потолки, радостно чувствуя, как дряблые мускулы наливаются невиданной силой, корабль был ему мал, справа и слева набегали переборки и взрывались стаей осколков, когда он шутя отпихивал их прочь. Он рассмеялся, и смех его был похож на тектонический гул и грохот рушащихся скал. Он повел плечами, и корабль ссыпался с его тела, как ржавые доспехи. Кто этот мелкий, что копошится под ногами, как вошь? А, это ты, Питер. Конечно, ты. Поговорим наконец? Самое время нам объясниться, враг мой Питер, кумир дураков, но только не так, как ты хотел, потому что объясняться буду я, а ты лишь пискнешь у меня под подошвой... А потом я шагну отсюда прямо на Землю. Почему я раньше не догадывался, что для этого нужно сделать всего один шаг?..

...Он лежал навзничь, не в силах пошевелиться, и свет уходил от него в длинный круглый туннель, где жило Ничто и

гасли звуки. Мягко падала тьма. Погасли стены. Невыразимая тоска охватила его лишь на мгновение и тоже погасла. Осталось только склонившееся над ним лицо Абби, а может быть, это было лицо Маргарет. Не важно.

Потом погасло и оно.

Конец. Тьма.

27

Они грелись друг о друга, сплетаясь руками, сбиваясь в тесный клубок из трех тел на гранитном островке в ледяном тумане. Казалось, эта ночь кончится не раньше, чем убьет всех троих. Йорис уже не скулил, а только тихонько мычал через нос. Каждые полчаса, а то и чаще, если холод становился невыносимым, Питер командовал подъем и заставлял младших бегать и приседать до бешеной стукотни сердца и красных кругов в глазах. Вера слушалась, а Йориса приходилось упрашивать, понукать и даже несильно бить, чтобы заставить двигаться.

Он потерял представление о времени. Рассвет все не наступал, а туман не грел, и все труднее становилось заставлять себя двигаться. Потом пропал Йорис, и его искали ощупью в кромешной темноте, а когда нашли по слабому стону, оказалось, что он споткнулся и рассадил коленку, встать не может, и пусть от него наконец отстанут... Они оттащили Йориса подальше от воды и по хрусту под ногами поняли, что крошечные лужицы в складках гранита подернулись тонким льдом.

Под самое утро Питер все же уснул — не потому что решил непременно выспаться, а просто больше не осталось сил. Он так и задремал, сидя на корточках. Вере пришлось долго будить его, она боялась, что Питер не проснется, он был совсем холодный и даже не дрожал, но все же проснулся, встал через силу и даже, улыбнувшись, сказал «йо-хо!». Тогда Вера почувствовала стыд. Не нужно было будить. Кто угодно мог замерзнуть, но не Питер.

Вдвоем растирали Йориса до тех пор, пока он не захныкал. Медленно занимался рассвет. Утренний ветерок разорвал туман и гнал белесые клочья к середине озера. Водяного сло-

на нигде не было видно. Зато стал виден берег. Близко. Теперь совсем близко.

Питер покачал головой, перехватив взгляд Веры.

— Не сейчас. Дождемся солнца и будем греться по меньшей мере час. А потом — лодку на воду!

— Йо-хо! — сказала Вера, и Питер улыбнулся.

28

Свет.

В глаза.

Лицо Маргарет странно плыло. Оно было большое и белое, как луна, которой не было и не могло быть у этой планеты... Как полузабытая луна, оставшаяся где-то очень далеко вместе со многим другим, что тоже полузабыто или забыто совсем. Есть во Вселенной такое место — Земля.

Мягкие руки. Свернуться в комочек и лежать, а руки пусть гладят. Как в детстве. Ведь помню же...

Выньте из головы молот. У-у... Кто там стучит? Вон!

Стефан пошевелил пальцами ног. Они слушались. Во рту было кисло и жгло гортань. Он пошевелил головой и удивился, что свет не померк и потолок не рухнул. Тогда он понял, что сумеет встать.

— Лежи! — прикрикнула Маргарет. — Пришел в себя, вот и хорошо, вот и лежи. Поправляйся.

— Что? — пробормотал Стефан. — Зачем?

— Ничего умнее сказать не мог? Лежи уж. Молчи.

«Я жив, — подумал Стефан. — Главное, я жив».

Руки тоже действовали. На сгибе правой еще не рассосался желвак от прикосновения инъектора. Видно, Маргарет решила, что дело швах, раз всадила в него лошадиную дозу. Плюс, похоже, зверское промывание желудка через зонд.

Ничего не помню.

Он ощупал пояс. Кобуры не было.

— Бластер у меня, — сообщила Маргарет.

— Отдай!

— Возьмешь сам, когда встанешь. Я сказала им, что буду стрелять. Они и не сунулись. Только угрожали.

— Подонки! — сказал Стефан.

Маргарет охотно кивнула.

— А ты-то как думал? Ангелов пока что не замечено — именно подонки! Они самые. Станешь тут ангелочком, когда физиология тебе одно — интеллект другое... Я только одному удивляюсь: почему одна Абби сошла с ума, а не все мы? Велик человек, если и такое выдерживает.

— Голова кружится, — пожаловался Стефан. — И мутит...

— Считай, трупом был. Судороги, асфиксия... Я ввела тебе атропин и кое-какие сердечные стимуляторы... На вот, пей.

Стефан отпил глоток из подставленной чашки. Это было теплое молоко. Ткнул чашкой в пальцы Маргарет.

— Не буду.

— Здесь я врач. Влить бы в тебя весь запас, да малышей жалко. Пей, говорят!

Стефан покорно выпил.

— Спасибо...

— Попозже закачу тебе солевого слабительного, — утешила Маргарет. — Судно под койкой. К завтрашнему дню будешь в норме, это я тебе говорю.

— Ладно... — прохрипел Стефан. — Что это со мной было?

— Ты бы лучше спросил, что со мной было, когда я тебя сюда тащила! А с тобой ничего из ряда вон выходящего не было — обыкновенное отравление. Теперь еще скажи, что ты этого не ждал.

— Почему?

— Потому что всех царей и диктаторов так или иначе пытались убить. А некоторых травили именно пирожными.

— Кто? — с усилием спросил Стефан. В голове по-прежнему стучало. — Диего?

— Вряд ли. Я тут кое-что успела, пока ты валялся... В общем, так себе отрава: мускарин, толика растительных галлюциногенов, следы рицина. Сам понимаешь, такую смесь незачем синтезировать, проще собрать в лесу.

— Кто? — повторил Стефан.

— Так я тебе сразу и вычислила, — фыркнула Маргарет. — Ага! Я что — мисс Марпл? Пэт Артин? Кто угодно мог. Если хочешь знать мое мнение, не стоит тратить время на выяснение. Потрать его на что-нибудь другое, мой тебе совет. И не

забудь сделать вид, что ничего особенного с тобой не произошло. Хорошая мина при плохой игре дело благодарное, сам знаешь... — Маргарет хихикнула.

— Найду, — сказал Стефан.

— Следствие, значит, собираешься учинить? Ну-ну. А я так скажу: если они заранее договорились, тогда виновны все, а всех в карцер не пересажаешь. Да и карцера нет. На что тебе один исполнитель, когда остальные не лучше? А если тебя травил одиночка, так ты его не найдешь, пока он сам не проболтается, уж можешь мне поверить. Вот. Драка точно не была подстроена, и били-то Дэйва ногами, может, как раз из-за того, что помешал тебе все смолотить. Лучше радуйся, что откусил всего кусочек, да и яд не убойный. Хотели бы убить — мазнули бы чем-нибудь посерьезней, есть тут одна травка... Только им не труп нужен. Им бластер нужен.

Стефан скосил глаза. «Махер» лежал на столе отдельно от кобуры.

— Значит... — с трудом произнес Стефан, — ты... видела?

Он понял, что плохо управляет голосом. «Ты» вышло хрипатым басом, а «видела» — визгом. Но это было не важно.

— Видела.

— И они видели, — сказал Стефан.

Маргарет рассмеялась.

— Что же я, дура, чтобы им показывать? Не волнуйся, я не разболтаю, сколько у тебя зарядов. А «глаз» я случайно нашла, представь себе. И знаешь, где он был? Донна спрятала в душевой, чтобы за мальчишками подглядывать. Мне урок прикладной психологии. Тихоня тихоней, а в тихом омуте...

— Меньше болтай!

— Думаешь, слушают? Вряд ли. Видишь ли... — Маргарет поколебалась. — Не хотела тебе сразу говорить, но... в общем, у них что-то вроде собрания на лысом пятачке. На работу с утра никто не вышел.

— Как это — никто? — спросил Стефан и заморгал.

— Да так уж. Даже Фукуда.

— А сколько сейчас времени?

— День давно.

— Ч-черт!..

Он вскочил с койки, и медотсек поплыл у него перед глазами. Молот в голове ухнул так, что едва не свалил с ног. Стефан ухватился за Маргарет.

— Ну-ка ляг! Кому сказала!

— Уйди!..

Одежду. Обувь. «Махер». Он им покажет собрание! Торф! Каждый день, каждый час — торф! Ворошить болото, таскать и таскать бурую жидкую грязь, сушить, жечь в топке, скармливать синтезатору — иначе просто не выжить. Работать... не обращая внимания ни на что: ни на лень, ни на усталость, ни на остервенелую боль в голове и кишках. Они сошли с ума, коли перестали понимать очевидное. Их надо заставить. Наказывать нерадивых — без этого тоже не выжить...

— Где китель? — прохрипел он.

— В стирке. Робу вот возьми.

Стефана качнуло. Вспышка боли в животе заставила согнуться пополам.

— Убедился? Тебе лежать надо, а мне идти. Джекоб с утра прямо криком кричит.

— Ты вот что... — Стефан через силу выпрямился. — Ты мне коли все, что хочешь, а только я должен ходить. Я с тобой не шучу. Поняла?

— Чего уж тут не понять. А лучше бы лег.

— Коли!

Маргарет отступила на шаг, смотрела с участием.

— Ну? — крикнул Стефан. — Что?!

— Я тебе главного не сказала... Питер вернулся.

29

Трудно уже было вспомнить, кто, когда и зачем пролил в этом месте некую зловредную химию, по указанию ли Бруно Лоренца это было сделано (непонятно, для чего отцу понадобились такого рода эксперименты), или по чьей-то бестолковости либо халатности (тогда почему в бортовом журнале нет записи о взыскании?), но на полоске тощей земли между новым навесом для торфа и старой кузницей никогда не росло ни клейкой травы, ни лишайника, и именно поэтому пришлось отказаться от

мысли развести на лысом пятачке огород. Еще труднее было понять, почему это место исстари было облюбовано для проведения народных собраний — в тех, разумеется, случаях, когда по причине зимних дождей их не приходилось переносить в утробу корабля. Так или иначе, собирались здесь — и узнать норму на текущий день, и выслушать очередную филиппику Маргарет против плохого мытья рук и посуды, а иногда и вякнуть что-нибудь вразрез. Илья даже сколотил скамеечку на краю пятачка, причем во внерабочее время — числился за ним такой подвиг.

Сейчас на скамеечке сидел Йорис и лелеял распухшую ногу. Выглядел он скверно — одни огромные глаза, как на иконе, — и временами надрывно кашлял, сплевывая мокроту. К нему устремилась Маргарет и немедленно принялась мять колено. Йорис взвыл. Перебинтованный Дэйв угрюмо держался в стороне, на него больше не обращали внимания, выпустив вчерашний пар. Коренастую Веру застила толпа, слышался только ее голос, повествующий о каком-то катамаране, зато Питер был — вот он! — дочерна загорелый кумир с обтянутыми торчащими скулами и свалявшимися в грязный ком волосами, а все равно — красавец. Что ему сделается... И Секс-петарда, конечно, рядом.

Вернувшийся-таки Питер Пунн... Прежде — было время! — близкий друг, понятный насквозь. Позже — увертливый, многослойный, как фанера, непонятный и непредсказуемый. Еще позже — снова понятный насквозь, но уже не друг.

При появлении Стефана все стихло.

— Рад приветствовать в лагере, — сказал Стефан. — Поздравляю с возвращением.

— Спасибо. Тронут. — В голосе Питера прозвучала ирония.

— Что живы — вижу, — сухо сказал Стефан. — Что не вполне здоровы — тоже вижу. Калечишь людей, Пунн.

Питер пристально вглядывался в его лицо. Зеленое, наверно, подумал Стефан.

— По-моему, кое у кого со здоровьем не лучше...

— Маргарет! — Стефан решил не принимать замечание на свой счет. — Как там?

Маргарет откинула волосы на плечо.

— Нога-то заживет. Температура высокая, и кашель мне не нравится. Боюсь, как бы не пневмония. Его в постель надо.

— Никакая у меня не пневмония! — завопил Йорис. — Обыкновенная простуда, только и всего. Никуда я отсюда не пойду! — Он раскашлялся и кашлял долго.

— Лодку, конечно, совсем доломали? — осведомился Стефан.

— Еще чего! Киль поменяем, днище выправим.

— Очень хорошо. Но только не «выправим», а «выправлю». Людей я тебе на это не дам.

— А я разве просил? — удивился Питер.

— Тем лучше. Сегодня отдыхай. Вечером сделаешь доклад о результатах экспедиции.

— Могу сделать хоть сейчас. Кстати, для всех я уже сделал доклад. Это ты долго спишь. Впрочем, специально для тебя могу повторить.

Он усмехался в лицо. Стефан заскрипел зубами. В висках заныло, и отозвался молот в голове. Дрянь у Маргарет снадобья... Дерьмо. Не лечат.

— Я не понимаю, — медленно начал Стефан, обводя глазами толпу, — почему скоро полдень, а до сих пор ни один бездельник палец о палец не ударил? Предупреждаю всех: если кто-нибудь думает, что ему простится сегодняшняя недоработка, то он крупно ошибается. Будете наверстывать как миленькие, рогом землю будете рыть...

Он бил их взглядом, и они отворачивались — даже Ронда. Даже Илья, Людвиг и Дэйв. Они не любили смотреть ему в глаза. Не выдерживали. Чаще смотрели в спину и мечтали о том времени, когда в их руках окажется бластер. Сегодня ночью они были близки к цели.

— А ну марш по местам!

— Нет, — сказал Питер.

— Что-о? Поговори еще...

— Нет. Оглох? Еще повторить?

Так, подумал Стефан. Началось.

Теперь они стояли друг против друга, и остальные, кому не дано было участвовать в битве гигантов, окружали их кольцом.

— Работать, и немедленно! Я сказал!

— Никто не пойдет горбатиться, Лоренц. У нас собрание.

— Я не созывал собрания! — крикнул Стефан.

— Извини, мы забыли спросить, — съехидничал Питер. — Но может быть, ты все же дашь разрешение? А то мы без него никак не обойдемся.

В притихшей было толпе захихикали. Маргарет исподтишка делала понятные знаки: оставь их, уйди, нельзя сейчас...

Нельзя? Нет. Можно. Он их сломает. Как ломал много раз.

— Хорошо, — неожиданно спокойно сказал Стефан. — Объявляю собрание открытым. Слово тебе.

Кажется, Питер все же растерялся. Он явно не ожидал такой быстрой уступки и подозревал подвох. Не выдав себя ничем, кроме плотно сжатых губ, Стефан подавил желудочный спазм.

— Мы ждем, Пунн.

— Тебя что, уже много? — нашелся Питер.

Из-за его спины кто-то хихикнул.

— Что? — не понял Стефан.

— По-моему, ты один тут чего-то ждешь. Все уже услышали. — Питер обвел взглядом ряды своих сторонников, и хихиканье усилилось. Питер медлил. — Но если специально для тебя... и принимая во внимание твою роль как организатора экспедиции, прежде всего я должен тебе сказать...

— Прежде всего ты опоздал на целых три дня, — перебил Стефан. — Прежде всего из-за твоих затей срывается график общих работ. Почему, Пунн? Это я тоже хочу знать прежде всего.

— Почему? — Питер пожал плечами. — Как бы тебе объяснить... Задержались, вот и все.

Он улыбался. Ронда, толкая его в бок, пыталась что-то шептать на ухо. Питер не обращал внимания.

— За водораздел ходили? — спросил Стефан.

— Угу, — сказал Питер. Секс-петарда, теребя его рукав, зашептала настойчивей. Питер отмахнулся.

— Я так и думал, — сказал Стефан. — Все слышали? По-моему, было уговорено, что целью экспедиции является картографирование местности и, в частности, поиск удобного волока через водораздел. Поправь меня, если я ошибаюсь. Из-за твоей экспедиции все мы неделю сидим на голодном пайке и собираем для тебя лучшее. Потом ждем. Теперь ты являешься, опоздав на три дня, приводишь с собой двоих покалеченных — хорошо, что

вообще приводишь! — и заявляешь, что решил прогуляться за водораздел. Я правильно понял, Пунн?

Питер кивнул.

— Ты еще не сказал, что мы вещи утопили! — крикнула из толпы Вера. — Так скажи! А я тебе не покалеченная! Если надо, я...

— Тихо! — крикнул Питер.

— Что «тихо»? Он же над тобой издевается!

— Точно!..

— Пусть Питер скажет, а не этот...

«Вот интересно, — подумал Стефан, — что будет, если меня сейчас вытошнит?» Он представил себе, что будет, и стиснул зубы. Нужно дышать понемногу, через нос.

Он видел: большинство на стороне Питера. Питер опять что-то придумал, какой-то новый финт. Без «махера» сегодня все равно не обойдется, но чем позже это случится, тем лучше. Надо согнуться — не настолько, чтобы они обнаглели, но пусть кумир дураков почувствует свою силу. Пусть он расслабится. И тогда я распрямлюсь...

— Ну хватит! — сказал Питер, пытаясь прекратить шум жестом руки. — Либо у нас собрание, и тогда я в нем участвую, либо у нас балаган, и тогда я лучше пойду высплюсь. Все поняли? Вера, ты извини. Тебе слова не давали.

— Насчет вещей — правда? — спросил Стефан.

— Мы нефть нашли, — сказал Питер, и все смолкло.

Стефан оценил силу контрудара.

— Здесь нет нефти, — возразил он. — Везде кристаллический щит — откуда нефть?

— Вера, покажи.

Вера побулькала остатками в прозрачной фляжке.

— Дай сюда!

Стефан понюхал черную жидкость, и его едва не стошнило. Действительно нефть. Он вылил несколько капель на землю и чиркнул зажигалкой. Нефть должна была впитаться, но, видимо, земля была чересчур утоптанной. Вспыхнул и задымил оранжевый огонек.

— Настоящая? — с усмешкой поинтересовался Питер.

Стефан кивнул.

— Где нашли? — спросил он.

— За водоразделом. Километров триста на север — северо-запад.

— Дай карту. Где?

— Вот здесь.

— Много?

— Можно набирать до тонны в день, а то и больше, причем без всякого оборудования. Сама течет. Кстати, и место для лагеря там самое подходящее.

Так.

Тошнота как-то пропала сама собой. Стефан напрягся, и раздвинулась вязкая муть перед глазами. Вот оно что. Питер дождался-таки своего момента.

Нефть. Много нефти, а значит, еды. Свершилось... Конец существованию на грани голода, сорокалетнему полету на последнем крыле. Восстановить прежнюю настройку «Ламме» совсем нетрудно.

Еще при жизни отца после беглой разведки местности предполагалось перенести «Декарт» поближе к углеводородным месторождениям. Беда в том, что их так и не успели обнаружить.

— Что ты предлагаешь? — спросил Стефан.

— Неужели не понятно? — сказал Питер. — Пока мы еще живы, как можно скорее перебазировать лагерь через водораздел, конечно.

Он широко улыбался. Он был полон снисхождения к еще не поверженному противнику.

— Все так думают? — спросил Стефан.

Нестройный гул. Одинокое «нет» голосом Маргарет.

— Теперь послушайте меня, — сказал Стефан, и гул не сразу, но стих. — Нефть — это, конечно, замечательно, кто спорит. От имени всех присутствующих, а также от себя лично объявляю благодарность Питеру и его группе. — Ему показалось, что кто-то фыркнул, и он покосился на толпу. — Но если мы взрослые люди, а не сопливые дети, мы должны сто раз взвесить последствия предпринимаемого шага до того, как его сделаем, а не после. Верно? — Он сделал паузу, дождавшись первого неуверенного кивка. — Теперь рассудим логически. У нас здесь устроенный быт. Еды, правда, в обрез, но никто и не голодает. У нас есть свой дом, частокол и все такое — а что мы будем делать там? Жить в деревянных

хижинах и забывать, что такое постель с подогревом? Я уже не говорю о научных приборах и всяких прочих всякостях. Если хотите знать, мы до сих пор не одичали только потому, что у нас был «Декарт». Это первое. Второе: если кто-то думает, что там придется меньше работать, то он крупно заблуждается. Мне сейчас даже представить себе трудно, сколько труда придется вгрохать в новый лагерь — а ведь здесь у нас все готовое! Третье. Я как капитан вовсе не собираюсь отключать маячок даже на один день и рисковать спасением колонии. Нас же ищут!

Он понял, что сделал ошибку. Этого лучше было не говорить. Пережидая хохот, Стефан облизнул губы и набрал в грудь воздуха.

— И вот еще что, — сказал он. — Если кто-нибудь знает, как нам переправить за водораздел всех нас плюс минимально необходимое оборудование, пусть выйдет вперед и скажет, а я обещаю выслушать. Это четвертое. — Он сделал шаг назад и вытер со лба пот.

— Какие проблемы, Лоренц? — сказал Питер. — Мы можем сделать еще две лодки. Верно?

Собрание одобрительно загудело.

— Зима на носу! — крикнул Стефан. — Дожди! Куда вы пойдете!

— Тем лучше. Больше воды в реках.

— И в болотах! По-твоему, все поместятся в лодках? Малыши не дойдут даже до водораздела.

— Чепуха, — улыбнулся Питер. — На этой планете нет ничего, с чем не мог бы справиться человек, поверь моему опыту. Можно перевезти всех за два-три раза.

— Ха! Пока будешь возвращаться за второй партией, первая перемрет с голоду. Ты этого хочешь? Этого, Пунн?

Питер сплюнул и растер плевок ногой. Стефан напирал настойчиво и умно, а вовсе не лез на рожон, как ожидалось. Все равно ему крышка. Это здесь, за частоколом, он — власть. Здесь он что-то умеет. Там будет иначе, и он это уже понял. Да и кто здесь этого не понимает.

— Я предлагаю начать подготовку немедленно. Кто согласен? Голосуем.

— Нет! — крикнул Стефан.

Его качнуло. Перед глазами плыли лица. Много лиц... чужие. Никто не ценит заслуг. Забыли! Никто не желает помнить, каких трудов стоило добиться, чтобы половина колонии не перемерла в первый же год, мало-помалу наладить сносную жизнь, обучить младших грамоте, отмыть, наконец! — и это при том, что каждый второй — псих, зовет по ночам мамочку и чуть что — норовит опрокинуться на спину и завизжать в истерике... Вечная боязнь совершить малейшую ошибку, боязнь удара из-за угла... Неблагодарные свиньи, не видящие дальше собственного рыла! Весь лагерь — свинарник.

— Вы не будете голосовать. Я запрещаю! Я капитан!

— Дерьмо! — крикнул Дэйв.

Из толпы боком выдвинулся Людвиг.

— Мы будем голосовать, Лоренц. Пупырь, вернись!

— Чего там вернись... — пробубнил Анджей. — Против я, вот и все. Пусть Стефан решит. Ну вас...

— Тебе-то лучше бы помолчать, — заявил Питер. — Те, кто не работает, голосовать вообще не будут. Как-нибудь обойдемся без нахлебников.

— Я работаю! — закричал Анджей. От обиды у него навернулись слезы. Подскочив к Питеру, он пытался что-то сказать, тряся у того перед лицом уродливыми руками.

— Что-то тебя на торфе не видно. Эй, уберите заразного!

— Стоп! — крикнул Стефан. — Ладно. Анджей, ты за или против?

— Я против! Я ему сейчас такое скажу...

— Помолчи. Ты слышал: Анджей Рыхлик против. Маргарет, ты?

— Против.

— Двое против! — крикнул Стефан. — Ты слышал? Петра, ты?

Пухленькая Петра растерянно улыбалась.

— Я...

— Ну говори быстрей!

— Я... я не знаю... — Петра переступила с ноги на ногу и испуганно захлопала глазами. Стефана подбросило.

— Что значит — не знаю?!

— Не знаю... — Петра вдруг расплакалась.

— Воздерживается, — быстро сказал Питер. — Петра Дорферкирх воздерживается. Донна, ты записывай. Двое против, один воздержавшийся. Надеюсь, меня не обвинят в давлении на голосующих. Людвиг Науманн, ты?

— За.

— Ронда Соман?

— За.

— Илья Черемшанов?

— Двумя руками.

— Уве Игельстрем?

— За.

— Дэйв?

— Да пошли вы оба в задницу!

— То есть воздерживаешься?

Дэйв мотнул забинтованной головой и перекорежился от боли.

— Нет. Я — за. Надоело.

— Вера?

— За.

— Маркус?

— За.

Стефан почувствовал, как по его спине бежит струйка пота.

— Агнета?

— За.

— Диего! — крикнул Стефан, выступая вперед.

Чернявый Диего перевел взгляд со Стефана на Питера.

— Я — за нефть...

— Йорис! — быстро перебил Питер.

— Я? Кхх... Я — тоже. За.

— Ульрика?

— За.

— Фукуда?

Маленький японец склонился в церемонном полупоклоне.

— За, пожалуйста.

— Инга?

— За.

— Киро, ты?

— За.

— Все? Кого нет? Зоя дежурит? И все равно один голос ничего не решает. Итог голосования, я думаю, ясен. Тринадцать — за, двое — против и один воздержавшийся.

— Я воздерживаюсь, — сказала Донна.

— Тогда запиши: воздержавшихся двое. Прошу прощения, забыл еще двоих: себя и... — Питер бросил взгляд на Стефана. — Значит, четырнадцать за и трое против. Полагаю, больше нет нужды возвращаться к этому вопросу. Подготовку, как и сказал, начинаем немедленно. Бездельников кормить не будем. Кто не согласен, может остаться здесь. Немощные, больные и симулянты получат столько еды, сколько они заслуживают. Впредь все важные вопросы будем решать сообща.

— Правильно!

— Голосованием...

— Стойте! — крикнул Стефан. — Вы ничего не поняли! Дураки! Он просто хочет занять мое место, ничего не сделав для вас!.. Он всех вас сожрет с потрохами!

Гвалт. Свист. Хохот.

— Мы уходим, Лоренц, — сказал Питер. — И мы возьмем с корабля все, что найдем нужным. Инструменты. Всю одежду. Синтезатор можно погрузить на катамаран...

— Никуда вы не пойдете!

Питер усмехнулся.

— Можешь присоединиться к нам. Я не против.

— Ни с места! — крикнул Стефан, расстегивая кобуру.

И сам удивился, насколько фальшиво и детски-беспомощно прозвучало у него это грозное «ни с места». Ребенок... Дети играют в недетские игры. В который раз играют.

«Махер» зацепился прицельной планкой и не лез наружу. Питер ухмыльнулся прямо в лицо: наверно, Стефан был очень смешон, дергая кобуру, — трясущиеся руки, лицо в красных пятнах... Жалкое зрелище, унизительное.

— Бластер мы тоже возьмем, Лоренц. Дай-ка его сюда.

Проклятое оружие застряло в кобуре. Кто-то из нетерпеливых кинулся на Стефана сбоку. Питер отшвырнул его взмахом руки.

— Давай свой пугач, Лоренц. Все знают, что он разряжен.

— Ни с места! — повторил Стефан.

Бластер оказался в руке, и кто-то один — Маркус? — отпрянул. И это было еще унизительней. Словно одинокий аплодисмент жалостливого зрителя, обращенный к актеру, провалившему спектакль.

— Три шага назад, — приказал Стефан. — Считаю до трех. Раз... Два...

Питер сделал один шаг. Вперед. Он все еще ухмылялся, но его ухмылка застыла, превратившись в маску.

— Три!

— Сзади! — крикнула Маргарет. Ей зажали рот.

Стефан зажмурился. Из дула «махера» вылетела молния и погасла в груди Питера. Раздался короткий шкворчащий звук, будто плюнули на раскаленную сковородку. Питер остановился, озадаченно разглядывая оплавленную пуговицу на фасаде робы. Если он и почувствовал ожог, то не подал виду. Он был удивлен.

Стефан ногой отпихнул того, кто подползал сзади под коленки — подлейший прием! За спиной мальчишка взвыл и покатился. Теперь Стефан целил Питеру в лицо. Он был тверд. Он был скала. Еще можно было взять ситуацию в свои руки. Запугать пшиком... И наступила тишина. Кое-кто попятился. И растерявшийся Питер еще не успел решить, что ему делать: восстановить на лице усмешку — символ победы и превосходства — или принять позу покорности...

И тогда неожиданно громко расхохотался Дэйв, и тишина кончилась. Словно выбили подпорку, удерживающую лавину смеха, и лавина рухнула. Ржали все. С подвывом стонали Илья и Диего. Гоготал, сгибаясь пополам, неторопливый тугодум Людвиг, держались за животы Киро и Йорис, сдержанно сипел Фукуда. Давились смехом Уве, Маркус и Ронда. Клокотал, потряхивая жиром, Анджей. Счастливо визжали малыши. И ухмылялся Питер, который начал понимать, что он выиграл, а Стефан проиграл...

Тогда Стефан бросил бластер в Питера и побежал.

Это было неожиданно, и он успел выиграть два десятка шагов, прежде чем они опомнились. Кинулись вдогон молча, смех как отрезало, и Стефан услышал позади себя топот ног. «Не пускайте в корабль!» — отчаянный крик Уве. Поздно, не успеют. А вот отрезать от пандуса — успеют...

Он влетел в аварийный люк и попытался захлопнуть его за собой. Мешал протянутый наружу кабель. Тотчас от крышки люка со звоном отскочил камень. А может быть, не камень, а нож. Хорошо, что каждая бесшовная труба была на учете — иначе за порохом бы дело не стало, может быть, даже бездымным. И свинцовая или стальная дура, неровная, как астероид, двадцать пять миллиметров калибр...

Стефан ушиб затылок: в аварийном лазе смогла бы распрямиться во весь рост разве что Юта. Несколько секунд перед глазами стояла тьма. Заклинить крышку никак не удавалось, и уже кто-то, вопя дурным фальцетом, дергал ее снаружи — нетерпеливый... Стефан облизнул губы. Неужели теперь — все? и не исправить?.. Чего только не было за сорок лет; ему так часто казалось, что он висит на волоске, что он поверил, будто это не волосок, а канат. Выходит, гниют канаты... Нет смысла здесь торчать, обязательно обойдут сзади; там неблизкий путь, но первым делом попытаются взять в клещи... Пора. Стефан пополз на четвереньках так быстро, как только смог. Позади скрипело, и ширилась полоска света на стенках лаза. Успеть нырнуть в боковой штрек, прежде чем отвалят крышку и метнут нож! Пусть ищут. Быстрее!..

С коротким лязгом откинулась крышка.

30

Инга ползла в гулкой кромешной тьме, и кто-то точно так же полз впереди нее, стуча коленями и локтями по гнутой титановой кишке, по пыльным и никому не нужным внутренностям донжона, и кто-то полз позади, а за ним еще один, и еще... Кретины, удумали всем скопом в один лаз! Быстрее! Шевелись! Успеть доползти до разветвлений, разбежаться веером по этой паутине, и тогда помогай Лоренцу бог!

Ругаясь, она колотила в пятки того, кто полз впереди — неповоротливого, — а сердце пело, и еще хотелось смеяться без устали и плакать от счастья. Вот оно какое — счастье. Это совсем просто, Лоренц. Это когда нет твоего «поговори еще у меня» и твоей противной рожи. Это когда есть Питер — и теперь останется навсегда. Это мы — какими мы будем. Не ноющие

склочники, не озлобленные пауки в банке — сильное и свободное общество, пусть дура Маргарет каждый день жужжит в уши, что оно, мол, бесчеловечное. Наплевать. Сильные, гордые и свободные люди! Без нянек. Человек обязан заботиться о себе сам.

Уже близко... Они видят его, они его гонят! И это тоже счастье — когда не нужно караулить годами, как прежде, а нужно лишь догнать. Быстрее, ну!..

— Перекрой ему путь в рубку, — крикнул Питер. Людвиг, единственный из сторонников, в ком хватило ума помедлить, прежде чем кинуться вслед за вопящей ордой, показал, что понял и исполнит. — А Донна пусть принесет схему лазов.

Донна медленно покачала головой и отвернулась.

— Нет.

— Можно я ее ударю? — спросила Вера.

— Не нужно. — Питер положил руку Донне на плечо. Девчонка вздрогнула, но сбросить руку не посмела. — Ты же у меня умница, верно? Что поделаешь, раз уж так получилось. Теперь все будет не так, как было. Ты ведь это понимаешь, да?

Донна съежилась под его рукой. Конечно, она понимала. И то, что Лоренц проиграл и, зная это, способен на все. И то, что впредь все будет по-другому, само собой. И то, что от того, на чьей ты стороне сейчас, когда, по сути дела, ничего еще не решено окончательно, зависит в будущем многое, она тоже прекрасно понимала, может быть, лучше других. И все-таки медлила. Девочка, достойная уважения.

— Ты принесешь?

— Можно я ее все-таки ударю? — потеряла терпение Вера.

— Нельзя.

— Я принесу, — тихо сказала Донна.

— Очень хорошо. — Питер оглянулся. Так и есть, ни одного разгильдяя вокруг, кроме ни на что не годного Йориса с разинутым ртом и Ронды с глазами влюбленной кошки. Тащат под замок отбивающуюся Маргарет, гоняют свергнутого узурпатора, устроили крысиные бега по норам, дурачье... — Вера, ты не занята? Найди Уве и вместе с Донной продумайте варианты возможных действий Лоренца. Только побыстрее. Охрану рубки и синтезатора продумайте в первую очередь. Лады?

— Йо-хо-о! — крикнула Вера, срываясь с места.

31

Стефан карабкался вверх по узкой шахте, ощупью находя осклизлые выступы со сгнившим оребрением — конструктивно эта шахта предназначалась как для червя, так и для человека на случай форс-мажорных обстоятельств, связанных с кораблем. Нижние штреки оказались сверх меры пыльными, но сухими, а здесь что-то капало сверху с упорством метронома, несло сыростью, мокрой ржавчиной и пряным отвратом плесени — то ли земной, то ли местной. Один раз Стефан соскользнул и, холодея от ужаса, повис на одной руке. Дважды попадались недвижно застывшие черви-ремонтники, и он, протиснувшись мимо, обрушивал их вниз на головы тех, кто, возможно, полз за ним следом. Хотя скорее всего никто уже не полз. Ему удалось оторваться от погони минут пять назад, и теперь они могли лишь глупо аукать, ползая по лазам наугад и пугаясь друг друга всякий раз, как столкнутся нос к носу впотьмах. Скоро им это надоест — зато какое неподдельное рвение было вначале! Как они пресмыкались быстрыми ящерами, струились, выдохнув воздух, по узостям лазов, скверно бранясь тонкими голосами, когда дорогу преграждал дохлый червь, сгоряча проскакивая такие ходы, где при иных обстоятельствах не проскользнул бы и намыленный дистрофик... Могли бы обойти и зажать с двух сторон, но не обошли и не зажали, только заплутали сами и в конце концов подняли вой, требуя доброго дядю, способного вывести их из лабиринта. Сами виноваты, что не изучали схему ходов! Дольше других на хвосте висел Маркус — Стефан слышал позади себя его упорное сопение и по лязгу металла о металл догадался, что в руке у Маркуса нож. Экий Брут доморощенный, хладнокровный и расчетливый гаденыш, озабоченный сокрытием своей ничтожной тайны... Глупенький, да разве ж ты у меня один такой был?.. Затаившись в ответвлении, он пропустил Маркуса мимо себя, стараясь не дышать. Сердце бухало так, что казалось, резонирует весь корабль, и отзывался в черепе тяжелый молот. Легкие жгло. С минуту Стефан отдыхал, не в силах заставить себя двигаться дальше, еще и еще раз переживая ужас погони и не без острого злорадства сознавая, что облава на него с треском провалилась в самом начале. Он все-таки ушел. Он был один.

Убили бы? Можно не сомневаться. Забили бы, как Дэйва, если бы только не вмешался Питер, — но какой ему резон вмешиваться? Одной проблемой меньше, и кровь не на нем. Удобно, черт подери. Можно было бы позавидовать — прирожденный лидер на взлете! — если бы только он не понимал, как понимаю я, что ничего еще не кончено и не кончится никогда...

Ты думал, я сдамся на милость, Пунн?

Конечно, не думал.

Он полз вверх, отсчитывая боковые штреки. Четырнадцать? Нет, уже пятнадцать. Здесь. Контрольный разъем в специальной нише был тут как тут, на плетеном канате из сверхпроводящей гибкой керамики нарос слой плесени. Бардак на корабле. Стефан немного повозился с разъемом и заорал, когда его ударило током. В шахте отозвалось эхо. Несколько секунд он тряс рукой, чувствуя, как в тело возвращается противная дрожкая слабость. Не то гнездо. А какое же тогда? Пожалуй, вот это. Готово. Теперь надо уходить отсюда, и быстро. Он пополз прочь, еще не зная куда, но зная твердо, что сейчас, вот именно сейчас он должен принять решение. Что толку отсиживаться в лазах — найти теперь не найдут, но рано или поздно догадаются выкурить дымом.

Извиваясь, как червяк, он прополз по узкому штреку в следующую шахту. Горизонтом выше за тонкой переборкой помещался камбуз — слышались голоса и урчал «Ламме», вырабатывая пищевую пасту. Выбить панель, захватить, забаррикадироваться и диктовать условия, угрожая разбить синтезатор вдребезги. Несколько дней выдержу... Гм, они тоже. Прежде всего удар по малышам — опять дойдут до гипотрофии...

Какое-то время он висел, заклинив себя в колодце, и пережидал приступ тошноты и слабости. Затем, как сонная муха, нащупал следующий выступ и медленно пополз, боясь сорваться вниз. Малыши, упрямо и зло бормотал он, — а что мне малыши? Нет, правда, — что? Никакого толку, кроме лишних хлопот, бормотал он, цепляясь за выступ, никакой полезной отдачи от них нет и не предвидится, бормотал он, через силу вытягивая себя наверх, так какого рожна я ношусь с ними? Корми их, сопли им вытирай... Родные они мне? Почем мне знать, бормотал он и сатанел, оскальзываясь, — может, кто-то из них и отравил пирож-

ное... Что, стыдно потом будет? Будет, соглашался он. Но — потом, не сейчас. И ведь никто из них, ни один подлец не помешал Питеру даже словом...

Он все еще продолжал бормотать, когда камбуз остался далеко внизу и «Ламме» не стало слышно.

32

— Гадство, — сказал Уве, кусая грязный палец. — Кажется, диагностика неисправности.

— Где это? — спросил Питер.

— Сейчас, сейчас...

— Третья сквозная шахта, между первым и вторым жилыми горизонтами, — проговорила Донна. — Он закоротил датчики слежения. Я бы на его месте тоже так сделала.

— Значит, мы не можем знать, где он? — спросил Питер.

— Вот именно.

— Восстановить можно?

Донна хмыкнула.

— Да, конечно. Если только он не ждет поблизости с дубиной.

— Не ждет, — буркнул Питер. — Его там давно нет. Что я, Лоренца не знаю, что ли.

— Чего мы болтаем! — крикнул Илья. — Схема ходов у нас есть. Разбиться на пары и прочесать еще раз. Выловим!

— Или он тебя, — сказала Донна.

Вера сверкнула на нее глазами, не обещавшими ничего хорошего — не теперь, ясное дело, не при Питере... В ходовой рубке было людно, прихромал даже Йорис и поминутно раздражающе кашлял над ухом. В кресле перед экраном сидел, забравшись с ногами, пыльный, весь в каких-то обрывках Уве и хотел от мозга слишком многого, а то, что мозг сплевывал на экран, выводило его из себя. Питер ходил взад и вперед и тоже смотрел на экран. Вера видела, что он встревожен.

— А торф хорошо дымит, — ни с того ни с сего сообщила Инга. — Выкурить бы...

Питер только отмахнулся:

— Успеется.

Вера хлопнула себя по лбу.

— Синтезатор! Там только Агнета и Киро! — Она вскочила, готовая бежать.

— Он не пойдет к синтезатору, — быстро сказал Питер. — Он придет сюда, в рубку. Вот увидишь.

И снова начал вышагивать — взад-вперед, взад-вперед. Как маятник. Текли минуты.

Картинка на экране изменилась. Пульт прерывисто загудел.

— Ого, — сказал Уве. — Нет, ты посмотри, посмотри, что делает! Он разомкнул контур защиты реактора! А, ч-черт! Не знаю как, но разомкнул! Если только это не сбой...

— Таких сбоев не бывает, — тихо сказала Донна. — Эй, ты бы поосторожней с пультом...

— Без тебя знаю! — рявкнул Уве. — Заткнись, не мешай!

— Насколько это серьезно? — спросил Питер.

Донна взглянула на него насмешливо.

— Тебе лучше знать: реактор — твоя епархия. Теперь одна команда с пульта — и готово. Всех дел на полторы секунды. Настоящего взрыва, может, и не случится, если очень постараемся... ну разве что кора проплавится до мантии и озеро выкипит. — Она всхохотнула. — И давно пора. Уйду-ка я отсюда... Не люблю драк.

Она вышла — худющая и прямая, как палка. Никто ее не остановил.

— Можно это заблокировать с пульта? — спросил Питер.

— Нельзя.

— А откуда можно?

— Да не знаю я! — страдальчески выкрикнул Уве. — Меня Лоренц и близко не подпускал...

— Так, — сказал Питер, оглядывая всех. — Кто еще сомневался, что Лоренц идет сюда?

Он остался доволен осмотром. Никто из них не сомневался — потные напряженные лица, пара как по волшебству выскочивших из карманов заточек, настороженные уши у люков, тишина... Можно расслабиться: пока они сообразят что к чему, будет поздно и Стефан успеет уйти. Пусть до поры помаринуются в рубке, не стоит развращать их мыслью, что капитана можно убить — все равно какого капитана. Он не дурак, этот

Стефан, но даже Донна не понимает, насколько он не дурак, коли вообразила, что он вломится в рубку и попытается шантажировать. Ну, допустим. Прорвется? Никаких шансов. А если и прорвется, долго он тут продержится? Жить тут намерен безвылазно до конца дней? Пугает, хитрец, пытается обмануть... Лоренц сгоряча способен наломать дров, он не раз ошибался, но если у него было хотя бы три минуты на размышление, он всегда принимал правильное решение. Ценный человечек, амбиций только навалом, и приручать его, когда он, оголодав, вернется, придется не год и не два. Куда как проще с остальными — поотбирать у щенков ножи, почаще советоваться с ними по пустякам — заслужили! — и подкармливать одного-двух осведомителей, к примеру, Маркуса...

— Йо-хо, — позвала Вера.

— Чего тебе?

— А если он не придет?

Питер мрачно оглянулся на нее через плечо.

— Поговори еще у меня...

Но он сказал это про себя, и Вера не услышала.

33

Стефан почти уже одолел перелаз, когда по частоколу — словно гвоздь вбили одним ударом — тукнула первая стрела. Он с усилием перебросил тело через острия бревен, и тут же следующая стрела выбила крошку из гранита шагах в десяти — торопясь задеть, стрелок сорвал спуск, да и целиться под таким углом ему было несподручно. Бежать! Уйти как можно дальше, пока Зоя не успела поднять тревогу. Он обманул всех, показав, что готов на отчаянный и бессмысленный шаг, заставил их ждать его там, куда он не собирался. Он ошибся только раз: когда полез к стреломету и совсем как в отравленном ночном кошмаре увидел прямо перед собой черную дырку разрезного ствола и услышал грозное гудение пошедшей стрелы. Что-то хлестко ударило о край люка и срикошетировало со звоном. Заорав, он ссыпался вниз, не попадая ногами на ступени трапа, и кинулся прочь, потому что ничего другого ему не оставалось, спасение было в ногах, а стреломет остался цел, и стрел, как видно, было в достатке. По

восторженному реву Стефан успел осознать, что ему еще повезло: со стрелометом, прогнав Зою, управлялся Дэйв — этот сперва стреляет, потом целится, мазила редкостный.

Стефан бежал. Коридоры сменялись трапами, а трапы — новыми коридорами, ответвлениями, темными пастями коммуникационных шахт. Казалось, корабль не кончится никогда и все так же будет гол, пустынен и тих, но он все же кончился, и только тогда, будто ждала этого специально, завыла низким тянущим воплем сирена общей тревоги — прерванная охота готова была возобновиться. У самого лацпорта откуда-то сбоку вынесло Илью. Стефан с криком прыгнул на него, оторопевшего, отшатнувшегося от крика, но все же успевшего выхватить нож, уделал ногой в живот, а потом еще раз и еще, так что можно было надеяться, что Илья немного полежит, прежде чем ему захочется вновь принять участие в охоте.

Дайте мне уйти. Я вас не тронул, хотя мог бы это сделать. Вам все равно не перекрыть доступ ко всем системам, сколько ни старайтесь. Может, и нужно было это сделать — для вас же, хотя этого вы не поймете никогда. Но я не смог... Наверно, потому что я не настоящий капитан. Настоящий смог бы и заставил бы вас потом превознести его до небес — а я прошу вас только об одном: дайте мне уйти...

Пандус. Постройки лагеря, и надо петлять между постройками. Прищуренный взгляд стрелка — сверху вниз...

Он бежал, укрытый от новых стрел частоколом, а когда частокол кончился, повернул к озеру и наддал зигзагами. У берега кое-где можно укрыться за гранитными складками и выбраться перебежками из зоны обстрела, а там — в лес, в лес! Гоняют, как зайца... Он не чувствовал под собой ног, только свирепо резало в легких и временами темнело в глазах. Он не знал, сколько раз по нему стреляли со сторожевой площадки, один лишь раз он услышал стрелу, и то потому, что она, как шершень, прожужжала над самым ухом.

Добежав до берега, он оглянулся на лагерь. Ворота в частоколе были подняты, из них выбегали крошечные черные фигурки и расходились веером, беря в облаву. Какое-то время казалось, что он успеет в лес раньше их, но они бежали куда быстрее, им не надо было петлять, уходя от стрел, они не так устали, как он, и их не травили ядами в пирожных...

Тогда он бросился в озеро и поплыл.

Еще две стрелы, чмокнув, ушли в воду рядом с ним — шагах в трех справа и прямо перед носом. Больше с площадки не стреляли, и вскоре Стефан, экономя силы, перестал нырять. Черные фигурки стояли у уреза воды и смотрели, как он плывет. Был ли среди них Питер, Стефан не видел. Это оставалось за спиной — люди, их проблемы и склоки, балансирование на проволоке над их головами и долгое-долгое ожидание падения. А впереди было озеро — холодная ровная даль, гладь воды и больше ничего до самой смерти.

ИНТЕРМЕЦЦО

— Он что, псих, потомок твой Стефан?

Тут как тут.

— Почему?

— Как это почему? Сам же писал: все равно не перекрыть доступ ко всем системам... Я бы на твоем месте дал Стефану больше степеней свободы. Кстати, и тайник с консервами очень бы ему пригодился. Не могу поверить, чтобы такой типчик, как Стефан Лоренц, ни с того ни с сего начал вдруг рефлексировать, как особь омега. Псих и есть.

— Как у тебя все просто: рефлексировал... Да он просто не смог, вот и все. Наверно, для каждого существуют запредельные поступки — то, чего нельзя. Человеку некого винить в том, что он устроен так, а не иначе.

Смешок.

— Хорошая фраза, запиши. Вдруг пригодится. Только учти: чем больше ты пишешь, тем дальше отходишь от того, как было на самом деле.

— Да неужто?

— Представь себе. Между прочим, теперь это тебя не очень-то занимает, я не прав? Тебя ведь уже начинает волновать простейший и, в общем, простительный шкурный вопрос: то, что ты пишешь, — доживет ли до нас, чтобы мы могли похихикать?

Хватил... И думает, что по больному месту.

Он все-таки дурак. Или вправду свято верит, будто между качеством текста и его долголетием существует хоть какая-то разумно объяснимая связь. Свежо предание...

Сейчас я дам ему сдачи, и больно.

— Так что там произошло на самом деле? Боишься разболтать? Посодют? — Делаю ударение на «о» и «ю».

Он все еще чувствует свое превосходство.

— У нас другие методы...

— Самое главное ты уже разболтал, — говорю я медленно и злорадно. — Теперь я точно знаю, что человечество, что бы с ним ни случилось, переживет ближайшие столетия, что вы *там* живы, а больше ничего мне от вас и не надо...

Молчание.

Не надо ли?..

Иногда я довольно ловко вру.

Из телефонной трубки не валит дым, и на том спасибо.

Ту-у... ту-у... ту-у...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

На Земле заканчивался очередной век, по обыкновению отягощенный хвостом пророчеств и туманных знамений.

Словно переход из одного столетия в другое означал нечто большее, чем прибавление единицы к четырехзначному числу, словно рубеж столетий был преградой, за которой скрывался незнакомый опасный мир, коверкающий человеческую сущность по собственному разумению, неотвратимое приближение преграды сопровождалось опасениями и легковерием. И, несомненно, если бы людей спросили о добровольном желании преодолеть эту преграду, половина из них ответила бы решительным «не хочу». Неожиданно для многих выяснилось, что уходящий век был вовсе не так уж плох.

Ждали. Боялись. Надеялись.

Говорили, что новейший проникающий аппарат для зондирования Будущего, запущенный под строжайшим контролем секретной комиссии Объединенных Наций, сумел вернуться и доставить образцы, коими при внимательном исследовании оказались капельки тумана самого заурядного химического состава.

Говорили, что на корриде в Памплоне некий бык, вдруг перестав гоняться за досаждавшими ему бандерильерами, рогом начертал на песке арены внятное кастильское: «Не подходи — убью!» — и, когда ему все же не поверили, привел свою угрозу в исполнение.

Говорили, что закон о репрессиях за преследование реэмигрантов с Новой Терры, Новой Тверди и Новой Обители будет принят единовременно и повсеместно.

Говорили, что в Мировом океане вновь появилась рыба.

Даже самые терпеливые перестали ждать конца света, обещанного еще в 2146 году. Некоторые, впрочем, уверяли, что конец света уже наступил, только никто его толком не заметил.

Говорили, что как пить дать.

Говорили, будто конституционный монарх одной из азиатских держав велел сделать себе на груди наколку «А король-то голый!», чтобы, будучи одетым хотя бы в плавки, приятно сознавать, что и короли иногда ошибаются.

Говорили, что будет хуже или лучше, но как-нибудь будет обязательно.

О том, что надо меньше говорить, говорили особенно красноречиво.

Говорили тенором, баритоном, басом, фальцетом, контральто, сопрано, дискантом и альтом. Шепотом тоже говорили.

Глухонемые говорили пальцами.

Серобактерии и сине-зеленые, заброшенные в атмосферу Венеры, мутировали и отказались сотрудничать с людьми.

Космический транспортник под флагом Либерии обнаружил 237-й естественный спутник Сатурна размером 1,5х3 метра за две секунды до столкновения с ним, после чего спутник перестал существовать, а корабль доковылял до ремонтной базы.

Правительство Оттоманского Союза приняло решение перенести столицу из Пензы в Астрахань.

Конфессия христиан-нонконформистов публично объявила видимую Вселенную ничем иным, как одним из забракованных Господом черновиков мироздания, и призвала к поиску чистовика в параллельных пространствах. Кое-где прошли волнения, вызванные терминологическими неточностями формулировок.

Извержение Эльбруса вошло в историю как крупнейшее за последнее тысячелетие, превзойдя своей мощью взрыв Тамбора в 1815 году.

Цепляясь за планету, копошилась жизнь, а разум, цепляясь за жизнь, как былинка цепляется за палимую солнцем скалу, возвеличивал то, что ниспровергал вчера, и ниспровергал возвеличенное, проникал и устремлялся, бился в неразрешимое, отступал и устремлялся снова.

И не было этому конца.

2

Форель попалась громадная — дернуло так, что цветной шнур исчез под водой мгновенно, как его и не было, и тут же рвануло с такой яростью, что Стефан едва успел погасить рывок удилищем. Леса отчаянно заметалась. Теперь должно было начаться самое интересное — тот полный душевного трепета момент, которого ждет каждый любитель ловли нахлыстом и ради которого он готов часами, оскальзываясь на придонных валунах, бродить, коченея, по пояс в бурлящей воде, держать равновесие в бестолковых струях и сносить плевки холодной пены, зато результат... м-м... о результате можно писать поэмы, даже если улов составит один-разъединый недокормленный хариус калибром с мойву. Даже если клевать не будет совсем.

Потому что улов не главное, меланхолически размышлял Стефан Лоренц минуту назад, навязывая на шнур очередную мушку. Главное — искусство, удовольствие, как скажет любой промокший рыбак, возвратившийся с неудачной ловли, в ответ на сардонические вопросы жены. И он будет прав. И еще более он будет прав тогда, когда пошлет подальше любого, кто напомнит ему его слова в тот момент, когда рыба — настоящая рыба, не недомерок — попалась и бьется на крючке, имея все шансы уйти, если только рыбак допустит малейшую оплошность...

Он осторожно стравил немного лесы — форель металась из струи в струю с остервенением плохо загарпуненного кашалота, — сделал шаг к берегу и присвистнул: на прибрежной каменной россыпи возле самого рюкзака с уловом сидел и алчно принюхивался здоровенный бурый медведь. Надо было полагать, что из лесу он вышел не только что, поскольку успел уже освоиться и не обращал никакого внимания на ненормального, забравшегося в резиновых штанах на середину реки, где, по-видимому, ненормальным самое место. Намерения зверя просматривались явственно: в первую очередь его интересовал десяток хариусов, покоящихся на дне рюкзака, интересовали его и две мелкие форели, покоящиеся там же, а на человека он плевать хотел, и только когда человек завопил и замахал руками, показав нежелательную заинтересованность в развитии событий, медведь не спеша поднялся на задние лапы и нехотя, ритуально рявкнул. «Брысь!» — еще громче

заорал Стефан и оступился. Вода покрыла его с головой, она была белая от воздушных пузырьков и беснующаяся сотнями маленьких водоворотов, ей совсем не нравилось течь спокойно, больше всего ей хотелось бы вынести человека в основную струю и кубарем прокатить его от начала порога до конца, дабы неповадно было лезть куда не надо, но Стефан уже нащупал ногой новый камень и выпрямился, фыркая и отплевываясь. Удилища он не выпустил, и, как ни странно, форель все еще была на крючке. Его снесло ниже, но отсюда было нетрудно выбраться на берег. Медведь на берегу допросился-таки: в кармане рюкзака сработал инфразвуковой сторожок, и зверь, обиженно тряся косматым задом, с паническим ревом галопировал в лес.

Трепещущая форель полетела в рюкзак, а Стефан подумал о том, что было бы неплохо развести костер, но возиться с ним было лень. Он снял с себя всю одежду, разложил ее для просушки на прогретых солнцем камнях, поплясал для обогрева и провел ревизию свежих синяков и ссадин. После купания снова лезть в воду не хотелось совершенно. Рыбацкий азарт не вполне еще угас в нем, и в принципе можно было порыбачить еще, но ни один уважающий себя нахлыстовик не станет забрасывать мушку с берега, как какой-нибудь лопоухий новичок, вчера купивший спиннинг и воображающий, что способен обставить настоящих асов нахлыста в этом великом искусстве, в то время как способен он только на то, чтобы распространять дурной тон.

— Ладно, — сказал он вслух, складывая спиннинг, — рыбы им хватит. А не хватит, пусть сами идут и ловят.

С час он валялся на валуне нагишом, млел, ловя кожей бледный северный загар, и неодобрительно щурился, рассматривая медленно наползающую с запада облачную гряду. Солнце спряталось. Ворча, Стефан натянул на себя влажную одежду и постучал зубами на ветерке. Вот так и зарабатывают ревматизмы с радикулитами, подумал он. Ну да ерунда, не нодью же мастерить, когда до дому всего час ходьбы и нет других дел, кроме осмотра кривой сельги по-над болотом. Крюк, но небольшой.

Охотничий карабин висел на плече. Видно было, что от реки медведь пер напрямик через холм, как чемодан «Боль-

шой Берты» при низкой наводке, с той существенной разницей, что чемоданы не оставляют с перепугу жидкого следа; вот тут он ломился через можжевельник, только рев стоял, и сокрушил титанический муравейник, а вот тут — мох с камня содран широкой полосой — он карабкался на гранитный увал, не сообразив сдуру его обойти, и еще минут пять Стефан шел по следам панического бегства, только потом медведь сбавил галоп и свернул вкруг болота. Странный какой-то медведь: и незнакомый след с обломанным когтем, и пуглив не в меру. Не мой медведь. По соседнему участку тянут дорогу на Вокнаволок, вот его, наверное, и шуганули, бедолагу. Вообще-то на случай интимной встречи с медведем требуется кое-что посерьезней этой пукалки, но ягодным летом хозяин смирный — сытый и умный. Может долго преследовать по следам и не напасть, если только не подранен каким-нибудь глупым мерзавцем. Бывают, конечно, исключения... Стефан похихикал, вспоминая, как прошлой весной отсиживался в сарае, в то время как медведь крушил во дворе мачту энергоприемника, и как потом, стремглав перебежав в дом, полдня не смел высунуть оттуда носа. И что медведю в мачте не приглянулось? Мачта как мачта.

Он шел по кромке сельги, обходя валуны, присматриваясь к малейшим изменениям. Разбросанные перья рябчика — охотился горностай. Соль у большого валуна олени еще не обнаружили, а ту, что в лощине, слизали подчистую. Рысь Фимка увела выводок глубже в лес, натаскивает потомство на глухарей да зайцев. Лёт черных усачей только начался, но уже видно, что их меньше, чем в прошлом году, и это хорошо — лес сам себя защищает, и не нужно завозить дятлов. За браконьерским самострелом недавно приходил хозяин — и матерился же, наверно, найдя затвор вынутым, а «глаза», естественно, не обнаружил, хотя заметно отчетливо, что искал. Заматерится еще не так, обнаружив в почтовом ящике повестку в суд. Поделом. Глупый, конечно, — умные не попадаются.

Он шел, придерживая карабин, радостно чувствуя легкую приятную усталость, а что одежда не высохла, так переживем, потом высохнет, а дома ждет уют, и непременный стаканчик клюквенной, и извергающаяся вкуснятиной огненная печь — люблю кулинарить! — и, естественно, фирменное вино из морошки, пото-

му что еще до вечера приедут друзья, лучшие из немногих... полтора, кажется, года не виделись... ну да, полтора и есть, зима еще стояла сверхснежная, снегокат из сугроба втроем тянули, да так и повалились друг на дружку, гогоча, как мальцы... Ах, какое это счастье, и как это просто и естественно, естественно-просто — идти и идти по лесу в погожий день, идти к друзьям с уловом, обходя выпестренные лишайником валуны, топча сапогами толстый пружинящий мох, вдыхать густой сосновый дух, иногда наклоняться нестарым еще, крепким телом, чтобы швырнуть в рот ягодку черники, замечать и работу белки над шишкой, и проползшую в багульник изящно-глянцевую гадюку, и первый пробившийся из мха оранжевый подосиновик на толстой ноге, легко размышляя о том, что, наверно, нигде во Вселенной нет такого места и леса, в котором так легко дышится и не надоест прожить целую жизнь, а ведь лес еще не все — есть в нем и дом за оградой, построенный для себя своими руками, и сарай, и энергоприемник на заново возведенной мачте, и обе баньки — финская и русская, а рядом природный бассейн в ручье, где можно добиться, чтобы вода покрыла тело почти целиком, если упасть горизонтально и поерзать между камнями. А крепкие сосны, обнимающие корнями скалы? А северная красота, не запечатлимая ни на чем и никем почти не запечатленная? Вот, кстати, вопрос — почему? То ли лентяями были великие пейзажисты, то ли в средствах стеснение имели, а только дальше Днепра или соснового бора средней полосы — ни ногой. А может, были они просто умными людьми и запечатлевали то, что надо запечатлевать, оставляя в покое то, что надо всего лишь чувствовать тому, кто умеет? Возможно. Надо будет спросить об этом Маргарет, она тонко чувствует, а от Пита, как обычно, ничего не дождешься, кроме «сдаешь ты, старик... к делу тебя надо, а не к лесу... ты же готовый первопроходец, хочешь, поговорю о тебе с кем надо?». Нет, вы хорошие ребята, свои в доску, но как хотите, а эту тему я вам развивать не дам. Отстаньте. Мне и здесь хорошо — лучше не бывает. Это вам не хождение по мукам за три моря, это — удовольствие!

А ведь врешь, скажут: а заунывные дожди неделями? а зимняя темень? а комарье, к которому ты уже привык настолько, что не чувствуешь его в самое комариное лето? а гнус, к которому привыкнуть невозможно, потому что любимое его заня-

тие — заползти за ухо и уже там откушать вволю, да так, что опухшие уши горят адским пламенем и очень хочется оказаться дома и запихнуть голову в морозильную камеру... Бывает? Еще как бывает, только все это ерунда, и вы, мои хорошие, голову мне не морочьте, не выйдет. И не такие морочили, а чего добились, кроме пшика? Не нужны мне ни ваши города, ни твой, Пит, космофлот, ни в особенности Новая Твердь, Новая Терра и Новая Обитель. Побежали оттуда эмигранты — ведь побежали, Пит, спорить не станешь? — сам их возишь и знаешь лучше меня, что мы зацепились за колонии лишь молодежью, что выросла уже *там*, а старики вроде нас с тобой возвращаются обратно в шум, в тесноту, в отравленные города — а почему? Потому что — Земля. И правильно, так что о новой волне эмиграции ты мне не пой, дружище. То ли где-то наконец поняли, что Землю нужно очищать не только и не столько от человечества, то ли решили, что человечество не настолько ценный злак, чтобы засеивать им Вселенную... Давно пора понять. Да и что засеивать-то, Пит? Общеизвестно, что мир представляет собой одну большую дырку без бублика, а вот относительно существования бублика в прошлом источники расходятся во мнениях: одни утверждают, что бублик-де некогда существовал, да был съеден; другие же категорически утверждают, что его пока и не было, ибо развитие идеи бублика начинается с дырки, которая уже имеется, а дальше, как говорится, дело наживное... Шучу, шучу. Нельзя об этом шутить, а я шучу. Весь фокус в том, что ты ничего не сможешь мне возразить, Пит, а если и сможешь, то как-нибудь по-дурацки, потому что втайне ты мне завидуешь, хотя и вбил себе в голову, что это я должен завидовать тебе. А с какой стати? Молчишь...

3

— Нет и нет, — сказал Питер и укусил пирожок. — М-м... вкусно... Знаешь, тут ты настолько не прав, что я даже не хочу с тобой спорить. Ты, старик, просто не в курсе: реэмиграция — это как мода, скоро на спад пойдет. Уж ты мне поверь: обратные рейсы у меня всегда полупустые, а туда набиваются — корпус

трещит. Слышал, наверно: недавно еще один кислородный мир нашли, уже пятый, так там, говорят, просто рай...

— Ты его видел? — перебил Стефан.

— Допустим, не видел, что с того? Я же рейсовый: Земля — Твердь, Твердь — Земля... Допустим, слышал от заслуживающих доверия. Уверяю тебя, рай, притом незагаженный.

— У меня и здесь рай незагаженный, — возразил Стефан. — Ты что скажешь, Марго? Правда, рай?

— Пожалуй. — Маргарет кивком показала на окно в пятнах алых бликов. Красный закатный шар пробирался сквозь лес к холму за ближним озером, и деревья вспыхивали. — Там-то рай, а вот вы мне оба надоели — который раз спорят и который раз ни о чем.

Питер захохотал, откинувшись на стуле. Стефан улыбнулся:

— Твоя жена нас не понимает.

— Где уж ей, — сказала Маргарет. — Что вообще может понимать женщина? Только то, что мужчины еще глупее, чем хотят казаться, и воли им давать не нужно. Больше ничего. Дети малые, одно слово. То борьбу затеяли, то поспорить им удовольствие, а у кого уши вянут.

— Это у кого же? — спросил Питер.

— Ты ее слушай, — поддакнул Стефан. — Твоя жена умная женщина, скажешь, нет? Внучка-то в нее? Ну то-то. А на лопатки я тебя сегодня положил, а не ты меня. Вот возьми еще пирожок и не морщись.

— М-м! — Питер отхлебнул клюквенной, послушно заел пирожком и закатил глаза в блаженстве. — Рай не рай, а кормишь отменно. Где такую шамовку берешь?

— Копченый сиг, а вот эти с лосятиной. В общем, что охраняю, то и имею. Кстати, тут на соседнем участке требуется младший смотритель — замолвить за тебя словечко?

Питер поперхнулся.

— Опять за свое? — грозно спросила Маргарет.

— Молчу, — Стефан поднял руки, сдаваясь, и похлопал в ладоши над головой. — Жаркое!

Дух от жаркого из лосиной вырезки был умопомрачительный, а под копченую на ольховом дыму щуку и слабосоленую розовую семгу степенно поболтали о том, что семги нынче мало, зато

щука в реке расплодилась в количестве ненормальном, вот она семужью молодь и выедает, и никто ее толком не ловит, поскольку заповедник, а одному смотрителю с такой прорвой вовек не управиться, хоть каждый день приглашай к себе гостей с отменным аппетитом, и вообще щука по-настоящему не рыба, а крокодил — верно, Марго? Поговорили о крокодилах, земных и твердианских, затем Питер поинтересовался, ловятся ли здесь раки, на что Стефан помотал головой, а Маргарет заявила, что раки на Севере не водятся, пора бы Питеру хоть сколько-нибудь ориентироваться в земных экосистемах, и Питер тут же спросил, водится ли здесь пиво. Пива он не получил и согласился удовлетвориться вином из морошки под новую рыбку, о породе которой даже Маргарет не смогла сказать ничего определенного, Питер же методом исключения выяснил, что это не кит, а больше ничего не выяснил. Оказалось — палья. Потом Питер сказал «уф» и отвалился от стола, а за ним сказал «уф» Стефан и тоже отвалился. Маргарет потеряла из виду утекшую из-за стола Джей — «ну я этой девчонке!» — не докричавшись, стали втроем искать в предвкушении воспитательного момента (Стефан шутя предложил разбить дом на квадраты) и нашли в сенях за игрой в реконструктор.

— Положи игрушку сейчас же! Будешь еще прятаться? Будешь?

— Не-а.

— Сколько раз тебе говорить, чтобы не играла в эту дрянь? Будешь послушной девочкой?

— Не-а... Ладно, буду.

— Ну тогда еще морошки возьми. Или пирожок.

— Не-а. Пузо болит — слюнев объелась. Ба, а мы сегодня в лес пойдем?

— Джеймайма Энджела Пунн! — строго сказала Маргарет. — Сейчас ты умоешься, почистишь зубы и ляжешь спать. Понятно? Ночь на дворе.

— Не хочу спать! Не хочу! Ночью солнца не бывает! Деда, скажи ей! Дядя Стефан! Я не хочу спать!

— Накажу, — пообещала Маргарет.

— А мне лень наказываться. Ну хоть немножечко погуляем, ба! Ну хоть до озера...

— Завтра погуляем, — сказал Стефан. — Обязательно. Я вам такие места покажу — ахнете! Только уговор: по дороге не разбегаться, а где скажу, там вообще от меня ни на шаг. Есть тут один участочек — мины еще с маннергеймовских времен под самым мхом. Насквозь ржавые, а на прошлой неделе один лось подорвался. Такая вот археология. Я одну выковырял, ее в руки брать можно — не рассыпается. Хорошо лежала.

— Лось, говоришь? — Питер с сомнением посмотрел на остатки жаркого. Джеймайма пискнула от удовольствия.

— Лось, — сказал Стефан. — Что я вам, браконьер?

— Мне сейчас тошно станет, — морщась, заявила Маргарет. — Фу! Падальщик. Уж от кого, от кого, а от тебя никак не ожидала.

— Свежатина! — закричал, протестуя, Стефан, а Питер опять захохотал. — Нет, правда, чего ржешь? Какая тебе разница, от чего он помер, не от яда же. Я тогда руки в ноги и на взрыв побежал, думал — рыбу глушат. Мясу-то для чего пропадать? Ты мне лучше вот что скажи: тебя в твоем космофлоте хоть раз настоящим мясом кормили?

В споре выяснилось, что однажды все же кормили — тем самым твердианским крокодилом, существом флегматичным, неопасным и отчасти пригодным в пищу. Вот напитки на Тверди правда дрянь, зато какие местные девочки стол накрывали — это ж умереть можно!..

— Ну-ка, ну-ка, — сказала Маргарет. — Об этом, пожалуйста, подробнее.

— Пег, я абсолютно не...

Стефан засмеялся.

— А я тогда, честно сказать, глядя на тебя, в космофлот пошел, — признался Питер и потянулся за вином. — Пег, ты это брось... Я совершенно трезв. Да, о чем я? Ага. Я ведь надеялся, что мы с тобой в один экипаж попадем, а ты и съюлил с полдороги в кусты... Верно, Пег?

— Чего я никогда не мог понять, — заметил Стефан, — это почему у вас, англосаксов, Маргарет и Пегги — одно и то же?

— Съюлил в кусты!..

— В кусты, — согласился Стефан. — В деревья. В камни. В озера. И очень хорошо сделал, что съюлил. Я вот что думаю:

хорошо, что нас тогда из Канала обратно выбросило. Я крокодилов не люблю — что мне на Тверди делать?

— Это ты так думаешь. Отец как — здоров?

— Здоров, что ему будет. Вышел в отставку аж в шестьдесят, живет в Тарту. Мы иногда созваниваемся. Крепкий старик и упрямый. Все пытаюсь подбить его на мемуары, а он: кому это нужно? Мне, говорю, нужно. Обойдешься, отвечает. Для внуков он, может, и написал бы, а для меня ему неинтересно.

— Ты второй раз так и не женился? — спросил Питер.

Стефан махнул рукой и успел поймать блюдо с рыбой.

— Одного захода хватило. Какой только глупости не сотворишь по молодости.

— За холостяков! — провозгласил Питер, поднимая стакан. — До дна!

— Что-то вы быстро спелись, — сказала Маргарет. — Он что, уже нажаловался?

— Ему-то грех жаловаться, — возразил Стефан. — Отбил вот, не спросив... В жизни не прощу! Дуэль!!

— А ты где был, когда я отбивал? — парировал Питер. — У кого и отбивать-то было...

— А? — прищурилась Маргарет. — Что скажешь?

Джеймайма хихикнула.

— Э, так не пойдет! — закричал Стефан. — Что дурак был — да, согласен, он самый, а вот что слепой — извините! Все видел! Если не приставал к тебе, то только потому, что ждал, когда ты ко мне приставать начнешь!

— Нет, вы видели! — возмутилась Маргарет. Питер откинулся на спинку стула и заржал. — Каков фрукт! А знаешь, я тебя побаивалась тогда, на корабле: как же — сын капитана! в рубку вхож! А вот на него совсем не обращала внимания, надоел он мне до смерти...

— Спасибо, — поклонился Питер.

Вспомнили Ронду, Людвига и остальных, поспорив о том, кто на кого обращал тогда внимание и во что это вылилось впоследствии. Отбивая ладонями такт, спели хором «Контрабандные товары», потом Стефан спел «Грызет меня комар» и сорвал аплодисменты, а чуть погодя появился вареный лосиный язык, нарезанный ломтиками, и его съели, хотя казалось,

что больше ни единой крошки впихнуть в себя не удастся, вслед за чем Маргарет сообщила, что непременно умрет на месте от разрыва кишечника, а Питер, нашедший место еще для стаканчика клюквенной, вдруг бодро заявил, что готов подумать о месте младшего смотрителя после выхода в отставку, чем привел Стефана в ликование. Было в этом что-то такое, что могут оценить лишь старые друзья — сидеть за столом, наблюдая в окно катящийся по склону холма колобок солнца, и изводить время на пустой треп, скрещивать выпады и контрвыпады, пресекать всякие воззвания к здравому смыслу, с неутомимой легкостью накручивая одну глупость на другую, и при этом чувствовать, что все трое абсолютно, немерено счастливы и нет во всей Вселенной ничего такого, что могло бы помешать этому счастью. И не может такого быть.

По небывалой тишине фона заподозрили неладное и, разумеется, опять хватились внучки. Процедура поисков и ауканья повторилась с той незначительной разницей, что Джеймайму на сей раз обнаружили не в сенях, а в стенном шкафу, и опять-таки с любимой игрушкой на коленях. Реконструктор был включен и показывал картинку, звука не было слышно за педагогическим хором, а Джеймайма, увернувшись от шлепка, показала язык и объявила, что готова лечь спать при условии, что завтра ее покатают по озеру, но только чтобы там и в помине не было водяного слона, а рыбе разрешено быть, пусть плавает.

— Что еще за водяной слон? — спросил Стефан, когда Джеймайму удалось уложить в кровать. — Мы в свое время больше историей увлекались, помнишь, Пит? Саламин там, Канны и прочее. Одну Фарсальскую битву прокручивали раз тридцать с разными вводными, и, насколько я помню, Цезарь побеждал только раза два...

— Один раз, — уточнил Питер. — Я точно помню.

Перебивая друг друга, вспомнили и то, что в одном из прокрученных вариантов Цезарь после поражения бежал в панике в Египет, а настырный Помпей получал в дар его голову и путался с Клеопатрой, и то, что республика в Риме вскоре гибла — с большим или меньшим кровопролитием, в зависимости от вводных, но гибла неизменно, сколько вариантов ни прокручивали... Да, а что за водяной слон-то?

— Она *нас* прокручивает, — объяснила Маргарет. — Я когда первый раз увидела, прямо в ужас пришла. Думаешь, почему она на тебя поначалу букой смотрела? Ума не приложу, что с паршивкой делать, какой-то совершенно извращенный ум. Знаешь, какие вводные? Мол, нас — тех еще! — вышвырнуло из Канала где-то у черта на рогах, причем взрослые дружно перемерли на какой-то ненормальной планете, а дети перестали взрослеть. Представляешь?

— Это как — перестали взрослеть?

— А вот так.

— Любопытно, — ухмыльнулся Стефан. — Я бы лично не возражал найти такую планету, где не взрослеют: на шестом десятке взрослеть что-то уже не хочется... Хм, это она сама додумалась? С фантазией внучка, поздравляю. А в чем, собственно, ужас? Нормальная групповая робинзонада, увлекательно даже... — Маргарет передернуло. — Нет, а что? Я бы взглянул одним глазом.

— Взгляни, взгляни, — сказала Маргарет, — не пожалей только. А я лучше уйду, не хочу себе настроение портить...

Но она не ушла, пробормотав: «Хуже наркотика, ей-богу», и, сложив руки на коленях, тоже стала смотреть.

4

— Ты прости, — сказал Стефан. — Ни о чем другом не могу говорить, понимаешь?

— Ни о чем другом говорить и не нужно, — отозвалась Маргарет.

Они сидели на нагретом полдневным солнцем камне. В двух шагах ниже них озеро глодало скалу. Ворча в камнях, надвигалась вода, облизывала шершавые плиты. Откатывалась. Маргарет казалось, что за два дня, прошедших со времени бегства, кожа Стефана сделалась темной, как камни.

— У тебя пальцы еще не трескаются? — спросила она.

— Что? — не сразу понял Стефан. — А, нет, еще нет. Спасибо.

— Упустишь — будет больно, — предупредила Маргарет, — особенно с непривычки. Хочешь смажу?

Пока она мазала ему руки, он молчал. А когда она, удовлетворенно хмыкнув, убрала коробочку с мазью в карман куртки, он спросил, стараясь придать голосу как можно больше равнодушия:

— Ну и как там в лагере?

— Живем, — так же фальшиво-равнодушно, как Стефан, сказала Маргарет. — Отчего не жить? А хуже или лучше... вот завтра кончится праздник, тогда и увидим, хуже или лучше...

— Какой опять праздник? — Стефан растерялся, не сразу сообразив. — А, ну да, ну да. — Он коротко и зло хохотнул. — В честь избавления праздник. Понимаю. Без праздника нельзя... Неужели целых три дня?

Маргарет кивнула, подтверждая, и Стефан уже прикидывал в уме, насколько придется увеличить ежедневную норму добычи торфа, чтобы в обозримые сроки ликвидировать прорыв. Прикинув, он присвистнул и покачал головой. Н-да... Зря Питер расслабил людей, как бы потом не пришлось кусать локти. Незаслуженные потачки до добра не доводят. И торф будет недосушенный, а синтезатор этого не любит...

— Он что, вправду сумасшедший?

— Вряд ли. — Маргарет улыбнулась. — Знаешь, по-моему, он соображает лучше нас с тобой. Рискует — это да. Пока ему в рот смотрят, можно и рисковать. Он говорит, что теперь каждый должен работать за двоих, чтобы в кратчайший срок накопить запас продовольствия для переброски лагеря через водораздел. И что сильное и свободное общество, сильные и свободные люди... Он теперь вообще много говорит.

— Я уже считал, какой это будет кратчайший срок, — перебил Стефан. — Год как минимум.

— Меньше, — сказала Маргарет. — Они лишат Джекоба молока и высвободят синтезатор. Джекоб им не нужен.

— Питер так решил?

— Не надейся, что он такой осел. Будет голосование. Результат известен заранее даже Джекобу.

— Скоты, — устало сказал Стефан. — Что с быдлом ни делай, оно всегда останется быдлом. До Абби и малышей они тоже добрались?

— Пока нет.

— Доберутся. Кому нужны слабые и душевнобольные, верно? А остальные надорвутся на торфе. — Стефан подобрал кусок песчаника, раскрошил его в кулаке и бросил в озеро. — Вот что с ними будет. Через год от нас останется половина, и не лучшая.

— Через год здесь вообще никого не останется. — Маргарет искоса посмотрела на Стефана. — И большого запаса не нужно: Питер говорит, что намерен поднять «Декарт».

— Ну? — Стефан даже вскочил. В висках часто застучало.

— А что, не получится? — с интересом спросила Маргарет.

Стефан сел. В голове была каша вперемешку с черной пустотой: Питер Пунн в ходовой рубке корабля, почему-то с мокрым веслом в руках, смуглый красавец Питер Пунн, дочерна загорелый первопроходец, рыцарь без страха и упрека; затем полоса пустоты; затем фраза Маргарет: «Видишь ли, у него есть интересные идеи...» — и снова пустота, и яркая, в мельчайших подробностях зримая картина: нудный вой маршевых двигателей на малой тяге, медленно и криво уходящий в небо безносый «Декарт», яростная струя пламени, бьющая в крошащийся гранит из пробитой кораблем дыры в дождевой туче... Брошенный опостылевший лагерь, оставляемое навсегда проклятое болото. Это должен был придумать я, с острой запоздалой досадой подумал Стефан. Я, а не Питер.

— Может получиться, — с неохотой признал он. — То есть я хочу сказать, что теоретически это возможно. Не за год, естественно. Года три на серьезную подготовку — тогда, может быть, даже без носовой надстройки... Опасно, конечно, на маршевых... Надо подумать. Взлететь-то он, пожалуй, взлетит, а вот где и как он сядет?

— Не знаю, — сказала Маргарет. — Ты все еще думаешь, что Питер глупее тебя?

— Никуда он не полетит, — уверенно сказал Стефан. — Именно потому и не полетит, что не глупее. И похода по воде тоже не будет. Зачем он ему теперь?

— Завидуешь, — определила Маргарет.

— Завидую, — легко согласился Стефан. — Роскошная идея, между прочим.

— Видимая цель, — поддакнула Маргарет. — Год энтузиазма. Или больше? Ты с такой идеей сколько времени смог бы поддерживать энтузиазм?

— Не говори так, — попросил Стефан.

— А почему? Я не иронизирую. Людям нужна достижимая цель, даже таким уродцам, как мы. Ты никогда этого не понимал. Мы же люди.

— Кто бы сомневался...

Они помолчали. Большая неряшливая волна докатилась до ног Стефана и схлынула, оставив пену. Залив кипел: у водяного слона наступил очередной период размножения. Как всегда, слон делился на три равные части, из которых двум предстояло погибнуть, а третьей выпадал жребий выжить и продолжить существование. Чуя безнаказанность, в озере плескалась рыба.

— Как ты меня нашла? — спросил Стефан.

— Твой шалаш виден с башни в оптику. Анджей разглядел и сказал мне. Он даже видел, как ты выходил из воды. Тебе повезло, что тебя не тронул водяной слон.

— Водяному слону сейчас не до меня, — сказал Стефан.

— Сейчас — да. А позавчера?

Возразить было нечего. Стефан отлично помнил скользкий беспомощный ужас, охвативший его, когда к нему из глубины начала медленно подниматься бурая тень — и он отлично понимал, что это была за тень. Наверно, водяной слон был попросту сыт, иной раз случается и такое.

— Питер знает, что я здесь? — спросил Стефан, меняя тему.

— Может, и знает. — Маргарет равнодушно пожала плечами. — Может, Анджей уже всем разболтал. А может, и нет. Он на Питера в обиде: у него как раз новая идея из теоретической физики, а Питер его на торф, как простого смертного... Все довольны, кроме него. — Маргарет легонько усмехнулась. — А ты что, вправду Питера боишься? Так зря. Бояться нужно было раньше.

— Спасибо, — буркнул Стефан. — Я приму к сведению. Кстати, никто не видел, куда ты пошла?

— Подумаешь! — сказала Маргарет. — Всю дорогу дрожу от ужаса! Ну скажи мне, где Питер возьмет другого врача?

Тебя, между прочим, тоже никто не гнал. Считается, что ты сбежал сам.

— Вот так, да? Я и не заметил.

— Во всяком случае, облаву на тебя Питер устраивать не станет. Что ты ему теперь? Поголодаешь — сам придешь.

— А если не приду? — спросил Стефан и сглотнул.

— Куда ты денешься. Дай им выпустить пар, чтобы не побили, и возвращайся. Дней пять ты продержишься?

— Черта с два я пойду кланяться, — сказал Стефан. — За меня не беспокойся. Я здесь и год протяну.

— Ноги ты протянешь. Господи, да что я с ним вожусь, с идеалистом паршивым!.. Лучше скажи: ты сегодня что-нибудь ел?

— Я сосульку нашел, — угрюмо ответил Стефан.

— И только?

— Видел еще каких-то... знаешь, такие толстые червячки с четырьмя рожками, они еще все время цвет меняют. Есть одно место, там их полно. Возьмешь на анализ, а?

Маргарет фыркнула:

— Чернильников есть нельзя, это даже малыши знают. Ладно... — Она достала из кармана плоскую баночку. — Бери. Извини, что не сразу отдала. Злилась на тебя.

Стефан повертел баночку в руках. Жестянка не вздулась за сорок лет, и наклейка оказалась на месте. Это были анчоусы в маринаде. Вот, значит, как...

— Дашь попробовать? — спросила Маргарет.

— Кто? — Голос Стефана сел. — Когда?

— Питер, — ответила Маргарет. — Только тайник он не вчера нашел, уж будь уверен. Знал, куда идти, еще оглянулся по пути два раза. Нервно так... А я подсмотрела. Открыл он твой тайник, выбрал одну банку, тут же и съел прямо руками, пальцы облизал, а пустую банку опять в тайник поставил и иконой закрыл. Еще ящиком задвинул. Никто ничего и не знает.

Стефан застонал. Маргарет смотрела на него с сочувствием.

— Успокойся... Ну хочешь, я с тобой останусь?

— Это был резерв, — с трудом проговорил Стефан. — Понимаешь, наш последний резерв.

— Жаль, что там не оказалось молока, — сказала Маргарет. — Для Джекоба. Так дашь попробовать? Мне чуть-чуть. Анчоусы это что — рыба или фрукты?

— Рыба.

— Глупое название. Лучше бы фрукты. Я уже и не помню, какие они. Только названия.

Он ел анчоусы руками, как Питер. Потом ела она, а он смотрел, как она ест. Анчоусы Маргарет не понравились — или она сделала вид, что не понравились, — и Стефан, надрезав край жестянки, вывернул ее наизнанку и вылизал дочиста.

— Спасибо за нож...

— Возьми еще вот это.

— Замечательно. — Стефан повертел зажигалку в руках. Пощелкал — горела. — Где нашла? Ты молодец. Теперь не замерзну. Я уж было совсем собрался добывать трением... как Робинзон.

— У Робинзона было огниво.

— Разве? Не знал.

— Забыла спросить, — сказала Маргарет, — ты ведь пользовался тайником раньше? Для себя?

— Да, — сказал Стефан. — Один раз. Понимаешь, не удержался.

— Только один раз?

— Если честно, то два. Два раза. А что?

— Так... Я бы не поверила, если бы ты сказал «нет». Ты не бойся, я никому не скажу.

— Какая теперь разница? — пожал плечами Стефан.

— А вот вернешься — поймешь какая.

Маргарет, как всегда, была права, права на все сто, и Стефан это сознавал. Он согласится с Маргарет, согласится, но не сразу. Поддаться на уговоры сейчас — слабость. Даже свергнутый капитан остается капитаном в душе, его можно уговаривать и уговорить, но решения он принимает сам.

— Сказал уже — не вернусь.

Он сразу одернул себя. Как никогда, в его голосе прозвучали мальчишеские интонации. Обиженный упрямый мальчишка был тут как тут, жил в нем и не давал покоя.

— Будешь ждать, когда Питер им надоест, как ты? — язвительно поинтересовалась Маргарет. — Год будешь ждать? Два?

Пять? Имей в виду, каждый день обкрадывать для тебя тайник я не смогу. На мне еще малыши. Полезешь на огород за картошкой — тогда точно жди облавы.

И опять она была права, а он нет. Стефан понимал, что даже в Маргарет, лучшем человеке на борту «Декарта», жило вечное стремление взять верх над ним, Стефаном. Пусть, устало подумал он. Ей — можно.

— Говори уж, — сказал он. — Что ты еще припасла?

— А что, заметно? — удивилась Маргарет.

— У тебя глаза блестят.

— Ладно, — сказала Маргарет. — У нас есть шанс.

— Это я и без тебя знаю.

— Глупый, я о другом... Анджей назвал это дубль-эффектом. Проверить, конечно, не может, но говорит, что это самая красивая идея из всех возможных, а значит, она верна. Он много чего говорил, а если коротко, то получается что-то вроде зеркала. Канал схлопывается от периферии к центру. Срабатывает принцип макронеопределенности: через корабль... то есть через волновой пакет проходят оба устья Канала. При определенных условиях получаются два отражения, идентичных оригиналу. Одно выбрасывается в случайном месте, это мы, а второе...

— Ну? — тупо спросил Стефан.

— Второе — где-то еще. Анджей говорит, что второй «Декарт» скорее всего выбросило вблизи той точки, где он вошел в Канал. Представляешь?

— Погоди, погоди... — Стефан хмурился, тер лоб. «Какие отражения? Какое еще зеркало? Бред, бред толстого зануды! Одно время он рядился в солипсиста, во всеуслышание обозвал наш мир иллюзией и заявил, что приступает к разработке теории несуществующих процессов, — пришлось наказать, чтобы не отвлекался на пустое. Бездельнику лишь бы не копать торф...»

— Это значит, что тот, другой «Декарт», вернулся на Землю, — сияя, сообщила Маргарет. — Я ночь не спала, когда до меня дошло. Представляешь, где-то существую вторая я... второй ты... второй Питер. Только они настоящие взрослые, не как мы. Но это не важно. Главное — Земля знает!

Сердце Стефана ушло в преисподнюю, потом вернулось, ударило молотом и заколотило в безумном ритме.

— Ты погоди... — бормотал Стефан. — Погоди. Еще раз...

— Земля знает! — ликующе воскликнула Маргарет. — Если Анджей смог понять, то там, наверно, уже давным-давно поняли. Земля знает!

— То есть... нас ищут? — спросил Стефан.

— А вот этого я не сказала. Но нас могут искать. Понимаешь, могут!

Могут, подумал Стефан. Он неожиданно почувствовал, что ему не хватает воздуха. Могут, билось в голове чудесное слово. Гудело колоколом. Нас могут искать. Даже если они убеждены, что никого из нас нет в живых. Даже в этом случае, который они наверняка считают единственно возможным. Ищут же тела альпинистов, разбившихся в скалах, провалившихся в ледниковые трещины... Годы спустя — ищут.

Все так просто.

У дороги не бывает конца; конец одной дороги — всегда начало другой, кто бы и как бы ни пророчил иное в дни неудач. Пока хоть кто-то из людей может сказать себе «иди» и идти, дорога не кончится никогда. Тупиков не существует.

Если, конечно, Анджей прав...

Он должен быть прав. Иначе Вселенная устроена слишком жестоко.

— Это меняет дело, — сказал он вслух.

— Еще как! — Маргарет засмеялась.

Может быть, экспедиция, в задачи которой, помимо общей разведки, будут включены поиски пропавшего звездолета, прилетит на эту планету через пять лет. Или через двадцать. Может быть, она не прилетит никогда. С этой возможностью тоже нужно считаться. А может быть, земляне уже близко — кто знает, может быть, они уже подлетают к этой проклятой планете у проклятой звезды и челнок их корабля делает последний виток, перед тем как с ревом погасить свою скорость в атмосфере...

Они будут нас жалеть, подумал Стефан. Особенно поначалу. Они пришлют психологов, специалистов по реадаптации. Они замучают нас глупыми вопросами. И не сразу, а предварительно подготовив, чтобы не травмировать психику, скажут,

что где-то на Земле или на Новой Тверди живет другой Стефан Лоренц. Взрослый... Нет... Не хочу с ним встречаться.

Только бы Питер не приказал выключить радиомаячок...

Стефан поднялся на ноги.

— Пошли. Сейчас.

— Прямо сейчас? — Маргарет была ошарашена. — А ты не слишком торопишься?

— Соорудят гильотину? Или тихо придушат?

— Ну, придушат-то уже вряд ли. А вот побить — побьют.

Стефан усмехнулся. Его губы сложились в тонкую прямую нить.

— Ничего. Я потерплю.

5

В комнате давно и прочно висел бледный сумрак, вдобавок начало свежеть, влажный ночной холод воровски просачивался в дом, и, когда Питер, выключив игрушку, пробормотал: «Камин бы разжег, что ли», — Стефан не воспротивился и со второй попытки разжег, с удовольствием подставив тело под волну теплого воздуха.

— Любопытно, — повторил он. — Нет, ты, Марго, в самом деле какая-то трепетная. Вводные интересные, а нам что за дело? Мы-то здесь.

Маргарет поежилась.

— Мы-то здесь, а они-то там. Есть одна теоретическая абстракция — двойникование, что ли, или как-то еще. Это все Пит девчонке голову морочит — он понял, а я ничегошеньки, да, по правде сказать, и не хочется.

— Сингулярная дупликация, — покивал Стефан. — Как же, слыхивал. Модная была тема — помнишь, как нас медицина мучила? Но ведь не подтвердилось, верно, Пит?

— Пока не подтвердилось, — сказал Питер.

— Ну вот, а ты боялась. Глупости это все, страшилки на ночь.

— ...но и не опровергнуто.

— Да ну? — поразился Стефан и потянулся за клюквенной. — Я и не знал.

— Так знай.

— Мне на донышко, — предупредила Маргарет.

— А куда же еще? — удивился Питер. — Эй, мне тоже на донышко, не промахнись. И можно пополнее.

— Алкоголик!

Стефан разлил рубиновую жидкость по потребности.

— Ладно, давайте рассуждать логически. Допустим, дупликация не бред и реально имела место. Допустим. Допустим, мы... то есть они... черт, запутался!.. да, вот именно — они нашли подходящую планету. Шанс, конечно, один на миллион, это даже я понимаю. Но допустим. Канал, естественно, схлопнулся... И что? Теоретически при большом везении они вполне могли основать новую колонию, о которой нам ничего не известно, так ведь?

— Не вижу, почему бы нам не выпить за ее процветание, — заметил Питер, борясь с икотой.

— За процветание! — Стефан поднял стаканчик, крякнул, выпил и снова крякнул.

— Как странно, — сказала Маргарет. Она нервно рассмеялась. — Мы здесь и мы же — там... Знаете, мальчики, у меня до сих пор мурашки по коже.

— И у меня! — поддержал Стефан. — Знаешь, какие мураши? Эцитоны! Вот такие и по всей спине. Так и шныряют.

— Это прыщи, — атаковал Питер. — Ты их йодом мажь.

— Да ну вас совсем, обоих! Утешители, тоже мне!

Помолчали.

— Спать давайте, — сказал Стефан. — Завтра подниму рано, и на похмелье чур не ссылаться — не пожалею. К озеру пойдем. Я вас отвезу на один островок — век благодарить будете.

И была тишина, только чуть шелестел лес и ветви старой ели, дважды битой молнией, но непобедимо, вызывающе живой, скребли по крыше дома. Издалека долетел протяжный крик отчаяния и мучительной боли, царапнул тишину, отразился слабым эхом и замер. Маргарет вздрогнула.

— Человек? — спросил Питер.

Маргарет покачала головой.

— Филин зайца поймал, — объяснил Стефан, стеля гостям постель. — Заяц перед смертью кричит совершенно по-чело-

вечески, а что толку кричать-то. Кому интересно, что он не согласен?

Он еще поворочался в постели, гоня прочь посторонние мысли и думая лишь о том, как это здорово, что Питер и Марго уедут только послезавтра и впереди еще целых два дня, которые надо использовать на всю катушку, а значит — он зевнул, — и впрямь проснуться пораньше... И с этой мыслью он уснул.

Но первой в доме проснулась Джеймайма. Она немного похныкала, не найдя любимой игрушки, спрятанной бабушкой, попробовала поискать там и сям и совсем расстроилась. Оставалось скучать. Тут ей на глаза попался связник — у дяди Стефана, оказывается, был совершенно доисторический связник, управляемый еще голосом! — и Джеймайма, пискнув от восторга, быстро освоила управление. Больше всего ей понравилась программа новостей, потому что фигурку диктора можно было щелкать по носу, отчего та комично кривлялась, а голос, как ни старайся, не менялся вот ни на столечко.

«...пришлось прекратить в связи с опасностью дальнейшего пребывания человека на планете, — вещал эрзац-диктор искусственно взволнованным тоном и пытался увернуться от щелчков. — В последний день работы экспедиции на планете был обнаружен сильно поврежденный корабль звездного класса «Декарт» и девять детей в возрасте от десяти до тринадцати лет. Двое из них выразили желание вернуться на Землю и были приняты на борт «Свифта». Остальные держались отчужденно...»

По другому каналу шел мультик, и Джеймайма не стала дослушивать сообщение.

Содержание

Мягкая посадка 5
Год Лемминга 211
Менуэт святого Витта 497

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Громов Александр Николаевич

Мягкая посадка
Год Лемминга
Менуэт святого Витта

Фантастические романы

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Технический редактор Н.К. Белова
Младший редактор А.С. Рычкова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

**Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14**

ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ: КОЛЛЕКЦИЯ!

Лучшие КНИГИ! Лучшие АВТОРЫ! Лучшая СЕРИЯ!

ISBN 5-17-015852-1

9 785170 158522